

Александр Блок

НОВЫЕ

МАТЕРИАЛЫ

И ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга вторая

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

Настоящий том «Литературного наследия» в четырех книгах приурочен к столетию со дня рождения А. А. Блока (1880—1980).

Том открывают статьи и исследования, рассматривающие актуальные проблемы мировоззрения и художественного метода поэта, своеобразие его творческого пути на фоне великих исторических преобразований, современником и участником которых он был, его традиции в советской литературе.

В томе впервые исследуется неизвестное собрание автографов ранних стихотворений Блока и публикуется его обширная переписка за период с 1901 по 1921 г. (свыше 600 писем). Особенную литературную и научную ценность представляет переписка поэта с отцом — А. Л. Блоком, с В. Я. Брюсовым, С. М. Соловьевым, А. М. Ремизовым, Вл. Пястом, С. М. Городецким, К. И. Чуковским, Е. В. Снеготорским, Н. А. Полле и др. Во многих письмах корреспондентов Блока раскрывается содержание утраченной части эпистолярного наследия поэта.

К переписке примыкает большая публикация впервые собранных, в том числе — неизвестных ранее, дарственных надписей Блока на книгах и фотографиях (около 400).

Богатый новый материал, освещающий жизнь, литературную и общественную деятельность поэта, содержится в неизданной переписке, дневниках и воспоминаниях его современников, извлеченных из многочисленных архивных фондов. Здесь, в частности, дневник М. А. Бекетовой и рукопись ее воспоминаний «Шахматово. Семейная хроника», ярко и обстоятельно характеризующих общественную и духовную атмосферу, в которой вырос поэт. Публикуются также фрагменты из дневников А. Белого, К. Чуковского, М. Кузьмина и др., относящиеся к Блоку.

В разделе «Разыскания и сообщения» печатаются неизданные документы на темы: «Блок и Горький», «Блок и Луначарский», «Блок и Волошин», «Блок и Ахматова», «К истории постановки драмы «Роза и Крест» в Московском Художественном театре и мн. др.

Впервые в разделе «Блок за рубежом» собран значительный документальный материал о переводах Блока и восприятии его творчества в Англии, Германии, Франции, США, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Италии, Японии.

В томе 400 иллюстраций.

В создании тома приняло участие более 70 исследователей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

АЛЕКСАНДР БЛОК

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ**

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ

В ЧЕТЫРЕХ КНИГАХ

РЕДАКЦИЯ

Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. А. СПИРИДОНОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (глав. ред.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 • 9 • МОСКВА • 8 • 1

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

АЛЕКСАНДР БЛОК
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 1

Том подготовлен
при участии Центрального государственного архива
литературы и искусства СССР, Москва

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТИДЕСЯТЫЙ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА БЛОКА

ПЕРЕПИСКА С А. А. И С. М. ГОРОДЕЦКИМИ

Вступительная статья и публикация В. П. Енишерлова
Комментарии В. П. Енишерлова и Р. Д. Тименчика*

Среди не дошедших до нас писем Блока, безусловно, одними из наиболее интересных были многочисленные письма к С. М. Городецкому. Судя по ответным письмам Городецкого, Блок затрагивал в них важнейшие вопросы литературной и общественной жизни, делился с корреспондентом мыслями о назначении писателя, о судьбах русской интеллигенции, высказывал свои мнения об отдельных произведениях и т. д.

По материалам, сохранившимся в архиве С. М. Городецкого, можно установить, что у него находилось около 100 писем Блока. Уезжая в 1916 г. на Закавказский фронт, Городецкий оставил часть своего архива, в том числе письма Блока и Гумилева, письма к отцу (М. И. Городецкому, земскому деятелю, дружившему со многими литераторами — Н. Лесковым и Вл. Соловьевым) на одном из петроградских складов. Вернулся в Петроград Городецкий уже после революции и не нашел ни склада, ни архива.

Особенно ощутима для истории литературы начала XX в. утрата писем Блока. Взаимоотношения Блока и Городецкого представляют существенную страницу литературной жизни России. Они познакомились в 1903 г. в аудитории Петербургского университета на лекциях по сербскому языку профессора П. А. Лаврова. После того как выяснилось, что оба пишут стихи, знакомство перешло в творческую дружбу. Блок и Городецкий бывали в университетском литературном кружке, который вел приват-доцент Б. В. Никольский. Здесь впервые услышал Городецкий чтение Блоком стихов и был окончательно покорен его поэзией. «В январе, в университете, в кружке Бориса Никольского (профессора и поэта), — писал Блок отцу 30 декабря 1903 г., — намерен реферат «против декадентства», рассчитанный, кажется, на меня и еще одного молодого «новопутейца» — Л. Д. Семенова. Предполагаю услышать там свое имя с самыми невежливыми эпитетами. Впрочем, какой-то молоденький «коллега» оказался моим поклонником и, кажется, собирается читать реферат другому профессору «о музыке в стихах Блока и Бальмонта!» Боюсь, что его провалят на экзамене»¹. Так впервые упоминает Блок о Городецком.

С 1904 г. Блок и Городецкий начинают часто встречаться — и в студенческих аудиториях, и дома на квартире у Блока в Гренадерских казармах. А. Белый вспоминал: «В то время я часто встречал у А. А. молодого студентика; он мне нравился; мы поспали раз за столом о естественных принципах формы в эстетике; брат Л. Д., молодой Менделеев присутствовал, помню, при этом; к студенту, кажется, Блок относился с особой доверчивостью; и никто еще в мире не знал, что он пишет стихи; это был Городецкий; через несколько месяцев он прогремел; А. А. первый о нем написал, в нем отметил талант очень крупный»². Впервые Блок сказал о Городецком в статье «Краски и слова».

В квартире Блока Городецкий, хороший художник (его заметил сам Репин), выставлял рисунки и читал стихи, некоторые из которых вошли затем в его первую книгу «Ярь». Блок был единственным человеком, кому показал Городецкий свои ранние стихи. «И такого прямого и нежного толчка к развитию и творчеству, — вспоминал Городецкий, — как от косноязычных реплик Блока, я никогда и позднее не имел, даже от самых признанных критиков — от них всего менее. И чрезвычайно тонко вселил он в меня благотворный скепсис к редакциям и уверенность в важности своего личного пути для каждого, когда я стал посылать стихи в редакции и их нигде решительно не брали в печать»³.

* Р. Д. Тименчик подготовил также тексты писем № 19, 23, 24, 36, 44, 46, 58.

Дружеские отношения поэтов в 1904—1906 годах укрепились. Блок часто бывает Городецкого в пригороде Петербурга — Лесном. Они совершают долгие пешие прогулки через Удельный парк, к Озеркам.

Лето 1906 г. Городецкий проводит в псковской деревне, где пишет многие стихи, вошедшие впоследствии в сборник «Ярь». Он посылает эти стихи Блоку, который «один из первых и мудрее многих сказал о них то, о чем через год все кричали»⁴.

Революция 1905 года пробудила в Блоке общественные настроения. В его творчестве послереволюционного периода прослеживаются гражданские тенденции, стремление к простоте, правде, народной жизни. В пьесе «Балагачик» (напечатана в первом альманахе «Факелы» в апреле 1906 г.) Блок рассчитался со своим мистическим прошлым, оказавшимся дорогой «в никуда». Направление его творческой эволюции точно сформулировал Брюсов, как «обращение к темам более узким, но более конкретным, к заботам, радостям и печалям родной «горестной земли»⁵.

В годы после первой русской революции стала значительно более интенсивной деятельность Блока — критика и публициста. Обострилось его внимание к реалистической литературе, писателям-реалистам. Временный спад общественного движения не заглушил в Блоке чувства высокой гражданской ответственности, сформировавшегося во время революции. Неудовлетворенный символистской литературой, Блок-критик обращается к творчеству писателей, группировавшихся вокруг издательства «Знание». Городецкий вспоминал: «Не об эстетике хотел он говорить. Он обложился зелеными книжками «Знания», презираемого у эстетов, внимательно перечел всю беллетристику реалистов и дал ряд очерков о Горьком и других»⁶. Статьи Блока «О реалистах», «О драме», «О лирике», «Литературные итоги 1907 года», «Три вопроса», «О театре», «Письма о поэзии» и ряд других наиболее полно выразили общественные настроения Блока.

Тем более огорчительна утрата писем Блока к Городецкому, что, судя по ответам последнего, именно в них формулировал Блок наиболее важные для него философские и эстетические проблемы. «Ваше письмо — самое важное, что совершилось за последнее время в литературе. Его будут воспроизводить в историях литературы», — писал Городецкий Блоку 28 апреля 1906 г. В этом примечательном письме, соглашаясь с Блоком, что наступает новое время, которое ждет нового искусства, Городецкий просит у Блока «более подробного выяснения «секрета» Горького» и раскрытия тезиса, что «искусство должно изображать жизнь». И хотя не сохранилось ответного письма Блока, мы можем в общих чертах представить, что писал своему молодому другу Блок. Ведь именно выяснению «секрета Горького» посвящена центральная часть замечательной статьи Блока «О реалистах». В ней сказал Блок о подлинном значении Горького, как великого национального и народного писателя. В то время как Философов и Мережковский возводили хулу на Горького, Блок прозрел присущую Горькому огромную нравственную силу и сказал о нем многозначимые слова: «Если и есть реальное понятие — «Россия», или лучше — Русь, — помимо территории, государственной церкви, сословий и пр., то есть, если есть это великое, необозримое, пространное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли объединять под именем Руси, — то выразителем его приходится считать в громадной степени Горького» (V, 102—103). В творчестве Горького выделял Блок повесть «Трое», «Детство», «Фома Гордеев», «На дне». Блок отмечал в Горьком предельную искренность, стихийность таланта, благородство стремлений.

Блок не случайно обращал в это время особое внимание на развитие реалистического искусства. Говоря в письме к Городецкому о том, что «искусство должно изображать жизнь», он четко выразил свое стремление к реализму. На этом пути развивался интерес Блока к писателям-реалистам, последователям Горького. Доброжелательная, корректная оценка их произведений были для Блока внутренне обусловлены. И то, что в годы реакции в не всегда цельных и художественно значимых произведениях писателей-реалистов увидел он литературу, нужную массам, говорит о проницательности Блока. Для нас существенно, что именно в письме Городецкому впервые отмечен путь Блока к реализму, его интерес к реалистической литературе. «Вчера Иванов сказал мне, — пишет Городецкий. — Смотрите, как Блок идет к реализму». Сегодня Вы пишете: «искусство должно изображать жизнь», «Фома» — последнее нужное произведение <...> Может быть, для Вас действительно дорога к большому искусству лежит через реализм».

Считая Горького подлинным выразителем России, Блок утверждал тем самым великое значение реалистической литературы. Он, посвятивший «теме о России» (VIII, 265) все свое творчество, в письме к Городецкому от 3 августа 1906 г. сформулировал мысль, еще более углубляющую проблему «Блок и Россия». Городецкий в своем ответном письме цитирует формулу Блока: «чтоб 1) Россия 2) услышала 3) меня». Именно в этих словах решение загадки пути Блока от начала и до конца. Блок стремился не только выразить «тему о России», но и повлиять на судьбу России своим творчеством. Именно в этом проявилось сознание Блоком высокой ответственности художника, общественной значимости искусства. В его эстетической программе все большее значение приобретает тезис о «пользе», «действенности» искусства. «Перед русским искусством, — писал Блок, — вновь стоит неотступно этот вопрос пользы. Поставлен он не нами, а русской общественностью, в ряды которой возвращаются художники всех лагерей. К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о долге, о должном и недолжном в искусстве» (V, 237).

Блок с большим вниманием следил за развитием поэзии Городецкого. Уже в 1905 г. в статье «Краски и слова» он приводит его стихотворение «Зной» как пример произведения, совершенного «по красочности и конкретности словаря» (V, 21). И когда в конце 1906 г. вышла в свет первая книга Городецкого «Ярь», которую автор прислал Блоку, тот определил ее в письме к матери, как, может быть, «величайшую из современных книг»⁷.

Эти слова не были случайными. Своеобразные, уходящие корнями в русский фольклор, полные стихийной мощи и резких контрастов строки Городецкого покорили таких строгих и взыскательных ценителей поэзии, как В. Брюсов, Вяч. Иванов, М. Волошин. Солидаризируясь с Брюсовым, который заявил, что «своей «Ярью» С. Городецкий дал нам большие обещания и приобрел опасное право — быть судимым в своей дальнейшей деятельности по законам для немногих»⁸, Блок в статье «О лирике» отнес Городецкого к поэтам первой величины, но прозорливо усмотрел и опасность, стоящую на пути молодого автора, «ненужный груз», который еще предстояло ему отбросить, чтобы «звезда-корабль» его поэзии прошла новый путь», «еще круче и еще чудеснее» (VIII, 145).

Влияние личности и поэзии Блока на Городецкого отмечали многие современники. Так М. Гофман писал: «Честь первого воспитания Городецкого принадлежит двум выдающимся по музыкальности и глубине поэтам — Вячеславу Иванову и Александру Блоку. Вяч. Иванову и А. Блоку удалось высечь из груди поэта огонь Прометея, живший в нем. Ясно чувствуется, что Городецкий выучился писать такой красочный, музыкальный и своеобразно-ритмический стих под влиянием Блока. Влияние оказалось так сильно, что Городецкий написал цикл подражаний Блоку, названный им «Поэт» и посвященный учителю его стиха — А. Блоку»⁹.

«Ярь» была напечатана под маркой университетского «Кружка молодых», который своим существованием обязан общественному темпераменту Городецкого. В. Пяст вспоминал: «Весь тогдашний Петербург более или менее знал о нашем «кружке», — большинство перебывало на его собраниях хоть по разу. Мыслью Городецкого было вынести келейные собрания нашего предварительного кружка — в широкую публику, на площадь, — демократизовать его. В этом он вполне и успел»¹⁰. В «Кружке молодых» выступали и символисты, и демократически настроенные студенты, здесь можно было услышать и речи Луначарского, и стихи Блока, Кузмина, Городецкого и других поэтов. Блок с симпатией относился к «Кружку молодых». «Мама, приходи, пожалуйста, завтра (1 февр.) в 8 час. вечера в Университет (в старо-физич. здание во дворе), — писал он матери. — Я буду читать «Незнакомку» и стихи, Кузмин петь (долго), и многие другие будут читать стихи. Будет пестро и много народу и весело. . . Называется «Вечер искусства при «Кружке молодых»»¹¹.

Именно в «Кружке молодых» определилось расхождение Городецкого со «средами» Вячеслава Иванова, «где появились отчетливые мистические тенденции»¹². В это время Городецкий выпускает один за другим сборники стихов. Блок, внимательно следивший за его творчеством, тревожно записывает: «Городецкий совсем не установился, и Бутаяев (А. Белый) глубоко прав, указывая на его опасность — погибнуть от легкомыслия и беспочвенности» (ЗК, 97). Эта поспешность и излишняя легкость сказались в стихах Городецкого, составивших сборник «Русь» (1909). Блок откликнулся на этот сборник небольшой рецензией, в которой, назвав некоторые удачные стихотворения и отдельные

строки, отметил, что исполнение этой книги не соответствует замыслу и возможностям автора. Реакция Городецкого на рецензию Блока была резкой. По сохранившимся письмам к Блоку жены Городецкого Анны Алексеевны и ответу ей Блока можно проследить, как развивался этот инцидент, ставший первым в ряду разногласий между Блоком и Городецким, вызванных различиями в понимании писателями природы искусства, путей развития символизма, отношения интеллигенции и народа.

Со временем обострились теоретические, «общественные» разногласия между Городецким и Блоком. Лично поэты продолжали дружить, часто встречались, но в письмах Городецкого мы видим следы острой полемики, особенно по такому коренному для Блока вопросу, как «интеллигенция и народ». Городецкий не принимал тезиса Блока о «недоступной черте», существующей между интеллигенцией и народом, утверждал, что в конечном счете для Блока не органична тема России («я родился с ней, а ты к ней пришел» — письмо от 9 декабря 1908 г.). О том, что Городецкий не принимал многое в творчестве Блока и не понимал логики его пути, видно из статьи Городецкого «Идолотворчество», в третьем разделе которой автор писал о Блоке: «Блок отвращается от реализма. Постепенно затемняется мистический его облик, светивший со страниц «Стихов о Прекрасной Даме». Женственная природа этой книги обаятельна надолго. . . Подвиг озаменования начал свершаться в символе Прекрасной дамы. История литературы установит происхождение этого символа и его развитие в поэзии Блока. . . Для нас же сейчас важна излишняя определенность его, подозрительная быстрота нахождения формы озаменования и односторонность этой формы. Как-то слишком просто обошелся поэт с порученными ему тайнами. Слишком скоро поэтому он должен будет назвать их «глухими», а явление ему сущего в облике Вечной Женственности низвести к простому обладанию сердцем какой-то женщины. . . И таким образом поэтическое развитие Блока пойдет дорогой «отвращения» от реализма. . . Драматизм «Стихов о Прекрасной Даме» и динамика их заключается именно в борьбе реализма с идеализмом. . . Но процесс отвращения идет настолько быстро, что скоро появляется необходимость в новой форме. Так является роковой «Балаганчик». Это произведение понятно только с нашей точки зрения. Лирика его — скорбь души, отвратившейся от реализма. Драматизм его — последняя борьба угасающего реализма с победительным идеализмом. Образы его — искаленные символы, с цинизмом и бахвальством неопита взятые из мира видимостей. Вот где объяснение «кляквенных соков» и «картонных невест», так смутивших публику и критику. . .

После первого ужасного падения наступает эпоха сравнительного равновесия. Характерным для нее являются такие стихи, как «Незнакомка».

Самое заглавие второго сборника «Нечаянная радость» указывает на некоторое возвращение к реализму. . .

Второе горшее падение связано с циклом «Снежная маска». Здесь явное идолотворчество. Здесь прямо говорится об огнях и мгле «моего снежного города». На несчастье поэта вызванная им стихия снегов и метелей вырывается из его неопытных рук, овладевает им и уносит куда-то. . . Зима. Пускай. Так лучше. Мы верим в грядущую весну. . .»¹³. Даже редакция, опубликовавшая эту статью Городецкого, вынуждена была сопроводить ее своим примечанием: «Соглашаясь с оценкой отдельных периодов творчества А. Блока в сфере чисто эстетической, редакция расходится с автором статьи в общем прогнозе, высказываемом им относительно развития поэзии Блока»¹⁴.

Городецкому, написавшему о творчестве Блока около десяти критических статей, действительно более удавался конкретный анализ произведений поэта, чем проникновение в его глубинную идейную сущность. В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий точно определил поэтическое своеобразие Блока: «на втором месте за Бальмонтом стоит Блок. Если Бальмонт сумел сделать красотой то, что в учебниках и теперь приводится как образец недопустимого в стихах, то Блок еще дальше продолжил опыт канонизации поэтических вольностей».

Освобождение стиха строится у него на неточном употреблении избранного размера. Игра неточностями, возведенная в принцип, создает стих Блока и сообщает ему совершенно особенную, свою физиономию, отличную от других и уже вызывающую подражания. В первой его книге «Стихи о Прекрасной Даме» еще очень много перебоев, строчки часто кажутся взятыми из другого стихотворения. Аритмия властвует там без-

наказанно. Но уже третья книжка «Снежная Маска» пленяет красотой неточностей. Как ямщик лихих коней, то пускает Блок свои строки, то вдруг задерживает их, останавливает, заставляет замирать. Опять какие-то внутренние, еще неуловимые законы связывают разные строчки в одно целое. . .»¹⁵

1910 год принято считать годом кризиса символизма. В разгоревшейся полемике вокруг выступлений Вяч. Иванова «Заветы символизма» и Блока «О современном состоянии русского символизма», наряду с Брюсовым и Мережковским, принял участие и Городецкий, опубликовавший статью «Страна реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер». Направленная, в основном, против Блока статья эта отличается рядом откровенно полемических выпадов.

Городецкий укоряет Блока в теоретическом сумбуре: «Собственно говоря, — пишет критик, — он ничего иного не делает, как пересказывает свои стихи. Занятие заведомо обреченное на неудачу, но все-таки успевае при этом отречься от своего, так хорошо носимого им до сих пор звания живого поэта, и, убежав за кулисы, переодеться в бутафорский костюм теурга, высочить с обалделым лицом и наброситься «на почтенную критику и публику» с просьбой не тратить времени «на непонимание моих стихов».

Как нехороши все эти жесты! Блок похож на поэта-автора в «Балаганчике», и хотелось бы нам в данный момент быть рукой, утягивающей его за фалды за кулисы».

Содержится в статье Городецкого и теоретическое утверждение о тождестве искусства и жизни. «Одно еще необходимо сказать, — продолжает Городецкий. — Это о фразе Блока: «Художник должен быть трепетным в самой дерзости, зная чего стоит смешение искусства с жизнью и оставаясь в жизни простым человеком». С этим необходимо спорить. В основе этой фразы лежит утверждение, что жизнь и искусство. . . отдельные друг от друга вещи, что поэт с десяти до двенадцати слагает стихи, а с двенадцати до десяти остается простым человеком. Это сильная, вредная неправда. Жизнь и искусство одно. . . Поэт всегда поэт, и когда поет стихи, и когда ест кашу. . .»¹⁶

Для Блока такое упрощенно-прямолинейное толкование было непримлемо. В то же время это утверждение Городецкого конкретно выражало свойственное ему стремление сблизить поэзию с жизнью. В символизме ему чужд был иррационализм, уход в мистику. Городецкий не увидел у символистов того острого ощущения неблагополучия, неустроенности мира, которое было свойственно многим представителям этого течения, и, в особенности, Блоку.

Наметившиеся идейные расхождения не мешали дружеским отношениям поэтов. Они часто встречались. Городецкий писал в воспоминаниях: «Я помню его в разных позах и жестах, но, кажется, что это прошел год, а не восемь. Мы оба стали уже литераторами, и беседы у нас были литературными, на текущие темы, причем каждой текущей теме Блок давал отпор. Он ненавидел всякие литературные комбинации, кружки, течения, моды и от всего этого иронически отделялся уничтожающими фразами. . . Хорошие, живые минуты бывали дома, у него, вдвоем, когда он читал новые стихи с четвертушек, резко написанных, с нажимом, показывал корректуры, свои и чужие новые книги. . . Еще хороши бывали случайные встречи — над Невой или в книжной лавке Митюрникова. Иногда опять мы долго шли вместе, в беседе, и каменная маска с него спадала»¹⁷.

Блок неоднократно приезжает к Городецкому в Лесное, катается с ним на лыжах. Городецкий иногда рисует Блока. Поэты бываю на различных литературных вечерах, постоянно переписываются. В дневниках Блока можно найти требовательные оценки стихов Городецкого, за чьим творчеством он продолжал следить с пристальным вниманием.

Отрицание Городецким теории и практики символизма привело его к новому литературному течению — «акмеизму». Предтечей акмеизма стало литературное объединение «Цех поэтов», организационное собрание которого состоялось на квартире Городецкого 20 октября 1911 г. В первый и последний раз присутствовал тогда на собрании Цеха и Блок, назвавший позже «Цех поэтов» «Гумилевско-Городецким обществом».

Блок скептически относился к акмеизму — «Футуристы в целом, вероятно, явление более крупное, чем акмеизм. Последние — хилы, Гумилева тяжелит «вкус», багаж у него тяжелый (от Шекспира до. . . Теофиля Готье), а Городецкого держат, как застрельщика с именем; думаю, что Гумилев конфузится и шокируется им нередко» (VII, 232).

Блок полемизировал с утверждением синдиков «Цеха поэтов» Городецкого и Гумилева, будто «новое течение» в русской поэзии коренным образом отличается от символизма. «Весь день просидел Городецкий, — записал Блок в дневнике 21 ноября 1912 г., — и слушал очень внимательно все, что я говорил ему о его стихах, о Гумилеве, о цехе, о тысяче мелочей. А я говорил откровенно, бранясь и не принимая всерьез то, что ему кажется серьезным и важным делом» (VII, 178). Блок с тревогой отмечал кризис в творчестве поэта. «Городецкий. . . все разучивается быть художником, ему все реже, увы, удастся закрепить образ, просто» (VII, 181), — отмечает Блок. Свое отношение к акмеизму он позже сформулировал в статье «Без божества, без вдохновения», которую сам Городецкий назвал «убийственной»¹⁸.

В дневнике Блока можно встретить немало едких замечаний по поводу «нового течения». Отмечает Блок и конкретные расхождения с Городецким, чьим теоретическим построением он не придавал серьезного значения, однако его искренне огорчали поэтические неудачи поэта, в высокий талант которого он верил. Не случайно в 1915 г. именно к Городецкому направил Блок впервые появившегося в Петербурге С. Есенина. В этот период Городецкий сближается с крестьянскими поэтами Н. Клюевым, С. Клычковым, А. Ширяевцем.

В первую мировую войну Городецкий едет на Кавказский фронт в качестве корреспондента газеты «Русское слово». Февральская революция застала его в Персии, где он оказался с отступающими русскими войсками. В Закавказье Городецкий сближился с представителями армянской и грузинской интеллигенции, проводил огромную работу, спасая армянских детей.

После Октября 1917 г. Городецкий живет на Кавказе. Здесь он занимается литературной работой, редактирует различные журналы, выступает с лекциями и статьями о русской поэзии, в том числе о «Двенадцати» Блока.

В газете «Кавказское слово» Городецкий опубликовал статью о «Двенадцати». Эта статья примечательна пронизательным анализом поэмы Блока. Городецкий писал: «Нам доставлен корректурный оттиск новой книги Александра Блока «Двенадцать», в которую вошла эта новая поэма, или точнее, цикл стихотворений, и кроме того большое стихотворение «Скифы». . . Если бы даже эта поэма и не была посвящена изображению современной России, все равно она возбуждала бы большой интерес, как произведение одного из сильнейших наших лириков, долго притом молчавшего и давно уже ставшего любимцем читателей».

Но интерес удваивается оттого, что, по доходящим сюда сведениям, Александр Блок примкнул к большевикам, и, таким образом, в его поэме соединяется интуиция свободного поэта с пристрастием партийного человека.

Многим казалось странным, как мог романтик, певец Прекрасной Дамы, трубадур стать большевиком. Но при ближайшем рассмотрении дело становится совершенно ясным. С одной стороны, в большевизме очень много свободной романтики. С другой стороны, известно, что Блок во время первой революции ходил с красным флагом впереди демонстрантов, что им написаны стихи о рыцаре Зимнего дворца, опус в шлем меч; а те, кто ближе знаком с его лирикой, знают, что максимализм вообще в природе Блока. . . в Блоке всегда было любопытство к народной, в частности, фабричной, среде; в результате его близость к большевикам вполне объяснима именно из его коренных качеств и свойств»¹⁹.

Именно Городецкий в этой статье впервые сказал о формальной связи «Двенадцати» с давней пьесой Блока «Балаганчик». «Но, — пишет Городецкий, — по-видимому в привычную маску арлекинады не укладывается сложная картина современной России. И вот Блок переходит к другому сюжету, как fugи бегут картины снега, ветра, марша красноармейцев, и вдруг новый образ:

. . . Идут без имени святого.

Это — развитие прежнего образа: «свобода без креста».

Вдаль идут державным шагом.

Кто еще там? Выходи!

Кто-то есть неведомый и невидимый.

Трах-тах-тах! — Стреляют двенадцать. —

И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Этим образом — Христа, идущего впереди красногвардейцев, поэма кончается. И ее конец — удачей всего в ней. Только тут голос поэта приобретает полноту и силу. Только тут найдена художественная мера между жизнью и поэзией, и только тут создана картина, убедительная и величавая. . . Блок, идя в ногу со второй революцией, не изменил себе самому ни в чем. Это большая победа. И если он, все видевший и переживший, мог сказать, что Христос идет впереди «двенадцати», он исполнил свой долг поэта — и в самом страшном находит прекрасное.

И он исполнил свой долг гражданина — всем ослепшим от бед показать выход и дать исцеление. . . »²⁰

Работая в Закавказье, Городецкий издал в журналах и книгах ряд произведений Блока. В издательстве «Кавказский посредник» и журнале «Агз» он опубликовал «Двенадцать».

23 апреля 1920 г. в Баку вошла Красная Армия. Городецкий был назначен заведующим Художественным отделом Бакавроста, затем он возглавлял литчасть Политуправления Каспийского флота.

Летом 1920 г. поэт вернулся в Петроград. Здесь Городецкий несколько раз встречался с Блоком. Городецкий вспоминал: «Опять сидели за столом, как в юности, все, Любовь Дмитриевна и Александра Андреевна. Он больше требовал рассказов, особенно про деревню, откуда я приехал, чем сам рассказывал. . . Вспомнили все и всех. В нем была жадность понять, увидеть, осязать новое. Но когда я ему говорил о значении «Двенадцати», о том, что эта поэма принята была на Кавказе, мне почувствовалось, что он не все знает об этой вещи, синтезирующей всю его поэзию»²¹. Тогда же Блок подарил Городецкому свою поэму «Двенадцать» с надписью, в которой выразились чувства любви и дружбы, связывавшие на протяжении многих лет двух поэтов, несмотря на разногласия и недоразумения: «Милому Сергею Городецкому с нежным поцелуем. Ал. Блок 20 июля 1920 года»²².

Через несколько дней Блок в качестве председателя Петроградского Союза поэтов открыл вечер С. Городецкого и Л. Рейснер знаменательными словами: «Мы давно их не слыхали и не знаем еще, какие они теперь, но хотим верить, что они не бьются беспомощно на поверхности жизни, где столько пестрого, bestолкового и темного, а что они прислушиваются к самому сердцу жизни, где бьется — пусть трудное, но стихийное, великое и живое, то есть что они связаны с жизнью; а современная русская жизнь есть революционная стихия» (VI, 437).

Городецкий активно вошел в литературную жизнь Петрограда. Он создает стихи, выступает со статьями и рецензиями. В статье «Литература и революция», опубликованной в «Известиях Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов» Городецкий писал о Блоке: «Радостно видеть, что поэты, честные и простые, опять видятся в литературе и на работе. . . В общем поэзия постояла за себя. И как венец ее, как первый поэт наших дней, медленно, но верно растет Блок. Его «Двенадцать», написанные в атмосфере саботажа, поистине подвиг»²³.

Вскоре С. Городецкий уехал из Петрограда. В Баку его застала весть о смерти Блока. Узнав о его кончине, Городецкий писал: «В Петербурге скончался лучший лирик наших дней, поэт двух революций, Александр Блок, поэзия которого останется живой на долгие времена. . . На грани двух миров стоит он, зоркий и печальный, проклиная прошлое и благословляя будущее»²⁴.

В 1921 г. в Баку, после смерти Блока, Городецкий написал стихотворение «Александру Блоку», в заключительной строфе которого слышится переключка со словами из воспоминаний Городецкого о Блоке: «Кто слышал Блока, тому нельзя слушать его стихи в другом чтении. Одна из самых больших мыслей при его смерти: «Как же голос неизъяснимый не услышим? Записан ли он фонографом».

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Увенчан терном горькой славы,
Властитель ритмовдней багряных,
Ушел в печали величавой
В недугах и кровавых ранах.

И пусто лесу у опушки,
И полю в цвете милом убыль.
Ушел туда, где светит Пушкин,
Ушел туда, где грезит Врубель.

И ранит небо грудь лебяжью,
Закатами кровавит дали.
Болотный попок в глубь овражью
Бежит, заплакан и печален.

Фабричных улиц перекрестки,
Ушедшим солнцем озаряясь,
Затешились слезою блестящей,
И чахлых веток никнет завязь.

А на мосту, вся в черном, черном,
Рыдает тихо Незнакомка
О сне, минувшем неповторно,
О счастье, молнийном и ломком.

Ушел любимый. Как же голос
Неизъяснимый не услышим,
Когда на сердце станет голо,
Когда захочется быть выше?

Городецкий долго и успешно работал в советской литературе. У него выходят сборники стихов, он создает оперные либретто, много переводит, пишет мемуары и очерки, среди которых особое место занимают «Воспоминания об Александре Блоке».

Обширная переписка Блока с Городецким сохранилась далеко не полностью. Как было указано выше, все письма Блока пропали. Письма же Городецкого были сохранены Блоком. В настоящее время в ЦГАЛИ находится 72 письма Городецкого (1904—1920) — ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224. Наиболее значительные из них относятся к периоду близкой дружбы поэтов (1904—1907) и содержат ценные сведения для освещения литературных и общественных взглядов Блока.

Ниже публикуется 52 письма Сергея Городецкого (и два — в примечаниях: апрель 1907 г., май-июнь 1911 г.). Опушены бытовые письма и деловые записки.

В настоящую публикацию также включены четыре письма Блока Анне Алексеевне Городецкой (частное собрание) и три письма А. А. Городецкой Блоку (ЦГАЛИ).

В процессе работы были использованы материалы, хранящиеся в личном архиве С. М. Городецкого. Авторы выражают искреннюю признательность дочери поэта Р. С. Городецкой, предоставившей для работы архив своего отца и всемерно помогавшей в подготовке этой публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Письма к родным», I, с. 98.

² А. Белый. Воспоминания о Блоке. «Эпопея», кн. II. Москва—Берлин, 1922, с. 286.

³ С. Городецкий. Воспоминания о Блоке. — В кн.: С. Городецкий. Русские портреты. М., 1978, с. 9.

⁴ Там же, с. 11.

⁵ В. Брюсов. Собр. соч. в 7 т., т. 6, М., 1975, с. 180—181.

⁶ С. Городецкий. Русские портреты, с. 16.

⁷ «Письма к родным», I, с. 161.

⁸ В. Брюсов. Далекие и близкие. М., 1912, с. 164.

⁹ М. Гофман. Сергей Городецкий. «Книга о русских поэтах последнего десятилетия». СПб.—М., 1909, с. 337—338.

¹⁰ В. Пяст. Встречи. М., «Федерация», 1929, с. 115.

¹¹ «Письма к родным», I, с. 166.

¹² С. Городецкий. Мой путь. — В кн.: «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. I. М., 1959, с. 325.

¹³ «Золотое руно», 1909, № 1, с. 99—101.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Золотое руно», 1909, № 4, с. 68.

¹⁶ «Против течения», 1910, № 1, 15 октября, с. 3.

¹⁷ С. Городецкий. Русские портреты, с. 15.

¹⁸ С. Городецкий. Мой путь. Указ. изд., с. 325.

¹⁹ «Кавказское слово», 1918, № 168.

²⁰ Там же.

²¹ С. Городецкий. Русские портреты, с. 19.

²² Частное собрание, Москва.

²³ «Известия Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов», 1920, 17 августа.

²⁴ С. Городецкий. Александр Блок. 1880—1921. — «Искусство», Баку, 1921, № 2—3, с. 57—58.

Мне жаль, как упавшего в воду камня, этого вечера, который мог быть и не был. Не потому, что он не повторится, а потому, что сколько бы их ни повторялось, всегда будет одним меньше, чем могло быть. Накануне, завтра хорошо было бы говорить с вами, чтобы еще раз прочитать вашу книгу¹ в выражении лица, отдельных фразмах и проверить себя.

Вы, вероятно, уже получили тезисы². Пишу, чтобы исправить ошибку в них, которая искажает смысл. В повестках напечатано: *Внешняя форма* его (или образ): Прекрасная Дама и т. д. Должно быть: *Внешняя форма его* (размеры, рифмы, словарь). Стремление к свободе в ней. *Внутренняя форма* (или образ): Прекрасная Дама. Как видите, пропущен конец одной главы и начало другой. Эта ошибка лежит на совести секретаря, но другая, скорее, неточность, чем ошибка, на моей.

Это слово в конце: влияние. У меня несколько по-другому построен конец (я его переделал после того как послал тезисы), именно я отмечаю у вас стремление познать сверхчувственное, как черту, общую всем представителям того, что называют декадентством. Я прочитал на днях свой реферат в одном домашнем кружке с явно выраженным позитивным направлением. Меня упрекали в неопределенности таких терминов, как «сущность», «просветление», вас в индивидуализме (говорили, что «поэт должен жечь сердца людей», а не заниматься личными ощущениями), называли поэзию декадентов бегством от действительности. Я восстал, но различия во взглядах оказались принципиальными, поэтому каждый остался при своем. Надеюсь завтра встретить среду более восприимчивую. Впрочем, отдельные образы (напр.: гаснут ступени)³ действовали сильно. Аэростат⁴ тоже нравился. Вероятно, на этой неделе увидимся, тогда расскажу подробнее.

Ваш С. Г о р о д е ц к и й

¹ Первый сборник стихов Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М., Изд-во «Гриф», 1905). Сборник вышел в конце 1904 г. В «Воспоминаниях о Блоке» Городецкий пишет: «Помню, как в университете Блок торжественно мне передал первую свою книжку с ласковой надписью — грифовское издание, с готическим рисунком на обложке, который я тут же опротестовал, как ложь и несоответствие. Для литературного университета книжка была праздником. Молодежь догадалась о ее значении раньше, чем критика. Я упорно многого не понимал и требовал объяснений непонятных мест, совсем как знаменитые критики того времени. Блок ничего объяснить не мог и только улыбался своей безмятежной улыбкой каменной статуи» (С. Г о р о д е ц к и й. Русские портреты. М., 1978, с. 9.)

² Городецкий выступил в Петербургском университете с рефератом о творчестве Блока.

³ Образ из стихотворения «Покраснели и гаснут ступени» («Стихи о Прекрасной Даме»).

⁴ Из стихотворения «Мой месяц в царственном зените» («Стихи о Прекрасной Даме»).

Очень жалел, что Вы меня не застали дома. Все эти дни собирался к Вам, но цеплялись разные обстоятельства. Хотел бы скорее Вас видеть, но на этой неделе у меня свободен только четверг. Если б Вы пришли ко мне, был бы светел и рад. Могу прийти сам, если Вам так удобнее¹.

Ваш С. Г о р о д е ц к и й

¹ В студенческие годы Блок и Городецкий часто встречались. Городецкий вспоминал: «Он жил тогда в Гренадерских казармах на Невке, и весь второй цикл стихов о Прекрасной Даме, где дается антитеза первому облику Девы, тесно связан с этой фабричной окраиной. Огромная казарма на берегу реки со всех сторон окружена фабриками и жилищами рабочих. Деревянный мост — не тот ли самый, на котором стояла Незнакомка, — дает вид в одну сторону на блестящий город, в другую — на фабрики. По казенным

лестницам и коридорам я пробегал к высокой казенной двери, за которой открывалась квартира полковника Кублицкого-Пиотух, мужа Александры Андреевны, матери Блока, и в этой квартире две незабвенных комнаты, где жил Блок.

Я их помню наизусть.

Первая — длинная, узкая, со старинным диваном, на котором отдыхал когда-то Достоевский, белая с высоким окном; аккуратный письменный стол, никакая полка с книгами, на ней всегда гиацинт. На стене большая голова Айседоры Дункан, «Монна Лиза» и «Мадонна» Нестерова. Ощущение чистоты и молитвенности, как в церкви. Так нигде, ни у кого не было, как в этой первой комнате Блока. Вторую я не любил — большая, с мягкой мебелью, обыкновенная.

Навстречу выходил Блок, в длинной рабочей куртке с большим белым воротником, совсем не студент, а флорентиец раннего Ренессанса, и его Прекрасная Дама, тоже как со старинной картины, в венецианских волосах. Потом переходили в гостиную и столовую. Приходили Андрей Белый и Евгений Иванов, Татьяна Гишпиус. За чаем начиналась беседа, читались стихи. О чем говорили? Некоторые темы помню: например, о синтезе искусства» (С. Г о р о д е ц к и й. Русские портреты, с. 8).

3

«18 марта 1905 г.»

«Милые мои. . . Поклонитесь Земле»¹.

Сейчас только дочитал «Возврат»² и хочу передать Вам, живым, свое состояние радости и счастья, которое всегда возбуждает идея вечности жизни, так ярко, одинаково понятно — на Земле и на Солнце — сказанная.

Я давно не волновался от книги так, как от «Возврата», не дрожал и не закрывал последнего листа, как дверь в церковь. И легко и весело и занимает дух и не боюсь броситься с горы вниз, «смеясь над невозможным»³.

Когда придете?

Приехала моя сестра⁴, поэтому лучше, если Вы придете.

Простите, что еще не отдаю книги.

Ваш С. Г о р о д е ц к и й

Прочитайте эту записочку Люб<ови> Дм<итриевне> — С приветом ей.

¹ Этот фразой заканчивается III симфония А. Белого «Возврат».

² А. Б е л ы й. Возврат. III симфония. М., Изд-во «Гриф», 1905.

³ Слова, звучащие рефреном в 3-й части «Возврата».

⁴ Елена Митрофановна *Городецкая-Васильева* жила постоянно в Тифлисе.

4

27.IV—905

Вчера грозой провожал Вас, а сегодня из серого дня, города и комнаты пишу стихи Вам на весеннее приволье и новоселье.

Вчера же был на Лахте и смотрел в небо, перебивавшее тучи, а потом дробной рысцой заковылял на мелком чиновничке-локомотивчике, представляя себе, как степенно и важно везет вас действительный статский локомотив, вытирая красную шею: уф как тяжело, уф как тяжело. . .¹

Переписываю Вергеузе², которую забыл сказать и которую хочется, чтобы прочитали Вы и Александра Андреевна³ особенно, а потом то, что Вы хотели.

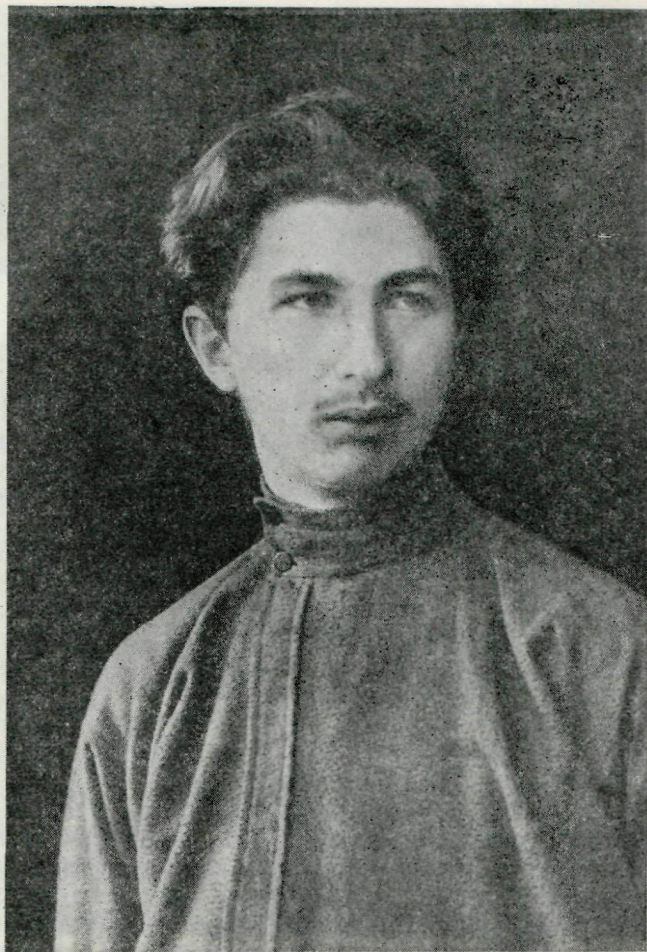
С. Г о р о д е ц к и й

Ты устала. Я ласкаю.
Воеет вьюга. Я с тобой.
Гаснут искры улетаю.
Блекнет пепел золотой.

Хочешь сказку? Жил на свете
Белый ангел. Где? Забыл.
— Помнят звезды, знают дети. —
Он всегда печален был.

Уж слезинка? Ну не надо.
Много сказок для тебя:
Вышла козочка из сада. . .
Что? Обидел? Я любя.

Воеет вьюга. Потемнело.
Лето, лето. . . Теплый юг. . .
Ходит дрема и несмело
Замыкает сонный круг.

1905
С. М. Городецкий ПЕТЕРБУРГ.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Фотография, 1905 г.

Частное собрание, Москва

¹ 27 апреля 1904 г. Любовь Дмитриевна и А. А. Блок приехали в Шахматово.

² *Колыбельная* (франц.). Впервые опубликована в кн. «Ия. Стихи для детей и рисунки. Сочинял и рисовал целых два года Сергей Городецкий» (М., 1908) под загл. «Зимняя колыбельная».

³ Александра Андреевна *Кублицкая-Пиоттух*, мать Блока, была в эти дни в Петербурге.

Так было хорошо увидеть знакомый почерк на толстом конверте, уйти в свою комнату с синими провинциальными обоями и красными старинными креслами и читать верящие слова.

Да, новое в воздухе, и какое столикое. Я не знаю важное, привезенное Вам ², но расскажу, что со мной.

*Во роли «Юного Поэта»
в «Ночных плясках» Федора Сологуба
Сергей Городецкии*

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Фотография, 1909 г.

С автографом: «В роли «Юного Поэта» в «Ночных плясках» Федора Сологуба Сергей Городецкии»
Литературный музей, Москва

Не делаю дела, не читая, живу на горке и слушаю Пана. Хожу кругом, в деревни — смотрю в лица, в леса — слежу за белкой и кротом; мелькают бывания. И вдруг в яркой толпе детей на зеленом косогоре, в игре, увидишь что-то очень старое, а из толпы на смутный фон воспоминания выйдет мальчик в белом и тонким лицом и сине-синими глазами в черных кругах ресниц покажет наяву вечное. Или в лесу, на конце его, оглянешься на золотое молчание заката — уж совсем старое — а луч искривится, скомкает облако — и вот новое счастье. Или перламутровый селезень настигнет утку, вода расплеснется под ними, а Пан на берегу в кустах, чтоб кивнуть им, откинёт зеленые волосы, плеснет белой бородой по небу — увидишь самый глаз. Иногда — в сенях просторной избы станешь перед мелкорезным шкафом, полюбив его, а мужик скажет со странной улыбкой: «в старину окном было» — проедешь под излучиной реки мимо заколоченного строения, а возница кнутом покажет и скажет: «здесь мельника жгли». — Играешь с детьми, считают: чикирики, микирики, по госту, по мосту, жучка, хрюк — за гулянье стоит руб — и вдруг запоют:

Ах не скажу,
Кого люблю,
Не укажу

Которого.
В одной семье
Четыре брата,
А я люблю
Фартового.

—Мальчик с ушами преступника и лицом Христа-младенца повалит девочку подножкой, убежит в канаву, а там поцелует лягушку.

Так и сплетается.

Это бессвязно, почти заглавия, но все это встречи ³.

Спасибо за Ваши стихи. Как-то более других полюбились «В балаганчике»⁴. Оно много может давать: сейчас прочитал его и опять увидел другое: почему-то вспомнился Кант. Я не уяснил себе, но в нем есть какая-то гносеологическая безотрадность. Не того ли оно времени, когда «грозило закрыться — навсегда»? А ведь новое — дело, не пророчества — с гносеологии должно начаться. Я ничего не знаю, но какие-то провидения бывают. Неотвязно понятие знать — чувствовать. Даже в рецензии на брошюры Жаринцовой «Объяснение полового вопроса детям» и «Как все на свете рождается» (слеповаты), которую я все-таки снес Г. Чулкову⁵, пытался что-то сказать — так казалось важным. Возвращаюсь к стихам. Совсем другое читать и слушать. Некоторые места не узнаешь.

9—VII

«Будут весны в вечной смене
И падений гнет»⁶ — Вот и было.

«Нечаянная радость»⁷ — прожитое на дне, в темноте: «И мне ли?» Забылось: «В щите моем камень зеленый зажжен», «Тихо ведаю», «Тишиной провожаю мечту», «Молчу», «К высоте», «Глубины» — все это ютится в глуби, в последних строках, а сверху — «Никому, ничего не открыл», «Не мог ведь». «Нечаянная Радость — жить от «прекрасного прошлого» к настолько неясному еще впереди свету, что его только назвать можно: «Нечаянная Радость». «Тихое ведание» нежно и закутано, как больное любимое дитя, пока тянется нить болотом, водою. Ведь все эти стихи написаны до приезда московских гостей⁸. А теперь пишете: «открывается»...

«Будут весны в вечной смене
И падений гнет». Вот и стало.

Чтоб послать свои стихи Вам и Вашим, должен был стать нестрогим к себе: желание послать пересилило. Все — городское, только последнее *здесь*. Но оно часть будущего, мож~~ет~~ быть. Большие поклоны Вашим. Пишите о Бугаеве и Соловьеве. Люблю Вас.

С. Городецк и й

К письму приложены стихотворения Городецкого: «Я далекий, я нездешний...», «Вся измучилась, устала...», «Наклонялись головы над страницами...», «Над стеною озаренной...», «Я под солнцем беспечальным...», «Зной».

¹ Именье в Псковской губернии, где С. М. Городецкий проводил летние каникулы, давая уроки.

² Между 10 и 20 июня 1905 г. в Шахматове гостили Андрей Белый и Сергей Соловьев. Встреча показала, что пути Блока и его мистически настроенных друзей расходятся. Блок писал 25 июня Е. П. Иванову: «На днях уехали — сначала Бугаев, потом Соловьев, приехавшие вместе, привезшие новизну и голос событий, совершающихся в самой главной области — «Несказанной». Знаешь, что я хочу бросить? Кротость и уступчивость. Это необходимо относительно *некоторых* дел и *некоторых* людей...» (VIII, 130)

Обостренно чувствовал Блок и близость социальных перемен. О его общественных настроениях этого периода свидетельствует письмо к Е. П. Иванову: «...хочу действительности, чувствую, что близится опять *огонь*, что жизнь не ждет... Старое рушится... Если бы

ты узнал лицо русской деревни — оно переворачивает; мне кто-то начинает дарить оружие. . . Какое важное время! Великое время! Радостно!» (VIII, 131).

³ Многие из этих мотивов вошли в первый сборник С. Городецкого «Ярь». Городецкий писал: «Все свободное время я проводил в народе, на свадьбах и похоронах, в хороводах, в играх детей. Увлекаясь фольклором еще в университете, я жадно впитывал язык, синтаксис и мелодии народных песен. Отсюда и родилась моя первая книга «Ярь» с ее реминисценциями язычества и безудержной радостью влюбленности в жизнь, в природу, в девушку» (С. Г о р о д е ц к и й. Мой путь. Советские писатели. Автобиографии в двух томах, т. 1. М., 1959, с. 322).

⁴ Стихотворение А. Блока «Балаганчик».

⁵ В журнале «Вопросы жизни», в котором Г. И. Чулков заведовал отделом критики, эта рецензия на книжки Н. Жаринцевой напечатаны не были. Два года спустя С. А. Ауслендер писал: «Помню, мне как-то попалась книжка Жаринцевой, кажется, «Объяснение полового вопроса детям». В невозможном пошлых и слащавых выражениях открывается тайна, быть может, самая страшная и прекрасная тайна плоти» («Золотое руно», 1907, № 7—9, с. 148).

⁶ Из стихотворения «Дали слезы, дни безгневы», которое заключает «Стихи о Прекрасной Даме».

⁷ «Нечаянная радость» второй сборник Блока, в который вошли стихотворения, написанные летом 1905 г. в Шахматове.

⁸ А. Белого и С. Соловьева (см. прим. 2).

1 октября 1905 г.

Дорогой Александр Александрович.

Не шел к Вам, занятый мыслями и делами. О них расскажу. Одна из мыслей — о Вас — все еще не до конца записана строчками (в слове «записана» мало сознания важности связи между стихом и мыслью, но оставляю его, так как не рискую быть непонятым).

Я знал и не знал, что это были Вы у нас. Вернувшись, написал то, что посылаю Вам. Хотел послать на другое утро или тогда же ночью, но без сомнения сказал: а, может быть, не он был.

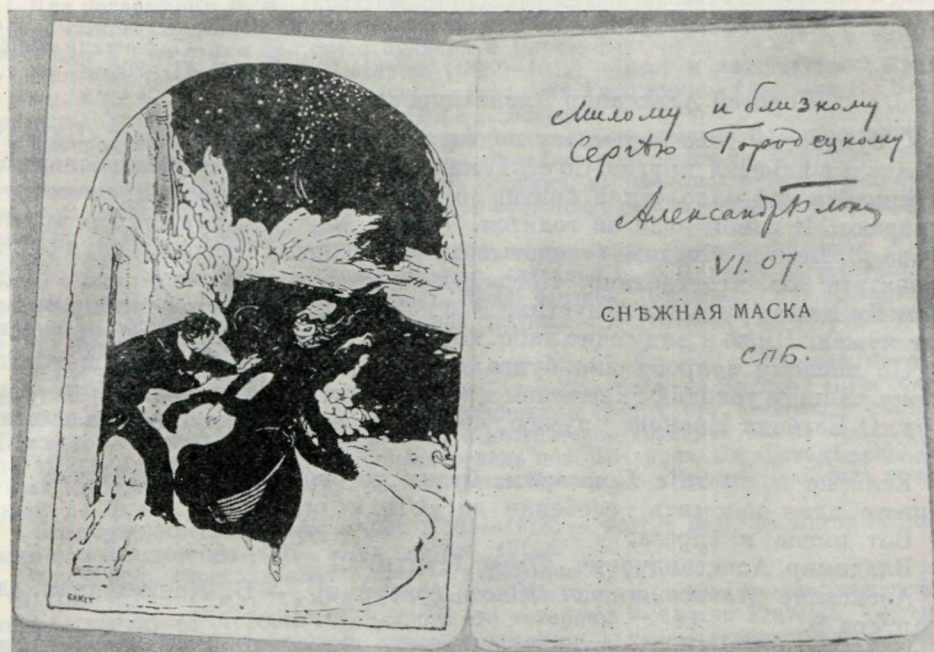
Собирался быть у Вас вчера, но день утомил и подавил. Приду во вторник и Вас буду ждать к себе в среду или четверг, потому что, у Вас лучше читаются стихи, а у меня есть что показать: этюды и горшки¹.

Зачем спрашиваете о «Зное»?²

Ваш С. Г о р о д е ц к и й

Привет всем Вашим

Приходил в пуховой шляпе.
Сказали: барина нет дома.
Барин ушел к знакомым.
Ах как нежен
Голубой фонарь!
Высоко повешен,
Голубком утешен
Фонарей всех — царь.
«А вчера священник приходил.
Что ты? — Правда. Пиво пил.
Говорил, что может танцевать. . .
В глазах глубина
Провалы дна
Влажного, темно-зеленого
Откуда смотрит глаз
Неба удивленного
Каждый раз
Нового
То ало-удаленного
То близко-лилового.
Все та же и не та
Красота

БЛОК. «СНЕЖНАЯ МАСКА», СПБ., «ОРЫ», 1907

С дарственной надписью С. М. Городецкому
Частное собрание, Москва

Все те же и не те
Уста
Все так же отдана
Красоте
Нагота.

Темные рты переулков открыты
Звезды-цветы пеленою повиты
«Приходил знакомый»
Кто? — «В пуховой шляпе».
Сказала: «нет дома».

¹ Увлекающийся живописью и коллекционированием предметов народного творчества Городецкий периодически устраивал для друзей своеобразные «выставки» своих произведений и коллекций. Такие вернисажи проходили как дома у Городецкого, так и в квартире Блока. Сохранился один из этюдов Городецкого с надписью автора на обороте: «Показано в квартире Блока. Октябрь 1905 год» (частное собрание).

² Стихотворение Городецкого «Зной» Блок полностью привел в статье «Краски и слова» («Золотое руно», 1906, № 1) как пример совершенного «по красочности и конкретности словаря».

7

17—I—906

Спасибо. Приду непременно

Я теперь знаю, почему мне так сразу полюбились рисунки Т. Г.¹ — и почему они вообще сразу любятся: они воссоздают то, что не было создано, и что могло быть прекрасным — русскую мифологию. Но подробней потом.

Ваш С. Городецкий

Открытое письмо. На л. 1 рисунок Городецкого — гора Пухтула в Териоках.

¹ Татьяна Николаевна Гиппиус (1877—1957) — художница. У нее был альбом «Kindisch» с рисунками фантастических чертенят, болотных попигов, смешных гномов и уродцев. Эти рисунки повлияли на стихи Блока, вошедшие в сб. «Нечаянная радость».

«6—7 февраля 1906 г.»
6—II—906

Дорогой Александр Александрович

С букварем ¹ дело понемногу подвигается. Написал: «Гроза», «Буква ж», «Воздух» и наметил другие. Со стихами хуже. Два стихотворения совершенно не признал мой малолетний критик, о котором я Вам говорил; поэтому они отпадают. В самом деле не годятся. Третье, кажется, лучше. Но это тоже «Гроза». Нам необходимо свидеться и поговорить специально об этом, прочесть все, что сделано. Когда? Кроме четверга, могу все эти дни. Если бы Ваша грудa дел отпустила Вас ко мне. Еще один экземпляр букваря мне нужен. Имею в виду одно лицо, которое, может быть, сделает что-нибудь.

По первому вопросу как будто все. С Недоброво ² очень щекотливо. Я ему напишу условия включения в круг ³: активная причастность искусству. О Евгении Иванове ⁴ думаю, что он нужен и охотно даю свой второй голос за него.

Если не поспеете с Брюсовым, будем просто читать его. Может быть, успеете план наметить, особенно до «Urbi et orbi» ⁵.

Вот имена и адреса:

Владимир Александрович Юнгер (стихи) ⁶.

Александр Александрович Юнгер (рисунки) ⁷ — Б. Конюшенная, д. 5, квартира 9.

Петр Петрович Потемкин ⁸ (псевдонимы: Пикуб, Фома Прутков, Андрей Леонидов) — синий цветок. Загородный, 17.

Петр Сергеевич Мосолов ⁹ — играл на рояли. В. О. — 6 линия, 23, кв. 12.

Яков Владимирович Годин ¹⁰ — Вознесенский, 55.

Пестовского ¹¹ и Кондратьева знает ¹². Это все.

Еще, вероятно, будут, хотя я до сих пор не говорил им — не пришедшие в прошлый раз — Борис Александрович Мироненко (скрипач) и Дмитрий Семенович Стеллецкий (скульптор) ¹³, Альфред Бернардович Меерович (рояль) ¹⁴.

Последний — наверно, первый — почти наверно, второй — не так наверно.

Вчера был у Сологуба. Сказал мне очень важное и очень тонкое: не играли слов: «покрой открытых, открой закрытых» ¹⁵. Мне кажется, что не только игра. Он не верит. Потом про конец. Почему «очима»? ¹⁶ Было ли двойственное число в русском языке. И как может рядом: сверкал. Я указал ему объединяющий принцип: — не древность и не русское, а выходящее из обычного. Напомнил формы: поиме, прискаче, употребляемые и теперь в Псковской губ. ¹⁷ Его слова были, может, первым, не лирическим, что я получил о стихах. Потом он читал Литургию (567 стихов) ¹⁸ и «Я», которого я раньше не слышал ¹⁹. Боюсь что-нибудь говорить после первого впечатления. Необходимо самому прочитать, чтобы сказать. После чтения спорили Успенский ²⁰ и Байков ²¹. Потом мирно разошлись.

Возвращаюсь к нашему кругу. Надо бы установить какой-нибудь принцип. Или большая текучесть или особая строгость. С точки зрения первой, отчего не быть Недоброво, если есть Мосолов. С точки зрения второй — моей точки — обоих не надо. Но как найти объективный признак?

Ваш Сергей Г о р о д е ц к и й

7—II—906

Вчера собрались у меня Юнгер, Пестовский, Годин. Все говорили, что лучше собраться в пятницу 10-го, а не 14-го ²². Особенно Годин: он уезжает. Можете ли Вы и как думаете. Напишите сейчас же, чтобы можно было уведомить. Узнал адреса от него.

Простите, что запачканное письмо ²³.

Еще раз Ваш Сергей Г о р о д е ц к и й

¹ Для издаваемого В. А. Тернавцевым букваря «Наша школа. Год первый. Букварь и первое чтение» (Издание Училищного совета при Св. Синоде) Городецкий сочинял стихи и рассказы. Писал стихи для этого букваря и Блок.

² Николай Владимирович *Недоброе* (1882—1919) — поэт и литературный критик (см. наст. кн., с. 382—386). Об активном нежелании Городецкого включать Н. В. Недоброво в «Кружок молодых» см.: В. Пяст. Встречи, с. 82—83.

³ Литературно-художественный «Кружок молодых», созданный по инициативе Городецкого зимой 1906 г. Участники кружка собирались поочередно на квартирах членов, где читались стихи, рефераты, показывались рисунки, исполнялись музыкальные произведения. В. Пяст пишет, что организационное собрание кружка состоялось на квартире Блока (В. Пяст. Встречи, с. 69).

⁴ Евгений Павлович *Иванов* (1879—1942) — писатель, ближайший друг Блока. «Милый Женя, — писал Блок Иванову 8 февраля 1906 г. — Приходи, пожалуйста, во вторник 14 вечером, если только сможешь. Будет кружок. Я списался с Городецким, он согласен со мной, что ты — нужный член кружка...» («Письма Александра Блока к Е. П. Иванову». М.—Л., 1936, с. 47).

⁵ Блок готовился выступить на собрании кружка с рефератом о Брюсове, чье творчество крайне интересовало его в тот период. Появление сборника Брюсова «Urbi et orbi» буквально потрясло Блока. «Я едва выкарабкиваюсь из-под его стихов», — писал он С. Соловьеву. Со стихами из «Urbi et orbi» в поэтическое сознание Блока вошли новые темы, зашумел большой город, появилась «жизнь повседневная». На «Urbi et orbi» Блок написал две рецензии, но реферат о творчестве Брюсова в «Кружке молодых» прочтен Блоком не был.

⁶ Владимир Александрович *Юнгер* (1883—1918) — поэт и педагог. Автор сборника «Песни полей и комнат» (СПб., «Цех поэтов», 1914).

⁷ Александр Александрович *Юнгер* — художник, архитектор.

В. Пяст писал: «На . . .» втором собрании нашего кружка присутствовали присоединившиеся к нему со стороны Городецкого его товарищи — братья Юнгеры. Чистенько одетые студенты, один университет, другой архитектор — как выяснилось вскоре, марксисты. Один брат В. А. Юнгер, уже несколько лет как умер. Во время войны он выпустил книгу стихов: «Песни полей и комнат». В этой книге были терцины и всякая другая строгая форма. Но помню также строки, посвященные С. М. Городецкому:

Тебе, я знаю, любо все земное:

На скромно убранном столе

Ты встретишь острый сыр с душистою слезою,

И фрукты крымские в старинном хрустале;

И золотой налив, и виноград жемчужный

Обступят вин любимых ярлыки. . .

И мирно полетят слова беседы дружной,

Как журавлиной стаи вожак. . .

. . . Оба брата Юнгера, впрочем, выделялись своею наружностью и из поэтов, и из студентов: оба носили длиннейшие крахмальные воротнички, очень черные (незасаленные т. е.) тулужки и вычищенные ботинки. Кроме того, волосы их были очень недлинные. Брат — художник показал свои рисунки. Потом он стал известнейшим архитектором» (В. Пяст. Встречи, с. 77—78).

⁸ Петр Петрович *Потемкин* (1886—1926). Пяст вспоминал: «Я еще с самого начала прошлого 1904 года познакомился в университете с таким же первокурсником, как я, студентом-шахматистом П. П. Потемкиным. Он тогда был на естественном отделении. Окончив университет, он собирался пройти медицину и сделаться психиатром, — все только для одной цели. Его тогдашним желанием было научно доказать, что между творчеством поэтов-декадентов и поэтов — сумасшедших нет никакой принципиальной разницы. Судьба совершенно иначе повернула жизнь покойного шахматиста. А именно: через небольшой срок он сам сделался поэтом, причем довольно типичным «декадентом», медицинского факультета он не кончил, да и с естественного перешел на филологический. В «Кружке молодых» Потемкин олицетворял собой «крайнее декадентское крыло» . . . Клянусь, я ни малейшим образом не собирался сделать «поэтом» своего тогдашнего приятеля! Хотя свою книгу «Герань» в посвянительной надписи на подаренном экземпляре автор дарил мне как «Первому» его «по пути писательства вожатому». Отнюдь не я, но сами Бальмонт, Брюсов, Вячеслав Иванов, — а более всех Андрей Белый и Александр Блок, с подражания чьей «дегенеративности» он и начинал в своих серьезных стихах, — силою своего громадного таланта сделали почитывающего их стихи в промежутках между «ходами» шахматиста — поэтом. Потемкин, уже после того, как одно из его стихотворений было принято в «Стрелы», сообщил мне об этом» (В. Пяст. Встречи, с. 64—62).

⁹ Петр Сергеевич *Мосолов* (1883—1920?) — пианист. О его участии в кружке пишет В. Пяст: «Старший брат Б. С. Мосолова, без вести пропавший в 1920 году, Петр Сергеевич, тоже подававший хорошие надежды пианист, ученик Блюмберга, несколько раз

играл в кружке с большим проникновением любимых им Вагнера и Грига» (В. Пяст. Встречи, с. 83).

¹⁰ Яков Владимирович *Годин* (1887—1954) — поэт.

¹¹ О Владимире Алексеевиче *Пестовском* (Владимире Пясте) см. наст. кн., с. 175—228. В заседаниях «Кружка молодых» участвовали как Пяст, так и его брат Борис Алексеевич Пестовский.

¹² Александр Алексеевич *Кондратьев* — поэт, прозаик, делопроизводитель в Канцелярии Государственной думы, товарищ Блока по юридическому факультету Петербургского университета. В. Пяст пишет: «На, так сказать, организационном собрании кружка, т. е. у Блока, присутствовал еще один поэт, — тогда уже окончивший университет и занимавший какое-то место на государственной службе — Александр Алексеевич Кондратьев. . . У этого молодого, скромного по манерам, но не очень скромного по языку, одетого в черное штатское платье, поэта-чиновника, каким Кондратьев был, можно сказать по собственному самоопределению, у него был свой любимый поэт Н. Ф. Щербина. . . А. А. Кондратьев был постоянным посетителем Федора Сологуба. От его, кондратьевских, стихов веяло почти столь же подлинным чутьем праэллинической культуры, как от Городецкого — праславянской» (В. Пяст. Встречи, с. 78—79).

¹³ Дмитрий Семенович *Стеллецкий* (1875—1945) — скульптор, график, в 1905—1906 гг. — близкий друг Н. В. Недоброво.

¹⁴ О присутствии «виртуоза-музыканта» А. Меровича на заседаниях кружка см.: В. Пяст. Встречи, с. 83.

¹⁵ Ср. в стихотворении Городецкого «Славят Ярилу»:

Покрой, покрой
Открытых нас
Собою.
Открой, открой
Закрытых нас
Собою.

¹⁶ Ср. в том же стихотворении:

Яри мя, яри мя,
Очима
Сверкая!

¹⁷ Ср. в том же стихотворении:

Прискаче, поиме
Любую.

Свойства стилистики этого стихотворения обсуждались в рецензии С. Соловьева на «Ярь»: «Из славянского языка Городецкий заимствует не только отдельные слова, но и грамматические формы; например: аорист (прискаче), двойственное число (очима)» («Золотое руно», 1907, № 2, с. 88).

¹⁸ «Литургия Мне» — мистерия Ф. К. Сологуба («Весы», 1907, № 2).

¹⁹ «Я. Книга совершенного самоутверждения» — стихотворение в прозе Ф. К. Сологуба («Золотое руно», 1906, № 9).

²⁰ Василий Васильевич *Успенский* — богослов, сотрудник «Нового пути», посетитель «сред» Вяч. Иванова. Александр Львович *Байков* — профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле, родственник К. А. Сюннерберга.

²² Заседание «Кружка молодых» состоялось 14 февраля. Ср. запись этого дня в дневнике Е. П. Иванова: «Был у Блоков. Вечер литературно-музыкального кружка. Были оба брата Пяста. Андрей Белый приехал. Всерьез не клеилось. С Татьяной Николаевной [Гишпиус] разговаривали» («Блоковский сб.», 2, с. 399). Следующее заседание, на котором Блок читал «Балаганчик», состоялось 25 февраля.

²³ Против имен членов Кружка была помета: «Адресов не знаю, знает Пестовский», — впоследствии зачеркнутая.

Дорогой Александр Александрович!

Тревожу Вас по делам. Жебелев сказал, что в субботу держать у Соболевского ¹. Что надо? Фонетику и морфологию я знаю, историю русского языка читаю. Что еще? Диалектологию? (Как точно называется книга?) Палеографию? Нужно ли взять какой-нибудь памятник? Пожалуйста, напишите. Кроме того, какая книга по санскриту и польскому языку? Читали, кажется, «Пана Тадеуша»? ² Еще: где достать программы экзаменов, и есть ли такие. Простите, что обременяю.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Рисунок Б. Кустодиева с подписью: «Сергей Городецкий. 6 янв. 1907. Б. Кустодиев»
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Сегодня был в «Тропинке»³, снес рисунки. Написал туда «Пасху». Поликсена Сергеевна⁴ просила напомнить Вам, что Вы тоже хотели написать Пасху. Нужно раньше для того, чтобы приготовить рисунок.

Передайте Александре Андреевне стихи, которые Вам⁵. Вам тоже написал, только посылать трудно: рисунки мешают. Вероятно, зайти к Вам будет некогда; тогда отдам у Соболевского. К последней части еще нужен эпитафия из Ваших стихов. «В щите моем горит зеленый камень» не написал потому, что боюсь неверно написать и Ваши стихи отдал читать.

Еще: что берут по греческому?»

Любящий Вас Сергей Городецкий

¹ Сергей Александрович *Жебелев* (1867—1941) — профессор классической филологии Петербургского университета. Алексей Иванович *Соболевский* (1856—1929) — лингвист, академик, профессор Петербургского университета. Блок и Городецкий учились на филологическом отделении Петербургского университета. В письме Городецкий обращается к Блоку за консультацией по поводу предстоящих экзаменов.

² Поэма А. Мицкевича.

³ «Тропинка» — детский журнал (1906—1912), в котором сотрудничали Блок, Городецкий, Е. Иванов и многие близкие Блоку лица.

⁴ Поликсена Сергеевна *Соловьева* (Аллего) (1867—1924) — поэтесса, издатель журнала «Тропинка», сестра Вл. Соловьева.

⁵ Цикл Городецкого «Поэт» из трех стихотворений, посвященный Александру Блоку («Ярь». СПб., «Кружок молодых», 1907, с. 112). См. на след. стр.

ПОЭТ

Александр Блоку

На стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал,
чтобы узнать, что скажет он во мне.

Авакума, II, 1.

1

Высокую башню построил
Из самого белого камня.
Из самого нежного камня
Высокое ложе устроил.
И ночью покоился с ночью.
И утром туманился с утром,
И днем выпускал на молитву
Троих голубей сизокрылых.
И реяли сизые крылья
В глуби-голуби недотечной.
И реяли сизые крылья
На тканях Царицы Предвечной.
И башня белела
У грани предела.

2

Приполз к белой башне
И лег у подножья. —
Остались на пашне
Следы кровавые —
И стонет.
Пришла с длинной грудью,
Пустой и холодной,
И девочкой белой,
Немой и голодной,
И стонет.
Пришел седовласый,
Звезя кандалами,
Потешил ребенка
Своими цепями

И стонет.

Стон цепенеет.
Башня темнеет.
Алое сердце изранено.
Кровь багрянеет над пашнями.
Падают башнями
Тучи бесшумные.
Своды завалены.
Кровь заливают развалины,
Липкая, красная.
Где ты, Царевна Прекрасная,
Ясная?..

3

Трубу к устам твоим,
Забывшим крики.
Закрыты небом огненным
Иные лики.
Земля зажглась! Опять
Рука поднята.
Узнай меня, как мог узнать
В огне заката.
В твоём щите горит
Зеленый камень.
Зажег от века мой зенит
Такой же пламень.
Трубу к устам твоим,
Узнавшим крики.
Дари сияньем огненным
Сердца и лики!

10

28.IV.906

Дорогой Александр Александрович.

Ужасно давно не видел Вас, соскучился и хочу очень увидеть, говорить, рассказывать, слушать, читать стихи. Поэтому особенно больно, что не был дома, когда Вы приезжали ¹. Записочка Ваша улыбается. В тот день приехал домой в первом часу, слишком усталый.

В воскресенье (30-го) ко мне придут Чулковы, Ремизовы, Сюннерберг и др. Очень жду и Вас с Любовью Дмитриевной, с утра, на целый день ².

Пишу это письмо на случай, что ни сегодня, ни завтра не смогу зайти к Вам.

Как экзамены? Неужели еще не кончились?³

Ваш Сер. Г о р о д е ц к и й

Если Белый еще здесь и у Вас и может в воскресенье приехать, был бы особенно рад ⁴.

¹ По-видимому, 15 апреля 1906 г. Ср. запись в дневнике Е. П. Иванова от 16 апреля 1906 г.: «Встретил В. А. Пяста <...> Блок вчера в дождь с ним в Лесной ездил («Блоковский сб.», 2, с. 404).

БЛОК

Фотография Д. С. Здобнова, 1907 г., Петербург
 С дарственной надписью С. М. Городецкому
 Частное собрание, Москва

² О приезде Блока 30 апреля 1906 г. к Городецкому см. письмо Городецкого к Пясту от 11 мая 1906 г. в кн. 3 наст. тома.

³ Блок окончил Петербургский университет 5 мая 1906 г.

⁴ Весной 1906 г. отношения Белого с Блоком достигли предельного напряжения. В конце апреля Белый, рассорившись с Блоком, уехал из Петербурга в деревню.

Дорогой Александр Александрович.

Пишу на бумажке с корабликами, потому что другой нет. Живу в прыжке. По ночам больше гуляю, либо по городу, либо здесь. На Неве совсем хорошо бывает. Иногда бреду по Самсоньевскому домой, когда все

паровики отошли, и вдруг в переулке видны казармы, или мост. Тогда хочется написать Вам письмо.

Сочиняю для букваря. Больше про пот да навоз. Его (Тернавцева) ¹ семья уехала, и от этого ему еще тесней в комнатах. Ворочается и рвет зубами копченую рыбу. Тут же стучит на машинке. Люблю его за принадлежность к разным концам. Как-то ездили на яхте, я, он и В. Успенский ². Попали в бурю, промочило до костного мозга, но было чудесно. Со стихами я в шквале, из которого еще не вырвался. Среды ³ еще бывают, неофициально. Одна была бурная. Председательствовал Бердяев ⁴, лежа на полу, потому что говорили о поле. Все вопросы нерешенные, у Иванова четыре пола, у Бердяева преодоление смерти не родом (семьей), а замкнутой личностью. Ремизов был за детей. Выразился по-ремизовски. У меня два пола и Третий (бог, сущее, экстаз), создаваемый их слиянием. Никто ничего не узнал, а говорили долго. Вам все это должно показаться далеким, городским, комнатным. Хотя что-то, кажется, должно дрогнуть. Иногда мне кажется, что я что-то знаю, но все попытки сказать *словом*, а не действием, ни к чему до сих пор не привели. Остановился на этом дольше, чем хотел. Переписываю Вам два стихотворения, на одну же тему. Это той полосы, попадая в которую, непременно попадаешь в Вас, и стихи выходят подражательными. Оба стихотворения страдательны, потому что мысль не выразилась.

Узнаете «Незнакомку»? ⁵ Она слишком запомнилась.

Больше не посылаю стихов, хотя есть «свои». Пришлю циклом.

В «Колыбельную песню» ⁶ («Тропинка») тайком пробралась Прекрасная Дама; впрочем, это типично для «Тропинки» — мистика в кармане. Чудесен колорит стихотворения. Вас, конечно, не подозреваю в «тропинности».

Целую Вас крепко и кланяюсь Вашим низко.

Сергей Г о р о д е ц к и й

От брата ⁷ и сестры ⁸ Вам поклон

К письму приложены стихотворения Городецкого: «Рег аспера» и «Пастораль».

¹ Валентин Александрович *Тернавцев* (1866—1940) — писатель-богослов, с 1907 г. — чиновник особых поручений при оберпрокуроре Синода.

² См. п. 8, прим. 20.

³ «Среды» — еженедельные собрания литературной и художественной интеллигенции Петербурга на квартире («башне») Вяч. Иванова. Блок хотел уберечь молодого Городецкого от посещения «сред». Городецкий вспоминает: «Но все-таки поэт Владимир Пяст — друг Блока, увел меня туда, и в одну ночь в конце 1905 года я, прочитав свои «ярильские» стихи в присутствии всего символического Олимпа, то есть Вячеслава Иванова, Балмонта, Брюсова, Сологуба, Блока, Белого, Мережковского, Гиппиус, Бердяева, профессоров Зелинского и Ростовцева, стал «знаменитым» поэтом и на недолгое время изюминкой «сред». Когда я читал стихи, мы все сидели на полу, на коврах, при свечах, а я был в белой рубахе, и все это напоминало мне хлыстовские радения» (С. М. Г о р о д е ц к и й. Мой путь. «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», т. I, с. 322—323).

⁴ Николай Александрович *Бердяев* (1878—1948) — философ, публицист.

⁵ «Незнакомку» Блок впервые прочитал на одной из «сред» Вяч. Иванова. Городецкий писал: «После диспута, к утру, началось чтение стихов. Это происходило пресовходно. Возбужденность мозга, хотя своеобразный, но все же исключительно высокий интеллект аудитории создавали нужное настроение. Много прекрасных вещей, вошедших в литературу, прозвучали там впервые. Оттуда пошла и «Незнакомка» Блока. В своем длинном сюртуке с изысканно-небрежно повязанным мягким галстуком, в нимбе пепельно-золотых волос, он был романтически прекрасен тогда, в шестом-седьмом году» (С. М. Г о р о д е ц к и й. Русские портреты, с. 11—12).

⁶ Стихотворение Блока «Колыбельная песня» («Спят луга, спят леса. . .») было впервые опубликовано в журнале «Тропинка» (1906, № 11).

⁷ Александр Митрофанович *Городецкий* (1886—1914) — художник и поэт. В. Пяст вспоминал о нем: «Александр Городецкий был удивительно художественной натурой. Он был первым по времени художником футуристом. Если почерк Сергея был прекрасен, — почерк Александра был еще прекраснее. Не столь разнообразный стилист в этом отношении, как Алексей Ремизов, Александр Городецкий доводил до виртуозности некоторые возможности изобразительной красоты, кроющейся в старорусской скорописи. Думаю, что сохранился один из номеров «Сусального золота», переписанный его рукой. Там было «напечатано», впоследствии действительно напечатанное в одном из футуристических сбор-

ников и, кажется, единственное, сочиненное когда-либо Александром Городецким стихотворение, из которого помню несколько строф:

Лебедь белая плыла,
Белая плыла,
Лебедь белую звала,
Белую звала. . .

И за берегом ложился, стлался, стлался, расстилался

Темный вечер. . .

И над берегом начался, вспыхнул, рдел и разгорелся,

Грохотал, горел закат. . .
Лебедь белая отстала,
Лебедь белая устала,
Белую устала звать. . .

И задернулось, вздохнуло,
Онемело небо — тело.

. . . На выставке «Треугольник», а может быть и «Венок», появились первые, предназначенные для большой публики «опусы» Александра Городецкого из области изобразительного искусства: более точно определить их место невозможно. Опус первый носил название «Пятно». Опус второй — «Зародыш». Опус третий и последний на той же выставке был — «Пятно-Зародыш». Сделаны были все эти опусы из ваты. . . Его мечтою было еще более «истончить» материал и приемы; создавать произведения искусства из листков «сусального золота» — материала, пленившего его ребенком на усыпанных золотыми орехами, покрытых искусственным снегом рождественских елках.

А. М. Городецкий безвременно скончался, лет двадцати восьми» (В. Пяст. Встречи, с. 75—77). Об А. М. Городецком см. ЛН, т. 89, с. 345—346.

⁸ Татьяна Митрофановна *Городецкая-Кун* (1890—1921).

12]

28—VI—906. Лесной

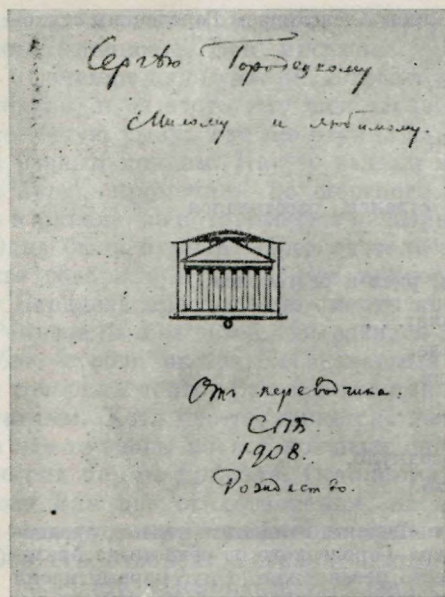
Дорогой Александр Александрович.

Ваше письмо — самое важное, что совершил съ за последнее время в литературе. Его будут воспроизводить в историях литературы. Вы — последнее, что надо было своротить с места во что бы то ни стало. Это письмо то, что я неминуемо ждал после «Балаганчика», подведшего итоги. Только я ждал сразу в поэзии, но так еще лучше, решительнее. Я Вам сейчас все расскажу, только напишу сначала одно свое стихотворение.

Я оплакал себя, скоронил
И могильную речь произнес.
Новый крест в куче старых могил
Бугорок надо мною вознес.

И не знаю, что делать теперь,
Что мне делать теперь без меня.
Обметая могильную дверь,
Поживу до девятого дня.

Это к ответу на вопрос, приходили ли мне в голову мысли, подобные Вашим. Наступает великое время, выходит народ. И этому времени свое искусство, тоже великое. Я не знаю, что такое символизм, но что какой-то круг завершен, это слишком ясно. Уже плотники выводят крышу и зовут хозяев, а они придут и прежде всего сломают дом. Каждый чувствует приход и пророчит на своем языке. Г. Чулков с мистическим анархизмом. В. Иванов с теориями мифотворчества. В них большая доля правды. Он говорит, что символ неминуемо приводит к мифу. Доля правды в следующем. Миф — это наибольшая ложь. А вольная ложь это существенный признак той большой, *здоровой* поэзии, которой так теперь хочется. *Лги по правде* — вот

Ф. ГРИЛЬПАРЦЕР. «ПРАМАТЕРЬ».
ПЕРЕВОД БЛОКА. СПб, 1909

С дарственной надписью С. М. Городецкому
Частное собрание, Москва

формула, т. е. так, чтоб тебе поверили. Выдумывай, сочиняй, и это будет самая *нужная поэзия*. С точки зрения поэтического опыта, эти мысли есть отрицание лигатуры в лирике (лирика должна быть 100-й пробы), исполнение завета Петрарки всем лирикам: свое чувство скажи так, чтоб оно стало всеобщим. Все, что я говорю, неясно, но иначе быть не может. Новое искусство только начинается, и едва-едва можно указать некоторые его признаки: 1) сохранение всего существенного из только что законченного периода, 2) наибольшая общедоступность.

Теперь о Вас, т. е. не о Вас, а о Блоке. Оставляя восторженную аудиторию Блока в стороне, я возьму мнения людей, видящих *далее* переживаемого момента. Здесь часто встречаешь такую мысль: Блок=Блок, Б=б, где Б — потенция, а б — совершение. Я всегда сражался против этой формулы и приводил свою: $B = b + X$, т. е. что совершенное далеко не исчерпало потенции. Этот X еще мелькает искорками (Сольвейг) ¹, но несомненность его

очевидна. Он мне представляется громадным, сосновым, с запахом смолы, и в предчувствии этого запаха — тайное оправдание заглавия «Нечаянная радость». Вчера Иванов сказал мне: «Смотрите, как Блок идет к реализму». Сегодня Вы пишете: «искусство должно изображать жизнь», «Фома» ² — последнее нужное произведение (напомню только одну фамилию — Леонид Андреев). Может быть, для Вас действительно дорога к большому искусству лежит через «реализм». Всякий идет своим коридорчиком, зато, когда встретимся под общей крышей — небом, будет нечаянная радость, может, и чаянная.

Против жизни только одно средство — жизнь. Вы не верите, что кто-нибудь напишет нужное? И не верьте, во всю. Вы думаете, что Вы не писатель? И думайте. Нужно переживать начисто. Жизнь не иссякнет, только новые формы примет. Эврипил зарыл идол Диониса, выросло дерево, он сломал — в руках змея и т. д. ³ Не пишете стихов — и не пишете. Придет само.

Вы были одним из ярких воплощений минувшего периода, теперь крутой поворот, теперь нет никакого сомнения в наступлении нового — после письма.

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны
Синева пуста.

Будут весны в вечной смене. . .

Встретим новый вихрь видений. . . ⁴

или: Трубу к устам твоим. . .

Узнай Меня, как мог узнать
В огне заката ⁵

Не знаю, поскольку и как ответил на Ваше письмо. Но еще одно нужно добавить: филологическое на тех страницах заслонило личное. Я ждал письма. У Тернавцева видел Ваши конверты. Почерк почернел, к земле пригнулся. Отчего не пишет — думал.

Я подбираюсь по столам и бумагам, ищу стихов на сборник. 20 нашел, надо еще. Многие выжигаю. Называться будет «Ярь». Пускай в Дале справляются (яркость, сила земли; напр. грибы — поганая ярь). Совсем было собрался собирать сборник «Калечина — Малечина»⁶, имевший в виду выудить из современной поэзии просветы в будущее, ходящие в сарафане и т. д. Но за отсутствием материала сборник не состоится. Боюсь, что и «Ярь» постигнет та же участь. Стихов посылаю Вам не мало, так что письмо выйдет на неделю.

Очень хотел бы от Вас:

1. Более подробного выяснения «секрета» Горького.
2. Более подробного выяснения тезиса, что «искусство должно изображать жизнь» (поскольку Вы согласны с формулой: явление жизни — семя художественного произведения) «и проповедовать нравственность» (и то и другое слово очень далеки мне).
3. Есть ли какая-нибудь возможность получить «Нечаянную Радость» раньше ее выхода, в виде ли корректуры или в виде рукописи?

Все это при условии, что у Вас будет охота писать. Крепко целую Вас, кланяюсь Вашим.

Сергей Г о р о д е ц к и й

К письму приложены стихи Городецкого: «Чертыка», «Полюбовник», «Мать», «Богомол», «На массовку», «На Смоленское».

¹ Стихотворение Блока, посвященное Городецкому (сб. «Нечаянная радость»).

² «Фома Гордеев» — повесть М. Горького. Блок высоко ценил это произведение. См. статьи Блока «О реалистах», «О драме».

³ Миф о фессалийском царе Еврипила, которому при дележе троянской добычи достался меняющий свои обличья фетиш Диониса, был сравнительно малоизвестным. «Но кто знаком, скажите, у нас с легендой Еврипила?» — спрашивал И. Анненский в статье «О современном лиризме» («Аполлон», 1909, № 1, с. 15). Городецкий знал эту легенду, по-видимому, со слов Вяч. Иванова, который изложил ее в стихотворении «Суд огня» («Остров», 1909, № 1); стихотворение посвящено Городецкому.

⁴ Из стихотворения Блока «Дали слепы, дни безгневы. . .» Впервые опубликовано в кн. «Стихи о Прекрасной Даме».

⁵ Из стихотворения Городецкого «Трубу к устам твоим. . .», входящего в триптих «Поэт», посвященный Блоку.

⁶ Название восходит к одноименному стихотворению А. Ремизова (1906), представляющему, по словам автора, «мифологическую обработку детской игры» и посвященному С. Городецкому (вошло в книгу А. Ремизова «Посолонь»). Этим стихотворением интересовался и Блок — 13 мая 1906 г. Б. А. Леман послал Блоку текст «Калечины — Малечины» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 43).

Дорогой Александр Александрович!

Теперь выяснилось, что ехать к Вам решительно не могу. Спасибо за зов, хотел очень. Это письмо — не в счет, и не в ответ на последнее Ваше, о котором еще не мало должен написать Вам. Пишу сейчас записку, чтоб сократить время молчания с моей стороны. Только что приехал с берегов Невы, где проверял ученика и поэтов. Ни один не описал берегов Невы как следует: вокруг все дико, «Ель, сосна, да мох седой» — разве это на что-нибудь похоже? ¹ Совершенно особое лицо у Природы здесь. Понятно, отчего *Петр* основал Петербург. Сильнее и могучее финской и среднерусской, может быть похоже на русского (=финн+славянин). Но не описываю.

У Вас сейчас Евг. Иванов? Расскажите ему про Тернавцева и букварь, не напишет ли он чего-нибудь. Нужда в чисто повествовательных рассказах, где бы совершались события ².

Целую Вас и кланяюсь Ив(анову) и Вашим

Сергей Г о р о д е ц к и й

«Описание заката» написано от живописной немочи, ужасно хотелось нарисовать и не мог.

ОПИСАНИЕ ЗАКАТА

Золотые драконы врезались в лазурную тишь.
Серые псы растерзали драконов.
Разметались их серые шкуры.
Серые шкуры разъела алая ржа.

Над письмом помета Блока — «Июль—06».

¹ Студентом Городецкий давал уроки и вел кружок начинающих поэтов. В письме приводятся строки стихотворений его учеников.

² Е. П. Иванов к этому времени уже покинул Шахматово. Блок передал просьбу Городецкого в письме от 6 августа 1906 г. (VIII, 160).

Дорогой Александр Александрович.

Собрался отвечать Вам, уже потеряв до некоторой степени нить переписки. Постараюсь восстановить ее со всей тщательностью и любовью. Опять беру и перечитываю Ваши черные буквы. И опять, когда перечитал, хочется возражать, горячо из самой сути моей. Вот главные мои положения: 1) процесс художественного творчества весь исчерпывается аппетитивной эмоцией творить и осуществлением велений этой эмоции. Никким образом недопустима примесь каких-нибудь возбуждающих идей (вроде: чтоб получить гонорар, чтоб было нравственно, чтоб понравилось Петру Иванычу и т. д.) 2) Поэзия есть познание интуитивным путем многообразия явлений жизни, познание в образах, а не понятиях (наука), идущее иногда дальше науки, может быть, игнорирующее иногда формы человеческого восприятия: время и пространство. Как видите, я отмежевал себе крепость, из которой и отбиваю все набеги нравственности, как и других посторонних идей. Места ей (нр <авственности>) кругом много: и церковная проповедь, и моральные трактаты и moralite's, если на них еще будут ходить. Это все я говорю вообще против примесей, а против нравственности и специально имею. Ведь, посмотрите, на какой путь Вы становитесь! Вам предстоит или стать Буддой, Магометом, Иисусом, т. е. создать новую моральную систему (Вы это очень точно выражаете формулой: чтоб 1) Россия 2) услышала 3) меня). Уж если Россия услышит Вас, то, конечно, и вся земная поверхность услышит, потому я и говорю, что Вам придется создать всемирную мораль — или субординироваться под какую-нибудь из существующих моралей. В последнем случае Вы сдадите свое творчество и придете к статьям о вреде пьянства и курения табака. В первом случае Ваше творчество станет слугою, Вашей морали.

Относительно Пушкина и Толстого вот что. Если Пушкин и не сказал пошлости, то во всяком случае сказал улыбочное место, и не знаю, не улыбался ли сам, втискивая свое значение в эти слова ¹. А от Толстого крылья растут постольку, поскольку он не толстовец, а художник. Вот главное, что я хотел сказать. Мы с Вами задалась непосильной задачей выразить, то, что выразится мож<ет> быть десятилетием, и притом выразится в образах, а мы хотим (или как будто хотим) сказать в понятиях. Оттого все наши речи деревянные, косолапы и по-дикарски яркие. Вообразите ромб. Выйдя из одной вершины, мы теперь пришли по разным сторонам к противоположным вершинам и находимся в наибольшем отдалении. Дальнейший путь неминуемо опять приведет к общей вершине.

Критика моих стихов очень любезна мне ². Рабочие не так воспринимают природу — это очень тонко замечено. Насчет неприятия мира не знаю: ведь они у меня не принимают только капиталистического строя («мира негодного пути истлевшие») ³. Вообще это стихотворение лубошное, рабочие.

А. А. ГОРОДЕЦКАЯ

Фотография, 1908 г.

Частное собрание, Москва

(чуть не сказал солдаты) идут в ногу, тишь да гладь, но сказано то, что хотелось. С Надсоном мож<ет> быть только формальное совпадение. Разница вот в чем: никогда бы у него не вышел оратор на такой призыв, а на самом призыве окончилось бы стихотворение, причем автор еще намекнул бы, что уж конечно, «кипящего слова» не найдется. Насчет поцелуев горячо приветствую. Все можно взять, если умеешь сделать своим, присвоить. О XVIII в<еке> глубоко согласен. Вообще если у Вас проповедь нравственности будет проявляться в таком виде, как в этом разборе, то это и есть как раз самое нужное.

Еще раз перечитывая письмо, размечтался о поездке к Вам ⁴. Решительно нельзя. А вдруг? Нет. Так разговариваю сам с собой. Хотелось бы еще написать что-нибудь о себе, но все очень туманно или чересчур ясно. Литературные происшествия (уход Соколова из «Руна») рассказывать не хочется именно Вам, жихарю зеленотишья.

Целую Вас крепко и жду письма. Ваш Сергей Г о р о д е ц к и й.

Кланяюсь Ал<ександре> Андр<еевне> и Любви Дмитр<иевне>.

К письму приложены стихи Городецкого: «Ой, сестрицы водяницы, леший брат, огневики!»

¹ Видимо, речь идет о словах Пушкина «И чувства добрые я лирой пробуждал» («Памятник»), которые, возможно, Блок привел в письме к Городецкому как пример борьбы за нравственность силами искусства.

² Блок разбирал стихи, посланные ему Городецким в письме от 28 июня 1906 г.

³ Из стихотворения Городецкого «На массовку».

⁴ Лето Блок проводил в Шахматове.

Дорогой Александр Александрович.

Вот и вышла «Ярь» ¹. Сам сегодня сvez в два магазина. Как далеко от того, что хотелось, даже от укороченной мечты.

Грустно. Это все что чувствую.

Книжечка жалкенькая по виду и двойственная по содержанию — такова и должна быть моя «Ярь». Когда-нибудь <удь> будет настоящая, не моя, конечно. Москва оставила неизгладимо тяжелое впечатление².

Очень виноват перед вами: вернулся в воскресенье, а до сих пор не передал Вам порученных мне Рябушинским 10 р. Все думал, что буду у Вас. Завтра перевозжу почтой³.

Целую Вас крепко, как люблю.

Сергей Г.

¹ «Ярь». Стихи лирические и лиро-эпические». СПб., «Кружок молодых», 1907 — первая книга Сергея Городецкого. В нее вошло 66 стихотворений — далеко не все, написанное поэтом к тому времени. Книга получила очень высокую оценку. Блок отметил в записной книжке: «Большая книга... Городецкий — весь полет... Может быть, «Ярь» — первая книга в этом году — открытие, книга открытий, возбуждающая ту злость и тревогу в публике, которую во мне великое всегда возбуждает» (ЗК, 84). Вяч. Иванов писал: «Все, что вытекло в «Яри» из народной песни, лирической и лиро-эпической, подлинно и высоко-поэтично... Он ничего не воспроизводит исторически точно или этнографически подлинно, но свободно творит так, как ему дано, ибо иначе он и не может» («Критическое обозрение», 1907, вып. 2, с. 49).

² Городецкий был в Москве в связи с изданием «Яри». Он встречался с московскими литераторами, в частности с В. Брюсовым. Подробнее о впечатлении Городецкого от Москвы см. в его письме Брюсову: «Москва ужаснула меня и оставила самое тяжелое впечатление. Протянулась какая-то неприятная нить от архитектурных подлостей — простите слово — Кузнецкого моста через гостиницу Метрополь до Скорпиона. Было так трудно подыматься по лестнице этого издательства, пройдя мимо безвкусных блестков Метрополя. Точно глаза впервые открылись, и неприятности, получаемые раньше — от неудавшихся рисунков Феофилактова, неожиданно выросли до грандиозных размеров отвращения и тоски к московщине!» («Брюсовские чтения 1973 г.», Ереван, 1976, с. 257).

³ Блок писал матери 21 декабря 1906 г.: «Рябушинский доплатил через Городецкого, который был в Москве, еще 10 рублей за жюри. Городецкий прислал «Ярь» (может быть, величайшую из современных книг) с милым письмом и надписью» («Письма к родным», I, с. 161).

16

7—1—907

Милый и любимый — как тебя звать — еще не знаю. Сейчас прочел твое вчерашнее письмо — будто снова получил его, и захотелось ответить¹. Четвертую главу прочел и знаю теперь, что надо. Ты сумел рассказать совершенно просто, ничего не потеряв своего². Выздоровливай скорей. Маленькие актрисы³ сетуют на Люб<овь> Дм<итриевну>, что она не уберегла тебя.

Целую тебя. Сергей

¹ В начале 1907 г. Блок часто встречается с Городецким. «У меня маленький жар, я сижу дома и веселюсь с Городецким», — сообщает он матери в первых числах января. («Письма к родным», I, с. 164).

² По-видимому, речь идет о 4 главке очерка Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», опубликованного в №2 «Золотого руна» за 1907 г. Возможно, Блок ознакомил Городецкого с текстом до публикации. Четвертая глава очерка посвящена «недрам» русского национального сознания (V, 90—94).

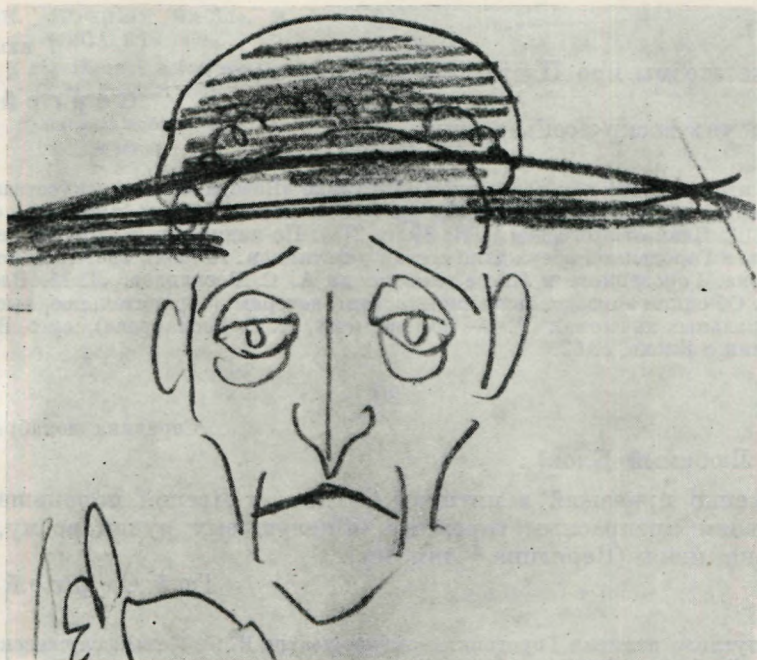
³ Актрисы театра В. Ф. Комиссаржевской — Н. Н. Волохова, В. П. Веригина, В. В. Иванова.

17

23 марта 1907 г.

Дорогой и любимый.

Где ты, что ты, и какой ты? Так давно не виделись, как будто на разных планетах. Завтра выходит твоя «Маска»¹. Целую тебя. Весна нестерпима. Я совсем ослаб, и больше всего лежу. Слышал про твои стихи весенние². Очень хочу провести с тобой вечер и ночь, весной. Ведь и ты хочешь? Если можешь, приезжай в воскресенье в Лесной³.

БЛОК

Рисунок С. М. Городецкого, 1910-е гг.
Частное собрание, Москва

Про литературу не хочу разговаривать. Вячеслав⁴ говорит, что ты ах как прекрасен. С Чулковым япил как-то днем водку — четыре с половиной рюмки. Вот и все.

Твой Сергей Г.

Если не приедешь, — напиши что-ниб <удь>, чтоб в воскресенье получить.

¹ А. Блок. Снежная маска. Изд-во «Оры», 1907. Книга стихов Блока, посвященная актрисе Н. Н. Волоховой. Тридцать стихотворений, составившие книгу, были написаны в две недели с 23 декабря 1906 г. по 13 января 1907 г.

² Городецкий имеет в виду стихотворения цикла «Ненужная весна», написанные Блоком в марте 1907 г.

³ Пригород Петербурга, где жил С. Городецкий и где любил бывать Блок.

⁴ Вячеслав Иванович Иванов.

18

Баку <середина апреля 1907 г.>

Вот видишь — сам не знаю — чего делается — не успел зайти к тебе, так <?> и уехал после некоторого пустого пространства в наших свиданиях. Что делаешь? Письму сюда буду очень рад, тем более, что только собирался познакомиться с тобой последнего времени. Писать трудно, п <отому> ч <то> голова пуста, т. е. полна не тем. Целую тебя, очень крепко. Кланяюсь Люб <ови> Дм <итриевне> и Сомову¹, если он еще не кончил тебя рисовать.

Твой Сергей²

Дата почт. шт. получения — 19 апреля 1907 г.

¹ Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — художник. Писал портрет Блока по заказу журнала «Золотое руно» в апреле 1907 г.

² В конце апреля 1907 г. Городецкий послал Блоку открытку из Тифлиса: «Пия вино, скучаю по тебе. Теперь один. Целую крепко. Твой С. Городецкий».

³ Литературное наследство, т. 92, кн. 2

19

7 июля 1907 г.

Как же это мы про Пяста забыли? (Тер<иоки>)¹

Сергей Г.

Завтра <в> воскр<есенье> жду.

¹ Речь идет о Пясте как возможном участнике «Вечера нового искусства» в театре-казино в Териоки. Дата вечера выяснилась в этот день, 7 июля 1907 г. — см. письмо Блока к Л. Д. Блок от этого дня (ЛН, 89, с. 214). По-видимому, в этот же день или накануне Блок и Городецкий обсуждали состав участников. 13 июля 1907 г. на этом вечере, помимо Блока, Городецкого и Пяста, выступали А. С. Рославлев, Л. М. Василевский, Е. М. Мунт. Об одном эпизоде, связанном с этим вечером (отрицательное высказывание Блока о моральных качествах «Р.» — по-видимому, А. С. Рославлева), см.: Вл. П я с т. Воспоминания о Блоке, с. 62.

20

<Середина декабря 1907 г.>

Любимый Блок!

Непреренно приезжай в пятницу 21 дек. в Лесной пораньше вечером со всем своим прекрасным гаремом¹ — целую ему ручки вс.му, чтоб не сердился на меня (Веригина² там же).

Твой Сергей Г.

¹ Так шутливо называл Городецкий актрис театра В. Ф. Комиссаржевской, друзей Блока и Л. Д. Блок.

² Валентина Петровна *Веригина* (1882—1974) — артистка театра В. Ф. Комиссаржевской, близкая подруга Л. Д. Блок, автор воспоминаний об Александре Блоке.

21

4 сент. 08

Милый мой и любимый.

Пишу тебе и лирически и деловито. Лирически: очень щемит сердце и я завидую тебе, видя только за окошком, как бурекют деревья. Я только что болен был, в первый момент думал, что холерой. Но оказались нервы и простуда. Первым никогда еще не был *болен*. Упиваюсь бромом. Это меня подвели внезапные и трудные дела, по ликвидации прошлого. Сегодня выходил в первый раз, зеленый и костлявый.

Дела вот какие. Мой инцидент с «Весами» разросся¹ и обострился. Маленький повод потревожил большие причины, и началась «дифференциация». Ликиардопуло письмами в редакцию повторил свою гнусность, что я издеваюсь над национальностями². Я один раз опровергнул³. Написал статью в «Русь» «Аминь», в которой констатирую раскол и стою за размежевание. Схема статьи: Бальмонт, Вяч. Иванов, Сологуб вышли из декадентства, З. Гиппиус нет, Мережковский ушел в сторону, Брюсов не выполнил своей задачи, ведя «Весы» пристрастно и консервативно. Второй ряд не трогаю, т. е. тебя и Белого (о нем несколько слов, не называя)⁴. Но в след<ующей> статье должен буду заняться именно этим. Поэтому несмотря на всю щекотливость, я просил б тебя помочь мне определить твое положение⁵.

До сих пор не было ничего неудобного быть и в «Весех» и в «Руне». Тешерь идет к тому, что это станет неудобным. Говоря совсем откровенно, я думаю, что ты со мной согласен, но предпринимать что-либо не станешь. Того же я жду от Вячеслава и еще в большей мере. Между тем именно тебя и его очень интересно бы видеть в определенном положении. И у тебя и у него есть все-таки какая-то связь с «Весами», мне уж непонятная⁶. Я прошу от тебя такого же откровенного ответа, как мои эти соображения. К сведению: из «Руна» ушел из-за инцидента С. Соловьев⁷, а из «Весов»: Мейерхольд, Милиоти, Э. Вальдор⁸.

Вот и все дела.

БЛОК. «НОЧНЫЕ ЧАСЫ», М.,

«МУСАГЕТ», 1911

С дарственной надписью

С. М. Городецкому

Частное собрание

Москва

*Сергеев Городецкому
от него же сына
АЛЕКСАНДР БЛОК автогр.*

Ночные часы

Четвертый сборник стихов

(1908—1910).

Книгоиздательство «Мусагет».
Москва — МСМХ

Ноябрь 1911.

Ты ведь поедешь в Киев? И Люб<овь> Дмитриевну бери. Я не могу без Нимфы⁹, поэтому агитирую и Чулкова взять Над<ежду> Григ<орье>вну¹⁰. С Сологубом чудеса: снял дворец и завел гарем (Но увы — Настя Чеботаревская¹¹ — плохое украшение). Может быть, и он возьмет свой штат?¹² Важен необыкновенно. Очень интересен и говорит односложно.

Чулков ради холеры перестал пить. Когда было три праздника в августе, мне невыносимо захотелось водки, но у нас на Пет<ербургской> стороне нельзя было достать, а в город не поехал — лень осилила.

Я все еще ничего не делаю и ничего не хочу делать. Впрочем, вру. Пишу рассказы. Только ужасно все короткие выходят и потому невыгодные. Первый будет в «Шиповнике». Там же будет рассказ Веры, которую ты у меня видел (VII альманах будет для «начинающих»)¹³.

Теперь совсем все рассказал — пиши.

Целую тебя крепко.

Твой С. Городецк и й

Привет сердечнейший Любви Дмитриевне.

Пет<ербургская> стор<она>, Полозова, 5, кв. 5

¹ 1906—1908 гг. были периодом ожесточенной полемики между московскими символистами, группировавшимися вокруг журнала «Весы», возглавляемого В. Брюсовым и сторонниками так называемого «мистического анархизма» — Г. Чулковым, Вяч. Ивановым, Городецким и некоторыми другими, в основном петербургскими литераторами. Общественно-литературная полемика часто осложнялась личными мотивами. Летом 1908 г. после публикации статьи «Глухое время» Городецкий был исключен из сотрудников «Весов» («Золотое руно», 1908, № 6).

² О претензиях, которые предъявил Городецкому секретарь «Весов» М. Ф. Ликиардопуло см. переписку В. Брюсова и Вяч. Иванова (ЛН, 85, 512—515).

³ С. Городецк и й. Письмо в редакцию. — «Новая Русь», 1908, № 10, 25 августа. См. также его письмо в редакцию «Золотого руна» (1908, № 7—9, с. 125) и ответ журнала на письмо М. Ф. Ликиардопуло в газету «Новая Русь» (там же, с. 124—125).

⁴ Статья «Аминь» была напечатана в «Золотом руне» (1908, № 7—9, с. 105—107).

⁵ Блок, которого часто резко критиковали на страницах «Весов», тем не менее публиковал в журнале свои стихотворения и циклы стихов. Он старался избежать разрыва с редакцией «Весов», однако его позиция была достаточно жесткой. 18 сентября 1908 г. он писал Чулкову: «Продолжают ли «Весы» заниматься своей дрянью? Если попробуют

меня оседлать, я уйду, ибо ничем, кроме прекрасных воспоминаний, не связан» (VIII, 254).

⁶ Несмотря на то, что Вяч. Иванов был одним из главных «противников» «Весов», он не подвергался на страницах журнала той беспощадной критике, которая обрушивалась на «петербуржцев». Вячеслав Иванов, как и Блок, избегал окончательного разрыва с «Весами».

⁷ С. Соловьев. Письмо в редакцию. — «Весы», 1908, № 8, с. 116.

⁸ Василий Дмитриевич *Милиоти* (1875—1943) — художник, автор виньеток к сб. «Нечаянная радость», сотрудник «Весов». Eshmer—Valdor — псевдоним французского поэта Александра Мерсеро, который в 1908 г. жил в России.

⁹ Так среди друзей звали жену Городецкого, Анну Алексеевну Городецкую.

¹⁰ Надежда Григорьевна *Чулкова* (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова.

¹¹ Анастасия Николаевна *Чеботаревская* (1876—1921) — критик, переводчица, жена Ф. К. Сологуба.

¹² Поездка петербургских писателей осенью 1908 г. в Киев не состоялась.

¹³ Восьмой (а не седьмой) выпуск альманаха «Шиповник» был предоставлен «начинающим». Городецкий опубликовал в нем рассказы «Кроты», «Ярмарка» и «Скала» («Шиповник», кн. 8, 1909, с. 201—217), а Вера Яровая — рассказ «Три комнаты» (там же, с. 177—198). Вере Яровой посвящено стихотворение из цикла «Друзьям» в сборнике Городецкого «Цветущий посох».

Милый!

Люблю тебя верно и всегда. Вражда — святая — у нас есть, но не там, где ты видишь.

Неправда (NB), что я считаю тебя больше нашей темы — России. Только я родился с ней, а ты к ней пришел. И корень вражды не здесь ¹.

А вот где:

Я не болен, клянусь в этом. И ты мне тягостен словами о пропасти между поэтом и народом. Я ее не ощущаю. *Ее нет* ². И хочу, чтоб ты ощутил так же. Тягостен мне и союз твой с мертвыми.

На словошпрение ³ не приду, потому что мне еще рано говорить, а когда заговорю, то исповедую, а не возражая. А пока говорю каждым своим шагом, каждым взором и ненарушимой в глубине ясностью. Это не ходули, милый, а моя правда.

Приду к тебе поцеловать тебя на кресте. *Исцелишься*, и опять будем вместе.

Твой С. Г о р о д е ц к и й

Любовь Дмитриевне особенный мой поклон.

¹ 13 ноября 1908 г. в религиозно-философском обществе Блок прочел доклад «Россия и интеллигенция», в котором сказал о «недоступной черте», существующей между интеллигенцией и народом, черте, которая определяет трагедию России. Вопрос о народе и интеллигенции рассматривал Блок как часть общей «темы России». Об этом см. в письме К. С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г.: «Стоит передо мной моя тема, *тема о России*. . . Этой теме я сознательно и бесповоротно *посвящаю жизнь*. Все ярче сознаю, что это первейший вопрос, самый жизненный, самый *реальный*. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и *знаю*, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела прямой, как стрела — действенный. Может быть, только не отточена моя стрела» (VIII, 263).

Доклад Блока вызвал ожесточенную полемику и споры. Поэт сообщал матери: «10-го спорил с Чулковым не на жизнь, а на смерть — «О России и интеллигенции». 11-го объяснился по тому же поводу с Городецким, который просит тебе поклониться. Он — очень хороший, все такой же, но мы с ним не согласны» (VIII, 268).

² В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий говорил, что разделение «героя» и «народа» в «Песне Судьбы», символически выраженное в эпизоде, когда Фаина — Русь бьет героя бичом, — это недопустимый пережиток декадентства. Далее он писал: «Мы имели моменты, когда все переплавилось и соединилось. В этой переплавке навеки погиб старый грех русской жизни: оторванность интеллигента от народа. Воскрешать его — было бы непростительным регрессом. В своей публицистической деятельности Блок принял участие в этом регрессе, но здоровые поэтические силы успели вовремя удержать его. Все-таки в драме успели отразиться эти мысли» («Золотое руно», 1909, № 4, с. 80).

³ 12 декабря 1908 г. Блок повторил свой доклад (под названием «Обожествление народа в литературе») в Литературном обществе. Заседание состоялось под председательством В. Г. Короленко.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ И С. А. ЕСЕНИН

Фотография, 1915 г.

Частное собрание, Москва

См. письмо Блока матери от 14 декабря 1908 г.: «12-го, как ты читаешь, вероятно, в сегодняшних газетах, читал в Литературном обществе. . . Оживление было необычайное. Всего милее были мне: речь Короленко, огненная ругань Столлнера, защита Мережковского и очаровательное отношение ко мне стариков из «Русского богатства» (Н. Ф. Анненского, Г. К. Градовского, Венгерова и пр.). Они кормили меня конфетами, аплодировали и относились как к любимому внуку, с какой-то кристальной чистотой, доверием и любезностью» (VIII, 269).

23

26 декабря 1908

Милый Копартнершип! ¹

Пошли, пожалуйста, на свое рефератство 30-го ² повестку Дмитрию Владимировичу Кузьмину-Караваеву (Мойка, 92). Ты, помнишь, видел его в Лесном у меня. Он с.-д. и оратор великолепный ³.

Целую тебя крепко. Твой С. Городецкий

¹ Copartnership (англ.) — товарищество на паях. Городецкий употребил это шутовское обращение, по-видимому, под влиянием чтения статьи американского социалиста Г. Д. Ллойда «Копартнершип», посвященной истории кооперации, которая печаталась в 1908 г. в журнале «Образование».

² Доклад Блока «Стихия и культура» в Религиозно-философском обществе.

³ Д. В. Кузьмин-Караваев (1886—1950-е гг.) был в это время студентом юридического факультета Петербургского университета. Он активно участвовал в прогрессивном студенческом движении, например, в передаче протеста испанскому правительству по поводу убийства социалиста Ферреро (ЛГИА, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10285). В 1910—1911 гг. сблизился с Блоком (см. наст. том, кн. 3). В 1910-е годы служил по ведомству землеустройства. К этому времени относится стихотворное обращение Городецкого к нему:

Уж таял снег. В грязи тонули санки.
Мы ехали и ты взволнован был,
Жестикулировал и говорил
О подоплеке партий, об изнанке.
Была весна (в кавычках), помнишь? Что же
Мы так испуганно назад глядим?
Иль может быть, и вправду непохоже,
Что ты — чиновник, а мечтатель — дым?

(С. Городецкий и Цветущий посох. СПб., 1914, с. 115).

24

«22 января 1909 г.»

Приходи! Жду.

Прочешь небольшой реферат смогу, только в начале февраля, между 5—10¹. Что важнейшее? И что у тебя вообще? Все ли дома? И сколько вас? И кто третий? ² Целую крепко и хочу зайти раньше, чем получишь эту открытку. Твой С.

Возмущен Садовским ³. А ты? Твоя рецензия прелестна ⁴.

Датируется по почт. шт.

¹ Блок обратился к Городецкому с предложением о чтении реферата по просьбе З. В. Зверевой. 23 января 1909 г. он сообщил ей о согласии Городецкого («Литературная газета», 1971, № 31, 28 июля, с. 7). Реферат должен был состояться в Медицинском институте. Темой его должна была быть поэзия современных русских символистов. По-видимому, содержание его совпадало со статьей Городецкого «Ближайшая задача русской литературы». В письме к З. В. Зверевой от 27 января 1909 г. Блок спрашивал (видимо, по инициативе Городецкого), будут ли прения после реферата (см.: Александр Б л о к. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. М., 1975, с. 170).

² Вопросы относятся к предстоявшим Л. Д. Блок родам.

³ В рецензии на 4 книгу альманаха «Сполохи» Б. Садовской писал: «Сборник открывается стихотворением г. Городецкого «Цыган». Г. Городецкого дружественная критика еще года два назад поторопилась зачислить в разряд подающих надежды молодых талантов. За те же два года г. Городецкий успел выпустить три книжки стихотворений. Внешний успех погубил поэта, и кажется, трудно уже сомневаться, что последний его сборник «Дикая воля» прихлопнул талант г. Городецкого гробовою крышкой» («Русская мысль», 1909, № 1, отд. 3, с. 3). Следует отметить, что рецензия Б. Садовского на «Ярь» («Русская мысль», 1907, № 5, отд. 3, с. 85—86) была, в общем, благожелательной.

⁴ Рецензия Блока на сборники стихов 15 поэтов (V, 646—649) была помещена в «Русской мысли» (1909, № 1) в непосредственном соседстве с упомянутой выше рецензией Садовского.

25. БЛОК — А. А. ГОРОДЕЦКОЙ

28.II.09

Милая Анна Алексеевна ¹.

Считайте за мной, пожалуйста, для Вашей няни 3 рубля. Люба воротилась, а я сейчас простужен и тоже сижу дома, но скоро Вам принесу. Целую Вашу руку.

Преданный Вам Александр Б л о к

¹ Анна Алексеевна *Городецкая* (?—1946) — жена С. М. Городецкого. По сведениям, сообщенным дочерью поэта Р. С. Городецкой, в семейном архиве Городецких хранилось более десяти писем Блока А. А. Городецкой. Почти все они были уничтожены адресатом незадолго до смерти.

26. А. А. ГОРОДЕЦКАЯ — БЛОКУ

«9—10 октября 1909 г.»

Александр Александрович!

Я прочла Ваше письмо ¹ и спешу высказать Вам свое полное негодование ². Когда вышла Ваша «Песня Судьбы», кот «орая» как в художественном, так и обществ «енном» смысле ниже всякой самой снисходительной критики, она просто жалка по бессилию, и Сергею предложили в нек «оторых» газетах и журналах дать отзыв — он отказался, не желая ругать Вас в печати. Он ограничился только разговором с Вами ³. Это поступок друга, а не иезуита или фарисея.

Вы же зная, что в Пет «ербурге», кроме «Речи», нет другой газеты, хотя бы «Слова» ⁴, где в противовес Вашей ругани была бы другая статья, Вы, конечно, зная это, нашли для себя удобным тиснуть свою рецензию.

Это поступок друга, как Вы называете себя в письме! Вы могли бы лично Сергею высказать свое негодование по поводу «Руси».

Сергей не нуждается ни в этом «. . .», ни в Ваших похвалах, у него есть солидные доказательства значения «Руси», но ему горько и противно, что и «друзья» не выше тех евреев-дельцов, что держат «литературные лавочки».

Анна Г о р о д е ц к а я

¹ Имеется в виду несохранившееся письмо Блока к Городецкому.

² По-видимому, в письме к Городецкому, написанном предположительно 8—9 октября 1909 г., Блок предупредил его о содержании резких критических замечаний в рецензии на сборник Городецкого «Русь», которую Блок написал для газеты «Речь», где она и была опубликована 12 октября 1909 г.

³ Еще до публикации «Песни Судьбы» Городецкий посвятил ей отдельную статью «Первопутки» в № 3 журнала «Лебедь» (номер датирован 1 декабря 1908 г.). Пересказав сюжет пьесы, Городецкий резюмировал: «Говорят, что Станиславский, прослушав, сказал: Шекспир, Гете, Ибсен. Мы скажем: Блок. Блок на первопутке «. . .» На основании некоторых мест драмы можно установить, что в намерения автора входят следующие равенства: Фаина=Россия. Спутник=Самодержавие. Герман=Современный герой. Если бы автору удавалось всегда на одной высоте держать достоверность этих знаков равенства, мы, действительно, имели бы национальное произведение, гордость народа, но насколько можно уловить, слушая чтение, не везде знаки равенства стоят с одинаковым правом. Первый, узкий смысл везде приемлем. Второй, широчайший, кажется иногда натяжкой. Мы, наверно, имеем превосходную драму личности и общества. Но, может быть, мы не имеем трагедии героя и народа. Во всяком случае, по первопутке мчится конь быстрый, смелый, новый. Просторного ему пути по всем колеям необозримых полей нашей родины! Далекого ему пути по всем сердцам притихших наших родичей!» («Лебедь», 1908, № 3, с. 36). В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий писал о «Песне Судьбы»: «Слепыми, неуверенными движениями ступает он «Блок», но по верной дороге» («Золотое руно», 1909, № 4, с. 68). Наконец, осенью 1909 г. написана Городецким хроникальная (неподписанная) заметка о 9 книге альманаха «Шиповник»: «Заключен альманах «Песней Судьбы» А. Блока. Все лирические места этого «драматического пролога» прекрасны. Но диалог неумел; драма как таковая отсутствует, и — что самое странное — смысл, предлагаемый автором пьесы, не дается непосредственно ее содержанием. Пьеса возбуждает недоумение. Как, впрочем, и подобает прологу. Надо ждать первого акта» («Золотое руно», 1909, № 7—9, с. 150—151).

⁴ Издание газеты «Слово», в которой печатались и авторы символистского круга, прекратилось 6 июля 1909 г.

«10 октября 1909 г.»

Я не ожидал иного отношения к этой книге от петербуржцев ¹. Но из мнением я не интересуюсь и твоей рецензии читать не буду. Также не буду с тобой ссориться, потому что не придаю значения тебе как критику и общественному дельцу ². Люблю тебя как лирика и ненавижу все иные виды. Что же касается взаимных чувств наших, то их ты оскорбил тупо и жестоко поспешностью и неумением сдержать свой «критический» порыв, хотя бы до первого свидания.

«Песни и думы» — только первый выпуск «Руси», а будет второй, третий и четвертый, в 910, 11 и 12 гг. ³, и только тогда ты мог бы судить о замыслах

Анке Аленствена.
 Серент и пошлем лосины
 Николаю Кюсва, прощу
 Вася, возбните ея у
 него и прогнате, и
 радуйтеб, силас,
 Трестоси от Ваши и
 Трестоси среди нас.
 У меня боится сейган
 о Вас средсе. Утучю
 Вас в уста, как
 сестру. Обсайте мам,

Этих мит мозас
 было икогда проидти
 в Ваш обочи, кидитб
 тихо — и лето и свобто
 збориль о вкупрестеи
 и бастант о востикел.
 Вта смбкас и прекрасн,
 впрок Вам и простоте
 мена.
 Вк моझे мам
 сдвобант.

7^х 1911.

А. Б.

Ели Вам кеприенно,
 тоно и мам кеприенно
 маму, ми вк совети
 и душим дунасте сейган,
 прощу Вас, радуйтеб
 обо этом только шину,
 поможу я маму ^{Вам}
 не за себя и не за
 Вас, а во шар кеприенно
 обую, продвобити мам
 стало легче

ПИСЬМО БЛОКА А. А. ГОРОДЕЦКОЙ ОТ 7 ДЕКАБРЯ 1911 Г.

Автограф

Частное собрание, Москва

и соответствиях. Издание, по-моему, очень изящное, особенно которое для дам⁴. А цена такая, какую могут платить все, кто хотел меня читать и до сих пор не мог⁵. Имею уже свидетельства, ценнейшие всего, что сумеют сказать литераторы. От всей души желаю тебе получить возможность издаваться именно так.

Огорчил ты меня очень.

С. Г о р о д е ц к и й

Листопад 6. 10 д<ень> 9 г<ода> Лесной

¹ Книга Городецкого «Русь. Песни и думы». (М., изд. Сытина) вызвала отрицательный отклик Блока. Он писал в рецензии: «Если бы исполнение последней книги стихов С. Городецкого соответствовало бы ее замыслу, было бы уместно говорить о самом замысле, о том страшном, многоголовом чудовище, именуемом «Русью», которое из рода в род влечет и губит своих певцов. Но исполнение не соответствует замыслу. Книга «Русь», несмотря на присутствие в ней нескольких удачных стихотворений. . . строф и образов. . . лишена цельности. В ней нет упорства поэтической воли, того музыкального единства, которое оправдывает всякую лирическую мысль; нет и упорства работы, которое заставляет нызать кольцо за кольцом в целую цепь. Это — книга переходная, полунанписанная, а потому — достойная внимания только как страница биографии талантивого автора» (V. 649—650).

² Творчество Блока-критика не получило должной оценки у современников. Отрицательное отношение к его прозе высказывали Э. Гиппиус, А. Белый, С. Соловьев и др. Следует отметить, что Городецкий со временем пересмотрел свое отношение к прозе Блока и в «Воспоминаниях о Блоке», опубликованных в 1922 г., одним из первых сказал о большом значении его прозаических работ.

³ «Песни и думы» — «первый», по словам Городецкого, выпуск «Руси» продолжения не имел.

⁴ См. сведения, предоставленные Городецким для хроники «Золотого руна»: «Сборник отпечатан двумя изданиями, роскошным (25 коп.) и простым (по 15 коп.) в количестве, далеко превосходящем обычные тиражи стихотворных сборников» («Золотое руно», 1909, № 7—9, с. 149).

⁵ Городецкий отвечает на упрек, содержащийся в рецензии Блока: «Невысокая цена и лубочность издания указывают на то, что книга предназначена для широких масс. Зачем? Это — несерьезность, производящая неприятное впечатление» (V, 650).

⁶ В 1909—1910 гг. Городецкий датировал свои письма названиями месяцев, восходящими к древнерусской традиции (листопад — октябрь, грудень — ноябрь, студень — декабрь и т. д.).

28

<11 октября 1909 г.>

Ты забываешь логику, приписывая мне нелепость, что я ненавижу тебя, как человека. Во-первых, лирик это и есть сам человек в глубочайшей своей сущности. И, сказав, что я люблю тебя как лирика, я сказал именно, что люблю тебя в твоей человеческой глубине. Во-вторых, «критик», «делец», и т. д. это все *виды*, как я и написал, т. е. маски, которые ты примериваешь, и я ненавижу только их и как раз во имя любви к сущности твоей.

Итак, первая причина желаемой тобой ссоры, как видишь, не существует.

Вторая — письмо А. А.¹ — меня не касается: это случай побочный, твое и ее дело, и не мое и твое.

Больше никаких нет поводов ссоры.

Если же ты имеешь желание ссориться, как таковое, то против этого я ничего не могу, конечно, поделать.

С. Г о р о д е ц к и й

Листопад 11 д<ень> 9 г<ода> Лесной.

И когда были от меня тебе упреки? Высокомерие же и дурное самолюбие в себе отрицаю.

¹ Анна Алексеевна Городецкая. См. ее предыдущее письмо от 9—10 октября.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Рисунок С. Сорина (карандаш), 1919 г.

Частное собрание, Москва

«13 октября 1909 г.»

Я исполнил твое желание и прочел рецензию, и поэтому беру на себя ответственность за письмо А.¹ Но всецело переношу ее на тебя и этим исчерпываю, наконец, конфликт. Действительно, в рецензии по внешности все прилично. Но внутренне она скверна передо мной. Говоря образно, ты налагаешь в ней на меня бархатную лапу декадентизма, из-под которой я давно вылез. Пахнет Вячеславкой². Говоря просто, умаляешь то, что ты-то уж, конечно, знаешь. Кому пот, а кому лёт, и не все верхком смеряешь, хотя бы и пушкинским³. Книжки же ты просто не прочел толком, не посмотрел года⁴ и не увидел ее души. За что надо, поругал, а за что надо хвалить свыше меры, промолчал. Уж такой ты критик.

Все это оскорбляет тот высокий образ тебя, который с самого начала живет во мне и который стремительно восприняла А., и который имеет, как я думаю, свои основания в тебе, только слишком глубоко зарытые сволочной нашей жизнью. Последнее подтверждается тем, что ты не мог не предупред-

дить меня, открывая клапан нечистот, излитых в «Речь» <...>: вспомни Бальмонта ⁵.

Из оскорбления образа — письмо А.

В нем, насколько я знаю, кроме непосредственного взрыва чувств, было еще только мнение о «П. С.» ⁶.

И на то и на другое ответить ты ничем не можешь, если б и хотел.

Я уверен, что ты, заговорив языком своей глубины, когда-нибудь сможешь восстановить образ свой в А. Теперь же она не может слышать твоего имени. Но это только знак прямоты и подлинности чувств, которыми ты по недоглядке пренебрег.

Вот и все, милый.

Позволь мне эту нежность, в которую влагаю все, что собиралось за долгую разлуку и что берег для первой встречи ⁷.

С. Г.

Листопад. 13 д<ень> 9 г<ода> Лесной

¹ Анна Алексеевна Городецкая.

² Городецкий имеет в виду Вячеслава Иванова.

³ Блок писал в рецензии: «... причины такой неудачи лежат в общем стремлении большинства современных писателей предавать тишению мысли незавершенные и образы неотчетливые. Не избежал этого и Городецкий, выпускающий книгу за книгой с неестественной быстротой. Нет ничего удивительного в том, что из шести уже вышедших в свет книг его стихов и прозы можно собрать только одну книгу хороших «липейских» стихов: Городецкий начал печататься менее трех лет назад; до прозы же всякий поэт доходит работой многих годов, чему вечным примером служит работа Пушкина» (V, 650).

⁴ Городецкий, споря со словами Блока о «неестественной быстроте» публикации, указывает на то, что большинство стихов «Руси» написано еще в 1908 г.

⁵ Речь идет о статье Блока «Бальмонт», опубликованной в «Речи» 2 марта 1909 г., в которой дана резко отрицательная оценка четырех книг Бальмонта, вышедших в 1908—1909 гг. В заключение этой статьи Блок писал: «Так вот, я считаю своим приятным долгом посоветовать читателю, не желающему осквернить памяти о большом поэте, содействовать истреблению последних книг Бальмонта...» (V, 375). В статье «Ближайшая задача русской литературы» Городецкий упомянул об этом отзыве, не называя Блока по имени: «... один молодой критик, которого во всем можно упрекнуть, кроме отсутствия поэтического чутья, серьезно советует читателям сжечь все последние книги Бальмонта...» («Золотое руно», 1909, № 4, с. 68).

⁶ «Песня Судьбы» — пьеса Блока.

⁷ 15 октября 1909 г. Блок писал матери: «С Городецким — бесплодная переписка, которая ничем, кажется, не кончится» («Письма к родным», I, с. 275).

30

«9—25 июня 1910 г.»

Милый!

Ответил тебе на твое письмо тотчас, но не помню: послал его или потерял в предотъездной суматохе. Было веселое письмо: называл тебя Хаусбезицером ¹ и желал строить дом ладнее ². Я живу в имении, близ М. Вишеры, в тишине и книгах. Еще не поправился и не пошел. С тобой повидаться летом хочу непременно, приду либо приеду на день ³. Буду рад получить от тебя письмо здесь, целую крепко и люблю, привет Любви Дмитриевне.

Твой С. Городецкий

Ник<олаевская> ж. д., Малая Вишера. Мне.

Ловил ли рыбу бродцом ночью? Хорошо!

С. Г.

¹ Хаусбезицер (нем. — Hausbesitzer) домовладелец.

² Летом 1910 г. Блок перестраивал дом в Шахматове. Письмо Городецкого от 14 мая 1910 г., начинающееся словами «Милый Хаусбезицер! Строй, строй покрепче да поладнее...» и сопровождающееся рисунком, изображающим Блока с топором, было получено Блоком (не воспроизводится в настоящей публикации).

³ Городецкий в Шахматове не бывал.

Васильевский остров, 12 линия, д. 15, кв. 18

Милый Саша!

Я, кажется, первый раз так тебя называю, но сейчас хочется сказать по-теплее, и, именно, назвать. Мы уже несколько дней в Петербурге — адрес прочел наверху. Уже прибегал Чулков, ставший голубоглазым и седоватым, и рассказывал *все*, т. е. о «Шиповниках» и Христе, о сплетнях и верах и т. д. Пахнуло Петербургом, а тебя нет. Я веселый и здоровый, хоть в августе и потрепала лихорадка, с длинной вереницей стихов. Очень хотел бы почитать тебе и твоих послушать. Слух, что ты зимуешь у себя. Это хорошо очень, а все же жаль¹.

Есть к тебе передача. Ты знаешь Харьковский «Голубой Глаз»². Очень хороший. Они влюблены в тебя и хотят ставить «Балаганчик»³. У меня был здесь Евгений Иванович Чигринский (оттуда) и просил написать тебе об этом. Они вообще хотят устроить твой вечер, чтобы ты прочел лекцию, и стихи, и скоро тебе напишут об этом⁴. Я в прошлом году привез самые благоприятные впечатления от «Голубого Глаза» и Харькова. В «Голубом Глазе» есть чудесный карлик Гутман⁵. Будь с ним ласков.

Был ли ты когда-нибудь в Гельсингфорсе? Это необычайно. Мы провели сейчас там несколько дней, и я радостно принял какую-то важную часть Европы, т. е. культуры.

После Новгорода, где я был летом, это самое сильное впечатление. А в Новгороде XII века Спас Нередицкий — изъяснимо только в стихах.

Я принимаюсь за университет — который раз! Но, может быть, теперь прочно⁶.

Целую тебя крепко и хочу от тебя письма. Шлю сердечный привет Любви Дмитриевне.

Твой С. Городецкий

¹ После ремонта дома Блок предполагал провести зиму в Шахматове. Однако поздней осенью вернулся в Петербург.

² Кабаре «Голубой глаз» существовало в Харькове в сезоны 1909/10 г. и 1910/11 г. (закрылось 20 февраля 1911 г.). В последнем сезоне, когда во главе театра стал Е. И. Чигринский, там был поставлен ряд пьес петербургских литераторов: «Стрижка ежа» и «Молли» («Блэк энд уайт») П. П. Потемкина, «Маг» И. фон Гюнтера (перевод П. П. Потемкина) и др. С. Городецкий специально для «Голубого глаза» писал пьесу «Слепые дети» («Последние новости сезона». Харьков, 1910, № 143, 7—14 ноября). 22 ноября 1909 г. в «Голубом глазе» была поставлена «Незнакомка» Блока в декорациях Е. А. Агафонова (см. подробный отчет М. Бина <М. Ю. Берхина>. — «Последние новости сезона», Харьков, 1909, № 111, 29 ноября — 6 декабря).

³ К началу сезона пьесы Блока уже числились в репертуарных планах кабаре (Бин <М. Ю. Берхин> «Голубой глаз». «Последние новости сезона», 1910, № 139, 12—19 сентября). Впоследствии в печати сообщалось, что идут репетиции «Балаганчика» («Харьковская копейка», 1910, № 25, 19 октября). В связи с предстоявшей постановкой газета «Последние новости сезона» (1910, № 145, 24—31 октября) опубликовала подробный пересказ сюжета «Балаганчика» (подписан «И. Э.»). Однако спектакль не увидел света.

⁴ Блок был намерен в числе лекторов («Последние новости сезона», 1910, № 139, 12—19 сентября) и, если верить газетному сообщению, получил приглашение наряду с Г. Чулковым, К. Чуковским, А. Кугелем, Городецким («Утро», Харьков, 1910, № 1151, 24 сентября). Поездка Блока в Харьков не состоялась.

⁵ Давид Григорьевич Гутман (1884—1946) — впоследствии видный советский режиссер. В 1910 г. перешел из труппы Харьковского городского театра в «Голубой глаз».

⁶ В автобиографии Городецкий писал: «Десять лет, с 1902 по 1912 год, я не мог оторваться от университета: я по два года работал по славяноведению у Сырку и Лаврова, по античности у Зелинского, по русской литературе у Жданова, по истории искусства у Айналова. . . Имея предложения от каждой из этих кафедр остаться при университете, я расстался со своей альма-матер, не сдав государственных экзаменов, потому что ни одна из них не давала мне путевки в жизнь на основе твердого мировоззрения». К 1908 г. Городецкий окончил полных 8 семестров, но не получил выпускного свидетельства. В сентябре 1909 г. он вновь был принят в число студентов историко-филологического факультета, а в октябре 1911 г. «уволен по прошению» (ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 55626).

БЛОК И А. А. ГОРОДЕЦКАЯ

Рисунок С. М. Городецкого с надписью: «Блок у меня на острове. 20-11-1911»
Частное собрание, Москва

20 октября 1910

Милый мой, любимый!

Я долго ждал Твоего письма и вот оно — неожиданно. Вчера как раз, или третьего дня, возвращаясь из Лесного в первую метель, вспоминал казармы и вечер и снег; и переулки, и чувствовал к Тебе нежность неизъяснимую¹. Я вне всякой литературы связан с Тобой, первыми отроческими впечатлениями бытия, и в минуты ясности, в минуты грусти одинаково, тянусь к тебе и тяну тебя к себе. Это выше и крепче много-многого.

Не грусти, нет! Ведь ты с землей. Литературу долой, а песня здравствуй! Душа должна быть растворена, как врата алтаря, у всех, кто может это теперь. А ты один из первых тут.

Ты забываешь себя. Ты бедкерствовал в нехорошей лиловости, изменял себе, Блоку².

У меня много молодежи — поэтов знакомых. Какие чудесные цветки растут там от Тебя.

Вчера Гречанинов играл музыку на «Мальчики и девочки, свечечки и вербочки» у нас, а пела певица³. Если б ты вспомнил, как это хорошо, ты перестал бы грустить.

Что тебе рассказать?

Петерб<ург> сейчас хороший.

«Таинственные кулисы»⁴ прокучивают аванс во Флоренции. На дорогу туда хватило. Тебя не хватает очень, и в воздухе Ты всюду. Я думаю, еще через несколько времени, Тебе хорошо будет вернуться сюда. Родятся издания, театры, люди — «эх, тесное коловращенье, ох, бедная ты голова» (мои стихи).

Если б Шахматово поближе, приехал бы к Тебе на лыжах с парусом — было бы ладно!

Если бы я хоть слово получил от Тебя раньше и мне б увидеть Тебя, я не так бы написал кое-что про Тебя в одной статье⁵. Меня очень рассердило бедкерство по Вячеславу. Печатаю свою статью в «Аполлоне» ты упустил из виду одно. Ее, мож(ет) б(ыть), можно было *слушать*, читаемую *Твоим* голосом, но читать ее напечатанной невозможно. Там много неверного. Об этом, и вообще о литературе, напишу, если хочешь, особо и подробно.

Я блажен был бы закатиться в поля к земле, но сейчас в литературе так важно и так нужно нечто сработать, что грешно бросать посты. Ты должен у земли копать силу, а дарить ее здесь.

Целую Тебя крепко, как люблю.

Твой С. Городецк и й

Любови Дмитриевне сердечно целую руку. Что с Александрой Андреев-ной? Печалюсь об ней⁶.

СПб., В. О. 12 линия, 15, кв. 18

¹ В первые годы дружбы с Блоком Городецкий часто бывал у поэта в Гренадерских казармах на Невке, где была квартира отчима Блока Ф. Ф. Кублицкого-Пиотух. Блок любил гулять с друзьями в метель по глухим уголкам и переулкам Петербургской стороны. Получив это письмо, Блок писал матери 25 октября 1910 г. из Шахматова: «Городецкий написал мне очень милое письмо» («Письма к родным», II, с. 93).

² Имеется в виду статья Блока «О современном состоянии русского символизма» («Аполлон», 1910, № 8), представляющая собой обработку доклада, прочитанного 8 апреля 1910 г. в Обществе ревнителей художественного слова как ответ на доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма». Блок, как и Вяч. Иванов, проводил в своем докладе мысль о кризисе, характеризующем русский символизм. «Моя цель, — писал Блок, — конкретизировать то, что говорит В. Иванов, раскрыть его терминологию, раскрыть свои иллюстрации к его тексту; ибо я принадлежу к числу тех, кому известно, какая реальность скрывается за его словами, на первый взгляд отвлеченными; к моим же словам прошу отнестись как к словам, играющим служебную роль, как к Бедкеру, которым по необходимости пользуется путешественник» (VIII, 426).

³ Александр Тихонович *Гречанинов* (1864—1956) — композитор. Написал песню «Вербочки» на слова стихотворения Блока «Мальчики и девочки, свечечки и вербочки. . .» (Сб. «Снежинки. Десять песен из детского мира». М., Изд-во А. Гутхейль, 1910). *Левица* — возможно, Александра Мартыновна *Девет* (Вознесенская), в исполнении которой Блок слушал «Вербочки» 7 декабря 1910 г. («Письма к родным», II, с. 104).

⁴ По-видимому, Г. И. и Н. Г. Чулковы («Письма к родным», II, с. 93).

⁵ На статью Блока «О современном состоянии русского символизма» Городецкий возражал в статье «Страна реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер!» («Против течения», 15 октября 1910 г.).

⁶ В 1910 г. мать Блока долго и серьезно болела.

Дорогой Сапа!

Евг. Вас. Аничков редактирует издание одной фирмы, которая выпускает всех русских классиков в новых изданиях. Он сам взял Добролюбова, мне дал Никитина, Пушкина, вероятно, будет редактировать Брюсов и т. д.¹

Вчера я был у него и зашел разговор, не взял ли бы ты Лермонтова². Что ты думаешь об этом? Если это внутренне тебе приятно, напиши мне тотчас, и тогда Аничков тотчас напишет тебе подробно условия (30 руб. с печ. листа). Я выясняю только лирическую сторону дела. Если же ты почему-либо не расположен в этом году к такой работе, то тоже напиши мне тотчас. Целую.

Твой С. Городецк и й

12 линия, д. 15, кв. 18

¹ «Библиотека русских писателей» под общей редакцией проф. Е. В. Аничкова выпускалась книжным товариществом «Деятель». Издания собраний сочинений И. С. Никитина под редакцией Городецкого и Н. А. Добролюбова под редакцией Е. В. Аничкова были осуществлены. О несостоявшемся издании Пушкина под редакцией Брюсова см.: ЛН, 85, с. 672—675.

² В работе над этим проектом Блок участия не принял. Редактором четырехтомника Лермонтова был назначен Н. О. Лернер. Издание не состоялось. При личной встрече Блока с Е. В. Аничковым 15 ноября 1910 г. последний предложил Блоку вместо Лермонтова редактировать полное собрание сочинений В. А. Жуковского (этот проект реализован не был), а также написать статью о поэтах 1880-х годов («Письма к родным», I, с. 98). Характер последнего предложения проясняется из недатированного письма Е. В. Аничкова к К. И. Чуковскому: «Что бы Вы мне сказали, если бы я попросил Вас написать для моей «Современной русской литературы» главку «Поэты-продолжатели» — 35000 букв. Это поэты 80-х годов: Надсон, П. Я., Фофанов, Апугтин, Фруг и все проч(ие), какие окажутся <...> Вы будете писать смежно с Вяч. Ивановым, взявшим на себя «Поэты-отшельники»: Вл. Соловьев, Случевский и влияние Фета и Тютчева. Мне нужна статья очень скоро. Обращаюсь к Вам так поздно, потому что поводел меня за кончик носа А. Блок» (ГБЛ, ф. 620).

34. А. А. ГОРОДЕЦКАЯ — БЛОКУ

«Конец октября 1910 г.»

Александр Александрович!

Сережа, как Вы сами знаете, любит Вас. Вы для него дорогой и красивый во всех отношениях человек. Любит Вас и отвлеченно, одним словом, Блока.

И ему тягостно то, что произошло между мной и Вами. У Сережи чудесная и глупая голова ребенка — он возмущается, что я ссорюсь со всеми его друзьями. А я, действительно, ссорюсь. Требуешь от людей каких-то абсолютов, а м<ожет> б<ыть>, больше всего от себя и, конечно, падаешь в бездну и злишься...

Но моя ссора с Вами *слишком* неприятна. По двум причинам. Первую сейчас не скажу, а вторая та, что то поганое письмо, что получили от меня осенью прошлой — было выдумкой. А мой-то истинный взгляд на Вас, как на человека и поэта — совсем другой (даже стыдно вспоминать, что я там Вам написала).

Я читаю Ваши письма к Сереже и чувствую, что Вы действуете на меня как хлороформ — холодеешь и взлетаешь куда-то в черную высь и только одна молния (ненависть какая-то) пронзает на миг черноту.

И близки, близки Вы мне по взглядам на Россию, по жизнеотношению.

И что Вам, *такому*, моя ссора?

Пожалуйста, помиримся. Это будет для Сергея радостно.

А. Г о р о д е ц к а я

Вы когда-то сказали, что я умираю от неудовлетворенного честолюбия — ах, какая это неправда, если умираю, то от другого...

А. Г.

А уж Любовь Дмитриевне и кланяться боюсь, она то наверно прокляла меня¹.

¹ Блок получил это письмо в Шахматове и 31 октября сообщил матери: «Письмо хорошее от А. Городецкой — она мирится со мной» («Письма к родным», II, с. 96).

35. БЛОК — А. ГОРОДЕЦКОЙ

31.X.1910

Глубокоуважаемая Анна Алексеевна.

Ваше письмо очень дорого мне¹ — самый факт его, и то, что в нем сказано, [зачеркнуто]², конечно, я, может быть, совершенно неправ в том, что [зачеркнуто]³. Знаю, однако, доподлинно одно Ваше качество: крупное самолюбие. Говорю это не к тому, что, при этом условии, особенно ценен для меня факт Вашего письма: ведь Вы поступаетесь самолюбием (верю этому), конечно, не только ради Сережи, конечно, не ради меня, — а ради истины. Позвольте высказать Вам мою глубокую благодарность и мое глубокое уважение.

Не примите моего письма за официальный ответ. Если я сейчас буду говорить только о факте «ссоры», а не о том многом, что читаю в Вашем письме,

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ И А. А. ГОРОДЕЦКАЯ
Картина И. Е. Репина (холст, масло), 1914 г.
Государственный музей русского искусства, Киев

то только потому: 1) что письмо растянулось бы до нелепости, и о том, что Вы пишете, можно, в сущности, только говорить; 2) что сейчас очень занят и важным и неважным⁴.

Так мне хотелось только сказать Вам: я был зол на Вас за то, что Вы заподозрили меня в нечестности и низких намерениях. И только за это — это была очень большая неправда. Правда в том письме была тоже — живая (вне литературы, ее «холода»). Теперь же хочу сказать Вам и то, что моя неправда тогда заключалась в том, что я написал то, что написал, в 1) газетной 2) рецензии (хотя и после долгого взвешивания).

Больше ничего не прибавлю сейчас. Позвольте еще раз поблагодарить Вас за письмо и почтительно поцеловать протянутую Вами руку.

Александр Блок

с. Шахматово Моск. губ.

¹ Ответ на письмо А. А. Городецкой, в котором она предлагает Блоку помириться после ссоры, вызванной рецензией Блока на сборник «Русь» С. Городецкого.

² Вычеркнуто адресатом.

³ Вычеркнуто адресатом.

⁴ Осенью 1910 г. Блок занимался хозяйственными делами в Шахматове, составлял сборник «Ночные часы», вел активную переписку

Дорогой Саша!

Не можешь ли посодействовать следующему делу. Поэт Владимир Гиппиус¹, один из первых символистов, друг А. Добролюбова², печатавшийся в «Мире Искусства», «Сев(ерных) Цветах» и в «Русской мысли» за 1909 г.

(под псевдонимом <Вл. Бестужев) и не издававшийся еще (кроме первой книжки <18>94 г., в продажу не поступавшей)³, согласился бы выпустить книгу своих стихов, если бы «Мусагет» обратился к нему с таким предложением. Так вот, не напишешь ли «Мусагету», что ему следовало бы издать Вл. Гиппиуса. Я вижу в этом прямо долг мусагетовский⁴.

Ответь мне в тот же час, как получишь это письмо.

Если будешь писать, напомни, чтоб присылали мне стихи (книги).

Целую. Твой С. Г о р о д е ц к и й

К Вячесл <аву> не приехал, потому что заснул у знакомых, к которым зашел. Написал ему нежно⁵, а ответ получил большой, по-твоему, культурной ценности: иезуитский⁶.

Получил ли картинку?⁷

Датируется по содержанию.

¹ Владимир Васильевич Гиппиус (1876—1941) — поэт, критик, литературовед, педагог. Ранние его стихи положительно оценил Брюсов (В. Брюсов. Дневники. М., 1927, с. 17, 54, 57). В 1900-е годы он, по собственному выражению, «уходил из литературы», порвав связи с соратниками по декадентству и символизму, и отдавшись всецело деятельности педагога-словесника (см. подробней: И. Г. Ямпольский. Письма Ивана Коневского к Вл. В. Гиппиусу. — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год». Л., 1979, с. 81—86; см. также письмо Вл. Гиппиуса к Сологубу от 10 ноября 1913 г. — наст. том, кн. 3). Блок высоко оценил лекцию Вл. Гиппиуса «Пушкин и христианство» (VII, 95).

² См.: В. Гиппиус. А. М. Добролюбов. — «Русская литература XX века» под ред. С. А. Венгерова, т. I. М., 1944.

³ Неточность: книга Владимира Гиппиуса «Песни» вышла в 1897 г.

⁴ Обращение Городецкого к Блоку связано с тем, что в начале ноября 1910 г. Блок договорился с издательством «Мусагет» об издании собрания своих стихотворений.

Не сохранилось никаких свидетельств обращения Блока к представителям «Мусагета» по поводу издания Владимира Гиппиуса. Книга, о которой идет речь, была издана усилиями Городецкого (см. его письмо к Вл. Гиппиусу от 13 января 1912 г. — ИРЛИ, ф. 77, ед. хр. 11, л. 1) под маркой «Цеха поэтов»: Возвращение. Из книги «Завет Вл. Бестужева» (1896—1906). СПб., 1912. Книга была прислана автором Блоку (VII, 159).

⁵ Возможно, что речь идет о следующем письме: «Дорогой Вячеслав! Непременно хотел приехать к Тебе сегодня, но почувствовал себя не очень здоровым и должен был остаться. Аничков и Блок скажут Тебе, что я собирался; не пойми неприезд как колебание или нерешимость. Я все пишу и рву Тебе письма. Содержание их в главном одно и то же: я убежден, что у нас гораздо больше оснований для любви, чем для вражды. Сергей. 15—XI <1> 910, ночь» (ГБЛ, ф. 109). Помимо вечера 15 ноября 1910 г., о котором пишет Городецкий в этом письме, Блок с Е. В. Аничковым навещали Вяч. Иванова вечером 24 ноября 1910 г. («Письма к родным», I, с. 98, 101).

⁶ Осенью 1910 г. Городецкий и Вяч. Иванов находились в состоянии литературного конфликта и личной ссоры. Отношения восстановились весной 1911 г.

⁷ Речь идет о шуточном рисунке Городецкого, посвященном дню тридцатилетия Блока: изображен Блок, глядящий на календарный листок с датой «16 ноября 1910». Под рисунком четверостишие:

Пред цифрой роковой, ужасом объятый,
Се стынет Александр Блок.
О друг! Не унывай! Трикраты
Ты можешь повторить сей срок.
16—XI—910.

Рисунок воспроизведен в ЛН, т. 27—28, с. 173.

37

27 ноября 1910

Дорогой Саша.

Извиняюсь за то, что не успел предупредить телеграммой тебя, что не мог прийти. Газету велел послать еще третьего дня. Позвоно туда. Резкостей в мсей статье не вижу¹. Недоумения кратки и поддаются точному обсуждению*.

* Против тебя имею только две тезы: 1) искусство и жизнь — одно, 2) ты — реалистический > символист².

4 Литературное наследство, т. 92, кн. 2

Нисколько не уклоняюсь от него и буду у тебя в первый свободный день. Не сердился на тебя, конечно, ни минуты. Не будь так подозрителен и беспокоен! Противотеченцы стоят общего внимания, и твоего тоже.

Твой С. Г о р о д е ц к и й

¹ Газета «Против течения» со статьей С. Городецкого «Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер», в которой содержались резкие полемические выпады против Блока: «Бедкер Вячеславу Иванову вообще крайне нужен, — писал Городецкий, — но Блок понимает бедкерское искусство слишком своеобразно, совершенно наоборот. Он заводит несчастного путника в такие «пурпурно-лиловые дебри», что оттуда, пожалуй, только один выход: в адание дополнительного к лиловому цвету. . .» («Против течения», № 1, 1910, 15 октября, с. 3). Спустя два номера в том же еженедельнике Городецкий поместил заметку без подписи: «О прошлой статье. Там, при передаче впечатлений от статьи Блока, проскользнуло выражение «обалделое лицо» и, может быть, еще что-нибудь. Отнюдь не от полемического задора, не от хулиганской вседозволенности идет резкость выражения. Она идет от горячности схватки, от ярой любви к защищаемому. Не великое тут распинается в торжестве мелкого, а мелочи не замечаются перед великим. Пусть будет это понятно» («Против течения», 1910, № 3, 29 октября, с. 3).

² Программа «противотеченцев» изложена в статье Городецкого «Да, против течения!» Главные объекты полемики в этой статье — Вяч. Иванов и Блок, утверждавшие, что искусство отделено от жизни, школа Брюсова — Гумилев, Эренбург и другие, у которых «содержание вытравлено совершенно и все сведено к рифмам и ямба», а также те художники, которые интересуются «процессами смерти и разложения». Поэзия Блока, в отличие от его критических высказываний, упоминается в положительном контексте: «Его неправильный стих прекрасен именно в силу неизменной своей слитности с содержанием, которое подчиняет себе форму» («Против течения», 1910, № 5, 12 ноября, с. 2).

38

18.XII.1910

Милый мой Саша.

Очень обрадуешь, если придешь завтра, в понедельник к нам, час <ам> к 9. Будут только Влад <имир> и Вас <илий> Гиппиусы¹. Почитаем стихи.

Целующий тебя нежно твой С е р г е й

Ответь по телефону: 522.70.

Но непременно будь!

¹ Василий Васильевич Гиппиус (1890—1942) — поэт и литературовед, брат Владимира и Александра Гиппиусов. В 1910 г. неоднократно бывал на собраниях молодых поэтов у Городецкого (см. три пригласительных письма 1910 г. Городецкого к нему — ИРЛИ, ф. 47, ед. хр. 13) — об этих собраниях и писал Городецкий Блоку в письме от 20 октября 1910 г. (посещали эти собрания также В. И. Нарбут, А. А. Попов (Вир), В. М. Жирмунский и др.). В рецензии на «Антологию» «Мусагета» Городецкий писал: «. . . пир, на который приглашены все, только обогатился бы от присутствия. . . таких уже интересных поэтов, как Василий Гиппиус и Владимир Нарбут» («Речь», 1911, № 173, 27 июня). По воспоминаниям Вас. Гиппиуса, Блок, знавший его с детства, следил за его поэтическим развитием. 10 марта 1910 г. Блок в письме к М. А. Кузмину рекомендовал Вас. Гиппиуса в члены Общества ревнителей художественного слова («Блоковский сб.», 2, с. 362). В начале 1911 г. Блок присутствовал на одном из собраний у Городецкого и неодобрительно отзывался о прослушанных им стихах Вас. Гиппиуса (В. В. Гиппиус. Встречи с Блоком — в его кн.: От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966, с. 334).

39

23 декабря 1910

Дорогой Саша.

Очень жалел, что ты не пришел. У Влад <имира> Гиппиуса оказались замечательные стихи¹. А теперь я захворал и лежу. Поздравляю тебя с сочельником и целую крепко. Любви Дмитриевне руку.

Твой С е р г е й

¹ См. предыдущее письмо и письмо от 16—17 ноября 1910 г., прим. 1.

А. А. ГОРОДЕЦКАЯ
 Рисунок И. Е. Репина, 1914 г.
 Частное собрание, Москва

40

10 января 1911 г.

Любимый мой!

Целую Тебя за Твои золотые слова. Но ты не все угадал. Посылаю Тебе его письмо ко мне, очень тяжелое ¹, и мой на него ответ. Пожалуйста, перешли его ему сам. Целую тебя крепко. Я уже пришел туда, куда зовешь.

Твой Сергей

P. S.: я, вправду, ничего не понимаю. Будь судьей! ²

¹ Приложено письмо А. М. Ремизова от 9 января 1911 г.: «Сергей Митрофанович! Нахожу необходимым Вас известить, чтобы недоразумений не было, что решил я прекратить с Вами знакомство. Причиной этому — Ваши возмущающие и грубые выходки. Вот чтобы избаться от этого, я и думаю, лучше не быть знакомым. А. Ремизов» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224, л. 69).

² О конфликте Ремизова с Городецким см. письма Блока к Ремизову от 10 и 11 января 1911 г. (VIII, 324—326).

41

27 марта 1911

Дорогой Саша!

Мне хочется написать тебе, что вздумалось еще про твою поэму ¹.

^A
^{III} изображен великолепно и, что самое главное, по-своему. Тут творческий процесс у тебя образцовый: бессознательно отметил те черты, которые уже воплощены (Трубецкой) ², ты пошел дальше и нашел неотмеченное (водянистость) ³. Не то с Петром. Сейчас уже есть шаблон мыслить о Петре — Серов, Добужинский и, наконец, Ауслендер ⁴. У тебя есть один образ прямо оттуда: выкаченные глаза. Ангел-фланги спасают пейзаж, но фигура уже известная ⁵. Не найдешь ли нового чего? Все дело в какой-нибудь новой гениальной мелочи ⁶.

Вспоминая твое чтение, все больше радуюсь, что ты пишешь такую хорошую вещь ⁷. Какое-то старинное нетерпение овладевает мной.

Целую тебя крепко. Твой С. Г о р о д е ц к и й

Вчера погулял по весеннему ветру в весеннем пальто, а сегодня болен совсем, кляча.

¹ В январе 1911 г. Блок закончил первую редакцию третьей главы поэмы «Возмездие» — самостоятельное произведение с подзаголовком «Варшавская поэма». Зимой — весной 1911 г. Блок активно продолжал работу. «Я очень деятельно пишу поэму, она разрастается», — сообщал он матери 25 января 1911 г. В начале марта поэт написал пролог и вступление ко второй главе.

«Возмездие» поэтически утверждало мысль Блока, высказанную в докладе «О современном состоянии русского символизма», где речь шла о кризисе символистской поэтической школы в России. Городецкий вспоминал: «Взор поэта ослеп к вездесущему, или, вернее, стал искать его на земле, в реальности. Этот кризис символической техники у Блока был выражением общего кризиса, в который вступил символизм. Блок начал «Возмездие» аналитически, прощупывая предметы мира насквозь, замечая все, вплоть до спичечной коробки в кабинете, из которого в гробу унесли отца.

Я помню первое чтение «Возмездия» в присутствии немногих, у Вячеслава Иванова. Поэма произвела ошеломляющее впечатление. Я уже начинал тогда воевать с символизмом, и меня она поразила свежестью зрения, богатством быта, предметностью — всеми этими запретными для всякого символиста вещами. Но наш учитель глядел грозой и метал молнии. Он видел разложение, распад как результат богоотступничества, номинализм, как говорили мы немного позднее, преступление и гибель в этой поэме. Блок сидел подавленный. Он не умел защищаться. Он спорить мог только музыкально» («Русские портреты», с. 17—18).

² Городецкий имеет в виду конную статую Александра III, выполненную скульптором П. Трубецким.

³ Образ Александра III из «Вступления» во второй главе «Возмездия»: «Городовые на панели // Сгоняли публику. . . «Ура» // Заводит кто-то голосистый // И царь — огромный, водянистый // С семейством едет со двора. . .»

⁴ Имеются в виду работы В. А. Серова «Петр I», М. В. Добужинского «Петр I» и «Петр Великий в Голландии» и рассказ С. А. Ауслендера «Ганс Вреден».

⁵ Речь идет о строках:

Провидел ты всю даль, как ангел
На шпигле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший флаги,
Внезапно заградил Неву . . . (III, 330).

⁶ В первоначальном тексте «Вступления», которое читал Блок у Вяч. Иванова была следующая портретная зарисовка Петра I:

И сам державный основатель
 Стоит на головном фрегате
 Как в страшном сне, но наяву:
 Мундир зеленый, рост саженный,
 Ужасен выкаченный взгляд;
 Одной зарей окровавленный
 И царь, и город, и фрегат...
 Царь! Ты опять встаешь из гроба
 Рубить нам новое окно?
 И страшно: белой ночью — оба —
 Мертвец и город — заодно...

Строки, кроме 1—2, были сняты автором, может быть, после критики Городецкого.

⁷ Впервые публично Блок читал первую редакцию третьей главы «Возмездия» — «Варшавскую поэму», пролог и вступление ко второй главе. К последней — XIV главе «Варшавской поэмы» в черновике относится помета: «Городецкий находит, что в этой главе вместо Музы должна появиться героиня».

42

14 мая 1911 г. «Петербург»

Дорогой Саша!

Крепко целую тебя и поздравляю с выходом книги ¹. Очень хорошо она вышла. За надпись исторического характера еще поцелуй, нежнейший ². Третий — от меня, как твоего читателя, который проведет много ладных минут с твоей книгой.

В конце той недели, наконец, уезжаем. Хотел бы еще повидаться.

Твой С. Городецкий

¹ В мае вышел первый том Собрания стихотворений Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (1898—1904). (Изд. второе, исправленное и дополненное. М., «Мусaget», 1911). 19 сентября 1911 г. Городецкий напечатал в газете «Речь» № 257 статью об этой книге «Юность Блока», «несказанно тронувшую» (VII, 70) Блока, как записал он в дневнике.

В этой статье Городецкий писал: «Забронированная плотной серой обложкой, с простой наборной надписью; вышла нынешней весной эта книга, одна из нужнейших в русской литературе, уже ставшая для многих молитвословом любви».

Всегда бывает жалко, когда поэты разоряют первые свои создания, в большинстве случаев краткие, собранные скупом, с младенческой жестокостью, и выпускают их в свет в новом, «исправленном и дополненном виде». Особенно есть основание пожалеть об этом, когда вокруг книги создается такая атмосфера сочувствия и сопереживания, какая создавалась вокруг небольшой, украшенной лилиями и готическими буквами книжки, вышедшей у «Грифа» в 1905 году, под заглавием, прозвучавшим так странно: «Стихи о Прекрасной Даме».

Но есть один случай, когда авторское своеволие оправдывается вполне. Это, когда все дополнения и изменения, вносимые автором, имеют целью дать более полную картину органического развития его поэзии, а сам автор, по типу своему, именно может служить примером органического развития.

Большинство поэтов развивается неорганически: одно влияние сменяется другим, первоначальные ростки гаснут бесследно, и на месте их являются новые, однозвучные струи в ряде годов творчества то иссякают, то прерываются: нет планомерного, во всех частях одинаково стремительного роста, нет в ранних интуициях постижения всей сложности будущей художественной идеологии.

Органически развивающийся поэт принадлежит к редким ценностям, требующим большой прочности рождающего их культурного слоя, и прочной литературной традиции.

Русская культура не сплошная, а нечто пористое, прерывистое, и потому русский гений по типу своему фрагментарен. Пушкиным и Врубелем не представляется возможности развиваться до полного раскрытия их сил...

Творящей силы у нас непочатый угол, а возможности органически развиваться нет почти никакой.

«Как мы могли родить Блока — это одна из улыбающихся загадок, сулящих пышное будущее и неистово скрывающих его корни в настоящем. Недаром вся его поэзия овеяна улыбкой недавней беглянки Монны Лизы, и облик ее — у него среди любимейших...»

Что Блок является прямым последователем поэзии Владимира Соловьева, занимающей такое прочное, но и такое торжественно-одинокое место в русской литературе, было замечено уже первыми его критиками. Теперь можно сказать, что последователем единственным.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Рисунок (шарж) С. Ю. Судейкина, 1919 г.

С надписями «Городецкому Судейкину. 1919. Большевицкий Декабрист 1920 год».

Частное собрание, Москва

В примечании к стих. «Предчувствую тебя» Блок говорит, что выражение «тоскуя и любя» принадлежит Владимиру Соловьеву. Там, за небольшим камнем скрываются многоверстные горные дали. Так, в два дееспричастия вмещается история жизни. . .

Блок в высшей степени причастен реализму, этой существеннейшей черте русской литературы. . .»

² Экземпляр книги, принадлежавший Городецкому, не сохранился. Надпись Блока неизвестна.

43

24 июня 1911

Милый мой Саша!

Молчать долго, делать всякое свое дело, залезть в сосны, притихнуть, страхнуть город, загореть, надышаться смолой — и потом вдруг с полным глотком солнечного воздуха вспомнить, что любишь тебя, и схватиться за скрипучее летнее перо! Хотел бы; чтоб это письмо застало тебя в Шахматове, и чтоб ты ответил мне на него до отъезда за границу ¹. Твое письмо я получил перед самым отъездом сюда, и тем, что было в нем нежного — растрогался, что темного — опечалился. Да, годы убивают ярое буйство. Вчера, на Ивана-Купала, мне даже через костер не прыгалось и почти было странно, зачем другие палят себе щеки и не обривавшиеся еще подбородки. А ты уж мог так великолепно передать чувство воспоминания! . . . «Ночные часы» в «Мусагете» очень хороши, но Исход можно приводить в учебниках психологии. Эти скобки, эта смена расплывчатого остроконкретным действую опять магически. . .² Выходит ли книжка теперь («Н. Ч.») или осеную? ³

Я все еще в Никитине ⁴, и предстоит поездка в Петербург и Воронеж, никак не ожидал, что так затянется. Трудно мне длинно писать, а статьи нужны довольно длинные.

Мне приходит одна мечта: что если б ты, проезжая почти мимо нас в Европы, заехал бы к нам? Если на Вержболово едешь, то от Ковно до нас час езды по жел. дор. Только надо списаться, чтоб нам не разъехаться. Было бы славно!

Целую тебя крепко. Любящий тебя С. Г о р о д е ц к и й

ст. Янов. Либаво-Роменской ж. д.
им. Сонтоки

Этому письму предшествовало неоконченное и неотправленное письмо Городецкого к Блоку из той же усадьбы Сонтоки конца мая—начала июня 1911 г.: «Дорогой Саша!

Твое письмо, хоть и грустное, очень меня обрадовало нежностью своей. Я уж среди сосен у черта на кулечках под боком Европы. Поедешь — если через Вержболово — почти мимо. Хорошо, если б завернул к нам. В середине июня еду в Петербург и Воронеж — все из-за Никитина, в которого закопан с головой, а к июлю опять сюда до поздней осени.

Читаю твою книжку — молитвенник любви — и бережно начинаю писать о ней для «Речи». Вот что мне примечательно очень: твое поэтическое развитие может служить примером органического поэта («ического» развития — необычайно вообще редкого. Это не лейтмотивизм, довольно обычный, а настоящий рост, равномерно везде напряженный. А если бы ты представил вполне, что это значит, ты во многом бы из своего русского песимизма поколебался» (ЦГАЛИ, ф. 1220, оп. 1, ед. хр. 48-а).

¹ 5 июля 1911 г. Блок уехал в Бретань, где уже находилась Л. Д. Блок.

² «Ночные часы» — цикл из четырех стихотворений Блока, помещенных в «Антологии» издательства «Мусагет» (М., 1911), «Исход» — под этим заглавием было впервые опубликовано в «Антологии» стихотворение Блока «Идут часы, и дни, и годы. . .» Восторженный отзыв об этих стихах Блока содержится и в рецензии Городецкого «Пир поэтов («Антология»)» («Речь», 1911, № 173, 27 июня).

³ Четвертый сборник стихов Блока «Ночные часы» вышел в московском издательстве «Мусагет» в конце октября 1911 г.

⁴ С. Городецкий редактировал для издательства «Деятель» собрание сочинений И. С. Никитина (см. прим. 1 к письму от 25 октября 1910 г.).

44

16 сентября 1911 г.

Дорогой Саша,

Письма твоего так и не получил: странствует.

Тороплюсь тебе написать вот что:

Миролюбов ¹ просит тебя прислать стихи для «Современника» ² и «Знания», где он соредактор. Не зная твоего адреса, делает это через меня ³. Напиши ему, пожалуйста Schweiz. Davos-Platz, Poste restante.

Целую тебя крепко. Твой С е р г е й Г.

¹ Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — редактор ряда журналов и сборников 1900-х—1910-х годов.

² В ноябре 1911 г. Миролюбов сообщил Блоку о своем уходе из журнала «Современник» и переходе во вновь организуемый журнал (впоследствии получивший название «Заветы») — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 335, л. 6.

³ В архиве Блока сохранилось письмо Миролюбова из Давоса от 26 июля (8 августа) 1911 г. с теми же просьбами, о которых пишет Городецкий. Судя по помете Блока, он ответил Миролюбову тотчас по получении письма Городецкого — 16 сентября 1911 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 335, л. 3).

45

19 сентября 1911 г.

Милый Саша,

Это, вероятно, формальность. Банку посылаю запрос ¹.

Я пишу кратенькие статьи о поэтах для энциклопедии «Деятель» ². О тебе тоже. Сообщи, пожалуйста 1) как называлась твоя университетская работа о Болотове, 2) в котором году ты кончил университет, 3) какие годы вел критику в «Золотом Руне» и 4) в котором году ставился «Балаганчик» и где, кроме Петербурга ³, — если помнишь, конечно, все это без справок.

Любящий тебя С е р г е й Г.

¹ Финансовым взаимоотношениям посвящены также письма Городецкого Блоку от 15 мая, 1 июня, 6 сентября 1912 г. и от 20 февраля 1913 г., не воспроизведенные в настоящей публикации.

² Книжное товарищество «Деятель» выпускало оставшуюся незавершенной «Русскую энциклопедию» в 1911—1915 гг.

³ В статье о Блоке в «Новом энциклопедическом словаре» (т. 6, 1912), стлб. 899) Городецкий упомянул о постановках «Балаганчика» «в других городах».

46

«20—27 сентября 1911 г.»

Милый мой Саша

Не ответил тебе тотчас на твое нежное письмо, потому что это был разгар беготни по канцеляриям из-за воинской повинности (все выяснится 28-го) ¹. Да и ответить могу только молча или поцелуем. Очень хочу увидиться поскорее, но чересчур все еще занят ².

За сведения спасибо ³. Твое первое письмо наконец пришло ко мне.

Привет сердечный Любови Дмитриевне.

Любящий тебя твой Сергей Г.

Когда ощущаю нежную близость между нами так явственно, как сейчас, после твоего письма — весь исполняюсь каким-то особенным ликованием, неиспытываемым ни от чего другого.

С.

¹ 28 сентября 1911 г. Городецкий писал неустановленному лицу о том, что он «вызволится» и его не взяли в солдаты (ЦГАЛИ, ф. 1220, оп. 1, ед. хр. 54).

² Встреча Городецкого с Блоком произошла в конце сентября—первой половине октября 1911 г. 17 октября 1911 г. Блок записал в дневнике в перечне встреч начала осени: «Городецкий — затихший, милый. Его статья обо мне, несказанно тронувшая <...> Его комедия — свидания с Савиной, аудиенция у чиновника Теляковского. Его жена поэт» (VII, 70).

³ После получения сведений от Блока заметка Городецкого для энциклопедии приобрела следующий вид: «Блок Алдр. Алдр., русс. поэт, р. 1880; 1906 оконч. истор.-фил. фак., с 1903 сотруду. в разн. периодич. изданиях. Изд. сборн.: «Стихи о Прекрасной Даме» (1905), «Нечаянная радость» (1907), «Снежная маска» (1907), «Земля в снегу» (1908), «Ночные часы» (1911), «Лирич. драмы» (1908; из них «Балаганчик» шел в СПб. 1907-8 в театре Коммиссаржевской), 1911 вышел 1-й т. собр. стих. Б. Примыкая к модернизму, Б. создал собств. особ. ритм, приближающ. к ритму немецк. поэтич. речи, но в яз. и стиле Б. чувствуется и лучш. традиция русс. поэзии, что не мешает Б. быть поэтом ярко-оригин., с крайне индивид. мироощущением» («Русская энциклопедия», СПб., т. 3, Бингли—Вар, 1912), с. 43).

47

«Середина октября 1911 г.»

Милый мой Саша!

Пожалуйста, приходи — и с Любовью Дмитриевной — 20-го в четверг. Будут молодые поэты, а ты — в классиках. Жду непременно ¹.

Целую тебя крепко.

Любящий нежно твой Сергей Г.

(Вечером, к 8-ми).

¹ Приглашение на первое заседание будущего «Цеха поэтов». Аналогичное приглашение получил Пяст: «Дорогой Владимир Алексеевич, Вы приглашены в новый литературный кружок для чтения и обсуждения стихов. Первое собрание назначено в четверг в 8 часов вечера, у С. М. Городецкого. Фонтанка 143. Уважающий Вас Н. Гумилев» (ГПБ, ф. 248, ед. хр. 140). Это было единственное заседание Цеха, на котором присутствовал Блок. Вас. Гиппиус вспоминал: «Осенью 1911 года в Петрограде было первое собрание — сначала только приглашенных. Потом собирались они также у Гумилева — в его своеобразном домике в Царском селе, изредка у М. Л. Лозинского. Собирались весь первый год очень часто — три раза в месяц. Гумилев и Городецкий были «синдиками» и по очереди председательствовали. Новых членов цеха выбирали тайной баллотировкой после того, как читались вслух их стихи. Много было в цехе недолгих гостей — скоро отошли старшие поэты из числа приглашенных (Блок, Кузмин, Ал. Н. Толстой, Вл. Пяст и некоторые другие), одни ушли сами, другие — по формуле, предложенной синдиками — были «почетно исключены». Самыми прилежными, не пропускавшими почти ни одного

собрания были — Анна Ахматова, Е. Кузьмина-Караваева, Зенкевич, Нарбут, Лозинский, Мандельштам, Георгий Иванов, Моравская и я. И конечно, синдики (Вас. Г а л а х о в «Вас. Гиппиус»). Цех поэтов. — «Жизнь», Одесса, 1918, № 5, с. 12).

48

31 октября 1911

Мой милый, мой нежный, спасибо за ласку. Грустен я от какой-то внутренней тишины, особенно ощутимой на людях. На тебя смотрел, как ты чертил и писал, много и с любовью ¹. Увидел бы тебя у нас с радостью. Позвони, выходя ко мне, 272. 14. Слишком огорчусь, если не застанешь. «Ночных часов» жду нетерпеливо ². Целую тебя крепко.

Твой С е р г е й

¹ Речь идет о заседании Общества ревнителей художественного слова 29 октября 1911 г., на котором В. Пяст делал доклад «Нечто о каноне». Ср. запись в дневнике Блока: «Вечером «Академия» — доклад Пяста, его старая статья о «каноне», многоглаголанье Вяч. Иванова усыпило меня вовсе» (VII, 78). В дневнике С. П. Каблукова отмечено, что на этом заседании, кроме Блока, Вяч. Иванова, Пяста, Городецкого, присутствовали также М. Кузмин, О. Мандельштам, Ахматова, Е. А. Зноско-Боровский, В. А. Чудовский, К. А. Сюннерберг и др. (ГПБ, ф. 322).

² Блок подарил Городецкому экземпляр «Ночных часов» с надписью: «Сергею Городецкому от нежно любящего автора. Ноябрь 1911» (Частное собрание, Москва).

49

27 ноября 1911

Милый Саша,

будь ласков к Павлу Петровичу, и, если есть, дай книжечку для Новгородской — лучшей в городе — общественной библиотеки ¹. Вероятно, ту кучу, которую ты мне показывал, ты уже отдал? Целую тебя крепко. Хвораю слегка. Любящий тебя крепко

Сергей Г о р о д е ц к и й

¹ 5 декабря 1911 г. Блок писал матери: «Мама, я все забываю тебе сказать, что почти все твои книги ушли в библиотеку в Новгород, за ними приходил ко мне очень милый новгородский интеллигент» («Письма к родным», II, с. 187). 7 декабря 1911 г. газета «Новгородская жизнь» (№ 300) сообщала: «Писатели Сергей Городецкий и Александр Блок пожертвовали в библиотеку Общественного клуба 88 томов книг сочинений иностранных писателей и новой русской литературы, в том числе несколько книг со своими произведениями».

В недатированном письме М. М. Пришвина к А. М. Ремизову содержится упоминание о том же эпизоде: «... приходил ко мне некий человек из новгородских деятелей и рассказывал, что были они у Блока и узнали от него о Вашей предполагаемой поездке в Новгород. Сему человеку пришла мысль просить Блока прочесть в Новгороде о символизме, а Вас и меня — рассказы для какой-то пользы» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 171, л. 29). Лекция и чтения, о которых идет речь, не состоялись.

50. БЛОК — А. А. ГОРОДЕЦКОЙ

7.XII—1911

Анна Алексеевна.

Серёже я посылаю послание Николая Клюева, прошу Вас, возьмите его у него и прочтите, и радуйтесь, милая. Христос с Вами и Христос среди нас ¹. У меня болит сейчас о Вас сердце. Целую Вас в уста, как сестру. Сделайте так, чтобы мне можно было иногда прийти к Вам обоим, посидеть тихо — и легко и свободно говорить о внутреннем и болтать о внешнем. Вы сильная и прекрасная, верю Вам и простите меня.

Вы можете так сделать.

А. Б.

Если Вам неприятно, что я так неумело пишу, или Вы совсем о другом думаете сейчас, прошу Вас, подумайте об этом только минуту, потому что

я пишу Вам не за себя и не за Вас, а во имя нашего общего, чтобы всем нам стало легче.

¹ См. публикацию писем Н. А. Клюева к Блоку в наст. томе. Письмо Клюева, полученное Блоком 5 декабря 1911 г., произвело на него сильное впечатление. 6 декабря он записывает в дневнике: «Я над Клюевским письмом. *Знаю все, что надо делать*: отдать деньги, покаяться, раздарить смокинги, даже книги. Но не могу, не хочу» (VII, 101). Через три дня (9 декабря): «Послание Клюева все эти дни — поет в душе». Блестяще написанное письмо Клюева, метафоричное, наполненное фольклорной образностью, замысловатое, резко обличало Блока, призывало его отдать все, идти в народ.

Клюев просил показать это письмо Городецкому. Блок незамедлительно выполнил эту просьбу: «Переписка письма Клюева. Письма Городецкому и Анне Городецкой. И посылка им послания Клюева. . .» (VII, 101).

51. А. А. ГОРОДЕЦКАЯ — БЛОКУ

1911. декабря 9

Я плачу, читая Ваше письмо и письмо к Вам Клюева.

И ничего не знаю.

И только молю Бога, что б Вам было хорошо.

А со мной вот что. Бывают дни, когда я во блаженной и смиренной любви своей к Вам, мой единственный бог, брожу без конца по пустынной набережной, и мне кажется, что я в золотой сетке качаюсь в синеве небесной. И нет у меня тела, — я божья. И так хорошо, как в вечной жизни. И когда возвращаюсь домой, то и стены пропускают меня сквозь себя. И будто я не я.

А часто я воплю дико и пронзительно, как вопит ночью вдова на могиле мужа.

В сумерки я была одна на кладбище и вдруг слышу сзади себя нечеловеческий вопль. Это вдова-крестьянка, как птица, билась на могиле мужа. И не плакала смиренно, как надо, а кричала бесноватым голосом в небо к богу. И я знаю, что эти вопли разрывали сердце самого бога¹.

И я так часто плачу по Вас.

Господи, Господи, что же мне делать, я не знаю. Простите за это письмо и не осуждайте меня.

А. Г.

За книгу благодарю очень.

Если бы Вы только знали, как я близка к смерти. Но это для меня не горе, но радость светлая.

¹ 10 декабря 1911 г. Блок отметил в дневнике: «Письмо мучительное А. А. Городецкой».

О сложных личных отношениях Блока и А. Городецкой говорит запись Блока в дневнике: «Сережа Городецкий, не желая принимать никакого участия в отношении своей жены ко мне (как я когда-то сам не желал принимать участия в отношении своей жены к Бугаеву), сваливает всю ответственность на меня (как я когда-то на Бугаева, боже мой!)» (VII, 109).

52. БЛОК — А. А. ГОРОДЕЦКОЙ

17.XII.1911

Анна Алексеевна, простите, что не мог Вам вовремя написать, не было вчера свободной минуты. Сегодня не могу прийти, очень расстроен¹.

Преданный Вам Александр Б л о к

¹ В конце 1911 г. Блок находился в состоянии мучительной психологической раздвоенности. Его дневник этих дней содержит частые упоминания о духовной и физической усталости, сомнениях и колебаниях в выборе пути. Блок записывает 17 декабря 1911 г.: «Сегодня расстроен. Третьего дня — мучительно. Вчера вечером — А. П. и Е. А. Ивановы, а после них до 5-ти часов утра разговор с Кузьминым-Караваевым. *О том, что «пора»* (и он). Злой, тяжелый, Достоевщина. . .» (VII, 102).

Отношения Блока с Городецким к концу 1911 г. осложнились. См. запись Блока в дневнике 26 декабря: «Сегодня — Городецкий у меня весь день. Трудный, в общем,

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ
 Фотография, 1950-е гг.
 Частное собрание, Москва

разговор. Он говорит: Анна Алексеевна ставит ему меня в пример деятельности, мудрости, никуда нехождения и т. д. То, что он называет *магией*, возникающей между нами, он не хочет знать, ему это или неприятно < . . . > или безразлично. Ему в этом главное — то, что он не видит меня систематически. . . » (VIII, 108).

53

16 апреля 1912 г.

Милый Саша.

Напиши хоть слово. Уже и счет потерял дням, что тебя не видел. Не мешал бы твоему одиночеству и этой запиской, если б не грустил очень по тебе.

Твой С. Г.

54

18-IV-1912

Милый Саша

Моя любовь к тебе чиста и проста, и ее ты огорчил, такую, своим письмом. Чиста она от теорий, которые мешают жизни ¹. Проста она тем, что больше хочет видеть и осязать любимого, чем знать о его глубине, до которой не добраться.

Неужели ты уже не понимаешь таких вещей?

Уезжал я не раз, но буду здесь еще и в мае.

Каравай ² неправду сказал про мое расстройство. Чувствую себя ладно. «Снежную Ночь» ³ получил. Спасибо, милый.

Прости, что помешал тебе своей запиской ⁴. Не для переписки ее писал.

До свиданья Твой С. Г.

¹ Возможно, намек на антисимволистское выступление Городецкого (вместе с Д. В. Кузьминым-Караваем и Н. С. Гумилевым) на заседании Общества ревнителей художественного слова 18 февраля 1912 г. «В конце своей речи С. М. Городецкий

сказал слова, которые воспроизвести точно не сумею, но в которых заключалась формула полного его обособления от символизма» (Н. В. Не доб ро в о. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. — «Труды и дни», 1912, № 2, с. 27).

Письмо Блока, видимо, было посвящено теории и поэтической практике «Цеха поэтов», руководителями которого были Н. Гумилев и Городецкий. 17 апреля Блок записал в дневнике: «Когда мы («Новый путь», «Весы») боролись с умирающим плоско-либеральным псевдореализмом, это дело было реальным, мы были под знаком Возрождения. Если мы станем бороться с неопределившимся я, может быть, своим (I) Гумилевым, мы попадем под знак вырождения. Для того, чтобы принимать участие в «жизнотворчестве» <...> надо воплотиться, показать свое печальное человеческое лицо, а не псевдолицо несуществующей школы. Мы — русские» (VII, 140).

² Д. В. Кузьмин-Караваев.

³ 11 апреля Блок просил мать передать «Снежную ночь» близкому живущему от нее Городецкому («Письма к родным», II, с. 195).

⁴ См. предыдущее письмо.

55

15—X—1912

Милый Саша.

Прими «Иву» ¹.

От Бестужева я уже получил стихи ². Пожалуйста, пришли свои тотчас ³.

Кроме того, очень прошу стихов (не одно!) для Велеса, которого уже вторая книга спешно собирается ⁴. Первую принесу, когда приду. 17-го меня судят ⁵, так после этого.

Целую тебя крепко. Твой С. Г.

¹ «Ива» — пятая книга стихотворений Городецкого (Изд-во «Шиповник», 1913 г.) — вышла в середине октября 1912 г. с посвящением: «Анатолию Константиновичу Лядову с любовью и восхищением». Блок 11 ноября 1912 г. записал в дневнике «...вчера я читал «Иву» Городецкого, увы, она совсем не то, что с первого взгляда: нет работы, все расплывчато, голос фальшивый, все могло бы быть в десять раз короче, сжатей, отдельные строки и образы блестят самоценно — большая же часть оставляет равнодушие и скуку» (VII, 178).

² Владимир Васильевич *Гиппиус* (псевд. В. Бестужев, см. также с. 49) — поэт, один из первых символистов. Стихотворения Вл. Бестужева «Александр Блоку» («Ты думаешь — они оттуда ринутся?») и «Александр Блоку. Ответ» — цикл из 4-х стихотворений для публикации в журнале «Гиперборей». См. примечания к письму Городецкого к Вас. Гиппиусу от 11 сентября 1912 г. в разделе «Блок в неизданной переписке современников» в наст. томе.

³ «Вл. Бестужеву. Ответ» («Да, знаю я: пронзили ночь от века...»).

⁴ Альманах «Велес», посвященный русскому и славянскому искусству, был задуман Городецким и А. М. Ремизовым как журнал еще в 1909 г. («Речь», 1909, № 121, 5 мая; «Золотое руно», 1909, № 6, с. 79). Первый выпуск альманаха под редакцией Городецкого и Янко Лаврива относится к 1912 г., следующие книги изданы не были.

⁵ По делу издательства «Шиповник» Городецкому инкриминировался рассказ «Погибшее согласие», вошедший в его книгу 1909 г. «Кладбище страстей». Он был обвинен по 1001 статье Уложения о наказаниях и приговорен к штрафу («День», 1912, № 17, 18 октября).

56

12.XI.1912

Дорогой Саша.

Может быть, возможно выяснить дело с книгами моих рассказов скорее ¹. Положение мое продолжает быть критическим, и равновесие может наступить только, если издам книги на сносных условиях ². Мне кажется, что там, где Сологуб и Ремизов, моей прозе место может быть уделено по справедливости ³. Не сердись, что тревожу, но ты сам мне сказал, что думал обо мне в связи с «Сирином» ⁴, и я только прошу удумать дело теперь же, потому что очень нужно ⁵.

Целую тебя крепко. Твой С. Г о р о д е ц к и й

На письме помета Блока: «Ответил, как только получил. 17 ноября».

¹ К прозе Городецкого Блок, по-видимому, относился неодобрительно. 10 апреля 1909 г., вскоре по выходе первого сборника рассказов Городецкого «Кладбище страстей» (он имелся в библиотеке Блока с дарственной надписью «Дорогим Блокам 8/III—09 г.» —

«Труды по русской и славянской филологии», XXIV. Тарту, 1975, с. 407), Блок писал матери: «Твое мнение о рассказах Городецкого, по-моему, очень тонко — и исчерпывающее» («Письма к родным», I, с. 255).

² В автобиографии 1920 г. Городецкий вспоминал о затруднениях с публикацией его беллетристики в солидных книгоиздательствах: «Работа над прозой. Кабала и рабство в «Огоньке», «Ниве» и др. «Голстые» не пускают» (Н. А. Т а к т а ш е в а. Автобиография С. М. Городецкого. — «Русская литература», 1969, № 3, с. 189).

³ Эта фраза письма Блоком подчеркнута и отмечена на полях знаком «!?!». Городецкий в этом письме обращается к Блоку как к представителю редакционного актива издательства «Сирин», в котором планировался выпуск сочинений А. М. Ремизова и Ф. К. Сологуба.

⁴ Блок думал о включении стихов Городецкого в альманах «Сирин» (VII, 169), однако после чтения «Ивы» глазами «редактора» (VII, 178) к этой теме больше не возвращался. 17 ноября Блок записал в дневнике «Письмо от Городецкого и ответ ему: насчет «Сирин» (VII, 180).

⁵ Блок ответил на письмо Городецкого в тот же день (помета на письме; VII, 180). Ответ, по-видимому, был отрицательным. Городецкий вступил в переговоры с товариществом А. Суворина (см. его письмо к А. В. Руманову от 5 июня 1913 г. — ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 190, л. 12), которое и издало в 1913—1914 гг. сборники его рассказов «Старые гнезда», «На земле», «Дни любви».

57

4 декабря 1912 г.

Благодарю тебя, милый Саша, за любезную присылку рукописей¹. Пишу также затем, чтобы передать просьбу Михаила Михайловича Гаккебуша² прислать ему стихи³.

С. Г о р о д е ц к и й

¹ По-видимому, Блок вернул рукописи, переданные Городецким на рассмотрение редакции «Сирин» (см. предыдущее письмо).

² М. М. Гаккебуш-Горелов (1874—1929) — один из редакторов «Биржевых ведомостей». 4 декабря 1912 г. Городецкий писал М. М. Гаккебушу: «Блоку передал Ваше приглашение прислать стихи» (ЦГАЛИ, ф. 151, оп. 1, ед. хр. 36, л. 7).

³ Слова «любезную», «Михаила Михайловича Гаккебуша» подчеркнуты Блоком и отмечены знаками «!?!»

58

«Петроград» 8 VIII 1920 г.

Дорогой Саша.

Рекомендую твоему вольфильскому вниманию Ник<олая> Евг<еньевича> Фельтена¹, известного толстовца («Дело Фельтена»² — было такое), личного друга Л. Н., обладателя бесценных архивов по Толстому и тонкого знатока его личности и творений.

Мне кажется, при Вольфиле студия по Толстому была бы весьма уместна. Побеседуй с ним, он расскажет тебе свою программу.

Я все еще запряжен в балтфлотские дела³, и к тому же начинаю «линять» — устаю. И все нет тихого вечера для беседы с тобой, что мне особенно нужно после твоих фраз о моих стихах. Мне было очень трудно перед аудиторией, от которой я совершенно отвык, — на моем вечере⁴. А ведь то, что я выступил именно перед ней, было, м<ожет> б<ыть> бессмысленным опытом начать стягивать концы раны, оторвавшей интеллигенцию от революции, — что делаешь и ты — «Двенадцатью», и что, по-моему, первый долг твоего союза поэтов⁵. Но ничего не вышло, у меня было ощущение горькой пустоты после вечера, я опять попался на удочку чуда.

Очень нужно обо всем этом поговорить. Смотри, как махрово: богофильство, «измы», переводчество, саботаж — полнейшая апоэзия⁶. А третий день уже на исходе, а на четвертый Лазари не воскресают⁷. Времени осталось одна минута, в калошах Гредескула⁸ не поспеть. Разве что на Пегасе. А?

Обнимаю тебя. Твой С. Г о р о д е ц к и й

ИРЛИ, р. 1, оп. 3, ед. хр. 118. Ксерокопия

Письмо на бланке Литературно-издательской секции политического отдела Революционного военного совета Балтийского флота (Адмиралтейская наб., 2, 4-й этаж). Послано

Блоку в Вольфилу. На конверте надпись: «Вольфила. Александру Александровичу Блоку. От С. Городецкого».

¹ Николай Евгеньевич *Фельтен* (1884—1940) — последователь учения Л. Н. Толстого и издатель его произведений. Автор воспоминаний о Толстом («Солнце России», 1910, № 2 (42); «Речь», 1910, № 306, 7 ноября и др.).

² За издание статьи Толстого «Не убий» Н. Е. Фельтен был подвергнут тюремному заключению в 1907 г. Известие об его аресте послужило поводом для написания статьи Толстого «Не убий никого». В 1909 г. за издание и распространение сочинений Толстого Фельтен был осужден к заключению в крепость.

³ В 1920 г. Городецкий возглавлял литчасть Политуправления Каспийского флота в Баку, а затем был переведен на аналогичную службу в Балтфлот, с чем и было связано его пребывание летом 1920 г. в Петрограде.

⁴ Вечер Городецкого и Л. Рейснер 4 августа 1920 г., на котором Блок произнес вступительное слово.

⁵ О деятельности Блока в Союзе поэтов см. наст. том, кн. 3.

⁶ О том же писал Городецкий в стихотворном фельетоне «Покойнички» («Красная газета», 1920, № 175, 8 августа):

Выходили в сад покойнички
Вереницею,
Выносили рукоюнички
Со святой водицею. <...>
Голосили
Со всей силы:
«Аллилуйя, аллилуйя, со святыми упокой,
Да избавимся сумятицы мирской.
Анафема тому, кто станет на работу,
Осанна причастившимся болоту,
Ныне разлагаемся, во веки аминь,
Кто не с нами, в того камнем кинь». <...>

Дрессированный профессор бородатый
Отбивает лбом поклоны, как сохатый.
Именительный «бог», родительный «бога»,
Дательный «богу» — падежей много. <...>
Доктору философии было видение:
В этом мире одно спасение — гниение.
Тайна жизни никем не разгадана,
А вся она, ныне и присно, в кусочке
ладана.
Подымим, почадим, плюнем в солнышко,
Во гробу тепло: есть и крышка
и донышко. <...>

⁷ Мотивы евангельского рассказа о чуде воскрешения Лазаря, происшедшем все же на четвертый день (Евангелие от Иоанна, гл. 11), Городецкий развил в своей статье «Лазарь, выходи из гроба!» («Известия Петроградского совета», 1920, 1 сентября, № 194): «Никакого желания усвоить события, понять их, осветить, продумать не замечается у верхней интеллигенции. <...> Христос уже третий год стоит у гробницы, крича: «Лазарь, выходи». Но чудо не удастся. Лазарю червяков кормить хочется. Вот в чем ужас. Вот почему изобразитель интеллигенции должен быть жестоким».

⁸ Николай Андреевич *Гредескул* (1864 — ?) — юрист, публицист, до 1916 г. — видный деятель кадетской партии. После Октябрьской революции был одним из первых выразителей идеологии «сменовеховства».

59

13—VIII—1920

Дорогой Саша.

Рекомендую твоему вниманию систему нового международного письма, построенную на символической и изобретенную С. А. Кукелем¹.

Хорошо бы дать ему возможность прочесть доклад в Вольфиле² в присутствии поэтов и филологов.³

Твой Г о р о д е ц к и й

¹ Видный советский инженер-электротехник Сергей Андреевич *Кукель-Краевский* выдвинул проект «философского языка» «QJ» — идеографического письма, не зависящего от звуковой передачи понятий в разных языках. См. подробней: Э. Д р е з е н. За всеобщим языком (Три века исканий). М.—Л., 1928, с. 221—222.

² О Вольфиле см. в кн. 3 наст. тома «Блок в неизданной переписке современников».

³ Об интересе Городецкого к различным системам «международного языка» см. в его статье «Мечта д-ра Заменгофа» в газ. «Единение», Тифлис, 1918, № 27, 14 октября.

ПЕРЕПИСКА С А. М. РЕМИЗОВЫМ (1905—1920)

Вступительная статья З. Г. Ми н ц

Публикация и комментарии А. П. Ю л о в о й

Взаимоотношения Блока и Ремизова сравнительно редко привлекали внимание исследователей¹. Между тем эти многолетние отношения (Блок познакомился с Ремизовым в 1905 году), в 1911—1913 гг. принявшие дружеский характер, весьма существенны для творчества обоих художников. Достаточно указать хотя бы на беспорную роль Ремизова в становлении такой кардинальной поэтической темы зрелого Блока, как тема России. Настоящая статья не претендует на целостное раскрытие вопроса о Блоке и Ремизове. Ее цель — лишь указать на выявляющиеся в публикуемой переписке основные этапы и линии связей двух художников, а также на значение и специфику самой этой переписки.

Творчество Ремизова не сразу привлекло внимание Блока. Так, 8 марта 1904 г. в письме к С. Соловьеву он пренебрежительно отзывается о напечатанных в альманахе книгоиздательства «Гриф» (М., 1904) произведениях Ремизова («Молитва», «Последний час», «Иван Купал»): «А. Ремизов неудобочитаем от скуки» (VIII, 96). Отзыв этот понятен. Из трех рассказов Ремизова, опубликованных в «Альманахе «Гриф»², два первых — вполне традиционные для декаданса 1890-х годов размышления о горечи жизни («Молитва») или столь же типичные для первых шагов младосимволистской прозы надежды на смерть—воскресенье («Последний час», ср. в этом же альманахе выдержанный в близком кругу образов рассказ Н. Петровской «Последняя ночь» или стихотворение Эллиса «Вакханалия»). Лексико-семантический облик этих рассказов, ориентация на ритмизованную прозу, — все это у Ремизова пока что ничем не возвышается над уровнем средней декадентской прозы конца XIX—начала XX в., например, от малоталантливых произведений А. Миропольского (Ланга), первых наивных прозаических опытов Ю. Балтрушайтиса и т. д. Лишь последний рассказ написан в совершенно иной манере, в которой видно своеобразие Ремизова-художника, соединяющего быт, интерес к фольклору и обряду с тонким знанием народного языка. Впоследствии Блок высоко оценит сборник Ремизова «Посолонь» (1907), куда войдет и рассказ «Иван Купал».

Однако приблизительно с середины 1904 г. интерес Блока к Ремизову возрастает: он упоминает (в рецензии на роман Рапильд) один из переводов Ремизова (см. V, 560). В этом же году Блок не только вступает с Ремизовым в деловые отношения (связанные со службой Ремизова в конторе «Вопросов жизни» и сотрудничеством Блока в этом журнале — см. VIII, 132), но и начинает ощущать яркую индивидуальность его творческой манеры. Посвящение Ремизову стихотворения «Болотные чертенятки» (январь 1905 г. — см. II, 10) и первой редакции стихотворения «Легенда» (см. комментарий Вл. Орлова: II, 419—420) позволяет понять, как именно представлял себе Блок «ремизовское» поэтическое мироощущение. Оно соединялось с поисками того художественного метода, который сам поэт характеризовал как «мистицизм в повседневности» и который для него (как и для Ремизова) был связан со стремлением «синтезировать» символистскую поэтику и реалистические традиции. Оба писателя стремятся сочетать «реальность» как тему искусства (природа в первом стихотворении, город — во втором) с мистической и символической интерпретацией изображаемого. Блок во многом именно через Ремизова осваивает реальный мир как мир «нижней мистики» — бедной, «нищей природы» с ее «воплощениями» — «чертенятами да карликами» («Пузыри земли», 1904—1905. II, 20). Мир этот, может быть, и бывает добрым («Болотный попик», «Старушка и чертенята»³, но он, так сказать, исконно ненормативен, и его порождения — детски наивные, «дурашливые», забавные уродцы. Это типичное для Ремизова чувство природы (сложно связанное с традицией Достоевского) равно отличается в «Пузырях земли»

и от природы XIX в. — ощущения природы как высокой «нормы», и от декадентской апологетизации зла (злая мистика характерна для произведений из городской жизни и изображается совсем в иных тонах). Ремизовское чувство природы соединяет яркость фантастики, опирающейся на фольклор, и миф, с острым ощущением реальных деталей и глубокой, хотя и болезненной, любовью к родному, русскому. Все это тоже очень важно для Блока — автора «Пузырей земли» (за исключением ремизовских «ужасов»). Почувствовал Блок и такую существеннейшую особенность Ремизова, как путь к воссозданию мироощущения через язык, сказовую и стилизующую природу его произведений (ср. фольклоризмы, разговорные интонации «Болотных чертеняток», элементы стилизации и эпиграф из «латинской рукописи XVI века» в первой редакции «Легенды» — II, 419—420). Можно сказать, что весь цикл «Пузыри земли» создан в той или иной степени «под знаком Ремизова» и что отраженное здесь чувство природы одинаково далеко от «высокой» мистики «Стихов о Прекрасной Даме» и от концепции русской природы как одного из воплощений «духа музыки» в лирике «третьего тома» (ср. особенно циклы «Арфы и скрипки», «Кармен», «Родина»). Это — «первая волна» ремизовских воздействий на творчество Блока.

К 1905 г. относится и начало переписки Блока и Ремизова. Первые письма Блока (и переписка этих лет в целом) падают на летние месяцы, когда Блок живет в Шахматове. Зимой непосредственные контакты двух петербуржцев становятся более интенсивными.

В первом письме (см. VIII, 126) Блок высоко оценивает печатающийся в это время роман «Пруд», подчеркивая типично ремизовское яркое ощущение реального, сенсорно воспринимаемого мира («чувство «скарба» и запахов»), его поэтичность. Но Блок выделяет и то, что для него чуждо: безысходность декадентского, «ужаса», который должен быть преодолен авторской точкой зрения («Надо же, чтобы конец романа обуслился, а то — ужас»).

В письмах Ремизова к Блоку с самого начала бросается в глаза соединение искренней теплоты тона и подслудно идущей линии своего противостояния Блоку и даже некоей скрытой «учительности». В первом, пасхальном (17 апреля 1905 г.) письме он цитирует стихи о богородице из монографии о «Хождении Богородицы по мукам» и народный «стих удивительный». Подчеркивая близость образа богородицы «Стихам о Прекрасной Даме», Ремизов замечает: «Почему Вы не назвали книгу: Стихи о прекрасной ДЕВЕ?»

Дама в глубинах Geist'a русского языка никогда не скроется (с. 82). Постоянное восприятие творчества Блока в зависимости от того, как отразились в нем русские национальные начала и «Geist'a русского языка» составит один из важнейших мотивов не только переписки, но и взаимоотношений художников в целом (ср. косвенное отражение присланных Ремизовым стихов о богородице в стихотворении «Ты проходишь без улыбки. . .» — 29 октября 1905 г.; II, 177—178).

Оценка творчества Ремизова Блоком становится все более высокой. 21 декабря 1906 г. он записывает: Ремизов расцветает совсем. Большое готовится время. «Чертик» Ремизова великолепен, особенно если слушать его из его уст (даровитейший чтец). . .» (ЗК, 85). Связь Ремизова со стихией устной речи Блок будет ощущать и ценить всегда. Но высокое мнение Блока о рассказе «Чертик» особенно интересно потому, что, по мнению поэта, в страшное царство мещанства Ремизов включил и мир сектантов (как — позже — будет и в «Серебряном голубе» Андрея Белого). Такая оценка не могла не противопоставляться Блоком сочувственному интересу к сектантам, характерному для Мережковских⁴. И хотя Блоку в 1907—1908 гг. точка зрения Мережковских будет представляться особенно интересной, ремизовское изображение хлыстовства тоже кажется ему вполне убедительным. Может быть, отчасти с ремизовской позицией связано то, что интерес Блока, в отличие от Мережковских, Л. Семенова да и большинства символистов, постепенно сосредоточивается не на сектантстве, а на старообрядчестве («Меня пытали в старой вере. . .» — 27 октября 1907 г.; «Задебренные лесом кручи. . .» — октябрь 1907—29 августа 1914 г., III, 248; «Песня Судьбы» и др.).

В статье «Литературные итоги 1907 года» (ноябрь—декабрь 1907 г.) Блок впервые высказывается о Ремизове как критик. Он подчеркивает постоянный рост Ремизова-художника, «мятежные» поиски «своего стиля и языка» (V, 226). С позиций, характерных для периода статей об интеллигенции и народе (1907—1908), Блок утверждает ценность пути Ремизова от декадентства, с его «тяжелой, угарной и мучительной» атмосферой

(«Пруд», который Блок сближает с творчеством Пшибышевского), к «просветленному» взгляду на мир, увиденному Блоком в «благоуханном воздухе нестеровских картин» (V, 226—227), наполняющем произведении Ремизова 1907 г. Сопоставление с живописью Нестерова подчеркивает обращенность Ремизова к национальным и национально-православным началам как к поэтическому идеалу. Следует отметить, что этот отзыв Блока тонко указывает именно пути дальнейшей эволюции Ремизова. Но высказывание поэта имеет и иной смысл. Блок видит в ремизовских произведениях 1907 г. озаренность «темной стихии» «голубым сиянием». В «сиянии» идеала происходит светлое преобразование «дикой, исстрадавшейся и испуганной души». Это умение увидеть человеческую жизнь и душу «в прозрачном свете», найти в них подлинно человеческое, Блок в других статьях 1907—1908 гг. связывает с демократическими тенденциями искусства, с гуманизмом и реализмом и противопоставляет декадансу с его «критикой человеческого».

В 1906—1907 гг. встречи Блока и Ремизова носят еще довольно нерегулярный характер. Можно даже предположить, что взаимная заинтересованность в 1905 г. сменяется в 1906—1907 гг. некоторым охлаждением. Оно в значительной мере порождено разочарованием Блока в «Пруде» как целостном произведении (ср. выше высказывания на эту тему в письме и критика Блока; в 1908 г. Блок, задним числом, прямо пишет Ремизову: «Вы испортили себя для меня «Прудом» года на два — VIII, 257). Вероятно, и Ремизову в «Нечаянной радости», «лирических драмах» и публицистике Блока много было очень чуждым. Возникновение нового интереса датируется 1908 г. Для Блока она связана в первую очередь с такими произведениями Ремизова, как «Посолонь», «Лимонарь», «Бесовское действо» (см. V, 227), «Чертов лог», «Часы», для Ремизова — с «Песней Судьбы». В письме от 28 апреля 1908 г. Блок приглашает А. М. Ремизова и С. П. Ремизову-Довгелло на чтение «Песни Судьбы». 1 мая 1908 г. Ремизов дарит Блоку книгу своих переводов, пометив дату: «В день чтения драмы Блока «Песня Судьбы» (см. с. 127).

Записывая 2 мая итоги состоявшегося накануне обсуждения драмы, Блок отмечает: «На всех произвело впечатление <...> Верховский об аллегоричности. Особенно протестует против «России» (и Ремизов тоже, и все, более или менее). — Ремизов говорит, что коробейники говорят не совсем по-русски — интернационально» (ЗК, 106). Как видим, в центре внимания оказались две проблемы: вопрос о концепции и способах выражения национальной идеи и о художественном методе драмы.

Ремизову-художнику, для которого национальное составляло самое основу поэтического видения мира, определяя все — от языка и стиля до темы и круга главных для него жизненных проблем, — решение «национальной идеи» в «Песне Судьбы» должно было оказаться (и, видимо, оказалось) одновременно и близким, и чуждым. Близким — в общеприозренческом плане: в утверждении Блоком ценности национальных начал, в их совмещенности с поэтическим идеалом «Песни Судьбы», в мысли о необходимости для интеллигенции искать пути к народу, а также — быть может, прежде всего — в ощущении трудности этих путей. Чужим — во всем, что составляло специфику художественного и непосредственно человеческого чувства России в «Песне Судьбы». И центральный персонаж блоковской драмы, лишь идущий к России, но все еще бесконечно далекий от нее, и средоточие чувства Родины — язык (в «Песне Судьбы» постоянно опирающийся на фольклорную и разговорно-просторечную стихи, однако, отнюдь не замкнутый в них) — все это было, действительно, не только далеко, но и во многом противоположно Ремизову. Ремизовская устремленность к воссозданию народного «русского мира» была неотделима от раскрытия его «с внутренней точки зрения»: через сказ, органически вырастающий из народной просторечно-разговорной, диалектной и поэтической стихии (дополненной широким включением архаической и архаизованной лексики, историзмов и книжного языка древнерусской литературы, отождествленного с народным), а также через образ рассказчика, полностью совмещенного с этим русским миром, с головой в него погруженного и никаких других «миров» принципиально не знающего.

Напомним, что Ремизов, по всей вероятности, шире и лучше Блока знал европейские языки, чаще выступал в 1900-х годах как переводчик и что, следовательно, «внутрирусская» языковая и мировоззренческая позиция Ремизова — выражение его художественного *credo*, а никак не спонтанное выявление биографического «я».

Соотношение национальной идеи у Ремизова и Блока сложно и не допускает однозначного истолкования. «Эмпирического» знания народного русского быта, обычаев, истории, религии, обрядовой стороны жизни и культуры и их воплощений в языке — у Ремизова, конечно, намного больше, и знания эти непосредственнее — не случайно корни их ведут не к наблюдениям «со стороны», а к впечатлениям раннего детства и многолетнему опыту жизни в ссылке, в мире «уездной, звериной глупши» (Ф. М. Достоевский). «Внутренняя» точка зрения Ремизова на народный мир противопоставляется у Блока 1907—1908 гг. стремлению увидеть и осмыслить эту жизнь с точки зрения идеалов и норм русской культуры XIX в. (с позиций демократического искусства — ср. Некрасовский образ коробейника в финале драмы⁵, концепции человека и народа, восходящие к Л. Н. Толстому, а также постромантическому и почвенническому национальному мессианству Достоевского, Тютчева и Вл. Соловьева). Духовную родину своего художественного мира Ремизов (объективно опирающийся на широчайшую культурную традицию — не только национальную: древнерусская литература, романтизм, Гоголь, Достоевский, Лесков, но и европейскую: немецкий романтизм, французский, польский модернизм и т. д.) субъективно видит в поэзии той самой жизни, которую он изображает. У раннего Ремизова идеал и действительность, по существу, совмещены; его позиция (отчасти близкая Блоку в «Пузырях земли» и «Городе») — примиренность с земным злом, хотя и не радостная (как, например, у Брюсова), а глубоко пессимистическая. Это дает возможность увидеть в ремизовской концепции человека и «земли русской» такие черты, как элементы историзма, глубокое знание народной жизни, преданная любовь при полном отсутствии идеализации (ср. слова Ремизова о «земле русской, в которой таится верность до смерти, предательство Иудино и подвиг крестный» — с. 127). Вместе с тем, и это, конечно, постоянно чувствовал Блок — в ремизовской полной примиренности с жизненным уродством, во внутренней провинности любой красоты — ущербностью, жестокостью или обреченностью на гибель, в представлении (восходящем к типично символистским интерпретациям Достоевского), что истинная красота и не может не быть ущербной⁶, нельзя не увидеть черт декадентского восприятия мира и человека.

Отсюда — и различие будущих путей обоих художников. Формирующийся в 1907—1908 гг. антидекадентский и «облученный» влияниями русского демократизма XIX в. поэтический идеал Блока в каком-то смысле, безусловно, противостоит эмпирической действительности, ему присуще то «двоемирие», которое характеризовало русский реализм XIX в. — противопоставление исторически данного высокой норме «подлинно человеческого» бытия и человеческого характера. Но такое «двоемирие», в иных аспектах, раскрывается как глубинное единство реальности и художнического идеала: оба они имеют земную и человеческую природу, реальность — оказывается жизнью в ее сегодняшних проявлениях, идеал — относится к той же жизни, но в ее «вечной» сущности или в потенциях, которые должны реализоваться в будущем (для «Песни Судьбы» — в грядущей встрече Германа и Фаины).

Эволюция Ремизова, ставшая особенно заметной к 1910-м гг., была иной. Первоначально в его творчестве просто снимается антитеза (или по крайней мере возможность разграничения на уровне персонажей и ситуаций) реальности и нормы.

Одно из главных исконных свойств поэтического дара Ремизова — художественное преображение реально данного, бытового. Его фантазии, самые странные, так же не отделимы от вещей, живых существ, природного и человеческого мира, как идеал, всегда ярко национальный, — от «скарба и запахов» действительности. В этом смысле художественный метод Ремизова (особенно — хотя и не исключительно — раннего) включает даже элементы натурализма — того «натурализма», который присущ и декадентству бодлеровского типа, и младосимволистской вере в «святую плоть». Но одновременно с этим сам Ремизов не более сознает, что красота, необыденность предметного мира, из которого вытекает его чувство России, — свойства его художнического зрения, видения жизни «подстриженными глазами». Он все резче отделяет подлинную реальность от преображенной творчеством, идеальной. К концу 1900-х годов его тяга к осознанию поэтической нормы как противоположной реальности становится все заметней. И когда Ремизов все активнее начнет искать норму, он найдет ее — через стилизацию нововагетных, древнерусских канонизированных и апокрифических житий и легенд — в хри-

стианском и уже национально-православном мире, мире, хотя и всегда сохранявшем у Ремизова трогательно «земные», неповторимо русские и даже иногда языческие черты, однако в главном, самом существенном, — противостоящем исторической реальности. Позднее творчество Ремизова — вариант постромантического национально-религиозного искусства. Все, созданное Блоком в 1907—1908 гг. и в 10-х годах, глубоко пронизано воздействием гуманистической художественной традиции реализма XIX в., хотя и никак не уместается полностью в ее рамках.

Восприятие «Песни Судьбы» и в целом творчества Блока 1907—1908 гг. в аспекте «национальной идеи» и творчества Ремизова подсказывает, что перед нами — два пути, каждый из которых имеет свою художественную, социальную и нравственную ценность. Участники дискуссии, однако, подошли к вопросу о национальном начале «Песни Судьбы» иначе, более однолинейно и резко оценочно, что, опять же, типично для решения «здесь и теперь» назревших, больших вопросов. Ремизов, как мы видели, не резко, но действительно подчеркивает нерусские образы «Песни Судьбы»: аллегоричность облика России, «интернациональный» язык коробейника. Эта оценка не была принята всеми присутствовавшими на чтении драмы. С одной стороны, как видно из той же записи Блока от 2 мая 1908 г., В. А. Зоргенфрей не согласился с тем, что пьеса далека от национального духа: «В. А. Зоргенфрей отрицает упреки в интернациональности и утверждает, что эта пьеса еще подтверждает знающим меня, что я стану «национальным писателем» (ЗК, 106). С другой стороны, А. П. Иванов, которому драма «очень нравится», считает, что отсутствие однолинейно «русского» — заслуга Блока: «Даже здесь я не провалился в православие (и т. п.), а все смягчено как бы «германским» духом (как и в стихах о России)» (там же). Всего интереснее, однако, реакция самого Блока. Он убежден в правоте художественных решений пьесы («люблю теперь эту вещь более всех, написанных мной» — там же) и своего пути в целом (ср. запись в мае 1908 г. между 3 и 26: «Земля обетованная — путь», в чем поэт видит «тайную сущность «Песни Судьбы» — ЗК, 106). Однако Блоку всегда было присуще стремление принять любую критику, признать справедливой любую чужую точку зрения, особенно освященную в его глазах причастностью к народной. И он соглашается с предложенной Ремизовым оценкой своей позиции как двойственной, а ремизовской — как подлинно русской и потому — более «высокой». Ремизов и в дальнейшем именно так воспринимает соотношение своей и блоковской точек зрения на мир и говорит с поэтом с прежней скрыто «учительной» интонацией. В дарственной надписи на экземпляре романа «Пруд» (14 ноября 1908 г.) Ремизов пишет: «. . . с пожеланием увидеть еще раз Фаину и не заспать сна своего, не разгулять его кофейными разговорами . . . и прикоснуться к земле русской» (с. 127). [Упрек в «кофейных разговорах», противопоставленных Ремизовым блоковской же устремленности к «Фаине» — России, содержал и оценку образа жизни Блока, и протест против «западного» в нем. И то и другое, по всей видимости, представлялось Блоку справедливым. . .

Близка к рассмотренной и вторая тема, прозвучавшая при важном для Блока обсуждении «Песни Судьбы», — вопрос о художественном методе драмы, ее «аллегоризме». Здесь опять-таки видно существенное различие обоих художников: тяга Блока к большим и четким обобщениям, на первых порах, особенно в «Песне Судьбы», действительно оборачивавшаяся аллегоризмом, и принципиальное для Ремизова стремление окунуть все свои самые свободные поэтические фантазии в гущу национально окрашенного быта, — «скарба» и запахов», по словам Блока (см. с. 83), создавать общую «картину мира» через бесчисленность «единичных случаев», «быличек» и легенд.

Еще одна существенная линия несходства идейно-творческой позиции писателей в 1907—1908 гг. отразилась в письме Ремизова Блоку от 27 октября 1908 г. Письмо это продолжает обсуждение вопроса о нужности или ненужности писательских публичных выступлений, начатое Блоком в статье «Вечера «искусств» (октябрь 1908 г.). В статье мельком упомянут Ремизов как участник одного из таких «вечеров». «Откликаясь», Ремизов пишет: «Я с вами согласен: читать не нужно. А почему не нужно, я совсем по-другому думаю». Причину ненужности Ремизов, в романтическом духе, видит не в опасности «нового искусства» для слушателей (как Блок), а в чуждости своего «русского» творчества современной читательской массе («Когда я читаю, я никого не вижу, ничего не слышу, а вижу свою книгу и слышу свой голос, произносящий русские слова. А так как я люблю

русские слова, то мне приятно произносить их < . . . > Но < . . . > те люди, которые идут на вечера, они в глубине своего сердца прекрасно знают, зачем они идут. И когда слышат, скажем, мои русские слова, они остаются к ним совершенно безразличны, как оставались бы безразличны к словам Достоевского, Толстого и Пушкина» (см. 86; последние слова — полемика с «Вечерами искусства», где Блок писал о том, «почему был прав Достоевский, когда с эстрады «жет сердца людей» «Пророками» Пушкина и Лермонтова» — V, 907. В то время как «стихи < . . . > любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда — вредно», так как у них «нет ореола общественного» — V, 308). Впрочем, безнадёжность контакта с читателем Ремизов распространяет и на искусство в целом. Даже «вечер с Достоевским никого ничему научить не может, не может ни поправить чего-нибудь, ни испортить что-нибудь. Все останется по-прежнему. Боже мой! — После Эдипа и Гамлета развезаются по публичным домам. . . » (с. 86). Отсюда Ремизов делает вывод о «неправде» блоковской позиции и грустно констатирует ненужность (но и возможность, т. е. какою-то неясную для него самого нужность) всякого искусства, и «нового» и старого. Вопрос, поднятый Ремизовым, был очень значим для Блока не только в связи с его критикой символизма в 1907—1908 гг., но и потому, что размышления о смысле, целях, необходимости искусства были для него всю жизнь первостепенно важными. Резко не приняв еще в ранней юности «самоценного» искусства «декадентов» и постоянно разочаровываясь в разного рода эстетических утопиях русского символизма, Блок вновь и вновь задает себе вопрос, для чего же все-таки нужно искусство, явно не могущее «мир спасти», но столь же явно бессмысленное как «самоценность» — если оно вообще ничего не может. Ремизов 900-х годов предлагает свой вариант решения этого «проклятого вопроса». Искусство никак не может воздействовать на жизнь, но, возникая спонтанно, постоянно возобновляясь в творчестве (а творчество для Ремизова равно «просветленному» быту и, как быт, неистребимо, вечно), оно, возможно, имеет какой-то «тайный» смысл. Художнику остается только печально констатировать свое неверие в «цели» искусства — и одновременно все же отдаваться радующей стихии творчества, уподобляющегося этим своим явным противоречием (бесцельность и одновременно — глубокая внутренняя необходимость) самой жизни. Такое понимание искусства (в нем нетрудно усмотреть предэкзистенциалистские тенденции, вообще свойственные позднему символизму) было Блоку решительно чуждым: одна из линий кровных его связей с культурой XIX в. состояла именно в том, что деятельность вне цели (более того — вне цели высокой) утрачивала для него всякий смысл, была равносильна гибели в прямом и точном значении слова. Однако предлагаемое Ремизовым решение и не отталкивало Блока: он не видел в нем ни самонадеянных и неоправданных претензий, отвращавших его от утопий Вяч. Иванова и от проповедей Мережковского, ни сухого рационализма «теорий познания» А. Белого, ни самодовольного эстетства. К голосу Ремизова Блок прислушивается все внимательней.

Рассмотренный «сюжет» завершается неожиданно: в письме от 22 января 1909 г., подтверждая свой отказ выступать на литературном вечере, организуемом социал-демократкой Э. В. Зверевой, Ремизов утверждает, что сам-то Блок читать должен, потому что между ним и публикой контакт есть: «Когда вы читаете < . . . >, столько людей любят вас, а которые и не любят, то улыбаются добродушно. А вы понимаете, что относительно меня это не возможно». В этом пассаже, «исповедально» честном, но, по-ремизовски, слегка лукавом, звучит и признание Блока, и уже известный нам отдаленный намек на различное отношение блоковского и его собственного творчества к «русскости».

В 1909—1910 гг. отношения Блока с Ремизовым вновь переживают некоторый спад: нам не известно ни одного письма Блока, отправленного Ремизову между 31 октября 1908 г. и 11 января 1911 г.; Ремизов, судя по сохранный Блоком подборке его писем, тоже после отъезда Блоков в Италию писал ему за эти годы только трижды (см. письма № 9—11), — то сетуя на утрату связей (16 ноября 1909 г.), то обращаясь с маленькими деловыми записками. Спад этот вызывался, видимо, многими причинами: общей депрессией, охватившей Блока в разгар и в последние годы столыпинской реакции (весна 1909—1911 гг.), утратой им в это время множества литературных и личных связей, в том числе и таких, которые перекидывали мост от Блока (и Блоков) к Ремизову (и Ремизовым). Здесь в первую очередь должен быть назван Вяч. Иванов, «среды» которого Блок после смерти жены Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал почти не посещает. Были, однако, по крайней мере у Блока, и причины творческого характера. Блок 1909—1911 гг. стремится к искусству,

«оформляющему» и гармонизирующему «хаос» действительности. На этом пути Блоку, вполне закономерно, встречается «классик» Брюсов и, столь же естественно, сравнительно редко попадаете Ремизов 900-х годов с его глубочайшей убежденностью в том, что единственная возможная реальность — это хаос и неразбериха, всегда страшная, хотя порой и забавная.

Впрочем, связи писателей в эти годы не прерываются и, что самое главное, не меняют своего характера. Ремизов по-прежнему осторожно направляет вкусы Блока, приглашая его и Любовь Дмитриевну в письме от 15 марта 1910 г. «послушать русские песни» в концерте Н. В. Плевидкой; Блок отвечает (побывав на концерте Плевидкой позже, летом 1913 г.), что, слушая русские песни, он с женой «грустили по этому поводу о своей «немецкости». Высоко оценивают оба писателя творчество друг друга. Ремизов сообщает Блоку о своем «сне» («сны»), творчество и игровые фантазии Ремизова настолько тесно сплетены, и их сплетенность постоянно так обыгрывается художником, что нет никакой возможности определить, что перед нами: рассказ о действительно приснившемся или лукавое скрывание своих «наяву» пришедших мыслей, придавание им некоей «объективности» и «тайного смысла», присущего, по Ремизову, сну). «Сегодня, — сообщает он в том же письме, — я во сне видел Лескова. Он мне сказал, что Вы его очень интересуете и очень Вы ему нравитесь». Лукавая насмешливость (то ли по поводу своей мистификации, то ли по поводу собственного «историко-литературного» сна или языка, его пересказывающего) не умаляет важности для обоих корреспондентов высказанной оценки. Лесков для Ремизова — самый близкий русский художник. На это не раз указывал сам Ремизов: «Имена, под которыми прошла жизнь в России за 44 года (1877—1921) — Достоевский, Лесков»⁷. Говоря о писателях, в чьем творчестве «почувствовалась < . . . > Россия», Ремизов утверждает, что «Лесков на первом месте в литературе»⁸. Поэтому и «признание» Ремизовым Блока «от имени Лескова» свидетельствует, что в самой ремизовской оценке подготавливаются серьезные сдвиги.

Это же можно сказать и об отношении Блока к творчеству Ремизова. В статье «Противоречия» (январь 1910 г.) путь Ремизова рассматривается в связи с любимой идеей блоковской критики 1909—1911 гг. — с мыслью о сложной противоречивости жизни, несводимости ее к какой-то одной поэтической формуле или настроению. Противопоставив друг другу «однострунную» безнадёжность лирики В. Полякова и «однострунный» же «развязный» оптимизм С. Городецкого, особенно раздражавший Блока в «глухие» 1909—1911 гг., критик заключает: «Будет, да не так, как говорят Поляков и Городецкий, а по-третьему, и, во всяком случае, по-новому. Иначе уж очень бы все было просто» (V, 414). Непростота жизни, законов истории подчеркивается другой антитезой — Ремизова и бытописателя-«беллетриста» П. Гнедича. Сам факт, что «два писателя в один и тот же год и в одной и той же стране пишут на столь «разных языках», что в России возможно сосуществование Ремизова — «писателя, мученика, творца» — и Гнедича — «литератора», чиновника особых поручений при литературе» — свидетельство «тихого, непоправимого сумасшествия» русской жизни (V, 410).

Блок по-прежнему видит путь Ремизова в отходе от декадентских «вычур», от влияния Пшибышевского (см. V, 407) и в овладении материалом «покорной и плавной, живой и жемчужной» «русской речи» (там же). Теперь Ремизов, по мнению Блока, — «один из самых серьезных и глубоких писателей нашего времени» (там же). Его фантазии — это «весьма реальный клочок нашей души, где все сбито с панталыку, где все в невообразимой каше летит к черту на кулички» (V, 408).

Каким же образом это изображение мирового и современного русского хаоса отвечает выдвигавшемуся Блоком в эти годы требованию «гармонизации» мира? В предваряющих статью набросках в записной книжке от 30 ноября—1 декабря 1909 г. (сделанных в поезде, по дороге в Варшаву к умирающему отцу), Блок пытается связать неудавшиеся попытки «цельного творчества» у Ремизова с тем, что «хаос» Ремизова (противопологаемый «вальжности» и «цельности» «Войны и мира») — это отображение истинного духа современности (ЗК, 161—162). В статье вопрос ставится несколько иначе — как ремизовское творчество этот «хаос» преодолевает? Ответ Блок видит и в прямо выраженной идее Ремизова — в его стремлении «оправдать мир», показать, что «каждая былинка, каждая человеческая мразь — «Гекуба»» (V, 410), и в глубинных структурах его произведений.

Главным носителем поэтического мироощущения, «кристаллами форм» ремизовской мысли Блок, как и прежде, считает «русскую речь». Именно она позволила писателю преодолеть «субъективные лирические опасения» и вывести свое творчество «в объективную эпическую даль» (V, 407). Постоянно варьируемые в «Противоречиях» при разговоре о позднем Ремизове строки из «Евгения Онегина» («даль свободного романа») свидетельствуют и об очень высокой оценке писателя, и о том, что Блок считает ремизовские искания «объективности» искусства близкими к своим: примерно в то же время (1911) он характеризует собственную «трилогию лирики» этими же словами Пушкина (см. I, 559). Конечно, пути преодоления «субъективного» у обоих художников были весьма различными: объективности (внеличности) русской повествовательной стихии Ремизова у Блока соответствовала объективация «лирического сюжета» его поэзии, взгляд на лирику как поэтическую «историю мира», подчеркивание «типических» черт в лирическом герое и героине⁹. Но в известном смысле — и именно в плане преодоления художественного индивидуализма — какие-то этапы пути у Блока и Ремизова действительно совпали.

Не удивительно поэтому, что первая половина 910-х годов вновь знаменуется сближением писателей — и гораздо более тесным, чем все их прежние духовные «встречи».

Письмо Ремизова от 8 января 1911 г. как бы начинает новый этап отношений, подводя итоги того, как за последние годы изменился Блок («Вы вчера меня многим обрадовали. И то, что в Вас произошло и стало, и вся душа Ваша, все это — верно»). Деятельное и тронувшее Ремизова участие Блока в ликвидации конфликта между ним и С. Городецким (см. публикацию переписки Блока с С. М. и А. А. Городецкими в наст. томе), также усилило близость художников.

Блок и Ремизов, начиная с 1911 г., часто встречаются (см. VII — 134, 168, 184, 191, 196, 203, 223, 235, 236, 246, 249; ЗК — 200, 202, 203, 204, 206, 208, 215, 221, 223, 236, 237, 245), ездят (обычно втроем с М. И. Терещенко или с ним и его сестрами) за город, гуляют по городу (см. VII — 139, 142, 166, 173, 225, 226, 231, 238, 249); навещают друг друга (см. VII — 82—83, 87, 94, 136, 143; VIII — 391; VII — 154, 157, 162, 211—212, 213, 222, 226, 240, 245; ЗК — 210, 482), вместе ходят в театр (см. VII, 192; VIII, 410), много беседуют (см., VII — 138, 140, 141, 183, 184, 185, 196, 198, 239; ЗК — 240), иногда — по телефону (см. VII — 165, 167, 168, 169, 171, 174, 177, 179, 180, 181, 185, 186, 189, 195, 197, 199, 206, 211, 215, 216, 226, 227, 229, 230; ЗК — 199, 215, 244, 246, 247, 251, 254, 304). Блок часто говорит о Ремизове: с А. В. Румановым (см. VII, 148, 149), с М. И. Терещенко (см. VII, 163) и т. д. В дневниковых записях Блока 1911—1913 гг. имя Ремизова упоминается почти ежедневно, соперничая по частоте с именем ближайшего друга Блока этих лет — Вл. Пяста.

Отношения Блока и Ремизова покоятся на высокой взаимной оценке творчества (ср., например, слова Блока о Ремизове как «мастере стиля» — VIII, 432), на человеческом расположении (правда, Блок вначале большой теплоты к Ремизовым еще не испытывает: ср. письма к Л. Д. Блок от 10 и особенно от 13 июня 1911 г. — VIII, 347—348, а также дневниковую запись от 4 ноября 1911 г.; однако Уже к 1912 г. чувство близости возрастает и у него). Связывают их также попытки общей литературно-организационной деятельности (планы создания символистского журнала; дела книгоиздательства «Сирин», обсуждение которых, видимо, занимает основное место в разговорах писателей — см. VII, 171, 181 и мн. др.¹⁰; попытки сотрудничества символистов в газете А. В. Тырковой «Русская молва» — см. VII, 180—185, 215; вопросы, связанные с изданием книг — см. ЗК, 251, 298 и др.), и разумеется, известная мировоззренческая и творческая близость. При этом Блок и Ремизов в 10-х годах, понимая всю глубину различий их идейной и творческой стихии, теперь почти никогда не полемизируют друг с другом по крайней мере ни в дневниках и записных книжках Блока, ни в переписке такие споры не зафиксированы). В частности, характерно полное исчезновение скрыто «педагогических» интонаций в письмах Ремизова. Благословив Блока «от имени Лескова» как писателя национального, приняв, разумеется, особенно близко все, что связано в блоковском творчестве с темой Родины (ср. предложение Ремизова напечатать «Стихи о России» в издательстве «Отечество» — ЗК, 251)¹¹, Ремизов признал и особый, столь не похожий на его собственный, способ художественного решения этой темы, центральной в 10-х годах для обоих. Это проявилось, в частности, в инициативе Ремизова, приведшей в итоге к написанию драмы «Роза и Крест».

24 марта 1912 г. Блок записывает: «Алексей Михайлович убеждает писать балет (для Глазунова, который любит провансальских трубадуров XIV—XV века?) — либретто. На третий день Пасхи будет говорить у Ремизова с Терещенкой» (VII, 136). М. И. Терещенко, чиновник особых поручений дирекции императорских театров, с которым у Блока, как и у Ремизова, вскоре складываются приятельские отношения, заказывает ему (на квартире у Ремизова) «балет для Глазунова» (VII, 138). Все дальнейшие трансформации этого замысла (балет, опера, драма)¹² обсуждаются и, видимо, одобряются и Ремизовым, и Терещенко (так, 5 ноября 1912 г. Блок заносит в дневник: «А. М. Ремизов передал по телефону, что Терещенке нравится моя пьеса («Роза и Крест». — З. М.)» — VII, 174). Разные этапы творческой истории «Розы и Креста» широко отразились в переписке с Ремизовым. При обсуждении «Розы и Креста» 31 января 1913 г. (на квартире у Ремизовых) Ремизов не высказывает ни одного возражения. Блок записывает: «По тому, как относятся, что выражается на лицах, как замечания касаются только мелочей, вижу, что я написал, наконец, настоящее < . . . > Замечания < . . . > А. М. Ремизов — «чисто» (без рассуждений). «Голова идет кругом (а не «кругом»). Газтан — «летучий», Бертран — земля. Все повторял: «очень печально» (VII, 213). Как видим, единственное замечание Ремизова относится к чтению, а не к тексту драмы (касается ударения в прозаической реплике Графа — см.: IV, 180). Разительное отличие ремизовских оценок «Розы и Креста» от его высказываний по поводу «Песни Судьбы», кроме чисто художественных причин, имеет и другие — призвание за Блоком права идти к решению глубоко волнующих Ремизова проблем своими путями, в частности, через «западную» тему (заметим, что и у самого Ремизова к 10-м годам «национальный спектр» произведений становится значительно шире: ср., например, изображение западно-христианского и греко-византийского мира в стилизациях и обработках христианских легенд или пестро фантастическую смесь разнонациональных образов, связанных с придуманным Ремизовым «Обезволволпалом»¹³).

Что касается отношения Блока к далеким ему тематическим и художественным поискам Ремизова, то он (как и во многих других случаях) склонен был искать наиболее важное для себя как раз в том, что было не похоже на его творчество, особенно если это «непохожее» решение касалось коренных жизненных вопросов. Ремизовское чувство России привлекало Блока именно таким сочетанием первостепенной важности темы и совершенно иным, чем у самого поэта, к ней подступом. И хотя в лирике Блока 10-х годов, в том числе и в цикле «Родина», в отличие от «Пузырей земли», «ремизовские начала» прямо не отразились, общение с Ремизовым дало толчок многому в его размышлениях и творчестве этого десятилетия.

Первый и основной круг общих интересов определен мыслями о России. Писателей роднит постоянная, тревожная и любовная мысль о России, представление о родине как главной человеческой ценности, как о единственной и всепроникающей теме творчества: «Мы < . . . > писатели, свободные от всех обязанностей, кроме человеческих, должны играть роль тончайших и главнейших органов ее (Родины. — З. М.) чувств. Мы — не слепые ее инстинкты, но ее сердечные боли, ее думы и мысли, ее волевые импульсы» (V, 444). Но и эта, главная для обоих, направленность мыслей и творчества реализуется совершенно по-разному. Выше уже говорилось, что особенность русской темы у Ремизова — полная погруженность в ее реальную, исторически сложившуюся культуру. Это — не только язык и быт, но и ее государственность и церковность. «Отсюда — естественность для Ремизова 10-х годов безоговорочно оборонческой позиции, погруженность в дела современной церкви и все то, что Блок в 1918 г. назовет, со слов Р. В. Иванова-Разумника, «черносотенным» в Ремизове. Такая любовь, сочетаясь с остротой писательского чувства, ведет Ремизова к глубочайшей безнадежности («тьма» национальной жизни так же вечна, как и «свет») и к уходу от нее в мир религии или символистского «жизнечтательства».

Образ России у Ремизова поэтому двойствен и болезненно, страдальчески противоречив. Обращаясь к сегодняшней родине, художник не может не показать нераздельности в ней «света» и «тьмы», причем эта, явленная в «фактах», русская действительность в значительной степени совпадает для Ремизова с ее конечной сущностью. Поэтому перед ним открываются два противоположных (но и существенно сходных) пути: полного принятия, «оправдания» реальности и полного же ее романтического отвержения. В этом последнем случае реальности противопоставляется тоже Россия, но уже не бытовая, а фольклорно-фантастическая, мифологизированная.

Блоковский образ родины тоже глубоко антиномичен, но противоречия его имеют иную природу. Облик современной России у Блока во многом близок к ремизовскому и, отчасти, быть может, формируется под его воздействием (ср. особенно стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно. . .», где из всех ипостасей родины берется именно сегодняшняя, темная и страшная мещанская Русь, и именно в таком образе Россия все-таки оказывается для поэта «всех краев дороже» — III, 274). Вообще, блоковский взгляд на Россию в 10-х годах намного историчней, чем в «Песне Судьбы»: он видит неизбежно сложный, противоречивый облик родины (и мира в целом). Но «факты» реальной жизни для Блока по-прежнему всегда соотносены с ее глубинной сущностью (в 10-х годах — с «духом музыки»), и лишь в свете подобной сложной соотносительности они получают свой подлинный смысл. Смысл же этот всегда подразумевает у Блока отделение художником «света» от «тьмы», «начала и концов», «ада и рая» (III, 301), т. е. этическую оценку. Поэтому границы «света» и «тьмы», «подвига» и «предательства» у Блока проходят *внутри* изображаемого им земного мира (как и внутри космического универсума, чьим «соответствием» является земной), а не только *между* реально существующим и поэтически созданным, как у позднего Ремизова. И само разграничение этих основных понятий для Блока стабильно и не является предметом «игры».

Другое существенное отличие образа России как поэтического идеала у Блока и Ремизова состоит в том, что подлинно прекрасная, «воплощенная» родина для Ремизова связана с прошлым, а для Блока — с «вечным» и с будущим. Ремизовская Россия — бабушка: «Бабушка наша костромская, Россия наша, это она прилегла на узкую скамеечку ночь ночевать, прямо на голые доски, на твердое старыми костями, бабушка наша, мать наша Россия!»¹⁴. Эту соединенность идеала с ушедшим, «старым» отмечала современная Ремизову критика. Художник, внесший в свое творчество «все кошмары, всю дисгармонию, весь разлад» мира, Ремизов постепенно все же находит «тот мирок, где он мог любоваться красотой беспрепятственно и чисто». Это — «далекое, несбыточное, невероятное и фантастическое прошлое»¹⁵. Однако было бы узким и однобоким увидеть в таком идеале отражение общественного «консерватизма» художника. Скорее здесь, как уже отмечалось, можно говорить о романтическом пассаже Ремизова, где прошлое — синоним желаемого.

У Блока, как мы видели, идеал родины, хотя никогда и не отождествляется с сегодняшней Россией, но всегда присутствует в ней — то как отблеск вечно Прекрасной глубинной сущности мира, то как свет из будущего — предвестие грядущей России, ее «добра и света» (III, 85). Поэтому блоковская Родина — это Жена и девушка (ср., в черновом варианте стихотворения «Россия»: «Нейдешь ты замуж, не стареешь» — III, 591), чья вечная юность и немеркнущая красота объединяют образное представление о неизменном и одновременно связанном с будущим («юности») облике национального идеала. Поэтому же блоковская «трилогия вочеловеченья» — это путь героя к Откровению Родины в ее глубинной светлой сущности грядущей «Н о в о й Америки».

Отсюда совершенно различное понимание «тьмы» современной русской жизни и отношение к ней у обоих писателей. Предчувствие грядущих катаклизмов, эсхатологичность, острое ощущение «тьмы» присуще обоим. Так, сложный комплекс представлений Блока о «желтой опасности», идущих от Вл. Соловьева и поддерживавшихся разговорами и перепиской с Андреем Белым (а через Белого — влияниями Метнера), безусловно, оформлялся в значительной мере под воздействием Ремизова. Комплекс этот противоречиво сочетал патристические эмоции, элементы национализма (в творчестве Блока, сравнительно с Ремизовым, заметно ослабленные) и острую антимещанскую направленность. Последнее резко отделяло и Блока, и Ремизова от славянофильства и почвенничества, субъективно им обоим близкого, и объединяло с традициями чеховского и послечеховского реализма. На языке Блока 10-х годов «желтокровие» одновременно означало и опасность разнообразных чуждых влияний на русскую культуру, и ненавидимую им «нововременскую» реакционность, и темные мещанские инстинкты в самом народе. С проникновением во все это «желтое» в сознании Блока неразрывно связывались творчество и жизненный опыт Ремизова.

14 ноября 1911 г. Блок пишет Ремизову: «Я хотел с Вами говорить об очень важном . . . со мной и вчера случилось что-то дикое, и всю неделю эту, по-моему, около меня (а, может быть, около всех нас) вьется нечисть». «Дикое» и «очень важное», случившееся с Блоком 13 ноября, описано на следующий день (т. е. в один день с письмом Ремизову)

в его дневнике: «Выхожу из трамвая <...> у двери сидят — женщина, прячущая лицо в сукноватый воротник, два пожилых человека неизвестного сословия. Стоя у двери, слышу хохот, начинаю различать: «ишь... какой... верно... .артис». Зеленея от злости, оборачиваюсь и встречаю два наглых, пристальных и весело хохочущих взгляда. Пробормотав «пьяны вы, что ли», выхожу, слышу за собой тот же беззаботный хохот...»

Эти ужасы вьются кругом меня всю неделю — отовсюду появляется страшная рожа, точно хочет сказать: «Ааа... ты вот какой? <...> Зачем ты напряжен, думаешь, делаешь, строишь, зачем?» (VII, 87—88). Говоря об этом «безмирном» ужасе мещанства, о всеразрушающих, антикультурных, погромных силах, в этом мещанстве затаенных, Блок сразу же вспоминает Ремизова: «Он это испытал, ему хочу жаловаться» (VII, 88).

Однако нетрудно увидеть и кардинальные отличия блоковской и ремизовской позиции. Для Ремизова, хотя темные начала жизни в его творчестве зачастую весьма четко социальны и культурно конкретизированы, «мещанское», проклятое коренится в жизни, в человеке как таковом. Блок, столкнувшись с «нечистью», сразу же пытается очертить круг, в котором она замкнута: «Такова вся толпа на Невском <...> Таково все «Новое время». Таковы «хитровцы», «апраксинцы», «Сенная площадь» (VII, 88). И хотя легко заметить социальную пестроту выделенных Блоком выявлений «нечисти», он никогда не отождествляет ее ни с природой человека, ни с сущностью нации, народа. Отсюда и разная, почти противоположная реакция на «нечисть». О Ремизове Блок очень точно говорит «Знание об этом, сторожкое и *«все равно не поможем»* — есть в глазах Ремизова» (VII, 88). Позиция же самого Блока определяется иначе — идеей высокой трагической борьбы. Размышляя о борьбе с «желтым», Блок полностью приводит в дневнике стихотворение Тютчева «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно...» и завершает раздумье словами: «Смысл трагедии — *б е з н а д е ж н о с т ь* борьбы; но тут *нет отчаянья, вялости, опускания рук*. Требуется высокое посвящение» (VII, 89). Напомним, что трагическое мироощущение постепенно будет все ясней раскрываться Блоком как героическое, как апофеоз подвига, даже ценой гибели («Роза и Крест» и др.) — зачение это выступит на первый план в послеоктябрьской публицистике Блока. Противоположность позиций художников на блоковском языке можно определить как антитезу пессимистического и трагического отношения к жизни, т. е. как ужас Ремизова перед «нечистью» — и готовность Блока к борьбе с ней. В этом различии предсказаны и будущие пути художников.

Социальные взгляды Блока 10-х годов, вернее, его социальная интуиция, также кардинально отличаются от Ремизова. Блок резко антибуржуазен, но и мир добуржуазный его никак не привлекает. «Последние цели Гермогена, — пишет Блок о саратовском епископе, бывшем стороннике, а затем — обличителе Распутина, которого сестра поэта Ангелина считает «святым», — *опрокинуть тьму XVIII столетия на молодой, славно начавшийся и измучившийся с первых шагов XX век*. И дальше: «*Лучше вся жестокость цивилизации, все «безбожие» экономической культуры, чем ужас призраков — времен отошедших*; самый светлый человек может пасть мертвым перед неуязвимым призраком, но он выпесет чудовищность и ужас реальности. *Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете*» (VII, 134). Трудно найти позицию, более далекую от Ремизова, более чуждую ему.

То же отличие — в политической ориентации художников (при всей наивности или, как говорил сам Блок, «отвлеченности» его в решении вопросов политики). Чуждаясь «либерализма, кадетства» с их «западничеством», Блок испытывает, хотя и не постоянно, яркий интерес к «социал-демократической «Звезде» (VII, 130; ср. VII, 131, а также дневниковые записи о росте рабочего движения) и непрестанно — отвращение к «Новому времени», к «помойной яме» охранительной прессы. Ремизов, бунтарски и «лево» настроенный в годы первой русской революции, к 10-м годам становится все более консервативным.

Но, пожалуй, самое коренное отличие в понимании писателями «светлых» и «темных», сторон русской жизни проявилось в их отношении к церкви, «бытовому» православию, обряду. Это — мир Ремизова 1910-х гг., то небольшое, что противостоит в его глазах «страшному миру», ужасу мещанства, заложенному в человеческой природе «целованью Иудиному». Блок, как известно, несмотря на общий объективно-идеалистический характер его мироощущения, на элементы мистики в его взглядах, в 1910-х гг. всегда антицерковен (ср. цикл «Ямбы»), зачастую испытывает приступы богоборчества (ср. «На смерть младенца», 1909) и очень сложно относится к христианской этике: принимая жертвенный подвиг как

путь интеллигента к России, он полностью отрицает непротивление злу, смирение, покорность и «человека жертвенного» как идеал будущей личности¹⁶. В переписке 1910-х гг. эти коренные разногласия не проявляются больше ни как полемика, ни в попытках «перевоспитать» Блока. Но их яркое отражение — в незначительном, на первый взгляд, эпизоде приглашения Ремизовым Блока на всеобщую в Великий четверг (см. письмо от 19 марта 1912 г., и явный (выраженный скорее всего или устно, или по телефону) отказ Блока (ср. письмо Ремизова от того же числа) слушать то, что он называл «звероголосованием попов» (об отношении Блока к пасхальной службе см. стих. «Не спят, не помнят, не торгуют. . .»). Конечно, и отношение Ремизова к атмосфере службы не так уж однолинейно (ср. в этом же письме лукавое предостережение: «Денег с собою не берите и часов не берите, вытащут», но совершенно явно, что оно кардинально не похоже на блоковское.

Наконец, несмотря на присущее обоим писателям резкое отрицание западноевропейской культуры, на постоянное противопоставление России и Запада, Блок находит в Европе и великие ценности. Он видит их в Италии, особенно — Германии, Голландии, но отчасти — и во Франции (ср. VIII, 352—356 и др.), в их природе и культуре, в увлекающих (хотя и страшных) успехах техники, в прорастающих сквозь обреченную на гибель европейскую цивилизацию (см.: VIII, 365—366) «ферментах будущего», которые оказываются «духами Байрона, Мицкевича, революции французской и славянской» (VIII, 367). Ремизов отмечает в Европе по преимуществу только мрак — от бытовых дрязг и унижений (хотя и описанных не без обычного ремизовского легкого лукавства и стилизации: «Мошеники эти французы, ограбили. . .» и т. д.) — до «апокалиптических видений» — «огненных языков из труб» в Бельгии. Верный себе, он ощущает лишь поэзию колокольного звона, напоминающего ему Россию и в то же время — чуждого, или загадочного — и тоже русского, «нашего» «шурум-бурум» под окном (с. 95). Характерно лирическое ощущение Ремизовым высокой красоты католической мессы, которую должны так любить «католики, только, конечно, не эти мертвые, — эти подкрашенные старики покойники и не эти злющие старухи и не эти в белых венках и в белых савах кокетничающие *vièrge*’, а такие . . . такие настоящие» — т. е. не существующие в реальности.

Как видим, все основные проявления общей любви и ненависти, общей мысли о России у Блока и Ремизова совершенно различны, во многом — противоположны. Это же можно сказать и о личной, «бытовой» (или, может быть, квазибытовой) стороне их отношений, широко отраженной в переписке.

Для обоих художников, тесно связанных с символистским мироощущением, быт всегда оказывался не только бытом (в притивном случае он утрачивал для них всякий интерес, воспринимался как призрак, «марев», за которым, опять-таки, следовало увидеть нечто не бытовое). Однако и чувство «символизма реальности» проявилось у Блока и Ремизова в совершенно разной форме. Блок в 10-е годы ощущает и осмысляет реальность, историю как выявления высшего духовного начала бытия и в таком, платоновско-соловьевском, смысле — как его символ. Но это касается именно бытия в целом и потому не мешает Блоку внутри земного мира четко разграничивать, например, действительность и искусство, добро и зло и т. д. «Все преходящее» возводилось в ранг символов, но символы эти в целом составляли картину мира вполне объективную, «реальную» и полную. Иными словами, символистский эстетизм проявился у Блока в понимании природы мирового универсума как духа музыки и его отражения в «этой» действительности, но не в отношении к «земному», — вполне здоровом и, главное, с постоянной установкой на «здоровый» и трезвый подход к жизни. «Символизация» оказывалась средством познания сущности явлений.

Особенно характерно для Блока в 10-е годы стремление отделить, сложно противопоставить искусство и действительность, увидеть их «неслиянность и нераздельность» (III, 296). Это последовательно проводимое Блоком отделение было определено резким неприятием символистского «жизнетворчества», борьбой с ним¹⁷.

У Ремизова «символизация» и «эстетизация» жизни была совершенно иной. Реальность воспринималась Ремизовым-художником и человеком как нераздельный сплав «божеского» и «дьявольского», и православие его, как и большинства символистов, окрашено в майхейские тона. В самой реальности Ремизов не может и не хочет отделить одно от другого: получится мертвая схема, а не живая жизнь. Отделение света от тьмы — дело религии и эстетизированного «жизнестроительства» (тайный религиозный скепти-

цизм был еще присущ Ремизову 10-х годов и полностью исчез лишь в период эмиграции). Отсюда, с одной стороны, все возрастающий интерес Ремизова к официальной церкви, обращение к стилизациям житий, христианских легенд. С другой — для Ремизова характерно «жизнетворчество» — типично символистская попытка превратить быт в искусство. Все, к чему прикасался Ремизов, либо находилось в сферах искусства или близких к искусству (любовь к старине, старинному быту и культуре, к книге, увлечение рисованием, каллиграфией, любовь к «творческому скарбу»: бумаге, краскам и т. д.), либо было эстетизацией внеэстетического (таково, в частности, отношение Ремизова к обрядности, а также к постоянно поддерживаемому стилю поведения — от языка и манеры держаться до стилизованного почерка и т. д.). Если Блок 10-х годов стремился трезво отделять реальность от ее отображений в искусстве, то единственное спасение Ремизова — уйти, отгородиться от «большого» мира.

Все это создает ситуацию, которая отличается как будто бы полной культурной и личной несовместимостью «действующих лиц», но тем не менее, хотя и мешает полному сближению писателей, однако не прерывает их связей и не уменьшает взаимного интереса.

Ремизов идет к Блоку единственно возможным для него путем — постоянно вовлекая его в различные «игры». В сущности, и «учительность» Ремизова (резко отличавшаяся, например, от «морали», которую так любили читать Блоку Мережковские и, в определенные периоды их «дружбы — вражды», Андрей Белый, и потому не обижавшая поэта) была не столько навязыванием своей эстетической программы, сколько примеркой, распределением ролей в «игре» — «русский писатель ведет «полумецца» Блока — Германа к России». Когда основания для такого «распределения ролей» отпали, Ремизов постоянно придумывает новые, обыгрывая, например, свою болезненность, слабость или постоянную нехватку денег («бедный» писатель ходит к «богатому» одалживать деньги или «поесть ветчину»). Самые обыденные факты, сообщаемые Блоком, вроде: «У нас кухарка заболела» — превращаются Ремизовым в сюжеты, воображаемые спектакли: «По всему вижу, что дело у Вас пойдет хорошо, раз кухарка уже заболела. (Представляю себе, как Вы балет разыгрывали, какой гром, какой шум был, ну и человек захворал)». Наконец, в 1918 г. Ремизов включает Блока в самую продолжительную и «серьезную» свою игру — в «Обезвельволшал», вручая ему «для ношения» «Обезьяний знак I степени с Заяшным глазом».

Все эти настоячивые «приглашения к игре» Блок отвергает. Игре он противопоставляет «серьезность», «реальность» отношений, которые так ценит в эти годы. Но эта «реальность», как говорилось, неотделима от стремления понять сущность Ремизова и своих с ним связей. С одной стороны, он ценит в Ремизове все то, что подчеркивает русское в нем: его знание быта, языка, обрядности, фольклора, древнерусской литературы, рукописей и т. д., и т. п. Но в частых записях о Ремизове сущность его вырисовывается и с иной стороны (тоже связанной с мыслями Блока о России). Постоянно отмечаются — отнюдь не игровые, а реальные! — болезненность Ремизова, его физическая слабость, тяжелое материальное положение семьи, его боязнь жизни, ужасам которой «не можешь», «затравленность». Записи и письма Блока полны мыслей о «таком желтом, замученном Ремизове» (VII, 143), о его «нищете» (VIII, 397), болезнях (VII, 206, 207, 209 и др.), выражением «острой жалости» к нему (VII, 213). Возникает жуткий образ: Ремизов — затравленная крыса: «Вчера < . . . » дворники издевались над раненой крысой < . . . » На эту крысу иногда бывает похож Ремизов. Был похож, вероятно, особенно тогда, когда полночи носил на руках Наташу и баюкал, а потом выбежал с пожара в одном белье, и швейка накинула ему на плечи шелковую кофточку (мороз 22 градуса и ночь в провинции)» (VII, 136—137). «Страдающий человек» — вот сущность Ремизова в представлении Блока. Это — не только его примета: в современном мире страдают все люди — все, кроме носителей зла и «дураков и дур». Чувство «непоправимости всего, острой жалости» у Блока относится не только к Ремизову, но и к Р. В. Разумнику, к Мейерхольду, Терещенкам, к своей семье — да и вообще «ко всем» (VII, 213). Эта сущность и воспринимается Блоком символически, входя в его общее мифопоэтическое представление о «пути мира» и о сегодняшней России. «Унижение» и гибель человека — важнейшая примета современности, «страшного мира» (который, однако, в будущем сам обречен на неизбежную гибель). Блок старается — и по простому порыву сердца, и вполне осознанно — противопоставить страданию деятельную человеческую помощь (ведь «человеческое» — это и есть для Блока та сила, которая

одна способна уничтожить «страшный мир»). Он постоянно пытается, порой тщетно, наладить издательские и денежные дела Ремизова (см. VII, 148, 149; ср. письмо Н. Д. Санжарь. — VIII, 432 и др.), заботится о нем во время частых болезней, прощает ему бесконечные причуды и капризы, понимая, что именно «лучшие из нас бесконечно мучаются и шегивятся (Боря, Ремизов)» (VII, 103), резко и с негодованием отчитывает в письме от 9 ноября 1912 г. В. Н. Княжнина, сказавшего в раздражении, что «у Ремизова — куриная душа» (VIII, 405), заботливо охраняет Ремизова от всяких неприятных эмоций, столь болезненно им переживаемых (ср. запись от 1 января 1913 г. о «спиритическом сеансе» у Авичковых: «Ремизовы не приехали и хорошо сделали, расстроились бы» — VII, 203) и т. д. и т. п.

Говоря о постоянной блоковской «символизации реальности», любопытно сопоставить смысл дружеских отношений Блока с Вл. Пястом (см. их переписку в наст. томе) и Ремизовым, самыми близкими ему в 10-е годы писателями-символистами. Возникает любопытная «композиция». При известном сходстве — с точки зрения Блока — Пяста и Ремизова (оба — художники, творцы, носители высокой культуры, хотя и несопоставимые по масштабу их дарования; оба живут тяжелой, материально трудной и духовно мучительной жизнью, оба житейски неприспособлены, постоянно нуждаются в дружеской помощи), в плане мировоззренческом, литературном, общекультурном и личностном они скорее — антиподы. Пяст, по определению Блока, — «западник», человек, сознательно ориентирующийся на европейскую и американскую культуру. Символистское «неприятие мира» для него оборачивается либерализмом, постоянным интересом к политике, расстановке партийных сил в России и в странах Запада, интернациональными симпатиями, проявлявшимися и во взглядах, и в личных отношениях. Ремизов постоянно ощущает себя русским, носителем национальных традиций (особенно — в языке, обычаях). Революционные воззрения Ремизова эпохи первой русской революции сменились, как уже отмечалось, консерватизмом, «принятием мира» в его исторически сложившихся национальных формах, «антиевропейскими» настроениями. Место «политики» в его жизни заняли религия, обрядность. Можно указать и на ряд других, безусловно бросавшихся в глаза при дружеском общении, коренных отличий жизненного и культурного облика Вл. Пяста и Ремизова. Таковы, например, «математическая» логика критических статей Пяста (см. ниже) и бунт против «логики» в поведении и литературных произведениях Ремизова; ориентация Пяста как поэта и критика на литературный язык — и Ремизова на разнообразные «внелитературные» пласты языка и стихию устной речи; энтузиазм, пафос в оценке Пястом жизненных и литературных событий, тяготение к «нормам» и «канонам» — и лукаво «игровое» поведение Ремизова, уклоняющееся от однозначных оценок; гордость Пяста, постоянный выбор им «принципов» правильного поведения — и «юрродство» Ремизова, или же его склонность говорить о «хорошем» и «плохом» лишь в узко житейском смысле, применительно к отдельным «случаям»; сохранившаяся на всю жизнь трогательная приверженность к «канонам» символизма у Пяста — и не менее последовательное подчеркивание Ремизовым своего человеческого и литературного одиночества; неразрывная связь Пяста с жизнью литературных журналов, кружков, артистических кафе 10-х годов — и наклонность Ремизова к «домоседству», «тягость для него большинства человеческих общений, неприязненность к «кофейным разговорам» и т. д., и т. п. К тому же, разумеется, Блок не мог не чувствовать различия в масштабах дарования скромного «рыцаря символизма», второстепенного поэта — и одного из крупнейших прозаиков XX в., столь же самобытного в своих путях, как и сам Блок.

Как соединялись в жизни и душе Блока привязанности к столь различным людям и художникам? Вопрос имеет две стороны. Во-первых, для Блока, по всей вероятности, важнее всего было то, что, символизируясь, объединяло двух людей: их страдание, «униженность», требующие постоянной человеческой заботы, уважительного сострадания и помощи. Но не менее важно и другое. Дружба с художниками столь противоположного жизненного и писательского склада подчеркивала для Блока сложную противоречивость его собственной духовной позиции. Так, Блок осмысляет себя в 10-е годы одновременно как русского, как художника России («мы — русские» — VII), и как наследника «бекетовской», гуманистически «западнической» культуры XIX в. (дед — «ярый западник во всем» — III, 315 — хотя само «западничество» ощущается поэтом как черта именно русской культуры ушедшего века: «В душе он — старый барин русский» — III, 316). В спо-

рах с Вл. Пястом, в разговорах, планах на будущее, строящихся с Ремизовым, в работе над заказанной через Ремизова драмой «Роза и Крест» Блок постоянно проясняет для себя эти две стороны своей культурной личности, соотносит их, «сintesизируя» в некое единое сложное мирозерцание. Каждая из этих дружб раскрывает перед Блоком новые культурные «миры»: через Вл. Пяста для него открывается Авг. Стриндберг, отчасти — Эдг. По, через Ремизова — не менее важные «страны» древнерусской литературы, фольклора; через Пяста он знакомится с интересующими его в эти годы и не связанными с символизмом людьми негуманитарной культуры: математиками, инженерами, через Ремизова — со столь же далекими от символизма «гуманитарями»: любителями старины, собирателями рукописей и т. д., и т. п. По-видимому, «асимметрия» отношений Блока к двум близким людям проявилась, в частности, в том, что мировоззренчески, идейно Блок 10-х годов гораздо ближе к Ремизову, а по стилю бытового поведения, психологическому складу, «петербургской культуре», вкусам и родной языковой и литературной стихии — к Пясту. Внешняя сдержанность, даже чопорность Пяста (особенно в молодости), его стремление «застегнуться на все пуговицы» и одновременно провалы в безумие болезни или в бездны «роковых страстей» — все это психологически очень понятно Блоку. Поэтому отношения с Пястом, во-первых, более эмоциональны и открытвенны (это отражается, в частности, на стиле блоковских писем, особенно в 1911—1912 гг.), во-вторых, они предполагают попытки анализа мировоззренческих разногласий, устные и эпистолярные споры, выяснения отношений и т. д. С Ремизовым «выяснить» нечего: его культурная и социальная духовная родина ценна для Блока именно своим несходством с его собственной. Всякие выяснения различий привели бы только к обидам и расхождениям. Блок сам извлекает важное для себя из творчества и личности Ремизова, сам отбрасывает чуждое. В их разговорах и в письмах Блока поэтому меньше «исповедального», но, возможно, и меньше сердечности и принципиально важного. По-видимому, из-за этого же Блок регулярно фиксирует в дневнике и записных книжках темы разговоров с Пястом — и старательно перечисляя все встречи и беседы с Ремизовым, лишь изредка передает их содержание (как правило, бытовое или касающееся практических дел). Последнее ничуть не означает меньшую важность контактов с Ремизовым, а просто указывает на их особенность. «Пястовское» начало символизируется Блоком как «рыцарское», подлинно человеческое и вместе с тем сегодня, сейчас рождающееся с Блоком. «Ремизовское» начало сложнее: в нем Блок видит и сегодняшний лик затравленного русского «маленького человека», и воплощение национальных начал (особенно в творчестве Ремизова), которым еще предстоит расцвести в будущем. Главное же — под воздействием этих двух столь разных общений у Блока растет отраженное в «Возмездии», а затем — в «Двенадцати» и «Скифах» сложное чувство «неслиянности и нераздельности» (III, 296) русского и «всечеловеческого» начал.

Не принимая ремизовских «игр», Блок, однако, не восстанавливается против предлагаемой Ремизовым формы «жизнестроительства», что вполне понятно. В фантазиях «Обезвельволпала» не было ни «демонизма» декадентских форм «жизнестроительства» (ранний А. М. Добролюбов, В. Брюсов, отчасти — З. Гиппиус), ни претенциозной общеобязательности символистских утопических его форм («аргонавты», «дионисийство» Вяч. Иванова), ни холодного эстетства «игр» эпохи «кризиса символизма» (М. Кузмин), ни культа богемности артистических кругов 10-х годов. «Жизнетворчество» Ремизова было ближе всего к романтическому уходу от действительности в мир подлинно человеческих, хотя в человеческом мире не реализуемых ценностей. Хотя, как и весь «младший символизм», оно преследовало цели пересоздания личности «иной» и искусством, но никогда не предвляло никаких требований к людям и миру в целом, ограничиваясь четко очерченным кругом «избранных» — «членов Обезьяньей Великой Вольной палаты» (в этом смысле В. Шкловский и сравнивал Обезвельволпал с . . . масонскими организациями)¹⁸. Подобная «игра», совершенно не привлекая Блока, не должна была его и раздражать так, как претендующие на перестройку «реальности» утопии Вяч. Иванова.

О своеобразном отношении «игр» Ремизова к этике свидетельствует небольшой эпизод, отразившийся в переписке. Сам Ремизов склонен был считать свои «игры» не «демоническими», а безобидными шалостями, разрушающими «логически правильный» мещанский распорядок жизни. Хотя Ремизов и сознавал, что «игра» ослабляет этику поведения (ср. вполне в духе «Бесов», рассказ о том, как он, ребенком, «откусил носик» девочке Вале)¹⁹, он все же утверждал «естественность» своих «игр»: «Мне всегда скучно, если все идет

«порядочно» < . . . » отсюда и мое не «по себе» с людьми безулыбными, расчетливыми и вообще серьезными»²⁰. Эти «игры» Ремизов, по-видимому, не сближал с эстетизированным символистским поведением, которое он прямо (и даже прямолинейно) оценивал как «нехорошее». Так, в письме Блоку от 13 ноября 1911 г. Ремизов пишет: «Насчет посвящения В. А. Щеголевой», то тут лично я против» (стр. 98). Посвящение В. А. Щеголевой цикла «Три послания, в котором, как всегда у позднего Блока, образы «мирового оркестра» сливаются с «музыкой страстей» («Страшный мир! Он для сердца тесен! // В нем — твоих поцелуев бред, // Темный морок цыганских песен, // Торопливый полет комет!» — III, 163), Ремизовым рассматривается в чисто бытовом плане как компрометирующее близких ему людей (с литературоведом П. Е. Щеголевым Ремизов познакомился еще во времена вологодской ссылки)²¹. Из письма Блоку отчетливо видно, что в «серьезных» житейских отношениях Ремизов руководствовался житейскими же нравственными критериями и никакого «жизнестроительства» не признавал. Для него были неприемлемы и далеки горькие исповедальные мысли Блока о разрушении «дома», семьи как о проявлении эстетизированного, но трагически неизбежного и связанного с революцией пафоса «самоожжения», жертвы или протеста против «унижения» человека в современной жизни («Человек, опускающий руки и опускающийся, прав < . . . » Все так ужасно, но личная гибель, зарывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир» — III, 465). Блок не согласился с «морализирующим» подходом к лирике и страсти: «Насчет «Трех посланий» Вы не правы. Вы не смотрите на посвящение, а смотрите на стихи. Или Вы не можете отвлечься, или, если осуждаете, так не знаете этих стран» (с. 99). «Страны» высоких, хотя и губительных страстей, — мир, вне которого блоковское творчество попросту не существует. Но в плане жизненного поведения «опускание» Блока, конечно же, было связано с презрением к мещанской морали, и этим оно сближалось с символистским «жизнестроительством». Разумеется, лежала глубокая пропасть между холодноватым и «программным» «эротическим поведением», например, Вяч. Иванова, и глубокой искренностью, непосредственностью блоковских «страстей». И все же связь между этими формами «жизнестроения» существует (ведь и Блок осмыслил «свою безумную, глухую» — III, 28 — жизнь как неизбежную и имеющую высокий смысл).

Не согласившись с ремизовской оценкой «Трех посланий», Блок, однако, вовсе не был склонен отвергать этический подход к жизни (ср. глубокую близость исповедального пафоса Л. Толстого позднему Блоку, тему «измен» и «грехопадений» в блоковской лирике или мысли о связи искусства и нравственности). Конечно, сразу бросается в глаза, что этическое воспринимается Ремизовым и Блоком совершенно по-разному: у Ремизова оно неотрывно от тех или иных житейских коллизий — у Блока связано с потребностью осмыслить «дух музыки» как несущий в себе и нравственное содержание. Тем не менее в чем-то их подход к жизни оказывается родственным (ср. обсуждение вопросов писательской этики в письмах № 35—36 и др.). И здесь намечается еще одна линия сближения Блока и Ремизова и еще одно объяснение того, почему «жизнестроительство» Вяч. Иванова со временем все больше отталкивало Блока, а безобидные «безобразия» Ремизова — нет.

Отношение Блока и Ремизова к тому, что они воспринимали друг в друге как «эстетическое поведение», оказывается, как видим, очень сложным. «Пожар страстей» блоковской лирики и все, что связано было в жизни поэта с «опусканием рук», Ремизову порой кажется «неправильным». Блоку же «забавность» ремизовской «игры» представляется инфантильностью, боязнью жизни, бегством от ее высокого трагизма. Однако Блок прощает Ремизову его «игру» (как прощает его обидчивость, «топорщенье» и юродства), так как видит за ними поведение «униженного», а униженность для Блока — вне критики и может вызывать только высокое сострадание: уважение к «несущему крест» и стремление помочь. Тем не менее и поддерживать «игру» Ремизова Блок не имел ни малейшего желания, настойчиво предлагая совершенно иной тип отношений — человечески серьезный, «реальный», хотя и имеющий высший символический смысл.

Это столкновение двух волей, двух типов отношений заметно в переписке. Блок часто писал своим корреспондентам письма ярко публицистического, порой — художественного звучания. Но стиль его писем к Ремизову — всегда краткий, сухой, деловой. Сопоставляя эти письма с дневниковыми и другими не предназначавшимися Ремизову записями о нем, нетрудно прийти к выводу, что Блок «подсушивал» стиль своих писем не от холод-

ности к нему, а как бы в противовес ремизовским «играм». Сам он высоко ценит письма Ремизова именно как произведения искусства (8 мая 1914 г. он пишет Ремизовым во Францию: «Спасибо за письмо, которое уже читаю некоторым лицам вслух», — тут же характерно прибавляя: «Я Вам ничего такого интересного сообщить не могу»). Сам он строит свои письма как последовательно «неискусные».

Эти сложные отношения (став без каких либо внешних конфликтов опять более далекими с 1914—1915 гг., вероятно, в связи с совершенно различным отношением писателей к мировой войне) по существу не изменились и после Октября. Конечно, отношение Ремизова и Блока к революции было совершенно разным, во многом — противоположным, и оба об этом знали (так, Блок записывает 4 января 1918 г. разговор с Р. В. Ивановым-Разумником о «черносотенстве» Ремизова — см. VII, 314; 8 января — телефонный разговор с Ремизовым о его уходе из газеты левых эсеров «Знамя труда», в то время еще не порвавших с большевиками и входивших в Советское правительство, — см. ЗК, 383). Однако для Блока «политические» нюансы взглядов Ремизова, видимо, давно уже были менее важны, чем его кровная связь с Россией. Верный своей установке этих лет — привлекать интеллигентов к сотрудничеству с революцией (см. VI, 8 и др.), Блок пытается использовать опыт Ремизова (одновременно поддерживая его материально) для работы в Репертуарной секции Наркомпроса. На заседание 22 марта (4 апреля) Ремизов не пришел, и Блок посылает ему 24 марта официальное письмо с предложением составить список пьес, годных для переиздания. На заседании пленума Репертуарной секции 14 июня 1918 г. (и, конечно, не только тогда) Блок встречается с Ремизовым (см. ЗК, 412, 427, 438). После этого, в 1919—1920 гг., контакты их вновь расширяются (хотя вряд ли восстанавливается близость 1911—1913 гг.). Ремизов и Блок сотрудничают в издательстве «Всемирная литература», в книгоиздательстве «Алконост», участвуют в заседаниях «Вольфилов», обсуждают возможность публикации своих произведений и т. д., и т. п. Восстанавливается и вся «асимметрия» их отношений. Блок по-прежнему деятельно занимается делами Ремизова: помогает или пытается помочь изданию ремизовских вещей («очень хорошего» рассказа «Крестики», намеченного к печати в журнале «Завтра» — см. ЗК, 464; «Кавказских сказок», заинтересовавших издательство «Земля», с которым был связан Блок — см. ЗК, 416), достает ему 11 августа 1919 г. ордер на «предметы первой необходимости» (ЗК, 471), 15 февраля 1919 г. пытается хлопотать через Луначарского об освобождении арестованного Ремизова (см. ЗК, 449) и т. д. Ремизов, слабый, больной, по-прежнему пишет Блоку стилизованные письма (их игровой характер теперь особенно заметен), с горькой иронией сообщает о своих недугах, prodовольственных и других трудностях. В письмах появляются новые «игровые» мотивы, связанные с Обезвельволчалом. Игре еще острее, чем прежде, противостоит постоянно пугающая Ремизова действительность, отношение к которой выражается в интересе (возможно, тоже эстетизированном — ср. ЗК, 463, 490) к разнообразным городским слухам. В отношениях писателей все чаще сквозит не высказываемая вслух мысль (о ней Ремизов горько вспомнит в «Ахру»): Ремизов скоро умрет. Жизнь раскудила иначе. Перед ее лицом особенно ярко видно различие «жизнетворческого» поведения Ремизова и человеческого («трагически мужественного») — блоковского.

Блок и после Октября высоко ценит творчество и художественный вкус Ремизова, 15 июля 1920 г. он записывает: «Вечер А. М. Ремизова в «Вольфиле» < . . . » — очень замечательный» (ЗК, 496). При обсуждении обработки народной пьесы «Царь Максимилиан», сделанной В. В. Бакрыловым, Блок фиксирует мнения Ремизова (см. VI, 481; ЗК, 473), присутствует на его чтении пьесы (ЗК, 477). Ремизов так же живо интересуется творчеством Блока (ср., в «Ахру»: «Нарисовал я много картинок, на каждую строчку «Двенадцати» по картинке») ²².

Поэма «Двенадцать» — последняя и весьма знаменательная встреча писателей. Поэма не случайно заинтересовала Ремизова. В ней, — хотя и преображенно, и даже (объективно) полемически, — отразилось многое, связанное для Блока с «ремизовской» Россией. Россия народная — сложная, противоречивая, в которой неразрывно переплелись «черный вечер» и «белый снег», ремизовские «верность до смерти, предательство Иудино и подвиг крестный» — эта Россия предстала в блоковском творчестве изображенной столь же ярко и полно, как в цикле «Родина», но в «огнях» революции, в динамике «боя», который теперь не прошлое («На поле Куликовом») и не будущее («Новая Америка»), а русское сегодня. Ремизову, конечно, должна была быть очень близка

и опора Блока на современный фольклор, и связь поэмы с речевой стихией (ср. в особенности многочисленные диалоги, монологи «Двенадцати», вкрапления в текст несобственно прямой речи, реплик и иных видов «чужого слова», связанных с передачей народных «голосов»). Наконец, с творчеством Ремизова, — хотя, разумеется, дореволюционным — «созвучна» и мысль о тайне претворения «черной злобы» в «святую злобу», связей ликов разбойника («На спину б надо // Бубновый туз» — III, 350) и Христа, насилия и святости.

Однако определенные проблемные и стилевые связи только подчеркивают коренную противоположность отношений Блока и Ремизова к революции. Ю. Андреев справедливо обратил внимание на то, что известное ремизовское «Слово о погибели земли Русской» написано до Октябрьской революции (5 октября 1917 г.) и что часто встречающееся в литературе о «Двенадцати» противопоставление поэмы Блока и «Слова. . .» Ремизова лишено того «разоблачительного» смысла, который в него зачастую вкладывался. Тем не менее широко понятая концепция России у Блока и Ремизова действительно во многом противоположна. Все ценное Русской земли для Ремизова — в прошлом, для Блока — в ее сегодняшнем страдном и праздничном пути, в ее надеждах на «новую жизнь».

В последней статье Блока — «Без божества, без вдохновенья» (апрель 1921 г.) дана оценка Ремизова, которой суждено было стать итоговой. Ремизов назван в числе представителей молодой «синтетической культуры» России, в которой «неразлучимы < . . . » живопись, музыка, проза, поэзия», а также «философия, религия, общечеловечность, даже — политика» (VI, 175—176). Ремизов здесь стоит в одном ряду с Глинкой, Чайковским, Гоголем, Достоевским, Рерихом: «Глинка и Чайковский выносят на поверхность «Руслана» и «Пиковую даму», Гоголь и Достоевский — русских старцев и К. Леонтьева, Рерих и Ремизов — родную старину» (VI, 176).

Для Ремизова, прожившего после смерти Блока еще 36 лет, встреча с Блоком осталась одним из знаменательнейших событий. В книге воспоминаний «Ахру» он писал, создавая итоговый символический образ своего и блоковского творчества: «Из разных краев, разными дорогами проходили наши души по жизни и в жизни по крови разные — мне достались озера и волшебные алтайские звезды, зачаровавшие необозримые русские степи, вам же скандинавские скалы, северное небо и океан, и не даром выпала вам на долю вихревая песня о вабаламученной, вздыбившейся России, а мне — погребальная над краснозвонной отошедшей Русью.

Где-то однажды, а может не раз мы встречались — на каком перепутье? — вы закованный в латы с крестом, я в моей лисей острой шапке под вой и бой бубна < . . . »

Судьба с первой встречи свела нас в жизни и до последних дней.

И в репающий час по запылавшим дорогам и бездорожью России через вой и вихрь прозвучали наши два голоса — России —

на новую страдную жизнь
и на вечную память»²³.

Эти два образа России, действительно, определили все и в творчестве художников (особенно в 10-х годах), и в их отношениях. Они видны и в каждой строке публикуемой переписки.

Письма Блока к Ремизову публиковались четыре раза:

1. «Письма А. Блока к А. М. Ремизову». Публикация Ц. Вольпе. — «Звезда», 1930, № 5, с. 161—163 (4 письма).
2. Неопубликованные письма Александра Блока. Публикация и примечания Э. Голлербаха. — «Стройка», 1931, № 20—21, с. 18 (1 письмо).
3. «Письма Александра Блока к А. Ремизову и П. Карпову». Вступительная статья Г. Горбачева, комментарий С. Рейсера. — «Литературный современник», 1933, № 5 (24 письма).
4. Две коротких записки полностью приведены в издании: Рукописи А. А. Блока. Каталог. Л., Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1970, с. 32.

Таким образом, из известных в настоящее время 38 писем Блока к Ремизову 7 публикуются впервые. К сожалению, наиболее обширная из прежних публикаций (в «Литературном современном») страдает рядом неточностей, ошибками в датировках.

Обширный корпус писем А. М. Ремизова к Блоку (57 писем), в основном, не опубликовался, за исключением 5 коротких записок, приведенных полностью в кн.: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог под редакцией В. Н. Орлова. Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979. Все письма Ремизова сохранились в составе фонда А. А. Блока в ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, № 56 (поступили в ЦГАЛИ в 1941—1942 гг. из Гослитмузея, куда были переданы Л. Д. Блок в 1939 г.).

Кроме писем Ремизова, в указанную единицу хранения входят дарственные надписи Ремизова Блоку на титульных и фортитуйных листах книг Ремизова и Н. Селифонтова (2 надписи), записи адресов, сделанные Ремизовым, и его рисунки. Эти материалы публикуются ниже в составе переписки. Кроме того, в эту же единицу входят: сказки Ремизова «Отчаянная» (вырезка из журн. «Новая студия», 1912, № 1, декабрь, с. 7—8), первая страница рассказа «Покровная» («Современник», 1912, № 4), ремизовская публикация «Паришь в руках наших!» (вырезка из газеты «День», приложение, 2 декабря 1913 г.).

Письма Ремизова, вероятно, сохранились Блоком полностью. Что касается писем Блока, значительно меньших по количеству, то в их корпусе возможны и некоторые лакуны. В частности, обращает внимание начало писем Ремизова № 14 (27 октября 1908 г.), № 17 (22 января 1909 г.), № 41 (19 марта 1912 г.), № 80 (25 августа 1913 г.), явно продолжающих диалоги с Блоком. Впрочем, во всех этих случаях перед нами, может быть, — продолжение устных (в частности, телефонных) разговоров.

Четыре письма Блока к Ремизову, напечатанных в т. VIII, в настоящей публикации не воспроизводятся.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Первые исследования темы связаны с публикациями писем Блока к Ремизову, но, к сожалению, вульгарно-социологический подход к материалу мешает его объективному и глубокому истолкованию. Так, автор вступительной заметки к самой значительной по объему публикации блоковских писем, Г. Горбачев, считает, что Блок первоначально «искал «народной почвы» в фольклоре, сказках и поверьях», «отсюда — сближение с примитивным мистиком и реакционным «народником» окуровцем (!) Ремизовым Блока, ищущего пути к революционному крестьянству, Блока, ищущего какой-то опоры в поэзии революционного народничества (Некрасов), в героике «Народной воли» («Возмездие»). Конечно, с Ремизовым сближали Блока и остатки его «феодалного социализма» дворянской окраски, а не зачатки его революционно-крестьянского демократизма» («Литературный современник», 1933, № 5, с. 140, 141). При подобном подходе история взаимоотношений двух крупных русских художников начала века оказывается повествованием о том, как «окуровец» Ремизов сбивает Блока с путей к революции: «В годы революционного подъема Блок не хочет и не может читать Ремизова < . . . » Но чем Блоку хуже и страшнее < . . . », чем более ему кажется, что вокруг него вьется «нечисть», тем более его тянет к Ремизову, а Ремизов тянет его к Мережковским, с которыми Блок борется и рвет и все до конца не может порвать» (Там же, с. 141). Как увидим, ни намеченная здесь история отношений Блока и Ремизова, ни сущность их связей Г. Горбачевым не уловлены. Блок сближался с Ремизовым как раз в годы высокой творческой активности (1905; 1907—1908; 1911—1914), и связи их были плодотворными для обоих: достаточно указать хотя бы на роль Ремизова в формировании блоковской поэтической идеи Родины.

В дальнейшем оценка Ал. Ремизова советскими исследователями значительно усложнилась, стала более историчной (см.: В. А. Келдыш. Русский реализм начала XX века. М., «Наука», 1975; Юрий А. н д р е в е. О писателе Алексее Ремизове. — В кн.: А. М. Ремизов. Избранное. М., «Художественная литература», 1978; ср. в последней работе (с. 4) высокую оценку «объективной, содержательной» книги Н. Кудрянского «Алексей Ремизов» (Париж, 1959); С. С. Г р е ч и ш к и н. Архив А. М. Ремизова (1877—1957). — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год». Л., «Наука», 1977. Это позволяет по-новому поставить вопрос и о Блоке и Ремизове. К сожалению, в наиболее значительных монографиях о Блоке имя Ал. Ремизова упоминается лишь мельком и, как правило, лишь в связи с циклом «Пузыри земли». Специальных работ о Блоке и Ремизове в 40—70-х годах не появлялось.

² См.: Альманах Гриф II. Ред. С. А. Соколов. М., 1904, с. 39—46.

³ См.: З. Г. М и н ц. Лирика Александра Блока. Вып. II. Тарту, изд. ТГУ, 1969.

⁴ Таковы, например, сцены из жизни сектантов в хорошо известной Блоку III части трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» — романе «Петр и Алексей». Осенью 1908 г. Блок использует в статьях о народе и интеллигенции полученные от Мережковских сведения о сектантах (см. V, 357—358).

⁵ См.: Г. А. Р е м е н и к. Традиции Некрасова в русской поэзии XX века (до-октябрьский период). — В кн.: «О Некрасове». Сб. статей. Ярославское книжн. изд-во, 1958; Н. Н. С к а т о в. Некрасов и Александр Блок. — В кн.: «Проблемы реализма в рус-

ской и зарубежной литературе. Метод и мастерство». Вологда, 1969; Е го ж е. Россия у Александра Блока и поэтическая традиция Некрасова. — «Русская литература», 1970, № 13, а также ряд последующих работ этого же автора.

⁶ Ср.: «В самой природе вещей скрыто «безобразие» (Ал. Р е м и з о в. Избранное. М., 1978, с. 471).

⁷ Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1956, с. 110.

⁸ Там же, с. 302.

⁹ См.: З. Г. М и н ц. Лирика Александра Блока. Вып. IV. Тарту, 1973.

¹⁰ См.: Н. А. Ф р у м к и н а, Л. С. Ф л е й ш м а н. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метверу). — «Блоковский сб.», 2, а также статью о переписке Блока с Вл. Пястом в наст. книге.

¹¹ Позже Блок, все отчетливее переходя на антивоенные позиции, иронически охарактеризовал эту книгу как «изданную в безвременье, неизвестно кем и неизвестно зачем» (дарственная надпись Блока Ал. Н. Чеботаревской на книге «Стихи о России», 1915. — Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской. Публикация Д. Е. Максимова. — «Блоковский сб.», I, с. 550 (ср. комментарий Д. Е. Максимова, с. 550—551).

¹² См.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Драма Александра Блока «Роза и Крест». Литературные источники. Л., изд. ЛГУ, 1964.

¹³ См.: Ал. Р е м и з о в. Ахру. Повесть Петербургская. Берлин, Изд. З. И. Гржебина, 1922.

¹⁴ Ал. Р е м и з о в. Весеннее порошье, 1915, с. 50.

¹⁵ К. М и л л ь. Danse macabre (Творчество Алексея Ремизова). — «Лебедь», 1908, № 2, с. 40.

¹⁶ См.: З. Г. М и н ц. Ал. Блок и Л. Н. Толстой. — Уч. записки ТГУ. Вып. 149 (Труды по русской и славянской филологии. V), Тарту, 1962.

¹⁷ Вопрос об отрицании Блоком символистских утопий и «жизнетворчества» подробно рассмотрен в кн.: Павел Г р о м о в. Ал. Блок. Его предшественники и современники. М.—Л., СП., 1963.

¹⁸ См.: В. Ш к л о в с к и й. ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза. Берлин, «Геликон», 1923.

¹⁹ Там же, с. 471.

²⁰ Ал. Р е м и з о в. Избранное, с. 486.

²¹ См. там же, с. 473. П. Е. Щеголев — один из самых близких знакомых Ремизова. Его образ постоянно мелькает и в поздних произведениях писателя (см., например, Ал. Р е м и з о в. Корявка. Берлин, 1923).

²² Ал. Р е м и з о в. Ахру. Повесть Петербургская, с. 15.

²³ Там же, с. 18.

1. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

17 ап<реля> 1905 <Петербург>

Христос воскрес!

Выписываю Вам, Александр Александрович, стих удивительный:

И в нядельку вельми рано,
раней того звоны били.
Й в крыницы выда грала,
вой там девка выду брала¹.

Читал вчера исследование о Хождении Богородицы по мукам, попал на стих:

Ах! там плыла прекрасная дева,
Она плыла по ненасытному аду.
Мальчика несла она на руках².

Почему Вы не назвали книгу: Стихи о прекрасной ДЕВЕ.

«Дама» в глубинах Geist'a* рус<ского> языка никогда не скроется.
Поздравляем Л<юбовь> Д<митриевну>³ и А<лександр> А<ндреевну>⁴.

А. Р е м и з о в

¹ Источник цитаты не установлен.

² Цитата из книги Н. Бокадорова «Хождение Богородицы по мукам» (Опыт истории христианской легенды). Киев, типография Петра Барского, 1904, с. 48.

³ Л. Д. Менделееву-Блок.

⁴ А. А. Рублицкую-Пиотгух.

А. М. РЕМИЗОВ

Рисунок С. М. Городецкого, 1920 г.

Частное собрание, Москва

2. БЛОК — РЕМИЗОВУ

27 июня 1905 г. «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо за присылку гонорара ¹. «Пруд» ² хочу читать после, когда кончится, сразу, потому пока не читал в июньской книжке.

Стихотворение, которое Вам читал и хотел посвятить, хочу переделать и подчистить ³.

Очень хочу писать о Сиповском (Русские повести XVII—XVIII в.) ⁴. Пожалуйста, пришлите мне их, они вышли, кажется, еще до Рождества. Это — пока единственная книга в своем роде (потому что приложен текст повестей, а у Пыпина ⁵ и пр. — нет).

Кланяюсь Серафиме Павловне ⁶. Жму вашу руку.

Ал. Блок

¹ В 1905 г. Ремизов заведовал конторой журнала «Вопросы жизни». Гонорар был выслан Блоку за напечатанные в 6-м номере (июнь 1905 г.) 10 стихотворений под общим названием «Нечаянная радость. Стихи». («Помнишь думы? Они улетели. . .», «Я живу в отдаленном скиту. . .», «Гроб невесты легкой тканью. . .», «Крыльцо ее, словно паперть. . .», «Вербная суббота» («Вечерние люди уходят в дома. . .»), «Снова иду я над этой пустынной равниной. . .», «Мы шли над морем в час рассвета. . .», «Все отошли. Шумите, сосны. . .», «Ты оденешь меня в серебро. . .», «Болотные чертенячки») и рецензии на книги: А п у л е й. Амур и Психея. С лат. перев. В. Н. Е. С рис. и композициями Макса Клингера. СПб., 1905; Публий Овидий Н а з о н. Наука любви. В русск. перев. с примеч. А. И. Манна. СПб., 1905.

² «Пруд» — роман Ремизова (1902), впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 4—11. Отзыв Блока о романе см. в письме Ремизову от 28 мая 1905 г. «Начитался «Пруда», охватило чувство «скарба» и запахов. Проглотил все сразу и жду, что дальше с нетерпением: куда пойдет — даже, куда выберется? Надо же, чтобы конец романа обсунулся, а то — ужас (Сологуб иногда перед этим — ребенок). Страх ворочает, когда читаешь роман. И именно пока все так: «выберется», «ворочает», «ползет». К ночи читать страшно. Есть общее со сказками «Кота-Мурлыки», единственным, по-моему, в своем роде, — которые я в детстве ужасно любил, а теперь почти забыл — и вдруг опять «поднялось» (VIII, 126).

(«Сказки Кота-Мурлыки», 1872 — книга Н. П. Вагнера, в которую вошло 25 сказок. Многократно переиздавалась. В плане первой части поэмы «Возмездие» Блок выделил (как приметку «сентиментального воспитания» Сына) чтение «с няней в дедушкином кабинете» Кота-Мурлыки — III, 464).

³ «Легенда» (15 апреля 1905 г.). См. II, 419—420.

⁴ «Русские повести XVII—XVIII вв.» Под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского. СПб., изд. Суворина, 1905. (Вышло в сентябре 1904 г.). Рецензии на эту книгу Блок не написал. Позже, в «Литературном приложении» № 8 к газете «Слово» от 27 марта 1906 г., Блок напечатал рецензию на учебник В. Сиповского «История русской словесности» (часть I, вып. 1, 2. СПб., 1906), из которой видно, что Блок высоко ценил работы Сиповского (VI, 622—624).

⁵ Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — публицист, историк литературы и критик, с 1898 г. академик. Имеется в виду книга Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857).

⁶ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876—1943) — жена Ремизова. Ремизов познакомился с нею в 1903 г. в ссылке (Усть-Сысольске и Вологде), где Серафима Павловна также отбывала ссылку.

3. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

25 марта 1906 г., Петербург
5 Рождественская, 38, кв. 2.

Дорогой Александр Александрович!

Если у Вас есть гильзы, дайте, пожалуйста, 10 штук. Очень мало осталось, а нигде не купишь по случаю праздника. Желаю Вам экзамены¹ хорошо выдержать, на пятерку.

Любови Дмитриевне кланяемся.

А. Ремизов

Благовещенье, 1906².

Написано на листе с грифом: Редакция журнала «Вопросы жизни». СПб., Седьмая Рождественская, д. 7.

¹ Весной 1906 г. Блок сдавал государственные экзамены в Петербургском университете.

² 25 марта.

4. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«Апрель 1906 г., Петербург»

Милый Алексей Михайлович.

Спасибо за «Митинг»¹. Папирос не посылаю, говорят, вы уже достали. Серафиме Павловне очень кланяюсь. Зубрю к экзамену на чем свет стоит.

Ваш Ал. Блок

¹ Речь идет о «перемещениях» стихотворения Блока «Митинг» (10 октября 1905 г.). Стихотворение первоначально предназначалось к публикации в альманахе «Факелы». В письме Г. И. Чулкову (7 января 1906 г.), одному из организаторов «Факелов», Блок писал: «До зарезу нужны деньги, и потому пользуюсь вашим предложением в прошлый раз: беру у вас «Митинг» и попробую отдать его в «Журнал для всех» (См.: «Письма Александра Блока», с. 130). Ремизов, как и Блок, был близко знаком с Чулковым, сотрудничал в «Журнале для всех» В. С. Миролюбова и либо взял «Митинг» у Чулкова, либо передал его Миролюбову. Стихотворение, однако, в журнале не было напечатано; впервые появилось в кн. «Нечаянная радость» (1907).

5. БЛОК — РЕМИЗОВУ

3 октября 1906 г. Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Оторвите половину и напишите мне адрес Шестова¹, если знаете. Я вчера забыл спросить Вас, а мне надо написать Грифу² для приглашения Шестова в Перевал³. И наверное ли Вы знаете, что Бердяев⁴ придет 10-го. Мне и его велели пригласить. Серафиме Павловне передайте мой низкий поклон.

Любящий Вас Ал. Блок

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61. Открытое письмо с адресом: Здесь, 5 Рождественская, 38, кв. 2, Его Высокородию Алексею Михайловичу Ремизову. Почт. шт.: 3 окт. 1906 г.

¹ Шестов — псевдоним Льва Исааковича *Шварцмана* (1866—1938) — философа-экзистенциалиста и литературного критика. Л. Шестов в 1895—1914 гг. жил преимущественно в Швейцарии, в 1914—1920 гг. — в России, с 1920 г. — в Париже.

² Гриф — А. С. Соколов (1879—1936), поэт (псевдоним: С. Кречетов), владелец издательства «Гриф» (1903—1913). См. в наст. томе переписку Блока с ним.

³ «Перевал. Журнал свободной мысли» (1906—1907). Близок к петербургским «мистическим анархистам». Письмо проясняет вопрос об активном участии Блока в подготовке первых номеров журнала. (Первый номер вышел в ноябре 1906 г.) Письмо Блока Н. А. Бердяеву, написанное около 5 октября 1906 г., не сохранилось. (См. Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Выпуск 1, с. 476.) Письмо Соколову (или Шестову, или им обоим), которое Блок, видимо, написал в это же время, также должно быть внесено в список найденного.

⁴ Николай Александрович *Бердяев* (1874—1948) философ-идеалист, публицист, критик. Ремизов познакомился с ним в Вологде в 1902 г.

6. БЛОК — РЕМИЗОВУ

7 I¹ 1908 г. Петербург

Милый Алексей Михайлович, с Новым Годом! Спасибо за «Чертов Лог»². Крепко Вас целую.

Любящий Вас Ал. Блок

6 января

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61. Открытое письмо с адресом: Городское, М. Казачий пер., 9, кв. 34, Алексею Михайловичу Ремизову. Почт. шт.: 7.1.08.

¹ Месяц проставлен рукой Ремизова (синим карандашом).

² См. примечание к первой дарственной надписи Ремизова.

7. БЛОК — РЕМИЗОВУ

28 IV 1908. «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Очень хочу Вам и Серафиме Павловне прочесть пьесу, которую, наконец, кончил. Рад был бы, если бы Вы и Серафима Павловна пришли ко мне на Галерную в четверг 1 мая, часу в 9-м. Если не пугает Вас длинное чтение, приходите, пожалуйста, буду ждать в 9-м часу вечера. Называется «Песня судьбы», очень за нее боюсь¹.

Любящий Вас Ал. Блок

¹ См. вступительную статью.

8. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«30 V 1908 Петербург»

Спасибо. Я очень Вас люблю.

Александр Блок

Датируется по почт. шт.

9. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

3 октябрь 1908.

СПб. М. Казачий пер. (сеулук), 9, кв. 34.

Дорогой Александр Александрович!

Есть у меня к Вам дело: есть писатель Иванов-Разумник¹, который написал четыре книги — «История русской общественной мысли» СПб, 1908, I т. и II т.², «Что такое «махаевщина»» СПб, 1908. — 50 к. «О смысле жизни (Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов³)», СПб, 1908. — 1 р. В настоящее время Разумник Васильевич Иванов занимается исследованием писателей от Волинского⁴ до нас с вами. Книгу свою он хочет выпустить с портретами⁵. Я взялся достать ему Ваш портрет с автографом на портрете или под портретом: «Александр Блок». Пожалуйста, Александр Александрович, пришлите на мое имя (Казачий пер.) свой портрет. И хорошо бы это сделать, не очень вымедляя.

Скоро ли Вы придете? Я написал «трагедию об Иуде — принце Искарриотском»⁶, которую хотел бы Вам показать и ваших мнений послушать.

А. Ремизов

¹ Иванов-Разумник, псевдоним Разумника Васильевича Иванова (1878—1945), критика и публициста. См. в наст. книге переписку его с Блоком.

² В 1908 году вышло 2-ое, дополненное издание книги «История русской общественной мысли». Первое издание — 1907 г.

³ См. п. 5, прим. 1.

⁴ Аким Львович *Вольнский* (Флексер) (1863—1926) — критик и искусствовед, близкий к символистам.

⁵ Замысел не осуществился.

⁶ «Трагедия о Иуде-принце Искарриотском» (1908). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

10. БЛОК — РЕМИЗОВУ

6 октября 1908 г. Петербург

Милый Алексей Михайлович, вот Вам портрет для Разумника, последний, оставшийся у меня, и потому — в блузе¹. Ваше письмо мне переслали уже сюда², а я приехал только 4-го утром. «Трагедию об Иуде Искарриотском» очень хочу услышать от Вас, когда захотите. Серафиме Павловне кланяюсь низко и остаюсь любящей Вас

Александр Блок

А я почти ничего не писал³.

¹ Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61. Выполняя просьбу Ремизова в п. 9, Блок послал свою фотографию (1907 г., Д. С. Эдзюнова) для Иванова-Разумника.

² Из Шахматова в Петербург.

³ За весну—лето 1908 г. Блоком было написано только несколько стихотворений, ни одно из которых не было включено в основное собрание («Их было много — дев прекрасных. . .», «В глубоких сумерках собора. . .», «По-православному», «Чудесно все, что узнаю. . .», «Ты помнишь — в лодке в час заката. . .») и прозаический отрывок («Праматерь» (Из статьи «Об одной старинной пьесе»)).

11. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

М (алый) Казачий пер (сулок), 9, кв. 34.
27 окт (ября) 1908, Петербург

Дорогой Александр Александрович!

Я с Вами согласен: читать не нужно¹. А почему не нужно, я совсем по-другому думаю, и не думаю, а на этот счет чувствую. Так что сказать не могу, почему я нахожу читать не нужно. Когда я читаю, я никого не вижу, ничего не слышу, а вижу свою книгу и слышу свой голос, произносящий русские слова. А так как я люблю русские слова, то мне приятно произносить их. Так что, кажется, выходит по всему, что мне нужно читать, раз мне приятно это, а в то же время, уходя с вечеров, я испытываю какое-то неприятное чувство, словно бы я сделал что-то такое, чего мне не следовало бы делать. Но тут-то я ничего уж не могу сказать. Те люди, которые идут на вечера, они в глубине своего сердца прекрасно знают, зачем они идут. И когда слышат, скажем, мои русские слова, они остаются к ним совершенно безразличны, как оставались бы безразличны к словам Достоевского, Толстого и Пушкина². Вечер для каждого входящего на вечер имеет только тот смысл, что в данный промежуток времени в известном месте произойдет или не произойдет, совершится так или по-другому то дело, какое входящий несет с собой — дело его жизни. Как вечер с моими русскими словами, так и вечер с Достоевским никого ничему научить не может, не может ни поправить чего-нибудь, ни испортить что-нибудь³. Всё останется по-прежнему. Боже мой! — После Эдипа и Гамлета развезаются по публичным домам. Да что и говорить, очень уж это все приизвещено. Вот почему в вашем «почему читать не нужно»

я чувствую какую-то неправду, что-то такое сочиненное, «не правдошное». Теперь вы напишите еще в «Речи», чтобы поэты не печатали стихов в газетах. Против себя напишите ⁴. Печатание стихов в газетах, которые идут на обертки, стыднее чтения перед людьми, занятыми своим делом. Напишите это, пожалуйста. А третий фельетон посвятите, впрочем, этого, пожалуй, и не стоит.

Ну вот, Александр Александрович, все вам высказал по порядку. Когда же вы моего Принца Иуду услышите?

В четверг 30 окт<ября> в 9 ч. буду читать Вя<ч>еславу Ивановичу ⁵, к которому пойду в 8 ч. Он спрашивал, не пригласить ли кого. Если у вас время будет, приходите к нему ⁶. Мне замечания послушать очень полезно.

А. Ремизов

¹ Ответ на статью Блока «Вечера искусств», напечатанную 27 октября 1908 г. в газете «Речь». (V, 304—308).

² Ремизов полемизирует с Блоком. Ср.: «На днях один писатель (не моего поколения) рассказывал мне о прежних литературных вечерах; бывали они очень редко и всегда отличались особой торжественностью. Нечего и говорить о том, почему был прав Достоевский, когда с астралы «жег сердца людей» «Пророками» Пушкина и Лермонтова. Это было торжество неслыханное, — и разве можно было не запомнить такого «явления» Достоевского «народу» на всю жизнь? (V, 307).

³ Ср. у Блока: «. . . стихи любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда — вредно.

Вредно потому, что новые поэты еще почти ничего не сделали; потому, что нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы; вредно потому, что нельзя приучать публику к любопытству насчет писателей в ущерб любознательности насчет литературы; вредно потому, что большинство новых произведений (исключая бесчисленные фабрикация и подделки) недостойно большой публике, и она права, когда чистосердечно ничего не понимает; вредно потому, что все это, вместе взятое, порождает атмосферу не только пошлости и вульгарности, — хуже того: вечера нового искусства в особенности, а также все остальные, примыкающие к ним, по нашим временам, очень тесно, порождая все перечисленное, тем самым становятся как бы ячейками общественной реакции; как бы ни были крохотны и незначительны эти ячейки в круговороте нашей жизни, они делают свое медленное дело неуклонно. Поэтому <. . . > я обращаюсь к писателям, художникам и строителям с горячим призывом не утешивать в деле, разлагающем общество, то есть не способствовать размножению породы людей «стиля модерн», дни которых сочтены. Общество интеллигентное и без «вечеров нового искусства» довольно пропитано ядами косности и праздности, и прибавлять хоть каплю в море дурных инстинктов есть дело, недостойное художника и гражданина» (V, 308). См. также ответ Блока: «Знаю, почему Вы упрекаете меня в «сочиненности» (относит «ельно» вечеров), но и Вы знаете, почему я с этим не соглашусь. Это — только — логический способ доказать в газете то, что я чувствую, а не то только, о чем я размышлял. А стихи в газете — это совсем другое для меня, и тут я не чувствую «нельзя», потому что я вовсе не «культурный» человек и всегда даже презираю всяких Стефанов Георге» (VIII, 257).

⁴ Блок печатал свои стихи в газетах «Слово», «Знамя труда», «Наша жизнь», «Петроградское эхо», «Столичная почта», «Студенческая речь», «Русь» и в др.

⁵ В. И. Иванов.

⁶ 30 октября Блок на чтении трагедии не присутствовал.

⁷ Не отвечал Вам потому, что думал увидеть Вас вчера у Вяч<еслава> Ив<анова>. А туда не попал, потому что пишу об Ибсене для утренника Комисс<аржевской> в воскресенье и страшно устал вообще. «Принца Иуду», все-таки, надеюсь услышать, если где-нибудь будете еще читать» (VIII, 256—257).

12. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

22 января 1909 «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Я действительно не могу читать: вот не знаю почему, просто не знаю, а слышу от кого-то, кто меня удерживает. А знаю также: вам читать можно. Если хотите, то вот одно из соображений по наблюдению: когда вы читаете (на вечерах я толочка в публике и глаз не спускал), столько людей любят вас, а которые и не любят, то улыбаются добродушно. А вы понимаете, что относительно меня это невозможно <. . . > И объясните той барышне ¹, что не могу ².

А. Ремизов

¹ Имеется в виду Зоя Владимировна Зверева (ум. 1956) — студентка, революционерка, организатор литературных вечеров.

По воспоминаниям М. А. Бекетовой, зимой 1908—1909 г. «завелся обычай собирать деньги на политические цели, т. е. главным образом на побеги. <...> наряду с подлинными деятелями, стали попадаться авантюристы и просто негодяи, которые, под видом политики, пользовались собранными деньгами по-своему. <...> Но посещавший его «товарищ Андрей» и некая молодая революционерка Зверева оказались и подлинными, и достойными всякого уважения. Умная, убежденная девушка с сильной волей была эта Зверева.

Ал. Ал. Приходилось часто выступать на вечерах, где под «благовидными предложениями» сборы шли все туда же. И потому, неизменно тяготясь такими выступлениями, он не позволял себе от них отказываться, так как имя его уже и тогда собирало публику». (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 111).

² Ремизов отказывается от чтения на литературном вечере в медицинском институте.

13. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

Александр Александровичу Блоку
А. Ремизов
16 ноября 1909, «Петербург»

Как уехали вы в Италию, так и след простыл ¹. Я бы и давно пришел к Вам, да страшно всё.

Любови Дмитриевне кланяюсь.

А. Ремизов

В письме — приписка А. Блока: «(Рассказы (1902—1909), СПб., К-во «Прогресс», 1910)».

Эта книга (без дарственной надписи А. Ремизова) имелась в Шахматовской библиотеке Блока.

¹ Блок и Любовь Дмитриевна уехали из Петербурга в Венецию (через Варшаву и Вену) 14 апреля 1909 г. С 18 апреля (1 мая) по 8 (21) июня путешествовали по Италии, затем, до 20 июня (3 июля) — по Германии. С 21 по 29 июня пробыли в Петербурге. В июле, августе и сентябре жили в Шахматове, с октября — в Петербурге.

14. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«11 февраля 1910 г., Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Очень прошу Вас, если Вам не жалко, вырежьте из последнего №^а 16-ого (февраль) ¹ сказку «Лихая» и пришлите ее мне. № 16 конфискован, и я не могу достать нужные мне экземпляры.

А. Ремизов

11 февр<аля> 1910

¹ Речь идет о «Новом журнале для всех» (1910, № 16). На номер был наложен арест за напечатанный в нем рассказ Е. Чирикова «Волк» (с. 21—24), в котором выражалось отрицательное отношение крестьян к Столыпинской аграрной реформе (Указ от 9 ноября 1906 г.). Арест был отменен 25 февраля 1910 г. (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 13, № 409, с. 22). Блок, как и Ремизов, принимал участие в журнале.

15. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

15 марта 1910. «Петербург»

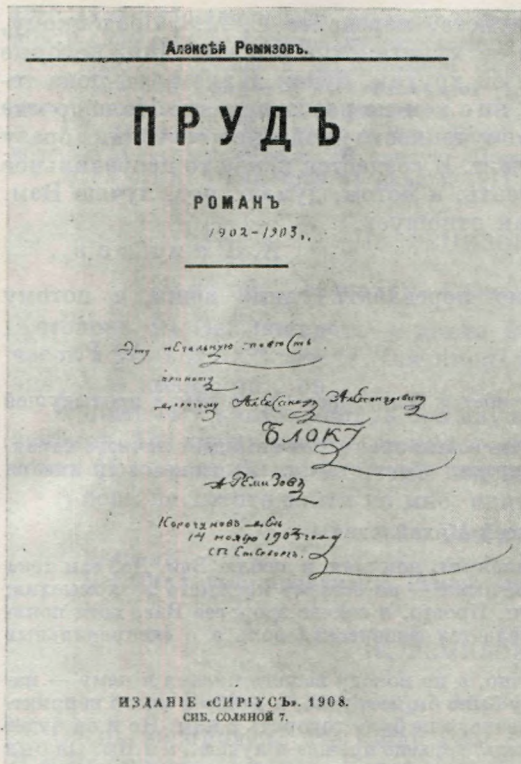
Дорогой Александр Александрович!

Серафима Павловна рассказывала Любови Дмитриевне о Плевницкой ¹. И очень хотел бы, чтобы Вы послушали Русские песни.

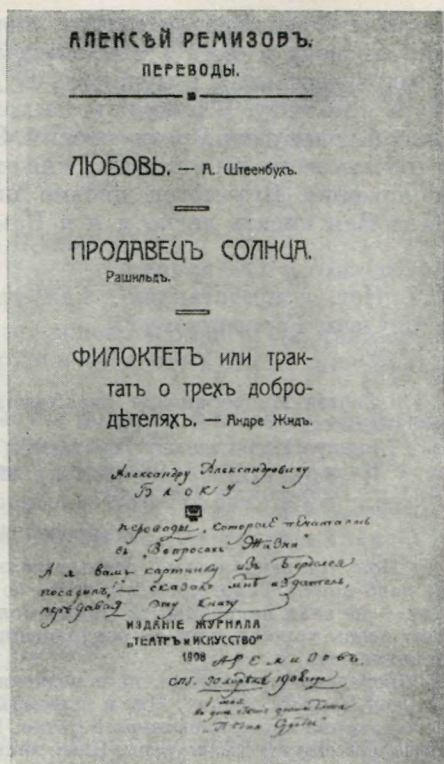
17 III в среду в театре быв<шем> Коммунарской ² будет концерт. Билеты только у Шредера ³, Невск<ий> 52.

Кланяемся вам обоим. А. Ремизов

Сегодня я во сне видел Лескова ⁴. Он мне сказал, что Вы его очень интересуете и очень Вы ему нравитесь.

А. РЕМИЗОВ. «ПРУД», ИЗД. «СИРИУС», 1908.
Титульный лист с дарственной надписью Блоку.
Центральный архив литературы и искусства,
Москва

А. РЕМИЗОВ. ПЕРЕВОДЫ. ИЗД. ЖУРН.
«ТЕАТР И ИСКУССТВО», 1908
Титульный лист с дарственной надписью
Блоку
Центральный архив литературы и искусства,
Москва

¹ Надежда Васильевна Плевичука (урожд. Винникова) (1884—1941) — эстрадная певица, исполнительница русских народных песен. В программу концерта Н. В. Плевичкой входили песни: «Ухарь-купец», «Умер бедняга», «Тихо тащится лошадка», «Золотым кольцом сковали», «Эй, вы, залетные», «Пожар Москвы», «Быстрой летите, кони», «Куделька», «Веребочка» и др. На концерте, о котором идет речь, Блок не был. Позднее, в 1913 г., побывав на концерте певицы, он писал Ремизову: «Слушали Плевичку и грустили по этому поводу о своей «немецкости» (Письмо от 2/15 июня 1913 г.).

² Театр Коммиссаржевской (Офицерская 39) в 1910 г. был переименован в Новый драматический.

³ Имеется в виду известный магазин музыкальных инструментов «К. М. Шредер».

⁴ Творчество Н. С. Лескова было очень близко Ремизову. По воспоминаниям Ремизова, имена, под знаком которых прошла его «жизнь в России за 44 года (1877—1921) — Достоевский, Лесков» (Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1956, с. 10). «Единственный наследник особняком стоящего в русской литературе Лескова (не автора растянутых романов, но творца насыщенных, а порою и перенасыщенных словом повестей, рассказов, апокрифов), А. Ремизов связал с этой возрожденной им формой «достоевский дух» (Р. В. И в а н о в - Р а з у м н и к. Русская литература XX века (1890—1915 гг.). Пг., «Колос», 1920, с. 35).

16. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{8}{21}$ I 1911, «Петербург»
Таврическая 3^B кв. 23.

Дорогой Александр Александрович!

Вы вчера меня многим обрадовали. И то, что в Вас произошло и стало, и вся душа Ваша, все это — верно. И если бы вчера у Вас никого не было, я прожил бы вечер тихо. Но Вы видели, что мне даже больно стало. А мне больно бывает, когда меня что-нибудь взволнует.

Я прошу Вас, сделайте, пожалуйста, передайте С. М. Городецкому, что не могу я быть с ним знакомым за хулиганские его выходы, которые раздражают меня и мучают¹. Будет он другим, будем знакомы, а пока теперь я не могу. Я никуда не выхожу, ни с кем не разговариваю. Не надо мне никаких ненужных раздражений. От измученности моей я не в состоянии сразу отвечать на то, на что все во мне отвечает. И создается какое-то неправильное положение. Ему хотел письмо написать, а потом, думаю, нет, лучше Вам. Мне Вам писать легко и я к Вам так отношусь.

А. Ремизов

9.1. Нет, я представляю, как трудно передавать такие вещи, а потому пишу сам Городецкому².

А. Р.

¹ Сергей Митрофанович *Городецкий* — поэт и беллетрист. См. о нем в предыдущей публикации.

7 января 1911 г. между Городецким и Ремизовым произошел инцидент личного характера. Блок выступил посредником в примирении обеих сторон. В письме от 10 января 1911 г. Блок писал Ремизову:

«Дорогой Алексей Михайлович.

Получил ваше письмо, очень взволновался им, понимаю и люблю Вас. Да, вам пока не надо видеть Городецкого; я этого не рассчитал — по остатку прежнего легкомыслия; или — не знал подробностей Вашей болезни. Просто, я сейчас здоровее Вас, хотя понимаю очень хорошо, как от раздражения делается физическая боль и о «неправильных положениях», и все это.

Городецкому написал, не передавая точно, а по поводу вашего письма к нему — навстречу Вашему письму. Мне и передать ему было бы нетрудно, я давно и много неприятного говорил ему и письменно и устно. Конечно, еще буду говорить с ним. Но и он будет другим, и сам идет навстречу. Я его знаю, ведь, гораздо прежде и лучше, чем Вы. Он был тихим и задумчивым мальчиком. Ему еще нужны всякие встряски, но и он уже много пережил. И хорошо, что Вы ему написали, все-таки надо. А я Вас за Ваше письмо очень благодарю и целую и люблю. Ал. Б л о к» (VIII, 324). См. также письмо Блока Ремизову от 11 января: «Городецкий прислал Ваше письмо и свое с просьбой переслать Вам. Не пишите Вы ему больше, он все скоро поймет, и все будет хорошо. На моих глазах тает его хулиганство и упрямство с быстротой сверхъестественной. Вы, милый, озлобились наполовину от боли. Еще мы с Вами поговорим об этом — приду к Вам. Городецкому еще пишу и подтверждаю, чтобы он больше с Вами не объяснялся» (VIII, 326).

² Письмо Ремизова хранится в ЦГАЛИ вместе с письмом Городецкого Блоку от 10 января 1911 г. (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224). См. прим. 1 к этому письму в наст. книге с. 52.

17. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

11 I 1911 «Петербург»⁴

Адрес теперешний Мережковских

France, Agay² (Var), G<rand> Hôtel des Roches Rouges

А раньше был адрес

(Paris (France) Poste Restante Mr. Dmitri Philosophoff)

Дорогой Александр Александрович!

Будете писать, припишите, что послал я Философова³ т. II⁴ в Париж 22 дек <a>b<ра> по нашему стилю. В Москву поедет по всей вероятности завтра. После Москвы хотелось бы Вас повидать.

А. Ремизов

Написано на почтовой карточке. На обратной стороне адрес и печать: «Здесь. М. Мотетная, 9, кв. 27. А. А. Блоку. С-Петербург, 11.1.1911.

¹ Ответ на письмо Блока от 10 января 1911 г.: «Вы сказали несколько хороших слов о Мережковских. Потом я читал повесть Зинаиды Николоаевны в «Русской мысли». Потом увидел ее во сне — очень хорошо. Из всего этого понял ясно, что напишу к Дм<итрию> С<ергеевичу> и Зинаиде Николоаевне опять — и по-другому. Верно, у Серафимы Павловны есть их теперешний адрес? Напишите его мне просто на открытке, пожалуйста» (VIII, 325).

Осенью 1910 г. Блок порвал отношения с Д. С. Мережковским и его женой З. Н. Гиппиус из-за написанного Мережковским фельетона «Балаган и трагедия» («Русское слово»,

1910, 14 сентября) по поводу докладов о символизме, прочитанных Блоком и Вяч. Ивановым в Обществе ревнителей художественного слова 8 апреля 1910 г.

² Агау — городок в департаменте Вар (Var).

³ Дмитрий Владимирович *Философов* (1872—1940) — литературный критик, публицист, ближайший друг Мережковских.

⁴ В конце декабря 1910 г. в изд. «Шиповник» (СПб.) вышел II том сочинений Ремизова, куда вошли: «Часы», «В плену», «Пожар».

Блок ответил Ремизову 11 января 1911 г. (VIII, 326).

18. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

2 марта 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Хотелось бы Вас повидать — давно Вас не видел. Заходите за мной 4-ого часов в 9 в 1/2 10^{-ть} вечера, (пятница) и пойдемте вместе к Вячеславу Ивановичу.¹ — именинник он.

Купите ему какую-нибудь большую рыбу в подарок или очень много маленьких. Он любит рыбу есть или на стену повесит. Я ему в подарок приготовил рог воловий и рог козий под видом рыб: *симпы* и *флюндры*².

А если не хотите зайти ко мне, идите прямо к Вячеславу Ивановичу.

Всего Вам хорошего. А Ремизов

¹ Иванову.

² Названия рыб придуманы Ремизовым.

19. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

12 III 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Очень извиняюсь, что пишу Вам о том, о чем я писать не хотел бы Вам. Я у Вас прошу 25 р <у>б. Через неделю я Вам отдам. Я дал одному человеку эту сумму, и он меня обмань. А мне сейчас страшно нужно. Серафима Павловна неделю назад уехала и приедет в среду¹. Хотелось бы до ее приезда поправить в доме все разбитое и разломанное. В среду прошлую² случился пожар³, в крайней комнате стена сгорела. Таскал вещи, кое-что и не уцелело. Если вы можете, пришлите 25 р. *до среды*⁴. А на той неделе я Вам отдам.

А Ремизов

¹ Письмо написано в субботу (12 марта). Среда — 16 марта.

² 9 марта.

³ См. письмо Ремизова И. А. Рязановскому от 13 марта 1911 г.: «Я опять захворал. Сейчас поправляюсь. Пожар у нас случился. В комнате, где я спал, сгорела стена. Я только что встал и стал заниматься (поправлял «Крестовые сестры»), да зачем-то вышел в столовую, а дым так и валит. Возни много было. Залили, успокоились. А через час опять кричат: пожар. От нервного подъема я себя все хорошо чувствовал, а в субботу сразу и слег. И кажется мне, что прошло много много времени — год, а может быть, и больше. Ну, это все войдет в колею.

Серафимы Павловны сейчас нет в Петербурге, поехала к матери своей, которая очень больна. Приедет в среду — до нее не успеет отремонтировать» (ГПБ, ф. 634, Ремизов, оп. 1, № 31, л. 23).

⁴ Подчеркнуто дважды.

20. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

18 III 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Третий день жду Серафиму Павловну. Все нет ее. Приедет, напишу. И тогда назначьте день: приедем к вам¹.

О Московском восстании интересная книга есть Владимирова². Не найдете ли ее?

А Ремизов

¹ Ср. письмо Блока матери от 16 марта 1911 г.: «В пятницу (18 марта. — А. Ю.) у нас будут Ремизовы» («Письма к родным», II, 137).

² Очевидно, имеется в виду книга: В. В л а д и м и р о в. Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-казанской

железной дороге. М., 1906. В книге, полностью построенной на фактическом материале, рассказывается о зверствах солдат, об убийствах не причастных к забастовке людей, в том числе — стариков, женщин, детей.

21. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

30—31 III 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Какая досада: приезжаю к Вам в 9-ь с минутами, а Вас уже нет. Подождал у подъезда Серафиму Павловну (она не вместе со мною вышла из дому) и назад.

Так как к Вяч(еславу) Ивановичу¹ можно и в 12-ть, думали мы так сделать: приехать к Вам, как условлено было, а потом к Вяч(еславу) Ив(ановичу). Не выходит и не выходит что-то с нашими условленными вечерами. Теперь вот что остается: Вы приезжайте 3-его вечером и Любовь Дмитриевна.

Достали ли Владимирова?²

А. Ремизов

¹ Иванову.² См. примеч. 2 к п. 20

22. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

8 V
25 IV 1911 г.

Rue Monseigneur le Prince, 63. Hôtel de l'Univers N 34.

A. Rémisoff

Дорогой Александр Александрович!

Понемногу завожу жизнь свою, но еще не занимался — не сидел у стола за вычеркиваниями и подписываниями, завтра начну, Пруд начну, который и хочу здесь кончить¹.

Выстрел на вокзале предвещал всякие случайности — так и Сведенборг говорит в своих гадательных картах². До Берлина так изморился, что ехать дальше в III кл(ассе) — не мог, пришлось доплатить и ехать со скорым. Тут-то и начались всякие доплаты: и немцы взяли, и бельгийцы, и французы. К вечеру по Бельгии ехали и часть ночи (приехали в Париж в 1/2 12-ого). Не удивил меня Париж, словно все это видел, и не раз видел, но что меня поразило — это Бельгия, там не мог бы жить: никакого простора, ничего, будто на смех все. Огненные языки из труб видел!

Не успели дня прожить в Париже, уж скандал подняли. Мошенники эти французы, ограбили — взяли 30 frs³ за то, что переехали мы из одного отеля американского в другой (теперешний), неустойку взяли. Если бы не так мало денег, все забыл бы. Но дорожные приплаты и неустойки — просто грустно стало.

В первый же день заходил Бальмон(т)⁴. От Вас я кланялся. А он говорит: «Блок меня ругает все!»⁵ Вчера в русской церкви⁶ был. Служат — пропускают много, и очень мне странно, что поют «от люкавого»⁷. И певчие — французы, беда!

Живем мы по одной лестнице с Чулковым⁸. Пока трудно мне с едой, стараюсь уж не есть. Звонят хорошо: тоненько-тоненько — в Успенском соборе в Москве так маленькие колокола у Ивана Великого звонят. Это часы тут так звонят в Пантеоне (около Пантеона наша улица). И все-таки совсем звон не русский. В особенности ночью — древнее он русского, старше, похороннее, именно похороннее.

На границе Франции вздумали обнести виноградом. Признаться, подумал, что приветствуют гостей, взял для Серафимы Павловны. А потом потребовали заплатить, этакие!

Je suis, je suis, je suis* — только и говорю всем, на все вопросы, на все недоумения, на всякую гадость.

* Я есть. . . (франц.).

А за папиросы мои рублевые немцы 5М⁹ взяли. Полагается только 25 шт <ук>, а я сказал, что у меня 250, — это меня в Петербурге не так научили, будто можно для себя и 1000 шт <ук> взять¹⁰. Передайте мой адрес Ивойлову, Верховскому, Пясту и Аничкову. И всем им кланяюсь¹¹.

А. Ремизов

Любови Дмитриевне поклон.

Есть тут, в Париже, в магазине выставлены туфельки из перышек маленькой птички колибри, стоят 4000 frs. Собственными глазами видел.

¹ В 1911 г. Ремизов переделывал роман «Пруд».

² Эмануэль *Сведенборг* (1668—1772) — шведский ученый и теософ-мистик. Видимо, значение одной из так называемых «Карт Сведенборга» — «Стрелок из лука» — сопоставляется Ремизовым с каким-то реальным выстрелом на вокзале.

³ 30 франков.

⁴ Константин Дмитриевич Бальмонт с января 1906 г. до мая 1913 г. жил в Париже.

⁵ Вероятно, Бальмонт имел в виду статью Блока «Литературный разговор» (апрель 1910 г.). В этой статье Блок, резко отзываясь о современной русской литературе в целом, затрагивает, в частности, и выпешдую в 1910 г. книгу Бальмонта «Морское свечение»: «В сущности, это вовсе не книга в том смысле, как в России принято принимать «книгу». По видимости, это сборник статей, по крайней мере под обложкой содержится пятнадцать разных заглавий; но, в сущности, это просто богатый пестрый ковер, расшитый нежнейшими шелками, и никаких перерывов в узоре нет; <...> по какому фону расшиты эти пестрые узоры? Да ни по какому, фона и нет, фон — грязная, пыльная и засохшая паутина; потому — только две судьбы могут ждать эту книгу: или окажется узор разрисованным по пустому небу, — придет вечер, померкнет и узор; или бросятся на сноп этих цветов мелкие паучишки, <...> растащат по стебельку, рассосут все живые соки, и останутся сухие стебли, голые «ловунги», например: «М и р в о л ш е б е н ! Т ы с в о б о д е н ! Д е р з а й !» (V, 440), Блок и раньше не раз резко критиковал Бальмонта (см. V, 372—375).

⁶ Русская церковь (Eglise russe) — название одной из православных церквей в Париже.

⁷ Заключительные слова молитвы «Отче наш...»

⁸ Георгий Иванович *Чулков* (1879—1939) — символистский поэт, прозаик, критик и историк литературы. Блок познакомился с Чулковым весной 1904 г., поддерживал с ним дружеские отношения до 1908 г.

⁹ 5 марок.

¹⁰ См. ответное письмо Блока.

¹¹ Владимир Николаевич *Ивойлов* (В. Княжнин, 1883—1942) — поэт и литературовед; Юрий Никандрович *Верховский* (1878—1956) — поэт и литературовед; В. Пяст (Владимир Николаевич *Пестовский*) — поэт, друг Блока (см. переписку Блока с ним в наст. томе); Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — фольклорист, литературный критик. Все они — приятели Ремизова в 1910-е годы.

23. БЛОК — РЕМИЗОВУ

8 <21> мая 1911

Дорогой Алексей Михайлович, спасибо за письмо, которое уже читаю некоторым лицам вслух. Я Вам ничего такого интересного сообщить не могу. Был я у Мережковских раз — очень хорошо говорил с Зинаидой Николовной¹, и Дмитрий Сергеевич² мне понравился — он был очень напряжен, строг и более, чем когда-нибудь, прямолинеен и потому — отчетлив. А Белый вернулся в Россию, лето проживет в Луцке. Здесь никого почти не вижу, у меня возобновилась в последнее время цынга. Проводив Вас, все мы (кроме Матюшина³ — и барышни, разумеется) стали пить и таскаться по городу до утра. Впрочем, это Вам, вероятно, Чулков рассказал. — Было (уже давно) совещание у Аничкова о журнале. Вячеслав Иванович говорил, конечно, главчым образом; представил проект журнала. Говорили четверо (Аничков, Вячеслав Иванович, Пяст и я), а выяснилось уже ясно, настоящей связи нет («во Имя»). Однако много хорошего и нужного было в этих разговорах, и совсем что-то новое началось, когда дошли (часа в 3 белой ночи) до «желтой расы»; за поздним временем этот разговор не кончился.

Жалею, что я был в числе обманувших Вас насчет папирос и таможни; вспомнил, что со мной было тоже, но это так нелепо, что я забыл об этом и,

если бы второй раз поехал за границу, опять взял бы с собой 250 шт <ук> (у меня тогда было 500, и дело было еще сложнее).

Я поеду в деревню около половины мая, наконец, решительно, — и до июля, а потом — за границу. Вы мне напишите когда-нибудь хоть несколько слов (Никол. ж. д., ст. Подсолнечная, с. Шахматово). — Книга моя, наконец, вышла ⁴, и Вы найдете ее у себя по возвращении. В мае же выйдет новый сборник стихов ⁵, а осенью — остальные два тома ⁶. Кланяюсь Серафиме Павловне, а Вас целую.

А. Блок

¹ З. Н. Гиппиус.

² Д. С. Мережковский.

³ Михаил Васильевич *Матюшин* (1861—1934) — художник и композитор.

⁴ Александр Блок. *Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме (1898—1904). Издание второе, исправленное. М., Изд. «Мусагет», 1911. См. предыд. письмо Ремизова.*

⁵ Александр Блок. *Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908—1910). М., Изд. «Мусагет», 1911.*

⁶ Александр Блок. *Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость (1904—1906). Издание второе, дополненное. М., «Мусагет», 1912 (вышла около 19 декабря 1911 г.).*

Александр Блок. *Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь (1907—1910). М., Изд. «Мусагет», 1912 (вышла около 25 марта 1912 г.).*

24. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

1 VII
18 VI 1911, Paris

Дорогой Александр Александрович!

Сегодня был в последний раз у доктора с рукою, завтра пойдем к обедне в Notre-Dame*, завтра поедет Серафима Павловна в Версаль еще раз посмотреть, в понедельник простимся с Бальмонтом, уложимся и вечером во вторник на gare de Lion.** Пошлите ваши произведения Бальмонту Paris, 60 rue de la Tour***

Когда я ему передал слову книгу, где слон¹ стихи написал «Бальмон <т>у», он прочитал сначала про себя, а потом вслух — и в голосе слезы слышались, когда читал вслух. В Россию он не вернется, застрял он тут и сил уж нет выкарабкаться. А столько еще молодости в нем и порывистости и нежности. Какие грубые Мережковские² и даже мой Философов³, сын Анны Павловны⁴, какой он грубый!

Хотел вам написать, как ходил на вечерние службы в St. Sulpice, как в пасмурные дни слушал с каким-то сердечным замиранием колокольный звон, но ничего не выходило: не выходили слова в те минуты.

13.VI/31.V после сна моего древнего⁵ с рукою мучился⁶, даже часов не слышал, вертелся на месте от боли.

Еще по крайней мере месяц ни писать, ничего нельзя делать правую рукою.

Любовь Дмитриевна выручила много, бывала у нас. Взял я у ней денег много и еще бы взял, будь сейчас тут⁷.

Придется ехать в III кл <ассе>, и это меня сейчас пугает единого <го>⁸. Третьего дня утром в дождик слышу голос со двора какой-то совсем другой, не парижский, словно с того света голос тихий, но слышный, как дождевые капли. Стал прислушиваться.

— Вагитать-таты!

Слушаю. Что такое? И все повторяется, наперекор сорбонским часам, доносящемуся шуму St. Michel'я⁹, St. Sulpice'скому звону, звонкам трамвая, пылетью автомобилей, повторяется, постукивает, как дождевая капля, и как родное, и как печальное, и как такое далекое:

— вагитать-таты!

* Собор Парижской Богоматери (франц.).

** Лионский вокзал (франц.).

*** Париж, улица де ла Тур, 60.

И, слушая, я сам стал шептать непонятное: вагитать-тать! А знаете, что это? Это наш шурум-бурум¹⁰. Я заглянул вниз во двор и вижу: стоит, как стена, стоит.

— вагитать-тать!

Мне очень грустно, очень грустно, что я ничего не делаю или очень мало делаю.

«Пруд» остановился на 9 гл <аве> II ч <асти>. Когда я это все сделаю — кончу!¹¹

Сейчас берем билеты до Женевы, заеду к Шестову¹² в Coppet¹³. Может быть, удастся показаться с животом знаменитому лозанскому врачу¹⁴.

Если вздумаете написать, адрес такой:

Suisse
Coppet, Lac Leman
Mr. L. Schwarzmänn¹⁵
pour Alexis Rémisoff.

Напишу вам уже в Бретань и всякие поручения выпишу Любови Дмитриевне. Серафима Павловна кланяется.

Сумеречно. Не зажигаю лампы. Звонят, в St. Sulpice. Боже мой, как хорошо ждать, готовиться! С каким чувством слушают этот звон католики, только, конечно, не эти мертвые, — эти подкрашенные старики покойники и не эти злующие старухи и не эти в белых венках и в белых саванах кокетничающие *vièrge*'ы¹⁶, а такие... такие настоящие.

Всего вам хорошего. Приезжайте сюда.

А. Ремизов

¹ Слои — прозвище Ю. Н. Верховского. Вероятно, речь идет о дарственной надписи в книге, подаренной К. Бальмонту, так как в вышедших до этого времени книгах Ю. Верховского («Разные стихотворения». М., «Скорпион», 1908 и «Идиллии и элегии». СПб., «Оры», 1910) стихов с посвящением Бальмонту нет.

² См. п. 17, прим. 1.

³ См. п. 17, прим. 3.

⁴ Анна Павловна *Философова* (1837—1912) — либеральная общественная деятельница.

⁵ Вероятно, подобный сон описывается Ремизовым в «Подорожье» (СПб., «Сирин», 1913).

«...мы идем по полю. Поле пусто, безнарядье, кости да могилы, — огорченная земля.

«Русская земля! Бедная Русь! Черные люди, восставшие на сильных! Вот тебе истинный и праведный суд!»

Философ нагнулся к могиле:

— Вот для примера! — и подает мне какие-то закрученные кишки.

И молча идет мы от могилы к могиле. Могилы раскрыты. Я не вижу, я чувую, как там шевелится кто-то и шуршит тяжелая парча, и мне хочется заглянуть в могилу и страх берет.

— Ты всей крови заводчик, — вдруг закричал кто-то из могилы, — ты враг проклятый, хриstopродавец, злой, пронырливый злодей, враг божий!

«Московская тьма!» — подумал я и вижу: по полю странник идет, ну как наш Вася Босой, поверх тряпок фрак, на груди большой каменный крест, освятованный странник, улыбается.

— *Noli eos esse meliores!* (Не желай, чтобы они были лучше!) — улыбается <...>

«Вот и у этого Васи Босого тоже не!шапки!» — и снял шляпу и проснул!» (с. 253—254).

⁶ У Ремизова в это время было воспаление надкостницы правой руки. Письмо написано левой рукой.

⁷ 1 (14) мая 1911 г. Любовь Дмитриевна уехала за границу. В Париже она пробыла с 9 июня до конца месяца, затем уехала в Бретань, 23 июля туда приехал и Блок.

⁸ См. прим. 6.

⁹ Бульвар в Париже.

¹⁰ Шурум-бурум (здесь, вероятно, старьевщик). «Слово «шурум-бурум» ничего не означает, это татарская выкличка. Когда-то на Москве «князья» — татарин, скупщик старья, идет по улице, выбормачивая «шурум-бурум». «Шурум-бурум» звалось, что заведется в хозяйстве «на выброс», всякая заваль, ветошь, лом» (А. М. Ремизов. Петербургский буерак. Шурум-бурум. Воспоминания. ЦГАЛИ, ф. 420, Ремизов, оп. 5, № 18, С. 8).

¹¹ См. п. 22 прим. 1.

¹² См. п. 5, прим. 1.

¹³ Coppet — городок в Швейцарии, расположен на берегу Женевского озера, недалеко от Женевы.

¹⁴ См. письмо Р. В. Иванова-Разумника Ремизову от 17 апреля 1911 г.: «... Была у меня сегодня известная Вам доктор Гедройц. Узнав, что Вы едете «покорять сердце Европы за полтора рубля с огурцами» (завидую я Вам и очень рад за Вас, что попадете Вы в Париж) — она *советует* Вам и предлагает Вам следующее:

Непрерывно быть у проф(ессора) Ру (кажется, в Лозанне), главного специалиста по хирургическому лечению болезней желудка. Она даст Вам письмо к Ру, и визит к нему Вам будет стоить 5 франков. Если Ру найдет (что почти несомненно), что никакого хирургического вмешательства не надо, то он направит Вас к проф(ессору) Бурже — в той же Лозанне. К этому Бурже она тогда даст Вам письмо. Бурже — специалист по желудочным болезням и, по ее словам — (кое-что я слышал и раньше) — величайший европейский авторитет в этой области» (ГПБ, ф. 634, Арх. Ремизова, оп. 1, № 115, л. 17—18).

¹⁵ Л. Шварцман — см. прим. 12.

¹⁶ Vierge (*франц.*) — дева, девственница. Имеются в виду католические монахини.

25. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

11 VII
28 VI 1911

Genève Suisse, Coppet, Lac Léman
Mr Leon Schwarzmann Pour Alexis Rémisoff.

Дорогой Александр Александрович!

Вот я Вам и правой рукой пишу, доктора не послушал, начал писать. Первые дни в этой невыносимо скучной Женеве скучал, как собака.

Теперь последние главы Пруда делаю, и не замечаю скуки. В соборе St. Pierre ¹ у Кальвина ² еще не был. Если проживем тут до воскресенья, пойдем.

Видел Шильонский замок ³, везде ходил, все трогал: умели люди жить и изводить! Швейцарцы — некрасивый народ, безобразный народ, пугалы какие-то, не лица. А уж дети, такие хорошие, такие милые, ласковые.

Живем мы у Лундберга ⁴, который просит Вам поклон передать. С Шестовым выдаем всякий день: или он к нам приезжает, или мы в Coppet едем по Голубому ⁵ озеру.

Ни гор, ни озер я не люблю. Я камни люблю, серые камни ⁶. Живет тут поблизости Балтрушайтис ⁷, с которым на днях увижусь.

Александр Александрович, пришлите, пожалуйста, ваши вышедшие книги нов(ого) изд(ания) и распорядитесь, чтобы выслали и остальные сюда в рус(скую) библиотеку.

Genève, 1 rue Dizogens, Bibliothèque russe.

Серафима Павловна кланяется.

Скоро в Россию

А. Ремизов

А часы с кукушкой, о которых мечтал, мне не придется купить.

Есть тут одно здание — башня, так на этой башне часы с кукушкой: кукушка маленькая вылетает, малюсенькая, а кукует, за озером слышно.

¹ Собор Сен-Пьер был начат строиться в XII в. в романском стиле, в XIII—XIV вв. строился в готическом стиле, фасад (1752—1756 гг.) — в классицистическом.

² Улица Кальвина в Женеве.

³ Шильонский замок расположен в Швейцарии, на берегу Женевского озера.

⁴ Евгений Германович Лундберг (1887—1965) — писатель, журналист.

⁵ Голубое озеро — Женевское (Lac Genève, Lac Léman).

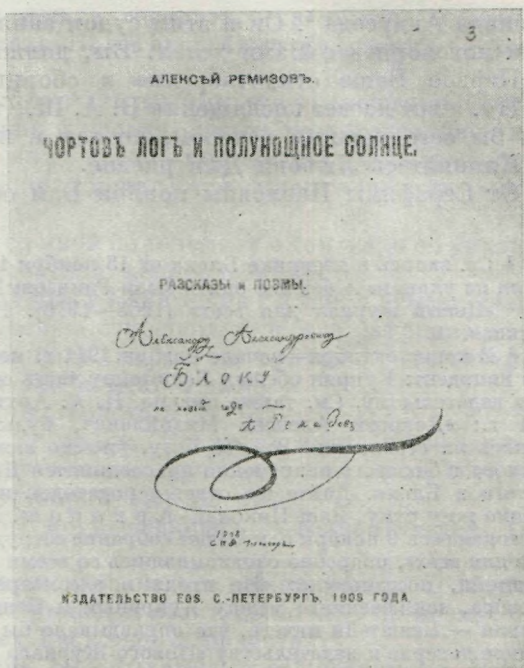
⁶ В рассказе «Белое знамя» («Весеннее порошье», 1915, с. 78), вспоминая о своей поездке в Париж, Ремизов пишет: «И когда все, кажется, пересмотрел и перетрогал, просто по улицам стал ходить, камни топтал. В камне своя чана есть, душа: проживет камень много веков и если за эти сотни лет кругом него живьём кипит, получает камень чану свою, и оттого ему ничего не делается, ни сжечь, ни извести его нельзя. И вот когда ходишь по улицам и топчешь эти камни, а камни там ценные, — ведь нигде на земле не прошло так близко и недавно так столько нашего кровного и всего! — эта чана, эта душа, скрытая в них, и в тебе зарождается».

⁷ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873—1944) — поэт-символист.

А. РЕМИЗОВ. «ЧЕРТОВ ЛОГ
И ПОЛУНОЩНОЕ СОЛНЦЕ».
РАССКАЗЫ И ПОЭМЫ. СПБ.,
ИЗД. EOS, 1908

Титульный лист с дарственной
надписью Блоку

Центральный архив литературы и
искусства, Москва

26. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

6 X 11, «Петербург»

Курите! Посылаю Вам, дорогой Александр Александрович, 7 папирос турецких, на именины вчера получил я от некоего мужа в образе диком.

А. Ремизов

27. БЛОК — РЕМИЗОВУ

30 октября <1911 г., Петербург>

Милый Алексей Михайлович.

Вы на меня не обижайтесь, что я к Вам не иду. Мне и хочется и трудно прийти. Спасибо за III том и за папиросы. Их я давно с и удовольствием выкурил. Приду к Вам как-нибудь. Кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш Ал. Блок

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, Арх. Ремизова, ф. 634, оп. 1, № 61, с. 17.

28. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{13}{26}$ XI 1911 г. «Петербург»

Положите эту бумагу на пишую и увидите диковенную картинку. Покажите ее Любове Дмитриевне.

Дорогой Александр Александрович!

Обратите внимание на бумагу: такой нигде не достанешь. Ну, были у Вас. Приехали в 6-ть. Признаться, на ветчину зарился: очень есть хотелось. Утром пробовали по телефону с Вами разговаривать, но ничего не вышло. Так и пошли домой ¹.

Александр Александрович, мне из Ж <урнала> д <ля> Всех ² прислали для подписи по делу Куприна — Бенштейна ³. Я думаю не подписывать. Я и дела этого, как следует, не знаю, и, кроме того, думаю, что едва ли чистое дело. Приехал Арцыбашев ⁴, — в газетах он объявлял, что едет судить Куприна и

Леонида Андреева⁵. Он и этим судом занялся и рассудил, как видно. Я об этом поговорить с Вами хотел: Вы, должно быть, тоже получили письмо.

Первое Ваше стихотворение в сборнике очень хорошее.

Ну, а вот насчет посвящения В. А. Ш., то тут лично я против⁶. Вам сказал бы сегодняшним вечером, но так и не пришлось.

Кланяйтесь Любви Дмитриевне.

От Серафимы Павловны поклон Вам обоим.

А. Ремизов

¹ Ср. запись в дневнике Блока от 13 ноября 1911 г.: «Я обедал у мамы, а весь вечер гулял по улицам. А без нас опять были Ремизовы!» (VII, 87).

² «Новый журнал для всех» (1908—1916). Редактор-издатель — Н. А. Бенштейн-Архипов.

³ В конце октября—начале ноября 1911 г. между Куприным и Бенштейном произошел инцидент: Куприн обещал Бенштейну часть своих сочинений, ранее проданных другому издательству. См. также письмо Н. А. Архипова А. М. Ремизову от 13 ноября 1911 г.: «Дорогой Алексей Михайлович, будьте добреньким — присоедините свое подпись на резолюции! Это, ей богу, ужасно важно. Кстати, сообщаю Вам, что кроме Чудкова и Толстого непременно присоединится Дымов и Ауслендер; надеюсь и на Городецкого и Блока. Дайте же ответ с подателем и заранее благодарен Вам бесконечно. Крепко жму руку. Ваш Николай А р х и п о в». К письму была приложена резолюция: «Состоявшееся 9 ноября с. г. общее собрание сотрудников «Новой Жизни» и «Нового Журнала для всех», подробно ознакомившись со всеми обстоятельствами инцидента Куприн—Бенштейн, постановило: «Не входя в рассмотрение формально-юридической стороны договора, заключенного между Куприным и Бенштейном, мы не находим в инциденте Куприн — Бенштейн ничего, что оправдывало бы появившиеся в газетах толки, подрывающие доверие к издательству «Нового Журнала для всех» и заставляло бы нас изменить отношение к журналам «Новая Жизнь» и «Новый Журнал для всех».

Резолюцию эту подписали следующие лица: Семен Юшкевич, В. Муйжель, Вл. Ленский, В. Яблочков, Ив. Лазаревский, Дм. Цензор, Вл. Кохановский, Л. Андрусон, Ал. Цитрон, А. Рославлев, И. Абрамович, П. Берлин, Н. Карпов, Н. Фадеев, Д. Клейборт, Н. Борепкий-Бергфельд, М. Арцыбашев, А. Косоротов, Евг. Чириков, А. Свицкий, Кармен, А. Боане, Д. Василевский, гр. Ал. Толстой, Скиталец, Н. Олигер, А. Чапыгин, А. Линецкий, Бор. Лазаревский.

Ввиду Вашего отсутствия на собрании, просим Вас присоединить свою подпись на резолюции, если, конечно, Вы ей сочувствуете. Просим вернуть нам прилагаемый лист с обратной почтой.

Редакция «Новой Жизни» и «Нового Журнала для всех» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 47, л. 11—12).

⁴ Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927) — писатель-прозаик.

⁵ 2 ноября, на вечеринке у артистов, Куприн избил Л. Андреева (см. ЛН, т. 72, с. 449). Заявление Арцыбашева по поводу этих инцидентов было помещено в № 151 «Московской газеты» (5 ноября 1911 г.): «В Петербург я еду не по своим делам, а будучи вызван туда из Ростова-на-Дону, где я жил, экстренной телеграммой. Телеграмма — коллективная, подписанная целым рядом писательских имен: Н. Бенштейном, М. Абрамовичем, С. Скитальцем, В. Муйжелем, Л. Андрусовым и др. Всего, кажется, 15 лиц, которые обращаются ко мне с просьбой немедленно прибыть в Петербург для участия в «активном выступлении против А. Куприна».

В чем заключается самое дело, по которому вызывается Арцыбашев, он пока точно не знает. По предположению Арцыбашева, приглашается он в качестве третейского судьи для улаживания конфликта между А. Куприным и редактором-издателем «Нового журнала для всех» Н. Бенштейном.

О новом инциденте Куприн—Андреев, разыграншемся 2 ноября в квартире Ходотова М. П., стало известно только в Москве. Арцыбашев предполагает, что «в Петербурге ему придется разбираться и принять участие и в этой скандальной истории».

⁶ В середине ноября 1911 г. вышел четвертый сборник стихов Александра Блока под названием «Ночные часы» (М., «Мусагет»). Первое стихотворение в сборнике — «О доблестях, о подвигах, о славе». Там же были напечатаны стихи «Три послания» с посвящением Валентине Андреевне Щеголевой (Богуславской) — драматической актрисе. Блок познакомился с ней в конце 1906 г., в театре В. Ф. Коммиссаржевской, где тогда играла В. А. Щеголева. Отрывки из дневника В. А. Щеголевой см. в наст. томе, кн. 3.

29. БЛОК — РЕМИЗОВУ

14 ноября <1911 г. Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович.

Вот всегда так бывает почему-то: вчера был второй раз с осени, что мы вдруг ушли из дому от обеда. Днем, когда Серафима Павловна звонила по

телефону, Любовь Дмитриевна пошла говорить, — а телефон неизвестен. Сегодня она была у Вас и не застала. Более подробные объяснения — при следующем свидании . . .

Бенштейну я решил ничего не отвечать потому что 1) ничего об этом деле не знаю, а узнать уже невозможно и нельзя решить по справедливости, кто виноват — пьяный литератор или ловко поймавший момент издатель; 2) потому что среди подписавших попадаетея много сволочи — всякие Абрамовичи ¹.

Сейчас Городецкий ² говорил со мной по телефону о том же; и он уклонился от подписи, я его убедил оставаться непоколебимым.

Мы все ведь одинаково мало пишем у Бенштейна ³ и все, я думаю, не имеем причин «изменять или не изменять отношения» к его журналам.

Л. Андреев в пятницу, слава богу, ко мне не приходил, его задержало что-то, а раз задержало, — так так значит и надо.

А читали Вы «Алеша Горшок» Толстого ⁴?

Насчет «Трех посланий» Вы не правы. Вы не смотрите на посвящение, а смотрите на стихи. Или Вы не можете отвлечься, или, если осуждаете, так не знаете этих стран ⁵. Поговорим еще об этом.

Что нарисовано на бумаге, не могу разобрать — только листья? Очень хорошая бумага.

Я хотел с Вами говорить об очень важном, что важнее всяких посвящений; со мной и вчера случилось что-то дикое, и всю неделю эту, по-моему, около меня (а, может быть, около всех нас) вьется нечисть ⁶.

Спасибо за «Крестовых сестер», «Чертыханца» и «Глаголицу» ⁷. Этот том я буду читать теперь, не читал почти ничего прежде. До свиданья. А день назначите? Кланяемся оба обоим Вам.

Любящий Вас Ал. Блок

¹ Имеется в виду И. Абрамович (Н. Кадмин) — сотрудник «Нового журнала для всех», литературный критик.

² См. п. 16, прим. 1.

³ За 1910—1911 гг. у Блока напечатано в этом журнале одно стихотворение — «О доблестях, о подвигах, о славе. . .» (1910, № 15, январь); у Ремизова — сказка «Лихая» (1910, № 16, февраль); у Городецкого — стихотворение «Вдвоем» (1910, № 24, октябрь) и рассказ «Мотя» (1911, № 28, февраль).

⁴ Рассказ Л. Толстого «Алеша Горшок» был опубликован в «Посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого» (т. 1, М., 1911). Первое знакомство с рассказом произвело на Блока сильное впечатление. Ср. запись в дневнике от 13 ноября 1911 г.: «Гениальнейшее, что читал, — Толстой — «Алеша-Горшок» (VII, 87).

⁵ «Страна» — на языке Блока: определенное душевное состояние или особая область понятий и представлений» (VII, 484).

⁶ См. вступительную статью.

⁷ Произведения «Крестовые сестры» и «Чертыханец» вошли в т. V «Сочинений» Ремизова («Шиповник», 1911). Рассказ «Глаголица» был напечатан в газете «Речь», № 354 от 25 декабря 1911 г. Возможно, Блок получил рукопись рассказа до его публикации, но более вероятно — в письме ошибка и Блок имел в виду рассказ «Галстук», также вошедший в т. V «Сочинений».

30. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{3}{16}$ III 1912, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вы меня не забыли? Я Вам две книжки пришлю на той неделе — VI и VII том ¹. Серафиме Павловне лучше теперь стало. Плачет над Вашими стихами.

Поклон Вам. Любви Дмитриевне от нас поклон.

А. Ремизов

¹ В конце февраля — начале марта 1912 г. в изд-ве «Шиповник» вышли два тома сочинений Алексея Ремизова: т. VI, — «Сказки» и т. VII — «Отреченные повести».

А. М. РЕМИЗОВ

Шарж Мака (цв. карандаш), 1912 г.
Литературный музей, Москва

31. БЛОК — РЕМИЗОВУ

3 марта 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Вспоминаю Вас и соскучился о Вас. Любовь Дмитриевна собиралась к Вам на этой неделе, что-то задержало; а я это время почти никого не видал. Не посылайте мне книг, на которые я смотрю часто в витринах, — лучше — до свиданья. У меня давно лежат Ваши «Литературные Шаги»¹ и кроме того II-я книга стихов, которую я не хочу дарить без III-ей, а III-я задержалась, теперь скоро выйдет, я все корректуры исправил. Кланяемся обоим Вам, до свидания.

Ваш Ал. Блок

«Любовь» Дмитриевна верно скоро к Вам зайдет.

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61.

¹ 12 марта 1912 г. Ремизов подарил эту книгу Блоку (см. приложение).

32. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«19 марта/1 апреля» 1912 г. Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вас не увидеть, а мне надо повидать Вас и поговорить с Вами о деле одном¹. Вам, может, будет приятно дело.

Вот я Вам что предлагаю: приходите к нам с кумою² в Вел«икий» четверг³ часов в 5; я Вам все расскажу, а потом в Смольный монастырь вместе пойдем к двенадцати евангелиям⁴.

Если же Вам так неудобно, то приходите прямо в Смольный, а после всеобщей к нам с кумою.

Денег с собой не берите и часов не берите, вытащут.

Серафима Павловна кланяется Вам и Любовь Дмитриевне.

Со свечками пойдем с горящими⁵. До Хренова⁶ дома донести можно.

А. Ремизов

¹ Через посредство Ремизова М. И. Терещенко (1886—1956), крупный банкир и промышленник, знаток и любитель искусства, в 1912 г. исполнявший обязанности чиновника особых поручений при директоре императорских театров В. А. Теляковском, хотел заказать Блоку сценарий к балету из провансальской жизни. Знакомство Терещенко с Блоком состоялось перед пасхой, заказ был принят. В процессе работы балет перерос в либретто оперы, затем — в драму «Роза и Крест».

² Кума — Л. Д. Блок.

³ Великий четверг в 1912 г. приходился на 22 марта.

⁴ На всеобщей в Великий четверг читаются 12 глав из евангелий.

⁵ По православному обычаю, после всеобщей в Великий четверг расходятся по домам с горящими свечками — уносят «святой огонек».

⁶ А. С. Хренов — домовладелец, архитектор.

33. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

Вечером 19 III 1912, <Петербург>
1 <IV>

Нет, дорогой Александр Александрович!

Вы лучше уж непременно придите в четверг часов в 10 вечера. Я умаю, что евангелия читать к этому времени кончат¹.

Очень Вы меня илиодоровым братом² заманили, очень мне послушать хочется, что Вы узнали. Я за этими делами все следил.

Куме поклон.

А. Ремизов

¹ Письму, видимо, предшествовал отказ Блока слушать службу в Великий четверг, высказанный Блоком, возможно, в недошедшем до нас письме или устно.

² Илиодор — сектантский иеромонах-проповедник, соорудил в Царицыне монастырь (Илиодоровский). Реакционный деятель, очень влиятельный, входил в аристократические салоны (вместе с Гермогеном и Распутиным). В 1911 г. между Гермогеном и Илиодором, с одной стороны, и Распутиным с другой произошел разрыв, закончившийся опалой Гермогена и Илиодора.

Об «илиодоровом брате» Блок узнал от своей сестры Ангелины Блок. См. запись в дневнике от 18 марта 1912 г.: «Третьего дня подняла у меня Ангелина. <...> У Ангелины так теперь: «преосвященный Гермоген» — подлинная церковь, тот круг (из образующих новую церковь), к которому «примкнула» она. Гермоген — вполне свят. Илиодор («отец») меньше, но и он. Распутин — враг. <...> Эта крошечная фигурка обладает упрямством, может быть действительным. По крайней мере недаром в этой квартире спит на полу г-жа Сергеева и произносит погромные речи казаковатый брат Илиодора» (VII, 132—133).

34. БЛОК — РЕМИЗОВУ

31 III 1912 <Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович.

Если увидите Терещенку, скажите ему, пожалуйста, что я уже литературу о трубадурах узнал¹. Вероятно, будет трудно разъяснить некоторые тексты, если мне понадобятся романы и легенды. Один балет² уж я сочинил, только он не годится, Вы Т<ерещенк>е об этом не говорите. Напишите мне, на всякий случай, его адрес; а также — адрес Евг. Загорского³, если Гржебин⁴ знает. — У нас кухарка заболела и теперь другая — временная.

Ваш А. Б.

¹ См.: В. Ж и р м у н с к и й. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники. Л., 1964, с. 25—26, 101—102.

² См. п. 25, прим. 1.

³ Евг. Загорский — псевдоним Евгения Михайловича Завиловского — литературоведа, поэта, близкого к символистам, переводчика с польского.

⁴ Зиновий Исаевич Гржебин (1869—1929) — карикатурист, совладелец (вместе с С. Ю. Копельмапом) книгоиздательства «Шиповник» (1906—1918), в котором в 1910—1912 гг. издавались сочинения Ремизова в 8-ми томах. В 1919—1923 гг. организовал кн. издательство в Петрограде с филиалами в Москве и Берлине. В это время сосед А. Ремизова (Таврическая 3-в) «Гржебин по одной лестнице, дверь через площадку» («Иверень», с. 202, ИРЛИ, Арх. Ремизова).

35. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

31 III
13 <IV> 1912, <Петербург>

Дорогой Александр Александрович!

По всему вижу, что дело у Вас пойдет хорошо, раз кухарка уж заболела. (Представляю себе, как Вы балет разыгрывали, какой гром, какой шум был, ну и человек захворал)¹.

Ну это я так всё, уж больно хорошо у Вас приписка о кухарке сделана. Мих <аилу> Ив <ановичу> скажу завтра же. Как я рад, что взялись Вы за балет.

А Загорского адрес Гржебин не знает. Адрес Терещенко: Английская набережная <ная> 34, тел. 53-54. (Звонить ему либо утром в 11 часов <асов> либо после 4-х).

Серафима Павловна кланяется вам обоим и я куме кланяюсь.

А. Ремизов

¹ Ответ на п. 34.

36. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

4/17 IV 1912, <Петербург>

В день затмения солнца на небе.

Дорогой Александр Александрович!

Собственными глазами видел я затмение. Пошел я на Невский и против каланчи столб. Много народу стояло нас. И все мы одно думали: «Кто это может знать волю божию?» А солнце стало меркнуть и затмилось, и возопиша вси единым гласом глаголюще:

— Велика ты, наука философия!

Потом, глядя в закопченные стекла, разошлись все по домам, сажею, как на масленицу, испачканные.

Александр Александрович, известите меня, можно ли за Вами захватить с Мих <аилом> Иван <овичем> в его автомобиле в пятницу 6-ого около 1/2 5-ого и взять Вас, проехать на острова и опять в дом Ваш Вас доставить. Дорогой поговорим о всяких делах балетных.

Куме поклон.

А. Ремизов

37. БЛОК — РЕМИЗОВУ

5 апреля <1912, Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович, непременно приезжайте с Мих <аилом> Ив <ановичем>, очень приятно поехать на острова, а кстати, мне надо спросить несколько вещей у Мих <аила> Ив <ановича>.

Серафиме Павловне поклон.

Ваш А. Блок.

Вы поднимитесь к нам, лифт ходит.

38. БЛОК — РЕМИЗОВУ

18 апреля 1912 г. <Петербург>

Вот мы и не поехали кататься, Алексей Михайлович: М <ихаил> И <ванович> болен¹. Я тоже простудился сегодня, так что мне и лучше не кататься. Желая Серафиме Павловне выдержать последний экзамен². Кланяемся мы оба вам обоим. Верно, увидимся теперь после пятницы только. Любящий Вас Ал. Блок.

Г. И. Чулков жив, сегодня письмо от него³.¹ Терещенко.² В 1912 г. С. П. Ремизова-Довгелло заканчивала Петербургский археологический институт.

³ Письмо Г. И. Чулкова от 15 апреля 1912 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 40. Из предыдущего письма узнаем, что Чулков собирался уезжать из Петербурга.

39. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

27 IV
10 <V> 1912, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

В понедельник (30 IV) к Вам заедом с Михаилом Ивановичем. У него все дела его решались, заезжал к нам, но уже так, о другом трудно было говорить. Теперь, кажется, он совсем свободен, и будет все легко и просто. Серафима Павловна идет на экзамен. Кланяюсь куме.

Всего Вам хорошего. А. Ремизов

40. БЛОК — РЕМИЗОВУ

28 апреля <1912, Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович, буду ждать вас с Мих <аилом> Ив <ановичем> в понедельник. Я думал уж, что случилось что-нибудь. Все придумываю балет, это трудно, пока нет почвы под ногами, пора бы уже поговорить с Глазуновым ¹.

Поклон от нас Серафиме Павловне. Кума Ваша будет играть летом в Териоках ².

Ваш Ал. Блок

¹ Александр Константинович Глазунов (1865—1936) — композитор.

² В Териоках (ныне — г. Зеленогорск Ленинградской области) летом 1912 г. в театре-казино устраивались спектакли «Товарищества актеров, писателей, художников и музыкантов» под художественным руководством В. Э. Мейерхольда.

41. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{3}{16}$ VI 1912, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Ехать в Териоки ¹ я хотел. Хотел двух зайцев убить: и посмотреть театр и Руманова ².

С утра дождик, но это еще ничего, Федор Иванович Щекóлдин ³ проспал, он же не <до>звонился к Александру Михайловичу Коноплянцеву ⁴. И пять прошло часов и шесть прошло, в 8-ом часу пришел Федор Иванович (очень Вы ему понравились, а сам он старообрядческий начетчик).

Куда же ехать: поздно уж.

Александр Александрович, поговорите с Румановым ⁵. Я ему писал, но ответа не получил. Я ему дал 6 книжек. И, как он сказал мне, по 100 р <уб>. за книжку получу я. Но я еще ничего не получил. Поговорите с ним, нельзя ли мне получить эти деньги теперь. Сам он понимает, время летнее, «один рабочий народ» остается в Петербурге, и мне тоже надо уехать, пора уехать ⁶.

А может быть, все 6 книжек моих забракованы? Он мне ничего не отвечает ⁷.

Получить бы эти деньги сундуком — все 600, дожидаться Михайла Ивановича и уехать.

Всего Вам хорошего, Александр Александрович.

Сейчас <с> Федором Ивановичем едем мост смотреть ⁸.

А. Ремизов

От Серафимы Павловны поклон Вам.

¹ 3 июня намечалось открытие спектаклей в Териоках, но затем оно было перенесено на 9 июня.

² Аркадий Вениаминович Руманов (1878—1960) — журналист, представитель редакции московской газеты «Русское слово» в Петербурге (издатель — И. Д. Сытин).

³ Федор Иванович *Шеколдин* — революционер, автор повести «Электрическое солнце» (альманах «Пряник», 1915).

⁴ Александр Михайлович *Коноплянцев* — приятель Ремизова. Видимо, к этому письму относится сделанная Ремизовым на отдельном листке запись (без даты): 1) Федор Иванович Шеколдин (головщик) *, 9 Рождественская 23 кв. 2; 2) Александр Михайлович Коноплянцев, Ивановская 15 (параκληсиарх) **. (* Головщик — «управляющий одним клиросом в монастырских церквях; он подчинен регенту, уставщику» (Даль). ** — «Параκληсиарх же жжигает свечи в кандила церковные перед святыми иконами; приготовит и углие горящие в двух сосудах помногу» («Иверень», ИРЛИ, Арх. Ремизова, с. 162).

⁵ А. В. Руманов в 1912 г. часто встречался с Блоком с целью привлечь его к активному участию в газете «Русское слово» в качестве поэта, публициста и критика.

⁶ Ср. с записью Блока в дневнике от 4 июня 1912 г.: «Устраивая (стараясь. . .) дела А. М. Ремизова, которому нужны эти несчастные 600 рублей на *леченье и отдых*, притом *заработанные*, начинаю злиться».

Руманов — я уже записываю это — систематически надувает: и Женю, и Пяста, теперь — Ремизова. Когда доходит до денег, он, кажется, нестерпим. Или он ничего не может, а только хвастается? Купчина Сытин, отваливающий 50000 в год бездарному мерзавцу Дорошевичу, *систематически* задерживает сотни, а то и десятки рублей подлинным людям, которые работают и которым нужно *жить* — просто. Такова картина. Или Руманов врет все и действительно только на службе у купца, а повлиять на дурака и жилу не может? Пишу Руманову, *упрашиваю* его» (VII, 148).

⁷ В издательстве И. Д. Сытина книги Ремизова не вышли.

⁸ По всей вероятности, Ремизов ездил смотреть или мост через реку Охту, строительство которого закачивалось летом 1912 г., или построенную в том же году железобетонную эстакаду, принадлежавшую «к самым крупным железобетонным сооружениям, возведенным в дореволюционной России». (А. Л. П у н и н. Повесть о ленинградских мостах. Л., 1971, с. 121).

42. БЛОК — РЕМИЗОВУ

4 июня 1912

Дорогой Алексей Михайлович. Сегодня я к Руманову звонил пять раз и не дозвонился. Пишу ему письмо, стараюсь убедить.

Хорошо, что Вы вчера не поехали: все отложено до *субботы 9-ого*. Поедемте, я уже с Садовским¹ сговорился. На 6-ти часовом поезде.

А я ведь поехал, на вокзале удивлялся, что никого нет, и так и ехал до Териок в надежде смотреть пантомимы. Впрочем, время провели хорошо: у них парк и дача, похожая на старый помещичий дом (запах тот же), и море тут же. Было очень торжественно на море — шторм. Пустили меня на репетицию. Вернулся сюда с Любовью Дмитриевной, впрочем, сегодня она уже опять уехала.

Ну, так до субботы, и поедемте компанией, как предполагали. Мне тоже нравится Федор Иванович², он мне напомнил немного моего отца и еще кого-то знакомого.

Серафиме Павловне кланяюсь.

Ваш Ал. Блок

¹ Борис Александрович *Садовской* — поэт, литературный критик. См. о нем в наст. книге.

² Шеколдин.

43. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

7/20 VI 1912

Дорогой Александр Александрович!

Был вчера у нас Садовский с Коноплянцевым¹. Подговорился с ними ехать в Териоки 9-ого². К 6-ти на вокзале буду.

Залучите в Териоки Руманова: ему проехаться не мешает.

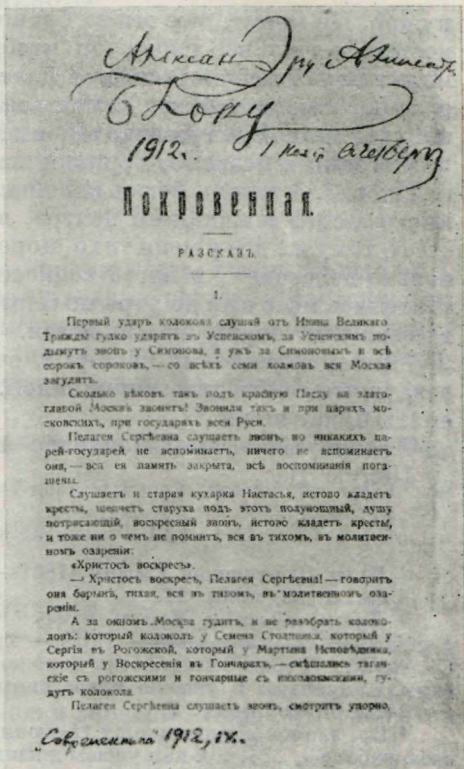
Получил от Мих(аила) Ив(ановича)³ плакаты русского балета. — 2 плаката под потолок. В Берлине он сейчас: по маркам вижу. Должно быть, это означает, что едет. Впереди — афиши, а там, глядишь, и сам, в роде как представление.

От Серафимы Павловны поклон Вам.

А. Ремизов

¹ См. п. 4, прим. 4

² О поездке в Териоки Блок писал матери (10 июля 1912 г.): «Ехали вместе с Пястом, Садуновым, Садовским и еще одним, которого ты не знаешь, знакомый Ремизова

«ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШАГИ. АВТОБИОГРАФИИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. СОБРАЛ Ф. Ф. ФИДЛЕРЬ»
Титульный лист с рисунком и надписями А. М. Ремизова Блоку
Центральный архив литературы и искусства, Москва

А. РЕМИЗОВ. «ПОКРОВЕННАЯ». РАССКАЗ. ОТТИСК ИЗ ЖУРН. «СОВРЕМЕННОК», 1912, № 9
С дарственной надписью Блоку
Центральный архив литературы и искусства
Москва

«А. М. Коноплинцев. — А. Ю.». Ремизова, к несчастью, не было — Серафима Павловна опять больна» (VIII, 392).
3 Терещенко.

44. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«8/21 июня 1912 г., Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Не придется мне ехать в Териоки: Серафима Павловна захворала.
Ну, может быть, спектакль опять отменят, тогда уж в следующий раз¹.
Не хочу ее одну оставлять в доме.

А. Ремизов

$\frac{8}{21}$ VI 1912

¹ См. п. 41, прим. 1.

45. БЛОК — РЕМИЗОВУ

9 июня 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Как это все тяжело. Я уж Вам не писал о переговорах с Румановым, надеюсь (он обещал), что сам сегодня поговорит с Вами. Разговоры были и по телефону, и он приходил, я его убеждал, он обещал непременно устроить так, или иначе. У него, разумеется, нет настоящей власти над Сытиным¹, да кроме того — он сбит с толку и совершенно сам не знает, что нужно, что не

нужно. По-моему, все эти их браковки и небраковки — дело нелепых случайностей, так что все дело в том, чтобы *Вы* не принимали этого к сердцу, как это может случиться — в связи с болезнью Серафимы Павловны, да, вообще, — я знаю, как это может случиться. Не принимайте, все-таки, устроим как-нибудь; не с Румановым, так иначе.

Сегодня я назвал в Териоки всякого народу, надеясь (для себя) на Вас и на Пяста². А теперь боюсь вдвойне, и одному-то ехать страшно, да еще кругом много людей и никакого центра, вокруг которого они бы располагались. . .

К тому же все у меня тихо, хорошо до третьего дня, я уже дописал (вчера) первое действие³, и вдруг «закатился», ночью встретился с Сапуновым⁴, и таскались мы с ним до утра по мерзейшим кабакам, до сих пор не могу прийти в себя, и опять не пишется.

Читаю «Крестовых сестер»⁵, очень болезненно их воспринимаю. Вообще воздух что-то эти дни затуманился, есть много признаков. Пройдет полоса, и опять будет иначе⁶.

Желаю Серафиме Павловне поправиться, кланяюсь ей низко.
Целую Вас.

Ваш Ал. Блок

¹ Иван Дмитриевич *Сытин* (1851—1934) — издатель.

² См. п. 22, прим. 11.

³ Драммы «Роза и Крест».

⁴ Н. Н. *Сапунов* (1880—1912) — художник, талантливый живописец и декоратор. Ср. также: «Утром 6-го работал хорошо < . . . > Потом — закатился, встреча с Л. Андреевым, Сапуновым и ужасно проведенные сутки» (VII, 149).

⁵ См. п. 29, прим. 7.

⁶ Ср. запись в дневнике от 11 июня 1912 г.: «Я все еще не могу вновь приняться за свою работу < . . . >, так как ужасы жизни преследуют меня пятый день — с той злополучной среды (6 июня). Оправлюсь — одна надежда. Пока же — боюсь проклятой жизни, отворачиваю от нее глаза» (VII, 149).

46. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

13
26 VI 1912. Таврическая 3^B кв. 23

Дорогой Александр Александрович!

Завтра в 10.30 вечера едем в Черниговскую губернию с Царской Сельской вокзала № 1. (поезд) (скорый). Не думаю, чтобы долго там пробыли. Удастся ли мне писать, две дести бумаги везу. От Михайла Ивановича Терещенко получил письмо: будет 1 июля в Петербурге.

Вас во сне сегодня видел.

Посылаю Вам 2 портрета Стриндберга¹.

Пишите пьесу².

К нам на Таврическую будет заходить Федор Иванович³, если что-нибудь понадобится Вам, напишите мне на Таврическую. Федор Иванович перешлет (Черниговский адрес путаный очень).

Ну, всего Вам хорошего. Любови Дмитриевне поклон передайте.

Серафима Павловна кланяется.

А. Ремизов

Не путайтесь Вы с Сапуновым.

¹ В 1911—1912 гг. Блок переживал сильное увлечение творчеством и личностью Стриндберга. Фотография Стриндберга из собрания Блока помещена в кн.: Александр Блок в портретах, иллюстрациях и документах. Л., 1972, с. 197.

² «Розу и Крест».

³ Щеколдин.

47. БЛОК — РЕМИЗОВУ

15 VI 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович. Без Вас мне будет страшно с Терещенкой. Напишу ему, если у меня наладится. Радуюсь за Вас, что Вам удалось уехать, здесь стало очень плохо. Кланяйтесь Серафиме Павловне, спасибо за Стриндберга. Поправляйтесь и пишите, целую Вас. Теперь, очевидно, уж Вы вместо Монетной увидите Офицерскую (д. 57, кв. 21).

Ваш. Ал. Блок

Сейчас пришел Кожебаткин¹ и принес страшную вестъ: вчера ночью Сапунов утонул в Териоках. В 1/2 первого ночи поехали кататься на лодке он, Кузмин² и какие-то дамы. Стали меняться местами за 3 версты от берега, лодка опрокинулась, они держались за нее час (никого не было в море) и, когда матрос наконец вытащил их, Сапунова уже с ними не было³.

¹ Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942) — владелец издательства «Музагет».

² Михаил Алексеевич Кузмин (1875—1936) — поэт, прозаик, драматург. См. о нем ниже в наст. книге.

³ Н. Н. Сапунов утонул в море возле Териок 14 июня 1912 г.

48. БЛОК — РЕМИЗОВУ

4 июля 1912, Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Сейчас на неделю, или на десять дней уезжаю в деревню. Поедемте 14-ого на Стриндберговский спектакль в Териоки? — Устал я очень.

Ваш Ал. Блок

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61, л. 32.

49. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

7
20 VII 1912
Таврическая

Дорогой Александр Александрович!

Завтра едем в Бобровку¹ ст. Оленино Московско-Виндаво-Рыбинск <ой> ж. д. с. Бобровка Анне Алексеевне Рачинской для А. Ремизова.

Я совсем расхворался: так плохо было. Помните, у Верховского² мы были³, это последний мой вечер был такой мой*. На утро уже я помалкивал.

Много путешествовал по лечебницам, навидался много, а ничего не писал, ни строчки. Приду и лягу. Так и жили.

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов

От Серафимы Павловны поклон. Поклонитесь Любове Дмитриевне.

¹ С. Бобровка — в Тверской губернии (ныне — Калининская область). Ремизов жил в имени Анны Алексеевны Рачинской.

² См. п. 22, прим. 11.

³ 28 июня (См. дневник Блока: «Вечером — у Верховского, живущего у Каратыгина. Вечером туда пришел, сегодня неожиданно приехавший А. М. Ремизов. Вслед за ним — Гершензон. Сидели тихо — все больные», — VII, 154). О своем неожиданном приезде Ремизов известил Блока запиской, хранящейся в ЦГАЛИ вместе с публикуемым письмом: «28 VII 1912. St. Pétersbourg. Je suis Alexej Rémisoff».

* Так в рукописи.

50. БЛОК — РЕМИЗОВУ

17 VII 1912, Петербург

Дорогой Алексей Михайлович.

Едва вернулся я из деревни ¹, приехал на два дня Терещенко. Приезжал ко мне ², печальный, расстроенный и милый, читал я ему оперу, ему понравилось, он подал много полезных советов. Пока сидел Терещенко, пришел Евгений Павлович ³; Терещенко отъезжает нас обоих на вокзал; сам в тот же день уехал к себе в Курскую губернию отдохнуть; будет здесь опять дней на пять около 1 августа. А мы с Евгением Павловичем поехали в Териоки; Стриндберговский вечер вышел очень удачный и торжественный ⁴. Присутствовала старшая дочь Стриндберга — Карин, похожая на отца; ночевала со своим мужем (Гельсингфорским профессором Смирновым) на актерской даче.

На днях переезжаю на Офицерскую ⁵.

Как Вы? Дай бог, чтобы Бобровка Вас успокоила. Кланяюсь Серафиме Павловне.

Я в деревне в одну неделю очень отдохнул.

Любящий Вас Ал. Блок

¹ Блок вернулся из Шахматова 13 июля.

² 17 июля.

³ Иванов.

⁴ См. статью З. Г. Мянц о переписке Блока с Вл. Пястом.

⁵ 24 июля 1912 г. Блок и Любовь Дмитриевна переехали с Малой Монетной улицы (д. 9, кв. 27) на Офицерскую (д. 57, кв. 21).

51. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

Магдалинин день. 22 VII 1912, Бобровка.

С новоселием! ¹

Дорогой Александр Александрович!

Скоро опять в Петербург. К 1-ому уж непременно. Сиднем сидел тут все дни: пишу следователя Боброва ². Очень устал я. Кончил всю повесть, перечитал — две последние главы «Вождь жизни» ³ и «Один бреука» ⁴ никуда не годятся: одни угольки горящие. И вот теперь никак не могу приняться переделывать. А надо, непременно надо. Нездоровьем не жалею, а силами какими-то ослаб. Завтра поеду во Ржев, вечером вернусь. Так, может, и лучше. Вот Вам донесение о себе.

От Михаила Ивановича письмо получил за день до Вашего. Письмо грустное. Пишет, что с Вами ему только и было хорошо, а то плохо. О балете пишет: наладился он у Вас и уж напишется теперь. (Это я своими словами передаю его слова). Как мне было бы интересно послушать написанное вами. А все мечтаю Боброва кончить и написать с Вами Китовраса ⁵.

Много хочется написать: и хождение по мукам ⁶ и Китовраса с прологом: «Ванька Каин на москворецком мосту» ⁷ (Действо все на мосту в Москве происходит). Вы знаете этот мост?

Как моя кума играет, довольна ли? Поклонитесь ей.

Ну, до свидания, Александр Александрович.

Пишу в потемках, лампы не хочется зажигать, сейчас вниз идти чай пить. Мы живем, где Андрей Белый жил ⁸. Там людская была прежде, а теперь сочинительская стала. Как это все странно.

Александр Александрович, повидайте Фёдора Ивановича Шеколдина, Кирочная 43^в кв. 2 (В. А. Краузе) т. 147—70, по телефону с ним поговорите, с 6-и он дома. Вы ему очень понравились, а он — Фёдор Иванович.

Какие тут есть портреты: Один портрет — при Алексее Михайловиче очень старый. Блока, предка Вашего, видел. Как бы на Вас посмотрел! Первое время тут было очень жутко, ой, как жутко, а потом обошлось.

Совсем темно, строчки едва вижу.

От Серафимы Павловны поклон Вам.

¹ См. н. 50, прим. 5.

² Бобров — персонаж повести «Пятая язва». Повесть была напечатана впервые в 18-м альманахе изд-ва «Шиповник».

³ «Вождь жизни» — название 5-й главы.

⁴ «Один бреука» — первоначальное название последней, 6-й главы (по эпизоду с китайцем, протестующим против обвинения его в краже пары брюк, утверждающим, что украл он только одни брюки — один бреука).

⁵ Замысел на осуществился.

⁶ См.: А. Ремизов. Хожделение Богородицы по мукам. Апокриф. — «Дни», Берлин, 1922, № 7, 5 ноября, с. 13.

⁷ Позднее Ремизов, возвращаясь к этому замыслу, писал: «О театральных действиях о Соломоне и Китоврасе я нашел в примечании Бессонова, Собр. песен П. В. Киреевского, М. 1872, вып. IV. Ванька Каин (Иван Осипов) в 40-х годах XVIII в. в Москве на Каменном мосту давал масленичное представление — народное игрище о Соломоне и Китоврасе, собственного сочинения: Ванька изображал Китовраса, — вдруг я вспомнил, — я играл царя Соломона» (Алексей Ремизов. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. Париж, «Олпешник», 1957, с. 61).

«Действо» о Китоврасе написано не было, хотя к апокрифическим сказаниям о Китоврасе Ремизов обращался неоднократно. (См. также А. Ремизов. Соломон и Сфинкс (Легенда о Китоврасе). — «Последние новости», Париж, 1931, № 3679, 19 апреля, с. 2—3).

⁸ В Бобровке Белый жил в феврале—марте 1909 г., а в декабре 1911 г. писал роман «Петербург». Позднее он вспоминал: «Очутившись в пустом доме — хозяйка только навевывалась, проживая в имениях родственников, я опять погрузился в мрачнейшие сцены «Петербурга», там написанные. <...> Сиро было мне одному в заброшенном доме в сумерках повисать над темными безднами «Петербурга»; в окнах мигали помахи метелей, с вязгом баламутивших суровый ландшафт; в неосвещенных, пустых коридорах и залах слышались глухие поскрипы; охи и вздохи томились в трубах; через столовую проходила согбенная фигура того же глухонемого с охапкою дров; и вспыхивало красное пламя в огромном очаге камня; я любил, сидя перед камином, без огней, вспоминать то время, когда здесь, в этих комнатах, задумывался «Серебряный голубь»; и ждал с нетерпением Асю; суровое молчание дома тяготило меня.

И вот — она.

Но она испугалась бобровского дома:

— Не переносу этих старых помещичьих гнезд, обвешанных портретами предков. Не люблю этих шорохов, скрипов» (ЛН, т. 27/28, М., 1937, с. 454).

52. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

26 на 27.VII 1912. с. Бобровка *

Дорогой Александр Александрович!

Смотрением божьим был сегодня спасен от напрасной гибели. Много передумал в короткий срок и, странно, о сочинении моем ² и не вспомнил. А как раз сегодня принялся за исправление неудовлетворяющих меня страниц. Лошади меня трепали. Править я не умею, сила у меня только в ногах, руки совсем-совсем слабые. А случилось так, один я сидел в бричке, ездока настоящего поджидал, который конфеты зашел в лавочку покупать. Вспомнил Сапунова ³: «вот, — подумал, — не умел он плавать и потонул, а я не умею править и сил нету».

А ехал я с Вадимом Верховским ⁴ в Чертовы сады к помещице одной, у которой были когда-то рукописи старинные.

Две версты мчали меня кони. Все-таки удержал у деревни Линеи. Так уж, стало быть, надо было, а руки совсем замлели.

А на коней не было сердца. Чувствовал, больше нет силы, а подумал: «Какие они красивые, копытом бьют». А потом много о чем подумал.

А в Чертовых садах старинные рукописи помещица сожгла.

31-ого в Петербург. Спать я все-таки не могу. Очень уж взлетело *, должно быть, за неположенное.

Серафима Павловна кланяется Вам.

Измучилась она очень.

А. Ремизов

Любови Дмитриевне поклон.

* Так в рукописи.

Был во Ржеве, купил Серафиме Павловне (29-ого именинница) Патерик Киевский петровское издание, редчайший экземпляр, а заплатил 3 р <у>. Торговали лимонарь⁵ рукописный, да дорого запросили, так только в руках повертел.

А Патерик Вам Серафима Павловна покажет: какие там бесы страшные!

¹ В Бобровке Ремизов жил с 9 по 31 июля 1912 г.

² Речь идет о повести «Пятая язва».

³ См. п. 47, прим. 3.

⁴ Вадим Никандрович *Верховский* — брат Ю. Н. Верховского, химик, впоследствии — академик.

⁵ «Лимонарь (Луг Духовный)» — агиографическое сочинение греческого монаха Иоанна Мосха (ум. в 622 г.). В монастырях Палестины, Сирии, Египта, Кипра, Константинополя и Рима Мосх собрал массу повествований о жизни христианских подвижников, их изречения и правочтения и все это изложил в лимонаре, послужившем позднее основой для других агиографических сочинений (например, патериков).

53. БЛОК — РЕМИЗОВУ

5 августа 1912.

Дорогой Алексей Михайлович.

Оба Ваши письма из Бобровки я получил, но не попаду теперь ни к Вам, ни к Федору Ивановичу¹, потому что на днях уеду опять в деревню. Туда же скоро придет Любовь Дмитриевна. Она доигрывает в Териоках. Я совсем ошустел, устал и забросил все дела из-за столярных и малярных работ в квартире; так и не дописал ничего². До свиданья, до начала «сезона»!

Насчет моего предка в Бобровке я что-то вам не поверил. Говорят, есть портрет в Петербурге, в Дворянском собрании.

Хорошо, что вы не застали, по крайней мере, петербургской жары. Я спасался только купаньем в Шуваловском озере.

Серафиме Павловне кланяйтесь от меня; крепко Вас целую.

Ваш Ал. Блок

¹ Щеколдину.

² Поэму «Возмездие».

54. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

20-го VIII 1912 г. Кострома¹.

Дорогой Александр Александрович!

Насмотрелся я старины, надышался русскою речью. Повесть мою² еще раз переписал, теперь получше стала. Очень тяжело исправлять, когда голова зашла за голову, все написанное не удовлетворяет.

Ходил ко всеобщей в собор: Федоровская икона там есть божьей матери³. («Евангелист Лука писал»⁴) По вечерам Пролог читали (рукописный) времени прѣя Василия Ивановича⁵. Пролог так и не дочитал (612 стр.), сегодня в путь. В Петербурге дня три пробуду и в Везо⁶.

Всего Вам хорошего. Кончили ли балет?

Кланяюсь Любви Дмитриевне.

А. Ремизов

¹ Ремизов жил в Костроме с 10 до 20 августа. Письмо написано в день отъезда.

² «Пятая язва».

³ В Костроме, в Успенском соборе (основан в 1239 г.) находится «чудотворная» Федоровская икона богородицы, названная по имени великомученика Феодора Стратилата, который, по преданию, принес эту икону в Кострому из г. Городца (см. П. Островский. Описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855, с. 2—3).

⁴ В кавычки взяты слова, связанные с представлением о евангелисте Луке как покровителе живописцев и художнике, написавшем портрет богородицы.

⁵ Начало XVI в.

⁶ Везо — совр. Вызу — курортный поселок в северной Эстонии. Везенбергский уезд (ныне Ракверский р-н) расположен на берегу залива Кязму. Ремизов ездил в Везо по при-

глашению Р. В. Иванова-Разумника, жившего там летом 1912 г. (дача Нелуса, Морская улица, 6-ой переулок). См. письма Иванова-Разумника к Ремизову (ГПБ, ф. 124, Собр. П. Л. Вакселя, № 1804).

55. БЛОК — РЕМИЗОВУ

12 сентябр(я) 1912 г., «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Прислуга наша уехала, у нее мать больна. Из этого следует только, что 17-ого нельзя у нас обедать. Если Вы придете вечером, будет очень хорошо. Может быть, Серафима Павловна придет тоже? Попросите, пожалуйста, Серафиму Павловну от нас обоих, если она себя чувствует неплохо.

Будем ждать вас. Ваш Ал. Б л о к.

Р. С. Пишу я глупо, потому что нездоровится, а главное — на душе гадко. Вы это заметили.

56. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

21
4 IX 1912

Дорогой Александр Александрович!

Напишите мне, какие глаза у вашей белой таксы, которая, когда стоит, плачет (пес грустный == плачет)

Когда лежит, смеется¹.

Мне надо кратко сказать о глазах, с каким камнем сравнить².

А. Р е м и з о в

Открытое письмо.

¹ Видимо, Ремизов работал в это время над рассказом «Жук» («Весеннее порошье», СПб., 1915). Ср.: «А глаза такие грустные . . . и что он думал?» (с. 63). Рассказ датирован 1913 г.

² См. запись в дневнике 1912 г. (28 мая): «Печальное, печальное возвращение домой. Маленький белый такс с красными глазками на столе грустит отчаянно» (VII, 146). Такс с красными глазами — пепельница Блока (Ср.: VII, 486).

57. БЛОК — РЕМИЗОВУ

22 IX 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Глаза у таксы — красные — среднее между рубином и гранатом. Это — обстоятельство, для меня неприятное, — потому и нельзя выразиться короче; если бы глаза были по характеру, можно бы их назвать одним словом.

Ваш. Ал. Б л о к .

58. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

27 IX
10 <X> 1912 «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вам напишет, просить будет о свидании Одинокий (Александр Иванович Тиняков)¹ примите его, назначьте ему день и час, в Академию² его запишите, в цех поэтов³ укажите дорогу (к Городецкому⁴).

Я не мог с ним встретиться, Серафима Павловна больна (теперь лучше), не мог разговор вести.

Как пойдет на поправку, приеду к Вам с Михаилом Ивановичем.

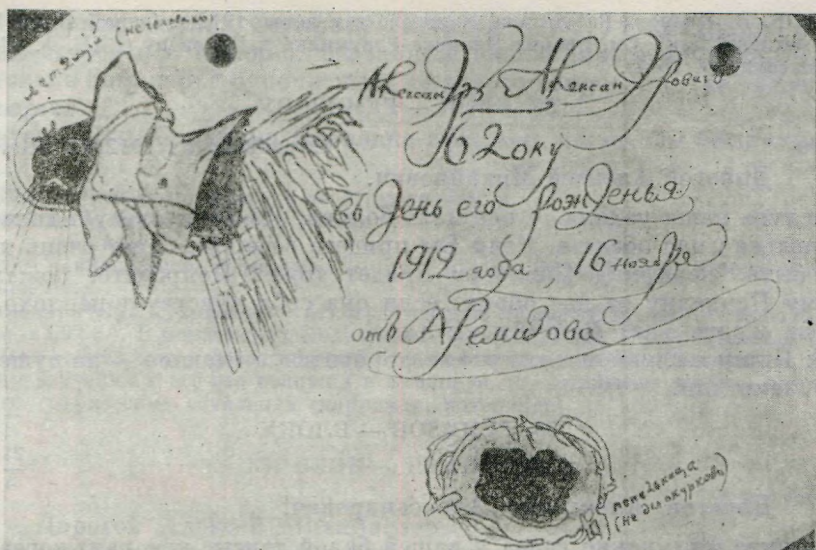
Любови Дмитриевне кланяюсь.

За картинку благодарю.

А. Р е м и з о в

¹ «Одинокий» — псевдоним поэта и критика А. И. Тинякова.

² Академия — Общество ревнителей художественного слова, утвержденное при редакции журнала «Аполлон». Блок входил в состав совета этого общества.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ БЛОКУ ОТ А. М. РЕМИЗОВА В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ:

«Александру Александровичу Блоку в день его рождения 1912 года, 16 ноября от А. Ремизова»

Около рисунков — надписи: «Лежащий (не человек)» и «пепельница (не для окурков)»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

³ «Цех поэтов» — объединение поэтов-акмеистов. Существовало в 1911—1914 гг. и в 1921—23 гг.

⁴ С. М. Городецкий — см. п. 16, прим. 1.

59. БЛОК — РЕМИЗОВУ

30 сентября 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Получил я от А. И. Тинякова письмо и написал ему, чтобы пришел¹. — Казанец² сначала мне очень понравился, а под конец стал нравиться гораздо меньше. Правда, мне все это время скверно — трудно судить о людях. Кланяйтесь Серафиме Павловне.

Ваш Ал. Блок

¹ «Многоуважаемый Александр Иванович. Прошу Вас, зайдите ко мне во вторник 2-ого октября в 3 часа дня. С совершенным уважением Александр Блок». На конверте — печать: I, 10. 1912 (ГПБ, ф. 774, № 3, л. 1—2).

² Николай Андреевич Чернявский. Ср. запись в дневнике от 20 сентября 1912 г.: «У меня — студент со стихами, довольно милый» (VII, 157).

60. БЛОК — РЕМИЗОВУ

9 X 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Как здоровье Серафимы Павловны? Одинокий¹ говорил мне о ее болезни. Если бы можно было, я бы к Вам зашел как-нибудь на минутку. Верно, теперь нельзя.

Скоро у меня будет телефон: 612—00. Только не говорите, пожалуйста, номера посторонним. Только Михаилу Ивановичу², если его увидите. Не знаю, правильное ли у меня чувство: все время совестно, что не кончаю оперы; кроме того, думаю, что и опера-то эта, которой я не кончаю, собственно, мне не заказана, а заказан, ведь, балет! Когда же начинаю думать о четвертом акте, одолевает какая-то торопливость, которая мешает думать. Так всего много надо сделать, а я ничего не кончаю, кроме мелких стихов —

для Сытина³, а больше — для себя. Время идет. Вот Вы еще наслали на меня Балиева⁴, что мне, между прочим, приятно, но еще усугубляет чувство «торопливости», мешающее работать. Кажется, все это могу написать — и оперу, и пьесу⁵, и свою большую поэму⁶, — а не знаю, за что взяться. Скажите мне, виноват я перед Мих <аилом> Ив <ановичем>, или нет, только не говорите, что не виноват для успокоения (т. е., вина может быть в том, что я работаю над не заказанным, да еще так долго).

Вы не отвечайте мне, если Вам теперь совсем не до того, что я могу предполагать. Так говорю Вам, — может быть, легче станет.

Ваш Ал. Блок

¹ А. И. Тиняков.

² М. И. Терещенко.

³ Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — издатель.

⁴ Никита Федорович Балиев (1877—1936) — театральный деятель, эстрадный артист (ковфрансье) и режиссер. С 1908 г. — руководитель и артист театра-кабаре «Летучая мышь».

⁵ Разные стадии работы над драмой «Роза и Крест». Мысль о том, что выходит не опера, а драма («Письма к родным», II, с. 207) возникла у Блока в конце июня, но окончательное решение писать драму определилось в ноябре 1912 г. (см. VII, 180).

⁶ «Возмездие».

61. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

10
23 X 1912, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Нет, Вы ни в чем не виновны, правду говорю¹.

Прежде всего надо кончить «оперу»², потом за другое приниматься. Я видел Балиева и с ним разговаривал, он Вам и написал. (Балиев из актеров, дальше Карамзина, пожалуй, мало чего читал.)

Приходите завтра в четверг, 11-ого, часов в 10-ь вечера³. Вчера хотел Вам ответить, но очень темно в глазах было. Сейчас лучше, но не выйду из дому. Заметьте телефон наш тайный 209-69 и никому не говорите.

Жду. А. Ремизов

¹ Ответ на п. 60.

² «Розу и Крест».

³ Блок был у Ремизова 10 октября (VII, 162). См. письмо М. И. Терещенко Блоку от 10 октября 1912 г.: «Дорогой Александр Александрович, только что звонил по телефону Алексей Михайлович: он Вам написал письмо, в котором просил Вас зайти к нему завтра. Теперь он Вас просит зайти, если возможно, сегодня вечером, часов в 10. Он нездоров, сидит дома и ждет Вас. Мы уже целую вечность с Вами не виделись. Третьего дня я вернулся из Москвы и теперь с нетерпением жду свидания с Вами» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 425, л. 6).

62. БЛОК — РЕМИЗОВУ

10 ноября 1912

Дорогой Алексей Михайлович. Вот Вам квитанция для порядка — вчера забыл отдать.

Ваш Ал. Блок

63. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

<16 ноября 1912 г., Петербург>

Александр Александровичу Блоку. В день его рождения. 1912 года, 16 ноября от А. Ремизова.

На листе — два рисунка А. Ремизова с надписями к ним (см. с. 112).

На обороте помета Блока: «Наклеено на бумагу, в которую завернуты книги из Костромы — Рязановского и Селифонтова».

Речь идет о двух книгах: 1) «Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печатным источникам, собранный Н. Н. Селифонтовым. Часть I. Костромская губернская ученая архивная комиссия. СПб., 1901. (На книге — надпись Ремизова: «Сия книга «родословие» принадлежит Александру Александровичу Блоку. 1912 г. 16 ноября в день рождения Блока и

освящения «Сирина») и 2) «Альбом оттисков костромских деревянных резных досок. Собрал и издал И. Рязановский». Кострома, 1912.

Торжественное открытие книгоиздательства «Сирин» (1912—1914) совпало с днем рождения Блока.

И. А. Рязановский был хранителем романовского музея в Костроме. «Неоцененный человек, знаток старины русской», — писал о нем Ремизов Владимиру Николаевичу Гордину 30 ноября 1914 г. (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 3614). Вероятно, вместе с книгами Ремизов передал Блоку и записку: «Иван Александрович Рязановский. Кострома, Царёвская, 16», на которой Блок сделал помету: «(Автор альбома оттисков) послано ему собр. стих. — 27 XI 1912» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 56, л. 60).

В бумагах Блока сохранилась также вырезка из литературного приложения к газете «День» от 2 декабря 1913 г.: «Неопубликованные материалы. Россия в письмах. Паришь в руках наших! Письмо отечественное» (публикация А. Ремизова). Вырезка, по-видимому, была прислана Блоку Ремизовым. На ней помета Блока: «День» (прил.) 2 дек. 1913».

64. БЛОК — РЕМИЗОВУ

26 XI 1912, «Петербург»

Милый Алексей Михайлович.

Не знаю, как Вас благодарить за все надписи, картинки, книги и закладки. Очень это драгоценный для меня подарок ¹.

Мы с М. И.² все-таки успели обговорить многие меня беспокоившие дела — по дороге в «Сирин» ³ и назад.

А Вам, кажется, было очень гадко, надо бы отдохнуть ⁴.

Любящий Вас Ал. Блок

¹ Речь идет о подарках, сделанных Ремизовым Блоку ко дню рождения.

² М. И. Терещенко.

³ В октябре 1912 г. в Петербурге по инициативе сестер М. И. Терещенко Елизаветы Ивановны и Пелагеи Ивановны было организовано книгоиздательство «Сирин», просуществовавшее до ноября 1914 г. Блок и Ремизов принимали активное участие в делах книгоиздательства. Вспоминая об этом времени, Ремизов писал: «13-й год — канун войны <...> Издательство Терещенки, «период Терещенок». Когда к нам липли люди из-за нашего знакомства с Терещенками — много прошло всяких» (Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1959, с. 166). Блок связывал с книгоиздательством много надежд и планов. (См.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сиринном». — «Блоковский сб.», 2, с. 388).

В дневнике от 26 ноября 1912 г. Блок записал: «Около 3-х приехал М. И. Терещенко, мы с ним поехали в «Сирин», где были его сестры и А. М. Ремизов, подаривший мне родословие Романовых и альбом оттисков деревянных досок — редкости из Костромы. <...> По дороге туда и назад мы с Михаилом Ивановичем обговорили все-таки много беспокоивших меня сиринских дел — об А. Белом, Пясте, Городецком и обо мне» (VII, 184).

⁴ Ср.: «А. М. Ремизов чувствовал себя очень гадко, по-видимому, он устал» (там же).

65. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«3—4 декабря 1912 г., Петербург»

Алексей Михайлович, сейчас Евгений Павлович ¹ звонил, хотел бы с Вами увидеться на этой неделе (кроме четверга — Николин день), а на следующей, — чтобы Вам прийти с М. И. Т<ерещенко> *осмотреть библиотеку* Сахарова ², три шкапа старинных книг, есть каталог печатный, который Евг<ений> Павл<ович> может Вам дать. Антиквар Шибанов ходит кругом, как акула, торопят с продажей. Позвоните Евг<ению> Павл<овичу> на службу — 67-23.

Датируется по содержанию: Николин день в 1912 г. приходился на 6 декабря.

¹ Евгений Павлович Иванов (1879—1942) — друг Блока, литератор.

² Блок интересовался библиотекой И. П. Сахарова, продававшейся в это время.

«ОБЕЗЬЯНИЙ ЗНАК» I СТЕПЕНИ, «ВЫДАННЫЙ» А. М. РЕМИЗОВЫМ БЛОКУ 31 ОКТЯБРЯ 1918 г.
(Тушь, цв. карандаш).

Надпись рукой Ремизова: «Александр Александровичу Блоку обезьяний знак I степени с заяшным глазом дан для ношения. С. Петербург. 31.X 1918 г.»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

66. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

15 января 1913, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Я очень боялся этого воспаления ¹: оно не страшно, когда в первый раз, но совсем нехорошо, когда во второй ². Ведь вот в одном месте очистилось, а в другом (на старом) открылся «фокус», и не знаю, когда разрешение дадут из дому на волю выйти.

Когда с Вами в последний раз говорил с закрытыми глазами, градусы подымались и до 40 дошли ночью. Это ночью тогда и началось все. Ночью в тот день звонок: телеграмма

«с законным браком»

Томилин.

Это какой-то Томилин из Двинска прислал мне.

От телеграммы отказались, а на другой день в сумерки опять её принесли.

Я сегодня себя плохо чувствую, чувствую, как болят легкие. Завтра придет доктор.

Курить запрещает, курю немного.

Вам пришлют 8 томов ³ на дом, я после надпись положу.

Ну вот,

До свидания, Александр Александрович
всего вам хорошего

А. Ремизов

¹ У Ремизова было воспаление легких.

² Первое — было в январе 1910 г.

³ Сочинения А. Ремизова в 8-ми тт. (СПб., «Шиповник», 1910—1912).

67. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{15}{28}$ III 1913, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Слон ¹ пишет, просит Вам сказать. Все забываю Вам передать о слоновой просьбе:

I «ую» детских стихов книжку ² пошлите ему, Слон. Больше ничего.

Алексей Р е м и з о в

Сегодня такая весна, и по-весеннему буквы нижутся.

¹ «Слов» — см. п. 24, прим. 1.

² В январе 1913 г. вышли две книжки детских стихов А. Блока: I. Александр Б л о к. Круглый год. Стихотворения для детей. М., Изд. и тип. т-ва Сытина, 1913. II. Александр Б л о к. Сказки. Стихи для детей. М., Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913.

68. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{25 V}{7 VI}$ 1913

Paris, 63 rue Monsieur le Prince Hôtel de l'Univers

Дорогой Александр Александрович!

На старом месте живем ¹, по-старому часы бьют, по-старому — по-прежнему к «Святому» Скульпису на вечернюю службу и на утреннюю ходим. И так ходил по улицам, словно в Москве, где так все знакомо, ногами убито, расслежено.

А не то, все не то (кроме St. Sulpice'a). Бульвары крикливы, кафе поплы. Ни разу в кафе не зашел, не могу. И совсем другое в глаза лезет — людей вижу, тесноту вижу. Тяжело как живется, ой, как тяжело — и это вижу.

Ну, вот, не тот Париж, не о том я вспоминал Париж. В этом наберешься много, только не покою.

Всего Вам хорошего.

С Михаилом Ивановичем катались, Вас вспоминали.

Кланяется Вам Серафима Павловна.

А. Р е м и з о в

¹ Ремизовы жили здесь в мае-июне 1911 г.

69. БЛОК — РЕМИЗОВУ

$\frac{2}{15}$ июня 1913 «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович!

Сейчас сижу и жду Михаила Ивановича, который вечером поедет в Киев. Уже два дня мы «не» виделись с ним.

Приедет из Киева и еще нас застанет. Мы с Любовью Дмитриевной все не можем решить, когда и куда ехать. Вероятно, поедем прямо в Италию, сначала — в Венецию ¹.

Однажды в Летнем саду встретил я Чулкова ², который опять переселяется в Петербург. Бальмонт, видевший его в Москве, просил его передать мне «неофициально», что его контракт со «Скорпионом» ³ кончился, и он был бы очень не прочь, если бы «Сирин» предложил ему издаваться у себя. Все это я передал Михаилу И «вановичу», он купит Бальмонта и будет читать.

А. Белый с женой были у меня три раза — и до Гельсингфорса и после. Говорили все больше о Штейнере ⁴. Оба они — худые, некормленные, странники ⁵.

Если бы знали о Штейнере только от А. Белого, можно бы было подумать, что А. Белый сам его сочинил; говорит он все то же и так же. Анна Алексеевна⁶ мне понравилась, она — простая.

Печальное письмо Ваше получил, и Михаил Иванович рассказывал про Вас и про свое — тоже все печальное. Мне и самому так. До свидания, кланяйтесь Серафиме Павловне.

Ваш Ал. Блок

Слушали Плевницкую⁷ и грустили по этому поводу о своей «немецкости»*.

¹ 12 июня 1913 г. Блок и Любовь Дмитриевна уехали во Францию (Париж — 14—24 июня), Бордо, Сен-Жан-де-Люс, Гетари—Сан-Себастьян—Фуентеррабия—Пиринеи (25 июня—19 июля), Биарриц (19—26 июля), Париж (26—31 июля). Вернулись в Петербург — 3 августа.

² См. п. 22, прим. 8.

³ «Скорпион» — издательство символистов (1899—1916).

⁴ Рудольф Штейнер (1861—1925) — немецкий теософ-мистик. О нем — см. письма Белого Блоку от 1(14) мая 1912 г. и 28 декабря 1912 г. (ст. ст.). («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 293—300 и 308—314).

⁵ См. дневник от 11 мая 1913 г.: «Днем позвонил приехавший Боря (Андрей Белый), я позвал их с женой сегодня вечером, а завтра — обедать». И далее — 29 мая: «За это время было так много всего. Три свидания с А. Белым и его женой. Второе было ужасно тяжелое. После него — Inferno» (VII, 250).

⁶ Анна Алексеевна (Ася) Тургенева — художница, жена А. Белого.

⁷ Блок и Любовь Дмитриевна были на первом концерте Н. В. Плевницкой, состоявшемся 15 мая в театре «Луна-Парк». Второй (и последний) концерт певицы был назначен на 4 июня.

70. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

30
17 VI 1913

Suisse, Founex, Pension Etier (Ed. Fiandra)
A. Rémisoff

Дорогой Александр Александрович!

Тут томимся, в Сюисе¹ скучном. Сижу, как дома, в платке вишневом — все больше дождь и холод. Сегодня я Вас во сне видел и Михаила Ивановича и всех их². Где Вы теперь купаетесь, на каком море, на океане? Вам пришет в Петербург письмо В. Н. Тукалевский, о Толстовском сборнике³ будет Вас спрашивать, — он человек толковый и, если что у вас выйдет с ним, дело начинайте. Что-то о Слоне⁴ давно ничего не слышу и, где он бродит, не знаю. Если вздумается написать мне, лучше пишите на имя Шестова, он перешлет письмо:

Suisse, Coppet (Lac Léman), Monsieur Léon Schvarzmann pour A. Remisoff
Серафима Павловна Вам кланяется.

От Бальмонта мне переслали письмо, спрашивает о «Сирине» и узнать хочет, согласен ли будет «Сирин» издавать его⁵. Что Михаил Иванович, прочитав книги⁶, сказал, интересно мне?

А. Ремизов

На письме — приписка Блока:

Получил 11 июля в Guéthary.

Guéthary — местечко во Франции (департамент Нижние Пиринеи).

¹ В Швейцарии.

² М. И. Терещенко, его сестры Елизавета Ивановна и Пелагея Ивановна.

³ В. Н. Тукалевский — литературовед. Письмо Тукалевского Блоку неизвестно.

⁴ «Слон» — Ю. Н. Верховский.

⁵ В статье «Архив А. М. Ремизова» («Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год»), Л., «Наука», 1977, с. 38) С. С. Гречинкин пишет по этому вопросу следующее: «К. Д. Бальмонт, в 1913 г. вернувшийся из эмиграции в Россию, по финансовым соображениям решил расторгнуть с издательством «Скорпион» договор на переиздание своих книг (см. письмо его к владельцу «Скорпиона» С. А. Полякову от 6 апреля 1913 г. — ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, № 43). Зная, что Ремизов близок к издательству «Сирин», поэт обращается к нему 28 мая 1913 г. со следующим предложением: «Я отказал Полякову в пере-

* Приписка на полях.

издании разошедшихся книг и был бы очень расположен уступить их «Сирину», если и «Сирин» расположен к тому же. Кажется, Вы свой человек в этой фирме. Быть может, Вы бы затеяли там соответствующий разговор? Не умею сказать, как я был бы Вам признателен. Я был бы расположен уступить «Сирину» все свои оригинальные книги (стихи и проза)». Издательство просуществовало недолго и замысел этот не был реализован.

⁶ Бальмонта.

71. БЛОК — РЕМИЗОВУ

15
2 июля 1913

Hôtel de la Plage, Guéthary
J. Lafitte. Propre.

Дорогой Алексей Михайлович.

На днях получил я Ваше письмо, побывавшее и в Петербурге, и в Париже, и в St Jean de Luz'e. Мы живем в 10-ти верстах от Биаррица, купаемся в океане, хотя почти все время холодно. Вот точный адрес: France, Basses Pyrénées, Hôtel de la Plage, Guéthary. A. Block. Напишите мне, пожалуйста, если есть что-нибудь новое. Нам здесь невесело, хотя мы ездили уже и в Биарриц и два раза в Испанию; видели несколько очень старых церквей, но главное все-таки море. У меня окно во всю стену, прямо на океан, впереди ни одного острова, так что видно только море и небо, и волны так шумят, что заглушают проходящие рядом поезда.

Михаилу Ивановичу ¹ я писал, а от него еще не получал известий. В день отъезда я читал ему вслух несколько стихотворений Бальмонта, ему нравилось, но насчет издания он, кажется, сомневается. — Я Вам писал из Петербурга, но адресовал Chéstoff'у вместо Schwarzmann'a.

Дней десять мы прожили в Париже, он мне скорее нравился, только очень утомительно — шум и запах.

Людей, конечно, нет, мы ни с кем не знакомимся; все французы и испанцы; испанцы — милее. Здесь проживем еще не меньше двух недель, а потом — опять в Париж ненадолго. Потом, вероятно, в деревню — через Петербург. До свидания. Кланяйтесь от меня Серафиме Павловне.

Всем нам трудно, не знаю, чем это кончится.

Ваш Ал. Блок

¹ Терещенко.

72. БЛОК — РЕМИЗОВУ

7 августа 1913 «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович:

Завтра ночью мы с Вами встретимся где-нибудь в Бологом; 9-ого я буду уже в деревне.

Вернулись мы сюда 3-его августа — из Парижа, где теперь еще хуже, чем было летом. Хочу пожить в деревне. Сейчас узнал от Сергея Яковлевича ¹ о приезде Михаила Ивановича и о делах «Сирин». Напишите мне, пожалуйста, о себе и о том, как у Вас. Вернусь я, верно, в конце августа, или в начале сентября. Вот мой адрес: Николаевской жел. дороги, ст. Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ничего еще не понимаю, что тут делается, и не вижу будущей зимы.

Кланяйтесь от меня Серафиме Павловне. До свидания.

Ваш Ал. Блок

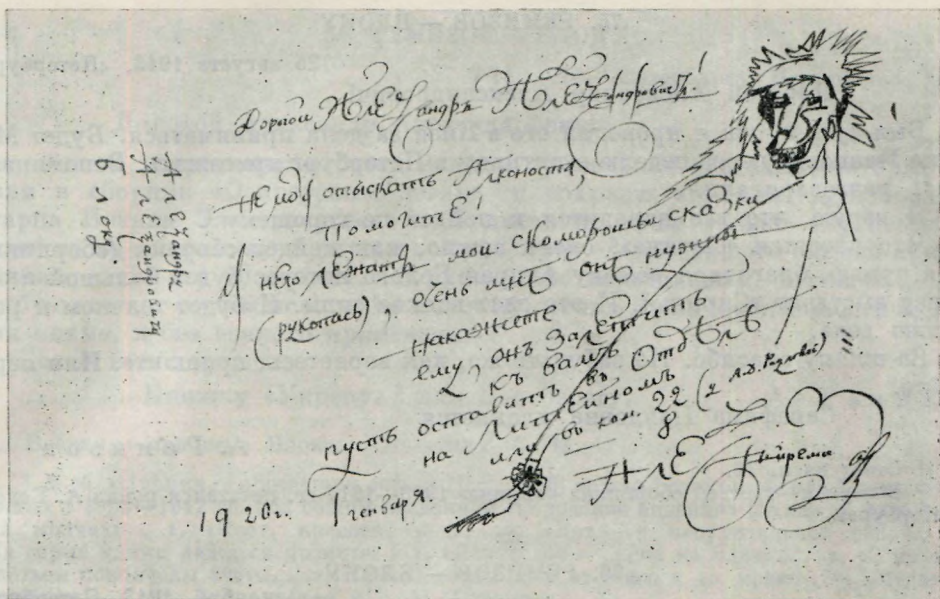
¹ Сергей Яковлевич Осипов — сотрудник издательства «Сирин».

73. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

15 августа 1913, Успенев день
Таврическая 7 кв. 23, СПб.

Дорогой Александр Александрович!

В прошлую пятницу ¹ вернулись мы в Петербург ². Вся неделя ушла на уборку. Очень я рад, что вернулись домой, надоело за границей. И тепло тут: нагреваюсь на зиму.

ПИСЬМО А. М. РЕМИЗОВА БЛОКУ ОТ 1 ЯНВАРЯ 1920 г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

19-го Михаил Иванович приезжает и Разумник³. Разумник болен: сердце что-то болит. Об этом надо будет подумать. Когда вы возвратитесь в Петербург?⁴

Был уже дважды Аркадий Павлович⁵. На улице никого не встретил, одну встретил Елизавету Юльевну, сестру Копельмана⁶.

Если вы не бросили Вашу мягкую шляпу, отдайте ее мне: я ее одному человеку дам не для музея, а для ношения⁷.

До свидания. Серафима Павловна кланяется.

А. Ремизов

Вверху — приписка Блока: в Шахматово.

¹ 9(22) августа.

² Из Швейцарии.

³ Иванов-Разумник, Разумник Васильевич — см. п. 1, прим. 9. В 1912—1914 гг. Иванов-Разумник принимал активное участие в делах книгоиздательства «Сирин». Познакомил его с владельцем издательства (М. И. Терещенко) 11 октября 1912 г. Ремизов.

⁴ Блок уехал из Петербурга в Шахматово 8 августа, возвратился — 7 сентября.

⁵ Аркадий Павлович Зонов — драматический актер и режиссер.

⁶ Соломон Юльевич Копельман (1881—1944) — совладелец (с З. И. Гржебинным) издательства «Шиповник».

⁷ Вероятно, намек на Ф. Ф. Фидлера, собиравшего для своего «Литературного музея» личные вещи писателей.

74. БЛОК — РЕМИЗОВУ

22 августа 1913. с. Шахматово.

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо Вам за письмо. Приеду, думаю, к сентябрю и мягкую шляпу привезу. Очень здесь хорошо и тихо жить, особенно после паршивых французоз.

Кланяйтесь от меня Серафиме Павловне и Михаилу Ивановичу. До свидания.

Ваш Ал. Блок

75. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

25 августа 1913, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Был тут, и уж я проводил его в Киев за дела приниматься. Будет Михаил Иванович через неделю в пятницу в Петербург приезжать. Вспоминали Вас, разговаривали.

Я верую, что все наладится и пойдет по-хорошему¹.

Что касается «Сирин», очень важно, как пойдет сборник (сборники). А я думаю, благодаря роману Андрея Белого интерес будет большой и это сразу выставит «Сирин»². И это даст всякие силы. И будет толчком к развитию дела.

За шляпу спасибо. Не забудьте же, как вернетесь, пришлите. Или передайте.

Серафима Павловна кланяется

А. Ремизов

¹ Ответ на п. 72.² В первом—третьем сборниках «Сирин» 1913—1914 гг. печатался роман А. Белого «Петербург».

76. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«ноябрь, 1913, Петербург»

А. А. Блоку

Дмитрий Евгеньевич Жуковский
Москва, Арбат, мал. Успенский пер., 4^а

Надпись надо сделать непременно:

Дмитрию Евгеньевичу Жуковскому.
С благодарностью за философские книги

А. Блок

Помета Блока: «Я послал собр. стих. и «Ночные часы», 3 ноября 1913».

См. письмо издателя Д. Е. Жуковского Ремизову от 7 ноября 1913 г.: «Дорогой Алексей Михайлович! Не помня Вашего адреса, не знал, как Вас поблагодарить за присылку Вашей прекрасной книги. Сегодня послал распоряжение, чтобы Вам прислали Соловьева. Что касается Блока (как его отчество?), то я не могу безвозмездно дать ему К. Фишера. Могу продать со скидкой 33% переплетенный экземпляр (только не все экземпляры одинаково переплетены). Переплет не считаю. Обойдется около 21 рубля. Если хочет, напишу в склад Стасюлевича, чтобы подобрали лучше и выдали за указанную плату, со скидкой 33%» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 93). Речь идет об издании: К. Фишера. История новой философии. Пер. с юбилейного издания. Изд. Д. Е. Жуковского. Т. 1—8. СПб., 1901—1909. Эти книги имелись в библиотеке Блока (Библиотека Блока. ИРЛИ, машинопись. 1960, с. 76).

77. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

9 IV 1915, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вы ничего не имеете против того, чтобы подписать письмо о выходе из «Вершин»? Письмо простое: просто уходим и все тут. Подписи вам знакомые*.

Позвоните Вл «адириу» Ник «олаевичу» Гордину¹ 155-65.

Хотите или не хотите подписыв «ать»

[А. Ремизов

¹ Владимир Николаевич Гордин — литератор, редактор журнала «Вершины». 11 апреля 1915 г. в газете «День» № 98 заявил об отказе редактировать журнал. Там же было помещено письмо о выходе из «Вершин» группы писателей, в том числе Блока.

² См. п. 13, прим. 1.³ Поликсена Сергеевна Соловьева (Allegro) (1876—1924) — поэтесса, детская писательница.

* Я, Зин «аида» Никол «аевна» «Гипшиус», Филос «офов», Мережко «вский», П. С. Соловьева и т. д.

78. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

7 III 1916, «Петербург». Песочная 8, кв. 3

Дорогой Александр Александрович!

Без вашего разрешения отрезал я ваше примечание к стихам, которые вы дали в сборник «Осиротелым детям»¹ и сохраняю его для блудоборного старца Иоанна Электрического². Примечание ваше только смутит издателей этого сборника, а смущать их не стоит. А настоящего смысла примечания вашего эти не поймут. Сборник благотворительный, знающие не потребуют от вас совсем нового, но и для них стихи Ваши в связанности будут, как новые, и без всякого примечания*.

Всего вам хорошего.

Книжку «Укрепу»³ для Вас берегу.

А. Ремизов

Вверху — приписка Блока: Отв<етил> 8 III.

¹ В сб. «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916) вошло 7 стихотворений Блока, написанных в 1903—1912 гг. под общим названием «Городские видения» («Днем за нашей стеной молчали. . .», «Поет, краснея, медь. . .», «Вот — в изнурительной работе. . .», «На серые камни ложится дремота. . .», «Искусство — ноша на плечах. . .», «С мирным счастьем покончены счеги. . .», «Сквозь серый дым от края и до края. . .»). Издатели сборника — А. Д. Барановская и В. Н. Гордин.

² Иван Александрович *Рязановский* — «костромских дебрей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический» (А. Ремизов. Россия в письменах, т. 1. М.—Берлин, 1922, с. 161). Рязановский в Петербурге жил на углу улиц Телешевской и Золотоношской.

³ А. Ремизов. Укрепа. Слово о русской земле о земле родной, о тайностях земных и судьбе. Пг., 1916.

79. БЛОК — РЕМИЗОВУ

8 марта 1916, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович, можно, конечно, и без примечания; оно, ведь, не для меня, а скорее — для издателей было; а по-моему — отчего же не перепечатывать старого: лучше среднее старое, чем плохое новое; только одно стихотворение я выкинул, поглядев на него в корректуре, очень мне не понравилось. Скажите Гордину это, а также, что я его благодарю за то, что он все сделал, как я просил.

Корректуру отсылаю сейчас (в типографию). За «Укрепу» спасибо, пускай полежит до нашего свидания. Будьте здоровы и благополучны.

Ал. Блок

80. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«5—6 июня 1916, Петроград»

Дорогой Александр Александрович

Если что узнаете¹, известите меня, напишите мне на Ф<едора> И<вановича>

Русский Торгово-Промышленный банк
Морская, 15

Инспектору Федору Ивановичу Щеколдину
для А. Ремизова

Всего вам хорошего.

А. Ремизов

на 6.VI 1916.

¹ Ремизов просит Блока ходатайствовать за своего брата Виктора Михайловича Ремизова об освобождении последнего от воинской службы.

По воспоминаниям Ремизова, с Виктором, третьим братом, связана его судьба: «Виктор постоянно болел, его взяли из гимназии в коммерческое училище, с ним — Алексея, чтобы не оставлять брата одного, в чем тот, как оказалось потом, не нуждался.

Виктору в гимназии из-за латыни было трудно, а в коммерческом шел первым по математике. Окончил он «кандидатом коммерции» и поступил в банк. Главный бухгал-

* поставлен год, чего же еще?

тер Найденовского Московского Промышленного банка. «...» В 1914 году Виктор в чине прапорщика запаса был призван на войну. Провел всю войну без особых приключений и дослужился до подполковника, а в революцию был назначен инструктором в Красную Армию. Отряд, которым он командовал, попал в плен к Колчаку и его расстреляли». (Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, с. 76). В письме Ремизов сообщает Блоку необходимые для ходатайства сведения о брате:

Юго-западный фронт, 9 армия, 27-ая ополченческая бригада, 161-ой пешей Воронежской дружины, подпоручик Виктор Михайлович Ремизов, род. 27 VI 1876 г.

Как ополченец (зачислен в ополчение в 1910 г.) призван с 1-й мобилизацией 19 VII 1914 г. с назначением в 162-ую пехотную воронежскую Дружину в г. Павловск (Воронежск. губ.). С означенной дружиной участвовал во всех ее походах и боях до конца января 1916 г.: в блокадной армии при осаде крепости Перемышля, в апрельских боях 1915 г. (20—21 IV) под Тарнувом.

8 V командовал сводной ротой под Цеплице — 75 человек (оставшихся из 900^а). Последнее время (с конца окт. 1915 г.) стоял под Киевом — охрана пленных.

Для пользы службы назначен в настоящее время (апрель 1916) в 161-ую пешую Воронежскую дружинку младшим офицером (роты заняты — места командира нет), — а в 162-ой был с начала формирования дружин ротным командиром.

За текущую войну имеет: с мечом и бантами — Станислав III, с мечом и бантами Анны III, представлен к Станиславу II, к Анне II и произведен в начале мая в подпоручики. В феврале 1916 г. захворал и переправлен был в Киевский военный госпиталь, где являлся 5 недель.

Военной комиссией найдено: катар левой верхушки легкого и брадикардия, (пульс — 60) у верхушки сердца систолический шум с тоном, на втором тоне легочной артерии акцент, что попросту называется порок сердца.

Хотели в 3-ю категорию перевести, но попробовали дать на 1 месяц отпуск для домашнего лечения, отпуск кончился в конце апреля, и он поехал в свою часть (Хотин).

Хотел бы в полутыл (Киев, Полтава) по концелярской части или в невооруженные рабочие дружины, что зависит исключительно от начальника ополченческих бригад г.-л. Глинского (Житомир).

Что он должен сделать: рапорт — кому, и что сказать (прямо ли о прикомандировании к такой-то части или прошение).

Имеет ли право, не сказав командиру своей части, подать рапорт в другую часть с просьбой о прикомандировании.

Я виделся с доктором, который мне сказал, что этот самый акцент на 2^м тоне (порок сердца) совсем освобождает.

Для этого надо, чтобы он просил, чтобы его эвакуировали в Петербург. (Как он должен просить, что должен сказать?)

Или просить краткосрочный отпуск в Петербург затем идти к командиру и просить санитарный билет, чтобы лечь в клинику (это гораздо сложнее, чем эвакуация, так как эвакуированного должны принять в клинику, а не эвакуированного еще пождут).

81. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

10 I 1917. В. О. 14 л. 31 кв. 48
209—69

Дорогой Александр Александрович!

Пошлите стихи для рукавишниковского сборника: Москва, Бронная, Богословский пер. 7 кв. 39, Степану Степановичу Семенову-Волжскому для И. С. Рукавишника¹, т. 1—03—61. Получить гонорар можете.

Я очень благодарен Александре Андреевне: единственный человек принял участие в моей ратной судьбе. Освобожден я по ст. 65А (хронич. гастрит, хронич. колит) и по ст. 37 (острота зрения 0,02 при 11 диоптриях). 44 дня и 44 ночи просидел я между сыпным и тифозным — сколько видел смертей, сколько последних минут: соседи мои помирали — безвестные!

Всего вам хорошего. А. Ремизов

¹ Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1960) — писатель-символист. Речь идет о сборнике «Луна». См. письмо Рукавишникова Ремизову от 7 июля 1915 г.: «Поздней осенью предполагается выпустить сборник; участниками намечены: Вы, Сологуб, Андреев, Бальмонт, Иванов, я и, может быть, Шестов и еще кто-нибудь в том случае, если решено будет обогатить альманах и художественно-критическим отделом. От Вас ожидаем расказа; размер, как пожелаете. «...» Гонорар точно не высчитан, это в зависимости от тиража. «...» Альманах предполагается листов на 11». 7 ноября 1915 г. И. Рукавишников писала Вяч. Иванову: «Юрий Никандрович Вам, наверно, говорил, что перед самым

нашим отъездом из Москвы Ребрик почти отказался издавать сборник из-за отсутствия бумаги. А сборник все-таки издать нужно, хотя бы потому, что материал собран. Поэтому я сегодня написала Ребрику, чтобы начинал понемногу набирать. Потому если Вы еще не послали к нему своих стихов, то, пожалуйста, пошлите < . . . > Да, Сологуб эту пьесу взял, стихи обещал, а рассказ вряд ли даст, т. к. сейчас у него ничего нет < . . . > Для сборника пока есть стихи: Ваши, Бальмонта, кажется, Блока, Рукавишников, Северянина, последние не наверно. И проза Ремизова: «Страница прихожая», статья Ивана Сергеевича «Судьбы человечества», может быть, роман Алексея Николаевича Толстого. Да, а Шестова что-нибудь будет? Тогда уж значит все» (ГБЛ, ф. 109). В 1915 г. сборник в свет не вышел. 4 января 1917 г. Рукавишников вновь обратился к Ремизову с просьбой: «Не в Петербурге ли Андрей Белый? Я с ним мельком видался в Москве на Реферате, потом потерял след. Если у Вас, попросите для моего альманаха стихи или что есть у него. Блока тоже. Рукописи в Москву Степану Степановичу Семенову (Волжскому) Бронная, Богословский, 7, кв. 39, тел. 1-03-61» (ИРЛИ, Арх. Ремизова, ф. 256, оп. 1, № 221, л. 16). Но и на этот раз издание сборника не осуществилось.

82. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«31 октября 1918 г. Петроград»

Александрю Александровичу Блоку

Обезьяний знак I степени с Заяшным глазом дан для ношения С. Петербург 31 X 1918 г.

83. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«24 декабря 1918 г., Петроград»

Алексею Михайловичу Ремизову.

Покорнейше прошу Вас не отказать сообщить в письменной форме в ближайшее время список пьес, которые Вы нашли бы возможным напечатать спешно, не снабжая эти пьесы никакими особенными примечаниями.

Прошу Вас при этом не стесняться рамками каких бы то ни было наших списков, а принять во внимание только следующее: 1) чтобы пьесу было легко поставить (поменьше декораций и действующих лиц, попроще сюжет и язык, и т. д.) 2) чтобы текст этой пьесы был более или менее бесспорен (единственный печатный или рукописный текст, удовлетворительный перевод, отсутствие опечаток и т. д.). Не откажите отметить при этом, какой именно текст надо приобрести или переписать, следует ли его проверить, нет ли готовой краткой (или могущей быть сокращенной) статьи, которая послужила бы предисловием или послесловием к данной пьесе, нельзя ли срочно заказать статью и кому именно; по возможности, желательны указания о числе действующих лиц и декораций.

Обсудив Ваш список в одном из заседаний Бюро, мы немедленно стараемся добыть соответствующие тексты, — после чего будем просить Вас привести рекомендованные Вами пьесы в надлежащий вид для сдачи в печать, т. е. снабдить надписями для обложки и титульного листа, исправить опечатки (все это может быть поручено кому-либо из Ваших сотрудников под Вашей редакцией), словом — дать в типографию и в руки корректору такой экземпляр, который может быть воспроизведен точно (не считая перевод на новую орфографию, который производится автоматически).

Не откажите, кроме того, сообщить Ваше мнение о том, желательно ли такие несовершенные издания делить на серии, нумеровать и т. д., кои мы предполагали делить со всей библиотекой «Репертуар» и не находите ли Вы нужным дать другое название всей библиотеке.

Позволю себе прибавить, что очень желательно, чтобы среди пьес было названо некоторое количество произведений, принадлежащих к т. н. «классовой литературе» и, разумеется, удовлетворяющих при этом хотя бы минимуму литературных и театральных требований.

24/XII — 1918 г.

Председатель Репертуарной секции Ал. Блок

А. М. РЕМИЗОВ

Рисунок В. Орловой (карандаш)
Литературный музей, Москва

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 33.

Письмо связано с работой Блока (начало 1918 г.—февраль 1919 г.) в Репертуарной секции при театральном отделе Народного комиссариата просвещения и подготовке к изданию сборника «Репертуар» (ПГ.—М., 1919).

84. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«3 марта 1919 г.»

Александр Александрович,

Будьте милостивы, возьмите у Анненкова ¹ рукопись мою «Ров львиный» ² ч <часть> I и в четверг сюда принесите.

3 III 1919

¹ Юрий Павлович Анненков (р. 1890) — художник, иллюстратор поэмы Блока «Двенадцать».

² Повесть Ремизова «Ров львиный» писалась в 1914—1918 гг., фрагменты повести печатались в различных периодических изданиях, полностью опубликована не была.

85. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

Киев,

Бульвар Тараса Григорьевича Шевченко (быв. Бибиковский)
Редакция ж <журнала> всеукраинского литературного комитета «Зори»
стихи не ниже 10—15 р., статьи — 3, проза — 4.

С пометой Блока:

В. Нарбут
Ремизов передал мне
5 VIII 1919

Владимир Иванович Нарбут (1888—1938) — поэт, сотрудник журнала «Зори» (вышел 1 номер). См. письмо Нарбута Ремизову от 28/15 июля 1919 г.: «Для «Зорь» редактор по-

следних Мстиславский (знаете ли Вы его?) просит Вас рассказ. Размером 1-го печатного листа (1000 страниц). Оплата не ниже 4 р. 50 к. за строку. Ежели таковой есть или, как только он появится, направьте его, пожалуйста, *наложенным* платежом по адресу: Киев, Бульвар Тараса Шевченко (быв. Бибиковский) д. № 7, кв. 11, Всеукраинский Литературный комитет редакции журнала «Зори». Рассказ нужен настоящий, не обязательно революционный. Далее: не передадите ли также Е. Замятину и Вяч. Як. (Шипкову) приглашения прислать по рассказу (той же всем цены и тем же путем, т. е. наложенным платежом)? И еще обременю Вас, Алексей Михайлович, просьбой: не увидите ли Александра Александровича «Блока»? От него нужен ряд стихотворений (тоже настоящих) или какая-либо большая стихотворная вещь. А также статья. Гонорар — за стихи не ниже 10—15 за строку, статьи (кажется) по 3 руб. Словом, нужен *хороший* литературный материал. Скажите это всем, всем, всем. Ваш рассказ пришлите, дорогой Алексей Михайлович, как можно скорее. И пишите, не забывая» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 167).

86. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

29 XII 1919, «Петроград»

Дорогой Александр Александрович!

Прошу за Радловых Анну и Сергея (Анна Дмитриевна и Сергей Эрнестович Радловы ¹ В «асильевский» О «стров» I л «иния» 40 кв. 4) произвести их в члены Дома искусств и выдать членные билеты.

И еще прошу: не могу докликаться Алконоста ², скажите ему (залетает небось!), чтобы экстренно прислал мне рассказы мои: «два старца ³, змея и друг «ие»» (пусть в отделе на Литейной ⁴ в ком. 22 у А. Д. Радловой оставит) и рукописи с дубликатами книги моей «Скрижали» ⁵.

Передайте ему, что не хочу я никаких Фото — лито — меццо — кварто ⁶, не хочу я переписывать ничего: нет у меня никаких сил и времени нет.

Алексей Ремизов

¹ Анна Дмитриевна Радлова (1891—1951) — поэтесса и переводчица, Сергей Эрнестович Радлов (1892—1958) — драматург и режиссер.

² Алконост — Самуил Миронович Алянский — владелец книгоиздательства «Алконост» (1918—1923).

³ Рассказы «Два старца», «Змея» вошли в кн. Ремизова «Шумы города». Изд-во «Библиофил», Ревель (1921).

⁴ На ул. Литейной, 15, в доме Мурузи, помещалось издательство «Всемирная литература».

⁵ Книга Ремизова «Скрижаль» должна была выйти в издательстве «Алконост» в 1920 г. Издание ее не осуществилось.

⁶ Отказываясь от новаторских полиграфических методов, требующих специальной подготовки рукописи, Ремизов предпочитает традиционный способ издания книги.

87. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«1 января 1920 г., Петроград»
Александру Александровичу Блоку

Дорогой Александр Александрович!

Не могу отыскать Алконоста ¹, помогите! У него лежат сказки мои *скоморошьи* ² сказки (рукопись), очень мне они нужны. Накажите ему, он залетит к вам, пусть оставит в отделе на Литейном или в ком. 22 (у А. Д. Радловой) «или в ком.» 8.

Алексей Ремизов

1920. 1 января.

¹ См. п. 86, прим. 2.

² Рукопись «Скоморошьях сказок» Ремизова (датированная 9 II 1920, с дарственной надписью Григорию Матвеевичу Ромму, редактору журнала «Жизнь искусства») хранится в ГПБ, ф. 1012, Собр. В. С. Спиридонова, № 7. Вошли сказки: «Царевна Лисава», «Медведчик», «Скоморох». Издание «Скоморошьях сказок» не осуществилось. Позднее, в 1923 г., сказки «Скоморох» и «Медведчик» вошли в раздел «Скоморох» книги «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин—Пб.—М., изд. З. И. Гржебина, 1923).

88. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

23 или 24 не знаю «августа» *20 года
Кавалеру обезьяньего Знака
Александр Александровичу Блоку.

Дорогой Александр Александрович!

Был Алконост с письмом от Асыки, говорит, чтобы Вам от обезьяньей палаты¹ запрос написал.

Вчера еще утром я был, как человек, а сегодня с грелкой, беспамятный и бестолковый, я не знаю, что с такими делают в обезьяньем царстве, убивают ли сразу, чтобы жалобами не мугили света или обертывают в вату, как недоносков, и греют, и молоком поят?

¹ В 1908 г. в Петербурге образовалось шуточное общество Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпал), придуманное Ремизовым, как указывает В. Шкловский, «по типу русского масонства». (В. Шкловский. ЗОО. Письма не о любви, или Третья Элоиза. Берлин, «Геликон», 1923, с. 29). Согласно характеристике, данной Ремизовым в книге «Ахру. Повесть петербургская». Берлин—Пг.—М., Изд-во З. И. Гржебина, 1922, с. 49), Обезвелволпал —

«. . . общество тайное,
происхождение — темное,
цели — свободно выраженная анархия,
намерения — неисповедимые.
средств — никаких».

Там же был изложен и «манифест» общества: «Мы (. . .) асыка первый, верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, огадившее всякий свет мечты и слова, объявляем хвостатым и бесхвостым, в шерсти и плешивым приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались» (там же, с. 50—51).

Члены «общества» — известные писатели, поэты, художники, композиторы, издатели — представляли собой «иерархию», возглавляемую царем обезьяньим Асыкой Первым, о котором «никто ничего не знает» и которого «никто никогда не видел» (там же, с. 49). Так, «князьями обезьяньими» были М. Горький, Пришвин, «забеглыми князьями обезьяньими» — А. Н. Толстой и И. С. Соколов-Микитов, С. М. Алянский был «князь и волхсполком обезьяний», Н. С. Гумилев — «граф обезьяний», Е. И. Замятин — «епископ обезьяний Замутий». «Кавалерами обезьяньего знака» являлись Блок, Белый, Л. Шестов и многие другие. Ремизов был cancelarius'ом Обезвелволпала.

Кавалерам обезьяньего знака выдавались обезьяньи грамоты и обезьяньи знаки, расписанные и разрисованные Ремизовым. Кроме того, имелись и такие «документы», как положение о денежных знаках, «реликвии» и статут Обезвелволпала, который гласил: «Все приходящие в Обезьяню Великую и Вольную Палату как к себе домой — сидят на диване и на креслах, курят и везде сорят, разговаривают громко по телефону прямо над самым ухом — все обложены податью особой — хабарой. Всяк должен принести что-нибудь в дар Палате: кто бумаги чистой листов двадцать, кто приников, кто стакан, полученный по 17 купону детской карточки, чтобы было из чего чай пить». (ИРЛИ, Арх. Ремизова, ф. 256, ед. хр. 31).

Созданное Ремизовым общество было соотносимо с символистским «жизнетворчеством», являлось выражением стремления к свободе, простоте и справедливости. «Мы юродствуем в мире для того, чтобы быть свободными. Быт превращаем в анекдоты. Строим между миром и собою маленькие собственные мирки — зверинцы. Мы хотим свободы». (В. Шкловский. ЗОО. Письма не о любви, или Третья Элоиза, с. 29—30).

Обезвелволпал «объединял всех нездравомыслящих, освобождая от всяких обязательств — изобретения хитрой бестией — человеком, прикрывавшим свое ничтожество подлой, судя по себе, «справедливостью» (А. М. Ремизов. Петербургский буерак. Шурум-бурум. Воспоминания. ЦГАЛИ, ф. 420, Ремизов, оп. 5, ед. хр. 18, с. 111).

89. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

6 IX 1920
Троцкицкая 4 кв. 1 209—69

Дорогой Александр Александрович!

Дайте, если можно, билет на 1-ое представл(ение) б л «ввшего» К(ороля) > Лира² для Серафимы Павловны.

* Приписка Блока.

О себе прошу: мне все-равно куда, в ложу ли, под ложу ли.
Какой знак билетный? Теперь с Троицкой близко

Алексей Ремизов

¹ Подчеркнуто трижды.

² Трагедия В. Шекспира «Король Лир» ставилась в Большом Драматическом театре (Фонтанка, 65), созданном в 1918 г. и открытом 15 февраля 1919 г. постановкой трагедии «Дон Карлос». С 26 апреля 1919 г. по июль 1921 г. Блок работал председателем режиссерского управления этого театра.

1-е представление «Короля Лира» было 21 сентября.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

НАДПИСИ РЕМИЗОВА НА КНИГАХ,
ПОДАРЕННЫХ БЛОКУ

1

Александр Александровичу Блоку на Новый год.

А. Ремизов

1908. СПб. 1 января

Надпись на титульном листе книги Алексея Ремизова «Чертов лог и полунощное солнце». Рассказы и поэмы. Изд. EOS, СПб., 1908.

2

Александр Александровичу Блоку.

Переводы, которые печатались в «Вопросах Жизни»¹. «А я вам картинку из Бердслея² посадил!» — сказал мне издатель, передавая эту книгу.

А. Ремизов

СПб., 30 апреля 1908 года.

1 мая, в день чтения драмы Блока «Песня Судьбы»³

Надпись на титульном листе книги переводов Алексея Ремизова «Любовь. — А. Штеенбух, Продавец солнца. — Рашильд, Филокет или трактат о трёх добродетелях. — Андре Жид». — Изд. журнала «Театр и искусство», 1908.

¹ Штеенбух — «Вопросы жизни», 1905, № 6; А. Жид — «Вопросы жизни», 1905, № 3; Рашильд — «Новый путь», 1904, июнь.

² Обри Бердслей (1872—1898) — английский художник-график, один из наиболее модных художников английского символизма. Его рисунок помещен на 1-й странице обложки книги. Судя по стилю письма, О. Бердслей был чужд А. Ремизову.

³ 1 мая 1908 г. Блок читал «Песню Судьбы» у себя на квартире (в присутствии Е. П. Иванова, А. П. Иванова, А. М. Ремизова, Ю. Верховского и др.).

3

1902—1903 г.¹

Эту печальную повесть приношу дорогому Александр Александровичу Блоку

А. Ремизов

Корочунов день², 14 ноября 1908 года³ С—Петербург.

Александр Александровичу Блоку.

С пожеланием увидеть еще раз Фаину⁴ и не заспать сна своего, не разгулять его кофейными разговорами. . . и прикоснуться к земле русской⁵, в которой таится верность до смерти, предательство Иудино⁶ и подвиг крестный.

Все во сне, ничего. Даже лучше, не так больно.

С любовью моей А. Ремизов

Надпись на титульном листе книги Алексея Ремизова «Пруд», роман, изд. «Сириус», 1908, СПб., Соляной 7.

Внизу — приписка Блока:

(Часы, роман. 1904). Изд. EOS, СПб., 1908.

Роман А. Ремизова «Часы» писался в 1903—1904 гг., впервые был напечатан в издательстве EOS в 1908 г.

¹ Указание А. Ремизова на время работы над романом «Пруд».

² В примечаниях к «Посолони» А. Ремизов дает следующее объяснение: «Корочун — зимний дед-мороз. — Древнерусское название зимнего Солонворота (12 декабря), время от 15 ноября до Рождественского сочельника <24 декабря. — А. Ю.> Древнерус. карачунъ, корочунъ, корочунъ; малорус. керечунъ — от крачати, крак — шаг, нога. Этот самый дед Корочун, <. . .> по словам румынской колядки, приютил Божию Матерь с Младенцем у себя в хлеву» (Сочинения, т. 6, СПб., изд. «Шиповник», 1912, с. 257—258). Книга подарена 14 ноября, т. е. в канун Корочунова дня.

³ В рукописи — ошибка: 1903 года.

⁴ Фаина — героиня драмы Блока «Песня Судьбы».

⁵ Отавук национального варианта мифов о матери-земле, неразрывно связанных для Ремизова с традицией Достоевского («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и др.). Ср. так же: «Из первой памяти моей, когда я только еще говорить учился, я запомнил: рассказывала наша старая нянька сказку <. . .> Припади к матери сырой земле. <. . .> А вот так все и вышло.

Читая всякие записи, часто спутанные и перепутанные, а иногда просто бессловесные — а это-то и есть самое настоящее! — я как бы припал к земле и послушал.

И то, что я услышал, зажглось, как павлиньи перья». («Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым», Берлин — Петербург — Москва, 1923, с. 7—8).

⁶ Ср. с трактовкой Ремизовым образа Иуды в «Трагедии о Иуде, принце Искаротском: «Вот остановился Христос. — А. Ю.» на распутье у трех дорог. Он ждет к себе другого. . . и такой должен прийти к нему, измученный, нигде не находя себе утешения, готовый принять на себя последнюю и самую страшную вину, чтобы своим последним грехом переполнить грех и жертвою своею открыть ему путь. . .» (Сочинения. СПб., «Шиповник», VIII, с. 168).

4

Сия книга принадлежит А. Ремизову,
надписываю нарочно, а еще Пяст¹ себе возьмет.

2 X 1911 г.

Александру Александровичу Блоку

Берите эту книгу себе. Будет она Вам памятью о Ваших шагах первых

12 III 1912

А. Р е м и з о в

Надпись на титульном листе книги «Первые литературные шаги. Автобиографии русских современных писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер».

Книга вышла в свет в 1911 г. (М., изд. И. Д. Сытина). Федор Федорович Фидлер (1859—1917) переводчик, собиратель автографов.

¹ О дружеских отношениях Блока с В. А. Пястом см. наст. кн., с. 175—228.

5

Александру Александровичу Блоку

1912 г. 1 ноябр<я> в четверг

Надпись на 1-й странице рассказа А. Ремизова «Покровенная» («Современник», 1912, IX).

П Р И Л О Ж Е Н И Е II

ВОСПОМИНАНИЯ А. М. РЕМИЗОВА О БЛОКЕ

Публикация Н. А. Кайдаловой и Н. Н. Примочкиной

Публикуемые мемуарные очерки о Блоке написаны Ремизовым в эпистолярной форме и поэтому воспринимаются как своеобразное дополнение к переписке, содержащей историю длительных литературных и личных взаимоотношений писателей. Все три очерка приурочены к датам, связанным с кончиной Блока. Первый из них — «Из огненной России» — был написан в Германии через три месяца после смерти поэта. Эти воспоминания были опубликованы в 1922 г. в Берлине¹, в том же году с небольшими сокращениями их перепечатал харьковский журнал «Художественная мысль» (№ 9). Второй мемуарный очерк — «Десять лет» — появился 6 августа 1931 г. в парижской газете «Последние новости» и, как это явствует из заголовка, был связан с десятилетней годовщиной смерти Блока. Третий очерк — «По серебряным нитям (Лития)» — и по содержанию и по форме тесно связан с двумя другими. Этот очерк был написан уже по поводу двадцатипятилетия со дня смерти поэта и напечатан 9 августа 1946 г. в газете «Советский патриот» (№ 54).

Все три очерка объединены Ремизовым в неопубликованной книге воспоминаний «Петербургский буерак. Шурум-Бурум» и составляют отдельную главу этой книги. Они расположены в хронологической последовательности как части единого произведения.

Оказавшись на чужбине, утратив родную почву, Ремизов постоянно обращается мыслью к Блоку и другим близким ему прежде людям, «спутникам жизни», в особенности к тем из них, кто, по его мнению, был добр и отзывчив. Ремизов объединяет ушедших навсегда из его жизни людей, в том числе и Блока, в своем духовном мире как носителей и творцов русской культуры. Известно из той же книги «Петербургский буерак», что Ремизов собирался написать «поминальную книгу», посвященную близким ему по духу писателям, литераторам, деятелям искусства и некоторым малоизвестным русским интеллигентам, работавшим в советской России в области культуры и просвещения. В известном смысле «Петербургский буерак» и есть такая «поминальная книга», в ней собран весь основной материал, которым мог воспользоваться Ремизов для завершения и окончательного оформления своего замысла. Но он печатал книгу отдельными отрывками, и часть материалов, включенных в «Петербургский буерак», до сих пор не издана.

Воспоминания о Блоке отличают лучшие качества ремизовской прозы. Повествование ведется просто и безыскусственно, без излишней архаизации речи. Своеобразие художественного мышления Ремизова проявляется, в частности, в излюбленной им разговорной, интимной интонации, полно передающей глубину и искренность чувства писателя.

Поскольку первый очерк публиковался в начале 20-х годов трижды, мы сочли возможным включить его в сообщение в виде фрагментов. Два другие очерка приводятся полностью. Все тексты воспоминаний публикуются по машинописному тексту книги «Петербургский буерак»; номер страницы указывается после цитаты в скобках. Рукопись с авторской правкой хранится в ЦГАЛИ, ф. 420, оп 5, ед. хр. 19.

7 августа 1921 г. Ремизов навсегда покинул Россию. Это произошло в день кончины Блока. Случайное совпадение в датах глубокого поразило писателя и приобрело в его глазах особый символический смысл. К этому факту Ремизов неоднократно возвращался в своих воспоминаниях. Отъезд из России трагически осознается как вечная разлука с любимой землей, подобная смерти Блока. И эта разлука, по ощущению Ремизова-художника, таинственным образом снова сблизила судьбы обоих писателей, спаяла по-новому прочной связью: если раньше они с Блоком были объединены жизнью в России, под ее «знаком», то и теперь их состояние общее — «вне России», холодное, запредельное.

Как уже отмечалось, Ремизов отказывается от классического жанра мемуаров, предпочитая ему особую форму «живого» общения со своим воображаемым собеседником и с читателем. На чужбине Ремизов оказался в психологической изоляции. Он воспринял европейский мир прежде всего с точки зрения чуждости его всему русскому, не-

заинтересованности в русском. Общение, хотя бы и воображаемое, с Блоком и другими русскими людьми, помогает в этот период Ремизову жить. Потребность обращаться к Блоку, делиться с ним, жаловаться на неурядицы и житейские трудности осталась, и Блок в воспоминаниях предстает таким, каким продолжал видеть его Ремизов: вечно живым, внимающим и безмолвно и сочувственно отзывающимся на его слова, воспоминания.

Ремизов начинает свой очерк 1921 г. эпиграфом, составленным из первого и последнего четверостиший стихотворения Блока «Девушка пела в церковном хоре» (1905):

Девушка пела в церковном хоре
 О всех усталых в чужом краю,
 О всех кораблях, ушедших в море,
 О всех, забывших радость свою.
 И голос был сладок, и луч был тонок,
 И только высоко, у царских врат,
 Причастный тайнам, — плакал-ребенок
 О том, что никто не придет назад.

Бедный Александр Александрович!

Покинуть так рано землю, никогда уж не видеть ни весен, ни лета, ни милой осени и любимых, белоснежных зим.

И звезд не видеть — сестер манящих — как только они нам светят!

Не видеть земли, без «музыки» — это такая последняя беда и от этой беды не уйти — а если вовсе и не беда, а первое великое счастье?

Но почему же для вас так рано?

Это я, еще бедующий здесь вместе с веснами и любимыми вьюгами и моей звездой серебряной, я стучу в затворенную дверь, не могу и никак не свыкнуться с этим вашим — счастьем.

В то утро — а какая ужасная была ночь — Лирова ночь! какой рвущий ветер и дождь,

ветер ввнил —
 и сам щичавый зверь содрогнулся б!
 ветер до — сердца! ²

В суровое августовское утро, когда, покорные судьбе, в скотском вагоне, как скот убойный, мы подъезжали к границе, оставляя русскую землю, дух ваш переходил тесную огненную грань жизни и вы навсегда покинули землю.

И еще огонек погас на русской земле» (с. 12—13).

Чувство непонятости, собственной ненужности и одиночества Ремизов узнал очень скоро. Буржуазная жизнь Европы, обывательская успокоенность и самодовольство, равнодушные подавляющего большинства к общественным проблемам, как и безответственное жонглирование левобуржуазных кругов модными словечками и идеями, — все это не могло внушить Ремизову симпатии и доверия к интеллектуальной и политической жизни Запада ³. На фоне общественной жизни Запада, определяемой модой и причудами благополучных и сытых людей, Россия представляется Ремизову страной, в которой совершаются события, полные глубокого значения и драматизма и представляющие живой интерес для русского человека и писателя:

«Это такое проклятие — вот уж подлинное несчастье — оставить родную всколыханную землю, Россию, где в бедующем Злосчастье наперекор рваной бедноте нашей, нищете и голи выбивается изумрудная молодая поросль (. . .)

А знаете, это я теперь узнал за границей, что для русского писателя тут, пожалуй, еще тяжче, и писать не то, что невозможно, а просто нечего: ведь только в России и совершается что-то, а тут — для русского-то — пустыня.

Уйти временно в пустыню, конечно, для человека полезно, в молчании собрать мысли — ведь нигде, как в пустыне зрение и чувства остры. — Гоголь уходил в римскую пустыню для «Мертвых душ». Тоже и поучиться следует, на старых-то камнях — «одним хоботом мазать невозможно» — правильно Толстой заметил Алексей Н. Только вот насчет прокорму — писателям и художникам веде приходится туго! — нада

какая-то работа, а всякая посторонняя работа, вы-то это хорошо знаете, засуетит. И выйдет то же на то же. И если судьба погибнуть, так уж погибать там у себя на миру в России» (с. 13—14).

Глубокой, пронзительной болью и тоской по России проникнуты все три очерка, ибо воспоминания о Блоке неизбежно вызывали мысль об оставленной родине. Любовь Ремизова к России возрастала с течением времени и привела его после долгих размышлений и сомнений к постепенному усвоению и одобрению той реальности, которая звалась его родиной. Уверенный в непреходящем значении «народной русской мудрости и правды», в неискоренимости духовных ценностей народа и русского языка, Ремизов после двадцати пяти лет жизни за границей, обращаясь к Блоку, говорит: «Горячо и всецело люблю настоящую, прошедшую и будущую Русь» (с. 32).

Уже в 50-е годы Ремизов весь последний период своей жизни следит за событиями в СССР и за развитием советской литературы, стремится наладить связь с родиной, пытается пояснить мотивы, заставившие его уехать. Вот какими строками начинается книга «Петербургский буерак»: «Моя жизнь раскололась. С августа 1921-го в Европе, прошел через Германию и навековал в Париже.

Никогда, а только за границей я почувствовал, что русский: я не чужой вам, но я по-своему. А моя память о русском ярче будь была бы, живи на родной земле среди своих, в России»⁴.

Тема России, составлявшая основу переписки Блока с Ремизовым, получила художественное завершение в публикуемых воспоминаниях. Ремизов стремится установить сходство и различие своего и блоковского творческого пути и дать законченные образы «по-разному русских» писателей. Различие это состоит, по мысли Ремизова, прежде всего в отношении к прошлому, настоящему и будущему России.

«Трижды вы мне снились.

Два раза в городе рыцарей — в башенном Ревеле и раз тут в зеленом Фриденау, в Фремденхейме фрау Пфейфер, над Weinstube, по-нашему, над кабаком.

Видел вас в белом, потом в серебре, и я пробуждаюсь с похолодевшим сердцем. А тут — над Weinstube — вы пришли совсем обыкновенным, всегдашним и мне было совсем не страшно. Я вас просил о чем-то, и вы, как всегда, слушая, улыбались — что-то всегда было чудное, когда я говорил с вами.

Из разных краев, разными дорогами проходили мы до жизни и в жизни по крови разные — мне достались озера и волшебные алтайские звезды, зачаровавшие необозримые русские степи, вам же — скандинавские скалы, северное небо и океан, и не даром выпала вам на долю вихревая песня взбаламученной, вздыбившейся России, а мне — погребальная над краснозвонной отошедшей Русью.

Где-то однажды, а может, не раз мы встречались — на каком перепутье? — вы, закованный в латы и с крестом, я, в моей лисьей острой шапке, под вой и бой бубна — или на расстанн какой дороги? в какой чертячьей Weinstube — разбойном кабаке или там — на болоте —

И сидим мы, дурачки, —

Нежить, немочь вод.

Зеленеют колпачки

Задом наперед.

Судьба с первой встречи свела нас в жизни и до последних дней. И в решающий час по заплывшим дорогам и бездорожью России через вой и вихрь прозвучали наши два голоса России —

на новую страдную жизнь

и на вечную память» (с. 18—20).

Определяя себя как певца прошедшей «краснозвонной Руси», Ремизов мысленно обращается к делу всей своей жизни: к поиску и исследованию старинного русского слова, освобождению его от чужеродных наслоений. Поэтика Ремизова — выражение его мировоззрения, русский язык — то, чему он предан более всего остального. В Блоке, как ином, несхожем с ним художнике, Ремизов подчеркивает «музыкальное», мировое звучание, определившее, по мысли автора, и необыкновенность личности поэта и его громадную историческую величину. В этом смысле не только Блок существует «под

знаком России», но и Россия находится «под знаком Блока» как музыкально уловленная, прочувствованная и воссозданная стихия. Ремизов неоднократно возвращается в своих воспоминаниях к особому дару «внутреннего слуха» Блока, который выделяет его на ряду «нормальных людей», превращает в некотором роде в музыкальный инструмент, реагирующий на грохот «мирового оркестра» и работающий в одном ритме с современной жизнью. Ремизов проводит грань между музыкой как видом искусства, той, которую «слушают», и той, которую «слышат» и которая, по романтической формуле автора воспоминаний, имеет происхождение не земное, а космическое, «звездное», и, следовательно, губительна для жителя земли. В самоотдаче Блока на волю музыкальной стихии Ремизов видит подвиг души, хотя и трагический, подобный совершенному в свое время Гоголем. Безвременная кончина Блока поэтому, несмотря на горечь утраты и глубокое сострадание поэту, видится Ремизову именно в свете величия его жизненного подвига.

«Блок был вроде как не человек.

И таким странным — дуракам — и как на человекам дан великий дар: ухо, какое-то другое, не наше.

Блок слышал музыку.

И это не ту музыку — инструментальную — под которую на музыкальных вечерах любители, люди сурьезные и вовсе не странные, а как собаки мух ловят, нет, музыку.

Помню, в 1917 году после убийства Шингарева и Кокоскина⁵ говорили мы с Блоком по телефону — еще можно было — и Блок сказал мне, что над всеми событиями, над всем ужасом слышит он — музыку и писать пробует.

А это он «Двенадцать» писал.

И та же музыка однажды, не сказавшаяся словом, дыхом своим звездным вывела Блока на улицу с красным флагом — это было в 1905 году.

Из всех самый крепкий, куда же Андрей Белый — так, мяля газообразная с седенькими пейзажами, или меня взять — в три дуги согнутый, и вот первый — не дуmano! — раньше всех, первый, Блок простился с белым светом.

Не от цыгги, не от голода, и ни от каких трудовых повинностей — ведь Блоку это не то, что мне, полезно разрубить или дров принести! — нет, ни от каких неустройств несчастных, Блок погиб и не мог не погибнуть.

В каком вихре взвихрилась его душа! на какую ж высоту! И музыка.

— Я слышу музыку, — повторял Блок <...>

Блок читал свои старые стихи.

А читал он изумительно: только он один и передавал свою музыку⁶. И когда [на вечерах брались актеры, было неловко слушать.

Ритм — душа музыки, и в этом стих.

Стихи не для того, чтобы понимать, их и не надо понимать, стихи слушают сердцем, как музыку, а актеру, профессиональным чтецам — не ритм, выражение — всё, а выражение ведь это для понимания, чтобы слушая стих, лишённые «уха» мух по-собачьи не ловили.

Про себя Блока будут читать — стихи Блока, а с эстрады больше не зазвучат — не услышишь, если, конечно, не вдолбят актеру, что стих есть стих, а не разговоры, а безухий есть глухой» (с. 23—26).

Поэтому «Двенадцать» Ремизов оценивает также с позиции художника, восторженно приветствующего удачу другого художника: воплощение мира в словесно-музыкальной стихии, адекватной стихии революционной, «взвяхренной» России (см. вступительную статью). Спустя много лет Ремизов, возвращаясь памятью к тем историческим дням, в которые создавалась поэма, вновь усмотрел в блоковском слове непосредственное выражение «музыки» русской истории:

«Редкий вечер не говорили мы с Блоком по телефону. Однажды он мне сказал, что слышит музыку и пробует писать. Я понял, — он в вихре слов, но каких, я не мог себе представить: революция разнословна. Я в те дни писал прощальное слово о Московской Руси: «Вечная память!» <...> Когда я прочитал «Двенадцать», меня поразила словесная материя — музыка уличных слов и выражений — подскрёб [слов неожиданных у Блока <...> В «Двенадцати» всего несколько книжных слов! Вот она какая музыка, подумал я. Какая выпала Блоку удача: по-другому передать [улицу я не представляю возможным! Тут Блок оказался на высоте словесного выражения]»⁷.

В последние месяцы жизни Блока Ремизов принялся иллюстрировать поэму и рассматривал свои «картинки» как прощальное слово поэту перед своим отъездом за границу.

«Бедный Александр Александрович!

Всё никак не могу убедить себя, что вас уж нет на свете.

Вот тоже, когда Шеколкин помер, я тоже долго не мог: схвачусь и всё будто папиросу ищу — сам курю и ищу, как в бестабашье.

Передали ли вам моё последнее слово?

— Что ж сказать Блоку?

А я точно испугался — чего-то страшно стало — не сразу ответил.

— А скажите Блоку: нарисовал я много картинок, на каждую строчку «Двенадцати» по картинке.

Пусто и жутко было в моей комнате: пустые полки, и игрушек не было, пустая зеленая стена с серебряными гнездышками, и ваша «ягиная черпалка» — помните, на Островах нашли? — убралась в жестяную коробку из-под бисквитов вместе с «гребнем ягиным» и только огонек перед образом неугасимый светил, как всегда, в последнюю ночь, разбирали последнее, как после похорон.

— А это значит, — объяснил я, — за эти три месяца я думал о нем.

Евгения Федоровна Книпович так и обещалась передать» (с. 17—18).

Рисунок был для Ремизова равноправным со словом средством художественного выражения. У него было убеждение, что графика — прообраз письменности, а всякое начертание слов и отдельных букв сродни рисунку. Многие его письма есть в то же время и рисунок — стилизация старинного «узорного» начертания, средневековой буквенной вязи. Годами, в особенности в период жизни за границей, Ремизов вел «графический дневник». Язык графики приходил ему на помощь, когда сам писатель чувствовал, что рисунок будет действительнее, актуальнее и, главное, доступнее и понятнее слова. Он рассказывал Н. В. Кудрянской: «В революцию мне было легче рисовать, чем выражаться: я нарисовал «Двенадцать», но не удалось показать Блоку. Этот мой альбом еще до войны в 1937 году я передал А. Б. Кусикову⁸ в Париже»⁹.

Ремизов издал иллюстрации к «Двенадцати» отдельной книжкой в десятилетнюю годовщину смерти Блока¹⁰. Выпущенная в свет в единственном экземпляре, книга экспонировалась на выставке рисунков русских писателей, устроенной журналом «Числа» в Париже.

Страницы мемуаров, посвященные встречам двух писателей, ценны не только фактическим материалом, касающимся их лично, но и изображением характерных черт литературного быта и культурной жизни России на протяжении первых двух десятилетий XX в. Наиболее богат такими страницами первый мемуарный очерк, написанный под непосредственным впечатлением от известия о смерти Блока, когда в воображении Ремизова с особой яркостью вновь прошли неповторимые годы общения и дружеской близости с поэтом. Эти страницы в воспоминаниях 1921 г. составляют цельный, внутренне и композиционно завершенный фрагмент.

Никогда не забуду, (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

1905 год. Редакция «Вопросов жизни» в Саперном переулке. Я на должности не канцеляриста, а Домового — все хозяйство у меня в книгах за подписями (сам подписывал!) и печатью хозяина моего, Д. Е. Жуковского¹¹, помните, «высокопоставленные лица» обижались, когда под деловыми письмами я подписывался «старый дворецкий Алексей». Марья Алексеевна, младшая конторщица, убежденная, что мой «Пруд»¹² есть роман, переведенный мною с немецкого, усумнилась в вашей настоящей фамилии: — Блок! псевдоним?

И когда вы пришли в редакцию — еще в студенческой форме с синим воротничком. — первое, что я передал вам, это о вашем псевдониме.

И с этой первой встречи, а была весна петербургская особенная, и пошло что-то, от чего, говоря со мной, вы не могли не улыбаться.

Театр В. Ф. Коммиссаржевской на Офицерской с вашим «Балаганчиком» и моим «Бесовским действием»¹³ — Вс. Мейерхольд — страда театральная.

«Неофилологическое общество» с Е. В. Аничковым¹⁴ — весенняя обрядовая песня и ваше французское средневековье¹⁵. Вечера у Вяч. Иванова на Таврической с вашей «Незнакомкой» и моей «Калечиной-малечиной» посолонной¹⁶.

1913 год. Издательство «Сирин» — М. И. Терещенко и его сестры — канун войны, когда мы встречались всякий день и еще по телефону часовали. Вы жили тогда на Монетной, помните Острова, помните другривенный, ведь я его отдал последний! — как вы смеялись и после, еще недавно, вспоминая, смеялись.

Р. В. Иванов-Разумник — «Скифы» — предгрозовые и грозные.

1918 год. Наша служба в ТЕО — О. Д. Каменева — бесчисленные заседания и затеи, из которых ничего-то не вышло¹⁷. И наша служба в ПТО — М. Ф. Андреева¹⁸ — ваш театр на Фонтанке, помните, вы прислали билеты на «б. короля Лира»¹⁹.

Комитет «Дома литераторов» с А. Ф. Кони под глазом Н. А. Котляревского²⁰.

И через четырехлетие «Опыта» Алконост — С. М. Алянский, «воисполком обезьяний», мытарства и огорчения книжные, бесчисленные, как заседания, прошения Луначарскому, разрыв и мировая с Ионовым²¹.

Помните, на Новый год из Перми после долгого пропада появился влюбленный Слон Слонович (Юрий Верховский)²² — вот кому горе как узнает! — ведь вы первый в «Вопросах Жизни» отозвались на его стихи слоновьи, на «Зеленый сборник»²³, в котором впервые выступил Слон с М. А. Кузминым и Менжинским²⁴.

Помните Чуковские вечера в «Доме Искусств», чествование М. А. Кузмина²⁵, «музыканта обезьяньей великой и вольной палаты», и наш последний вечер в «Доме литераторов» — я читал «Панельную сворь»²⁶, а вы стихи про «французский каблук»²⁷, домой мы пошли вместе — Серафима Павловна, Любовь Александровна²⁸ и мы с вами — по пустынному Литейному, зверски светила луна.

Февральские поминки Пушкина — это ваш апофеоз²⁹.

И опять весна — Алконост женился³⁰ — растаял Невский, заволынил Остров, восстание Кронштадта³¹, белые ночи.

Первый день Пасхи — первая весть о вашей боли,

И конец.

Глаза ваши пойдут цветам,

Кости — камню,

Помыслы — ветру,

Слово — человеческому сердцу» (с. 20—22)

Воспоминания написаны в характерной для Ремизова манере, — с привлечением большого числа подробностей, обстоятельств, имен и связей, они содержат сжатые, но яркие, часто забавные и юмористические характеристики людей, сыгравших более или менее существенную роль в жизни Блока. Сам Ремизов не забывал никого, с кем был связан когда-то дружескими узами, и все его бывшие друзья имели в его душе что-то вроде «вида на постоянное жительство». Почти каждому из них была выдана Ремизовым «обезьянья грамота» как свидетельство принадлежности к шуточному ордену.

Однако писатель серьезно относился к членам этого ордена, любил их, несмотря на различие их характеров, темпераментов и жизненных и творческих путей.

Избранная Ремизовым интонация доверительной беседы с другом позволяет естественно переходить от воспоминаний о прошлом к настоящему. Ремизов рассказывает, к примеру, о том, как чтут память Блока и берегут его могилу оставшиеся в Петрограде друзья. Ремизов умеет настолько оживить образ Блока в своем воображении, что невольно мысленно вступает с ним в ту лукавую игру, в которую пытался вовлечь его при жизни (см. вступительную статью).

«Да, хорошо, что на Смоленском³².

Федору Ивановичу, хоть и обидно — помните покойника Ф. И. Щеколдина, любил он вас! — это когда с Гороховой-то нас выпустили³³, он вскоре и помер, на советских мостках в Александро-Невской Лавре лежит, — ну, Федор Иванович поймет.

Я. П. Гребенчиков³⁴ и его сестры, они на острове, соседи наши, от них до Смоленского два шага, они-то уж как будут могилу вашу беречь, знают там каждый холмик, придут и на Радолицу — красное яичко принесут, похристосуются, и на зеленый Семик

и на Дмитровскую субботу³⁶. Гребенщиков — книгочий, всякую вашу книгу имеет и на иностранном, он один такой в Петербурге, он и могилу не оставит, «князь обезьяний».

А ваш обезьяний знак, Александр Александрович, — его ни в какой отдел не потребуют — забыл я, с чем он — картинка — с каким хвостом или лапами?³⁶ — у П. Е. Щеголева³⁷ с лапами гусиными и о трех хвостах выдерных» (с. 16—17).

«Евгений Павлович³⁸ тоже кавалер обезьяний — с лягушачьим глазом и хвостом рогатого мыша! — с Гребенщиковым спюхаются и пока живы, бородастые, один рыжий, другой черный, как бесы из «Бесовского действия», дико козя бородами, станут на страже, не покинут вашего Креста» (с. 18).

Воспоминания Ремизова ценны глубоким пониманием особенностей поэтической и человеческой личности Блока. Писатель акцентирует внимание на таких сторонах характера Блока, как постоянное внутреннее беспокойство и обнаженная, «потрясенная совесть» — две человеческие особенности, заставлявшие поэта горячо откликаться на страдания людей, остро реагировать на «проклятые вопросы» русской жизни. Ремизов отстаивает доброе имя Блока, неизменно подчеркивает его гуманность и убежденность, противопоставляя свою точку зрения отношению к поэту русской эмиграции, обвинявшей его в черствости и безответственности. В незатихающей полемике Ремизов с начала и до конца держит сторону Блока, утверждая единство его поэзии и публицистики и неразрывность его творчества с гуманистическими традициями русского классического наследия.

Страницы мемуаров Ремизова, искренние и трогательные, полные щемящей боли и попыток «довыяснить» и определить то, что не было сказано при жизни поэта, проникнуты гордостью за трудный жизненный путь Блока, открылены сознанием причастности поэзии и судьбы Блока к жизни новой России и к новой ее литературе. Этой темой Ремизов завершает воспоминания 1921 г.

«У Блока не осталось детей — к великому недоумению и огорчению В. В. Розанова! — но у него осталось больше, и нет ни одного из новых поэтов, на кого б не упал луч его звезды.

А звезда его — трепет сердца слова его, как оно билось, трепет сердца Лермонтова и Некрасова — звезда его незакатна.

И в ночи, над простором русской земли, над степью и лесом, я вижу, горит» (с. 26).

Тема исторического значения Блока, его бессмертия с особой силой прозвучала в воспоминаниях 1931 г. и 1946 г., когда память о нем прошла испытание временем. Эта тема, развиваясь от очерка к очерку, постепенно приобретает новые краски и новое звучание. Продолжая утверждать кровную связь Блока с Россией, с русской культурой, Ремизов в последнем очерке подчеркивает близость его поэзии культурным традициям западной литературы, включенность Блока в мировой культурный процесс. Мысль эта развивается Ремизовым путем противопоставления поэтической судьбы Блока своей собственной судьбе, в которой он подчеркивает черты национально русские, чужеродные всему западному началу (даже фамилия его неудобопроизносима для иностранца). Выбирая для Блока «ряд», в который входит его творчество, Ремизов называет французских романтиков и символистов: Шатобриана, Ламартина, Гюго, Бодлера и Верлена. В том же «мировом» ряду стоит, по мысли Ремизова, и любимый Блоком Гейне, носитель неистребимого романтизма и «трансцендентной иронии». В 30-е и 40-е годы писатель становится свидетелем призвания Блока и постепенного нарастания интереса к его творчеству за рубежом.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десять лет со дня смерти Блока — срок столетия. Годы с 1917 идут не дневными шажками, а десятилетиями, время подкатывается вихрем. Вихрь, унесший Россию, вьется над побережьем Океана, и здесь, на старых камнях, каким трудом сложившаяся жизнь хряснула. И в такие тревожные кануны десятилетие — этот вековой срок — историческая проба и испытание. И разве не ясно, в десятилетнюю память и сказать правду*: как крепко

* В автографе, видимо, описка: неправду.

и громко через свист вихря имя Блока. И я скажу: говорить можно о России и под знаком Блока. И это удел немногих.

Через десять лет странствования — а я только так и могу говорить, потому что день смерти Блока — это тот день, когда мы ступили на чужую землю, и в этом наша общая судьба: расстаться с Россией. Через годы «пустыни», дней молчания и труда, выступает передо мной лицо человека с упорными беспощадными глазами, человека, окаменелого в том твердом убеждении, которое движет горами, он смотрит, не закрывая глаз, на это пенящееся, булькающее, гоняемое, гонимое и встряхиваемое вихрем, на эту вздыбившуюся жалкую жизнь бунтующего человека, а бунтует человек, когда «больше так жить невозможно»³⁹ — и то же лицо человека с глазами, погруженными в слух, туда, через «черное, черное небо»⁴⁰ в бушующее судьбинное. А смотреть так беспощадно и убежденно, окаменев, когда с чистым дуновением человечески-из-человеческих пожеланий поднимается смрад и струями ползет дрянь, может человек не от бесчувствия, а от потрясенной совести: «невыносимо вопиет поруганная жизнь, и другого исхода нет!» — слушать, обращенному туда за череп «Черного, черного неба», может только человек по врожденному страшному дару «слуха».

Одни люди рождаются уверенные, безмятежные и самодовольные (по Достоевскому это «деятели» — тупые или отупелые) и другие — никогда не успокаивающиеся и с обнаженной совестью (по Достоевскому это — «мышь») ⁴¹. Из встреч за все мои годы, а меня не обездолила судьба, я знаю только двух с такой обнаженной совестью и с таким беспокойством, и один из них Блок.

«Человек, никогда не меняющий своих мнений, подобен стоячей воде, и в мыслях своих рождает гадов» (Блэйк) ⁴² — и как завидна, какой покой, такая жизнь человека; но у «имеющего внутри бурю», в неумиренности, с надрывающимся сердцем — какая тягчайшая доля!

За год до смерти Блока, в мае 1920, на моем «чтении» — я читал главу из моей «Плачущей канавы» ⁴³, где вновь, после «Крестовых сестер» ⁴⁴, через десять лет, я спросил себя: «что есть человек человеку?» И ответил: «Человек человеку бревно. . . нет, человек человеку подлец». И еще спросил себя, вдруг вспомнив все-то до последних дней моей жизни и оглянув жизнь в эти наши жгучие бедовые годы, и ответил: «Человек человеку дух утешитель». И из всех, кто слушал чтение, никто так горячо не отозвался, как Блок: «Я уж и не знаю, что еще можно сказать». И это осталось у меня в памяти — не за себя, а за Блока.

И еще, я это тоже запомнил: прощальное — последнее наше выступление. В марте 1921 г., на общем последнем чтении я читал из начатой в то время «Взвихренной Руси» рассказ «Находка»: ⁴⁵ не подлец, никакой «злодей» герой моего рассказа, а «шут гороховый» — трагикомедия из «мизерной жизни нового складывающегося головокружительного быта, и смех был последним общим словом. Пересмеявшись, Блок читал свое:

Да, так любить, как любит наша кровь —
Никто из вас давно не любит. . .

Блок еще мог смеяться, так еще далек был от надвигающейся беды. Придет через два месяца: 1 мая возвращение из Москвы — совсем большой — и затвор до смерти. Май, июнь, июль и семь дней августа — агония.

Блок умер 7 августа, в день св. Газтана ⁴⁶ — имя из «Розы и Креста».

Блок умер, потому что умер. Срок его жизни был отмерен. Должен был и не мог не умереть. И мучения его были безмерны. (Сердце). В его смерти было роковое, как в смерти Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Есть тайна «слуха», а дар «слуха» тоньше и выше дара «зрения». Но этот дар «внутреннего слуха» так не проходит: что-то, как-то и когда-то случится, и вот — человек пропал. Я это говорю, раздумывая о судьбах, не вровень с обыкновенным, по невольным признаниям в предании или оставленных книгах.

Я не могу говорить о Блоке: и через десять лет — через этот «век» — я живо чувствую его живым, со мной всегда кротким, и его улыбку. Круг с каждым годом теснее. И память о тех, с кем прошла жизнь, и кто уже больше не скажет, крепка.

ПО СЕРЕБРЯНЫМ НИТЯМ

(Лития)

Наше крепкое день-из-дня, много лет, и кануны и «взвихренная», наше неисчерпаемое кончилось. И серебряные нити моих сонных мыслей вдруг рассеялись.

«Умер Блок».

Серафима Павловна заплакала.

Ее горячие, ее пламенные слезы — больно человеку глядеть, и зверь различит эти слезы. Породы каменной колыбель моя — кремлевские стены, вся Москва — мне тын и на огне моя душа раскалена звенит, окаменеваю.

7 августа Блок покинул землю. И в то же самое утро 7-го — «утро туманное, утро седое»⁴⁷ — на рубеже мы прощались с русской землей. Блок в путь «всея земли», наша дорога в чужие — и среди своих и среди языка чужого.

Со всей болью моей — горючим камнем — перед неизбежным: так оно и должно было быть, что было — «до самых смерти».

На чужой земле похоронил я Серафиму Павловну⁴⁸ — ее живую, глубокоую, необозримую память: весь Блок. И мне, полуслепому, никто уж не напомнит любимое — стихи Блока.

Я говорю о земле: чужая — но разве земля чья? Тяжелые, напоенные кровью, «свое» и «чужое» — это проклятие, эти крепости: на ногах огибни, на руках наручи, на шее цепь. . . но живому, и разве отымусь от оков, раставаясь?

«Я затеплю лампаду моей страдной веры, буду долгими ночами трудными слушать твой голос, сокровенная Русь моя, твой ропот, твои стоны, твои жалобы» («Взвихренная Русь»).

Русский, с годами еще руше, я спрашиваю из моего затвора: заговорит ли Россия по-русски?

[Дела Петра не поправишь, русский природный лад — вон — с корнем. Но «живая вода» — природа речи — никогда, ни под «французской какой модой», ни под какой «немецкой грамматикой», не иссякала. Оживить серую, в «немецких» шорах, книжную русскую речь, освященную великими произведениями русских писателей.]

А Вы, Александр Александрович, вспоминаете Россию?

Часто за эти годы, посмертные, снился мне Блок. А что, как не сон, единственная у нас, живых, связь с тем миром? По желанию только в «Тысячи и одной ночи» сны снятся; сны не прощены, не зованы, они сами приходят.

Вы приходите ко мне по серебряным нитям так же легко и воздушно, как силфы с трепетом, голубое, и детской улыбкой. Конечно, вы вспоминали Россию не раз и никогда ее не забудете — через меня вспоминаете там: горячо и всецело люблю н а с т о я щ у ю, п р о ш е д ш у ю и б у д у щ у ю Русь.

Гость или изгнанник. Гадаю. Нет, тут мы с вами по-разному.

Про себя хочу думать, я гость в этом чудесном мире — его, горечью отравленное счастье и его, мне особенно по душе, «бессмыслица» и «безобразие», и я не какой-нибудь гость выдающийся, но и не такой, «которого не велено пускать»: «подстриженными» глазами⁴⁹ кротом тычусь, при свете мне очень неловко, и никогда за всю мою жизнь не приходилось присесть к столу по-человечески. Слава богу, нынче мне ничего, пока что, а то, нищетою забит, спички считал и лалялся. Александр Александрович, про это я с вами, чего вы не знаете, разговариваю. Тоже все ваши стихи переслушал, носом клюя, ничего не подделаешь, не сердитесь.

БЛОК

Портрет работы А. М. Ремизова (тушь), 1926 г.,
Париж
Частное собрание, Англия

БЛОК

Рисунок А. М. Ремизова, 7—8 февраля 1941 г.
(тушь)
Центральный архив литературы и искусства,
Москва

А вот Блок — не гость, Блок — изгнанник. За какой грех или за какое преступление? В «Красной свитке» черта выгнали из пекла: «пожалел» — там это не годится⁵⁰, а Блок — не из пекла, и всю-то жизнь в чем-то винулся.

Заклейменные, как и его брат Бодлер, как Гейне — которого так любил⁵¹, и на земле жизнь свою он мучил. Боль — ее не скроешь, и тоска, пронизывающая стих, и это пение (пускай цыганское!) — напев подгудных песен отмеченного судьбой.

И какая потерянности среди людей. И только в пьяне можно еще как-то осмелеть и смотреть в глаза, ответить, не спотыкаясь, хотя бы и не то.

Блок заболел весь, «всем человеком», как Аполлон Григорьев⁵². С Блоком много сходства, только Блок без голоса, а Григорьев под гитару цел свою «Венгерку»: «Две гитары за стеной жалобно завывли». . . (Воспоминания Фета)⁵³. Впрочем, один конец: срок отбыл, собирай вещи и домой, живо! Блок обрадовался, заснешил, тут ему и дух вон. И понесет он только свою совесть — совесть, говорят, надо проверять разумом, а какая ж там логика! — совесть наша не легкая.

А помните, Александр Александрович, в такой же затаенный, как сейчас, без солнца и без грозных туч, теплый, серый летний день, бродя по опустелому Парижу⁵⁴, мы зашли в Сорбонну и по пустым залам ходим — и с тем же благоговением, неизбежным для Достоевского на всю жизнь: «старые камни Европы» и «дорогие могилы». Мы ступали по следам Петра, Тредиаковского, Кантемира, Фонвизина, Карамзина, Тургеневых, Гоголя, Герцена, Погодина, Шевырева, Хомякова, И. С. Аксакова, Аполлона Григорьева. Мы — только «странники с русской земли». Странником с русской земли, так и живу, и никогда не догадаться, что здесь из моего по сердцу, говорю и отвечаю,

в темную, простой народ меня «гулящего», принимает за китайца: «забеглый Китай», фамилия трудно выговаривается. Но ваше имя всеми буквами прозвучало ныне по-французски, на русского Купалу⁵⁵, здесь, в единственном городе, Париже, в единственной Сорбонне, как свое, и среди теней Сорбонны я различаю вашу тень — Шатобриан, Ламартин, Гюго, Мюссе, Верлен. . . а слова о вас Sophie Bonneau «L'Univers poétique»⁵⁶ — венок на ваше измученное сердце.

В ту ночь — Купальская — после волшебного дня «мировой поэзии» серебряные нити — мои сонные дороги увели меня далеко, и я очнулся под Москвой в Звенигороде. В детстве не раз стоял я там, на лугу у леса, и вот опять глазами к тихим полевым цветам. И все это живое пестрое тянется ко мне, выговаривая тонко-цветно, по-цветочному. И потому что я один, я понимаю, но ответить не могу. Пасмурный день сторожит меня кукушкой. И такое чувство — я, как тот пустынный, заслушался, птичка поет, думал, с час, а прошло тысяча лет.

И какой бедной глянула на меня моя нарядная цветная, вся в серебре, стена, — кукушка не кукует, — за окном в гараже зудит автомобиль, и только книги — мой пасмурный день.

Александр Александрович, какие мы за эти годы! ошеломила ли душу изводящая тревога или непоправимое — утрата — злее совести? Слова стертые, куды или топор, сказки забыты, и только все около носа без всякой дали — и разве неисследимая жизнь так убога? В серебряные нити снова вломились тугие мысли дня — сон без сновиденья.

Александр Александрович, если бы вы знали, как я радуюсь всякому с воли залетевшему листку, всякой зеленоглазой травке — пусть на ногах занесли, всякому теплomu перышку, всякой игре волны — морской раковинке; и какое счастье, на лице человека встретить детскую улыбку. Я вас всегда помню.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Голос России», 8 января 1922 г. См. также: Алексей Ремизов. АХРУ. Повесть Петербургская. Берлин—Пб.—Москва. Изд. Г. И. Гржебина, 1922.

² Приводимые Ремизовым строки представляют собой реминисценцию или вольный перевод шекспировского текста: «. . . И ночные твари // Таких ночей бояться: ярость неба // И хищников, привыкших к мраку, гонит // В пещеры, в норы, Как себя я помню, // Подобных молний, и раскатов грома, // И воя бури с ливнем — я не слышал и не видал. // Не вынести человеку такого ужаса!» — В. Шекспир. Король Лир. М.—Л., «Искусство», 1937, с. 120.

³ «. . . Гоголевская гномическая галерея: пройдите на собрания, на съезды, на конференции, на благотворительные балы и вечера: безответственно цеголоют своей авангардностью среди людей, которым все надоело, а с щегольством, конечно, связывается и выгода <. . . > Это люди, одержимые ложью, прогнившие ложью: самое модное в Европе — «коммунизм, глаза на СССР, ничего непонятного тут нет, надо спасаться», и в богатых салонах игра в этот авангард и люди, никогда не рискующие ехать в СССР ответственно». — А. Ремизов. Здешний Сатирикон. — ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 4, ед. хр. 9, с. 2—3.

⁴ А. Ремизов. Петербургский буерак. Шурум-бурум. — ЦГАЛИ, ф. 420, [оп. 5, ед. хр. 18, с. 6.

⁵ Федор Федорович *Кокоскин* (1871—1918) — один из основателей партии кадетов, юрист, публицист, депутат Первой Государственной Думы, член Временного правительства. Андрей Иванович *Шингарев* (1869—1918) — кадет, депутат Государственной Думы, член Временного правительства. В январе 1918 г. были убиты матросами-анархистами. Об этом эпизоде см. записи Блока от 8 и 9 января 1918 г. (ЗК, с. 382—383).

⁶ Современники Блока неоднократно писали об особой манере и мастерстве чтения Блоком своих стихов. Подробный анализ декламаторского искусства поэта содержится в статье С. И. Бернштейна «Голос Блока» (1921). См.: «Блоковский сб.», 2, с. 454—525. В «Примечаниях» к статье указаны работы, в которых содержатся характеристики и оценки чтения Блоком стихов.

⁷ Наталья Кодрянская, Алексей Ремизов. Париж, 1959, с. 103.

⁸ Александр Борисович *Кусиков*. (Кусикян) (1896—?) — Поэт-виажинист. После Октябрьской революции — эмигрант.

⁹ См. об этом в кн.: Наталья Кодрянская, Алексей Ремизов, с. 104.

¹⁰ Alexej Remizov. La Russie en Tourmente. A la memoire d'Alexander Blok. 47 dessins en blanc et en noire et en couleur pour illustrer du poeme «Les douze». Textes russe,

français et allemand. Les Editions TCAISLA, Paris, 1931. Exs. unique». — См.: ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 4, ед. хр. 37.

¹¹ «Вопросы жизни» — журнал, созданный на основе журнала «Новый путь». Орган группы философов-идеалистов и писателей-символистов. Ремизов заведовал конторой журнала. Издатель — Дмитрий Евгеньевич Жуковский.

¹² «Пруд» (1902—1903) — первый роман Ремизова, печатался в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни», в 1908 г. вышел отдельной книгой в петербургском издательстве «Сириус». См. вступительную статью.

¹³ «Бесовское действо» (1907) — драматическое произведение Ремизова. Постановка «Бесовского действа» была осуществлена в 1908 г. на сцене театра В. Ф. Коммиссаржевской. Режиссером спектакля был Ф. Ф. Коммиссаржевский, декорации написал М. В. Добужинский.

В статье «Литературные итоги 1907 года» Блок характеризует «Бесовское действо» как произведение, которое «заставляет нас думать, что писатель обещает стать хорошим драматургом: так стройно развивается действие и такой по-своему легкой, живой и острый диалог открыл автор даже в своей темной стихии» (V, с. 227).

¹⁴ Евгений Васильевич Аничков (1866—1937) — историк литературы и критик. Был активным членом нефилологического общества при Петербургском университете.

¹⁵ Имеется в виду книга Аничкова Е. В. «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», ч. I—II. СПб., 1903—1904, которую широко использовал Блок для изучения французского средневековья во время работы над драмой «Роза и Крест». См. примечания Блока к драме «Роза и Крест» (IV, 512, 518, 520).

¹⁶ «Калечина-малечина» — детская игровая песенка из книги Ремизова «Посолонь» (М., изд. журнала «Золотое руно», 1907). «Посолонь» — сборник мифов и оригинальных сказок, написанных в 1900—1906 гг. В дарственной надписи жене на VI томе собрания сочинений (СПб., «Сириус», 1910—1912) Ремизов писал: «Посолонь! Больше такого не напишу: это однажды <...>. Посолонь из самых земляных корней. Это молодость» (А. М. Ремизов. Избранное. М., «Художественная литература», 1978, с. 506). В примечаниях к книге Ремизов объясняет ее название построением: «Посолонь — по солнцу, по течению солнца <...> содержание книги делится на четыре части: весна, лето, осень, зима, — и обнимает собой круглый год. Посолонь ведет свою повесть рассказчик — «по камушкам Мальчика с пальчика», как солнце ходит — с весны на зиму». (А. М. Ремизов. Избранное, с. 393).

¹⁷ С марта 1918 г. по июнь 1919 г. Блок работал в репертуарной секции Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса. Заведовала ТЕО Ольга Давидовна Каменева. С 4 октября 1918 г. по 3 марта 1919 г. Блок был председателем Репертуарной секции. Членом секции, наряду с другими видными литераторами, учеными и критиками, состоял и А. М. Ремизов. Подробно о работе Блока в ТЕО см. в статье Ю. К. Герасимова «Александр Блок и советский театр первых лет революции (Блок в репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса)» — «Блоковский сб.» 1, а также статью Н. И. Дикушиной «Блок и Луначарский» в наст. томе.

¹⁸ ПТО — Петроградский Отдел театров и зрелищ, которым заведовала драматическая артистка, видный деятель театра, Мария Федоровна Андреева (1872—1953).

¹⁹ См. п. 89, прим. 2.

²⁰ Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — судебный деятель, писатель, академик, член Комитета Дома литераторов в Петрограде. Нестор Александрович Котляревский (1863—1925) — историк литературы, академик, председатель Комитета Дома литераторов. В январе 1921 г. Блок был также избран членом этого Комитета. В замечании Ремизова выразилось, по-видимому, присущее и ему и Блоку недоверие к представителям до-революционной либеральной профессуры, стоявшей на позициях буржуазной историографии. Ср. отрицательную оценку книги Н. А. Котляревского «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения» (1905), данную Блоком в статье «Педант о поэте» (V, 25).

²¹ Илья Ионович Ионов (Бернштейн) (1887—1942) — поэт, в 20-е годы — заведующий Петроградским отделом Государственного издательства. Ионов всячески препятствовал изданию произведений Блока в издательстве «Алконост». Отношения особенно обострились в начале 1921 г., однако в апреле ссора закончилась «покаянием» Ионова (VII, 351, 352, 397, 420). Подробно история сотрудничества Блока в издательстве «Алконост» и история взаимоотношений поэта с И. И. Ионовым изложены в статье И. А. Чернова «А. Блок и книгоиздательство «Алконост»» — «Блоковский сб.» 1, с. 530—538.

²² Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт и историк литературы, приятель Блока и Ремизова.

²³ В «Зеленом сборнике» (СПб., книгоиздательство «Щелканово», 1905) были помещены стихи Ю. Верховского, Вл. Волькенштейна, К. Жакова, М. А. Кузмина, прозаические произведения П. Конради и Вяч. Менжинского. Блок откликнулся на сборник рецензией («Вопросы жизни», 1905, № 7), в которой, в частности, писал: «Сильнее всех — Юрий Верховский, умеющий разнообразить размеры и владеющий стихом лучше всех. Может быть, для него всего опаснее литературное поглощение; среди действительно свежего попадаете искусственное — обилие эпитетов, дурая спайка сильных стихов с бессильными и гладкими» (V, 578).

²⁴ Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874—1934) — в молодости — писатель, революционный деятель, большевик, помощник Ф. Э. Дзержинского, начальник ВЧК.

²⁵ Чествование М. А. Кузмина в связи с пятидесятилетием со дня рождения состоялось

29 сентября 1920 г. на вечере в Доме искусств. Блок выступил с юбилейным приветствием от имени Всероссийского союза поэтов (VI, 439). С речами выступили также Н. С. Гумилев, Б. М. Эйхенбаум, В. Чудовский, С. М. Алянский, В. Б. Шкловский, В. Ховин. В заключение вечера читал свои стихи М. А. Кузмин.

В ЦГАЛИ (ф. 420, оп. 1, ед. хр. 88) хранится написанное Ремизовым приветствие М. А. Кузмину, помеченное 29 сентября 1920 г.

¹⁶ «Панельная сворь» — рассказ Ремизова (1921) — впервые в сб. «Шумы города», изд-во «Библиофил», Ревель, 1921.

¹⁷ Стихотворение Блока «Унижение» (1911) — III, 31.

¹⁸ Любовь Александровна Дельмас (1884—1969) — оперная певица, близкий друг Блока.

¹⁹ 13 февраля 1921 г. Блок выступил с речью «О назначении поэта» на вечере памяти Пушкина в Доме литераторов. В феврале состоялось еще одно его выступление, посвященное Пушкину, — в Петроградском университете. В редакционном предисловии к сборнику «Пушкин, Достоевский», где была напечатана речь Блока, в частности, говорится: «Разно было всегда, и особенно в последние годы, отношение к Блоку, но то, что он сказал о Пушкине, и то, как он это сказал, — с какой-то особенной внешней отчетливостью, с какой-то убежденной твердостью, — захватило всех, отразилось в слушателях не сразу осознанным волнением, вызвало долгие рукоплескания и возбудило долгие разговоры («Пушкин, Достоевский», Пг., изд. Дома литераторов, 1921, с. 4).

²⁰ Алконост — прозвище С. М. Алянского по названию издательства. В январе 1921 г. С. М. Алянский женился на Надежде Львовне Гинзбург. См. запись Блока в дневнике от 4 января 1921 г. (VII, 390).

²¹ Контрреволюционный мятеж, поднятый в Кронштадте 28 февраля 1921 г. Мятеж был подавлен 18 марта.

²² 10 августа 1921 г. Блок был похоронен на Смоленском кладбище. 27—28 сентября 1944 г. прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.

²³ Имеется в виду арест группы литераторов, печатавших свои произведения в изданиях левых эсеров или близких к левозероверским кругам, произведенный в Москве и Петрограде после ликвидации партии левых эсеров. В числе арестованных на короткое время были Блок и Ремизов (Блок был задержан с вечера 15 до утра 17 февраля). После допросов, установивших непричастность арестованных к партии левых эсеров, они были освобождены. Арестованные содержались в помещениях ВЧК на Гореховой улице. Подробно об этом см. в воспоминаниях А. З. Штейнберга (сб. «Памяти Александра Блока» Пг., изд. Вольфила, 1922, с. 35—53). См. также записи Блока в дневнике от 15, 16, 17 февраля 1919 г. (VII, с. 449—450).

²⁴ Яков Петрович Гребенщиков — библиотекарь Ленинградской Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, страстный энтузиаст, собиратель и знаток книги, друг Ремизова. Я. П. Гребенщикову Ремизов посвятил отдельный мемуарный очерк, включенный в книгу «Петербургский буерак».

²⁵ Радоница (или радуница), Семик, Дмитровская суббота — народные религиозные праздники, уходящие корнями в язычество, у христиан соединяются с обрядом поминовения усопших. На Радоницу (по Далю — то же, что праздник «Красная горка») люди, приходя к могилам умерших родственников, кладут на могилы пасхальные яйца, как бы «христосуясь» с умершими.

²⁶ Ремизов послал Блоку нарисованный цветными карандашами «знак I степени с заяшным глазом». См. письмо Ремизова, а также воспроизведение рисунка в наст. томе.

²⁷ Павел Елисеевич Щеголев (1887—1931) — историк, редактор журнала «Былое», один из организаторов Музея Революции в Ленинграде.

²⁸ Евгений Павлович Иванов (1879—1942) — литератор, близкий друг Блока.

²⁹ Фраза принадлежит персонажу рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» Ивану Ивановичу Чимпе-Гималайскому (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти томах, т. 10, М., «Наука», 1977, с. 54).

³⁰ Строка из 1-й главы поэмы «Двенадцать» (III, 349).

³¹ Имеется в виду рассуждение героя повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и рассказчика о двух различных психологических типах людей. (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 5. Л., «Наука», 1973, с. 103—104).

³² Строки из книги «Бракосочетание Рая и Ада» (1793) английского поэта, художника и иллюстратора своей лирики Уильяма Блейка (1757—1827) в переводе Ремизова. В переводе А. Сергеева эти строки звучат так: «Не склонный к переменам ум — стоячая вода, в воображении его — нечистых гадов рой» (Уильям Блейк. Стихи. М., «Художественная литература», 1978, с. 266).

³³ «Плачущая канава» (другое название — «Ров львиный») — неопубликованная повесть Ремизова, над которой он работал в 1914—1918 гг. Повесть написана в традициях русской реалистической прозы на материале «скалкой» беспросветной жизни «маленьких людей» — мелких чиновников. Рукопись хранится в ИРЛИ.

³⁴ «Крестовые сестры» — повесть Ремизова, впервые опубликована в сб. «Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник», кн. 13, СПб., 1910. Писатель считал это произведение этапом для своего литературного развития. В дарственной надписи С. П. Ремизовой-Довгелло на втором издании повести Ремизов написал: «Должно

быть, больше такого не напишу по напряжению, по огорчению против мира» (Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, с. 168).

⁴⁵ Рассказ был опубликован в сб. «Шумы города» (1924).

⁴⁶ Гаэтан (Каузтано), испанец по происхождению, основатель монашеского ордена театинцев в Италии в 1524 г. Католический святой, канонизирован католической церковью в XVI в. День св. Гаэтана празднуется 7 августа по новому стилю. (См.: *Nuevo Pequi eño La Rousse iustrado*. <13-е изд.> Paris, 1963, с. 1148).

⁴⁷ Первая строка из стихотворения Тургенева «В дороге» («Вариации», 1843), взятая Блоком в качестве эпиграфа к стихотворению «Седое утро» («Утреет. С богом! По домам!» — III, 207).

⁴⁸ С. П. Ремизова-Довгелло скончалась в Париже в 1943 г.

⁴⁹ Ремизов неоднократно возвращается к этому образу, намекая на свою сильную близорукость, которая, по мнению писателя, создавала не только определенные жизненные неудобства, но и давала возможность своего, особого, присущего только ему, взгляда на мир. «Мои подстриженные глаза, — писал Ремизов, — развернули передо мной многомерный мир лун, звезд и комет, и блестящие облака, аура вокруг живых человеческих лиц. . . Эти глаза подняли меня в мир сновидений, а также открыли дорогу в подземную глубь черной завязи жизни» (Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, с. 96). «Подстриженными глазами» — название автобиографической книги Ремизова (Париж, 1951).

⁵⁰ В 1919 г. Блок занимается подготовкой издания произведений Гейне в России. В издательстве «Всемирная литература» им 25 марта 1919 г. был сделан доклад, в котором говорилось, в частности, о месте Гейне в европейской культуре, о проблемах и судьбах европейской и мировой культуры. Личность, творчество и судьба Гейне рассматриваются Блоком в докладе и написанной 17 июня того же года статье «Гейне в России» во многом в рамках идей, нашедших полное выражение в статье «Крушение гуманизма». Судьба и личность Гейне глубоко затрагивают Блока, ему близка как «романтическая ирония» немецкого поэта, так и сцеление трагических противоречий в его судьбе. Блок анализирует различные переводы Гейне на русский язык и составляет примерный список его произведений для новых переводов. Помимо этого, в статьях «Герцен и Гейне» и «О иудаизме у Гейне» Блок останавливается на выяснении духовной причастности Гейне к самым глубоким проблемам мировой истории, борьбе идеологий и различных философских начал. Блок выступает и как переводчик Гейне, причем такие переводы, как «В этой жизни, слишком темной», «Сырая ночь и буря», «Вечер пришел безмолвный» и другие, стали классическими. Первые переводы из Гейне сделаны Блоком еще в 1909 г. и опубликованы в периодической печати в 1910—1913 гг. В связи с редакторской работой над собранием сочинений Гейне, Блок в 1920—1921 гг. переводит отдельные стихотворения Гейне и редактирует и перерабатывает ряд переводов других авторов. О работе Блока над переводами Гейне см.: III, 638—639.

⁵¹ В «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя Кум Цыбуля рассказывает приехавшему на ярмарку Черевикю историю о черте в «красной свитке», выгнанном из пекла на землю за совершенное им доброе дело (Н. В. Г о г о л ь. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 1, М., «Художественная литература», 1976, с. 27—28). Образ выгнанного из преисподней черта широко используется Ремизовым в его работе о Гоголе. См.: Алексей Р е м и з о в. Огонь вещей. Сны и предсенье. Париж, изд. «Опшешник», 1954.

⁵² Ремизов не случайно сопоставляет судьбы Блока и Аполлона Григорьева. Блок любил Григорьева, неоднократно писал о «богатом царстве его мыслей», о глубине и тонкой пронизательности его ума, о его громадном художественном даровании. Блок высоко оценивал творчество Григорьева, в частности, считал его одним из тех немногих переводчиков Гейне, которые поняли дух его поэзии. На примере А. Григорьева Блок проследживает пути русской интеллигенции, начиная с 40-х годов XIX в. Блок отмечает своеобразие критического мышления Григорьева, высказавшего наиболее значительные суждения о творчестве Гоголя. В 1914—1915 гг. в связи с пятидесятилетием со дня смерти Григорьева Блок принял заказ от книгоиздателя К. Ф. Некрасова на редактирование собрания стихотворений поэта. Блок с увлечением работал над вступительной статьей и примечаниями к книге «Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок». (М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916). См. также статью Блока 1918 г. «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» (V, 487; VI, 26—28).

⁵³ А. А. Ф е т. Ранние годы моей жизни. М., 1893.

⁵⁴ В 1911 г. Ремизов с женой впервые выехали за границу, во Францию, где встретились с Блоком и Л. Д. Менделеевой-Блок.

⁵⁵ «Купальская ночь» — ночь накануне Ивана Купалы, с 23 на 24 июня, последний день летнего солнцестояния. С этого дня солнце поворачивается на зиму — «солнцеворот».

⁵⁶ S. L a f f i t t e [Sophie Bonneau]. L'univers poétique d'Alexander Blok. Paris, 1946.

Монография состоит из двух частей. 1-я часть — опыт исследования поэтики Блока, духовной и нравственной проблематики его поэзии, природы его поэтического вдохновения. 2-я часть посвящена анализу драматургии Блока.

ПИСЬМА М. А. КУЗМИНА К БЛОКУ И ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА М. А. КУЗМИНА

Предисловие и публикация К. Н. Суворовой

Михаил Алексеевич Кузмин (1872—1936) — поэт, прозаик, драматург и композитор. Ему принадлежит музыка к двум блоковским спектаклям, поставленным в театре В. Ф. Коммиссаржевской: лирическим сценам «Балаганчик» (1906) и переведенной Блоком трагедии Ф. Грильпарцера «Die Ahnfrau» (1908).

По возрасту старший современник Блока, Кузмин начал свой путь не как литератор. После окончания гимназии он поступил в Петербургскую консерваторию, учился у Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова. Как сообщает один из первых биографов Кузмина, его приятель и коллега по редакции журнала «Аполлон» Е. А. Зноско-Боровский, «отношения в консерватории у Кузмина сложились неудачно: его не одобряли, и он отвечал тем, что не показывал своих работ, приготовленных дома, и так и не кончил консерватории»¹.

Несомненную роль в музыкальной и литературной судьбе Кузмина сыграла большая, причастная к литературе и искусству семья Верховских. Юрий Никандрович Верховский («Юраша»), поэт и литературовед, его сестры, художницы, Ольга Никандровна и Лидия Никандровна, композитор и музыкальный критик, женатый на старшей сестре Верховского, Вячеслав Гаврилович Каратыгин — все это люди, которых близко знал Кузмин. По утверждению того же Е. А. Зноско-Боровского, именно Верховские побудили Кузмина напечатать свои стихи: «Целых 30 лет он ничего не печатал, писал тексты к своим романсам, и только указания Верховских о том, что стихи его хороши сами по себе, независимо от музыки, побудили его заняться литературой, и вот в 1905 году в «Зеленом сборнике» появляются его первые 13 сонетов и либретто к опере «Асторио Далессо» (потом не перепечатывавшиеся)².

Верховские также помогли Кузмину войти в петербургский музыкальный мир. Позднее Кузмин вспоминал: «Через Верховских познакомился с «Вечерами современной музыки», где мои вещи и нашли себе главный приют» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 52, л. 213). Кружок «Вечера современной музыки» (1900—1912) принадлежал к тем художественным организациям, которые возникли в начале века для утверждения «нового» направления в искусстве. Кружок пропагандировал идеи художественного обновления отечественной музыки, на своих концертах знакомил слушателей с новыми произведениями русских и зарубежных композиторов. В. Г. Каратыгин являлся одним из организаторов кружка. В кружке Кузмин сблизился с чиновником особых поручений канцелярии Министерства императорского двора В. Ф. Нувелем (впоследствии постоянным сотрудником Дягилева за рубежом, его биографом, композитором-любителем) и музыкальным критиком А. П. Нуроком. Нурок заведовал музыкальным отделом в журнале «Мир искусства» и также участвовал в создании кружка «Вечера современной музыки». «Современники» становятся почитателями творчества Кузмина, пропагандистами его литературных и музыкальных произведений, способствуют его сближению с «мирискусниками». 10 октября 1905 г. после чтения у Нурока своей новой повести «Крылья» Кузмин записал: «Читал свои песни и роман и даже не ожидал такого успеха и разговоров, где уже позабыли о мне как присутствующем авторе, и сейчас планы, куда поместить, что в переводе на французский это будет большой успех. . .» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 51, л. 90). На этом чтении у Нурока Кузмин встретился с художником К. А. Сомовым, участвовавшим в создании объединения «Мир искусства» и одноименного журнала. Вскоре Сомов стал близким другом Кузмина. Впоследствии дружеские контакты установились у Кузмина с Н. Н. Сапуновым, С. Ю. Судейкиным, Н. П. Феофилактовым, В. Д. Милиоти и другими художниками-модернистами. Творческое выражение эти отношения находят в создании художниками портретов Кузмина, иллюстрировании его произведений, оформ-

лени его книг; у Кузмина — отзываются строками стихов и посвящениями друзьям-художникам своих произведений и книг.

18 января 1906 г. по настоянию В. Ф. Нувеля Кузмин знакомится с Вяч. Ивановым у него на очередной «среде». Начавшись осенью 1905 г. как дружеские журфиксы, «среды» к этому времени уже превратились в многолюдные собрания художественной и научной интеллигенции. На них, помимо поэтов, писателей, журналистов, связанных с редакциями модернистских журналов, появлялись и представители других литературных направлений — Горький, Бунин, Луначарский. Посещали «среды» левые художники, музыканты, артисты, бывали профессора университета и иных высших учебных заведений, учащаяся молодежь, приходившая к детям Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и Вяч. Иванова. Ко времени появления на «среде» Кузмина уже сложился характер этих собраний: с председателем, с заранее намеченными темами, не только профессионально-литературными, но и философскими, эстетическими, религиозными, художественными. Постоянный посетитель ивановской «башни» Е. В. Аничков оставил описание как бы «двух отделений» типичной «среды», комментирующее дневниковую запись впервые на нее попавшего Кузмина: «Начинались среды обычно чем-то вроде ученого диспута. Председательствовал почти всегда молодой тогда философ Бердяев. Спорили и говорили парадоксы. При этом по какому-то молчаливому соглашению никогда не о книгах. Начитанность должна была быть превзойдена и оставлена дома. Только от себя надо было высказываться, и не разводя публицистику, а подыавшись над переживаемой минутой, если удастся, то пусть в аспекте вечности. Тут выступали гости — не поэты <...> Врывалась всегда облеченная в античные разноцветные хитоны, подобранные ей Сомовым, Лидия Дмитриевна и объявляла, что довольно унывать, поэты хотят читать свои стихи. Они уже шумели и шалили в соседней комнате. . .»³. На этой же «среде» 18 января 1906 г. состоялось личное знакомство Кузмина не только с Вяч. Ивановым, но, вероятно, и с Блоком и с другими писателями (см. запись от 18 января 1906 г.: «. . . из знакомых мне были Евг <ений> Вас <ильевич> Аничков, Сомов, Сенилов, Каратыгин и Нувель, а так — Брюсов, Сологуб, Блок, Ремизов, Рославлев, Теффи, Аллегро, Бердяев, Габрилович, Успенская, Ивановская, Мейерхольд, Андрусон, Добужинский»).

В дальнейшем расширение литературных связей и деятельность Кузмина как профессионального литератора приводят к последующим его встречам с Блоком у Ремизовых, Верховских, Сологуба и др. писателей, на литературных вечерах, в редакции журнала «Адская почта», в театре В. Ф. Коммиссаржевской. В сезон 1906/07 г. к Драматическому театру Коммиссаржевской было обращено особенное внимание всех сторонников «нового» искусства. Театр готовился к этому сезону под знаком обновления и репертуара, и методов сценических постановок⁴.

Ведущим режиссером театра по приглашению В. Ф. Коммиссаржевской становится В. Э. Мейерхольд. К оформлению спектаклей были привлечены художники Л. Бакст, Н. Сагунов, С. Судейкин. Вокруг театра сгруппировались писатели «нового» направления: Вяч. Иванов, Г. Чулков, Ф. Сологуб, А. Блок, М. Кузмин и др. Началу сезона предшествовали три субботних встречи (14 октября, 21 октября и 28 октября), устроенные с целью укрепления связей театра с деятелями «нового» искусства. На «субботы», кроме артистов, художников, писателей — их устраивали, приглашалась немногочисленная публика⁵. И Блок, и Кузмин были на всех «субботах», описание каждой из них есть в дневнике Кузмина.

В декабре 1906 г. театр В. Ф. Коммиссаржевской поставил «Балаганчик» Блока. Музыкальное оформление спектакля было поручено Кузмину. Это послужило толчком к известному сближению обоих поэтов. Блок и Кузмин участвовали в репетициях, присутствовали на премьере, бывали на последующих спектаклях.

Постановка стала событием сезона, музыка Кузмина произвела впечатление и на участников спектакля, и на публику⁶.

В 1907 г. К. А. Сомов по заказу редакции журнала «Золотое руно» рисовал портрет Блока. Кузмин присутствовал на сомовских сеансах.

В 1908 г. Кузмин вновь писал музыку к блоковскому спектаклю: театр В. Ф. Коммиссаржевской ставил переведенную Блоком трагедию Ф. Грильпардера «Die Ahnfrau» («Праматерь»). Посылая Кузмину нужные ему части перевода, Блок подчеркнул: «Очень радуюсь, что музыка будет Ваша»⁷.

В 1908—1912 гг. Кузмин жил в квартире Вяч. Иванова и здесь виделся с Блоком, приходившим к Вяч. Иванову. Позднее Блок и Кузмин встречались редко, но как литературное знакомство отношения их сохранялись. После Октября жизнь сталкивала их по разным поводам в издательстве «Всемирная литература» и в Театральном отделе Наркомпроса. Кузмин в эти годы переводил, давал музыку к спектаклям, деятельно сотрудничал в газете «Жизнь искусства», участвовал в жюри XIV конкурса пьес имени А. Н. Островского, с ноября 1918 г. он был членом коллегии театральной студии детского и кукольного театра, созданного Отделом театров и зрелищ Комиссарната просвещения Союза коммун Северной области.

По своим общественным и литературным позициям Блок и Кузмин никогда не были близки друг другу.

Кузмин убежденно отгораживался от социальных вопросов своего времени. Трагическое восприятие «страшного мира» предреволюционной России, мучительные народнические искания Блока, писавшего в не дошедшем до нас письме С. А. Соколову о том, что «душу тянет к общественности»⁸, были глубоко чужды Кузмину. Отсюда его недоумение по поводу чтения Блоком в студенческой аудитории «революционных» стихов, недоверчиво враждебное восприятие статьи Блока «О реалистах» (см. дневниковые записи от 1 февраля и 24 июля 1907 г.).

Связанный личными отношениями со многими символистами Кузмин в творчестве шел своим путем. Уже в 1906 г. он упоминает в дневнике о том, что Вяч. Иванов «говорит, будто мое стихотворение его огорчило, выставив не совсем ту программу, какую он и особенно Л [идия] Дм [стриевна] предполагает «ли»» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 51, л. 434). Усилиям Вяч. Иванова привлечь его в свой лагерь Кузмин всячески сопротивлялся. И Иванов вынужден был констатировать: «Что вам общественность? — Гекуба! И род Гекаты — символизм! . . .»⁹. Неприятие символизма и утверждение поэтики кларизма предопределили будущий союз Кузмина с акмеистами¹⁰.

Свое отношение к творчеству Кузмина Блок выразил в двух статьях — «О драме» и «Письма о поэзии» (не считая рецензии Блока на альманах «Зеленый сборник», в которой он кратко отметил несовершенство первых опубликованных сонетов и драматической поэмы Кузмина). В каждой из названных статей Кузмину посвящена отдельная глава.

В статье «О драме» (1907) поводом для характеристики Кузмина-писателя явился разбор его «Комедии об Евдокии из Гелиополя, или Обращенной куртизанки». Блок указал на своеобразие таланта Кузмина («Кузмин — в настоящий момент — писатель единственный в своем роде. До него в России таких не бывало, и не знаю, будут ли. . .» — V, с. 182), определил истоки его творчества, высоко оценил ряд произведений Кузмина, «художника до мозга костей, тончайшего лирика, остроумнейшего диалектика в искусстве» (V, с. 183). В статье «Письма о поэзии» (1908) Блок рецензировал первый сборник Кузмина «Сети». Причислив себя к тем людям, которые «действительно любят и ценят» поэзию Кузмина, Блок упрекнул поэта в свойственной ему двойственности: «. . . Как будто есть в Кузмине два писателя: один — юный, с душой открытой и грустной оттого, что несет она в себе грехи мира, подобно душе человека «древнего благочестия»; другой — не старый, а лишь поживший, какой-то запыленный, насмехающийся над самим собою не покаянно, а с какою-то задней мыслью, и немного озлобленный» (V, с. 291). Указывая далее, что ему дороги, «хотя и не одинаково», почти все стихи Кузмина, Блок писал: «Но еще дороже мне то, что есть в этих стихах песни о *будущем*. Это — то, что делает их прекрасными. И никогда не услышал бы я самых красивых песен, только о прошлом бречащих. Тому, кто поет о земле обетованной, непозволительно брать в руки балалайку; смешно видеть человека с грустным лицом в маскарадных и светских лохмотьях. Если Кузмин стряхнет с себя ветошь капризной легкости, он может стать певцом народным» (V, с. 295).

Позднее Блок не выступал в печати с оценкой произведений Кузмина. Но в дневниках, письмах, записных книжках Блока есть ряд его высказываний о Кузмине. Некоторые из них перекликаются с тем, что Блок говорил в своих статьях. Вместе с тем ряд записей дает основание думать, что чем более волновали Блока коренные вопросы русской жизни, проблемы интеллигенции и народа, интеллигенции и революции, тем сильнее отталкивала его замкнутость Кузмина в мире «чистой» поэзии, его эстетство и общественная индифферентность. Особенно резки блоковские характеристики, относящиеся к революционному времени. В августе 1917 г. Блок пометил в дневнике: «В «Бродячей собаке» выступали

покойники: Кузмин и Олечка Глебова, дилетант Евреинов, плохой танцор Ростовцев» (VII, с. 303). Очень важна для выяснения отношения Блока к Кузмину его рецензия 1918 г. для ТЕО Наркомпроса на новую пьесу Кузмина для детей «Два брата, или Счастливый день» (рецензия Блока была напечатана впервые в его собр. соч., т. 9. Берлин, 1923).

Отметив, что «содержания в пьесе Кузмина нет, иначе говоря содержание ее есть *форма*», Блок писал: «Форма эта — обычная для автора: легкий яд, ленивительное лукавство, дыхание артистичности, веселость под едва приметной дымкой грусти, но и . . . невыносимая грубость и тривиальность, прорывающаяся изредка; все это было и во многих прежних произведениях Кузмина, до тривиальностей в языке включительно. . .» (VI, с. 314). Указав далее, что в пьесе «все так пропитано пряностью», Блок делал категорический вывод: «. . . бы детей и близко не подпустил» (VI, с. 315). Необходимо обратить внимание и на запись Блока от 13 августа 1918 г. по поводу рецензии, акцентирующую два момента: время создания пьесы и предназначение ее для детей: «Рецензия о пьесе Кузмина «Два брата, или Счастливый день», китайская драма в 3-х действиях с прологом (1918. — Для детей семи лет!!!)» (ЗК, 420). Очень существенно в рецензии высказанное Блоком суждение о том, что «лучшие времена кузминского творчества — времена «Александрйских песен» и «Курантов любви» (VI, с. 315). Характерно, что эти же циклы упомянет Блок в своем последнем публичном слове о Кузмине, которое он скажет на его юбилее. 29 сентября 1920 г. Блок как председатель Петроградского отделения Союза поэтов приветствовал Кузмина в связи с 15-летием его литературной работы. Высоко оценив поэтический талант Кузмина — «носителя ритмов», мастера, поэта, каких «на свете сейчас очень немного», Блок указал, что творчество Кузмина является частью русской культуры: «Ведь ни вы сам и никто из нас еще не может себе представить, как это чудесно, что, когда все мы уйдем, родятся новые люди, и для них опять зазвучат ваши «Александрйские песни» и ваши «Куранты любви» — те самые, которые омывали и пропитывали и жгли солью музыкальных волн души многих из нас. . .» (VI, с. 439—440).

Письма Блока к Кузмину (10 писем, 1906—1910) хранятся в ГПБ: ф. 124, № 506, 507; они опубликованы в «Блоковском сборнике», 2. Письма Кузмина к Блоку хранятся в ЦГАЛИ: ф. 55, оп. 1, ед. хр. 296.

В приложении публикуются отрывки из дневников Кузмина за 1906—1921 гг. с упоминаниями о Блоке. Упоминаний немного. Важно отметить, что значительная часть их относится к годам, за которые дневников Блока не существует.

Свои дневники вместе с материалами личного архива Кузмин передал в 1933 г. в Государственный литературный музей, в 1941 г. — при передаче фондов ГЛМ в ЦГАЛИ — они поступили в ЦГАЛИ.

Кузмин вел дневниковые записи много лет. Сохранились они не полностью. По словам самого Кузмина, дневник 1894 г. он уничтожил. За 1903 г. есть фрагменты на отдельных листах. Сравнение автографа дневника 1905 г. с имеющейся машинописной копией говорит о том, что существовал еще один автограф, предшествующий известному нам. Отсутствует ряд дневников и более позднего времени.

Надо думать, что первоначально Кузмин вел дневниковые записи не систематически.

С 1905 г. он стремится «запротоколировать» каждый день. С этого времени в тетрадях-книгах ведутся последовательные записи, в разные месяцы и годы не всегда день за днем, но все-таки очень регулярно. Первая тетрадь (2 сентября 1905 г.—12 июня 1906 г.) озаглавлена «Дневник Михайла Кузмина» (в следующих тетрадях заглавие есть не всегда). Номер этой тетради устанавливается по сопоставлению с датами следующей тетради (13 июня 1906 г.—25 мая 1907 г.), уже имеющей авторскую нумерацию: «Часть II». Аналогичным образом легко прослеживается последовательность остальных тетрадей и определяется, сколько их отсутствует. Помимо двух указанных тетрадей, сохранились: «Часть III» (26 мая 1907 г.—12 апреля 1909 г.); «Часть IV» (13 апреля 1909 г.—4 мая 1911 г.); «Часть пятая» (9 мая 1911 г.—4 июля 1913 г.); «Часть VI» (4 декабря 1913 г.—28 октября 1915 г.); «Часть VIII» (13 октября 1917 г.—27 июля 1919 г.); «Часть X» (28 февраля 1920 г.—24 августа 1921 г.); «Тетрадь XI» (25 августа 1921 г.—5 мая 1922 г.); «Тетрадь XII» (6 мая 1922 г.—5 января 1923 г.); «Тетрадь XIII» (6 января 1923 г.—17 февраля 1924 г.); «Тетрадь XIV» (18 февраля 1924 г.—16 ноября 1924 г.); «XV тетрадь» (17 ноября 1924 г.—5 декабря 1925 г.); «XVI тетрадь» (6 декабря 1925 г.—22 ноября 1926 г.); «XVII тетрадь» (23 ноября 1926 г.—10 марта 1928 г.); «Тетрадь XVIII»

(11 марта 1928 г.—31 октября 1928 г.); «Тетрадь XIX» (1 ноября 1928 г.—23 июня 1929 г.); «Тетрадь» XXIII (14 сентября 1931 г.—31 декабря 1931 г.). Таким образом отсутствуют тетради: VII (29 октября 1915 г.—12 октября 1917 г.), IX (28 июля 1919 г.—27 февраля 1920 г.), XX, XXI и XXII (24 июня 1929 г.—13 сентября 1931 г.). Эти пять тетрадей не были переданы в 1933 г. в Государственный литературный музей М. А. Кузмина, не было их также в тех материалах архива Кузмина, которые после его смерти передал в 1936 г. в фонд М. Кузмина Ю. И. Юркун.

Кузмин сам называл свои дневники «сухой летописью». Часто записи делались наскоро, с целью лишь зафиксировать дела, встречи, настроения. Пространные описания, развернутые оценки в дневниках довольно редки. Характеризуя свои дневники, Кузмин писал 6 апреля 1906 г.: «Ведь лишенный всякого общественного и общего интереса он <дневник> занятен только узко интересующимся моей личностью» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 51, л. 385). Это верно лишь до известной степени. Калейдоскоп упоминаемых в дневниках имен и фактов дает несомненно большой материал для уяснения эпохи, психологии и поведения людей определенного круга, позволяет уточнить ряд конкретных фактов историко-литературного значения. Дневники Кузмина хранятся в ЦГАЛИ: ф. 232, оп. 1, ед. хр. 50—67а.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Аполлон», 1917, № 4—5, с. 31.
- ² Там же, с. 29.
- ³ Е. Аничков. Новая русская поэзия. Берлин, 1923, с. 46—47.
- ⁴ Подробно об этом см.: К. Рудницкий. Режиссер Мейерхольд (глава «Театр на Офицерской»). М., «Наука», 1969, с. 70—113.
- ⁵ О «субботах» в театре В. Ф. Коммиссаржевской см.: А. Дьяконов. Александр Блок в театре Коммиссаржевской. — «О Коммиссаржевской. Забытое и новое». М., изд. ВТО, 1965, с. 82—83.
- ⁶ О постановке «Балаганчика» см.: К. Рудницкий. Указ. соч., с. 91—95.
- ⁷ «Блоковский сб.», 2, с. 361.
- ⁸ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 65, л. 21. См. в наст. томе публикацию переписки Блока с С. А. Соколовым.
- ⁹ Вяч. Иванов. Стихотворения и поэмы. Л., «Сов. писатель», 1976, с. 247.
- ¹⁰ О литературных позициях Кузмина и его поэтике см.: Г. Г. Шмаков. Блок и Кузмин. — «Блоковский сб.», 2, с. 341—360.

1

«Петербург» 16 декабря 1906

Многоуважаемый Александр Александрович,

если Вы свободны во вторник 19-го вечером, я был бы очень рад видеть Вас у себя¹.

Адрес мой: Суворовский 34, кв. 10. Мой привет многоуважаемой Любове Дмитриевне.

Преданный Вам М. Кузмин

¹ В письме к матери от 21 декабря Блок рассказал об этом вечере: «Ночь у Кузмина была хорошая, я обговаривал костюмы с Сагуновым, Кузмин пел и играл «Балаганчик», Ремизов читал рассказ, который мы премировали (мне понравился еще больше), Бакст сплетничал о Мережковских» («Письма к родным», I, с. 161). См. также запись в дневнике Кузмина от 19 декабря 1906 г.

2

«Петербург». 18 октября 1907

Дорогой Александр Александрович.

Я узнал от Ев. Вас. Аничкова, что часть писателей в вечере 23 октября, где предполагалась моя вещь, воспротивилась этому, объявивши мне бойкот.

Если бы прямо и не предполагалось меня приглашать, дело было бы очень просто, но при такой постановке вопроса я считаю всех участвующих в этом вечере — сочувствующими бойкоту, а Вас лично очень прошу отказаться.

Т. к. это обстоятельство выяснилось только теперь, то не может быть и речи о неловкости отказа.

Если же Вы знали это и раньше, то, конечно, нужно держать обещание. Вероятно, Вы раньше меня увидите других участников, и я бы очень просил Вас по дружбе сообщить им содержание этого письма и мой взгляд на дело.

Вас же лично и особенно, я очень прошу, если Вы любите меня и сколько-нибудь цените, отказаться не как от вечера, где меня не будет, а как от вечера, где предположивши меня, официально бойкотируют¹.

Дружески Ваш М. Кузмин

31/18 октября 1907

Не стесняйтесь поступать, как Вам кажется должным, личных отношений это, разумеется, не изменит.

¹ 19 октября 1907 г. Блок ответил Кузмину: «... я слышал о «бойкоте» Вашем только смутные речи и никак не думал, что это может как-нибудь не уладиться или иметь какое-либо практическое значение. Если же все это дело принимает действительно такой характер, то, конечно, я всю душой отказываюсь от участия в нем (я и не давал еще определенного согласия), любя и ценя Вас высоко» («Блоковский сборник», 2, с. 361).

3

«Петербург». 19 октября 1907

Благодарю Вас, дорогой Александр Александрович, это и есть тот именно вечер. Я уверен, что и музыканты «современной» музыки¹ и художники как Сомов² и Бенуа³ откажутся по этой же причине.

Я это почти наверное знаю.

Если случайно и согласятся, то не зная истории.

До свиданья; еще раз благодарю Вас, но дело именно так, как я Вам пишу.

Ваш М. Кузмин

1/19 Октября 1907

¹ Т. е. музыканты, близкие к кружку «Вечера современной музыки».

² Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — художник, один из организаторов объединения «Мир искусства» и одноименного журнала.

³ Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) — художник, искусствовед, организатор и идеолог объединения «Мир искусства».

4

«Петербург». 29 декабря 1907

Дорогой Александр Александрович,

может быть, Вы найдете возможным исполнить просьбу лица, явившегося с этим письмом?¹ Я не выхожу, хотя не не здоров и не грущу. Всего хорошего. Кланяюсь Любови Дмитриевне; очень люблю Вас.

Ваш М. Кузмин

29 декабря 1907

Может быть Наталья Николаевна² и Валентина Петровна³ окажут свое содействие?

¹ О чем идет речь, установить не удалось.

² Наталья Николаевна Волохова, урожд. Анцыферова (1878—1966) — актриса театра В. Ф. Коммиссаржевской.

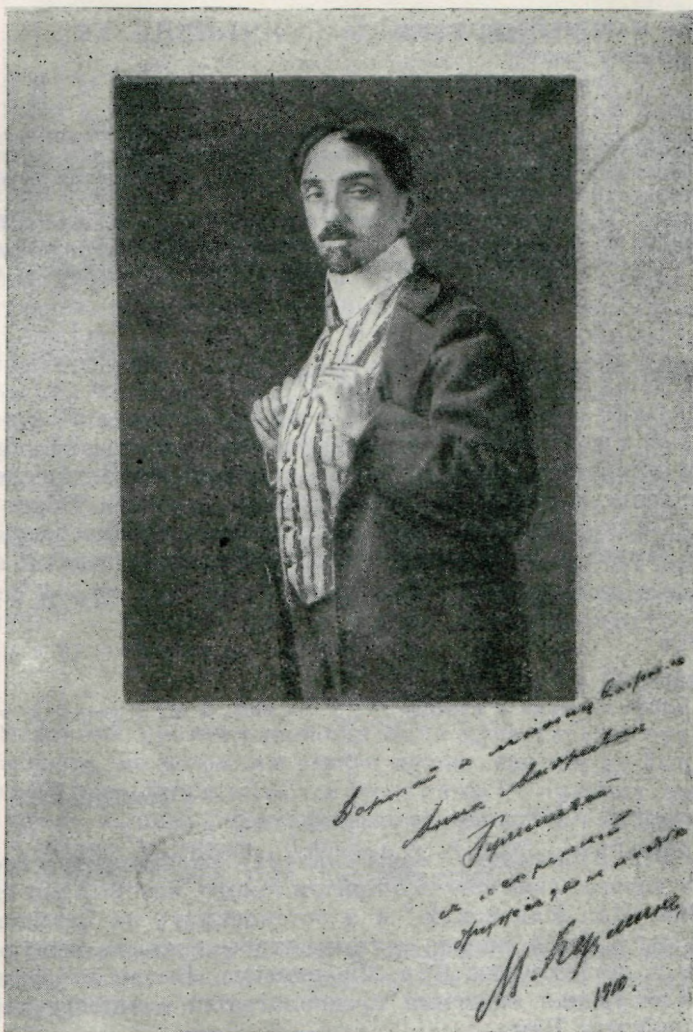
³ Валентина Петровна Веригина, в замуж. Бычкова (1882—1974) — актриса театра В. Ф. Коммиссаржевской.

5

«Петербург». 26 июня 1908

Милый Александр Александрович.

Ф. Ф. Коммиссаржевский, поручив мне написать музыку к пьесе Грильпарцера, которую Вы переводите, писал мне, чтобы я попросил у Вас перевод

М. А. КУЗМИН
Фотография, 1910

С дарственной надписью А. Ахматовой: «Дорогой и многоуважаемой Анне Андреевне Гумилевой с искренней дружественностью. М. Кузмин, 1910».

Литературный музей, Москва

для ознакомления ¹. Зная все неудобство и рискованность, и медлительность таких пересылок, я бы просил Вас списать мне только некоторые нужные места и прислать скорее в Окуловку Ник. ж. д. Контора Писбурга.

Вот эти места:

- 1) I действие. Монолог Берты, начин^ающийся словами «Мне все непонятно. . .» до «Прильни устами к моим устам».
- 2) II действие. Молитва Берты за сценой вместе со вставками Яромира.
- 3) V д. 1 картина. Монолог Яромира.
- 4) — Хор (все слова).
- 5) — монолог Яромира (стр. 185).

Пожалуйста, исполните это скорее, нужно очень торопиться до начала репетиций, а я и так занят ². Сижу еще все в Петербурге, задерживаемый Вяч^аславом^а Иван^аовичем^а и своими делами.

Очень скучаю.

Когда же выйдет Ваша книга? ³

Теперь осенью уже?

Очень люблю Вас, до свиданья. Ваш М. Кузмин

26 июня, 1908

¹ По поручению В. Ф. Комиссаржевской Блок переводил для ее театра трагедию Ф. Грильпарцера «Die Ahnfrau» («Праматерь»). Вчерне он закончил перевод 28 апреля («Письма к родным», I, с. 209).

² Блок выслал Кузмину нужные отрывки своего перевода трагедии 28 июня. См. его письмо к Кузмину от 28 июня 1908 г. («Блоковский сб.», 2, с. 361).

³ Третий сборник лирики — «Земля в снегу». Вышел в издательстве «Золотое руно» в июле 1908 г. (VII, с. 530).

6

«Окуловка». 14 ноября 1908

Милый Александр Александрович,

благодарю Вас как за присылку книги ¹, так и за статью в «Золотом руно» ². Благодарю Вас и за упреки, потому что больше, чем кто-либо, знаю их справедливость и потому что, может быть, стараюсь несколько сделать их менее заслуженными. Я думаю, Вы сами это знаете, посылая Ваши расположенные желания. Живу тихо и мирно в деревне, очень спокоен и бодр, много пишу, вижу снег и зимнее небо. Я очень счастлив последние недели, как никогда.

Благодарю Вас и целую.

М. Кузмин

14 ноября, 1908

¹ См. п. 5, прим. 3.

² Статья Блока «Письма о поэзии» (V, 277—300). О М. Кузмине в этой статье см. предисловие.

7

«Петербург». 10 декабря 1909

Дорогой Александр Александрович,

смертью Ин. Фед. Анненского ¹ наша академия ² поставлена в необходимость кооптировать нового члена совета и притом такого, который мог бы служить и лектором. Вяч. Ив., Маковский ³ и я остановились на Зелинском ⁴, и нам хотелось бы знать Ваше мнение в этом вопросе, раньше чего мы не будем делать шагов к привлечению Фад. Францевича. Вы не откажите сообщить его скорее. Следующая академия предполагается в четверг через неделю. На днях зайду к Вам.

Целую Вас крепко любящий Вас М. Кузмин

Какую прелесть сделал Рерих к Вашим стихам, я не ожидал от него, и отлично, что они пойдут именно в январской книжке «Аполлона» — для начала ⁵.

10 декабря, 1909

¹ Иннокентий Федорович Анненский (1855—1909) — поэт, критик, переводчик; скончался 30 ноября.

² «Поэтическая академия» или «Общество ревнителей художественного слова». Заседания «академии» начались весной 1909 г. на «башне» у Вяч. Иванова: он прочел молодым поэтам курс лекций по стихосложению и истории стиха. Осенью 1909 г. «академия» была преобразована в официальное «Общество ревнителей художественного слова» при журнале «Аполлон» (сохранялось и прежнее название «Поэтическая академия») с широкой программой лекций и поэтических вечеров. (А. А. Морозов. Письма О. Э. Мандельштама к В. И. Иванову. — ГБЛ. Записки отдела рукописей, вып. 34. М., «Книга», 1973, с. 258). Блок входил в состав совета общества, созданного осенью. 24 октября 1909 г. он писал матери: «Я выбран в совет «Общества ревнителей художественного слова» (при «Аполлоне») в числе 6-ти (Маковский, Вяч. Иванов, Ин. Ф. Анненский, Вал. Брюсов, Кузмин и я)». («Письма к родным», I, с. 277).

³ Сергей Константинович Маковский (1877—1962) — поэт и художественный критик, редактор журнала «Аполлон».

⁴ Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета.

⁵ Имеется в виду фронтиспис Н. К. Рериха для журнала «Аполлон» к циклу Блока «Итальянские стихи». Цикл был напечатан в № 4 (январском) журнала «Аполлон» за 1910 г.

ИЗ ДНЕВНИКОВ М. А. КУЗМИНА

18 января 1906

Чудная погода с утра была для меня отравлена мыслью идти к Ивановым¹. Решивши не ехать и несколько успокоившись, я пописал даже Елевсиппа², но Нувель³ с Каратыгиным⁴ заехали, и я уступил. Поднявшись по лифту в пятый этаж, мы нашли дверь незапертой и прямо против входных дверей длинный стол с людьми вроде трапезы. В комнате, с скошенным потолком, в темно-серых полосатых обоях, горели свечи в канделябрах и было уже человек сорок людей. Хозяйка⁵, Гера в красном хитоне, встречала гостей приветствием, из знакомых мне были Евгений Васильевич Аничков, Сомов, Секилов⁶, Каратыгин и Нувель, а так — Брюсов, Сологуб, Блок, Ремизов, Рославлев⁷, Теффи, Аллегро, Бердяев, Габрилович⁸, Успенская⁹, Ивановский¹⁰, Мейерхольд, Андрусон, Добужинский. Было красное вино в огромных бутылках, и все пили и ели, как хотели. Габрилович читал длинный и скучный реферат о «религии и мистике»¹¹, профессора возражали, а поэты и дамы куда-то исчезали, даже суровый Брюсов пошагал через всю комнату. Я несколько скучал, пока меня не вызвал Сомов в другую, «бунтующую» комнату, где за отсутствием стульев все сидели на полу, читали стихи; кто-то про лпну — очень хорошо. Просили и меня, но мне казалось, что я ничего не помню, и я отказался, Брюсов хочет привлечь авторов «Зеленого» сборника¹² в «Весы», поэтому придет к Каратыгину в пятницу с тем, чтобы и я туда пришел.

26 сентября 1906

<...> У Ивановых против ожидания была куча народа, что не сулило большой приятности, но потом все вышло лучше, чем можно было ожидать, и я даже рисковал петь, читал «Любовь этого лета»¹³. Кажется, понравилось, мне особенно ценно и важно, что нравится молодым. Читали Вяч. Ив. Иванов, Городецкий, А. Блок¹⁴, Бунин, Федоров¹⁵, Аллегро, Беллевская¹⁶, «одно слово врзбр.» Милый Сомов был председателем.

2 октября 1906

<...> Перед «Адской почтой»¹⁷ зашли к Ивановым, которых застали за обедом. Городецкий резвился не всегда удачно, Ивановы хотели спать. Сочинили надпись к «Адской почте»:

Кто там гжебит в «Адской почте»?
С Кошпельфрау¹⁸ кто сидит?
Вечность дружно «Почте» прочтите,
Бунин там сидит сердит.

В «Почте» сначала я ухватился за Нурока и Ремизова, как более знакомых, потом пришел Блок, с которым я очень мило беседовал, он очень славный. Вдруг пришел Сомов, вечные боги! какая радость! какая благодарность. Вяч. «слава» Ив. «ановича» не было. Сначала все стояли, говорили вполголоса, закуска стояла петронутой, будто в ожиданье священников на панихиде. Потом читали стихи Сологуб, Блок, Бунин, Федоров, Городецкий и я. Аничков с Бунин «ым» поссорились из-за стихов Блока, и Бунин ушел, сказав, что его нога здесь не будет¹⁹. Блок нашел, что последняя вещь Вяч. «слава» Ив. «ановича» под моим влиянием.

14 октября 1906

Ездил к парикмахеру, оттуда к Ивановым, узнать, получили ли они повестку от Коммиссаржевской и удобно ли мне туда являться²⁰. Уговорились ехать вместе. <...> Написал письма Павлику²¹, Чичериним²² и Феофилактону²³. Зашел к Ивановым, Диотима²⁴ еще спала, Городецкого не было, Вяч. «слава» Ив. «ановича» прочел два новых стихотворения, первое очень хорошо, где Клод Лорен²⁵. В ожидании я играл «Орфея» Глюка, поехали

вперед с Вячеславом Ив^ановичем, извозчик, довезя нас до Аларчин^а моста, высадил. У Коммиссаржевской было уже много народу, в двух комнатах с возвышением для происходящих там репетиций, были цветные фонарики со свечами, просто свечи, длинные красные свечи перед местом для чтения Блока²⁶, стол был, будто на пиру Ольги, были из гостей все знакомые, из «Знания» никого, хорошо было, что гости, хотя и не вполне знакомые с хозяевами, знали друг друга. Был Аничков, Чулков, Сюннерберг²⁷, с Таврической²⁸ — Блок, Билибин²⁹, Судейкин³⁰, Сапунов³¹, Нурок, Сологуб. Драма Блока мне показалась скучной и отвлеченной. Потом пошли пить чай и закусывать, актрисы угощали, как какие-нибудь гурии. Было очень не стеснительно и хорошо. Я все спрашивал у Сомова про какого-то молодого англичанина человека, кто это, но тот не знал. А потом он вдруг сам подходит ко мне и рекомендует Судейкиным, я попросил его кланяться Феофилакт^у, причём тот сказал мне, что мои песни печатаются³². Потом было немного мозгологии, потом пел Феона³³ и Коммиссаржевская, она читала, читали Иванов, Волошин, Блок, Городецкий и я, просили меня сыграть, но без нот я ничего не мог, а атмосфера была такова, что я, пожалуй, рискнул бы; посредине в кастрюле актер варил глинтвейн, а актрисы разносили неподслащенную наливку. Возвращались на узелки, я с Вячеславом Ив^ановичем; он опять требовал лирических стихов от меня < . . . >. Гриф³⁴ у Сюннерберга спрашивал мой адрес, который узнал его у Блока. Вот смешной путь.

<21> октября 1906

< . . . > Писал «Весну»³⁵, желая кончить сегодня, что и сделал. < . . . > вздумал зайти перед вечером к Ивановым. Была чудная опять ночь, весь голубой прозрачный город. Ивановы спали, и я спустился к Волошиным, было очень уютно и хорошо³⁶. Мне они нравятся, особенно Сабашникова; поехали вместе³⁷, я с женой Волошина, он один.

Сюрприз был в чтении «Дифирамба» Вячеслава Ив^ановича с обстановкой залы, освещаемой спиртом, а из-за занавеси читали стихи; потом читал <и> Ремизов, Блок, Иванов, Волошин и я. Я пел. Приехал Репощев³⁸, какая радость! Серафима Павл^овна³⁹ обещала мне что-то подарить за мои вещи; она видела про меня страшный сон. Все было по-новому, вроде испанского кабачка. Когда больше знаком, вдвое лучше себя чувствуешь.

22 октября 1906

< . . . > У Ремизовых был какой-то болезненно-артистичного вида скульптор Кузнецов⁴⁰, собиравшийся с Анисфельдом⁴¹ и Милиоти⁴² просить Блока быть редактором нового журнала⁴³.

28 октября 1906

< . . . > У Коммиссаржевской⁴⁴ было устроено убранство Судейкиным очень хорошо. Я почти все время был с ним и с Феофилак^товым и Нувел^ем, т. к. Сомова аккапарировали Вилькина⁴⁵ и разные другие дамы. Судейкин очень милый, ласковый и не трусливый. < . . . > Трагедия была интересна, но скучновата для публичного чтения, притом Сологуб читал, как архиерей на 12 евангелиях. Читал стихи Брюсов, отличные и очень хорошо прочтенные. Со мной был очень холоден, горд и уклончив, просил присылать прозу⁴⁶, и Сережу⁴⁷ присылать тоже. Позвал Феофил^акто^в, Судейкина и Нувел^ея в понедельник, завтра с Феофил^акто^вым пойдём к Иванову. Я пел немного, кажется, Судейкину понравилось. Записался на абонемент, долго сидел, провожаемый художниками. Милый Сомов был какой-то усталый, скучный. Из новых были Верховский, Нувель, Сенилов, Вилькина и Венгерова⁴⁸. От папир^ос у меня кружилась голова. А как же деньги? где они? какой ужас, теперь, когда идет какая-то весна. Блок передавал просьбу участвовать на каком-то грузинском вечере.⁴⁹

3 ноября 1906

«...» У Верховского были Блок, Иванов, Аничков и не уехавший еще Брюсов. Читали стихи. Брюсов меня успокоил, не беспокоившегося, положим, что «Люб<овь> эт<кого> л<ета>» будет целиком в феврале, если хочу ждать по-мера Судейкина. то несколько позже. Вчера Аннибал спрашивала Брюсова о Сергее Юрьев<иче>, и тот сказал, что это — лучший из московских художников. «...» У «Скорпионов» затеян ряд книг Блока, Иванова, Белого, Соловьева, Верховского до января 1908⁵⁰. Если бы взяли «Крылья»⁵¹, я был бы счастлив, если бы их пустили не в очередь, хотя и не тороплюсь с их появлением.

10 ноября 1906

«...» «В театр» я чуть не опоздал. Со мной сидели Блоки, Сологубы и Чулкова⁵². Было очень много знакомых. Занавесь Бакста скучная и непонятная, и главное совершенно безвкусная. Пьеса, по-моему, провалилась, несмотря на режиссера и на отличные декорации и большую часть «отличных» костюмов. Играли неважно, и сама пьеса, старая, ненужная, фальшивая, была скучна⁵³.

19 ноября 1906

Сережа⁵⁴ вчера был у Пяста, где были Иванов, Блок, Ремизовы, Потемкин⁵⁵, Гофман⁵⁶, Кондратьев⁵⁷, Годин⁵⁸. Там импровизировали стихи, где между прочими haut—gitée * было «и голос нежный как Кузмин», меня как тщеславца это интересуеет. «...» Завтра у Блока будет один Юраша⁵⁹, какой ужас!

21 ноября 1906

День маминой смерти, читаю Блока, метель, Судейкин не едет; наконец письмо с посылным: «Дорогой друг, приезжайте скорее»⁶⁰. Лечу; опоздал; декорация отлична, сестры играли прекрасно, что ни поворот, то картина Мемлинга или Ван Ейка, будто Успение Б<ожьей> М<атери>. «...» у Блока был Юраша Верхов<ский>, было очень скучно, читал Ал<ександр> Ал<ександрович> новую драму «Незнакомка» очень хорошо⁶¹. «...» Блоки спрашивали, кто тот, с которым я часто хожу в театр, и очень удивились, что это Судейкин, которого они представляли менее молодым и более худым. «...» Мне нарeдкость не нравится жена Блока и продолжает не нравиться.

30 ноября 1906

«...» Был<и> Ремизов, Потемкин, Леман⁶² и Гофман. Иванов завтра едет в Москву с Блоком⁶³.

2 декабря 1906

Утром письмо из театра; думал не от Сергея ли Юрьевича; оказалось от Мейерхольда с просьбой дать музыку к «Балаганчику»⁶⁴.

3 декабря 1906

«...» У Сологуба⁶⁵ было тоже людно, но не очень весело, мне-то было очень лучисто, говорил с Мейерхольдом о «Балаганчике»: ставит Сацунов, Судейкин считается давно уехавшим⁶⁶, но скоро его выпишут, Веригиной отказал в позволении читать где-то мою «Весну»⁶⁷.

5 декабря 1906

«...» Взял «Факелы» для «Балаганчика»⁶⁸, нужно увидеть Блока для постановки.

* высоко рифмованными (франц.)

6 декабря 1906

Утром поехал на репетицию. «Балаганчика» не репетировали ⁶⁹, довольно долго беседовал с Верой Федоровной.

7 декабря 1906

< . . . > Письмо от Мейерхольда, что «Балаганчик» идет скорее, чем думали, и оканчивается забавной фразой: «Мне хочется, чтобы Вы знали, что я Вас люблю сильнее, чем Вы предчувствуете». Занятно ⁷⁰. < . . . > С Мейерхольдом говорил о постановке Блока, кажется, это непоправимо ⁷¹.

8 декабря 1906

< . . . > Как мне не хочется писать музыки к «Балаганчику».

9 декабря 1906

< . . . > Встретили Блока с Ивановым, очень милы. < . . . > Сегодня утром написал откровенно Мейерхольду ⁷². Начинается какая-то борьба, как мне вести себя? Как мне не хочется писать музыки! как у меня ничего не выходит!

10 декабря 1906

Был на репетиции ⁷³. Чулков читал род статьи ⁷⁴, было очень хорошо всем сидеть за длинным столом. Мейерхольд был очень таинствен, говорил, что должен иметь со мною долгий разговор, Вера Федоровна суховата, актрисы заняты Блоком. < . . . > Как было бы прекрасно, если бы «Балаганчик» ставил Судейкин, как я бы писал музыку!

15 декабря 1906

< . . . > Поехал в театр; видел Бецкого ⁷⁵ и др <угих>. Всеволод <од> Эм <ильевич> ужасно мрачен, говорит, что никому не нужен, что все его бранят; в «Весех» напишут Волошин и Аничков, в «Перевале» Блок — значит люди сочувствующие, в «Руне» заругается Дымов ⁷⁶, к счастью слишком пошло, чтоб иметь значение ⁷⁷.

19 декабря 1906

< . . . > Заходил звать Ивановых, их не было дома. Сапунов приехал, оживленный и любезный < . . . >. Был <и> Блок, Ремизов, Бакст, Нувель, маленькие студенты. Я был не в духе, кажется, <было> неприятно, не знаю, не было ли скучно. Ремизов читал своего «Черта», Гофман принес «Ярь». Бакст был обычно бестолков ⁷⁸.

21 декабря 1906

Ясно довольно, холодно. Разбужен письмом из театра, зовут на оркестровую пробу в 12 ч., конечно, не успею. < . . . > Поехал в театр на репетицию, был <и> Блок, Сапунов; в театре были милы, музыка издали и в скрипках звучит лучше: далекая, приятная и доступная. Идет «Балаганчик» хорошо ⁷⁹.

23 декабря 1906

< . . . > по телефону узнал, что репетиция в 2 часа; поскакал, видел часть «Антония» и «Балаганчик» уже в костюмах. Актрисы после спектакля 30 звали к себе ⁸⁰. Музыка нравится.

28 декабря 1906

Поехал на репетицию ⁸¹. Там были Сологуб, Блок, Иванов, Леман, Волошин, Семенов ⁸², с которым я познакомился.

30 декабря 1906

«. . .» В театре были все, больше знакомых, чем незнакомых. После «Балаганчика» свистели и хлопали, шикали и вызывали Блока, ему подали несколько скромных цветов ⁸³. Иванова все агитировала за маскарад, и я решил в конце концов пожертвовать Венгеровыми. Бердяев меня позвал в четверг. Добужинский так вообще после 10-го. Мне понравилась и занавесь, и декорации, и особенно Амур ⁸⁴ Ник^олая Никол^аевича». У Ивановых был ^и я, Сережа, Сапунов, Нувель, Блоки, Мейерхольды, Сюннерберг, Городецкий, Пронин, Веригина, Мундт ⁸⁵. Все в костюмах, в масках, мне Сапунов устроил из клетчатого кашне египетскую повязку, серьги, декольте и галстук, завязанный бантиком, и красный японский халат Веры Викторовны, через ногу лиловая перевязь ^{«. . .}. Читал свои стихи. Иванова читала мое «стихотворение» «Сегодня праздник» ⁸⁶, рассказывала о Судейкине.

2 января 1907

«. . .» «Балаганчик» привлек немного публики, которая опять хлопала и шикала.

10 января 1907

«. . .» «Балаганчику» не шикали, хотя народу было не много.

14 января 1907

«У Сологуба» был ^и Мейерхольд, Добужинский, Бакст, Блок и др. Говорил с Мейерхольдом, Бакстом об делах. ^{«. . .} Интриговал Блока. Сапунова не было.

16 января 1907

«. . .» вышли «33 уroda», «Нечаянная радость» ⁸⁷.

21 января 1907

«. . .» Поехал к Сологубу ⁸⁸; Аничков говорил о главе раскольничьей литературы. Читали стихи; Блок мне положительно не понравился, равно как и прочитанное Городецким, читал рассказ Сологуб.

30 января 1907

«. . .» Поехали в театр. Веригина играла неважно ⁸⁹. Вилькиной не было. ^{«. . .} Сережа ⁹⁰ и Блок поехали к Веригиной.

1 февраля 1907

«. . .» Повестка из университета ⁹¹, где пропечатаны «Незнакомка», «Куранты» ⁹² и стихи Блока, Городецкого, Цензора ⁹³ и мои. ^{«. . .} На вечере была куча народа, из председательствующих никого старшего, даже Городецкий куда-то сбежал, сидел только Гофман и еще какой-то студент. Я все время был с Сапуновым, был ^и Добужинский, Кустодиев ⁹⁴, Гржебин ⁹⁵, «Жилкин» ⁹⁶, Нувель, Вилькина. Духота невообразимая. Блок читал свою чудную «Незнакомку», публика несколько недоумевала. После перерыва пел я, кажется, было достаточно слышно. У меня очень болела голова. Часть публики была очень предубеждена или не воспринимала и вела себя невозможно: громко смеялась, говорила, шикала, бывали перерывы, но доиграл я до конца. Был ли это успех, не знаю, но демонстрация и утверждение искусства — да, и потом многим (я сам слышал и видел) очень понравилось, а скандал всегда усиливает известность. Только смешно, что я и мои вещи менее экстренные, боевые, чем других, — вызывают всегда скандалы. Был любезен с Косоротовым ⁹⁷. Добужинский почему-то звал к себе Сапунова. После читали стихи: Блок — революционные (для чего), Семенов, мы ушли

в «Белый медведь», голова страшно болела, это было будто продолжение «Незнакомки». Николой Николоевич говорит, что редко испытывал такое острое и боевое чувство, как в этот вечер. Сережа или не спал, или проснулся и тоже говорил о том же.

5 февраля 1907

«...» мне было очень жалко идти к Мосоловым⁹⁸ без Сапунова; там был и Леман, Пяст, Гофман, студенты и гимназисты, атмосфера напоминает Верховских прежних времен: молодой муж, семьи вместе, обилие дам и девиц. Гофман читал стихи Блока, все-таки они мне не нравятся, Леман свой рассказ, за столом все по очереди читали стихи.

6 февраля 1907

«...» Вечером были в театре⁹⁹. Николой Николоевич приехал рано, вместе смотрели «Балаганчик», сидели у Бецкого, актрис не видали, Блок нашел, что некоторые №№ из «Масок»¹⁰⁰ не без небольшого моего влияния. Был Леман. Сережа, Блок и две актрисы куда-то уехали.

7 февраля 1907

«...» Без нас за Сережей заезжали Блок с Волоховой, Городецкий.

9 февраля 1907

«...» После обеда говорил с Людмилой¹⁰¹, пошел к Ивановым, там был Юраша, Вячеслав Иवानович поехал к Блоку, мы рисовались¹⁰², пришел маленький Гофман¹⁰³, обложка Добужинского к «Зверинцу» очень плоха¹⁰⁴. Вячеслав Иवानович, не застав Александра Александровича, вернулся не в духе, стал бранить портрет, даже сел к нему спиной. Читал пастораль¹⁰⁵, Иванов сказал, что это прекрасно и совершенно как все, что я пишу последнее время, но будто не так свежа; стихи лучше гораздо.

10 февраля 1907

«...» Заходил гимназист из 1-ой гимназии, они ставят «Балаганчик», и он приходил за музыкой¹⁰⁶.

11 февраля 1907

«...» Хотели все ехать к Сологубу¹⁰⁷. Я заехал за Сережей. Там были Бердяевы, Аллегро, Бакст, Нувель, студенты, Волохова, Аничков etc. Я читал пастораль¹⁰⁸, не понравившуюся, кажется, читал и Блок, Верховский, Сологуб, Мейснер¹⁰⁹. Шли домой с Потемкиным.

5 марта 1907

Утром пришел Павлик¹¹⁰, принесший квитанцию; пошли вместе в типографию, бумагу прислали при мне; неважная, но лучше, чем никакой. Прошли до Морской, потом по Невскому, по Пассажу, встретили Блока, Чеснокова¹¹¹, Гольдебаева¹¹².

18 марта 1907

«...» «У Сологуба»¹¹³ было довольно много народу, читали стихи Сологуб, Блок, Потемкин, я. Сомов был очень мил, хочет хлопотать об «Евдокии»¹¹⁴ в «Шиповнике». Тогда нельзя уж будет давать ее в «Оры». Блок вдруг объявил, что со мной трудно говорить, были там два студента: Ге¹¹⁵ и Моисеев¹¹⁶.

20 марта 1907

«...» У Ивановых были Сомов, Бердяев, Троцкий¹¹⁷ и Блок. Сидел англичанин очень достойный и пасторский. Играли, болтали, читали послание Юраши, стихи очень хорошие Блока. Мне было скучно, но потом, когда мы

уже вышли на улицу и я провожал Сомова и Тр<оцкого>, я развеселился.

22 марта 1907

Пошел к Блоку, где был сеанс Сомова ¹¹⁸. Пришли при мне «Весы», я читал рецензии Брюсова на Городецкого, Блока, Иванова ¹¹⁹, болтал всякий вздор, пил чай, в конце пришла Веригина.

23 марта 1907

< . . . > поехал с Сережей по набережной. Он отправился к Блоку, я же на Морскую и Невский.

26 марта 1907

< . . . > Пошел к Блоку ¹²⁰, там была мать Блока, Сережа и Веригина. Было очень весело.

30 марта 1907

< . . . > Пошли к Ивановым, хотя сказали, что никого нет, мы застали там Ремизова, Блока, Гофмана, потом вышел до того спавший Иванов, все были как-то не в духе, Блок и Ремизов с перепою, Диотима ¹²¹ зла, Гофман ¹²² противен. Читали «Евдокию» ¹²³, Л<идии> Дм<итриевне> ¹²⁴ и Блоку, кажется, не понравилась, Иванову — очень.

2 апреля 1907

< . . . > Пошли к Кондратьеву ¹²⁵, там все уже были: Блок, Потемкин, Зор ¹²⁶, Лернер ¹²⁷, Панов ¹²⁸, Штейн ¹²⁹, Анненский. Потемкин читал свой перевод, читал Кондратьев свой рассказ, стихи — по очереди, много пили, даже коньяку я выпил несколько рюмок, все куда-то тянули Блок и Потемкин, потом пошли шарить по шкапам и окнам. Нашли бутылку пива и настойку из черной смородины. Потом домой. Было совсем светло.

3 апреля 1907

Пошел к Блоку, голова немного болела. Там был уже сеанс, была Менделеева ¹³⁰, потом Пяст. Голова страшно болела, почти до рвоты, читал «Евдокию», очень понравилась и Сомову, и теперь Блоку.

5 апреля 1907

< . . . > после обеда хотел пройти к Ивановым и потом к «современникам» ¹³¹, как вдруг письмо от Иванова: «Присылайте немедленно «Евдокию» для набора». Пошли с Сережей, там был Чулков, читали стихи Блока, Сологуба. Георгий Ив<анович> говорит, что Блоку теперь очень нравится «Евдокия» ¹³². Обедали при нас. Лидия Дм<итриевна> была зла по обыкновению. Поехал по дороге с Вяч<еславом> Ив<ановичем>. У «современников» ничего нет, заехал к Нувел<ю>, нет дома, обедал у Дягилева. Поплелся домой, увидел Блока выходящим из кинематографа. Скучает второй день, как и я, звал его в «Вену», но он боялся запить и потом был в заметно рваных брюках. Довел его до конки, он очень милый.

7 апреля 1907

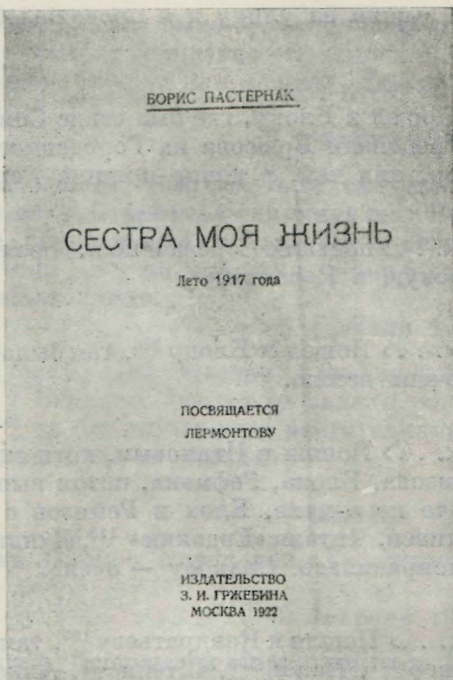
< . . . > Снег и слякоть, поехали к Блоку, сеанса не было, т. к. у Сомова болела голова, посидели у Ал<ександра> Ал<ександровича>, он очень милый. Пошли с ним к Чулкову, к которому у Сережи было дело, но и его не было дома, пошли к Шеголевым ¹³³. Сережа поднялся, я же стоял внизу, беседуя со швейцаром, как Над<ежда> Гр<игорьевна> ¹³⁴ позвала меня сверху, потолковали на лестнице.

9 апреля 1907

Ходили к Блоку, Сомов был очень мил ¹³⁵

12 апреля 1907

Редко мне бывало так тоскливо: денег нет; романов тоже, идет дождь, друзья разъезжаются, с типографией возня. Поехали к Блоку, не дождавшись

Б. ПАСТЕРНАК. «СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ»

Изд. З. И. Гржебина, М., 1922

С дарственной надписью М. А. Кузмину: «Дорогому Михаилу-Алексеевичу Кузмину. Шоп <ен> IV баллада». Всей душой на полном блюде приведенной нотной основы. Б. Пастернак.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Потемкина, который все-таки потом туда пришел. Сомов был надутый, у него вчера были Бакст и Аргутинский ¹³⁶, если приглашенные, то это пря<мо> свинство. Пришел Гофман с корректурами и «Снежной маской» ¹³⁷. Ал<ександр> Ал<ександрович> мне написал: «Пленительному и милому отравителю» ¹³⁸. Ехали назад в конке.

15 апреля 1907

<...> Отправились к Сологубу ¹³⁹, на набережной обычное хулиганское гулянье, лед сплошной, и шипит льдина о льдину. У Сологуба было скучно. Гнесин читал idiotский реферат о музыке. Вяч<слав> Ив<анович> придавал торжественность, потом с Блоком и Чулковым уехали. Чуковский и Дымов хулиганили.

21 апреля 1907

<...> Пошли за покупками, я заехал к Сомову, который был у Блока и вчера не был болен.

25 апреля 1907

<...> Пошли к Блоку. Любовь Дмитриевна была очень грустна, чуть не плакала. Блоку нравится «Л<юбовь> эт<ого> лета». Ехали с Сомовым до набережной.

27 апреля 1907

<...> У Верховских был<и> Чулков, Блок, Конради ¹⁴⁰, Иованович ¹⁴¹, я пел «Куранты», читали стихи, болтали. <...> Блок был очень трогателен. <...> Пойду завтра к Блоку.

28 апреля 1907

Утром ездили к Блоку; был Гофман; Сомов был очень мил, ехали назад вместе до его портного. < . . . > Нувель пишет новости о Людмиле, что Мережковские ругательски ругают Сологуба, Иванова, Блока, Ремизова, Городецкого, меня, щадя только Сергеева-Ценского ¹⁴².

30 апреля 1907

< . . . > читал Сомову дневник, болтали до половины четвертого. Звал завтра к Блоку, был мил.

1 мая 1907

< . . . > Приехали какие-то представители от Лесного института приглашать меня петь на вечере или читать, звали Иванова, Сологуба, Блока, Ремизова, Година, Цензора, Андрусона, Теффи. Я думаю, их направил ко мне Иванов, а может быть, и сами надумались.

2 мая 1907

< . . . > Очень торопился к Сомову, там уже были Блоки, Званцевы ¹⁴³, Нурок и Сережа. Читали «Незнакомку», последний сержин рассказ, «Евдокию», пели «Куранты» и старых французов. Было уютно. Любовь Дмитриевна была очень мила и трогательна.

4 мая 1907

< . . . > поехали к Чулкову и Блоку на последний сеанс ¹⁴⁴. Была мать Блока.

7 мая 1907

< . . . > На Невском встретил Чулкова с желтыми тюльпанами, зашли в Café centrale, он говорил, что я влюблен в самого себя, что еще влюблены Блок и Бальмонт, но иначе, что высокая беспечность, замечаемая в некоторых последних вещах Блока, — от меня. Был мил и задушевен. < . . . > Зашел Ремизов; пошли к Врасск(им) ¹⁴⁵, купили желтых ромашек за неимением нарциссов. Врасские это те же, что были в Саратове, и старик помнит папу. Были Блок, Чулков, Потемкин, Ростовцевы ¹⁴⁶, Книшпер ¹⁴⁷ и разные гости. Читали, я пел «Куранты», за ужином беседовал с Ростовцевой. Леман был очень мил и трогателен. Гога Попов ¹⁴⁸, оказывается, вовсе не считает себя отказавшимся от издания. Блок списывал «Любовь расставляет сети» ¹⁴⁹ как наиболее ему нужное.

12 мая 1907

< . . . > Поехали к Блоку < . . . >. Ехали далеко мимо реки, где на берегу растут деревья. Огромные казармы, солдаты у входа, переходы по коридорам, лестницы, его мать, ждавшая его с прогулки, денщик, тихие уютные комнаты — все было особенно. Тут долго жил Блок ¹⁵⁰ < . . . >. Чулков все хотел разыскивать Блока, но пошли мы на поплавок, пили чай с ромом и ели сыр.

26 июня 1907

< . . . > У «Руно» вид тощий, статья Сюннерберга самоубийственной длины и скука, выходка против «Весов» детски ничтожная. Лучшее всего эскиз Сапунова к «Королю на площади» ¹⁵¹.

10 июля 1907

Прислали «Весы»: бранят Чулкова, но и Иванова и Блока ¹⁵², объявляют мои книги ¹⁵³.

24 июля 1907

< . . . > «Руно»: стихи Городецкого, очень слабые, рассказ Ремизова, статьи Иванова и Блока (очень странная, хвалящая от Горького до Камен-

ского, до Сергеева-Ценского вплоть, кем вдохновленная: Аничков <ым>, Чулковым?), снимки с «Голубой розы»¹⁵⁴.

29 июля 1907

Встал очень рано, задолго до почты. «В мире искусств» не только не поместил меня в числе «обновленных» сотрудников, но даже не напечатал мои стихи. Смешная ли это неприязнь Л. Андреева, собственная ли наглость, не знаю¹⁵⁵. <...> Белый опять лягает Блока, когда все выяснится¹⁵⁶?

6 августа 1907

<...> Чулков безыменно ругает Брюсова, Белого и меня, выставяя Иванова, Блока, Сологуба, Бальмонта и Городецкого¹⁵⁷.

31 августа 1907

<...> Сережа видел Блока. «Руно» действительно предлагало ему быть редактором, но он отказался, чтобы предоставить Иванову, если тот не откроет «обственное издание»¹⁵⁸.

14 сентября 1907

<...> Поехал к Сереже. Рябушинский¹⁵⁹ приехал, но у меня еще не был, был Тамашев¹⁶⁰. Пошли к Блоку, они были кислые, но милые, читали стихи¹⁶¹.

1 октября 1907

<...> Сейчас после обеда пришли Сережа, сестра и девочки. Пили чай. Пришел Блок.

19 октября 1907

<...> Проехал в «Вену», где со мной болтал Аничков. Оказывается, «реалисты» мне объявили бойкот и не пожелали моей вещи в концерте 23-го у Коммиссаржевской. Ну что же? А la guerre, comme à la guerre*. Написал письмо Блоку, прося его отказаться¹⁶².

28 октября 1907

<...> На «Балаганчике»¹⁶³ Сережа не был, был лишь Блок, отказавший Супаннику в пьесах¹⁶⁴. Мейерхольд мрачен; Бецкий мил и не унывает, Закушняк тоже мил¹⁶⁵.

30 октября 1907

<...> пришел Сережа, вышли вместе, заехав к нему посмотреть «Руно», Блок пишет о мне очень трогательно¹⁶⁶.

14 ноября 1907

<...> У Блоков была куча народа, скучнейшие актрисы, трое Городецких¹⁶⁷, Сологуб, Ремизов etc. Ремизов выражал свои восторги по поводу «Кушетки»¹⁶⁸ и Городецкий тоже, но было скучно. <...> Мейерхольд говорил мне комплименты.

11 декабря 1907

Утром поехал к Нувелю и Сомову, предупредить и звать их. К Блоку <поехал>, оказывается, <он> послал деньги по почте.

18 января 1908

Все не могу наладиться работать. Записался в библиотеку. Был у Блок <a>. Quelle soirée** — эти вечера.

9 февраля 1908

<...> Видел Principino¹⁶⁹ и Блока.

* На войне как на войне (франц.).

** Какая каторга (франц.)

Был на почтамте и у Блока.

8 марта 1908

21 марта 1908

< . . . > Наверху ¹⁷⁰ были Модест ¹⁷¹, Чулков, Блок и Сюннерберг. Длиннейшие аудиенции с Чулковым и Блоком < . . . >; очень долго ждали Вячеслава, дивигируа* и болтая.

3 июня 1908

Утром ходил по делам и за покупками. Встретил Блока, полупьяного, но нежного.

23 июня 1908

< . . . > Письмо от Фед<ора> Фед<оровича> с просьбой музыки к «Аhn-frau» ¹⁷².

1 июля 1908

< . . . > Переписывал Газелы, писал с трудом «Всадника» ¹⁷³, письмо от Блока ¹⁷⁴.

21 июля 1908

< . . . > В «Образов<ании>» ¹⁷⁵ Сологуб, Чулков, Блок, Городецкий, Мереж<ковский>, Гишпиус. Кто же теперь гоним? Я, Белый и Ремизов? Et voilà tout?***

19 августа 1908

< . . . > Наши действительно приехали с кучей новостей ¹⁷⁶. Сережа многих видел: Валечку ¹⁷⁷, Дягилева, Чулкова, Городецкого, Потемкину ¹⁷⁸. В городе же уже Блок, Сологуб, Ремизов ¹⁷⁹.

13 ноября 1908

< . . . > Блок прислал книгу ¹⁸⁰. < . . . > Читали параллельно Фета и Блока. Второй многим пожиже.

7 января 1909

< . . . > Я поехал к Ремизовым, но их не было дома, и я отправился к Блоку, где и просидел вечер, слушая и читая стихи.

3 марта 1909

< . . . > Блоки едут за границу ¹⁸¹.

6 октября 1909

< . . . > За обедом явились Сабашникова и Блок, потом Чулковы, но у меня сидели Нувель, Тамамш<ев> и Руслов ¹⁸². Когда я вышел ко всем, то Маргариты уже не было, Блок еще почитал стихи о Италии ¹⁸³.

18 октября 1909

< . . . > Дома еще заседали Блок, Мейерхольд, Сюннерберг, были Гюнтер ¹⁸⁴ и Бородаевский ¹⁸⁵. Quelle cogvée***, до 5 час<ов> толковали. С Вяч<еславом> нельзя вести никаких дел. Наконец настояли на исключении всех профессоров, молодых и пр. и оставили 10 человек. Потом опять об академии ¹⁸⁶.

23 декабря 1909

< . . . > В «Аполлоне» ¹⁸⁷ Жени ¹⁸⁸ еще не было. Нужно было торопиться к Блоку. Он на все предложения наотрез отказался, не любя папаши ¹⁸⁹. Читали стихи. Обедали у Альберта: я, Женья, Алеша ¹⁹⁰, Лукомский ¹⁹¹ и Слезкин ¹⁹².

* От франц. divaguer—отступать от предмета речи, разглагольствовать.

** Вот и все (франц.).

*** Какая каторга (франц.).

- 4 декабря 1910
- <...> Дома был еще Блок у нас в гостях.
- 2 января 1911
- <...> Приехали от Безобразовых какой-то милый москвич и Блок в маске¹⁹³. Мы долго его не узнавали.
- 17 января 1911
- <...> Все время бездельничал дома. Вечером были Блок, Пяст и Юраша. Лег рано.
- 31 января 1911
- <...> Вечером был Блок и Сюннерберг, но я ушел раньше.
- 4 апреля 1911
- <...> У нашего подъезда стояли Блок и Пяст, но первый не пошел к нам. Были Гумилевы, Толстые, Аничков, Верхковский, Чулков, Мандельштам. Читали много. Никололай Степанович остался у нас ночевать.
- 13 июня 1912
- Заезжал к Сапунову. <...> Зовет в Териоки. <...> Ездили к Шервашидзе, Блоку¹⁹⁴.
- 7 апреля 1914
- <...> Пошли обедать, потом в театр. Был кошмар, всего хуже сам Блок. Невероятный вздор¹⁹⁵.]
- 11 апреля 1914
- <...> Приехал Божерянов¹⁹⁶, болен, просил приехать. Вместо «Незнак-омки» поехали к нему.
- 17 декабря 1914
- <...> Беленсон. Ездили к Блоку, не застали¹⁹⁷.
- 15 января 1915
- <...> Беленсона забирают Блок, Ремизов и Кульбин¹⁹⁸.
- 6 января 1918
- <...>... слились с Ивановым-Разумником и Луначарским в «Знамени труда» Ивнев, Есенин, Клюев, Блок, Ремизов, Чернявский¹⁹⁹, Ляндау²⁰⁰. Завидно ли мне? Я не бандитский и не пролетарский. Ни в тех, ни в сих, — и никто меня не хочет²⁰¹.
- 22 августа 1918
- <...> Не попав домой, пошел на совещание. Деньги обещали, боятся «Привала», Студенцов был очарователен, но у князя ничего не было. Что-то они задумывают, что мне не нравится, и боюсь ссор с Блоком.
- 23 августа 1918
- Целый день сидел в отделе. Блок и Мейерхольд подняли против меня целую кампанию²⁰². Каменева²⁰³ не знает, что делать. По крайней мере, так говорит. Юркий²⁰⁴ зашел за мною и ругал меня. М. б., и правы, я выписался и стал бездарен. Но я не думаю.
- 19 ноября 1918
- <...> Побежал в отдел. Заседали там. Пошел все-таки на Луначарского²⁰⁵. Масса народу и знакомых: Блок, Горький, Бенуа, etc. Было приятно.

17 декабря 1918

«. . .» Юр<ий> ходил со мною и в «Мировую литературу»²⁰⁶. Был<и> там Блок, Гумилев, Ходас<евич>²⁰⁷, Потапенко²⁰⁸, Зарудный²⁰⁹, разные личности.

7 февраля 1919

«. . .» Юр<ий>²¹⁰ пришел. Сказал, что Розанов²¹¹ умер и заплакал. Дома, только что распаковались, посланный из «Привала». Поехали все-таки²¹². Неустройства, дела, знакомые. Брики, Беленсоны, Оленька²¹³. Кажется, у нее действительно роман с Блоком. «. . .» Читали мрачно довольноно. Потом вылез Маяковский, и все поэты попрятались в щели. Наверху Лунач<арский> читал пьесу. Вздор, конечно. «. . .» Спустились. Сидят Пронин, Блок, Оленька, Леночка²¹⁴.

22 июня 1919

«. . .» Нужно было уже трогаться в театр, когда он <Юрий> пришел²¹⁵. Пошли. Пьеса пустая, хотя играли хорошо. Весь театр полон матросами. Тяпа²¹⁶ была, Блок, Горький. Солнце еще светило, когда я вернулся.

2 марта 1920

«. . .» В «Литер<атуре>» видел Блока, Белого, Сологуба. Тени какие-то.

28 апреля 1920

«. . .» В отделе выдавали продукты. Блок получал с накидкой вне очереди.

16 мая 1920

«. . .» Пошли в Дом²¹⁷, пили молоко, на концерт еще рано²¹⁸. Там раздеться негде, все в шапках и пальто. Сомов беседовал с нами, подходил и Пунин²¹⁹ здороваться. Разные люди были. Сидели с нами Сологубы. Кусевичкий превосходно дирижировал. «. . .» Дебюсси был волшебен, но Лурье как-то провалился. Интеллигентное нытье, вроде шипенья самовара, мордовороты из хора Архангельского²²⁰ сознательно мычали, bouche close* вдруг выделялись слова нестерпимо интеллигентского Блока. Хор превосходно разучил труднейшую эту вещь, но впечатление довольно паскудное.

21 мая 1920

«. . .» Я видел Тяпу, Кузнецова²²¹, Блока. Все о делах, ничего, бодро.

17 сентября 1920

«. . .» Разные дела. По-моему с юбил<еем> мало что выйдет. Гумилев и Блок писать отказались²²².

29 сентября 1920

«. . .» Пошли в Дом искусства²²³. А за нами прислали лошадь. Прямо меня провели к Чуковскому и там держали долго. Блок, Рождеств<енский>, Оцуп²²⁴, Грушко²²⁵ меня берегли. Все вышло отлично, душевно и прилично. Блок читал очень трогательно. Пели Хортики, Прима неплоха. У Примы прелестный, очень современный тембр голоса, таинственный и волнующий, но не чистый. Хортики попроще, но хороши. Мозжухин, конечно, спел мастерски. Пили чай потом свои.

7 августа 1921

Умер Блок.

* закрытый рот (франц.).

8 августа 1921

< . . . > Дома застал Саню²²⁶ и Рождественского²²⁷, читал им. Рассказывали о Блоке, они вчера там были. Пришла О<льга> Н<иколаевна>²²⁸ и уговорила нас идти на панихиду. Хорошо сделали, что пошли. Все были. Плачут. Слов <a> «поэт» и «нежность», конечно, неотъемлем<ы> от него. Многие оплакивали свое прошлое, целую полосу артистической жизни и свою, м<ожет> б<ыть>, близкую смерть. Заплаканные женщины. Трепанная Дельмас рядом со строгой вдовой Блока и Белый, и Ол<ьга> Афан<асьевна>, и Ахматова, и Анненков на первом плане, вроде фотографа Буллы, Бруни²²⁹, Канкарович²³⁰, Ершов²³¹, Лурье²³² — все. Радловы²³³, Тяпа²³⁴. Удивленные, растерянные и заплаканные лица. Солнце, маленькие комнаты, старые домики, луг на берегу канавы, ладан и слова панихиды. Еле дошли домой.

10 августа 1921

С утра бегали на Ник<олаевский> мост. Ждали. Погода чудесная. Несут открытым. Попы, венки, народ. Были все. Скорее можно перечислить отсутствующих. Белый во главе, что и понятно, но Анненков и Лурье до неприятия выпячивались на первое место, как фотографы. Шел то с Радловым, то с Блохами²³⁵. Они милы, скромны и домашни. На кладбище праздник Смоленской Божьей матери²³⁶. Служили хорошо, но в виде *hommage*'а* пели Чайковского. Как изменился Блок. Как страшно и какой дух тленья. Его передержали и пекли на солнце. Тепло, деревья, все мило для последнего взгляда. Много и праздного народа, спрашивают, кто это Блок. < . . . > Долго шли.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ 14 января 1906 г. М. Кузмин записал в своем дневнике: «На меня напало уныние от любых предстоящих посещений и стал вздыхать о келейности» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 51, с. 271).

² «Повесть об Елевсиппе, рассказанная им самим» М. Кузмина. Напечатана в журнале «Золотое руно», 1906, № 11—12 с вignetкой Н. П. Теофилактова.

³ Вальтер Федорович *Нувель* (1871—1949) — чиновник особых поручений канцелярии Министерства императорского двора, просвещенный любитель музыки, близкий к кружку «Вечера современной музыки» и объединению «Мир искусства».

⁴ Вячеслав Гаврилович *Каратыгин* (1875—1925) — музыкальный критик, композитор, педагог; один из основателей кружка «Вечера современной музыки».

⁵ Лидия Дмитриевна *Зиновьева-Аннибал* (1866—1907) — писательница, жена В. И. Иванова.

⁶ Владимир Алексеевич *Сенилов* (1875—1918) — композитор, автор романсов на слова поэтов-символистов.

⁷ Александр Степанович *Рославлев* (1883—1920) — поэт.

⁸ Леонид Евгеньевич *Габрилович* (1878—1953) — физик и публицист, приват-доцент Петербургского университета.

⁹ Вера Глебовна *Успенская* — дочь писателя Г. И. Успенского.

¹⁰ Возможно, Владимир Николаевич *Ивановский* (1867—1931) — философ, профессор Казанского университета.

¹¹ О том, что Блок обдумывал тему, которой был посвящен реферат Л. Е. Габриловича, свидетельствуют его заметки в записной книжке от 18 января 1906 г., озаглавленные «Религия и мистика» (ЗК., 72—74).

¹² Альманах «Зеленый сборник», выпущенный издательством «Щелканово» в 1905 г. В альманахе впервые выступили в печати со стихами Ю. Верховский, Вл. Волькенштейн, К. Жаков, М. Кузмин и прозаическими произведениями П. Конради и Вяч. Мешжинский. Рецензию Блока на «Зеленый сборник» см. V, 586—587.

¹³ «Любовь этого лета» — цикл из 12 стихотворений, написанный М. Кузминым в июне—августе 1906 г. Впервые напечатан в журнале «Весы», 1907, № 3 с рисунками С. Ю. Судейкина.

¹⁴ Перечень стихотворений, которые Блок читал в это время на литературных «средах» и «воскресеньях» см. ЗК., 74—75.

¹⁵ Александр Митрофанович *Федоров* (1868—1949) — поэт, прозаик, драматург, переводчик.

¹⁶ Ольга Александровна *Беляевская* — поэтесса и прозаик, сотрудничала в журнале «Тропинка».

* дань уважения (франц.).

¹⁷ «Адская почта» — журнал политической сатиры, выходивший в 1906 г. Редактор П. Н. Троянский, издатель Е. Е. Лансере. Всего вышло 4 номера. В журнале были напечатаны произведения В. Брюсова, И. Бунина, М. Горького, Вяч. Иванова, Л. Зиновьевой-Аннибал, А. Ремизова, Ф. Сологуба, иллюстрировали вышедшие номера И. Билибин, З. Гржебин, Е. Лансере, Д. Кардовский, Б. Кустодиев. Блок был объявлен в числе сотрудников журнала, но его произведения в журнале не появились.

¹⁸ Намек на З. И. Гржебина и С. Ю. Копельмана, владельцев издательства «Шиповник» (1906—1918), в котором сотрудничали некоторые участники журнала «Адская почта».

¹⁹ И. А. Бунин, не принимавший «новой» поэзии, отрицательно относился и к творчеству Блока. Об отношении Бунина к Блоку см. ЛН, т. 84, кн. I, с. 346, 351.

²⁰ Приглашение в театр В. Ф. Коммиссаржевской на первую «субботу», состоявшуюся 14 октября 1906 г.

²¹ П. К. Маслов — приятель М. Кузмина, ему посвящен цикл стихотворений «Любовь этого лета».

²² Чичерины — родственники Георгия Васильевича Чичерина (1872—1936), товарища М. Кузмина по гимназии, впоследствии известного дипломата.

²³ Николай Петрович *Феофилакт* (1878—1941) — живописец, график, оформитель ряда изданий произведений М. Кузмина; ему посвящен стихотворный цикл М. Кузмина «Александрийские песни».

²⁴ Диотима (древнегреческая жрица и пророчица) — прозвище Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

²⁵ Речь идет о стихотворении Вяч. Иванова «Сирена».

²⁶ Блок читал свою новую драму «Король на площади». Артист театра В. Ф. Коммиссаржевской А. А. Дьяконов позднее вспоминал: «Чтение «Короля на площади» прошло с большим успехом. Блок был героем вечера. Он читал свою пьесу высоким, чуть-чуть глуховатым голосом, легко и красиво, с глубоким внутренним волнением, которое он сумел передать всем» («О Коммиссаржевской. Забытое и новое». М., изд. ВТО, 1965, с. 83).

²⁷ Константин Александрович *Сюннерберг* (1871—1942) — поэт и художественный критик.

²⁸ Т. е. посещавшие «башню» Вяч. Иванова, жившего на Таврической улице, д. 25.

²⁹ Иван Яковлевич *Билибин* (1876—1942) — театральный художник и график.

³⁰ Сергей Юрьевич *Судейкин* (1882—1946) — живописец, театральный художник.

³¹ Николай Николаевич *Сапунов* (1880—1912) — живописец, театральный художник.

³² Новые стихотворения М. Кузмина из цикла «Александрийские песни» были напечатаны в альманахе «Корабли» (М., 1907); в каталоге издательства «Скорпион» на 1907 г. было объявлено отдельное издание цикла, но оно не было осуществлено.

³³ Алексей Николаевич *Феола* (1879—1949) — актер и режиссер оперетты, в 1905—1910 г. работал в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

³⁴ Владелец московского издательства «Гриф» Сергей Алексеевич Соколов, псевд. С. Кречетов (1878—1936) — поэт.

³⁵ «Весна» — название первого отдела в сборнике стихов и нот М. Кузмина «Куранты любви» (М., «Скорпион», 1910).

³⁶ М. А. Волошин и его первая жена, художница и поэтесса Маргарита Васильевна *Сабашникова* (1882—1974), жили в это время у В. И. Иванова.

³⁷ В театр В. Ф. Коммиссаржевской на вторую «субботу», на которой участники «Кружка молодых» читали дифирамб В. И. Иванова «Факелы».

³⁸ Repoucheau — прозвище В. Ф. Нувеля.

³⁹ Серафима Павловна *Ремизова*, урожд. Довгелло (1876—1943) — палеонтолог, жена А. М. Ремизова.

⁴⁰ Василий Васильевич *Кузнецов* (р. 1881) — скульптор.

⁴¹ Борис Израильевич *Анисфельд* (1878—1974) — график и декоратор.

⁴² Василий Дмитриевич *Милиоти* (1875—1943) — график, живописец.

⁴³ В недатированном письме к Блоку Т. Н. Гиппиус сообщала со слов своего соученика по Академии художеств В. В. Кузнецова: «Ученики Академии (некоторые) устраивают литературно-художественный журнал, где будут принимать участие молодые художники (Анисфельд, Милиоти, Павел Кузнецов и т. под.). И молодые поэты и писатели. Плененные Вашими произведениями — они намереваются просить Вас взять на себя редакторство литературным отделом» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 214, лл. 18—19). 22 октября 1906 г. в письме к Т. Н. Гиппиус Блок ответил согласием на это предложение (ИРЛИ, р. I, оп. 3, № 64). Издание журнала не было осуществлено.

⁴⁴ На последней, третьей «субботе» в театре В. Ф. Коммиссаржевской, на которой Ф. Сологуб читал свою трагедию «Дар мудрых пчел».

⁴⁵ Людмила Николаевна *Вилькина* (1873—1920) — поэтесса, первая жена поэта Н. Минского.

⁴⁶ 27 декабря 1906 г. В. Брюсов писал З. Гиппиус: «Я считаю Кузмина писателем настоящим, хотя и его «Крылья», и его «Элевзинца» (см. «Золотое руно»), и его роман, который появится в «Шиповнике», и его рассказ, который мы премировали на конкурсе о дьяволе, и все, что он доселе писал, — вещами второстепенными. Большинство начинается с вещей второстепенных, и мало у кого есть столько выдержки и столько веры в слово учителя, как у Мопассана, чтобы писать, класть в стол и десять лет ждать литературного

дебюта. Так как я в М. Кузмина верю, то — по чистой совести — я мог дать место его повести в «Весах» (ЛН, т. 85, с. 686).

⁴⁷ Сергей Абрамович *Ауслендер* (1886—1943) — писатель, племянник М. Кузмина.

⁴⁸ Зинаида Афанасьевна *Венгерова* (1867—1941) — критик, литературовед, переводчица, вторая жена Н. Минского.

⁴⁹ Вечер в пользу недостаточных студентов-грузин. Участвовать в вечере Блок приглашал также Г. И. Чулкова (см. «Письма Александра Блока», Л., «Колос», 1925, с. 131).

⁵⁰ В 1907 г. издательством «Скорпион» был издан сборник Блока «Нечаянная радость», в следующем году — «Разные стихотворения» Ю. Верховского и «Кубок метелей» А. Белого; книги В. Иванова и С. Соловьева в это время «Скорпионом» не выпускались.

⁵¹ «Крылья» — повесть М. Кузмина, напечатана в журнале «Весы», 1906, № 11. Отдельным изданием вышла в 1907 г. в издательстве «Скорпион».

⁵² Надежда Григорьевна *Чулкова* (1874—1961) переводчица, жена Г. И. Чулкова.

⁵³ 10 ноября 1906 г. состоялось открытие Драматического театра В. Ф. Коммиссаржевской в новом здании на Офицерской улице. Занавес для театра был написан Л. С. Бакстом. Сезон открылся «Геддой Габлер» Г. Ибсена в постановке В. Э. Мейерхольда, с декорациями Н. Н. Сапунова. Роль Гедды Габлер исполняла В. Ф. Коммиссаржевская.

⁵⁴ С. А. Ауслендер.

⁵⁵ Петр Петрович *Потемкин* (1886—1926) — поэт.

⁵⁶ Модест Людвигович *Гофман* (1887—1959) — поэт и литературный критик.

⁵⁷ Александр Алексеевич *Кондратьев* (1876—1966) — поэт и прозаик.

⁵⁸ Яков Владимирович *Годин* (1887—1954) — поэт. Об этом вечере В. А. Пяст рассказал в своих воспоминаниях (Вл. Пяст с т. Воспоминания о Блоке, с. 39—40). Шуточное стихотворение, которое имеет в виду Кузмин («Скользкая жаба-змея с мутно-ласковым взглядом. . .»), сочинено тремя авторами: начало принадлежит М. Л. Гофману, середина — П. П. Потемкину или А. А. Кондратьеву, конец — Блоку (II, 454). В стихотворении есть следующие строки: «Милый, ты нравишься мне: как попик болотный, ты сладок, Блок задумчивей ты, голосом — сущий Кузмин!» (II, 364).

19 ноября Блок писал матери: «Вчера у Пяста было скучно» («Письма к родным», I, с. 159).

⁵⁹ Ю. Н. Верховский.

⁶⁰ 21 ноября в театре В. Ф. Коммиссаржевской была вторая генеральная репетиция драмы М. Метерлинка «Сестра Беатриса» (режиссер спектакля В. Э. Мейерхольд, декорации С. Ю. Судейкина). После премьеры 22 ноября В. Э. Мейерхольд отметил в дневнике театра: «Спектакль имел очень большой успех» (ЦГАЛИ, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 65, л. 151).

⁶¹ Блок закончил драму «Незнакомка» 11 ноября 1906 г. 17 ноября 1906 г. он читал ее Т. Н. Гиппиус, Е. П. Иванову, В. В. Кузнецову, Г. И. Чулкову («Письма к родным», I, с. 159). Чтение Ю. Н. Верховскому и М. А. Кузмину, видимо, было следующим «публичным» чтением драмы.

⁶² Борис Алексеевич *Леман*, псевд. — Б. Дикс (1880—1945) — поэт, переводчик, критик.

⁶³ На заседания жюри конкурса литературных и художественных произведений на тему «Дьявол», проводившегося журналом «Золотое руно». Условия конкурса были объявлены в № 5 «Золотого руна» за 1906 г. (и повторены в № 6, 7, 8, 9, 10). Блок и Вяч. Иванов входили в состав жюри по литературному отделу, наряду с В. Я. Брюсовым, А. А. Курскийским, Н. П. Рябушинским. В трех заседаниях 2, 3, 4 декабря жюри рассмотрело представленные на конкурс произведения. По стихам вторая премия была присуждена А. А. Кондратьеву за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова. . .», по прозе первой премией были отмечены рассказы М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмайер» и А. М. Ремизова «Чертик». Отчет о конкурсе и публикация произведений, удостоенных наград, были помещены в № 1 «Золотого руна» за 1907 г.

Подробно о конкурсе рассказал В. Я. Брюсов в письме к Э. Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г. (ЛН, т. 85, с. 687—688).

⁶⁴ Письмо В. Э. Мейерхольда неизвестно. В ответном письме 3 декабря М. А. Кузмин писал В. Э. Мейерхольду: «Я горд и счастлив, если смогу быть чем-нибудь полезен Вашему театру, который мне необыкновенно дорог, совершенно независимо от каких-нибудь личных отношений. Я очень люблю эту вещь Александра Александровича и с радостью попробую сделать музыку к подобающим местам» (В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939. М., «Искусство», 1976, с. 79).

⁶⁵ На литературном «воскресенье». По словам А. Белого, «очень строгие» воскресенья у Ф. Сологуба имели свой особенный, подчеркнуто литературный характер: философия, религиозные пререкания на них не допускались. Г. Чулков вспоминал о сологубовских «воскресеньях»: «. . . у Сологуба — рассуждали о стихах с бесстрашием мастеров и знатоков поэтического ремесла. В кабинете хозяина, где стояла темная, несколько холодная кожаная мебель, сидели чинно поэты, читали покорно по желанию хозяина свои стихи и почтительно выслушивали суждения мэтра, точные и строгие, почти всегда, впрочем, благожелательные, но иногда острые и беспощадные, если стихотворец рискнул выступить со стихами легкомысленными и несовершенными. Это был ареопат петербургских поэтов» (Г. Чулков о Ф. Сологубе. — «Звезда», 1928, № 1, с. 90).

⁶⁶ Днем 3 декабря М. А. Кузмин виделся с С. Ю. Судейкиным, который уехал в Москву 4 декабря (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 52, лл. 227, 228, 232 об.).

⁶⁷ 3 декабря М. А. Кузмин писал В. Э. Мейерхольду: «Я слышал, что в каком-то концерте будет читаться моя «Весна», даже будто бы под мой аккомпанемент. Так как эта вещь предполагалась на одну из Ваших суббот и рукопись находится только у Вас, то я считаю нужным сказать, что обладание рукописью никак не дает права исполнять где угодно и как угодно, и если Вам случайно известно, кто и где это хочет сделать, то будьте добры сказать, что я совершенно не даю разрешения на это. . .» (В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939, с. 79—80). См. также прим. 35.

⁶⁸ Лирические сцены Блока «Балаганчик» были напечатаны в первой книге альманаха «Факель» (СПб., 1906).

⁶⁹ Утром 6 декабря в театре В. Ф. Коммиссаржевской состоялась репетиция пьес М. Метерлинка «Чудо святого Антония» (в программке «Чудо странника Антония») и Г. Гейберга «Трагедия любви» (ЦГАЛИ, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 65, л. 169). Работа над «Балаганчиком» началась 10 декабря. См. прим. 73.

⁷⁰ Это письмо В. Э. Мейерхольду неизвестно.

⁷¹ М. Кузмин был огорчен тем, что декорации к «Балаганчику» поручены Н. Н. Сапунову, он мечтал о постановке «Балаганчика» в декорациях С. Ю. Судейкина. 22 декабря 1906 г. он писал В. Э. Мейерхольду: «Не скрою, что музыка была бы гораздо удачнее, гораздо окрыленнее, если бы я соработал с Сергеем Юрьевичем, и мне кажется, что это было не невозможно. . .» (В. Э. Мейерхольд. Переписка, 1896—1939, с. 81).

⁷² В письме к В. Э. Мейерхольду от 9 декабря 1906 г. М. А. Кузмин сообщал: «Не далее как вчера, будучи у моего милого друга Сомова в обществе Бакста, Нувел'я» и Добужинского, опять слушал о Вашем театре, который мог бы быть «довольно симпатичным» при небольших реформах, а именно: 1. убрать Веру Федоровну; 2. перемена необходимая режиссера; 3. переменить труппу; 4. переменить художников; 5. переменить Ваших советников (?) 6. изменить репертуар; тогда при оставшихся здании, занавесе Бакста и средствах театра могло бы что-нибудь выйти порядочное, вроде некоторых постановок балетов («Фей кукол») или театра Яворской». (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1811, лл. 3—4).

⁷³ 10 декабря 1906 г. в театре В. Ф. Коммиссаржевской началась работа над «Балаганчиком». В дневнике театра помощником режиссера Б. К. Прониным помечено: «Беседа о «Балаганчике» — Г. Ив. Чулков читает о «Балаганчике». Планировка 1-го и 2-го актов». Мейерхольд, продолживший запись, зачеркнул «1-го и 2-го актов» и дописал: «На репетиции присутствовали Блок, М. А. Кузмин, который пишет музыку для «Балаганчика» (ЦГАЛИ, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 65, л. 175).

⁷⁴ Статья Г. И. Чулкова «О новом театре (По поводу новых постановок в Театре В. Ф. Коммиссаржевской)» была напечатана 27 декабря 1906 г. в газ. «Молодая жизнь». Утверждая необходимость возрождения на современной сцене «художественных принципов музыкально-пластического театра», «театра-мистерий», он считал, что «в основу театра А. Блока» должен быть взят «принцип ритма в чтении и ритма в пластике». О статье Г. И. Чулкова см. также IV, с. 568—569.

⁷⁵ Михаил Александрович *Бецкий* (1883—1937) — драматический актер, работал с В. Э. Мейерхольдом в Товариществе новой драмы и театре В. Ф. Коммиссаржевской.

⁷⁶ Осип Исидорович *Дымов* (Перельман) (1878—1959) — драматург, журналист.

⁷⁷ Спектакли, поставленные В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Коммиссаржевской, были подчинены поискам новых методов сценических постановок и принимались многими критиками резко отрицательно. В письме от 1 декабря 1906 г. к Н. П. Ульянову В. Э. Мейерхольд писал: «Петербург встретил нас неласково, то есть вернее — пресса. Публика посещает усердно. Пресса не понимает нас, ах! как не понимает. Искусство наше настоящее». (В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939, с. 79). Об отношении прессы и публики к спектаклям В. Э. Мейерхольда в театре В. Ф. Коммиссаржевской см.: К. Рудин и цк и й. Режиссер Мейерхольд. М., «Наука», 1969, с. 70—113.

Статей Е. В. Аничкова и М. А. Волошина, посвященных театру В. Ф. Коммиссаржевской, в «Весах» не было.

Статья О. Дымова «Петербургские театры. Театр В. Ф. Коммиссаржевской» появилась в № 11—12 «Золотого руна» (1906). Он писал: «То, что случилось с «Драматическим театром» В. Ф. Коммиссаржевской, — очень знаменательное и интересное явление. На первый план выдвинута вперед форма, «постановка», ее ухищрения; намеренно нарушено старое извечное непреложное соотношение слиянности формы и содержания; часть преобладает над целым; провозглашена намеренная и сознательная оторванность от места, от времени; сугубо сознательно растаптывается смех — благословение Неба — аромат земли, — он изгоняется из театра; игнорируются явления и предметы живой реальной жизни, и искусство обволакивается нарочитой дымкой отжившего романтизма» (с. 138). Статья Блока «Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской» была напечатана в № 2 журнала «Перевал» за 1906 г. Блок отметил несовершенство двух первых спектаклей, поставленных В. Э. Мейерхольдом («Гедда Габлер» Г. Ибсена, «В городе С. Юшкевича»), и высоко оценил третий — «Сестру Беатрису» М. Метерлинка. Указав на трудности для театра поисков нового репертуара и новых сценических форм, Блок писал: «После первых трех постановок, после того, как режиссер театра В. Э. Мейерхольд высказал свои основные принципы на одной из «сред» В. И. Иванова, после того, что мы видели на первом представлении «Сестры Беатрисы» Метерлинка, — мы можем ждать

будущего от этого дела» (V, с. 96). Позднее со статьями о театре В. Ф. Коммиссаржевской выступили Г. И. Чулков («Перевал», 1907, № 4) и М. А. Кузмин («Весы», 1907, № 5).

⁷⁸ Об этом вечере у М. А. Кузмина см. прим. к письму М. А. Кузмина Блоку от 16 декабря 1906 г.

«Черт» — рассказ А. М. Ремизова «Чертик» (см. о нем прим. 63).

«Ярь». Стихи лирические и лироэпические. — первый сборник стихов С. М. Городецкого, изданный «Кружком молодых» в 1907 г.

⁷⁹ Утром в театре В. Ф. Коммиссаржевской была оркестровая проба музыки к спектаклю «Балаганчик». В дневнике театра В. Э. Мейерхольдом помечено: «... репетиция музыки под руководством Е. А. Брюнелли, любезно принявшей на себя оркестровку музыки Кузмина и дирижирование» (ЦГАЛИ, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 65, л. 187). Вечером по окончании спектакля «Сестра Беатриса» состоялась репетиция «Балаганчика».

⁸⁰ После премьеры «Балаганчика» 30 декабря у актрисы театра В. Ф. Коммиссаржевской Веры Викторовны *Ивановой* (1880—?), вскоре перешедшей в Суворинский театр, состоялся маскарад. См. дневниковую запись М. А. Кузмина от 30 декабря 1906 г.

⁸¹ Утром 28 декабря состоялась вторая генеральная репетиция «Балаганчика». В дневнике театра В. Э. Мейерхольдом помечено: «На репетиции присутствовал автор и лица по его приглашению, между ними Вяч. Иванов, Фед. Сологуб и М. Волошин» (ЦГАЛИ, ф. 778, оп. 2, ед. хр. 65, л. 189).

⁸² Леонид Дмитриевич *Семенов* (1880—1917) — поэт, товарищ Блока по университету; после 1905 г. оставил литературную деятельность и «ушел в народ».

⁸³ После премьеры «Балаганчика» Блок записал 31 декабря: «Вчера, 30.XII, я выходил на сцену 4 раза. Один пронзительный свисток и аплодисменты. Кланялся тому и другим» (ЗК, 91).

⁸⁴ Амур — М. А. Кузмин говорит о детали декорации второй картины: позади скамьи, на которой сидел Пьеро, стояла тумба с амуром.

⁸⁵ Борис Константинович *Пронин* (1875—1946) — помощник режиссера и артист театра В. Ф. Коммиссаржевской, режиссер-распорядитель Дома интермедий, основатель литературно-артистических клубов «Бродячая собака» и «Привал комедиантов».

Муцэт — Екатерина Михайловна *Муцэт* (1875—1954) — драматическая актриса, в 1906—1907 гг. в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

⁸⁶ Стихотворение «Сегодня праздник» из цикла М. А. Кузмина «Александрийские песни».

⁸⁷ «Тридцать три уroda» — повесть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, вышедшая в издательстве «Оры».

«Нечаянная радость» — второй сборник лирики А. Блока, выпущенный издательством «Скорпион».

⁸⁸ На литературное «воскресенье».

⁸⁹ 30 января В. П. Веригина играла Свангильду в «Комедии любви» Г. Ибсена.

⁹⁰ С. А. Ауслендер.

⁹¹ В университете 1 февраля 1907 г. состоялся «Вечер искусства», организованный «Кружком молодых». Блок читал на нем стихи и драму «Незнакомка». Приглашая мать на этот вечер, Блок писал: «Я буду читать «Незнакомку» и стихи, Кузмин петъ (долго), и многие другие будут читать стихи. Будет нестро и много народу и весело» («Письма к родным», I, с. 166). Об этом вечере см. также в воспоминаниях В. А. Зоргенфрея «А. А. Блок. (По памяти за 15 лет, 1906—1921 гг.)» («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 134).

⁹² «Куранты любви» М. А. Кузмина, см. прим. 35.

⁹³ Дмитрий Михайлович *Цензор* (1877—1947) — поэт.

⁹⁴ Борис Михайлович *Кустодиев* (1878—1927) — художник.

⁹⁵ Зиновий Исаевич *Гржебин* (1869—1929) — художник, совладелец (с С. Ю. Копельманом) издательства «Шиповник» и владелец издательства З. И. Гржебина.

⁹⁶ Иван Васильевич *Жилкин* (1874—1958) — публицист.

⁹⁷ Александр Иванович *Косоров* (1868—1912) — беллетрист и драматург.

⁹⁸ Семья Бориса Сергеевича *Мосолюва* (1888—1941) — литератора и режиссера.

⁹⁹ Вечером 6 февраля в театре В. Ф. Коммиссаржевской шли «Чудо странника Антония» М. Метерлинка и «Балаганчик» А. Блока.

¹⁰⁰ В «Балаганчике».

¹⁰¹ Л. Н. Вилькина. См. прим. 45.

¹⁰² По заказу редакции журнала «Золотое руно» М. В. Сабашникова писала портреты М. А. Кузмина и А. М. Ремизова. Портрет М. А. Кузмина был закончен 22 февраля 1907 г. (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 502, л. 301).

¹⁰³ М. Л. Гофман.

¹⁰⁴ К книге Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец», выпущенной издательством «Оры» в 1907 году.

¹⁰⁵ «Два пастуха и нимфа в хижине», пастораль для маскарада. Напечатана в сборнике М. А. Кузмина «Три пьесы» (СПб., 1907).

¹⁰⁶ Гимназист — князь Дмитрий Петрович *Святополк-Мирский* (1890—1939), впоследствии критик п литературовед, автор сборника «Стихотворения» (1911). Гимназическая постановка «Балаганчика» не была осуществлена. См. о ней письма Д. П. Святополка-Мирского Блоку (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 62).

- ¹⁰⁷ На литературное «воскресенье».
- ¹⁰⁸ См. прим. 105.
- ¹⁰⁹ Александр Федорович *Мейснер* (1865—1922) — поэт.
- ¹¹⁰ См. прим. 21.
- ¹¹¹ Александр Григорьевич *Чесноков* — композитор, преподаватель Придворной певческой капеллы.
- ¹¹² Александр Кондратьевич *Гольдбаев* (1863—1924) — писатель.
- ¹¹³ На литературном «воскресенье».
- ¹¹⁴ Пьеса М. Кузмина «Комедия об Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка». Была напечатана в альманахе «Цветник Ор». Кошница первая (СПб., 1907).
- ¹¹⁵ Николай Петрович *Ге* (1884—1920) — публицист, искусствовед.
- ¹¹⁶ Лаврентий Алексеевич *Моисев* (р. 1882) — студент юридического, затем историко-филологического факультетов Петербургского университета.
- ¹¹⁷ Сергей Витальевич *Троцкий* — литератор, ему посвящено стихотворение Вяч. Иванова «Соловьиные чары».
- ¹¹⁸ По заказу редакции журнала «Золотое руно» К. А. Сомов писал портреты А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова.
- ¹¹⁹ В журнале «Весы», 1907, № 2 в статье В. Я. Брюсова «Новые сборники стихов» рецензировались сборники «Нечаянная радость» А. Блока, «Ярь» С. Городецкого, «Эрос» Вяч. Иванова.
- ¹²⁰ На сеанс К. А. Сомова. Сережа — С. А. Ауслендер.
- ¹²¹ См. прим. 24.
- ¹²² М. Л. Гофман.
- ¹²³ См. прим. 114.
- ¹²⁴ Л. Д. Зиновьева-Аннибал.
- ¹²⁵ См. прим. 57.
- ¹²⁶ Зор В. — псевдоним В. А. Зоргенфрея.
- ¹²⁷ Николай Осипович *Лернер* (1877—1934) — историк литературы, пушкинист.
- ¹²⁸ Вероятно, Сергей Иванович *Панов* (1879—1911) — театальный художник, график, сотрудничал в журнале «Театр и искусство».
- ¹²⁹ Сергей Владимирович *фон Штейн* (1882—1951?) — филолог-славист, переводчик.
- ¹³⁰ Анна Ивановна *Менделеева* (1860—1942) — вторая жена Д. И. Менделеева, мать Л. Д. Блок.
- ¹³¹ Т. е. в кружок «Вечера современной музыки».
- ¹³² В статье «О драме» Блок писал о «Комедии об Евдокии из Гелиополя» М. Кузмина: «Это — наиболее совершенное создание в области лирической драмы в России, проникнутое какой-то очаровательной грустью и напитанное тончайшими ядами той иронии, которая так свойственна творчеству Кузмина» (V, с. 184).
- ¹³³ Г. И. Чулков в это время жил в одном доме с историком и литературоведом П. Е. Щеголевым.
- ¹³⁴ См. прим. 52.
- ¹³⁵ На сеанс К. А. Сомова.
- ¹³⁶ Владимир Николаевич *Аргутинский-Долгоруков* (1874—1941) — чиновник Министерства иностранных дел, искусствовед и коллекционер предметов искусства.
- ¹³⁷ 8 апреля в издательстве «Оры» вышел сборник Блока «Снежная маска». М. Л. Гофман выполнял отдельные поручения по работе издательства «Оры».
- ¹³⁸ См. прим. 132 и предисловие.
- ¹³⁹ На литературное «воскресенье».
- ¹⁴⁰ Павел Павлович *Конради* (ум. 1916) — писатель, журналист, театальный рецензент газ. «Новое время».
- ¹⁴¹ Младден Эммануилович *Иванович* — пианист, певец, композитор.
- ¹⁴² Л. Н. Вилькина, как и Мережковские, была в это время в Париже.
- Литературная позиция Мережковских, о которой упоминает М. Кузмин, нашла отражение в двух статьях З. Гиппиус, напечатанных в № 5 «Весов» за 1907 г. В статье «Трихина», подписанной псевдонимом «Товарищ Герман», З. Гиппиус выступила против журнала «Перевал». Она писала: «Не будь «Перевала» — иной, может, так и умер бы, и мы бы не узнали, что в нем таилась та или другая смешноватая и стыдленькая мысль. Не было специального для нее места. А явился «Перевал», — и мысль воплотилась и запечатлелась. Мы бы никогда не узнали, что «отныне дорога Осипа Дымова вольно и светло залегает в будущее», что поэтесса Вилькина «войдет в Пантеон поэзии», что юный Городецкий пишет прозой, как гимназист второго класса, гордый полученными пятерками, и что при том он очень недоволен Кондратьевым, который плохо его похвалил. Мы не узнали бы, что Вячеслав Иванов не любит, когда кто-нибудь сплетничает и всегда протестует, и, наконец, мы не узнали бы самой важной вещи, которую «Перевал» сразу же нам объявил — что необходимо соединить эстетику с общественностью, а революцию с декадентством, и что это он, «Перевал», сделает кушанье, изготовит и подаст» (с. 69). Беспощадно был высмеян в статье Г. Чулков. О Блоке З. Гиппиус писала: «Зачем он пишет в «Перевале» свои детские, несчастенькие статьи о «Михаиле Бакуине», — срываясь из «общественности» на Деву радужных ворот? Ну какой он «общественник»! Его насильно ставят на чужое место, он насильно смешон, — в противоположность Чулкову, который смешон «по собственной глупой воле», говоря языком Достоевского. Не будь «Перевала», этого специального места позора, да не будь суетливого, услужли-

вого, Чудкова, — никогда бы не очутился Блок в таком ненужном положении, а продолжал бы сохранять свое скромное достоинство тонкого, нежного лирика, который ничего ни в какой общечеловечности не понимает, не хочет понимать и имеет право не понимать, потому что и не глядит в ту сторону» (с. 74). В этом же номере «Весов» была напечатана рецензия З. Гишпиус на только что вышедшую первую книгу альманаха «Шиповник». Полагая, что в книге «лишь две вещи заслуживают серьезного внимания: «Лесная топь» Сергеева-Ценского и драма Леонида Андреева «Жизнь человека», З. Гишпиус подробно их характеризует. По ее мнению, «Жизнь человека» Л. Андреева — «несомненно, самая слабая, самая плохая вещь из всего, что когда-либо писал этот талантливый беллетрист» (с. 54), рассказ же С. Сергеева-Ценского «Лесная топь» — «может быть, сильнее всех других его рассказов, Сергеев-Ценский в нем особенно подчеркнул» (с. 53).

¹⁴³ Елизавета Николаевна *Званцева* (1864—1922) — художница, организатор частной художественной школы в Москве (1899—1906) и Петербурге (1906—1916); в Петербурге школа находилась в одном доме с квартирой Вяч. Иванова; и Николай Николаевич *Званцев* (1871—1923) — режиссер, либреттист, брат Е. Н. Званцевой.

¹⁴⁴ 7 мая К. А. Сомов писал Блоку о том, что его портрет «уже под стеклом и фотограф может его снять» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 65, л. 2).

¹⁴⁵ Возможно, семья Степана Борисовича *Врасского* — сенатора, члена Верховного уголовного суда.

¹⁴⁶ Михаил Иванович *Ростовцев* (1870—1952) — историк античности и археолог и Софья Михайловна *Ростовцева*, урожд. Кульчицкая (р. 1878) — его жена.

¹⁴⁷ Ольга Леонардовна *Книппер-Чехова* (1868—1959) — актриса МХТ; находилась в это время вместе с театром на гастролях в Петербурге.

¹⁴⁸ Возможно, Георгий Иванович *Попов* — художник, издатель альманаха «Белые ночи».

¹⁴⁹ «Любовь расставляет сети. . .» — стихотворение из раздела «Весна» в «Курантах любви» М. А. Кузмина.

¹⁵⁰ М. А. Кузмин говорит о квартире Кублицких-Пиоттух, матери и отчима Блока, в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка на набережной Большой Невки. Блок жил здесь с женой до осени 1906 г.

¹⁵¹ Имеются в виду статья К. Сюннерберга «Безвластие», заметка в хронике (за подписью «Z») о погрешностях художественного оформления журнала «Весы» и эскиз Н. Сапунова к драме Блока «Король на площади», напечатанные в № 4 журнала «Золотое руно» за 1907 г.

¹⁵² В № 6 журнала «Весы» за 1907 г. были напечатаны статья Эллиса «Пантеон современной пошлости» и рецензия А. Белого на альманах «Цветник Ор» (Кошница первая). Отражая происходившее в лагере символистов размежевание на враждующие группировки, они были направлены против петербургских символистов, в частности против Г. Чудкова, В. Иванова, Блока. Подробнее о литературной полемике 1907 г. см.: ЛН, т. 27/28, с. 371—408.

¹⁵³ В этом же номере журнала объявлялись следующие книги Кузмина: «Крылья». Повесть в 3-х частях. Обложка Н. Феофилактова. Кн-во «Скорпион». М., 1907; «Приключения Эме Лебефа». Повесть. Заглавный лист и виньетки сделаны К. Сомовым. Обложка по образцам XVIII века. СПб., 1907; «Три пьесы». «Опасная предосторожность», комедия с пением. «Два пастуха и нимфа в хижине», пастораль для маскарада. «Выбор невесты», мимический балет. Виньетки К. Сомова. Обложка по образцам XVIII века. СПб., 1907.

¹⁵⁴ В № 5 журнала «Золотое руно» за 1907 г. были напечатаны: цикл стихотворений С. Городецкого «Стихи о святой любви», рассказ А. Ремизова «Занофа», статьи Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» и А. Блока «О реалистах», а также репродукции картин, экспонировавшихся на выставке группы художников «Голубая роза» в марте 1907 г. в Москве.

Статья А. Блока «О реалистах» — первая из его статей 1907 г., в которых он пересматривал свое отношение к современной русской реалистической литературе. См. подробно об этом в статье Вл. Орлова «Александр Блок и Андрей Белый в 1907 году» (ЛН, т. 27/28, с. 371—408). В противовес «культурной критике» Блок высоко оценил творчество М. Горького и Л. Андреева. О писателях-знавцевцах он писал: «Эта литература нужна массам, но кое-что в ней необходимо и интеллигенции. Полезно, когда ветер событий и мировая музыка заглушают музыку оторванных душ и их сокровенные сквознячки» (V, 114). Статья Блока была враждебно встречена символистами. Она стала поводом к разрыву отношений между Блоком и А. Белым. Против нее выступили Д. Мережковский, Д. Философов.

¹⁵⁵ В упоминаемом июльском номере (№ 11—12) киевского журнала «В мире искусств» за 1907 г. были напечатаны стихотворения В. Брюсова, А. Белого, А. Блока («Ищу огней, огней попутных. . .» под заглавием «Колдунья») и др. Стихотворение М. Кузмина «Апулей» («Бледное солнце осеннего вечера. . .») появилось в следующем номере (№ 13—14) журнала, с этого же номера он объявлялся в числе лиц, принимающих участие в журнале.

О неприязненном отношении Л. Андреева к М. Кузмину см.: ЛН, т. 72, с. 309, 528.

¹⁵⁶ М. Кузмин имеет в виду напечатанную в журнале «Перевал» рецензию А. Белого на вторую книгу альманаха «Шиповник». Характеризуя участников альманаха, А. Белый писал: «Первенствует А. Блок. Это, быть может, наиболее интересный и законченный

поэт после В. Брюсова. Он часто неуклюж, часто дает в звучных строфах скорей материал для построения образа, а не самый образ, который требует такой же отточенности, как и форма стиха, у Блока в отточенной форме часто неотточенные картины. Но у него все — подлинное» («Перевал», 1907, № 8—9, с. 94).

¹⁵⁷ Речь идет о статье Г. Чулкова «Молодая поэзия» («Товарищ», 1907, № 337, 5 августа). Указывая на раскол среди символистов и противопоставляя петербургских символистов москвичам, Чулков утверждал: «Если бы не выступление молодых поэтов и не новые эстетические принципы, провозглашенные кружком «Ор», декадентству как таковому пришлось бы повторять себя» (с. 4). Высоко оценивая стихи К. Бальмонта, А. Блока, С. Городецкого, Ф. Сологуба, Чулков отмечал: «... в современной литературе возникло течение явно порнографическое, претендующее иногда на связь с новым искусством. Само собой разумеется, что такое течение никогда не получит санкции поэзии <...> «Стрелы Эроты» больно ранят сердце поэта. Возможна ли вульгарная фривольность около этой темы?» (с. 4).

¹⁵⁸ 5 сентября 1907 г. Блок писал Вяч. Иванову: «... я обещал «Золотому руну» просить Вас очень быть редактором его, т. е. взять весь журнал *внутри* в свои руки. *Внутри* потому, что официального отказа от редактирования Рябушинский ни за что не даст» («Блоковский сб.», 2, с. 373).

¹⁵⁹ Николай Павлович *Рябушинский* (1876—1951) — издатель журнала «Золотое руно», поэт и художник-дилетант.

¹⁶⁰ Александр Артемьевич *Тамашев* (1888—?) — поэт.

¹⁶¹ Блок писал матери 15 сентября 1907 г.: «Мне все серьезнее и все грустнее. Сейчас видел много народу, сказал несколько слов с Л. Андреевым, он ничего — простой. Вчера были вечером Кузмин с Ауслендером...» («Письма к родным», I, с. 169).

¹⁶² См. письмо М. А. Кузмина от 18 октября 1907 г.

¹⁶³ На очередном спектакле в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

¹⁶⁴ Супанник — ироническое название издательства «Шиповник», которое вело с Блоком переговоры об издании его «Лирических драм». 5 ноября 1907 г. Блок писал матери: «Торгуюсь с «Шиповником» — насчет драм, я было отказал ему, но он набавил цену» («Письма к родным», I, с. 180). 7 ноября Блок сообщил владельцу издательства С. Ю. Копельману: «Вчера я получил Ваше письмо и переговорил с Кузминым. На условия Ваши мы согласны, Кузмин доставит Вам музыку. На днях зайду к Вам в «Шиповник», обговорим издание и заключим договор» (Книги, архивы, автографы, М., «Книга», 1973, с. 48). Лирические драмы вышли в издательстве «Шиповник» в 1908 г. с приложением нот М. А. Кузмина к «Балаганчику», в обложке, выполненной К. А. Сомовым. «Обложка Сомова к драмам восхитительна и пестра (красная, желтая и черная)», — писал Блок матери («Письма к родным», I, с. 171).

¹⁶⁵ Александр Яковлевич *Закушняк* (1879—1930) — драматический актер и чтец, в 1907 г. артист театра В. Ф. Коммиссаржевской.

¹⁶⁶ В статье «О драме». См. предисловие.

¹⁶⁷ С. М. Городецкий и его братья: Александр Митрофанович Городецкий — художник и поэт и Борис Митрофанович — библиограф, редактор журналов «На Кавказе», «Кубанская школа» (см. в наст. томе публикацию переписки Блока с С. М. и А. А. Городецкими). В письме к Е. П. Иванову от 12 ноября 1907 г. Блок писал: «Вот что: если бы ты пришел в среду (14) вечером к нам? Сделаю, как захочется: будет — Волохова, Мейерхольды, Веригина, Ремизовы, Городецкие, А. Белый... Передай, пожалуйста, об этом Ник. Петровичу, не придете ли вы вместе?» («Письма Александра Блока к Е. П. Иванову», М.—Л., 1936, с. 62).

¹⁶⁸ Рассказ М. Кузмина «Кухетка тети Сони», посвященный его сестре. Был напечатан в журнале «Весь», 1907, № 10.

¹⁶⁹ Так называет М. Кузмин Д. П. Святополка-Мирского, о нем см. прим. 106.

¹⁷⁰ В 1908—1912 гг. М. Кузмин жил в квартире Вяч. Иванова (Наверху, т. е. в комнатах Вяч. Иванова). Рассказывая о «незабываемом, единственном» быте этой квартиры, А. Белый вспоминал: «... внутри круглого выступа — находилась квартира, — на пятом, как помнится, этаже; по мере увеличения количества обитателей, — стены проламывались, квартира соединялась со смежными и под конец, как мне помнится, состояла она из трех слитых квартир или пуганицы комнатух и комнат, соединенных между собой переходами, коридориками и передними... <...> тут жил и писатель Кузмин, занимая две комнаты лабиринта и принимая гостей своих, собственных, часто ночующих в гостеприимном «становище Вячеславоном...» (А. Белый. Воспоминания о А. А. Блоке. — «Эпопея», 1923, № 4, с. 154, 156).

¹⁷¹ М. Л. Гофман.

¹⁷² Ф. Ф. Коммиссаржевский. См. прим. к письму М. А. Кузмина к Блоку от 26 июня 1908 г.

¹⁷³ Газель «Веок весен» были написаны М. Кузминым в мае—июне 1908 г.; поэму «Всадник», посвященную Г. Гюнттеру, М. Кузмин закончил в июле 1908 г.

¹⁷⁴ Письмо Блока от 24 июля 1908 г.

¹⁷⁵ В № 7 журнала «Образование» были напечатаны рассказы Ф. Сологуба «Опечаленная невеста» и Г. Чулкова «Парадиз», стихотворения Блока «И я любил...» и С. Городецкого «Сын рыбака», статьи Д. Мережковского «Христианство и государство» и З. Гиппиус «Добрый хасс», а также рецензия Блока на перевод Эллиса «Монастыря» Э. Вер-

харна с предисловием к нему А. Белого. 7 августа 1908 г. Блок писал матери по поводу этого номера журнала: «Посылаю тебе № «Образования», прочти рассказы Сологуба и Чулкова (последний, — по-моему, лучше, чем он писал; я потребовал, чтобы в книжке он был посвящен мне, потому что и действующие лица — все знакомые — Герт, конечно, я. А какой свежий и сильный рассказ, неправда ли?). Оба рассказа проникнуты какой-то влюбленностью, какую проникнут сейчас и я. < . . . »

Еще прочти, как я выругал Борю и Эллиса» («Письма к родным», I, с. 224).

¹⁷⁶ М. Кузмин гостил в это время в имении Окуловка (Новгородской губернии) у своей сестры В. А. Мошковой.

¹⁷⁷ Валечка — В. Ф. Нувель.

¹⁷⁸ Жена поэта П. П. Потемкина.

¹⁷⁹ Блок возвратился из Шахматова в Петербург 2 июля. Дождавшись приезда с гастролей Л. Д. Блок, он вместе с нею снова уехал в Шахматово 20 августа («Письма к родным», I, с. 225).

¹⁸⁰ Сборник «Земля в снегу». Третий сборник стихов. М., «Золотое руно», 1908.

¹⁸¹ 14 апреля 1909 г. Блок с женой уехал в поездку по Италии и Германии (Венеция, Равенна, Флоренция, Сетиньяно, Перуджия, Ассизи, Фалино, Сполето, Орветто, Сиена, Пиза, Марина ди Пиза, Милан, Франкфурт-на-Майне, Бад-Наугейм, Рейп, Кельн, Берлин), возвратился в Петербург 21 июня (VII, 531).

¹⁸² Владимир Владимирович Руслов (ум. 1929) — поэт и переводчик.

¹⁸³ Стихотворения из цикла «Итальянские стихи», вызванного поездкой Блока по Италии.

¹⁸⁴ Иоганн фон Гюнтер (1886—1973) — немецкий поэт и переводчик.

¹⁸⁵ Валериан Валерианович Бородаевский (1879—1923) — поэт.

¹⁸⁶ Вероятно, у Вяч. Иванова в этот вечер обсуждалось два вопроса: о чествовании Е. В. Аничкова (см. письма Блока к В. Э. Мейерхольду от 15 и 16 октября 1909 г.) и о деятельности «академии», в частности, вопрос о составе ее совета (см. прим. 2 к письму М. А. Кузмина Блоку от 10 декабря 1909 г.).

¹⁸⁷ Журнал «Аполлон» издавался с 1909 по 1917 г.

¹⁸⁸ Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884—1954) — драматург, театровед; секретарь редакции журнала «Аполлон».

¹⁸⁹ «Папá Макó» — так аполлоновцы называли С. К. Маковского.

При печатании в журнале «Аполлон» «Итальянских стихов» Блока С. К. Маковский предложил сделать в них ряд поправок. 23 декабря 1909 г. Блок писал С. К. Маковскому: «М. А. Кузмин принес мне сегодня корректуру моих стихов с Вашими замечаниями, и я просил его передать Вам, что я прежде всего принципиально не согласен ни на какие изменения» (VIII, 300). В следующем письме к С. К. Маковскому от 29 декабря Блок подробнее пишет о причинах своего несогласия исправлять стихи: «. . . ничего не имею против некоторых Ваших замечаний «грамматических» — внешним образом. Больше того, разумеется, я признателен Вам за них, но именно только внешне. Для меня дело обстоит вот как: всякая моя грамматическая оплошность в этих стихах не случайна, за ней скрывается то, чем я внутренне не могу пожертвовать; иначе говоря, мне так «поется» . . . » (VIII, 301).

¹⁹⁰ Алексей Николаевич Толстой (1882—1945) — писатель.

¹⁹¹ Георгий Крескентьевич Лукомский (1884—1952) — художник, архитектор, историк искусства.

¹⁹² Юрий Львович Слезкин (1885—1947) — писатель.

¹⁹³ Безобразовы — семья Павла Владимировича Безобразова (1859—1918), историка-византиста, женатого на сестре Вл. С. Соловьева. О новгородном вечере у Безобразовых Блок писал матери 3 января 1911 г. «. . . я был на елке у Безобразовых. Зашел перед этим к Жене, и мы пошли вместе. Там были Вячеслав, Ремизов, Кондратьев, читали стихи, было довольно хорошо. Потом мы с Киселевым (другом Сережи) зашли к Вячеславу, я надел маску и дурачил Замятину и Кузмина. Опять читали стихи и досидели до утра. . . » («Письма к родным», II, с. 108).

¹⁹⁴ В Териоках летом 1912 г. давало спектакли «Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов» под руководством В. Э. Мейерхольда. В группу товарищества входила Л. Д. Блок.

К театральной деятельности товарищества Блок отнесся отрицательно. 28 мая он записал в дневнике: «. . . вместо БОЛЬШОГО дела, традиционного, на которое никто не способен, возникло талантливое декадентское МАЛЕНЬКОЕ дело. Тут нашлись и руки и пафос. Речи были о Шекспире и идеях, дело пошло прежде всего о мейерхольдовских пантомимах, Кузмин с Сапуновым сватают Кроммелингов и т. д., — до чего дойдет, посмотрим, не хочу осуждать сразу» (VII, 146). Побывав 9 июня на открытии театра, Блок отметил: «Мне ничего не понравилось» («Письма к родным», II, с. 201).

Александр Константинович Шервашидзе, князь (1867—1968) — театральный художник.

Не застав Блока дома, М. Кузмин и Н. Сапунов на следующий день по телефону приглашали его ехать в Териоки. Отказавшись от поездки, Блок записал в дневнике: «Меня звали по телефону в Териоки Кузмин, Сапунов и К^о, желающие устраивать в Петров день «Карнавал». Все идет своим путем. Скоро все серьезное будет затерто. . . » (VII, 150). О том, что Н. Сапунов 14 июня утонул в Териоках, Блок узнал 15 июня от А. М. Кожебаткина.

¹⁹⁵ С 7 по 11 апреля в концертном зале Тенишевского училища ежедневно шли «Балаганчик» и «Незнакомка» Блока в исполнении молодых артистов студии В. Э. Мейерхольда (постановщик В. Э. Мейерхольд, художник Ю. М. Бонди). Спектакли были устроены редакцией журнала «Любовь к трем апельсинам». Блок присутствовал на них 7, 10, 11 апреля (ЗК, 222). Один из участников этих спектаклей, ученик студии В. Э. Мейерхольда, впоследствии режиссер, А. Л. Гриппич вспоминал: «Блоковские спектакли были событием театрального сезона. Они воспринимались зрителями чрезвычайно бурно. Одна часть зрителей неистово аплодировала, другая — не менее неистово свистела и шикала. <...> Даже Блок не сразу воспринял и разгадал замысел Мейерхольда. Тем более трудно было ожидать этого от прессы, в большей своей части враждебно относившейся к творческим исканиям Мейерхольда. Была и серьезная, во многом положительная, критика. Но существенно то, что спектакль не могли замолчать и что он получил широкое освещение, хотя порой пристрастное». («Встречи с Мейерхольдом». Сборник воспоминаний. М., ВТО, 1967, с. 136—137).

¹⁹⁶ Александр Иванович *Божеянов* — художник, им выполнены обложки к третьей книге стихов М. Кузмина «Глиняные голубки» (СПб., 1914) и четвертой книге его рассказов «Покойница в доме. Сказки» (СПб., 1914).

¹⁹⁷ М. Кузмин был у Блока с поэтом Александром Эммануиловичем Беленсоном, предпринимавшим в это время издание альманаха «Стрелец» (ЗК, 250).

¹⁹⁸ В первую книгу альманаха «Стрелец» (Пб., 1915) Блок сначала дал стихотворение «День проходил как всегда в сумасшествии тихом...», а затем свой перевод миракля Рютбефа «Действо о Теофиле» (ЗК, 251, 252). А. Ремизов напечатал в альманахе свои «Ребятишкам картинки» и «Россия в письмах», Н. Кудьбин выполнил обложку альманаха, дал портреты Ф. Маринетти и Сафо, а также статью «Кубизм».

¹⁹⁹ Владимир Степанович *Черняевский* (1889—1948) — поэт, критик, тпец.

²⁰⁰ Константин Юлианович *Ляндау* (1890—1969) — поэт и режиссер.

²⁰¹ Запись, видимо, связана с публикацией в эсеровской газете «Знамя труда» списка ее сотрудников, в числе которых были писатели, не схожие по своим литературным и общественным позициям. Ср. в записной книжке Блока от 3 января: «В «Знамени труда» — мои стихи «Комета» (NB — список сотрудников!)» (ЗК, 381).

²⁰² Блок как председатель Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса и В. Э. Мейерхольд как заместитель заведующего ТЕО Наркомпроса не считали возможным включать в репертуар детского театра новую пьесу М. Кузмина «Два брата, или Счастливый день». Рецензию Блока для ТЕО Наркомпроса на пьесу М. Кузмина см. VI, с. 314—315.

²⁰³ Ольга Давыдовна *Каменева* (1883—1941) — заведующая ТЕО Наркомпроса, со дня его организации по июль 1919 г., председатель бюро театрального совета при Наркомпросе, позднее — заведующая художественно-просветительным подотделом МОНО.

²⁰⁴ Юрий Иванович *Юркун* (1895—1938) — писатель, близкий друг М. А. Кузмина.

²⁰⁵ 19 ноября в «Привале комедиантов» А. В. Луначарский читал доклад «Нам неизвестный классик» о Конраде Фердинанде Мейере и переводы его произведений («Жизнь искусства», 19 ноября 1919, № 17, с. 2).

²⁰⁶ Т. е. в издательство «Всемирная литература».

²⁰⁷ Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939) — поэт.

²⁰⁸ Игнатий Николаевич *Потапенко* (1859—1929) — писатель.

²⁰⁹ Сергей Митрофанович *Зарудный* (1856—1940) — юрист, переводчик.

²¹⁰ Ю. И. Юркун.

²¹¹ Василий Васильевич *Розанов* (1856—1919) — писатель, критик, публицист; скончался 5 февраля.

²¹² 20 февраля в «Привале комедиантов» состоялся ХХХIX вечер поэтов. В программе вечера объявлялось, что свои стихи прочтут: А. Ахматова, Г. Адамович, А. Блок, Н. Гумилев, С. Есенин, Г. Иванов, М. Кузмин, Н. Клюев, В. Курдюмов, А. Луначарский, М. Левберг, К. Ляндау, М. Лозинский, А. Радлова, М. Тумповская, Н. Черняевский; стихи А. Белого, В. Брюсова, В. Иванова, Ф. Сологуба — артистки Л. Басаргина-Блок, О. Глебова-Судейкина, В. Шеголева («Жизнь искусства», 20 февраля, 1919, № 82, с. 2). После чтения стихов А. В. Луначарский читал свою пьесу «Маги».

²¹³ Ольга Афанасьевна *Глебова-Судейкина* (1885—1945) — актриса Александринского театра, театра В. Ф. Комиссаржевской и Суворинского театра в Петербурге.

²¹⁴ Елена Борисовна *Ангелкова* (р. 1897) — балерина, жена Ю. П. Анненкова.

²¹⁵ 22 июня 1919 г. в Большом драматическом театре состоялась премьера спектакля «Дантон» по драме М. Е. Левберг (режиссер К. К. Тверской, художник М. В. Добужинский, композитор Ю. А. Шапорин). Роли исполняли: Адриенна — Е. И. Тиме, Дантон — Г. В. Музалевский, Готье — В. В. Максимов. После премьеры Блок записал: «Первое представление «Дантона» (Тиме, Максимов). Мы с Любой. Автора вызывали, поднесли букет роз. Были Горький, Мария Федоровна, Лурье с О. А. «Судейкиной». Лучше всех был Максимов. Музалевский почему-то сплеховал, Тиме очень плоха» (ЗК, 464).

В этой драме неопытного автора Блок оценил попытку на историческом материале «осознать и осмыслить наше время» (VI, 354), считал, что «новизна и прелесть этой пьесы» особенно осязательны «рядом с настоящей пошлостью» (VI, 476). М. Кузмин откликнулся на спектакль рецензией. Отметив, что «Великую Французскую революцию и ее главных деятелей принято изображать в искусстве с точки зрения исторической, легендарной или риторической» и что «ни одного из этих освещений у М. Левберг нет», он писал: «Автора привлекала не слишком трудная, но очень благодарная задача связать ряд крайне сцени-

ческих положений, обусловленных годами террора». Подытоживая свои впечатления о пьесе, Кузмин писал: «Необременительная эрудиция, доступный взгляд на историю, не возбуждающий споров, красивые и очень сценические положения, эффектные тирады и реплики (иногда очень остроумные), хорошее исполнение и постановка и — главное — никакой тяжести, несмотря на напряженность эпохи и мрачный довольно сюжет — все это дает приятный и не трудный для восприятия бодрый спектакль» («Жизнь искусства», 22 июня 1919, № 171, с. 1).

²¹⁶ Тяпа — возможно, Тамара Михайловна *Персиц*, псевд. Эванс — литератор.

²¹⁷ Видимо, Дом искусств.

²¹⁸ 16 мая 1920 г. в зале Народного собрания состоялся симфонический концерт под управлением С. Кусевицкого. В концерте, кроме ноктюрнов К. Дебюсси и «Прометея» А. Н. Скрябина, впервые исполнялась симфоническая кантата А. С. Лурье «В кумирню золотого сна» для смешанного хора а'сарелле на слова А. Блока («Жизнь искусства», 15—16 мая 1920, № 452—453, с. 3).

²¹⁹ Николай Николаевич *Пунин* (1888—1953) — искусствовед.

²²⁰ Александр Андреевич *Архангельский* (1846—1924) — композитор и дирижер, руководитель смешанного мужского и женского хора.

²²¹ Евгений Михайлович *Кузнецов* (1900—1958) — критик, театровед.

²²² См. прим. 223.

²²³ 29 сентября в Доме искусств состоялось чествование М. А. Кузмина в связи с 15-летием его литературной деятельности.

Первое приветствие от имени Союза поэтов произнес А. А. Блок (см. VI, 439—440). Затем выступили: Н. С. Гумилев от коллегии редакторов издательства «Всемирная литература», Б. М. Эйхенбаум от Дома литераторов, В. А. Чудовский от Дома искусств, С. М. Алянский от издательства «Алконост» (он также прочел шуточный адрес А. М. Ремизова), В. М. Шкловский, В. Р. Ховин. Во втором отделении вечера читал свои произведения М. А. Кузмин. Затем певицы В. Я. и М. Я. Хортик, А. М. Примо исполняли «Александрийские песни» и «Духовные стихи» М. Кузмина, несколько романсов спел А. И. Мозжухин, О. А. Глебова-Судейкина прочла «Бисерные кошельки» М. Кузмина («Жизнь искусства», 5 октября 1920, № 574, с. 2). Юбилейные статьи о М. Кузмине написали В. М. Жирмунский «Поэзия Кузмина» («Жизнь искусства», 7 октября 1920, № 576, с. 1) и И. Глебов «Музыка в творчестве М. А. Кузмина» («Жизнь искусства», 12 октября 1920, № 580, с. 1).

²²⁴ Николай Авдиевич *Оцуп* (1894—1958) — поэт.

²²⁵ Наталия Васильевна *Грушко* (1892—?) — поэтесса.

²²⁶ Возможно, Александр Иванович *Венедиктов* (1896—1970) — писатель.

²²⁷ Всеволод Александрович *Рождественский* (1895—1977) — поэт.

²²⁸ Ольга Николаевна *Арбенина* (1899—1980) — актриса Александринского театра и художница.

²²⁹ Художники Ю. П. Анненков и Л. А. Бруни делали зарисовки А. Блока в гробу.

²³⁰ Анатолий Исаакович *Канкарович* (1885—1956) — дирижер, композитор, музыкальный критик.

²³¹ Иван Васильевич *Ершов* (1867—1943) — оперный артист.

²³² Артур Сергеевич *Лурье* (1893—1966) композитор.

²³³ Анна Дмитриевна *Радлова* (1891—1951) — поэтесса и переводчица и Сергей Эрнестович *Радлов* (1892—1958) — режиссер.

²³⁴ Возможно, Т. М. Персиц.

²³⁵ Яков Ноевич *Блох* (1892—1968) — литературовед, владелец издательства «Петрополь» и, возможно, Раиса Ноевна *Блох* (1899—1943) — его сестра, поэтесса и литературовед.

²³⁶ Блок был похоронен на Смоленском кладбище в день праздника иконы Смоленской Божьей матери. В 1944 г. прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.

ПЕРЕПИСКА С ВЛ. ПЯСТОМ

Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. М и н ц

1

Блок не принадлежит к числу поэтов, к которым приложимо определение «певец дружбы». Но дружба, друзья сыграли заметную роль в его жизни, а переживание и осмысление этих отношений — в блоковском миропонимании и творчестве. Детские игры с кузенами Кублицкими; юношески пылкая дружба с Н. Гуном; важнейшая для духовного становления Блока, прошедшая через многие годы его жизни история «дружбы-вражды» с Андреем Белым и С. Соловьевым; глубокая и теплая многолетняя привязанность к Евг. Иванову и А. В. Гиппиусу; сложные, но порой вызывающие яркое ощущение духовного родства отношения с Мережковскими, Вяч. Ивановым; нахождение «под знаком» общих духовных поисков с Г. Чулковым в конце 1900-х годов, с Вл. Пястом и В. Зоргенфреем — в 1910-х годах; «приятельства» 1910-х годов (М. И. Терещенко, Ал. Ремизов, В. Н. Княжнин) — эти, да и иные человеческие связи определили многое для Блока-художника. Не менее важно, однако, то, что весь путь Блока от символизма к разрыву с ним можно было бы описать и как постоянную смену «дружб», человеческих ориентаций, как ряд (порою — весьма драматических) разрывов и «уходов».

Мотивы дружбы отразились и в творчестве Блока: среди стихотворений, посвященных А. Белому, Евг. Иванову, Вяч. Иванову и др., немало вершинных для его поэзии. Но еще существенней другое: в 1910-х годах, в период наивысшего творческого расцвета Блока, поэт создает своеобразный «миф о дружбе», точнее — делает историю «дружб» важной составной частью своей «лирической трилогии» — грандиозного, переросшего лирику, но и глубоко лирического повествования о «путях» современной личности.

Путь лирического «я» в блоковской «трилогии вочеловечения» начинается с прекрасных дней юности, первой любви и высокого доверия к людям («Шел я к людям с открытой и детской душой») ¹. Это — время элитарной, но яркой и искренней «мистической» дружбы «избранных», которые раньше других «Высокое познали» (III, 83). Но мир (а с ним и лирический герой Блока) еще не созрел для такого человеческого единения. Первая дружба (как и Первая любовь) терпит крах. Друзья изменились и изменили; теперь они — «Предатели в жизни и дружбе, // Пустых расточители слов» («Друзьям» — III, 125); да и сам лирический герой в «аду» страшного мира «забыл любовь и дружбу потерял» (III, 15). Путь современного человека пролегает через горькие пустыни одиночества. . . Однако Блок различает и «рассветы» будущего. Через новую, но доступную уже сейчас «прекрасную форму общения, выражаемую словом товарищ» («Памяти Августа Стриндберга» — V, 468) и подразумевающую демократизм отношений, мужественную взаимопомощь, совместное выполнение сурового земного долга:

Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды

(III, 84)

через эту связь участников героического подвига человек идет к будущему. Контуры будущих общений связаны с темой грядущей «Vita nuova» и в 1910-х годах, еще едва видны поэту. Но уже в эти годы зарождается вера Блока в те прекрасные человеческие отношения, которые должны будут «синтезировать» духовное единство друзей — участников эсотерического «братства» — с массовостью, всеобщностью «товарищества». Будущие связи личностей не идилличны: они строятся как героические и «трагические» столкновения воли и определяются Блоком как «ненавистническая «любовь» (VI, 25). Но только в таком диалектическом соотношении с «целым», считает поэт, будущий прекрасный и противоречиво-гармоничный «человек-артист» приобщится к другим людям, к истории и к мировому целому.

«Миф о дружбе» (по сути — поэтическая концепция отношения «я» к миру, к людям) впитал в себя весь предшествующий — во многом достаточно горький — жизненный опыт поэта ², а также объединил в сложное художественное целое все произведения, связанные с темой друзей и дружбы ³. Но вместе с тем поэтические представления эти и сами, по мере их оформления, оказывали воздействие на социальную и жизненную позицию Блока. Взаимоотношения Блока с Пястом — яркое свидетельство того, как реальные человеческие связи определяют блоковское поэтическое чувство дружбы и, в свою очередь, определяются им.

2

28 июня 1916 г. Блок пометил в Записной книжке: «Мои действительные друзья: Женья (Иванов), А. В. Гиппиус, Пяст (Пестовский), Зоргенфрей» (ЗК, 309) ⁴. В той же записи столь важные для Блока люди, как А. Белый и Э. Н. Гиппиус, охарактеризованы гораздо менее определено, как пребывающие «близ души», а Вяч. Иванов, С. Соловьев, Н. Терещенко и Ал. Ремизов (с двумя последними Блок в эти годы встречается очень часто) не упомянуты вовсе.

Мысли эти зафиксированы Блоком незадолго до его ухода в действующую армию и явно носят характер «завещания» — подведения основных жизненных итогов. Чем же был значим для Блока Вл. Пяст — второстепенный поэт-символист, прозаик и литературный критик? ⁵

Владимир Алексеевич Пяст (В. А. Пестовский, 19 июня 1886—1940) родился в семье чиновника ⁶. Отец его, Алексей Иванович Пестовский, был коллежским советником; мать, Елена Петровна Пестовская, в 1900-х годах содержала общественную «Читальню Пестовской» в Петербурге, на Литейном проспекте, в доме Мурузи ⁷. По отцу Пяст принадлежал к старинному польскому роду (его предки, по семейной легенде — выходцы из известной королевской фамилии Пястов, что и подчеркнуто его псевдонимом). В детстве Пяст отличался слабым здоровьем, оставшейся на всю жизнь повышенной нервной впечатлительностью, экзальтированностью. Его первыми литературными увлечениями были Лермонтов, позже — Л. Мей ⁸; затем многолетним кумиром юноши Пяста стал Эдгар По ⁹. В 1895 г. Пяст был отдан в XII Санкт-Петербургскую гимназию, которую окончил в 1904 г. с золотой медалью, причем «особую любознательность проявил по физике» ¹⁰. В 1904 г. Пяст поступил на математическое отделение физико-математического факультета СПб. университета.

Весной 1906 г., когда занятий в Петербургском университете не было, Пяст «просит паспорт для поступления на летний семестр в один из германских или швейцарских университетов» и, получив свидетельство 7.IV.1906 г. ¹¹, уезжает в Мюнхен и приступает к слушанию лекций. Начавшееся душевное заболевание прерывает учебу: Пяст попадает в больницу, а по выздоровлении возвращается домой. Осенью 1906 г. он перешел на романо-германское отделение Историко-филологического факультета и начал слушание лекций (хотя официально перевод был оформлен только к 1910 г.). В 1907 г. Вл. Пяст женится на Нонне Александровне Омелянович ¹², в то время — служащей в управлении Китайской Восточной дороги ¹³. 23 марта 1910 г. Пяст по прошению был уволен из университета ¹⁴ и поступил на службу.

Стихотворения Вл. Пяста печатались с середины 1900-х годов в символистских журналах и альманахах, особенно активно — в 1910-х годах ¹⁵. В 1909 г. выходит его первый стихотворный сборник ¹⁶, затем — отдельное издание поэмы ¹⁷. С конца 1900-х годов Пяст начинает выступать как литературный критик ¹⁸, теоретик символизма ¹⁹, публицист ²⁰. После Октября Пяст служит в Институте живого слова (занимаясь теорией и преподаванием декламации), выступает как поэт ²¹, детский писатель, мемуарист ²², переводчик ²³, теоретик литературы ²⁴, а также автор пособий по шахматам, шашкам и т. д. После Петрограда жил в Москве, Одессе, в Кадникове (Вологодской области), Голицыне под Москвой. Умер в 1940 г. в Москве ²⁵.

Блок познакомился с Вл. Пястом в январе 1905 г. ²⁶ Их отношения за 16 лет претерпели весьма знаменательную эволюцию, включавшую периоды и большой духовной близости, и охлаждений, и разрывов. Уже первый разговор двух поэтов-студентов (ноябрь 1905 г.) ²⁷ выявил и интерес друг к другу, и, так сказать, «исходную асимметрию» их взаимоотношений. Очевидная — для обоих — несопоставимость масштабов дарования, а также разница в возрасте (Блок был на 6 лет старше Пяста), при близости мировоззрен-

ческих и художественных позиций, сразу же определили место Блока как «старшего», а Пяста — как «младшего».

Пяст «влюбился» в поэзию Блока после появления первой большой печатной подборки его лирики в журнале «Новый путь» (1903, № 3); цикл Блока показался ему «наиболее совершенным из всего, что читал в стихотворной форме»²⁸; о восприятии Пястом раннего творчества Блока можно судить по тому, что самого поэта он, вполне в духе романтико-символистских штампов, представлял себе «нежным, мягким и юным, как апрельский пух на деревьях. Непременно белокурый и болезненным». Увидев Блока в доме Мережковских, Пяст, пораженный и его «лицом юного Аполлона»²⁹, и характерным соединением самостоятельности суждений Блока, «смелости, благородства» — с «мягкостью, рыцарством»³⁰, начинает относиться к нему еще восторженнее.

Блок впервые почувствовал симпатию к Пясту, по-видимому, после их долгого ноябрьского (1905 г.) разговора, когда сказал ему: «Про Вас наверно могу сказать, что Вы существуете для меня»³¹. В это время дружеские связи Блока достаточно многообразны, но и сложны, и во многом для него мучительны. К осени 1905 г. отношения Блока с лидерами русского символизма, с одной стороны, заметно расширились и углубились; с другой — отношения эти сразу же наталкиваются на почти непреодолимые препятствия. Для Блока начала века легка и органична позиция младшего, «ученика»: в беседах не только со старшими по возрасту Д. С. Мережковским, З. Гишпиус, Вяч. Ивановым, но и с ровесником своим А. Белым Блок больше слушает, чем говорит, предпочитает «учиться», а сам никогда не поучает. Но сателлитом, почтительно повторяющим мнения авторитетов, он — ни по характеру своего дара, ни по человеческим качествам — быть не мог и не хотел. Пафос личной независимости, пусть даже ценой холодности, отгороженности от «другого», был уже тогда важнейшим для Блока. Между тем, категоричные и «знающие» Мережковские внутренне хотели от пленившего их поэта именно такого безоговорочного подчинения. Максималист Белый, восторженно принимавший Блока, но во многом всегда чуждый ему, тоже занял позу учащего и даже пытался навязывать Блоку эпистолярные дискуссии по теоретическим вопросам (а позже — полуистерические «исповеди»). Он был неспособен понять то новое, что зрело в эти годы в Блоке; это новое расценивалось Белым только как отступничество, измена. И даже далекий от символистского теоретизирования Евг. Иванов, восторженно любивший Блока и нежно опекаемый поэтом, тоже был «знающим», хотя его «знание» носило иной, религиозно-интуитивный характер: «Женя» «знал Христа» и с большей любовью, без всякой внешней навязчивости, но не менее упорно, чем остальные друзья, хотел приобщить Блока к своим идеалам.

Упорное сопротивление молодого Блока мистико-схоластическому теоретизированию и христианскому пафосу имело, однако, не только психологическую природу (отчуждение от чересчур навязчивых учителей). Как известно, к концу 1905 г. Блок успевает глубоко внутренне разочароваться в утопическом мистицизме «соловьевства». Он ищет новых путей, творческих и жизненных. Психологическая сложность ситуации для Блока усугубляется, однако, тем, что для Мережковских или А. Белого он именно в годы утасания «мистических зорь» раскрывается как автор «Стихов о Прекрасной Даме» (самим Блоком пережитых в основном в дни «одиноких восторгов» 1900—1901 гг. — до сближения с Мережковскими и знакомства с Белым). Отсюда — особенно тяготившее Блока ощущение фальшивости его положения, горькие мысли о «самозванстве», «пустоте» и т. д.

Возникает, по сути дела, не раз повторявшаяся в истории культуры коллизия: быстро растущий и потому меняющийся великий художник — и недовольные его «изменой» теоретизирующие недавние единомышленники. И, что тоже психологически понятно, ситуация эта раскрывается перед поэтом прежде всего как личная — как не вполне осознанное, но устойчивое ощущение внутренней тяжести, ненужности как раз, казалось бы, наиболее важных «дружб».

И Блок в эти годы (в значительной мере — стихийно) тянется к «внеатеоретическим» дружбам — без программ и доброжелательных поучений. Вместе с тем собственные духовные поиски еще не выводят его из границ символистской культуры, не ведут к обрыву личных связей. В этой ситуации и возникают у Блока первые чувства близости к Пясту — тоже символисту, но не «учителю», не «знающему» (ср. появление в первом же разговоре тем «пустоты» Блока³², «неумения говорить» «о самом важном, о самом внутреннем») ³³.

В 1905—1906 гг., в период, говоря позднейшими словами Блока, их «первого знакомства», Пяст не стал еще для Блока не только близким другом, но и наиболее значительным

из приятелей. Однако их встречи часты и определяются не только внешними обстоятельствами (общая литературная среда); отношения их постепенно «индивидуализируются», оформляясь в самостоятельный «сюжет» — уникальный для Пяста и значительный для Блока.

Блок и Пяст часто и подолгу разговаривают — эти беседы оказываются важными для обоих (ср., например, в письме Блока Пясту от 7 мая 1906 г.: «Мы хорошо поговорили с Вами в последний раз» — VIII, 154; разговор, как свидетельствует Пяст, происходил 3 апреля — Блок помнил о нем через месяц). Они посещают одни и те же символистские кружки и салоны: бывают «в доме Мурузи»³⁴ у Мережковских, на «средах» у Вяч. Иванова, встречаются с С. Городецким, Евг. Аничковым и мн. др. Общность настроений в значительной мере поддерживается ироническим у Блока и критическим у Пяста отношением к символистским теориям Мережковских и Вяч. Иванова. Это существенно отразилось на их беседах и переписке (ср. в письме Блока от 7 мая 1906 г. о Мережковских: «В деревне буду отдыхать и писать — и мало слышать о «религии и мистике», чему радуюсь», и там же о Вяч. Иванове: «Все еще <...> чувствую «жар и зной» последних «сред», на которых, по рассказам, многотысячные толпы алчущих все еще . . . говорили о «мистическом анархизме» — VIII, 154). Важно для их отношений и другое. Отходя от «соловьевства», нащупывая новые творческие пути и безусловно ощущая себя и в этом смысле «старше» Пяста, Блок никогда не становился по отношению к нему в столь соблазнительную для большинства «мэтров» русского символизма позу «учителя». Об этом свидетельствовал сам Пяст: «Друзья его (Блока. — З. М.) ранней юности» считали, «что предавая свою чистоту <...> Блок не переставал претендовать на какое-то «учительство» в жизни. Нет же! <...> Блок вовсе не считал себя призванным к «учительству» и «водительству» <...>, меньше всего претендовал на то, чтобы давать пищу сердцам других. Он думал, что такая пища — отравя»³⁵. При всей спорности проскальзывающей в этом отрывке характеристики Блока 1903—1907 гг. как человека «опустошенного», слова Пяста очень точно определяют неприязнь поэта к «учительству».

Отношение Блока и Пяста к «мэтрам» русского символизма 1900-х годов частично проявляется их участием в организации и собраниях «Кружка молодых». Кружок этот — литературное объединение студентов Петербургского университета, возникшее в конце 1905 г. по инициативе С. Городецкого, Ал. Блока, Вл. Пяста и А. Кондратьева³⁶. Задумывался он как новаторский, и «молодые» в его названии должно было читаться как «новые». «Кружок», с одной стороны, пришел на смену студенческому литературному объединению, руководимому проф. Никольским³⁷ — человеком весьма консервативным и политически, и по художественным вкусам. Но новаторство кружка мыслилось и шире — как шаг в истории русского символизма: этот кружок «по его (С. Городецкого. — З. М.) мысли, уже тогдашней, должен был быть чем-то оппозиционным по отношению к старшему поколению, кругу Вячеслава Иванова»³⁸. «Молодые» хотели противостоять старшим более широкой демократической ориентацией: мыслью С. Городецкого, а впоследствии Ю. Б. Кричевского и А. И. Гидони «было вынести келейные собрания нашего предварительного кружка — в широкую публику <...>, демократизировать его»³⁹.

Однако единой программы у «Кружка молодых» не было. Участники его впоследствии резко разделились на «марксистов» и «декадентов»⁴⁰, но и последние не были объединены никакой четкой программой. Общность взглядов наметилась постепенно лишь у той части членов «Кружка», которые, по инициативе М. Гофмана, начали готовить монографию о символистской поэзии⁴¹. Видимо, не случайно и то, что многие другие «молодые» (А. Городецкий, П. Потемкин и др.) оказались предшественниками постсимволистского искусства 1910-х годов.

«Кружок молодых» просуществовал до 1909—1910 учебного года, но Блок был связан с ним лишь в зиму 1905—1906 гг. как член объединения, а в зиму 1906—1907 гг. (первый год по окончании им университета) — как посетитель. И хотя именно чтение Блоком «Балаганчика» Вл. Пяст считает наиболее важным событием первой зимы в жизни «Кружка»⁴², сам «Кружок молодых», видимо, вскоре разочаровал Блока: его участие в работе становится все пассивнее и в 1907 г. постепенно сходит на нет.

Хотя настороженное отношение Вл. Пяста ко многим процессам, происходившим внутри русского символизма в 1906—1907 гг., и «адогматизм» и «стихийничество» Блока периода «Нечаянной радости» в «критической» части во многом совпадали (в основном — эмоционально), их позиции все же были принципиально различными.

Вл. Пяст, испытавший в юности глубокое воздействие Вл. Соловьева и «младших символистов» (прежде всего — Блока «Стихов о Прекрасной Даме», Вяч. Иванова «Кормчих звезд» и «Прозрачности» и А. Белого как автора «симфоний» и статей начала 1900-х годов, на всю жизнь остался поэтом-мистиком. Его сборник «Ограда» (1909), включивший стихотворения 1900-х годов, — запоздалый памятник «младо-символистской» лирики. Правда, многие образы, а также лексико-интонационный и метрический строй полуэпигонской «Ограды» связаны и с несколько иными традициями: К. Д. Бальмонта, В. Брюсова, Ив. Коневского, Ф. Тютчева, а также Э. По и Ш. Бодлера. Однако основной круг поэтических идей: общая «картина мира» «Ограды», композиция и центральные «лирические персонажи» цикла — ведут прежде всего именно к «первому тому» блоковской лирики. Платонические представления о действительности как «снах» и «тенях» идеального мира сочетаются у Пяста с чувством высокой, очистительной любви к героине — земному воплощению идеала:

Она моя душа. Лучистые мечтанья,
 Которые во мне, слепом, искажены, —
 В ней, просветленные, меняют очертанья

 Я с нею в общем сне. Те призраки и грезы,
 Которые во мне проносятся, спеша, —
 В ней вызвали восторг и трепетные слезы,
 Я — тень ее любви. Она — моя душа ⁴³.

«Ты» в поэзии Пяста, как и в «Стихах о Прекрасной Даме», — воплощение Души Мира, существо бесконечно более высокое, чем лирический герой. Настроения эти сочетаются с привычной для «младших символистов» апологией «матери-земли» и воплощенной — земной, но духовно просветленной — страсти:

Любовно сон земной храня,
 Мы не стремились ввысь.

 И что же? Все же в блеске дня
 Мы с неземным слились ⁴⁴.

«Земной рай» зачастую оказывается Родиной; звучат интонации славянофильской поэзии (Хомяков), Ф. Тютчева, весьма близкие и Блоку 1900-х годов:

И весь я твой, земля родная,
 Тебе одной мои мечты

 И вижу я, восторжен, светел,
 Что он — Властитель, он — Господь
 Из всех земель — *тебя* приветил,
 Своими знаками отметил,
 Тобой свою соделал Плоть ⁴⁵.

Но земная любовь сталкивается с демонически злой реальностью:

Я так тебя любил, что даже ангел строгий,
 Над скорбною землей поникнувший челом,
 Благословил меня опущенным крылом
 Пройти по сумраку сияющей дорогой.

 Но — я не знаю кто — в меня пустил стрелой,
 Отравленной людским кощунственным проклятьем,
 Но — я не знаю кто — сдалив меня объятьем,
 Приблизивши ко мне свой лик истомно-злой.

 Но — я не знаю чей — запал мне в душу сев
 Желанья жгучего порока и паденья.
 Но — я не знаю чье — открылось мне виденье,
 Слепительным огнем обманчиво зардев ⁴⁶.

Возникают по звучанию близкие то Блоку «Нечаянной радости», то Брюсову, то Сологубу, то урбанизму европейских символистов картины города — «дьявольского» места обмана, страданий и гибели, современного «inferno». Городу соответствуют мотивы «падения», порока, противопоставленные теме «земного рая» на лоне природы.

Тесно связана со «Стихами о Прекрасной Даме» и композиция «Ограды». Одна из важных идей Пяста как критика и теоретика символизма — представление о символистском сборнике (цикле) как о едином, законченном художественном тексте⁴⁷. Так воспринимает Пяст «Стихи о Прекрасной Даме» — так строит он и свою «Ограду», подчеркивая в образах сборника их подобие лирическим «персонажам», а в композиции — подобие «лирического сюжета».

Здесь, однако, и становится явным то, что отделяло Пяста 1900-х годов от Блока — даже раннего. «Художественная фабула» «Стихов о Прекрасной Даме» (последовательность сменяющих друг друга настроений и мотивов) линейна. Она рисует путь лирического «я» от первых «чайный» очистительной любви — через боязнь «изменения облика» возлюбленной и победы злого земного начала над высоким мистическим — ко все усиливающимся потам разочарования в идеале Прекрасной Дамы. Трагической мыслью об «ущербе», крушении «чайный» (хотя и смягченной надеждами на будущее возрождение веры) и завершается первый сборник Блока, в значительной мере предсказывающий дальнейшую эволюцию поэта. «Ограда» строится иначе — по кольцевой композиции: светлый мир любви, нарисованный в первых стихотворениях сборника, хотя и отодвигается на время мотивами города, «демонизма», однако, в конце цикла восстанавливается. Вновь торжествует высокая любовь («Мы замерли в торжественном обете. . .») — все повторяется, возвращается («Вновь вдыхаю запах сладкий. . .»), «До сих пор»). Такая кольцевая композиция отображает не только основную поэтическую мысль сборника, но и становится символом общей позиции Пяста. Дисгармония мира для него — лишь внешнее искажение его прекрасной и *внутренне* недвижной сущности. И для искусства зло, дисгармония — темы преходящие. В подлинно символистском произведении торжествуют высокий идеал, гармония. Поэтому ту роль, какую для Блока играют движение вперед, «уходы», «разрывы», — для Пяста играет возврат. Пяст середины 1900-х годов стоит на позициях мистического эстетизма, утопической веры в то, что гармония, красота «мир спасут». Именно за отход в мир «хаоса», «стихийничества» (Вяч. Иванов) или за абстрактное теоретизирование (Мережковский, З. Гиппиус) Пяст и критикует «корифеев» русского символизма. Он — адепт «классических» форм «соловьевства»⁴⁸.

Наиболее полно эти взгляды отразились в известной «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» (СПб., 1909), статьи для которой Пяст писал как раз в годы «первого знакомства» с Блоком — в конце 1906-го—1907-м г. Обычно к «Книге» обращаются как к собранию сведений о жизни и творчестве писателей-символистов. Между тем это — цельный (хотя и созданный группой авторов)⁴⁹ документ, почти манифест, содержащий единую концепцию символизма, наиболее полно изложенную в программной статье М. Гофмана «Романтизм, модернизм, символизм». Определяя романтизм как культуру переходных, находящихся в становлении эпох, а современную культуру — как типично романтическую, М. Гофман выделяет внутри последней «декадентство», сосредоточенное на разрушении старых ценностей, и символизм, призванный созидать новые, будущие. Признавая глубинное родство декадентства и символизма (все современные художники «являются символистами, с одной стороны, и декадентами, с другой»)⁵⁰, Гофман, тем не менее, постоянно противопоставляет их, настоятельно подчеркивая большую историческую и эстетическую ценность символизма: «Символизм является всегда творческим, богатым, религиозным, между тем как бессилье и безрелигиозность составляют отличительные свойства декадентства»⁵¹. Утверждая, что единственный выход для современного искусства — путь к символизму⁵², авторы «Книги» последовательно борются против скепсиса — за мистическую «идейность», против «стихийничества» — за искусство, гармонизирующее мир.

Эта установка постоянно ощущается и в статьях Вл. Пяста о В. Брюсове, А. Белом, Вяч. Иванове. Высшее достоинство произведения искусства для Пяста — гармоничность, «завершенность» (о Брюсове)⁵³. Восторженная оценка лирики Вяч. Иванова⁵⁴ не случайно соседствует, с одной стороны, с восприятием его как «поэта апокалиптического типа»⁵⁵, у которого «строй всегда одерживает победу над хаосом»⁵⁶, а, с другой, — с полным неприятием его «мистического анархизма». Понятно и сочетание высокой оценки

«симфоний» Белого за «строгость правил гармонии»⁵⁷ с ироническим отношением к изображению им «ужасов» и «ужасиков» бытия — по сути, к социально-политической теме его творчества, к «Пеплу».

Итак, в годы, когда Блок шел сложными, мучительными путями от «высокой мистики» соловьевства — через «декадентский» «мистицизм в повседневности» — к темам действительности, истории, народа, Пяст оставался принципиально неизменным. Его идеалом по-прежнему был мир Красоты, неприступной «оградой» отделенный от «демонической» действительности. Блоковское тяготение к живой дисгармонии «стихий» было Пясту абсолютно чуждым, и «стихийничество» казалось ему (как и М. Гофману, написавшему статью о Блоке в «Книге о русских поэтах. . .») лишь отступничеством, — хотя и невольным. Вл. Пяст любил больше всего Блока «Стихов о Прекрасной Даме», надеясь и на его будущий «возврат». Подобно большинству друзей Блока, он не смог вместить в себя *весь* блоковский «путь» и подменил его *частью* — Блоком «первого тома». Такое понимание вряд ли могло стать основой глубокой дружбы, особенно для Блока 1905—1907 гг. с его стремительным движением к демократизации взглядов, к мыслям о народе и интеллигенции.

Начекается и еще одна линия важных расхождений. Обычно и сами символисты (включая Блока), и пишущие о «новом искусстве» говорили о «западнической» ориентации «декадентов» 1890-х годов и о «славянофильских» (неонароднических) тяготениях младших символистов. Реальная картина, однако, более сложна. Блок именно в 1903—1907 гг., в период кризиса мистических чаяний, во время своих (как и ему, и окружающим кажется) «декадентских» настроений впервые проникается «русской идеей», начинает искать пути к народу и Родине. Пяст же, оставаясь мистиком в духе «соловьевства» начала века и разделяя мессианские надежды на будущее России, во многом ориентируется на культуру Западной Европы. Хотя разногласия по этим вопросам станут заметнее в 1910-х годах, завязка идейного диалога относится уже ко времени «первого знакомства». В первом же письме к Блоку, написанном 17 мая 1906 г. из Мюнхена, Пяст заявляет: «Не понимаю, как это каждый русский, имеющий свободное время и хоть очень немного неистраченных денег, не ездит . . . за границу». Блок в ответ 7 (20 по новому стилю) мая 1906 г. пишет из Шахматова: «Радуюсь, что Вам хорошо в Мюнхене. А мне теперь не хотелось бы за границу» (VIII, 154). Это противопоставление развернется в беседах и переписке 1910-х годов.

Причины, приведшие к ослаблению приятельских связей Блока и Пяста в 1907—1909 гг., коренились также отчасти в чертах личности и стиле жизни. Блок в 1907—1908 гг. ведет, как сам пишет, «бродяжническую жизнь» (VIII, 249). Тяжелая семейная драма и отъезд Любови Дмитриевны в 1907 г. на гастроли в провинцию разрушают устой «дома». Блок не просто «все чаще . . . по городу» бродит, пьет в загородных ресторанах. И горечь, и «роковую отраду» такой жизни, «почему-то милой» ему, поэт расценивает как неизбежность — и отнюдь не только личную. В одиноких скитаниях вырастает важная для Блока (и поведенчески, и художественно) мысль о праве личности на гибель как на протест против мирового и исторического зла («Человек, опускающий руки и опускающийся, прав . . .»). Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир — III, 465). И ни заботы друзей, ни страхи матери не могли «свлечь с пути» так чувствующего художника.

Пяст живет в эти годы материально трудно, психологически «наполненно несколько слишком»⁵⁸, но в своем творчестве он ориентирован на гармонию. И когда читаем у Пяста о Блоке 1907—1909 гг.: «Состояние духа Блока в ту пору было трагическое. Он нуждался в утешителе»⁵⁹, — то первоначально даже возникает вопрос: почему таким «утешителем» не стал сам Пяст, один из близких приятелей поэта?

На самом деле личные отношения Блока и Пяста строились и могли строиться только прямо противоположным образом. Даже в самые тяжелые годы жизни Блок имел право противопоставить внешнее «угрюмство» — «добру и свету» своего внутреннего «я» («О, я хочу безумно жить. . .» — III, 85). Говоря перефразирующими Ницше словами Блока, на дне его души в это время всегда жил «младенец» — здоровый, радостно удивляющийся жизни и инстинктивно отделяющий Добро от Зла. «Падения» Блока, при всей эмоциональной непосредственности, всегда были им, его внутренним «гневным ангелом» «сочитаны» — это *уклонение от нормы*, неизменно жившей в душе поэта. «Мрак», нависший над Блоком, хотя и стимулировался многими, в том числе и глубоко личными причи-

нами, в конечном счете, оказывался социально значимой реакцией на «страшный мир».

«Гармонический» по мировоззрению Пяст — душевно больной. Болезнь его впервые сильно развилась весной 1906 г. в Мюнхене, где Пяст лежал в психиатрической лечебнице, привела его к попытке самоубийства в 1908 г.⁶⁰, затем дала резкую вспышку во время службы в Действующей армии (1915 г.). Его «мрак», безмерно более безысходный, носил не социальный, а патологический характер⁶¹. Возможно, он-то и компенсировался тяготением Пяста к гармонии искусства и отталкиванием его от «хаоса» реальности.

«Утешителем» из них двоих мог бы стать только Блок. И Пяст в своих воспоминаниях с неизменной благодарностью пишет о «нежной заботливости» Блока в периоды его, Пяста, болезни. Однако в 1907—1909 гг. Блок еще не смог встать в единственно возможную здесь позицию духовного руководителя и целителя. Его собственное отчаяние, «горестные восторги <...> книги бытия» (II, 372) еще не породили идею борьбы со «страшным миром» не только в жизни, но и в себе самом и в окружающих. Блок делает попытки помочь Пясту — и именно суровой прямоотой, призывами к мужеству, к преодолению, а не культивированию болезни⁶². Но эти попытки пока единичны. У Блока нет еще сил, «погружаясь во мрак», «верить в свет» (VI, 13). И он отходит от Пяста — от его недвижных «мистических чаяний» и от подспудно живущего в нем мрака, еще горшего, чем блоковский.

Пяст тоже, как уже говорилось, не понимает смысла «пути» Блока. В итоге наступает временное (1907—конец 1910 г.) взаимное охлаждение. Контакты Блока и Пяста в эти годы не прерываются: они изредка ходят друг к другу⁶³, встречаются у общих знакомых⁶⁴, обмениваются письмами и записками⁶⁵. Однако возникшее в конце 1905 г. чувство близости постепенно ослабевает. Сквозь все случайности личных отношений постепенно пробивается общая закономерность всех символистских «дружб» Блока, четко обозначенная им в неотправленном письме к З. Н. Гиппиус от 31 (18) мая 1918 г. (VII, 335—336). Годы создания «Вольных мыслей», «Песни Судьбы», статей о народе и интеллигенции — время наиболее глубокого духовного вживания Блока в опыт прошедшей революции — художник проводит не только в идейном, но и в личном отдалении от большинства недавно столь близких ему петербургских и московских (А. Белый, С. Соловьев) символистов. Отходит он и от неизменного приверженца символизма, Вл. Пяста.

3

«Второе знакомство», приведшее к гораздо большей внутренней близости, начинается с ноября 1910 г.⁶⁶ и длится до разрыва в 1918 г. Однако сам Пяст точнее обозначает вехи подъема и спада дружеских чувств за эти годы. Апогей их падает на 1911—начало 1912 г.; 29 мая 1911 г. Блок пишет Пясту из Шахматова: «Так образовалось за эту зиму, что я имею постоянную потребность сообщить Вам о каждом повороте «колесиков моего мозга» (VIII, 339). Пяст еще раньше (15.II.1911) говорит о том, что у него общение с Блоком «превратилось в какую-то потребность»⁶⁷. Однако летом 1912 г., возвращаясь из Териок в Петербург, Блок и Пяст ведут «разговор — уже какой-то тревожный, уже в чем-то предвещавший будущее <...> расхождение»⁶⁸. Именно начиная с этого лета между Блоком и Пястом, по безжалостно точным словам Блока, не раз «заходила какая-то неправда» (VIII, 443), хотя, до времени, не прерывавшая дружбы.

Итак, начало, апогей и некоторый спад радости «второго знакомства» — конец 1910—1911—первая половина 1912 г. Даты эти имеют глубокий смысл. 1909—1911 гг. — особый (недостаточно четко обозначенный исследователями) период творчества Блока. Подъем 1907—начало 1909 г., сопровождавший подготовку и создание статей о народе и интеллигенции, в годы реакции (особенно — после трагически пережитой поэтом смерти только что родившегося сына Л. Д. Блок — с февраля 1909 г.) сменяется резким спадом активности, социальным пессимизмом. Постепенно эти настроения обретают контуры эстетизма («Лишь в легком челноке искусства // От скуки мира уплывешь» — III, 108), значительно более холодного, чем в 1907—1908 гг., отношения к реалистической традиции («Солнце наивного реализма закатилось», — пишет он в 1910 г. в статье «О современном состоянии русского символизма» — V, 433), надежд на возрождение символизма и веры в его всемирно-историческую культурную миссию («О современном состоянии русского символизма»)⁶⁹. В 1912 г., под совершенно очевидным и хорошо осозанным самим Бло-

ком влиянием начавшегося нового общественного подъема, этот настрой постепенно преодолевается, сменяясь «мужественным», волевым пафосом предреволюционных лет. Тут и появляется чувство «неправды» — спад ощущений полной близости к Пясту.

Зима 1910—1911 гг. — время наиболее интенсивных контактов, внешних и внутренних. В эту и в следующую зиму Блок и Пяст видятся почти ежедневно, много беседуют, бродя по городу или выезжая за город ⁷⁰, часто говорят по телефону, обмениваются (особенно летом) письмами ⁷¹, часто думают друг о друге, многое делают, а еще больше собираются предпринять сообща. В начале «второго знакомства» чувство взаимной близости во многом определялось возросшим интересом Блока 1909—1911 гг. к символизму. Если первый после перерыва визит Пяста к Блоку (ноябрь 1910 г.) дал толчок новому тяготению их друг к другу, то второй («в скорости») был посвящен обсуждению планов создания нового символистского журнала. Идея журнала была внушена Пясту «недавно только выпущенным из тюрьмы Е. В. Аничковым» — приват-доцентом Петербургского университета, германистом, любимцем студентов, «блестящим импровизатором» и шумным «энтузиастом» символизма ⁷², научным руководителем Пяста и близким знакомым Блока еще со времен его студенчества и особенно написания статьи «Поэзия заговоров и заклинаний» (октябрь, 1906). По первоначальному плану, редакторами журнала должны были стать Блок, Пяст и Евг. Аничков, издателем — Л. Д. Блок; в состав первых номеров предполагалось включить рассказы А. Ремизова, Ivan'a Strannik'a (псевдоним жены Аничкова), Евг. Аничкова, В. Н. Княжнина, Б. Бугаева (Андрея Белого), Вл. Пяста, стихи Блока, Вяч. Иванова, Белого и Ю. Верховского ⁷³.

Отношение Блока к журналу сразу же определилось как сложное, неоднозначное. С одной стороны, он считал необходимым объединить крупнейших русских писателей-символистов, резко оградив их печатный орган от эпигонства, околосоциалистического эстетства и т. д. (напомним, что после прекращения в 1909 г. «Золотого руна» и «Весов» в России не было собственно символистского журнала). В письме А. Белому от 17 января 1911 г. Блок с большим подъемом пишет об этих планах: «Здесь затевается журнал < . . . ». Все это — проба, и притом с внешней точки зрения — очень непрактичная, потому что денег почти нет. Я лично считаю, что этот журнал будет только бескорыстным застрельщиком — наметит главные точки и расчистит место для будущего. Все мы принципиально изгоняем литературщину, «декадентство» < . . . », хулиганство и т. д., и т. д.» Блок представляет журнал как «тонкий» («нумера маленькие — листа 3»), но выходящий регулярно («12 раз в год», «до лета должно выйти 6 №№ (каждые двадцать дней с 15 февраля)» — VIII, 327). Однако сразу же у Блока появляются и сомнения. Во-первых, даже теперь, в годы частичного возврата к символизму, Блок мыслит журнал как свободное объединение в чем-то близких, но идущих каждый своим путем художников, а не как орган, вырабатывающий четкую программу направления, создающий его теорию и т. д. В этом смысле, очевидно, сразу же вывильось отличие позиции Блока, например, от Вяч. Иванова. Во-вторых, Блок инстинктивно чуждался всего, что связано было с организационной стороной дела, — в первую очередь, со столкновением мелких журнальных интересов, борьбой авторских честолюбий. Уже в первые дни наиболее заинтересованных обсуждений Блок говорил Пясту — самому близкому к нему участнику будущего журнала: «Ни вы, ни я отнюдь не должны брать на себя < . . . » руководящие, направляющие роли» ⁷⁴. Между тем Блок с горечью наблюдал, как даже предварительные разговоры о еще не рожденном детище обнажают и принципиальные, и мелкие разногласия участников. Раздражает его и поверхностно-оптимистический настрой Евг. Аничкова, не чувствовавшего ни в жизни, ни в литературе того, что было в эти годы для Блока главным, — холодной мертвенности «страшного мира» и «печального лица» человека, гибнущего на снежном бездорожье эпохи. Поэтому 21 января 1911 г., после почти двухмесячных обсуждений и споров, Блок пишет Пясту со своим отказе от участия в журнальных проектах: «Все эти дни я искал «в себе» журнала — и не нашел ни следа. Прочной связи нет. Из всех сотрудников (исключая Вячеслава Ивановича который окончательно против < . . . ») — связаны только мы с Вами — но не журнально (о Княжнине не знаю). Рассказы Ремизова, Зиновьевой-Аннибал, Ивана Странника могут быть везде. В Верховском мы уже возбудили несвойственные ему чувства ⁷⁵. С Аничковым нам не связаться никак» (VIII, 327—328). Далее следует — как продолжение мотивировки отказа — резко критический, про-нический «идейный портрет» Аничкова (одного из 3-х основных редакторов проектировавшегося журнала): «Бесконечно холодно в человеческих сердцах. Когда на площади

попадают люди задумчивые и углубленные в себя, < . . . > с ними мороз терпим или даже — радостен. Когда же у костра появляется «некто» похаживающий и побрякивающий, — сразу пропадает всякое сопротивление < . . . >. Отчего Аничков и в революции и без революции всегда одинаково выкидывает с кафедры слова, как пух из перины? Он ужасно, *ужасно* доволен собой» (VIII, 328). Журналу противопоставляется жизнь, погружение в «страшный мир» для постижения его сущности — и для воспитания в себе «лика» человека, чувствующего и любящего других («Давайте опять жить, тихо гуляя по беспросветной и белоснежной стуже. Каждый из нас любит уже многих людей, но все еще видно только пол-лица» — VIII, 328). И хотя проекты журнала продолжают обсуждаться ⁷⁶, — Блок утрачивает к ним интерес.

В 1912 г. — уже не по инициативе Пяста и Аничкова — возникают новые планы издания, которые приводят к появлению «Трудов и дней». Блок несколько оживляется в дни подготовки первого номера журнала (хотя теперь он значительно дальше от любых символистских программ и проектов, чем в 1909—1911 гг.). При этом, однако, Блок в письме А. Белому от 25 января 1912 г. характерно отделяет в группе будущих сотрудников журнала «свой круг» от людей, ему чуждых. В число первых попадает Вл. Пяст («я хотел бы, чтобы ты увиделся с Пястом. *Через него ты коснешься моего круга*»), ко вторым Блок относит Вяч. Иванова и посетителей его «среды» («Атмосфера В. Иванова сейчас для меня немислима») — (VIII, 383—384; курсив мой. — З. М.). Блок хочет привлечь Пяста к возможно более широкому участию в журнале: «Главное, что я могу сказать Тебе сейчас неравнодушно, — это о том, что *Пяст*, по-моему, нужнейшее лицо в этом журнале» (VIII, 383). В дни подготовки первого номера «Трудов и дней» Блок (как и В. Иванов) оказывает даже некоторый нажим на А. Белого, чтобы включить в этот номер статью Пяста «Нечто о каноне», что вызывает у Белого недовольство ⁷⁷. Однако, несмотря на ощущение родства с Пястом, на «тактические» трения с издателем журнала Э. Метнером и духовную отдаленность от В. Иванова, Блок, как всегда, оценивая «Труды и дни» как явление культуры, полностью отрешается от личных симпатий и антипатий. И, как и все символистские акции этих лет, журнал в целом глубоко не удовлетворяет Блока. По выходе первого номера он пишет Белому 16 апреля 1912 г. о существовании давно уже наметившихся разногласий с Ивановым (а, косвенно, и с самим Белым): «Первый № сразу заведен так, чтобы говорить *об искусстве* и школе искусства, а не о человеке и художнике» (VIII, 386; курсив мой. — З. М.). К 1912 г. у Блока вновь выходят на первый план гуманистические идеи личности — и его неприятно поражает «язвничной» «жестяной грехот» статей Вяч. Иванова. Блок с гораздо большей симпатией отзываясь о написанной на далекую ему тему «умной и страстной статье» весьма далекого ему лично Э. Метнера: «За ней я вижу это печальное человеческое лицо *гонимого судьбой*» (VIII, 387). Статья Пяста, на публикации которой Блок так настаивал, тоже расценивается им теперь невысоко: «Пяст объясняет, что *внутренний канон* есть. . . $2 \times 2 = 4$ » (VIII, 387).

В чем же причина быстрой смены оценок (неизвестно, читал ли Блок статью «Нечто о каноне», но что он был хорошо знаком с ее идеями, а отчасти даже их инспирировал, — это очевидно)? В статье Пяста многое должно было быть близким Блоку. Здесь мы находим и столь важные для него представления о том, что у всякого художника «*путь должен быть*» ⁷⁸, что цель искусства — не только эстетическая (полностью солидаризируясь и с Блоком, и с Вяч. Ивановым, Пяст говорит, что язык искусства «*волнует нашу душу до глубины ее иных, чем эстетическая глубина, зажигая ее огнем новым и неведомым*») ⁷⁹. Столь же «блоковскими» (и прямо навеянными докладом и статьей Блока «О современном состоянии русского символизма», 1910) выглядят размышления Пяста: «Выход («синтез») для художника в том, что лежит за пределами «только Искусства», и путь к этому выходу лежит через некий творческий подвиг» ⁸⁰.

Можно не сомневаться, что все эти утверждения полностью находятся в русле мыслей Блока об искусстве не только и не столько 1909—1911 г., сколько 1912—1917 гг. Дальнейший ход мысли Пяста, однако, меняет дело. Утверждая, что «творческий подвиг — выполнение внутреннего канона» ⁸¹, Пяст по-прежнему видит «канон» в овладении «языком богов» ⁸² — в гармоническом искусстве. И хотя при этом мельком упоминается, что такая гармония дается «внутренней покорностью «законам бытия»» ⁸³, главный признак ее, по Пясту, все же чисто эстетический — подчинение произведений искусства прежде всего традиции и имманентным законам творчества: «Творческая душа должна укладываться

во внутренние рамки каждого вида творчества, который она оживляет»⁸⁴. А чтобы найти в таком «каноническом искусстве» свое место, не раствориться в традиции, надо найти «бога в себе» — «выявить свою сущность»⁸⁵, художническую индивидуальность.

Последняя мысль вообще далека от Блока 1910-х годов. Самопознание в эти годы для него было познанием себя как человека в мире людей. Ближайший источник идеи Пяста — концепции А. Белого, ставящего во главу угла художественное самопознание как высшую цель искусства⁸⁶.

Сложнее с мыслями о каноне как о требовании гармонии в искусстве. Идеи эти, широко распространенные в символистской критике, были безусловно близки Блоку «Стихов о Прекрасной Даме», где они, как и у многих «младших символистов», окрашивались в тона эстетической утопии: красота искусства должна внести гармонию в мир. Затем последовал резкий отказ от создания «гармонизирующего» искусства как от лжи, пафос «хаоса» в мире и искусстве, приведший Блока к апологии «естественной» жизни, народа, Родины. В 1909—1911 гг. Блок, как уже говорилось, вновь приходит к мыслям об искусстве как «гармонизации хаоса», хотя теперь без утопических иллюзий: искусство не преобразует действительность, а лишь противостоит ей как высшая ценность: «Хорошим художником я признаю лишь того, кто из данного хаоса (а не в нем и не на нем) (данное: психология — бесконечна, душа — безумна, воздух — черный) творит космос» (ЭК, 160; ср. известные начальные строки из «Пролога» к «Возмездию» — III, 301). Однако начиная с 1912 г. эти мысли вновь вытесняются демократическими идеями искусства как «служения», общественного долга, хотя и сильно видоизмененными по сравнению с периодом статей о народе и интеллигенции, обогащенными историзмом и диалектическим видением мира. Призывы обратиться к традиции, к «каноническим» вершинам мировой культуры, к соблюдению законов жанра и т. д. — кажутся ему теперь тривиальными («2×2=4») и недостаточными для искусства современности. По всей видимости, раздражает его и «каноническая» символистская образность Пяста («язык богов» и т. д.).

По сути дела, повторяется, хотя и в усложненном виде, ситуация 1905—1906 гг.: Пяст, неизменный в своей приверженности идее гармонизирующего искусства, и Блок, для которого эта идея была близка лишь на коротком отрезке движения от творчества 1903—1909 гг. к вершинным достижениям 1910-х годов. Вполне вероятно, что известный сдвиг в понимании задач художника произошел у Блока в промежутке между замыслом и реализацией статьи Пяста «Нечто о каноне», и уже во всяком случае — в годы, пролегли между написанием блоковского «О современном состоянии русского символизма» (1910) и развивающей эти же мысли работой Пяста (1912). Пересекшись в какой-то точке, пути Блока и Пяста вновь начинают расходиться: Пяст 1910-х годов, оставаясь символистом, с интересом следит за творчеством акмеистов и футуристов; Блок напряженно ищет путей к новому искусству, «синтезирующему» символизм с опытом мирового реалистического искусства.

Однако в отличие от 1905—1906 гг. Пяст для Блока теперь никак не сводится к его убеждениям, особенно — теоретическим. Блок в годы «второго знакомства» живо почувствовал Пяста как личность, полюбил его «человеческое лицо», понял (в чем-то, может быть, и преувеличивая) значимость Пяста.

Надо отметить существенную сторону отношений Блока и Пяста в 1910-х годах. Пяст, оставаясь на редкость неизменным адептом символизма во взглядах, по образу жизни, характеру дружб и т. д. заметно выходил из мира литературной элиты, хотя и был неизменным посетителем артистических кабаре 1910-х годов, участником множества альманахов этой поры и т. д. «Внесимволистские» моменты их общений и стали важнейшими для Блока. Это — и заботливый интерес к неизменно тяжелому быту Пяста (побывав в гостях у Пяста на Песках, где тот впервые поселился «самостоятельным домом», Блоки дарят Пястам керосинно-калильную печку; в 1911 г. у Пяста рождается сын Виктор, которого Блок крестит и судьбой которого не перестает интересоваться)⁸⁷, к его «чиновничьим» служебным тяготам. Это — и их бесконечные «отдохновительные» скитания по окраинам Петербурга⁸⁸ и местам неподалеку от города (Шуваловский парк, Юкки, Белоостров, Сестрорецк, Петергоф)⁸⁹, «изучения» природы, встречи с людьми. Это, наконец, тяготение Блока — через Пяста — к кругу внегуманитарных знакомств.

Последнее очень важно. Нетрудно убедиться, что таких знакомств до 1910-х годов у Блока практически не было. Далекое от литературы круги, к которым принадлежали

отчим Блока, полковник Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, или московский дядя Блока, чиновник А. Ф. Кублицкий-Пиоттух, были поэту не только чужды, но и ненавистны ему. Блок старательно избегал всяких соприкосновений с этими «мирами». Далек он был в 1910-х годах и от «негуманитариев» — братьев Л. Д. Блок. Почти все и друзья, и знакомые не только Блока 1900-х годов, но и его матери, тетки (М. А. Бекетовой), жены — люди из мира искусства. Позади осталось бурное юношеское увлечение Д. И. Менделеевым. Соприкосновение А. Белого с естественными науками и математикой, столь важное для него самого, в дружбе Белого и Блока большой роли не играло.

Пяст, еще в гимназии тяготевший к точным наукам, в прошлом — студент-математик, человек очень общительный, сохранил многочисленные связи с бывшими однокашниками. В этот круг входит теперь и Блок. Пяст знакомит Блока с математиком Н. И. Идельсоном⁹⁰; через Пяста поддерживаются и старые знакомства с физиком Б. П. Гущиным⁹¹, инженером Н. П. Бычковым⁹². Филологи, свидетельствует Пяст, «вообще более были чужды нам»⁹³, «нас влекло <...> к обществу представителей так называемых точных наук и техники»⁹⁴.

«Негуманитарные» связи оказали важное влияние на оформление блоковских мыслей о промышленном развитии России. В этих кругах зарождаются идеи «Новой Америки», замысел пьесы «о фабричном возрождении России», мысли о воспитании и т. д.

К новым человеческим контактам присоединяются совместные увлечения Блока и Пяста творчеством писателей-несимволистов: Августа Стриндберга и Флобера (как автора «Сентиментального воспитания»).

Блок (VIII, 339) и Пяст единодушно свидетельствуют, что «открыл» Стриндберга Пяст, познакомивший с его творчеством Блока⁹⁵; на прозаическую поэму Стриндберга «Одинокий» Пяста натолкнула А. А. Врубель, сестра художника. Следует только уточнить, что речь идет именно о пробуждении интереса к творчеству. Хотя 1911 год действительно был первым, прошедшим у Блока «под знаком Стриндберга»⁹⁶, однако и имя художника, и, по всей вероятности, какие-то его произведения были известны Блоку и раньше⁹⁷. Блок и Пяст в 1911—1913 гг. постоянно читают Стриндберга, обмениваясь книгами и впечатлениями от них⁹⁸. Под впечатлением творчества и личности Стриндберга Блок и Пяст вынашивают планы поездки в Стокгольм в июле 1911 г. (см. письмо Вл. Пяста от 2 июня 1911 г.), не состоявшейся, по-видимому, из-за болезни Пяста и испытываемых им материальных затруднений. В своих «Воспоминаниях о Блоке» и в книге «Встречи» Пяст подробно рассказал о том, как Блок через журналиста и представителя газеты «Русское слово» в Петербурге А. В. Руманова организовал в апреле 1912 г. поездку Пяста в Стокгольм к умирающему Стриндбергу⁹⁹. Многочасовые разговоры с Пястом об этой поездке и впечатления от подаренного Пястом портрета Стриндберга (VII, 141—142), как известно, легли в основу статьи Блока «Памяти Августа Стриндберга» (май 1912 г.). 14 июля 1912 г. Мейерхольд организует в Терюксском театре вечер памяти Стриндберга, и Блок уговаривает Пяста читать на нем вступительное слово¹⁰⁰.

Как видим, «сюжеты» отношений Блока к Стриндбергу и к Пясту в 1911—1912 гг. неразрывно переплетались. Это привело Блока, привыкшего в эти годы «составлять факты из всех областей жизни, доступных» его «зрению в данное время», и уверенного, «что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор» (III, 297) к сложному сближению впечатлений от творчества Стриндберга и от Пяста как представителя определенного культурного типа. Пяст «просматривается» сквозь призму стриндберговского творчества, а последнее, в свою очередь, истолковывается в свете проблем, поставленных перед Блоком жизнью и, в частности, выраставших из бесконечных бесед с Пястом и блоковских размышлений о ближайшем друге. Это заставляет нас обратиться к некоторым аспектам темы «Блок и Стриндберг» в отдельном сообщении, публикуемом в наст. томе (кн. 4).

Близкие ассоциации — и тоже с проекцией на русскую историю и национальный характер — вызывает литературный персонаж, не меньше, чем стриндберговские, занимавший воображение Блока и Пяста, — Фредерик из «Сентиментального воспитания» Флобера.

Пяста на роман Флобера натолкнул Блок («в обмен» на Стриндберга: Блок читает «Красную комнату» в начале февраля 1912 г., в дни, когда заболевший Пяст заканчивает «Сентиментальное воспитание», полученное от Блока). Пяст восторженно отзывался

« только что прочтенном романе в письме от 6 февраля 1911 г.¹⁰¹ По всей видимости, роман этот не раз обсуждался друзьями. Позже Пяст свидетельствовал: «Роман < . . . > «Сентиментальное воспитание» был едва ли не любимейшей поэтом из всех на свете книг»¹⁰². Название его становится для Блока своеобразным символом, введенным и в поэму «Возмездие» (ср. об Отце: «Он тоже получил от детства // Флобера странное наследство: // Education sentimentale» — III, 337), и особенно важным для «Предисловия» к поэме (1919). В последнем «éducation sentimentale» обозначает важную эпоху в воспитании Сына — юноши из интеллигентско-дворянской семьи, которому «до самых «дней свободы» // Мамаша в рот вливала суп» (III, 610). «Сентиментальное воспитание» — сложный комплекс, включающий и высокую гуманность, и «демонический» индивидуализм, и интеллигентскую мягкотелость, заставляющую героев этого типа, в конечном счете, подобно Фальку, «капитулировать перед «страшным миром». Поэтому для того, чтобы «созрела новая порода» людей и «уголь превратился в алмаз» (III, 303), необходима смена дворянской «éducation sentimentale» суровым крестьянским воспитанием сына Сына «в широких польских «клеверных полях» (III, 299).

Сказанное не только определяет основные для Блока проблемы, безусловно, бывшие предметом разговоров с Пястом (увлечения Стриндбергом и Флобером Блок и Пяст переживают одновременно, в годы наибольшей дружеской близости и почти ежедневных встреч). Здесь — и разгадка многих существенных сторон восприятия Пяста Блоком, причин неизбывного интереса к Пясту, его роли в блоковской жизни и духовном мире.

Блок 1910-х годов — зрелый человек, мужественно и нелицеприятно оценивающий значимость окружающих его людей. Он в достаточной мере лишен дружеских иллюзий, чтобы понять, что Пяст — не поэт. Правда, он ощущает лирику Пяста как лично близкую: 20 августа 1909 г. (т. е. как раз в годы некоторого охлаждения) он пишет из Шахматова, получив сборник «Ограда»: «Ваша книга еще не вся ясна мне, хотя я читал ее не раз, но уже дорога мне, как знакомым, так и неизвестным» (VIII, 292). В числе «знакомого» (т. е. уже слышанного от Пяста ранее) были и некоторые стихотворения, которые Блоку «довольно понравились»¹⁰³. Однако от этого с пястовской точностью переданного «довольно понравилось» до признания Пяста поэтом было очень далеко. В 1910-х годах Блок высоко оценивает и «Поэму в ножах» (см. запись от 17 ноября 1911 г. — VII, 93), и «потрясающую повесть» (по-видимому, «Круглый год») Пяста (запись от 22 ноября 1911 г. — VII, 96) — однако, очевидно, более всего за их человеческую «подлинность и значительность» (VII, 93).

Интересны в этом смысле воспоминания В. Нарбута, посетившего Блока в 1910 г. в связи с организацией студенческого журнала «Gaudeamus»¹⁰⁴: «На мой вопрос, заданный, конечно, в расчете на положительный ответ, не привлечь ли П. Потемкина и В. Пяста < . . . >, Александр Александрович поморщился и отрицательно качнул белокурой головой: — Они вам не нужны. Ваш журнал должен быть свежим, молодым < . . . >. Владимира Алексеевича (Пяста), пожалуй, следовало бы пригласить как рецензента < . . . > Но их стихи, по моему мнению, не поэзия»¹⁰⁵.

Значительно выше (что явствует и из приведенных воспоминаний, и из эпизода с помещением статьи Пяста в № 1 «Трудов и дней») оценивал Блок критические статьи Пяста. Кроме известной близости проблематики (как мы уже указывали, с годами эта близость уменьшается)¹⁰⁶, Блока, безусловно, привлекает действительная талантливость пястовской литературной критики. Структура его статей, как правило, импрессионистична: они строятся на развитии какого-то художественного образа, иногда, что типично для символистской критики, взятого из поэтического арсенала анализируемых авторов (статья в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия») или же из других произведений искусства (образы Вилье де Лиль Адама в статье «По поводу последней поэзии» или в «Нечто о каноне»). Но «образная логика» у Пяста слита с четкостью мысли, оригинальностью «онцепций, прекрасной ориентированностью в проблемах и методах зарождающейся в 1910-х годах «науки о стихе». Он, как и Блок, всегда исходит из еще не формулируемого четко восприятия текста как художественного единства.

Блок активно поддерживает и публицистические и социологические интересы Пяста, помогая ему войти в газетный мир 1910-х годов. Он записывает (по-видимому, принадлежавшее А. М. Ремизову) мнение о Пясте как о «публицисте с холодным эстетическим уклоном» (VII, 181). Напомним, что если «эстетизм» мог восприниматься Блоком и как

вещо чуждое, и как близкое (ср. статью «Искусство и газета»), то «холодность» в эти годы ассоциировалась с «мужеством» (ср. «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух. . .»). К публицистике Пяста Блок относится с большой серьезностью, пытаясь ее осторожно и тактично направлять в нужную, по его мнению, сторону. Здесь и разворачивается одна из центральных линий «сюжета» «Блок и Пяст».

24 мая 1911 г., в разгар их взаимной дружеской увлеченности, Блок приглашает Пяста в Шахматово: «Знаете что? Если бы Вы могли приехать сюда на несколько дней? Много места, жить удобно, тишина и благоухание» (VIII, 337; об этом приглашении Блок сообщает 27 мая в письме к жене — см. VIII, 339). Как всегда у Блока, бытовое, личное оказывается «нераздельно» связанным с важнейшими вопросами жизни: «Вам было бы интересно и нужно, я думаю, увидеть эту Россию: за 60 верст от Москвы, как за 1000: благоуханная глушь, и в земном раю — корявые, несчастные и забытые люди с допотопными понятиями, сами себя забывшие» (VIII, 337. Курсив мой. — З. М.).

Мысли эти, обнажающие самое сердцевину блоковского чувства России, развиваются в письмах от 29 мая («Я твердо надеюсь показать Вам Шахматово и окрестности, если не теперь, то в будущем году»¹⁰⁷. По многим причинам хочу этого» (VIII, 340) и от 6 июля 1911 г. В последнем Блок высказывается и о социологических интересах, и о сущности Пяста-человека, как он ее в те годы воспринимает: «За Вами — публицистические долги в большом количестве (и вовсе не «трамвай» или «действительные статские советники»¹⁰⁸. Так как Ваши воля, темперамент и интерес зовут Вас к изучению социологии и к публицистической деятельности, то Вы обязаны перед самим собою узнать русскую деревню, хотя бы отдельные места: во-первых, те, без которых нельзя узнать Россию вообще (т. е. Великороссию); во-вторых, те, среди которых жил и образовывался Ваш собственный род. . .» Это Западная Россия» (VIII, 346). Природу общественного темперамента Пяста, его публицистические интересы Блок связывает с тем, что Пяст для него — «западный человек»: от своего рода он «получил в наследство демонизм и волю, настроенную на европейский лад» (VIII, 346. Курсив мой. — З. М.)¹⁰⁹. Далее Блок настойчиво советует младшему другу вступить на путь, на котором можно сплавить воедино «западные» и «русские» черты личности; только так в Пясте сможет вывиться «сверхевропейский» лик человека будущего: «Вы < . . . > недостаточно ярко представляете себе, что может дать познание деревни, до какой степени оно может изменить врожденный демонизм < . . . >, изменить в двух направлениях: или убить его, т. е. разбить всякую волю, сделать человека русским в чеховском смысле (или Рудинском, что ли); или — удесятерить его, т. е. обострить волю, настроить ее, может быть, на «сверхевропейский лад» — VIII, 346).

Итак, Пяст для Блока — «западный человек». Эта характеристика постоянно повторяется. Так, в дневниковой записи от 10 ноября 1911 г. Блок упоминает Пяста (рядом с Э. По, З. Гиппиус и Пушкиным) в числе людей, связанных с «демократией» и культурным «американизмом» (VII, 85). Ср. чуть более раннюю запись: Пяст — «западник» (VII, 70) и др. В этой характеристике есть и сопоставление поляка Пяста с Блоком, хорошо помнившим о немецкой крови отца (ср. образ Отца — «демона» в «Возмездии»), и существенное противопоставление: себя как носителя определенного мироощущения («неославянофильства», «неонародничества»), как воплощение определенного культурного типа, Блок считал Русским, Пяста («западника») — нет¹¹⁰.

Отсюда — и некоторые особые надежды, которые Блок возлагает на Пяста, и «образ Пяста» в блоковском сознании (косвенно отразившийся и в его творчестве).

Пяст для Блока — одновременно и «стриндберговский» «сильный человек» (подчеркивается воля, индивидуалистический «демонизм», сила логики, а также общественный темперамент, интерес к политике, в целом чуждые Блоку¹¹¹), и «стриндберговский» же «демократ» (подчеркиваются «западные» скромность, трудолюбие, тяжелая борьба с окружающим «адам»). Первое вызывает уважение и неизбывный интерес к другу, второе — ту «нежную заботливость»¹¹², о которой Пяст помнил всю жизнь. Любопытно (и очень характерно для Блока!), что такое понимание Пяста влечет за собой уважение как раз к тем чертам его личности, которые порождают взгляды, столь Блоку после 1911 г. чуждые, — оставшуюся на всю жизнь верность «заветам символизма». Эта верность навсегда позволяет Блоку разглядеть скромную рыцарственность, «недвижную» принципиальность Пяста (ср. более ранний образ «неподвижного рыцаря — Запада» — V, 89)¹¹³. Столь же важны и сила энтузиазма, «серьезность» без фальши и апломба, далекость Пяста от разъ-

едающей душу иронию, столь резко критиковавшейся Блоком (ср., «Ирония» и др. статьи 1907—1908 гг.).

Именно по этим признакам Пяст в сознании Блока противопоставляется «Вячеславу Великолепному» с его «вождизмом», интересом к «школам», а не людям, готовностью «лукаво» приспособливаться к мнениям собеседника, «женственной» уклончивостью, комнатностью. Само сопоставление Пяста с Вяч. Ивановым — одним из лидеров течения, столь важным для Блока в 1905—1907 гг. (см. VIII, 386—388), показывает, какое место занимает теперь Пяст в его духовном мире. Противопоставление особенно интересно тем, что в области взглядов, мировоззрения («западничество», верность «заветам символизма») и по личным симпатиям Пяст был близок к Вяч. Иванову.

Все эти человеческие впечатления вливались в единое русло творческого мироосмысления Блока. И хотя Блок 1910-х годов упоминает Пяста (кроме писем, дневника и записных книжек, где его имя мелькает постоянно) только в статье «Памяти Августа Стриндберга» и в «Автобиографии» (1915), отблески бесед с Пястом и мыслей о нем отчетливо видны в блоковском творчестве этих лет.

Приведем лишь два примера. Пяст, вспоминая отчима Блока, Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттуха — «скромнейшего, болезненного человека», пишет: «Блок мне признавался, что я верно отгадал, что «Рыцаря-Несчастье» (Бертрана) из «Розы и Креста» он списал главным образом с него»¹¹⁴.

«Признание» Блока не носит, конечно, абсолютного характера. Образы позднего Блока полигенетичны — имеют всегда несколько источников. Так, очевидна связь образа Бертрана с западноевропейской рыцарской литературой, с пушкинскими образами «Рыцаря бедного» и Франца из «Сцен из рыцарских времен»¹¹⁵. Но главные черты образа: демократизм, скромность, преданность идеалу, мужество и неудачливость в борьбе с Рокком — вводят его в тот самый круг «стриндберговских героев», сквозь призму которых Блок воспринимал и Пяста. Пяст к тому же, как и Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух, «западный человек» — поляк. Образ лирического «я» как застенчивого, неловкого, «смешного» рыцаря Блок мог встретить в хорошо знакомых ему стихотворениях «Ограда»:

Залились неестественной краской
Опушенные щеки твои.
.....
Я смотрела, какой ты смешной.

У героя Пяста — «неловкая речь»¹¹⁶, и он действительно напоминает «Рыцаря-Несчастье»¹¹⁷. Следует подчеркнуть, что речь никоим образом не идет о влиянии образов лирики Пяста на «Розу и Крест» и лишь в известной мере — о Пясте (вернее об «образе Пяста» в сознании Блока) как об одном из прототипов Бертрана. Но общая значимость впечатлений от облика и характера Пяста (как и от блоковского отчима или от «стриндберговского героя» — демократа) для создания образа [«Рыцаря-Несчастье» очевидна.

Еще более опосредованна связь «образа Пяста» с проблематикой «Возмездия». Однако и здесь следует отметить, что важнейшие мотивы поэмы («польская тема» как тема «демонической» воли к возмездию и свобода; тема рода, всегда связанная для Блока с западноевропейской литературой: «Праматерью» Грильпарцера, творчеством Стриндберга, «Руго-Маккарами» Золя, — а также уже отмечавшаяся проблема «*éducation sentimentale*») зарождались в атмосфере постоянных общений с Пястом, бесед с ним и мыслей о нем, о его связях с Польшей — *славянской Европой*. И если себя Блок осмыслял в образе «русского дворянского интеллигента» — Сына, «подсвеченном» персонажами Флобера и отчасти «слабым человеком» Стриндберга, то Пяст, его облик и настроения незримо, но вполне ощутимо присутствуют в польских образах «Варшавской поэмы».

Назвав Пяста в числе ближайших друзей, Блок скорее противопоставил, чем сопоставил отношения с ним и свою прошлую дружбу с Белым. Отношения с Пястом, считал он, проще, внутренне честнее, человечнее — это отношения людей, а не элитарный союз избранных. Блок не случайно назвал Пяста в «Памяти Августа Стриндберга» «товарищем», воздав в этой же статье восторженную хвалу «товариществу» (как типичной связи стриндберговских «новых людей»): с этим именем «связаны заветные мысли о демократии; это — самое человеческое имя сейчас <...>, открытый и честный взгляд; правда, легко высказываемая в глаза <...> пожатие широкой и грубой руки» (V, 468). Пяст и был для

Блока другом — «товарищем», разделяющим «земной юдоли//Невеселые труды» (III, 84). Более того: главный «пафос» дружбы с Пястом для Блока состоял именно в том, что это были новые для него «товарищеские» отношения — «земные», демократичные и глубоко человеческие. Практически все сказанное оборачивалось, как правило, неустанными заботами Блока о больном и неустроенном «товарище», волнениями по поводу его призыва в армию (см. VIII, 465; ЗК, 247), психического заболевания (см. VII, 234; ЗК, 250—251, 253), устройством его произведений в печать¹¹⁸, помощью в дни выздоровления Пяста¹¹⁹, сочувственными размышлениями о тяжелой семейной жизни Пяста (разлад в семье, попытка развода с Н. А. Пестовской, тяжесть расставания с детьми и т. д., см. VII, 70, 87, 177, 192, 196, 197, 205, 211 и др.), денежной помощью (VII, 196) и т. д.¹²⁰ Блок и сейчас соединяет заботливость с суровой правдивостью: так, он говорит Пясту в 1915 г. о болезненности его психики, считая, что только знанием о болезни можно ее победить. Но теперь болезнь Пяста, как и сложность его жизни, не отталкивают Блока: «товарищество» основывается не только на глубине связей, но и на простой человеческой помощи. Болезнь Пяста не мешает Блоку остро чувствовать духовно-прекрасное в нем: его постоянный духовный накал, энтузиазм, скромное благородство, человечность, общительность, отсутствие позы и т. д.

И все же усиливающиеся расхождения во взглядах, «неправда», «заводившаяся» между Блоком и Пястом с лета 1912 г., не могли не сказаться на их отношениях. Различия в оценке символизма и в его понимании теперь (в отличие от 1905—1907 гг.) существенной роли не играют: Блока слишком мало волнуют нюансы истолкования символизма как «школы в искусстве». Но очень разное отношение к проблеме «Россия и Запад» оказывается важнейшей причиной подготавливающегося разрыва.

Уже в конце 1911 г. Блок отмечает: «С Пястом о «политике» — «о славянофильстве и западничестве» — какой-то постоянно возникающий и невытанцовывающийся разговор, от которого маленькая Люба хочет спать, говорит, что он похож на игру в шахматы» (26 октября 1911 г. — VII, 77). Принципиально важна для понимания этих разногласий дневниковая запись от 22 декабря 1911 г. об одном из разговоров с Пястом — как всегда, «до 3-х часов» ночи (VII, 104). Идущим от Вл. Соловьева и отчасти от Достоевского мыслям Пяста (и Вяч. Иванова) о единой «всечеловеческой» культуре, о русском человеке как причастном всемирной жизни Блок противопоставляет «свое». При всей близости России к «путям» Запада и Востока, главный путь у нее — особый: «С запада и с востока блаженство — там не пути, но разветвления наших путей. < . . . Слишком большие уклонения, извивы пути (всепонимание, вселюбовь) создают холодный ужас < . . . , безумие». При всей жизненной важности европейского опыта, считает Блок, он неизбежно воспринимается русским человеком иначе, чем свой, — менее «человечески», более отчужденно и эстетизированно: «Больно, когда падает родная береза в дедовском саду. Но приятно, сладко, когда Галилея и Бруно сжигают на костре, когда Сервантес изранен в боях, когда Данте умирает на паперти» (VII, 104). Родина как высшая нравственная ценность остро ощущается в момент смерти: «Приходит возраст (в свое время), когда всепонимание само прекращается, когда над бедным шоссеиным путем протягивается костяной перст, и черную рясу треплет родной ветер. Потом проходит и родное (родина). . .» (VII, 105). Кардинальная важность для Блока этих мыслей проявилась, в частности, в том, что они позже воплотились в центральном цикле «третьего тома» — «Родина» (ср. в особенности «Ветер стих, и слава зарева» — август 1914 г.; III, 271, — и «Последнее напутствие» — 14 мая 1914; III, 272—273).

Пяст воспринимает позицию Блока как близкую к националистической — Блок считает миросозерцание Пяста «западническим» и ненародным. Особенно усиливаются разногласия в годы первой мировой войны. «Я знаю, — пишет Пяст 27 октября 1914 г. Г. И. Чулкову, — Ваше непримиримое отношение к западу, которое с Вами разделяет и Блок». Пяст же считает, что «если *Ex oriente lux*, то не менее прекрасна и закатная заря» западной культуры¹²¹. «В жар и в холод одновременно, — пишет он, — бросила меня одна фраза Блока в начале войны: «Ваши игрушечные Бельгия и Швеция»¹²². Обе позиции, однако, не могут быть оценены однозначно. Не следует забывать, что если настроения Блока 1910-х годов действительно порой окрашивались националистически (ср. идеи «желтой опасности»), то им была присуща и безошибочная стихийно-демократическая реакция на события, в данном случае — ослабленность с самых первых дней войны оборо-

ческих иллюзий, отсутствие любви к «союзникам». Пяст же, напротив, с самого начала войны встал на последовательно оборонческие позиции¹²³ и им не изменял. Блок, уважая искренность чувств Пяста («его заслуга — в том, что он восхищался «тем, чем «все» восхищались мелко и поддельно, — глубоко и неподдельно» — ЗК, 283—284), никак не мог их разделять. Напротив, наивный патриотизм Пяста помогает Блоку четче сформулировать его собственную, уже весьма к этому времени (6 марта 1916 г.) скептическую точку зрения.

Усиливается и давнее неприятие определенных сторон жизни друг друга. Так, Пяст не понимает самой сути блоковского протестующего «самосжигания», сводит его к серии поступков странных, почти анекдотических, а в плане серьезном — к «демону извращенности» (образ Э. По): «Мы спросили как-то вдвоем с ним себе устриц. Я признался в своей любви к ним. Блок тоже, но при этом сказал: «Знаете? Ведь устрицы *полезны*. В них железо и так далее. Но в этом их трагедия!»

Трагедия, собственно, не устриц, но их потребителей, конечно. И это очень характерно для него и демона извращенности в нем. Полезность кушанья, то есть то, что при другой (нормальной?) психологии служило бы свойством, оправдывающим в собственных глазах пристрастие к нему, Блоку казалось, наоборот, свойством трагическим и было для него непереносимо (. . .) Блок признавал чай, крепкий, как кофе; вино, бессонные ночи, острое, пряное — все оттого, что это было *редно*¹²⁴. В этом же тоне глубокого непонимания Пяст рассказывает о стремлении Блока как можно скорее растратить небольшое наследство, полученное после смерти отца¹²⁵, и т. д. Конечно, Пяст слишком романтик, чтобы не видеть связи подобного «извращенного» поведения Блока с его гениальностью, и слишком любит его, чтобы «осуждать». Но Пяст все же, видимо, пытается как-то воздействовать на Блока (ср. их беседу весной 1911 г., во время поездки в Сестрорецк, о «*sa voir vivre*», VIII, 340—341). Все это приводило, однако, лишь к росту взаимного непонимания, после начала войны не раз выливавшегося в чувство отчужденности. Пяст жалуется на блоковское «угрюмство нелюдимое»¹²⁶ — встречи постепенно сокращаются (порой вынужденно: в конце 1914—начале 1915 г. из-за ухода Пяста в действующую армию и его болезни, с осени 1916 г. — из-за отъезда в армию Блока), письма становятся все короче. За всеми случайными инцидентами вырисовывается постепенно основная несовместимость «западнического» либерализма и оборончества Пяста (особенно выявившихся после Февраля) и революционного максимализма и антивоенного пафоса Блока, традиционного «гуманизма» Пяста — и блоковских прозрений о «колоколе антигуманизма» (VI, 114), пястовского тяготения к политике, логизму и упорядоченности (противостоящих его болезни) — и блоковского утверждения права личности на протестующую гибель — все то, что делало Пяста в глазах Блока «европейцем», а Блока в глазах Пяста — гением, пораженным «демоном извращенности»¹²⁷.

Встречи 1917 г. (после возвращения Блока 19 марта 1917 г. в Петроград) достаточно часты, но явно холоднее прежних. После Октября наступает полный разрыв: Пяст, не принявший революции, печатно отказывается выступать на вечере, где Л. Д. Блок читала «Двенадцать»¹²⁸, прекращает знакомство с Блоком — «не подает ему руки»¹²⁹. Правда, некоторые контакты сохраняются: Пяст отдает Блоку долг, берет и возвращает ему одну из своих неопубликованных рукописей¹³⁰; они постоянно «видятся» в издательстве «Всемирная литература», в «Союзе поэтов», «Доме искусств» — «но не кланяются друг другу»¹³¹. Для обоих этот разрыв очень тяжел. Блок продолжает быть к Пясту «благожелательным», готовым к помощи¹³². Весной 1921 г. (апрель) общие друзья мирят их¹³³, так как, по словам Пяста, «платформы» наши вновь сблизились»¹³⁴. После этого Блок и Пяст несколько раз встречаются и один раз даже ведут какой-то долгий разговор на «личную тему», волновавшую Пяста¹³⁵. Однако ни следа прежней близости уже нет.

Пяст остался в жизни Блока как его приятель 1905—1907 гг., ближайший «товарищ»-друг в 1910-х годах и человек, неизменно отходивший от поэта в годы его максималистских «*élans*» к народу и революции. Блоковский поэтический «миф о дружбе» был безусловно сильно обогащен его «товариществом» с Пястом. Вместе с тем сама поэтическая концепция «дружб» как этапов на трагическом и героическом незавершенном «пути» поэта к «*Vita nuova*» в отношениях с Пястом полностью подтвердила заключенную в ней художественную и человеческую Правду.

* * *

Письма Блока к Пясту публиковались Пястом неоднократно, начиная с 1923 г. (4 письма: от 7.V.1906, 24.V.1911, 19 (6). VII.1913 и 6.IV.1915 — появились в журнале «Петроград», 1923, № 6; 1 письмо от 6.VI.1911 — в «Литературном еженедельнике», 1923, № 31, и 1 письмо — в журнале «Звезда», 1931, № 10). 21 письмо было впервые опубликовано в кн.: Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб., «Атеней», 1923, с. 81—105; там же — перепечатка опубликованных ранее писем. Из названных 27 писем Блока, опубликованных Пястом, в 8-томное собрание сочинений вошли тринадцать: 1) 7.V.1906 (VIII, 154—155), 2) 15.X.1906 (VIII, 163—164), 3) 24.VII.1908 (VIII, 249), 4) 20.VIII.1909 (VIII, 291—292), 5) 23.I.1911 (VIII, 327—328), 6) 24.V.1911 (VIII, 337—338), 7) 29.V.1911 (VIII, 339—341), 8) 6.VI.1911 (VIII, 345—347), 9) 3.VII.1911 (VIII, 349—350), 10) 27.XI.1911 (VIII, 379), 11) 19 (6). VII.1913 (VIII, 424), 12) 6.IV.1915 (VIII, 443—444) и 13) 26.IV.1915 (VIII, 445—446). Все эти письма ввиду их достаточно широкой доступности здесь не перепечатываются, а лишь используются в комментариях, чтобы сохранить «диалогический» характер переписки.

Однако ряд писем Блока к Пясту, публикуемых ниже (в основном — небольшие по объему записки), не был напечатан Пястом. Часть из них через собрание Ю. А. Бахрушина попала в ЦГАЛИ (15 записок: от 14 и 27.XI.1906, 10.I и 12.X.1907, 13.XII.1908, 25.XI.1909, 17.II и 29.VI.1911, 1, 6 и 22.IV, 31.V, 21.VII, 30.XII.1912, 3.III.1913), часть — через собрание А. Е. Бурцева — в рукописное собрание ЦРЛИ АН СССР (Пушкинского дома) (5 записок: 24.X.1911, 8.I, 15 и 18 XII, 1912, 30.I.1914); 3 записки (8.II.1906, 10 и 12.IV.1915) хранятся в ГПБ в Ленинграде, 2 (от 24.V.1906 и от середины декабря 1908 г.) — в Государственном литературном музее. Одна записка Блока от середины января 1915 г. (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 102) остается неразысканной (ср.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. I. М., 1975, с. 342—350. В нашей публикации, в связи с необходимостью комментария перепечатано также несколько записок, приведенных в указ. каталоге.

Письма Пяста к Блоку, хранившиеся в 1920-х годах у Л. Д. Блок, Пяст на время брал себе, работая над книгами «Воспоминания...» и «Встречи», т. е. около 1923 и 1929 гг. (ср. упоминания и краткие выдержки из них в «Воспоминаниях», с. 89, 92, 100, 106). Полностью он привел лишь одно письмо — от 3 декабря 1912 г. Остальные письма не печатались. Публикуются по оригиналам (ЦГАЛИ; ф. 55, оп. 1, ед. хр. 375).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. стихотворение «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» (III, 156).

² Так, например, мотивы юношеской элитарной дружбы, затем враждующих двойников, а в конце 1900-х и в 1910-х годах — тема воспоминаний об ушедшей духовной близости в большинстве случаев, как известно, навеяны отношениями с Белым; мотив «друга-предателя» во многом определен поведением Г. Чулкова и т. д.

³ Так, ранние (1898—1903) стихотворения Блока о дружбе («Ты много жил, я больше пел...», «Так. Я знал. И ты задул...», «Дали слепы, дни безгневы...» и др.), включенные в «трилогию», создавая образ мистической «Первой дружбы», как бы рисуют исходную ситуацию духовного и жизненного пути «я». Творчество 1903—1907 гг. (лирика, драма «Балаганчик»), а также примыкающие к ним позднейшие стихотворения: «Друзьям», «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» и драма «Песня Судьбы» (ср. особенно ранние редакции) в «трилогии» отображают коллизии периода разрушенных человеческих связей. Наконец, в ряде стихотворений начала 1910-х годов встречаем попытку включить историю «дружб» в целостный поэтический «миф о пути» («Как свершилось, как случилось?...»), мысли о «товарищеском» долге («Соловиный сад»). Что касается темы будущих отношений «человека-артиста» с людьми и миром, то она получает наиболее полное выражение уже за пределами «трилогии» — в послеоктябрьском творчестве Блока («Двенадцать», «Скифы», особенно же — «Крушение гуманизма»).

⁴ Письма Блока к Е. П. Иванову опубликованы в кн.: «Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. С приложением писем Ал. Блока к М. П. Ивановой и «Петербургской поэмы» Блока». Редакция и предисловие Ц. Вольпе. Подготовка текста и комментарии А. Космана. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936. См. также: «Воспоминания и записки Евгения Иванова об Александре Блоке». Публикация Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова («Блоковский сб.», 2, с. 344—424); «А. А. Блок. Письма к В. А. Зоргенфрею». Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. — «Русская литература», 1979, № 1. Переписка Блока с А. В. Гишпиусом публикуется в наст. томе.

⁵ Тема «Блок и Пяст» не была еще предметом научного рассмотрения, однако внешняя канва отношений художников четко и подробно очерчена самим Пястом. См.:

Вл. П я с т. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб., «Атенеи», 1923; Вл. П я с т. Встречи. М., «Федерация», 1929.

⁶ В ГПБ хранится «Автобиография» Пяста (ф. 474, альбом № 2).

⁷ См.: А. Б е л ы й. Начало века. М.—Л., ГИХЛ, 1933, с. 449. Об отце Вл. Пяст подробно пишет в своей поздней (1930-е годы) автобиографии: он «был энтомологом по образованию, чиновником по роду деятельности», человеком искусства — по кругу интересов. А. Пяст писал «до сорока лет плохие русские и отличные латинские стихи, с сорока же лет писал и русские хорошие < . . . ». Почти всю жизнь отец мой любительствовал как актер (в театре за Нарвской заставой, у режиссера Е. П. Карпова). Дома, по вечерам, он «читал вслух стихи. Знал их великое множество. Больше всего любил Пушкина, Фета, Ал. Толстого, Майкова». На квартире Пястов устраивались домашние вечера. (Вл. П я с т. Автобиография, л. 122).

⁸ См.: «Л. А. Мей и его поэзия». Ред. и статья Вл. Пяста. СПб., «Парфенон», 1922, с. 4. На одном из концертов в квартире Пяста П. А. Стрепетова читала отрывки из «Москвитянки» Л. А. Мей; чтение произвело на тринадцатилетнего Пяста «неоисусемое впечатление», «точно слушал я ангельские хоры» (Вл. П я с т. Автобиография, Л., 123 об.). Отсюда и началось увлечение Меем.

⁹ См.: Вл. П я с т. Поэма в тонах. М., «Пегас», 1911, с. 5. В 1899 г. тринадцатилетний Пяст находит «в огромной бабушкиной библиотеке» переводы произведений Э. По. Они, — пишет Пяст, — «произвели в моей душе настоящий переворот. Все, что было в них < . . . », казалось мне поистине нечеловеческим, находящимся вне трех измерений, не набранным в типографии, но откуда-то из бездны, из потустороннего, выброшенным в этот мир». Пяст первоначально заболевает, и лишь постепенно «шахматы, спокойный Мей, летом плаванье, скачки, прогулки» излечивают его «от первого приступа «эдгаршоизма» («Автобиография», л. 124 об.).

¹⁰ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 42192 («Студенческое дело В. А. Пестовского»), л. 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Правда, сам Пяст пишет, что женился в 1906 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Сам Пяст, однако, пишет, что окончил университет в 1910 г. («Автобиография», л. 127).

¹⁵ См.: «Вопросы жизни», 1905, № 6; «Свободная совесть», кн. 2. М., 1906; «Корабли». М., 1907; «Цветник Ор». Кошница первая. СПб., «Оры», 1907; «Белые ночи», Петербургский альманах. СПб., 1907; «Антология». М., «Мусагет», 1911; «Сирия», сб. 2. СПб., 1913; «Пряник осиротевшим детям». Пг., 1914; «Бельгийский сборник». Пг., 1915; Сб. «В год войны». Артист — солдату. Пб., 1915; «Альманах муз». Пб., «Фелака», 1916.

¹⁶ Вл. П я с т. Ограда. Книга стихов. СПб., Тов-во М. О. Вольф, 1909 (переиздано: Вл. П я с т. Ограда. Первая книга лирики. Берлин — Пб. — М., изд. З. И. Гржебина, 1922).

¹⁷ Вл. П я с т. Поэма в тонах. М., «Пегас», 1911. Не удовлетворенный поэмой, Пяст пытается сжечь весь тираж («Автобиография», л. 127). Часть тиража, однако, сохранилась.

¹⁸ См. статьи о В. Брюсове, Вяч. Иванове и Андрее Белом в кн.: «Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Под ред. Модеста Гофмана. СПб. и М., изд. Тов-ва М. О. Вольф, <1909>; а также: Вл. П я с т. «Стихи о Прекрасной Даме». — «Аполлон», 1911, № 8, с. 68—71; Стилист-рассказчик. Критическая заметка Вл. Пяста. — «Известия книжного магазина Тов-ва М. О. Вольф», 1910, № 3, с. 82—84; Вл. П я с т. По поводу последней поэзии. — «Gaudeamus», 1911, № 4, с. 8—10; № 5, с. 8—11; Вл. П я с т. Государственный переворот (литерическая публицистика). — «Gaudeamus», 1911, № 9, с. 8—9; № 10, с. 8—11; П я с т. О. Мандельштам. Камень (рец.). — «День», 1916, № 20, 21 января, с. 5 и др.

¹⁹ Вл. П я с т. Нечто о каноне. — «Труды и дни», 1912, № 1, январь-февраль, с. 25—35.

²⁰ Основные псевдонимы Пяста в газетных статьях: В. П., Вл. П., Калугин, Б.; Калупин, Б.; Калупин, Б. Ф.; Омелянович, Павленко, Рустикус.

²¹ В. А. П я с т. Львиная часть. Вторая книга лирики. Берлин — Пб. — М., изд-е З. И. Гржебина, 1922; Вл. П я с т. Третья книга лирики. Берлин — Пб. — М., 1922.

²² Кроме уже упомянутых книг «Воспоминания о Блоке» (1923) и «Встречи» (1929), см.: П я с т. Памяти Блока. — «Вестник литературы», 1921, № 8; П я с т. О «первом томе» Блока. — О чтении Блоком стихов. — Сб. «Об Александре Блоке». Пб., «Картонный домик», 1921.

²³ Т и р с о д е М о л и н а. Дон Хиль Зеленые штаны. Берлин, «Петрополис», 1923 (там же — на с. 330 — сведения о неопубликованных переводах Пяста из Тирсо де Молина); Т и р с о д е М о л и н а. Театр. «Academia», 1934. Здесь опубликованы, кроме «Дон Хиль», также сделанные Пястом переводы пьес «Осужденный за недостаток веры» и «Севильский озорник, или Каменный гость».

²⁴ Вл. П я с т. Современное стиховедение. Ритмика. Изд-во писателей в Ленинграде, 1931 (см. рецензию Б. М. Эйхенбаума на рукопись этой книги (ГПБ, ф. 709), где ей дается в целом положительная оценка); О н ж е. Современный декламатор. М.—Л., «Книга», 1926.

- ²⁵ Н. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. — «Блоковский сб.», 1, с. 478.
- ²⁶ См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 20.
- ²⁷ Там же, с. 21.
- ²⁸ В. Пяст. Автобиография, л. 125.
- ²⁹ В. Пяст. Воспоминания, с. 20 и 7.
- ³⁰ Там же, с. 20.
- ³¹ Там же, с. 25.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, с. 24.
- ³⁴ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 7. Вл. Пяст и его родители в это время жили в одном доме с Мерезковскими.
- ³⁵ Вл. Пяст. Встречи, с. 67.
- ³⁶ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 32.
- ³⁷ О Б. В. Никольском и руководимом им студенческим кружке см.: В. И. Беззубов, С. Г. Исаков. Блок — участник студенческого сборника. — «Блоковский сб.», 2, с. 325—331.
- ³⁸ Вл. Пяст. Встречи, с. 72.
- ³⁹ Там же, с. 115.
- ⁴⁰ Названия групп, разумеется, условны: речь идет лишь о выделении «левых» студентов с преимущественно политическими и социальными интересами — и тех, кто был занят «чисто» эстетическими вопросами. С. Городецкий занимал промежуточную позицию.
- ⁴¹ См. ниже, прим. 50 и след.
- ⁴² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 35. См. также: Вл. Пяст. Поэма в венах, с. 11.
- ⁴³ Вл. Пяст. Ограда. Книга стихов. Изд. тов-ва М. О. Вольф, 1909, с. 23.
- ⁴⁴ Там же, с. 17.
- ⁴⁵ Там же, с. 21.
- ⁴⁶ Там же, с. 53—54.
- ⁴⁷ Например, в статье о В. Брюсове Пяст вполне соглашается с его представлением о том, что каждая «книга стихов должна быть <: .> замкнутым целым» («Книга о русских поэтах последнего десятилетия». СПб. и М., <1909>, с. 66).
- ⁴⁸ Ср. полуиронические слова А. Белого о первом впечатлении от Пяста: «Очень чопорный, нервный и бледный; несет караул перед лозунгами символизма» (А. Белый. Начало века. М.—Л., ГИХЛ, 1933, с. 449).
- ⁴⁹ Инициатор создания «Книги» — М. Гофман, основные участники — Гофман, Пяст и Б. Дикс (все — из «Кружка молодых»). По одной статье написали А. Попов, Л. Лернер и Вал. Брюсов. Редакция оговорила свое неполное согласие со статьей А. Попова о Минском, подчеркнув тем самым наличие в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» единой редакционной точки зрения.
- ⁵⁰ «Книга о русских поэтах последнего десятилетия», с. 28.
- ⁵¹ Там же, с. 20.
- ⁵² Там же, с. 31.
- ⁵³ Там же, с. 65—66.
- ⁵⁴ Ср.: Имя Вяч. Иванова «становится новым звеном в цепи дорогих сердцу имен, протянувшихся через нашу родную литературу» («Книга о русских поэтах последнего десятилетия», с. 267).
- ⁵⁵ Там же, с. 270.
- ⁵⁶ Там же, с. 269.
- ⁵⁷ Там же, с. 144.
- ⁵⁸ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 38.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ «23 сентября» 1908 г. клинический военный госпиталь уведомил ректора университета о том, что 20 сентября с Финляндского вокзала был доставлен Пестовский «с ушибленной раной головы». Пострадавший утверждал, что «раны причинены ему наехавшим поездом». Жена Пестовского сообщила, что муж «прежде страдал какой-то формой психоза и совершил попытку на самоубийство под влиянием такового» (ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 42192, Студенческое дело В. Пестовского, л. 1).
- ⁶¹ Ср. запись о позднейшем периоде жизни Пяста: «Он был весь комком туго и беспорядочно завязанных нервов, и беседа с ним, как бы ни была она интересна, утомляла до чрезвычайности» (Всеволод Рождественский. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. Л., 1962, с. 201).
- ⁶² Так, Блок, по словам Пяста, отказывается слушать его рассказы о только что прошедшей душевной болезни (1906): «Александр Александрович сказал: «Ведь это все не кончилось, я знаю. Не надо же, нельзя рассказывать пока» (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 37).
- ⁶³ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 38.
- ⁶⁴ Особенно тесно сближались в эти годы «миры» Пяста и Блока через М. Гофмана, взгляды которого на литературу были очень близки Пясту, но идеи «сборного индивидуализма» в чем-то соприкасались с блоковскими поисками 1907—1908 гг. По свидетельству Пяста, Блок в 1906—1907 гг. часто бывал у М. Гофмана («Воспоминания», с. 38; «Встречи», с. 127—128). Тема «Блок и М. Гофман» еще ждет исследования.

⁶⁵ См. письма Блока от 24.VII.1908 (VIII, 249) и 20.VIII.1909 (VIII, 291—292), письмо Пяста от 14 (?). X.1907.

⁶⁶ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 43.

⁶⁷ Одним из знаков апогея нового сближения Блока с Пястом явилось посвящение Пясту 27 декабря 1911 г. ранее (1908) написанного стихотворения «Май жестокий с белыми ночами».

⁶⁸ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 46.

⁶⁹ См. мою статью «Ал. Блок и русский символизм» в наст. томе.

⁷⁰ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 22, 52—58 и др.; Блок. VII, 70, 75, 77, 87, 94, 101, 136, 140, 144 и мн. др.

⁷¹ См. письма Блока от 23.I.1911 (VIII, 327—328), 6.II.1911 (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 88), 14.II.1911 (там же), 24.V.1911 (VIII, 337—338), 29.V.1911 (VIII, 339—341), 6.VI.1911 (VIII, 345—347), 3.VII.1911 (VIII, 349—350), 5.VIII.1911 (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 96), 19.IX.1911 (там же), 27.XI.1911 (VIII, 379), 23.I.1912 (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 98), 13.IV.1912 (там же), 14.IV.1912 (там же, с. 99), 29.V.1912 (там же), 14.XII.1912 (там же, с. 100). См. также письма Пяста 4—13. Следует помнить, что переписка почти прекращалась зимой, как только Блок возвращался в Петербург, но сменялась почти ежедневными встречами и разговорами по телефону (ср.: Блок. VIII, 168, 177, 183, 185 и мн. др.).

⁷² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 43; Встречи, с. 160—161. Политические взгляды Евг. Аничкова, отличаясь в те годы неопределенной «левизной», не были устойчивыми: он считал себя марксистом, но сотрудничал и в кадетских изданиях, принимал участие в работе «Крестьянского союза» (ср.: Вл. Пяст. Встречи, с. 160).

⁷³ См.: Вл. Пяст. Встречи, с. 183—188 и VIII, 327.

⁷⁴ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 16.

⁷⁵ Видимо, мелочного честолюбия, «журнального» соперничества.

⁷⁶ Ср. письмо Блока от 6 февраля 1911 г. (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 88).

⁷⁷ В письме Э. К. Метгеру от 22 апреля 1912 г. Белый, видимо, оправдываясь, говорит, что статья Пяста вошла в «Труды и дни» только из-за «неприменного желания Иванова и Блока видеть ее в печати» (ГБЛ, ф. 167, ед. хр. 2.51, л. 1). Вл. Пяст сам знал о трениях, возникших при публикации его статьи, и о позиции Блока и Иванова.

⁷⁸ Вл. Пяст. Нечто о каноне, с. 27.

⁷⁹ Там же, с. 28.

⁸⁰ Там же, с. 31.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, с. 28.

⁸³ Там же, с. 33.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Ср.: «Чтобы выйти из заколдованного круга противоречий (. . .), мы должны создать самих себя. И единственная круча, по которой мы можем еще карабкаться, это мы сами.

На вершине нас ждет наше «я» (А. Белый. Символизм. Книга статей. М., «Мусaget», 1910, с. 453).

⁸⁷ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 60.

⁸⁸ Блок и Пяст «исходили (. . .) вдвоем Таракановку и Петровский остров, Петербургскую и Пески, Лесной и Екатеринбург — но более всего острова» (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 58).

⁸⁹ Там же, с. 54—58.

⁹⁰ Наум Ильич Идельсон (1885—?) окончил два факультета Санктпетербургского университета: юридический (1907) и физико-математический (по математическому отделению — 1908) (ЛГИА, Студенческое дело, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 39 837). Впоследствии служил юристом, был сослуживцем Блока по Инженерно-строительной дружине и Чрезвычайной следственной комиссии. В период службы в дружине Блок особого интереса к Идельсону не проявлял (см.: VIII, 467, а также чисто деловые упоминания: VIII, 471, 474, 481), но во время работы в Следственной комиссии характеризует его как «умного «западника» (VII, 260), отмечает «интересный разговор» (VII, 261) с ним, существенную разность позиций (ЗК, 347), по и известную общность взглядов и настроений (VII, 272, 281, 293, 294).

⁹¹ Борис Петрович Гуцин (1874—?) — студент-технолог, позже библиотечный работник. Блок знал Гуцина еще с 1904 г. (см. ЗК, 61). В письме к А. Белому от 7 апреля 1904 г. Блок характеризует Гуцина как «очень милого математика (и ученого)» (VIII, 100). Гуцин (как и Идельсон) был приятелем кузена Блока, Феликса Кублицкого-Плетух. Блок в 1910-х годах встречается с Гуциным (VII, 137), бродит с ним по городу (ЗК, 226), видит с ним у М. А. Бекетовой (VII, 206) и у матери (VII, 238; ЗК, 227, 251, 252, 257).

⁹² Инженер Николай Павлович Бычков был знаком Блоку и как муж В. П. Веригиной — подруги Л. Д. Блок. Ряд записей 1910-х годов говорит о заинтересовавших Блока и его жену замыслах Н. П. Бычкова по созданию драматического кружка (см. VII, 205, 216).

⁹³ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 51.

⁹⁴ Там же, с. 52. Неизмеримо ближе Идельсона, Гушина и Бычкова Блоку 1910-х годов стал (также связанный с миром техники и промышленности) М. И. Терещенко, основной темой бесед с которым было искусство (см. VII, 355).

⁹⁵ Вл. Пяст. Воспоминания, с. 44.

⁹⁶ Начало систематического чтения Блоком Стриндберга относится к концу 1910 г. (не ранее «второго знакомства» с Пястом) и длится более года; 27 декабря 1911 г. в дневнике Блока (VII, 111—112) появляется замысел, отчетливо связанный с кругом идей Стриндберга).

⁹⁷ О значении творчества А. Стриндберга и «стриндберговского героя» для Блока см. сообщения в четвертой книге наст. тома.

⁹⁸ По всей вероятности, Блок и Пяст читают Стриндберга по Полному собранию сочинений изд. Саблина (об этом издании и о других книгах Стриндберга в Петербургской библиотеке Блока 1910-х годов см.: Д. М. Шапыкин. Блок и Стриндберг. — «Вестник ЛГУ», № 2. Серия ист., яз. и лит. Вып. 1. Л., 1963), во всяком случае — по изданиям конца 1900-х годов. Так, Блок 29 мая 1911 г. упоминает роман «В шхерах» (ЗК, 181), ранний перевод которого носил заголовок «В пучинах» пер. со шведск. В. Фирсова. СПб., «Общественная польза», 1898); Вл. Пяст в письме от 6 февраля 1911 г. говорит о романе «Красная комната», в раннем переводе названном «В красной комнате» (пер. В. А. Москалевой, СПб., изд. П. Ф. Пантелеева, 1901) и т. д.

⁹⁹ См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 44; Встречи, с. 222—234. Сам Блок в это время ехать не хочет. «Совсем не могу сейчас ехать, нет никакого чувства», — с обычной прямотой пишет он Пясту 13 апреля 1912 г. (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 98). В своей «Автобиографии» Пяст вспоминает: «В 1912 году на 13 дней отправляюсь в Стокгольм, потому что умирает Август Стриндберг, ставший для меня к той поре наиболее значимым на земле человеком и писателем» (л. 126 об. Курсив мой. — З. М.). Там же — эпизод прихода Пяста в дом Стриндберга и передачи через служанку умирающему «привета от Блока» и своей книжечки «Поэмы в ногах» (л. 127).

¹⁰⁰ Ср.: В. Пяст. Воспоминания, с. 44; он же. Встречи, с. 241. Блок уже 27 июня пишет матери о предполагаемой роли Пяста в подготовке «Стриндберговского вечера» (VIII, 395).

¹⁰¹ См. публикацию.

¹⁰² Вл. Пяст. Воспоминания, с. 14. Свидетельство Пяста справедливо именно для Блока 1910-х годов.

¹⁰³ «Ночь бледнеет знакомой кудесницею. . .» (вошло в «Ограду», с. 92—93). См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 31.

¹⁰⁴ Идея этого журнала, просуществовавшего всего один год, возникла в «Кружке молодых» — однако в годы, когда Блок совсем отошел от кружка. Журнал соединял вяло-либеральные идеи сочувствия прогрессу, культуре, студенческому движению и т. д. с «эстетическими» тенденциями и был приостановлен после № 11, «вследствие индифферентного отношения молодежи к вопросам чистого искусства» («Gaudeamus», 1911, № 11, с. 1). В журнале печатались стихотворения Ал. Блока [«Из Гейне («Не знаю, что значит такое. . .)» — № 2, с. 9], В. Брюсова, Вяч. Иванова, М. Кузмина, С. Городецкого, а также вступающих в литературу в 1910-х годах А. Ахматовой, Вл. Нарбута, Г. Иванова и др. Пяст опубликовал в журнале «Gaudeamus» стихи (№ 5, с. 2) и статьи «По поводу последней поэзии» (№ 4, с. 8—10; № 5, с. 8—10) и «Государственный переворот» (№ 9, с. 8—9; № 10, с. 8—11).

¹⁰⁵ В. И. Нарбут. О Блоке. Ключки воспоминаний. — «Календарь искусств», Харьков, 1923. Сообщено Е. Литвин (см. наст. том, кн. 3). Ср. отрицательный отзыв Блока о стихах Пяста о Лигейе и Лигейе-Ровене (дневниковая запись от 28 октября 1912 г. — VII, 171).

¹⁰⁶ Вместе с тем, расходясь все больше в оценке символизма, Блок остается близок Пясту в ряде самых общих посылок подхода к искусству. Прежде всего их роднит представление об искусстве как отражении «духа жизни» и неприятие формального экспериментаторства. Критика акмеистического формализма в статье «По поводу последней поэзии» (1911) во многом предсказывает ход мыслей Блока в статье «Без божества, без вдохновенья» (1921).

Блок рекомендует Пяста в журналы «Русская молва» и «Русское слово». Пяст, однако, сообщает, что в первом из них, как «недостаточно радикальном», он не сотрудничал («Автобиография», л. 127). «Но в «Русском слове» я с 1912 г. сотрудничать хочу. Поместил там сначала (без подписи) несколько компилятивных статей» (л. 127 об.). И там же: «По рекомендации Блока становлюсь с начала 1914 года постоянным стихотворным критиком газеты «День».

¹⁰⁷ Визит Пяста все время откладывался и так и не состоялся из-за болезни.

¹⁰⁸ См. письмо Пяста от 2 июня 1911 г.

¹⁰⁹ Для Блока была очень существенна принадлежность Пяста к древнему роду польских королей Пястов с его «кровавой» и «демонической» наследственностью (ср. запись, датированную февралем-мартом 1911, — ЗК, 175—176).

¹¹⁰ Самоощущение Пяста было иным. «Родовое» (польско-дворянское) в себе Пяст чувствовал только как тяжелые пути наследственности, от которых надо, хотя, быть может, и невозможно, освободиться (ср. стих. «Первый сознательный отпрыск немых поколений. . .» — Вл. Пяст. Ограда, с. 30). Свои же «западнические» симпатии Пяст (в духе Вл. Соловьева и Вяч. Иванова) считал чертой русской интеллигенции.

¹¹¹ Отсюда — убежденность Блока в том, что Пяст — человек, «нужнейший <...> в <...> журнале» (VIII, 383), сменившая попытки конца 1910—начала 1911 г. убедить Пяста в их общей «нежурнальности». Ср. запись от 6 ноября 1911 г.: «Вечером он (Пяст. — З. М.) приходит опять, и мы говорим о стихах (а не о политике, как всегда в последнее время)» (VII, 84).

¹¹² Вл. П я с т. Воспоминания, с. 70.

¹¹³ Эту неизменность идеалов Пяст сохранил и после революции. Вс. Рождественский, живший в годы Гражданской войны, как и Пяст, в Доме искусств, вспоминает о нем как о «последнем из воинствующих символистов». «Полусумасшедший поэт Вл. Пяст» «был действительно похож на пророка», его позиция апологета символизма была исполнена своеобразной «монументальной величественности» (Всеволод Р о ж д е с т в е н с к и й. Страницы жизни, с. 200—201).

¹¹⁴ Вл. П я с т. Встречи, с. 68.

¹¹⁵ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Драма Александра Блока «Роза и Крест». Л., изд. ЛГУ, 1964; С. М. Б о н д и. Драмагургия Пушкина и русская драмагургия. — В сб.: «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Сб. научно-иссл. работ. Под ред. Д. Д. Благого п В. Я. Кирпотина. М.—Л., 1941; З. Г. М и н ц. Блок и Пушкин. — «Уч. зап. ТГУ». Вып. 306 («Тр. по русск. и слав. филол.» XXI. Литературоведение). Тарту, 1973.

¹¹⁶ Вл. П я с т. Ограда, с. 7 и 8.

¹¹⁷ Ср. «уродливый Пяст» в шуточных стихах эпохи Дома искусств (Н. П а в л о в и ч. Воспоминания об Александре Блоке, с. 474). «Некрасивость» Пяста — признак, родственник «немолодость» другого прототипа Бертрана — Ф. Ф. Кублицкого.

¹¹⁸ См.: Вл. П я с т. Воспоминания, с. 70; см. также: Б л о к. VII, 148, 168, 181, 184, 226, 227.

¹¹⁹ Вл. П я с т. Воспоминания, с. 71.

¹²⁰ Ср. эпитет «бедный», почти всегда сопровождающий упоминание имени Пяста (см. ЗК, 250, 473 и др.). Другое, столь же часто встречающееся определение — «милый» (ЗК, 313 и др.).

¹²¹ ГБЛ, ф. 371; 4.39, л. 3—4. Сообщено И. П. Якир.

¹²² Вл. П я с т. Воспоминания, с. 69.

¹²³ Ср.: Вл. П я с т. Бельгия. — «Бельгийский сборник». Пг., 1915, с. 15—16. Опубликованное непосредственно перед пястовским стихотворением Блока «Антверпен» резко противостоит ему отсутствием «союзнического» пафоса. В архиве Пяста сохранился черновик его статьи «1917 г.» «Cui prodest», ярко демонстрирующей его оборонческие настроения (ГПБ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 4).

¹²⁴ Вл. П я с т. Воспоминания, с. 67.

¹²⁵ Там же, с. 64. Во «Встречах» Пяста содержится свидетельство, что на деньги Блоков был создан театр в Териоках летом 1912 г. (с. 235).

¹²⁶ Вл. П я с т. Воспоминания, с. 54.

¹²⁷ Правда, в 1910-х годах Пяст уже сам, как и Блок, ведет богемную жизнь (ср. VII, 155 и др.). Однако, очевидно, для Пяста «загулы» имеют совсем иной смысл, чем для Блока.

¹²⁸ См. записи Блока от 11 и 13 мая 1918 г. (ЗК, 406), а также статью «Тоска по средине» («Дело народа», 1918, 10 мая, № 38).

¹²⁹ См.: Вл. П я с т. Воспоминания, с. 73; ср.: Б л о к. VIII, 371; ЗК, 414 и 436. Пяст относит «прекращение знакомства» к январю 1918 г., Блок отмечает первые «молчаливые встречи» с Пястом, который «не подал руки», 29 июня и 19 ноября 1918 г.

¹³⁰ Вл. П я с т. Воспоминания, с. 73—74; ср.: ЗК, 468 и 473.

¹³¹ Вл. П я с т. Воспоминания, с. 784.

¹³² Там же. Ср. эпизод: в 1919 г. Пяст по телефону просит Блока «поручиться перед властями за идейную аполитичность» его друга, «которого и Блок когда-то знал хорошо». Блок без промедления «исполнил эту просьбу» (В П я с т. «Воспоминания», с. 74). О неизменно теплом отношении Блока к Пясту и тяжелой жизни Пяста в годы гражданской войны в комнате Дома искусств подробно пишет Н. А. Павлович (см.: Н. А. П а в л о в и ч. Воспоминания об Александре Блоке, с. 477—478. Там же, с. 478—479, — о позднейшей жизни и о смерти Вл. Пяста).

¹³³ Вл. П я с т. Воспоминания, с. 74; Б л о к. VII, 369; ср.: Н. А. П а в л о в и ч. Воспоминания об Александре Блоке, с. 477—478.

¹³⁴ Вл. П я с т. Воспоминания, с. 74—75.

¹³⁵ Там же, с. 75—76.

1. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 8 февраля 1906 г.»

Милый Владимир Алексеевич.

Не придете ли в пятницу (10-ого) поговорить о кружке¹.

Надеюсь, что придет Городецкий. Он писал мне, что Вы, Юнгер² и Годин³ хотели устроить собрание в пятницу, но — нельзя (м. б., придут посторонние — что не мешает нам говорить, а главное, — нельзя уже всех изве-

стить). Решили уж собраться во вторник (14-ого). Между тем нам бы очень хорошо было поговорить о принципе приема в члены кружка.

Не кажется ли и Вам, что сначала большая замкнутость?

Если не заняты, приходите. Буду ждать.

Ваш Ал. Блок.

8 февраля 1906 г.

ГПБ, ф. 622, ед. хр. 9, л. 1.

Переписка Блока и Пяста началась осенью 1905 г.: «Прошел <...> октябрь <...>. Меня застает большим первое письмо Блока ко мне с приглашением к нему» (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 21. Упомянутое письмо Блока от 26 октября 1906 г. — там же, с. 81). Пяст на это письмо не ответил, так как, поправившись, сам пошел к Блоку в гости (там же, с. 22 и след.). Таким образом, публикуемый здесь текст — второе из писем Блока Пясту.

¹ Речь идет о студенческом «предварительном» «кружке молодых» (см. вступ. статью).

² В. А. Юнгер (1882—1918) — поэт, педагог, в 1900-х годах — студент, член «кружка молодых». Друзья С. М. Городецкого братья Юнгеры (поэт и архитектор) в 1906 г. считали себя марксистами и ратовали за демократизацию кружка.

³ Яков Владимирович Годин (1887—1954) — поэт, член этого же кружка. В 1908 г. опубликовал свою «Автобиографию» в «Альманахе молодых» (СПб., типо-лит. «Печатное искусство»), где была напечатана и автобиография Блока. Ср. там же: О р. О. Л., де «О. Л. Оршер». Автобиография великих, малых и крошечных писателей (Шаржи) — прописные отклики на автобиографии, в том числе А. Блока и Я. Година. См. воспоминания: Я. Година «Памятные встречи» (о встречах с Блоком в 1905 г. — «Литературная Удмуртия», 1958, № 1, с. 119—120).

2. ПЯСТ — БЛОКУ

München, 17 Mai 1906¹

Дорогой Александр Александрович.

Наудачу посылаю Вам письмо; может быть, его перешлют Вам, если Вы уехали². Не понимаю, как это каждый русский, имеющий свободное время и хоть очень немного неистраченных денег, не ездит — на месяц года через два — за границу³. Впрочем, может быть, только первая поездка так пленительна.

Берлин, по которому меня провез извозчик, прямо ослепил мои (думаю, широко раскрытые) глаза. Через четверть часа поезд умчал меня в Дрезден, где я был пьян трое суток. Только Мюнхен, где я наконец поселился в комнате (Schwabing, Marktstrasse, 6a, 11 r), не то что охладил, а скорее опшарил меня: по жаре я три дня отыскивал неуловимую русскую читальню и исчезающую перед носом квартиру. Теперь я остепенился, отдыхаю, «корреспондирую» по утрам, по вечерам читаю, днем осматриваю город (почти исключительно снаружи) и захожу в грандиозное и привлекательное здание Университета⁴. Впрочем, в число студентов не записался (кажется, уже теперь поздно), а для спокойствия совести уплачу некоторым профессорам гонорары. Вообще же там слушать лекции может, кажется, всякий. Верхнее платье оставляют в аудиториях, а лекторов встречают и провожают топаньем, что я сначала принял за бойкот. Несмотря на полное непонимание того, что говорят два немца рядом где-нибудь в кафе или на вокзале, — слышанные мною лекции я отлично понял: одна была по аналитической геометрии, другая по венецианской живописи, третья (профессора философии) по «драматургии в тесном смысле» (изъяснялось устройство сцены)⁵. Вот, я наболтал много, а о главном, о важном ничего не сказал. Если пришлете адрес летний, то, вероятно, мне удастся написать Вам что-нибудь иное. Во всяком случае пришлю Вам стихи, написанные мною частью в городе после нашего разговора 3-го апреля⁶, частью здесь (все в один день)⁷. Сдали Вы, наконец, экзамены?⁸ Заранее поздравляю. Жалею, что не удалось увидеться перед отъездом⁹. Хотя сам виноват, поленился написать и пришел поздно. Передайте Вашим мой привет и почтение. Не едет ли Борис Николаевич в Германию и не будет ли в Мюнхене?¹⁰ Если будет, то же грешно ему не зайти ко мне.

Адрес мой на второй странице.

Преданный Вам В. Пестовский

¹ Письмо, отправленное в период занятий Пяста в Мюнхенском университете (см. вступ. ст.), — первое письмо Вл. Пяста к Блоку. Публикуемому письму предшествует, кроме названных выше, маленькая записочка Блока от 6 апреля 1906 г., где он просит Пяста отменить его намечавшийся предотъездный визит из-за болезни Л. Д. Блок и предэкзаменационных занятий Блока (Вл. П я с т. Воспоминания, с. 81).

Дата письма из Мюнхена — по новому стилю.

² Речь идет об отъезде Блока в Шахматово. Из ответного сообщения Блока 7 (21) мая 1906 г. следует, что Блок получил первое письмо Пяста в Петербурге, так как его отъезд из города задержался из-за сдачи государственных экзаменов (см. VIII, 154).

³ О реакции Блока на высокую оценку Пястом Европы см. вступ. ст.

⁴ В автобиографической поэме Пяст детально описывает впечатления от «царственного Берлина» (Вл. П я с т. Поэма в ногах. М., «Пегас», 1911, с. 15), Дрездена с его знаменитой картинной галереей и «вечно-девственной Сикстинской Мадонной» (там же), от Мюнхенского университета (там же, с. 19). Впрочем, свои впечатления 1906 г. Пяст 1910-х годов склонен считать несколько преувеличенными, объясняя их яркостью первого знакомства с Европой («Не видел Запада — таким он показался» — там же, с. 15).

⁵ Несколько иначе — в поэме Пяста:

...Эти лекции описывать не буду —
Я мало понял в них (там же, с. 19)

⁶ Разговор Блока и Пяста 3 апреля 1906 г. принадлежал к числу важных для обоих. Ср. в ответном письме Блока от 7 мая: «Мы хорошо поговорили с Вами в последний раз» (VIII, 154). Содержание разговора можно было бы частично реконструировать по тексту стихотворений Пяста, написанных в городе сразу после разговора. Однако стихотворения этих лет (в сборнике «Отрада») большей частью не датированы и расположены по разделам, а не в прямой хронологической последовательности; местонахождение же этих рукописей Пяста неизвестно.

⁷ В Германии написаны стихотворения «На пути», «Im englischen Garten».

⁸ О результатах государственных экзаменов Блок сообщает Пясту в ответном письме от 7 мая.

⁹ Ср. в том же ответном письме Блока от 7 мая 1906 г.: «Может быть, в следующий <раз, во время разговора> так не вышло бы и многое бы затуманилось, потому я только внешне жалею, что мы не простились. В тот день, как и во многие другие, я, кажется, уходил «пить красное вино» (пишу в кавычках, потому что этот процесс стал для меня уже строгой формулой, из которой следуют многие теоретические выводы)» (VIII, 155).

¹⁰ В ответном письме Блока читаем: «Борис Николаевич <А. Белый>, кажется, в Мюнхене не будет» (VIII, 154).

3. БЛОК И А. А. КОНДРАТЬЕВ — ПЯСТУ

«Петербург. 24 октября 1906 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич! ¹

Мы с А. А. Кондратьевым ² пишем совместно и разными почерками (каждый своим) и просим Вас завтра в среду прийти ³ не на Лахтинскую к Блоку, а на Галерную (48, кв. 14) к Кондратьеву.

А. Б.

Пожалуйста, приходите, и со стихами.

Ал. Кондратьев.

Завтра условимся, когда Вы соберетесь ко мне.

Ваш Ал. Блок

24 окт<ября>

ГЛМ, ф. 8, № оф 4553/1.

Открытка. Дата имеется на почтовом штемпеле, однако последняя цифра года на штемпеле срезана и определяется по содержанию. Обращение к Пясту и первая приписка — рукой А. А. Кондратьева.

¹ Открытке предшествует письмо Блока от 7 мая 1906 г. — ответ на мюнхенское письмо Пяста (VIII, 154—155). Переписка прервалась из-за болезни Пяста.

² Александр Александрович Кондратьев — поэт, юрист, товарищ Блока по университету, активный участник «кружка молодых» (см.: Вл. П я с т. Встречи, с. 78—80). См. переписку Блока с Кондратьевым в наст. томе.

³ На заседание «кружка молодых» (см. предыдущие письма).

Владимиру Пясту —
зачем нашей связи.

Александр Блок.

Май 1911.

СЛБ.

Почему раз, только лишь отравил, блудя ро-
во тем же самым серд, там душа остается.

справ:

Вл. Пясту.

1910.

Во зорьках вранет ве з не врь,
Саму сердца еще беру,
Роковыя не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» — не могу.
При меруаки дологам заката,
Кредь шипитесь дрселотю ты, —
Его полюбь его свт. без возмездь
Во эту нлбь не удрани мет.

В. Соловьев.

1899.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

СТИХИ

О
ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

(1898—1904)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЪ»

МОСКВА. МСМХІ

А. БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ. КН. I «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ». М., «МУСАГЕТЪ», 1911

С дарственной надписью Вл. Пясту от мая 1911 г.

Собрание Н. К. Феединой, Москва

4. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 14 ноября 1906 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич! ¹

С удовольствием приду к Вам в субботу. А Люба — в концерте в этот день.

Любящий Вас Ал. Блок

14 ноября 1906

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1.

Текст приведен в кн.: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 343.

¹ Записке предшествует письмо Блока от 15 октября 1906 г. — сообщение о приезде в Петербург (VIII, 163—164).

5. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 27 ноября 1906 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич!

Отвечаю Вам, потому что не знаю отчества Гофмана ¹. Пожалуйста, извинитесь перед ним за меня и передайте, что никак не могу прийти ². На этой неделе скопилось много разных дел, а в воскресенье уже надо быть в Москве на жюри ³. Вчера передал Мейерхольду Ваше желание прочесть Электру ⁴ и адреса — Ваш и Лачинова ⁵.

Ваш Ал. Блок

27.XI.1906, СПб.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 2.

Написаю вскоре по возвращении Пяста из Мюнхена в Петербург и связано с возобновлением занятий литературного кружка. Публикуемой записке Блока предшествуют две — от 15 октября и 7 ноября 1906 г. (см.: Вл. Пяст т. Воспоминания, с. 84 и 85), где намечались сроки возможного визита Пяста к Блокам.

¹ Модест Людвигович *Гофман* (1890—1959) — поэт, литературовед, член «кружка молодых», позже — составитель и основной автор «Книги о русских поэтах последнего десятилетия» (см. вступ. ст.).

² На собрание «кружка молодых».

³ Журни конкурса литературных и живописных произведений «Дьявол», объявленного журн. «Золотое руно». Блок был членом жюри.

⁴ Речь идет об участии Пяста в чтениях на субботних встречах в театре В. Ф. Коммиссаржевской, организованных осенью 1906 г. В. Ф. Коммиссаржевской и В. Э. Мейерхольдом. О Пясте — теще на этих вечерах см.: К. С ю и н е р б е р г. «Воспоминания, гл. «В. Ф. Коммиссаржевская». — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1977». Л., «Наука», 1979, с. 134—135. Пяст хлопочет об организации чтения русского перевода «Электры» Г. Гофмансталя (1874—1929), предпринятого Пястом и его другом Лачиновым (см. прим. 5) и подготовленного к исполнению в лицах членами «кружка молодых» (см.: Вл. П я с т. Встречи, с. 122). Чтение, видимо, не состоялось. В 1907 г. «Электра» была поставлена в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

⁵ Владимир Павлович *Лачинов* — драматический артист, поэт, переводчик, друг Вл. Пяста, знакомый Блока (см. ЗК, 412, 415, 436 — о послеоктябрьской встрече с Пястом и Лачиновым).

6. ПЯСТ — БЛОКУ

28/XI <1> 906

Дорогой Александр Александрович!

Большое спасибо за Мейерхольда!¹ Жаль, хотя не очень, что не будете у Модеста Людвиговича² (кому я передал)³. Не очень, потому что у него будет чересчур много народу. Завтра заседание учредителей «Кружка молодых» (студентов, без литераторов)⁴. Уже чуются грозы и оскорбления «личности»⁵. Трудно сказать, пойдет ли дело на лад.

Мой привет Любови Дмитриевне.

Лидии Дмитриевне хуже: воспаление обоих легких⁶.

Любящий Вас и преданный Вам В. П е с т о в с к и й

P. S. В сборник «К Вершинам!» посылаю⁷.

Ответ на п. 5.

¹ См. п. 5 и прим. 4 к нему.

² М. Л. Гофман (см. п. 5, прим. 1).

³ См. п. 5.

⁴ См. вступ. ст.

⁵ Речь идет как о нападках символистской части «кружка молодых» на «мэтров» символизма, так и о сразу наметившихся в кружке разногласиях «марксистов» и «декадентов» (см. вступ. ст.).

⁶ Лидия Дмитриевна *Зиновьева-Аннибал* (1872—1907) — писательница, жена Вяч. Иванова.

⁷ В 1900-х годах сборник «К Вершинам» не выходил.

7. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 10 января 1907 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич.

Не придете ли ко мне 12-ого в пятницу?¹ Хочу прочесть «Незнакомку» (пьесу) Вам и еще кое-кому. Все эти дни и простужен, сижу дома, но надеюсь, скоро поправлюсь.

Любящий Вас Ал. Б л о к

10 янв<аря> 1907

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 3.

Открытка.

¹ 13 января 1907 г. Блок писал матери: «Мама, вчера были Сологуб, Вячеслав Иванов, Чулков, Пяст, Гофман, Кондратьев, Городецкий. Я прочел все стихи «Снежную маску» и «Незнакомку» и имел успех» (VIII, 173).

8. ПЯСТ — БЛОКУ

СПб. Ковенский 9, 24 14 (?) IX <1> 907.

Дорогой Александр Александрович!

Только что кончил я статью об Андрее Белом для Гофмана¹, как узнал, что Борис Николаевич² здесь. Мне очень захотелось, чтобы он выслушал из

Незнакомка.

Но вечерам над ресторанами
Горит воздух дым и шум,
И правду обрамил явным
Веселит и тлеющий дым.

Идем, как влюбленные дуэлянт,
Идем, как влюбленные дуэлянт,
Тут золотые прелесть бедной,
И раздаст двинуть платье.

И каждый вечер за шпалерами,
Замысловатые котлеты,
Среди халат шумит и дамам
И ступеньки острели.

Над озерам скрываются утки,
И радужный светит вить.

А в ней — во всем призрачном —
Безымянно хрипелось дым.

И каждый вечер друг друга
Во моем скажут отчаян,
И влюбилась влюбилась,
Кем я, широк и ослепит.

А рядом у соитанов фанатов,
Вален сохотел турок,
И влюбилась и влюбилась,
Тяжело вситая! красит.

И каждый вечер, в чем напечать,
(Кто это только скажет, кто?)
Два влюбилась, влюбилась,
Во турокской двинуть от.

И влюбилась, пройдя лет пять,
Ведь без, влюбилась, дым,
Два влюбилась и влюбилась,
Она соитан у окна.

БЛОК «НЕЗНАКОМКА»

Автограф, 1908 г.

Собрание А. А. Сотикиова, Львов

нее некоторые места — только потому, что он, может быть, найдет их неподходящими для печати — и только для того, чтобы выкинуть их в таком случае³. Не можете ли Вы помочь нам увидаться?

Или, если это затруднительно и, что наверное, неудобно, не согласитесь ли Вы выслушать с этою же целью статью, — но уже всю целиком? Если это не разобьет Вашего времени⁴.

Преданный Вам В. Пестовский

¹ Т. е. для готовившейся под редакцией М. Гофмана «Книги о русских поэтах последнего десятилетия» (см. вступ. ст.).

² Андрей Белый.

³ В статье Вл. Пяста содержалась критика творчества А. Белого середины 1900-х годов (см. вступ. ст.).

⁴ Состоялось ли слушанье Блоком статьи Вл. Пяста или только обсуждение спорных мест, — неизвестно (ср. п. 9). Блок и Пяст часто читали друг другу свои только что написанные вещи, а Пяст, придавая большое значение «звучащему слову», любил читать вслух (например, на «средах» Вяч. Иванова) и чужие.

9. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 12 октября 1907 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич.

Сейчас мы сговорились с Бор<исом> Николаевичем¹: в воскресенье в 5 час<ов> дня оба будем ждать Вас. Можете ли в этот день? Если нет, напишите.

Ваш Ал. Блок

12.X.07. Галерная, 41, кв. 4

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 4.

Ответ на п. 8.

И вступ. Древилем побоялись ³
 Ед уручи мела,
 И шипа и траурини пурман,
 И в колыбай узлы рука.

И страдан. близости заковать
 Сило про за телуру вув.
 И вину Герега огарованит
 И огарованит дайт.

Ихих тайн мит поручит,
 Мит гето сожне вудеко,
 И вст души мей излучит,
 Дроквиле терное виле.

И перд страуса склопенит,
 Он мей качает мозгу.
 И ога синя, бездонит,
 Цвт мут на даб кем. беречу

В мей думт мейше сокрывит,
 И кити вудит габко мит.
 Мн право, абесе удодиче!
 Я знаю: истина в вист.

Александр Блок

БЛОК «НЕЗНАКОМКА»

Автограф (окончание), 1908 г.

Собрание А. А. Сотникова, Львов

10. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 13.XII <19>08

Дорогой Владимир Алексеевич ¹.

Можно ждать Вас 18-ого в четверг в 8 час <ов> веч <ера>? Хочу прочитать «Песню Судьбы» ². Если бы Нонна Александровна ³ не побоялась длинного чтения, — мы очень будем рады. Приходите к нам, пожалуйста.

Ваш Ал. Блок

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 5.

¹ Написано в годы спада интенсивности переписки. После обмена записками в октябре 1907 г. Блок написал Пясту лишь один раз — 24 июля 1908 г. — о своем намерении встретиться с ним, до отъезда в Шахматово (VIII, 249).

² Ср. в письме Блока матери от 14.XII.1908: «18-го буду читать «Песню Судьбы» [нескольким человекам у нас] (VIII, 268).

³ Нонна Александровна Пестовская (Омельянович) — жена Вл. Пяста (см. вступ. ст.).

11. БЛОК — Н. А. И В. А. ПЕСТОВСКИМ

«Петербург, 17 декабря 1908 г.»

Александр Александрович Блок очень жалеет, что не застал и просит Нонну Александровну и Владимира Алексеевича к себе (Галерная 41, кв. 4) завтра в четверг <1 првбр.> в 9-м часу вечера, если они не боятся длинного чтения драмы «Песня Судьбы».

ГЛМ, ф. 8, № оф 4553/2

Карандашная приписка на визитной карточке Блока (слова: «Александр Александрович Блок» — печатный текст). В тексте дата неразборчива; датируется по содержанию как дублирующее письмо 9 и написанное накануне чтения «Песни Судьбы», состоявшегося 18.XII.1908 г. По-видимому, это — записка, оставленная Блоком в квартире Пястов.

12. БЛОК, ВС. МЕЙЕРХОЛЬД И Г. И. ЧУЛКОВ — ПЯСТУ

«Петербург, 25 ноября 1909 г.»

В пятницу 27 ноября в 8 ч. вечера в Малом Ярославце (Морская около Арки) назначен обед с Евг. «ением» Васильевичем Аничковым¹. Плата (9 рублей) должна быть внесена перед обедом А. А. Блоку.

Ал. Блок. Вс. Мейерхольд. Георг. Чулков

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 6.

Официальное приглашение, написанное Блоком, за подписью Блока, Вс. Мейерхольда и Георгия Чулкова.

Датируется по содержанию. Относится к периоду спада интенсивности контактов. Между письмами 10 и 11 Блок писал Вл. Пясту всего один раз — 20 августа 1909 г. из Шахматова, благодаря Пясту за присылку только что вышедшего сборника его стихов «Ограда» (см. VIII, 291—292).

¹ Вечер устраивался по случаю выхода Евг. Аничкова из Петропавловской крепости, где он провел 13 месяцев в одиночном заключении как один из организаторов «Всероссийского крестьянского союза». На банкете присутствовали Ал. Блок, Вс. Мейерхольд, Г. Чулков, Вяч. Иванов, Ю. Н. Верховский, В. А. Пяст, С. Городецкий, А. М. Ремизов, М. А. Кузмин, С. А. Ауслендер, К. А. Эрберг. 29 ноября 1909 г. Блок писал матери: «Лучшее, что было за эти дни, — обед, который мы устроили Аничкову. Хотя люди собрались не слишком подходящие, ссорящиеся и ссорившиеся, однако была минута очень трогательная. И притом по-настоящему» (VIII, 297—298).

13. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург, 25/1 1911»

Дорогой Александр Александрович!

Пятый раз начинаю ответное письмо Вам¹. — Печально и пусто. Да, бродить хорошо, но маленький журнальчик не помешал бы нам чувствовать снежную пустыню, — и, быть может, он был бы оазисом в ней². Приду к Вам в среду или четверг не уговаривать, а посоветовать и жаловаться на мудрых магов.

Ваш В. Пестовский

¹ Письму Пяста предшествовало блоковское от 23.1.1911 г. (VIII, 327—328). Этими письмами начинается переписка эпохи «второго знакомства» (см. вступ. ст.). Новый период сближения начался с ноября 1910 г. За первым визитом Пяста к Блоку последовал второй, связанный с обсуждением идеи создания нового символистского журнала (см. вступ. ст.).

² Обдумав вопрос о журнале и обменявшись по этому поводу письмами с Вяч. Ивановым (ср. VIII, 327—328), Блок в письме Пясту от 23 января 1911 г. отказывается принять участие в подготовке журнала. Письмо Пяста — ответ на блоковское. Письмо от 23.1.1911 г. Блок заканчивает предложением не предаваться журнальной «суете», а «опять жить, тихо гуляя по беспросветной и белоснежной стуже» (VIII, 328). Как видно из письма Пяста, он внутренне не соглашается с Блоком.

14. ПЯСТ — БЛОКУ

6/II 1911

Дорогой Александр Александрович!

Во мне нет журнала¹. «Нашего» журнала нет. «Он мог бы быть».

Прощай. Ты для меня холодный, мертвый камень.

Твой образ мне постыл. Он чужд мне навсегда.

Ты так была нежна. Но властная беда

Простерлась над тобой, задув твой тихий пламень².

Когда меня выгонят со службы, буду затевать свой журнал, Вас в редакцию впутывать не буду.

Да и «момент» пропущен: все заинтересовались «Современником» и не нашему тоненькому лягушонку тягаться с этим белым волом³. Буренин затеял ряд симпатичнейших фельетонов. Без шуток: взгляните «Н(овое) В(ремя)» пятницу 4-го⁴.

Следовательно: если Вас и Любовь Дмитриевну *сколько-нибудь* затрудняет подать заявление ⁵, можете со спокойной совестью отложить эту процедуру на сколько угодно времени, по крайней мере до свидания со мной. Если в Вас журнала также нет, подавать заявление *незачем*.

Сегодня дочитал Education Sentimentale ⁶ с большим в сердце, что кончилось. Да, «Красная Комната» ⁷ доставит Вам меньше наслаждения, чем мне «Сентиментальное Воспитание». Спасибо Вам большое. Сколько времени пролежало оно перед диваном, пока свободное время и лень не натолкнули меня взять его в руки. Так простолудин, получивший иностранные деньги, долгое время с презрением смотрит на вещицы, употребление коих ему непонятно. Зато, когда случай укажет ему на их значение! . .

Пишу для «Gaudeamus» третью из своих критических статей о поэтах последнего посева ⁸.

Ваш. П.

¹ Продолжение дискуссии о символистском журнале. Ответ на письмо Блока от 6.11.1911 г. с просьбой отложить решительный разговор на эту тему (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 88). Первая фраза письма — перефразировка слов Блока из письма от 23.1.1911 г.: «Все эти дни я искал «в себе» журнала — и не нашел ни следа» (VIII, 327).

² Источник цитаты не обнаружен.

³ Журнал «Современник», начавший выходить в 1911 г. под редакцией писателя, фельетониста и публициста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862—1938), несмотря на нечеткость его общественно-политической программы, и названием и направлением ориентировался на революционно-демократическую «шестидесятническую» традицию. С этой ориентацией связан, в частности, и жанр «толстого» журнала, включающего обильный политический и общественно-публицистический материал. Блок в период духовного подъема 1907—1908 гг. (создания статей о народе и интеллигенции) «очень мечтает о *большом* (т. е. «толстом») журнале с широкой общественной программой, «внутренними обозрениями» и т. д. (письмо В. И. Стражеву от 14 сентября 1908 г. — VIII, 253). Между тем, задуманный Е. Аничковым и Пястом символистский журнал столь же значимо мыслился как тонкий: «Нумера (маленькие — листа 3)» (Письмо Андрею Белому от 17 января 1911 г. — VIII, 327). Отсюда — ироническое обыгрывание Пястом крыловских образов лягушки и вола.

⁴ Журнал «Современник» обратился к старому критику М. Антоновичу, сотруднику «Современника» 1860-х годов, с просьбой войти в число сотрудников. М. Антонович ответил согласием «по мере своих старческих сил помогать журналу «своим участием», если «Современник» будет верен «основным стремлениям Старого «Современника». В письме Антоновича содержались резкие выпады против современной литературы, ее «мрачного мистицизма, туманной супранатуралистической философии» и т. д. В. Буренин, перепечатавшая «Иеремиаду» Антоновича, преследовал одновременно несколько целей: напоминание читателям о «тупой и нелепой, бурсацкой критике М. Антоновича (и шестидесятников вообще), дискредитацию нового «Современника» — журнала демократической ориентации — как издания якобы устаревшего, эпигонского, и критику «нового искусства» (См.: В. Буренин. Критические очерки. — «Новое время», 1911, 4 (17) февраля, № 12536, с. 4).

⁵ О разрешении журнала, ответственным редактором-издателем которого должна была стать Л. Д. Блок (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 87; е г о ж е. Встречи, с. 183).

⁶ О значении образов и проблематики романа Флобера «Сентиментальное воспитание» для Блока и Пяста 1910-х годов см. вступ. ст.

⁷ Роман Авг. Стриндберга (см. вступ. ст.). По всей вероятности, речь идет об издании: А. Стриндберг. Полн. собр. соч. в 15 томах, т. 5. М., изд-во «Современные проблемы», 1909.

⁸ В студенческом «литературно-художественном журнале» «Gaudeamus» (СПб., 1911) были опубликованы лишь две статьи Вл. Пяста: «По поводу последней поэзии» (№ 4, с. 8—10 и № 5, с. 8—11) и «Государственный переворот» (№ 9, с. 8—9 и № 10, с. 8—11). Таким образом, «третьей статьей» Пяст называет либо «Государственный переворот» (считая второй статьей окончание первой), либо какую-то статью, не опубликованную в «Gaudeamus»'е в связи с его закрытием (после № 11 издание журнала было приостановлено «вследствие индифферентного отношения молодежи к вопросам чистого искусства» — № 11, с. 1).

15. ПЯСТ — БЛОКУ ¹

15/II <1>911

Дорогой, дорогой Александр Александрович!

Больного я больше не посещаю, а потому, в сущности, никакой опасности нет ¹. На службу не хожу, а, так сказать, выдерживаю карантин. Если у Вас есть в квартире мальчик ², лучше Вы придите ко мне, в среду, или четверг;

это все равно; если в какой-нибудь вечер мне понадобится уйти, я передам Вам по телефону.

Очень бы хотелось увидеться с Вами. У меня это общение с Вами превратилось в какую-то потребность ⁴.

Может быть, Вы придете завтра часов в 12 в Эрмитаж? В это время я буду. ... ну, хоть у Рембрандта. Со мною будет Б. Мосолов ⁵ с каталогами и кладезем познаний.

Во всяком случае, вечером в среду и в четверг буду ждать Вас. Может быть, Вы захватите поэму ⁶ или старые стихи?

Любящий Вас ВП.

¹ Ответ на письмо Блока от 14.II.1911 г. с просьбой позвонить ему (Вл. П я с т. Воспоминания, с. 88).

² Речь идет о болезни сына Вл. Пяста. Пяст жил в эти дни отдельно от жены, у матери.

³ Видимо, ребенок прислуги Блоков (ср. VII, 70).

⁴ Ср. VIII, 339, а также вступ. ст.

⁵ Борис Сергеевич Мосолов (1886—1942) — приятель юности Пяста, знакомый Блока по «кружку молодых», искусствовед, в 1910-х годах — секретарь редакции журн. «Старые годы».

⁶ «Возмездие» (ср. записи о работе над поэмой в феврале 1912 г. — VII, 129 и др.).

16. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург» 17 февраля «1911 г.»

Дорогой Владимир Алексеевич.

Собираемся к Вам сегодня. Но опять выбит из колеи разными событиями ¹. И поэма ² остановилась.

Любящий Вас А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 7.

Текст приведен в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 345.

¹ Ср. в письме матери от 14/II.1911 о попытке разойтись с Л. Д. Блок (VIII, 329—330), а также заметки в записной книжке от февраля и весны 1911 г. (ЗК, 176—178 и след.).

² «Возмездие».

17. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 26/V «1911

Милый Александр Александрович.

Только вчера хотел оповестить Вас, как я выговорил себе уже отпуск с 14-го июля и уже собирался в путь с Вами ¹, как вдруг с понедельника заболел, представьте себе, свинкой ², которую испытал ровно 7 лет назад. Очевидно, в организме за семь лет не осталось ни одного прежнего иммунированного атома, и тайна ученых, заимствованная ими из оккультных знаний, есть истина. Интересно, что почувствовал я свинку у себя впервые перед самым отправлением к Вячеславу Иванову; все-таки пошел, а на следующий день опухоль уже усилилась. Совпадение удивительное, так как три свинке опухоль появляется через три недели после заболевания, а вышло так, что едва я переступил порог зараженного дома ³, как заболел. Думаю, не от Верховского ли в Сестрорецке ⁴ воспринял яд, хотя и это все-таки слишком поздно; заразился я около 2-го—3-го мая по расчету. Вследствие же этой свинки и вынужденного трехнедельного манкирования на службе, предвижу затруднения в получении отпуска впоследствии. За то, как она не сильная и прекратится, почувствую, дней через пять, у меня, действительно, может образоваться свободное время до конца карантина, который последует не ранее 13 июня.

И если Вы и у Вас не боятся, я бы мог, пожалуй, приехать к Вам на несколько дней (не более 3-х) до того времени ⁵. Но прежде, чем назначить день, мне, конечно, надо получить от Вас ответ, удобно ли мне приезжать к Вам до конца карантина. «На один день, конечно, не стоит, ну а на два. . . Очень хотите, так на три. . . — слышу ответ Ваш. — «Да я и сам, Александр Александрович, дольше никак не могу, у меня по-прежнему скачки ⁶; не знаю даже,

смогу ли приехать и вообще-то, хоть и очень бы хотелось взглянуть на Ваши места». — «Взглянуть — взгляните, но только долго не засиживайтесь». — «Господь с Вами, и не думаю». — «Знаем мы Вас». Такой разговор, конечно, ведут в настоящее время наши души⁷.

Читаю все Амфитеатрова⁸, романы, предшествовавшие современниковскому⁹ и не могу оторваться даже для дел. Чувствую, что скоро найду прелесть и в Вербицкой¹⁰. Вот Вячеслав¹¹ недавно сказал, что надо не только кормить и поить свое низшее Я, но и занять его чем-нибудь; усиленно исполняю его предначертанья. Женщины у Амфитеатрова от первой до последней красавицы, и каждая по другому; мужчины — самый захудалый вырабатывает тысяч десять в год да и то на такого Амфитеатров и смотреть не хочет. Себя вывел, кажется, благороднейшим Альбатросовым¹².

В случае получения благоприятного ответа от Вас, дам свой решительный ответ тотчас же

Ваш В. Пестовский

¹ См. п. 18, прим. 3.

² Диагноз оказался ложным (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 54).

³ Речь идет о болезни детей Вяч. Иванова.

⁴ В мае 1911 г. Вл. Пяст, А. Блок и Ю. Верховский ездили на прогулку в Сестрорецк (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 54, а также: Вл. Пяст. Львиная пасть. Вторая книга лирики. Берлин — Пб. — М., изд. 3. И. Гржебина, 1922, с. 33).

⁵ Ответ на письмо Блока от 24.V.1911 г. с приглашением в Шахматово (см. VIII, 337—338).

Приезд Пяста в Шахматово не состоялся, так как мать Блока испугалась инфекции (см. VIII, 339).

⁶ Вл. Пяст, живший в Удельной близости от ипподрома, играл на скачках.

⁷ В ответном письме от 29 мая 1911 г. Блок писал: «Не думайте, что наши души вели такой разговор, как Вы описываете. Я <...> звал Вас даже эгоистически» (VIII, 339).

⁸ А. В. Амфитеатров (см. о нем п. 14, прим. 4) в сознании Блока был — типичным представителем «массовой», мещанской литературы, вульгарной «желтой» прессы (ср. позднейшую характеристику — VIII, 521), в «ложно-русском стиле» (ср. VIII, 524 и др.). В письме от 6 июня 1911 г. Блок делает Пясту «маленькое предостережение» (VIII, 345): «Зная по себе увлекательность Амфитеатрова (т. е. ему подобных), дружески советую не злоупотреблять им. Такие вещи не всегда проходят безнаказанно: можно совершенно незаметным образом испортить <...> часть души» (VIII, 346).

⁹ В «Современнике» в 1911 г. (№№ 1—3, 7—12) публиковался роман А. В. Амфитеатрова «Закат старого века», посвященный А. М. Пешкову — «великой русской душе, неутомимому пламеннику верующей воли, неутомимой творческой силе». Этому, «современниковскому», роману предшествовали: часть III хроники «Концы и начала»; часть I хроники — роман «Восьмидесятники» (т. I. СПб., 1907, т. II. СПб., 1908); часть II — «Девятидесятники» (ч. 1, изд. 2. СПб., «Прометей», 1911; ч. 2, изд. 2. СПб., 1913).

¹⁰ Анастасия Алексеевна Вербицкая (1861—1928) — писательница. В позднейшей статье «Дневник женщины, которую никто не любил» (1912—1918) Блок назвал Вербицкую и Арцыбашева «идолами» мещанской литературы 1910-х годов.

¹¹ Вяч. Иванов.

¹² Альбатросов — герой хроники Амфитеатрова «Флавиан Константинович Альбатросов, крупный московский журналист, сотрудник больших газет» (А. Амфитеатров. Закат старого века. — «Современник», 1911, № 12).

18. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 2 июня 1911

Милый Александр Александрович.

Вчера получил Ваше письмо¹. Вышел было на улицу — да занемог, и стыдно стало, вернулся домой. Хоть опухоль и спала, да не совсем-то прошла, и, очевидно, болезнь-то еще продлится. Вдобавок получил неприятные известия о болезни сына², который, будто бы, переносит ее со стоическим хладнокровием, но требует денег на лечение. Эти все обстоятельства не позволяют мечтать о «продлении карантина» поездкою к Вам, и все более заставляют сумлеваться в июльской прогулке к Стриндбергу³. Кстати, я так уж отвык от него, что чувствовал бы себя у него без Вас, как без рук⁴. Взамен этого, я всосался в Амфитеатрова как пьявка, и высосал от него чуть не весь обычный багаж мыслишек его, ибо часто натыкаюсь [на] уже на повторения. Хотя этого (Амфитеатровского) наслаждения мне предстоит еще много томов. Кланяются Вам Мейерхольд⁵, Василий Гиппиус⁶.

Двигал всю неделю болезни своего Тирсо⁷ и еще одну полусочинительскую работу того же духа, но в конце концов Амфитеатров с газетами взяли верх, и я уже окончательно разлеился. А между тем чувствую свой публицистический долг. Должен я написать несколько заметок в газеты: о трамваях, о съеденном действительными статскими советниками одного учреждения обеде, который предназначался для рабочих, и о скушанной директорами некоего частного предприятия «Гантьеме», долженствовавшей по уставу перейти в руки служащих. Да начать все не могу собраться с силой⁸. И до того вообще обленился, что даже справиться у Кожебаткина о статье «Стихи о Прекрасной Даме» нахожу для себя затруднительным⁹. Вот Вы едете в Москву, не узнаете ли, как обстоит с ней дело. Если там не печатают ее, Вы бы ее выцарапали, а я, за небольшими изменениями, помещу ее, что ли, в Аполлон¹⁰, или в известия Вольфа¹¹.

Вчера навестил меня Мейерхольд. Затеяли мы с ним поездку башенного театра в Нийслот и Пункахарью¹²; было бы отлично, если бы удалась она, но, кажется, Ивановы уезжают на Волгу, и проект, подобно большинству русских законопроектов, будет положен на неопределенное время под сукно.

Итак, в силу вышеприведенных мотивов, законопроект о посещении неким должностным лицом имения со столь приятным слуху этого лица именем — подлежит утверждению лишь в будущую сессию¹³. Засим, в ожидании скорого свидания в столичном граде, передаю со своей стороны поцелуй и [не] умеющему жить действительному статскому советнику¹⁴. Я ведь и говорю, что Верховский «не дремал»: пока мы разговаривали, он, как истинная с<винь>я родил у Вашего покорного слуги свинку¹⁵.

Ваш В. П.

¹ От 29 мая 1911 г. из Шахматова (VIII, 339—341).

² См. п. 15, прим. 2.

³ Предполагавшаяся поездка Блока и Пяста в Стокгольм летом 1911 г. — дань находжению обоих поэтов «под знаком Стриндберга» — не состоялась.

⁴ Фраза свидетельствует, что спад интереса к Стриндбергу у Пяста (в отличие от Блока) наступил довольно скоро и что уже с лета 1911 г. интерес этот поддерживался в основном Блоком, для которого «стриндберговский» период только начинался (ср. письмо Блока от 29 мая 1911 г. — VIII, 339, а также вступ. ст.).

⁵ В 1910-х годах Пяст поддерживал (в основном, через «башню» В. Иванова) с Вс. Мейерхольдом гораздо более близкие отношения, чем Блок.

⁶ Василий Васильевич *Гиппиус* (1890—1942) — поэт (писал под псевдонимом Василий Галахов) и литературовед, брат близкого Блоку Александра, а также Владимира Гиппиусов; младший приятель Блока 1910-х годов («Вася Гиппиус»).

⁷ Сделанный Пястом в начале 1910-х годов перевод комедии Тирсо де Молина «Дон Хиль зеленые штаны», как и два позднейших его перевода из испанского драматурга, опубликованы только в советское время (см.: Тирсо де Молина. Театр. М.—Л., «Academia», 1935). «Дон Хиль. . .» опубликован также: Берлин, «Петрополис», 1923 (пер. Вл. Пяста под ред. Б. А. Кржевского и М. Л. Лозинского).

⁸ Ср. ответное письмо Блока от 6 июня 1911 г. (VIII, 345—346), переводящее вопрос о «публицистических долгах» Пяста в план принципиальных размышлений о России и долге интеллигента перед народом (см. вступ. ст.).

⁹ Александр Мелентьевич *Кожебаткин* (1884—1942) — владелец издательства «Мусагет», издатель «Собрания стихотворений» Ал. Блока (1911—1912). Статья Вл. Пяста, написанная после выхода первого тома «Собрания стихотворений» и впервые введенная в научный оборот понятие «тома» блоковской лирики как самостоятельного художественного целого, не была напечатана в изданиях «Мусагета» (см. прим. 10).

¹⁰ Статья Пяста появилась в журн. «Аполлон», 1911, № 8. Позже перепечатана в сб. «Памяти Ал. Блока» (Пб., «Картонный домик», 1921).

¹¹ Вл. Пяст был связан с издательством М. О. Вольфа в Петербурге. В «Известиях книжного магазина Вольфа» была уже до этого напечатана его статья об Ал. Ремизове «Стилист-рассказчик» («Известия. . .», 1910, № 3, с. 82—84); в издательстве Товарищества М. О. Вольфа вышла и «первая книга стихов» Пяста «Ограда» (1909).

¹² В «Башенном театре» на квартире Вяч. Иванова весной 1910 г. приглашенный для режиссуры Вс. Мейерхольд поставил «Поклонение кресту» Кальдерона. Задуманы были и другие постановки, а также летние гастроли в Финляндии. Последняя идея отчасти осуществилась летом 1912 г., когда был создан Териокский театр.

¹³ Ироническое пародирование стиля официальных документов — косвенное отражение интереса Пяста к газете, миру политики, чуждым Блоку 1910-х годов (ср. в этой связи близкое по стилю позднейшее пародийное вкрапление в статью Блока «Интеллигенция и революция» — 1918, VI, 14).

¹⁴ Ср. в одном из предшествующих (от 29.V.1911 г.) писем Блока: «В Сестрорецком курорте < . . . > и Вы и я наговорили друг другу вещей неправдоподобных; вспоминаю, именно, разговор о *savoir vivre*; у меня его, право, недостаточно, надо бы побольше; так же, как Вы в упорном полусне утверждали мой *savoir vivre*, я упорно утверждал Вам, что я состарился и намекал, что жизнь кончена < . . . > можно легко представить себе картину: Вы идете за гробом почтенного действительного статского советника, который умел покушать и пожуировать и вообще взял от жизни все, что мог, полной мерой. Это вовсе не: . . . ответственности, уверяю Вас» (VIII, 340—341).

¹⁵ Ср. в том же письме Блока: «Мы с Вами в Сестрорецком курорте < . . . > бодрствовали, пока Верховский спал под сосной» (VIII, 340). Юрий Николаевич *Верховский* — поэт, приятель Блока.

19. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург», 9 июня 1911

Дорогой Александр Александрович.

Радуюсь за Вас душой, что тихое влиянье деревни очистило и умиротворило Вас ¹. И совет и предостережение ² мне доказывают это, так как их может дать лишь человек, *перегоревший* в уединении. В письме буду краток, так как надеюсь скоро видеть Вас лично.

Поправляюсь медленно. Выйду как следует лишь в воскресенье.

Ваша правда, и деревня мне нужна, и серьезная книга (неспециальная) у меня в руках не залеживалась уже лет шесть. Бог даст, то и другое будет.

Амфитеатров, прежде всего, бурсак (т. е. вернее, не прежде всего, а между прочим). Затем — великий человек на малые дела. За Амфитеатовым в мой мозг полез Боборыкин ³. Противодием же мне пока служит Вилье де Лиль Адан ⁴, да одно исследование о романах круглого стола ⁵. За Карлейлем ⁶ пошлю брата.

Целовать не могу, так как карантин не кончился.

Ваш В. Пестовский

¹ Ответ на письмо Блока от 6 июня 1911 г. (VIII, 345—347). Ср. в указанном письме Блока: «Я бродил по лесам и полям» (VIII, 345), а также в более ранних: от 24 мая («тишина и благоухание» — VIII, 337) и от 29 мая 1911 г. («Я целый день бродил по холмам и долинам» начинаю отдыхать от зимы» — VIII, 340).

² В письме от 6 июня содержатся «один большой совет» (о способах выполнения Пястом «публицистических долгов» — см. п. 18, прим. 8 и «одно маленькое предостережение» (см. п. 17, прим. 8).

³ Петр Дмитриевич *Боборыкин* (1836—1921) — писатель-натуралист. Ассоциативная связь «Амфитеатров — Боборыкин» определена тем, что для Пяста (как и для Блока) оба они — представители «массовой» литературы, создатели «чтива», бытописатели — «хроникеры».

⁴ *Жан-Мари Вилье де Лиль Адан* (1838—1889) — французский писатель, близкий к символизму. Привлек внимание Блока еще летом 1902 г. в связи с работой над статьей о русской поэзии (см. ЗК, 28). Влияние поэтики и образной системы Вилье де Лиль Адана отразилось в ряде статей Пяста 1910-х годов (см. вступ. ст.).

⁵ Название работы не установлено.

⁶ Творчество Томаса *Карлейля* (1795—1881), известного английского писателя и философа, было названо в упоминавшемся письме Блока от 6 июня «противодием» от «Амфитеатровых и К⁰»: «Это не менее легко, не менее увлекательно и вместе с тем невыразимо очищает душу: «История французской революции» Карлейля» (VIII, 347). Блок не раз упоминал имя Карлейля в своей публицистике (см. V, 482, 489; VI, 9, 299, 425). Эпизод с чтением Пястом Карлейля ярко свидетельствует о ненавязчивом, но постоянном «учительстве» Блока 1910-х годов (в отличие от отношений Блока и Пяста в 1900-х годах (см. вступ. ст.).

20. БЛОК — ПЯСТУ

«Шахматово», 29 июня (1911 г.)

Милый Владимир Алексеевич.

Здоровы ли Вы и можно ли к Вам на днях? Сегодня еду в Петербург, а через несколько дней — прямо в Бретань, без заездов ¹.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15. Приведено в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 345.

¹ Блок вернулся в Петербург 30 июня 1911 г., уехал за границу 5 июля 1911 г.

НОВЫЕ ПОЭТЫ ВЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ.

III.

89. 3/8

„Надъ озеромъ скривлять уклонны
И раздается женскій амъ,
А съ неба — ко всему приученный
Безсмысленно глядится дискъ...“

(А. Блокъ)
НАДЪ ОЗЕРОМЪ.

«НАД ОЗЕРОМ». ИЗ ШАРЖЕЙ ТОМА МОУЗЕРА «НОВЫЕ ПОЭТЫ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ».
«БУДИЛЬНИКЪ», 1908, № 30
Литературный музей, Москва

21. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург, 24 октября 1911 г.»¹

Милый Владимир Александрович

Вчера было интересное редакционное собрание Тропинки², а сегодня у меня разболелись десны и лучше помолчать, так что я не иду к Вам³.

Ваш А. Б.

24 октября

ИРЛИ, ф. 567, ед. хр. 9.

¹ Летом 1911 г. из Бретани Блок писал Пясту дважды (3 и 23.VII — см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 95 и 96; первое из этих писем в сокращении — VIII, 349—350). Ответы Пяста неизвестны.

² «Тропинка» — детский журнал символистской ориентации; мать Блока участвовала в журнале; ср. дневниковую запись от 23 октября 1911 г.: «Вечером заходил к маме: редакционное собрание «Тропинки» — деловое, славное» (VII, 76).

³ Ср. дневниковую запись от 23.X.1911 (VII, 77).

22. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург, 10 декабря 1911 г.»

Милостивый Государь, 10 декабря сего года в ресторане «Весна» Вы избраны королем русских поэтов¹.

Каждый был безумно
строг
Каждый писал — король
наш Блок...

Венский преступив
 порог,
 Мы рекли — король
 наш Блок.
 И решил премудрый
 рок,
 Что король поэтов —
 Блок.

Ел<изавета> Кузьмина - Карав<аева>¹
 Ты ль не сел на
 поэтический
 стог?

Наш желанный, наш
 магический
 Блок?

В. Гиппиус²

Блок
 Король
 И маг порока
 Рок
 И боль
 Венчают Блока

И. Мандельштам⁴

Славься, Блок, певец наш ловкий,
 Избранный баллотировкой,
 Тайной и вселенской,
 Мужеской и женской
 В этой куще венской.

Василий Гиппиус.

Ах ты Блок, ты мой Блок,
 Будь в стихах ты неплох,
 А актер уж и сам
 За себя постарается.

<В. Пяст>⁵

Диалог (мы и Блок):

Мы: После цеха, после Академии
 Мы без смеха раздавали премии

Блок: Вот потеха:

Избран всеми я

<В. Гиппиус>⁶

Датируется по содержанию. Открытка, посланная Блоку по городской почте (дата на почтовом штемпеле: «11.12. <19>11»). На оборотной стороне — адрес («Здесь. Александру Александровичу Блоку. Малая Монетная д. 24/9, кв. 27») и «Диалог (мы и Блок) . . .». Адрес и обращение: «М. Г. . . .» — почерком неустановленного лица. Стихотворения — авторские автографы.

¹ Об эпизоде избрания Блока в «Вене» (часто посещавшемся поэтами ресторане⁷ на Малой Морской) «королем русских поэтов» см.: Вл. Пяст. Встречи, с. 256—257. Там же шуточные стихотворения: «Диалог (мы и Блок) . . .» (с. 256) и импровизация О. Мандельштама (с. 257). Остальной текст публикуется впервые.

² Елизавета Юрьевна Кузьмина-Каравеева (Пилленко) (1891—1945) — поэтесса, погибла во Франции, в фашистском концлагере. Опубликованы ее воспоминания об Ал. Блоке (Е. Кузьмина-Каравеева. Встречи с Блоком. — Уч. зап. ТГУ, вып. 209. Тарту, 1968).

³ См. п. 18, прим. 6.

⁴ См. прим. 1. В книге Вл. Пяста ошибочно записано как двустышие.

⁵ Авторство устанавливается по почерку.

⁶ Авторство устанавливается по почерку.

23. БЛОК — ПЯСТУ¹;

«Петербург», 8 января 1912

Милый Владимир Алексеевич.

Хотите прийти завтра вечером к нам? Будут Евгений Павлович², и, верно, Верховский³.

Я к вам не дозвонился, все — занято.

Ваш А. Б.

ИРЛИ, ф. 567, ед. хр. 9.

¹ Между п. 21 и п. 23 Блок написал Вл. Пясту еще одну записку — от 27.XI.1911 (см. VIII, 379).

² Е. П. Иванов.

См. п. 18, прим. 15.

24. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург» 23/1 «1»912

Дорогой Александр Александрович!

Что с Вами? Когда больной настолько оправится, что посещения ему не будут неприятны¹?

Сегодня, с горя, уйдя от Вашей двери, исполнил половину Вашей программы: поехал на Приморский вокзал²; но вина не пил, и никуда оттуда не уехал.

У меня большие перемены³. Видимо, и у Вас? Но какая же болезнь? Милый Александр Александрович, как полегче станет, черкните мне!

Весь Ваш В. Пестовский

ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 412.

¹ 23 января 1912 г., как и в предыдущие и последующие дни, Блок плохо себя чувствовал и был в тяжелом настроении, однако работал дома: «Письма и переписка предисловия к дневнику Соколовой. Вечером приходил Пяст. Таня сказала ему, что я болен» (VII, 126). В этот же день Блок сообщил Пясту о своей болезни (см.: Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 97—98).

² Ответная реплика на записку Блока от 27 ноября 1911 г. из ресторана Приморского вокзала (см. VIII, 379).

³ Речь идет о коллизиях семейной жизни Вл. Пяста (см. вступ. ст.) и Блока (см. VII, 120—126 и след.).

25. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петербург» 15 фев«аля» «1»912

Милый Александр Александрович.

Жду со дня на день обещанного извещения о здоровье Вашем — все нет и нет¹. Видел во сне Вас, а за две недели до сегодня видел Вас во сне Андрей Белый. Очень кланяется, целует он Вас². Пошел я на службу к Евгению Павловичу узнать о Вас³. Утешает, говорит, когда во сне видят, значит, письмо идет.

Адрес мой Виленский пер., д. 3, кв. 18⁴.

Ваш В. Пестовский

Весь конец января—начало февраля 1912 г. Блок почти никого не принимал и мало отвечал на письма (ср. запись от 4.II.1912: «Однообразие, апатия, забыл, что есть люди на свете» — VII, 129). Пяст был принят Блоком уже после получения этого (второго после начала болезни Блока) письма (между 15 и 24 февраля).

² Андрей Белый с женой приехал в Петербург в начале 20-х чисел января 1912 г. и сразу же оповестил Блока о приезде (Блок получил его письмо 21 января — см. VII, 126). Блок отказался и его принять из-за болезни и тяжелой апатии (см. письма от 21 и 25 января — VIII, 383). 30 января Блок записал в дневнике: «Сегодня, вероятно, уехал

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

Гравюра

Литературный музей, Москва

Борей» (VII, 128). Однако Белый не уехал, и 26 февраля Блок «весь день провел с Борей» (VII, 129).

³ Евгений Павлович *Иванов* («Женя», 1879—1942), ближайший друг Блока, единственный из знакомых, бывавший у него дома в конце января—начале февраля 1912 г. (ср. записи от 25 января — VII, 126—127, и от 26 февраля — VII, 129).

⁴ Вл. Пяст сообщает Блоку адрес, по которому он жил во время развода с женой.

26. БЛОК — ПЯСТУ

⟨Петербург, 1 апреля 1912 г.⟩

Милый В⟨ладимир⟩ А⟨лексеевич⟩, сегодня не могу прийти, жду Руманова¹. Думаю прийти скоро.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 9.

Открытка. Дата — по почтовому штемпелю.

Приведено в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 347.

¹ Ср. дневниковую запись от 1 апреля: «А. В. Руманов — совершенно растерзанный, с переменаами в жизни; все очень хорошо» (VII, 138).

27. БЛОК — ПЯСТУ

⟨Петербург, 6 апреля 1912 г.⟩

Милый В⟨ладимир⟩ А⟨лексеевич⟩.

Опять не пришел я: засиделись с А. М. Ремизовым¹, а сейчас пришел Е. П. Иванов². Поговорим по телефону опять.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 10.

Дата — по почтовому штемпелю.

Приведено в каталоге: «Александр Блок. Переписка», с. 347. (см. п. 26).

¹ Ср. дневниковую запись от 6 апреля: «В 5 ч. дня приехали Терещенко с Ремизовыми в автомобиле, ездил на Стрелку, потом Алексей Михайлович (Ремизов. — *З. М.*) обедал, вечером пришел Жень (Евг. Иванов. — *З. М.*), с которым мы говорили» (VII, 139).

² См. п. 25, прим. 3.

28. ПЯСТ — БЛОКУ

«Стокгольм, 30 апреля 1912 г.»

Милый Александр Александрович.

Стою в Continental-hôtel¹. Пробуду здесь 1-ое мая². Броня непроницаема³, — борьба мужественно. Привет.

Ваш В. Пестовский

Открытка, на обороте — портрет А. Стриндберга с подписью: «Richard Bergh: August Strindberg». Датируется по почт. штемпелю (дата — по н. ст.).

¹ Написано после длительного перерыва в переписке (отчасти объясняющегося частыми зимними встречами и телефонными разговорами). В апреле 1912 г., в связи с известиями о тяжелом состоянии здоровья Стриндберга, Блок и Пяст, видимо, вновь обсуждали план поездки в Стокгольм. Однако сам Блок в коротком письме Пясту от 13 апреля (первом после 23 января 1912 г.) от поездки отказывается: «Совсем не могу сейчас ехать, нет никакого чувства» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 98), хотя много думает о судьбе и творчестве Стриндберга именно в эти дни (ср. письмо Андрею Белому от 16 апреля, характерно сочетающее упоминания о Стриндберге и Пясте — VIII, 387). Пяст же по рекомендации Блока и через их общего знакомого А. В. Руманова едет в Стокгольм как корреспондент газеты «Русское слово». Блок писал Пясту и 14 апреля (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 99). Письмо Пяста написано из гостиницы.

² Впечатления от первомайской демонстрации в Стокгольме, переданные Пястом Блоку, косвенно отразились в статье «Памяти Августа Стриндберга».

³ Речь идет о запрете впускать посетителей к умирающему Стриндбергу; «Никого ни в каком случае не видеть — такова воля Стриндберга» (Вл. Пяст. Встречи, с. 225).

29. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург» 22 апреля/5 мая 1912 г.

Милый Владимир Алексеевич.

Телеграмма¹ вчера вечером не застала меня, я читал в концерте вместе с Вами²; по крайней мере, в афише стояло: «Вл. Пяст прочтет «До сих пор». Но вместо Вас читал Василий Гиппиус — экспромтом. Они с Мандельштамом узнали от меня, что Вас нет, и очень искренно и хорошо встревожились, но тайны я им не открыл³, а только сказал, что все благополучно.

Сейчас говорил с Румановым⁴ по телефону, он тоже получил телеграмму и высылает деньги завтра утром (сегодня воскресенье — телеграфного перевода сделать нельзя).

Я совсем простужен, охрип. Печально, дождь идет, а вчера — снег. Если будет что, напишите.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 11—12.

¹ Текст телеграммы в архиве Блока не сохранился. Содержание ее — просьба срочно выслать гонорар за будущую корреспонденцию, т. к. Вл. Пяст остался в Стокгольме без денег (см.: Вл. Пяст. Встречи, с. 229).

² Ирония (т. е. «должен был читать»: несостоявшееся выступление Пяста организовывал Блок. См.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 99).

³ Т. е. «тайны» отъезда Пяста в Стокгольм.

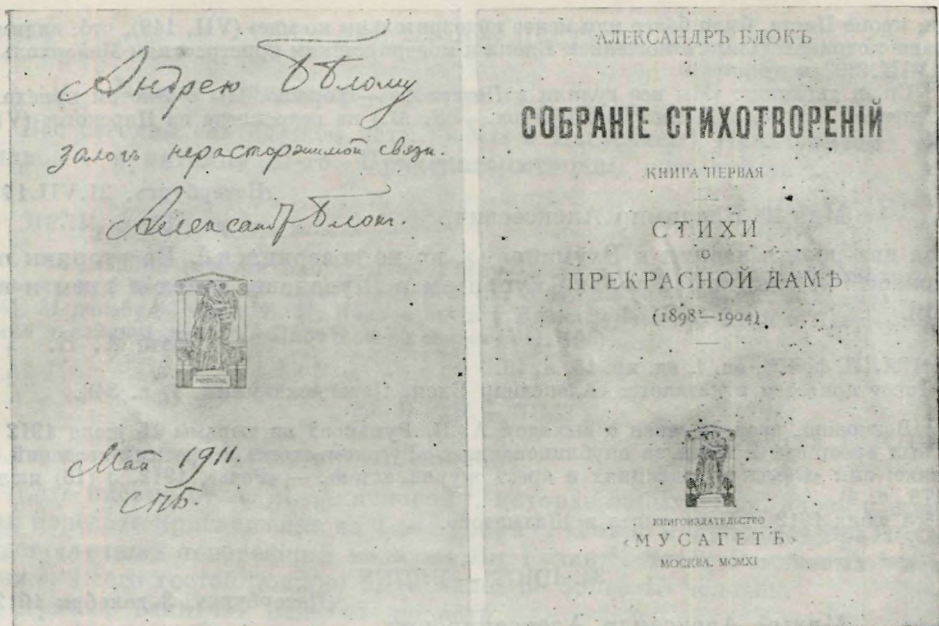
⁴ Аркадий Вениаминович Руманов (1876—1960) — журналист, в 1910-х годах — петербургский представитель газ. «Русское слово».

30. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 26 апреля 1912

Милый Владимир Алексеевич.

Я не телеграфирую, потому что телеграфирует Руманов. Сегодня утром я с ним говорил, он послал 30 рублей и обещал дослать остальное. «Рус-

А. БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ. КН. I. «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ». М., «МУСАГЕТ», 1911

С дарственной надписью А. Белому от мая 1911 г.
Литературный музей, Москва

«ское» Слово», по его словам (он путается, хотя очень хвалит и фельетон, и язык его и простоту), не пожелало брать все 700 строк, многое выбросило, сократило до 250-ти и не печатает, потому что поставлено условие (кем? Вами? Руманов не знает) — печатать без сокращений¹. Я убеждал Руманова послать еще денег и говорил ему, что Вы еще напишете. . .

Ничего не поделаешь, с «Р<усским> Сл<овом>» у всех так; мне кажется, там никто из редакторов ничего не понимает, но всегда считает долгом чего-то бояться.

Ну, целую Вас, до скорого свиданья?

Ваш А. Б.

26 апреля

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 13—14.

Опубликовано в «Звезде» (1931, № 10, с. 127—128, без даты, с неточностями).

¹ Корреспонденция Вл. Пяста в «Русском слове» опубликована не была (см.: Вл. П я с т. Встречи, с. 229).

31. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 31 мая 1912

Милый Владимир > Александревич >.

Сейчас¹ получил я письмо, что в Териоках репетиции не ладятся², но все-таки открытие будет в воскресенье 3-его (а не 2-ого)³.

Очень было вчера хорошо⁴.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 15.

¹ Между 26 апреля и наст. письмом Блок писал Пясту 29 мая 1912 г. (см.: Вл. П я с т. Воспоминания, с. 99—100).

² Летом 1912 г. «Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов» во главе с Вс. Мейерхольдом организовало театр в Териоках (см. п. 18, прим. 12).

³ Открытие театра состоялось не 3 июля, а 9-го. Записывая впечатления этого вечера, Блок замечает о своем пребывании в Териоках: «Вся поездка была тяжела, почти все

люди, кроме Пяста, были более или менее подозрительны ко мне» (VII, 149), что, видимо связано с отрицательным отношением Блока к модернистским пристрастиям Мейерхольда (ср. VIII, 392 и др.).

⁴ Ср. в дневнике: «Мы все гуляли в Петергофе — хорошо. Мы с Пястом приехали по железной дороге, а Женя (Евг. Иванов. — З. М.) на велосипеде из Царского» (VII, 147).

32. БЛОК — ПЯСТУ

⟨Петербург⟩, 21.VII.1912

Милый Владимир Алексеевич,

вчера два раза я звонил к Р <уманову>, но не дозвонился ¹. Во вторник переезжаем ² — занимаюсь только купаньем в Шувалове, вчера и днем и вечером.

Ваш А. Б.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 15, л. 16.

Текст приведен в каталоге: «Александр Блок. Переписка», вып. 1, с. 348.

¹ Возможно, звонок связан с выходом А. В. Руманова из тюрьмы 15 июля 1912 г. (он был арестован 2 июля за опубликование в «Русском слове» секретных сведений об охране; см.: «Обыск в редакциях и арест журналистов». — «Речь», 1912, 3 (16) июля, № 179, с. 4).

² 4 июля 1912 г. Блок уехал в Шахматово.

33. ПЯСТ — БЛОКУ

⟨Петербург⟩, 3 декабря 1912 ¹

Милый Александр Александрович.

Простите, ради Светлого, мне мою необдуманную дерзость по отношению к Вам сегодня ². Надеюсь, Вы не обиделись очень сильно; но я неправ потому, что Вы все-таки обиделись.

Вот что я чувствую долгом Вам написать ³.

Преданный Вам В. П.

¹ Осенью 1912 г. Блок написал Пясту одно письмо — от 19 сентября (см.: Вл. П я с т. Воспоминания, с. 96, с неверной датой). Пяст летом-осенью 1912 г. Блоку не писал. Письмо Пяста от 3 декабря опубликовано в его «Воспоминаниях» (с. 100).

² О какой именно размолвке идет речь, неясно: Вл. Пяст писал в своих комментариях к письмам Блока, что не помнит ее причины (Воспоминания, с. 100), Блок же в дневниковой записи от 3 декабря упоминает только визит Вл. Пяста и разговоры его — «о себе и о политике» (VII, 189). Разговор пришелся на крайне тяжелое время жизни Блока: накануне вечером Л. Д. Блок объявила ему, что уезжает «без срока» в Житомир к Кузьмину-Караваеву (там же). По всей вероятности, размолвка касалась вопросов политики, «славянофильства» Блока и «западничества» Пяста (см. вступ. статью) и выразилась в обычной для Пяста нервной несдержанности.

³ 4 декабря Блок записал в дневнике: «Милое письмо от Пяста» (VII, 189). В ответной записке Блока читаем: «Спасибо Вам, что Вы так пишете, это очень драгоценно мне, я не обиделся, а на минуту мне стало больно» (Вл. П я с т. Воспоминания, с. 100).

34. БЛОК — ПЯСТУ

⟨Петербург⟩, 15.XII <1912 г.>

Милый Владимир Алексеевич.

Звонил к Вам трижды, да все «занято». Дело вот в чем: Садовской ¹ позвонил сегодня утром и поручил просить Вас написать в газету ² об Александре Первом (в декабрьск <ой> кн. «Рус <ской> Мысли» — конец) ³. Вы бы стоворились с ним, если это Вам сколько-нибудь улыбается. Его адрес: Колокольная 7, кв. 17, тел 179-83.

На той неделе увидимся. Евг <ения> Павл <овича> ⁴ я увижу в понедельник.

Ваш А. Б.

ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 1024.

¹ Борис Александрович Садовской — поэт, прозаик, критик, историк литературы. См. публикацию переписки Блока с ним в наст. томе.

² В газету А. В. Тырковой «Русская молва», в редакции которой служил Б. Садовской (ср. VII, 185).

³ Речь идет о написании рецензии на роман Д. С. Мережковского «Александр I».

⁴ Е. П. Иванова.

35. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 18.XII.1912

Милый Владимир Алексеевич.

Вас сегодня «на службе нет». — Мы с Евг<ением> Павл<овичем> условились — в пятницу 24-го. Приходите вечером, пожалуйста¹.

Ваш А. Б.

ИРЛИ, ф. 567, ед. хр. 9.

¹ 18 декабря вечером Блок, видимо, звал Пяста на чтение поэмы «Возмездие» (ср. дневниковую запись этого числа: «Вечером <...> Н. Н. Ге, я читал ему поэму» — VII, 194). 24 декабря Пяст и Е. И. Иванов были у Блока: «Вечером Женя и Пяст — о моей пьесе о важном, после — Пяст о своей семье» (VII, 195).

36. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 30.XII.1912

Милый Владимир Алексеевич.

Есть письмо от А. М. Аничковой¹, которая забыла Ваш адрес и просит Вам передать приглашение на 1-ое января². «Ровно в 9 час. веч<ера>» у них будет «лучший теперешний медиум» Ян Гузик³. Зовет Ремизовых⁴ и нас также. Всего гостей должно быть мало, не более 15 человек.

Думаю, занятно, надеюсь попасть.

Ваш А. Б.

С Новым Годом, пусть он будет светел.

ЦГАЛИ, ф. 405, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1—1 об.

Анна Митрофановна *Аничкова* (псевд. Ivan Strannik, 1868—1933) — писательница, жена Евг. Аничкова. Блок резко отрицательно относился к «светскому» стилю жизни и поведения А. М. Аничковой. Отсюда — иронические цитаты из ее письма в записке Пясту.

² Ср. запись в дневнике от 1 января 1913 г.: «Пообедав, мы с Любой поехали в таксиде к Аничковым. Собрание светских дур, надутых ничтожеств <...> Вот — жизнь, ни к чему не обязывающая, «средне-высший круг» <...> мерзко» (VII, 202—203).

³ Ян Гузик — медиум на спиритическом сеансе. Ср. у Блока: «У Гузика болит голова, надуваются жилы на лбу, а все обращаются с ним как с лакеем, за сеанс платят четвертной билет» (VII, 203). О трогательном отношении Блока к Гузику пишет и Пяст.

⁴ Ремизовы на спиритическом сеансе не были (ср.: «Ремизовы не приехали и хорошо сделали, расстроились бы» — VII, 203).

37. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 3.III.1913

Милый Владимир Алексеевич,

поэму¹ читали, много говорили о ней, отдельные части нравились, а в целом — «Сирин» не хочет ее брать². При свидании расскажу Вам. — Завтра чтение пьесы³ не состоится, потому что я, начитавшись поэмы, вышел на улицу с разгоряченным горлом и совершенно потерял голос⁴. Целую Вас крепко.

Ваш Ал. Блок

¹ «Поэма в ношах» Вл. Пяста (см. вступ. статью).

² Ср. дневниковую запись Блока от 1 марта 1913 г.: «Днем пришел в „Сирин“, приехали Михаил Иванович и Целагея Ивановна (Терещенко, владельцы изд-ва «Сирин». — З. М.) повезли <...> к себе, там читал я им поэму Пяста. Не берет ее „Сирин“» (VII, 226).

³ «Роза и Крест».

⁴ Ср. VII, 226.

38. БЛОК — ПЯСТУ

«Петербург», 30 января 1914¹

Милый Владимир Алексеевич, вот имя и адрес шахматиста, служащего в переплетной Глазунова в Зимином переулке: Михаил Александрович Юрченко. Казанская 6, кв. 3. Он — очень обходительный и деликатный молодой

человек. Я его не особенно обнадеживал, но сказал, что знаком с таким господином, который знаком с Потемкиным² и Зноско-Боровским³.

Он был бы благодарен, если бы его испытали в шахматном собрании.

Целую Вас. Ваш Ал. Блок

¹ Между 3.III.1913 г. (п. 37) и настоящим письмом Блок писал Вл. Пясту дважды: 19 (6). VII из Франции (VIII, 424) и 2.XII.1913 г. (Вл. Пяст. Воспоминания, с. 101—102).

² Петр Петрович Потемкин (1886—1926) — поэт-«сатириконовец», университетский друг Пяста, знакомый Блока по «кружку молодых».

³ Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884—1954) — писатель, критик, секретарь журнала «Аполлон». И Потемкин, и Зноско-Боровский — шахматисты, члены Петербургского шахматного клуба.

39. ПЯСТ — БЛОКУ

«Выборг», 25.III <1>915

Дорогой Александр Александрович.

Вы, застигнутый мною внезапно по телефону¹, сказали мне, думается мне, такие вещи относительно моей болезни, каких в иное время не сказали бы². Вы сказали, что «это подготавливалось у меня уже давно», что «на наших отношениях [Вы замечаете] отражалось это всякий раз», когда это со мною случалось. . . И то и другое неверно. Последнее потому, что, например, наши отношения нисколько не портились в 1906—8 годах, когда я бывал болен, — а ухудшились к 1910 году, в здоровую мою пору³. Но это, конечно, не важно. Гораздо больше мне хочется опровергнуть Ваше первое утверждение. Ничего-то у меня (по крайней мере заметным для других, и в частности для Вас, образом) не «подготавливалось», потому что, если бы это было так, неужели бы Вы меня, так сказать, благословляли (как и Алексей Михайлович⁴, тот буквально) на эту жизнь⁵? Между прочим, по закону, раз перенесенное душевное расстройство навсегда освобождает от военной службы.

О том, что такое казарменная жизнь, маленькое понятие даст Вам прилагаемое стихотворение⁶. Конечно, не везде так. Она, и только она, эта жизнь (и это к счастью, что *только* она) была причиной моего заболевания; перед нею я был спокойно продуктивен и работоспособен, — в 4 месяца перевел Дон Хуана⁷, изучил шведский и отшлифовал знание английского языка, думая о корреспондентской работе, — все это было «уверенно» и без напряжения. Вы помните, как я говорил Вам, что не имею права испытать этот «праздник», каким Вы называли эту великую войну, а Вы говорили: «Не рано ли Вам так говорить и думать, Владимир Алексеевич». Ясно же из этого, что никаких «подготовлений» у меня Вы не замечали.

У меня развилось нечто вроде мании преследования, — дело-то многим, начиная с Августа, нашего Стриндберга, знакомое⁸. Но пренеприятное. Весь организм у меня протекшей болезнью распатан, как не бывал еще. Я впрочем, смотрю на это философически — как на мою лепту великой войне, мою жертву ей, и сознанием исполненного долга доволен. Так или иначе, «что-то» эта война должна была унести у каждого, — у меня — часть здоровья, вот и все.

Но вот что, дорогой Александр Александрович. Отчего это все, или почти все, меня за эти короткие месяцы так основательно забыли⁹? Не пригласили в сборник «Жертвам войны»¹⁰, например. Это меня печалит. Или вот: послал я 3 недели назад Щеголеву¹¹ рецензию на три книжечки, а он не печатает¹²? Конечно, и до болезни с «памятью» обо мне дело обстояло неважно. . . Это, впрочем, порядочные пустяки; но если Вас не затруднит, именно не затруднит (в виду «В. А. Щ.»)¹³, спросили бы его, отчего он не печатает, и, если он не может напечатать, попросили бы его отослать эту рецензию в «Вершины»¹⁴, чтобы даром труд не пропал. Напишите мне что-нибудь в К.: о себе, о Георгии Иваныче¹⁵, времени его приезда, адрес его и т. д. . .

Ваш В. П

«*Приписка на полях*»: Чувствую я, Александр Александрович, что брызжу и капризничаю, а посему прошу прощения¹⁵.

¹ Написано после более чем годового перерыва, во время пребывания Пяста в военном госпитале. За это время Блок писал Пясту лишь 15 января 1915 г. — через мать Пяста во время его болезни (записка эта не сохранилась; см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 102). Письмо написано из военного госпиталя, где Пяст лежал по поводу новой вспышки психического заболевания (см. вступ. ст.), после телефонного звонка Пяста Блоку, явившегося откликом на записку Блока.

² Блок узнал о болезни Пяста от А. Ремизова 17 декабря 1914 г.: «Думал я о Пясте, а он, бедняжка, <...> лежит в Николаевском госпитале без рук, без ног и без языка» (ЗК, 250). После этого записи о Пясте следуют очень часто (20 декабря: «В. А. Пяст сошел с ума, опять» — ЗК, 251; 24 декабря: «Пясту лучше, говорят» — там же; 6 января 1915 г.: «Мать Пяста звонила, он «опомнился», просит написать ему» — ЗК, 253). Очевидно, что звонок Пяста не застал Блока врасплох и что сказать суровую правду о его болезни было не только неизбежным при блоковской прямоте, но и входило в самое суть его представлений о дружбе, дружеском долге и «мужественных» отношениях (см. вступ. ст.). В ответном письме от 6 апреля 1915 г. Блок говорит: «Может быть, Вы правы в том, что пишете по существу; для того, чтобы судить, надо увидеть Вас и опять проникнуть в Вас, как бывало; вообще, сызнова начать» — VIII, 443).

³ И воспоминания Вл. Пяста, и переписка, и другие источники свидетельствуют о том, что отдаление Блока и Пяста падает на время от конца 1906 до конца 1910 г. Отмеченное здесь Пястом «ухудшение» отношений к 1910 г. связано, скорее всего, с тем, что Блок с весны 1909 г. находился в состоянии духовного кризиса и тяжелой депрессии.

⁴ Алексей Михайлович *Ремизов*. См. публикацию переписки Блока с ним в наст. томе.

⁵ Ср. в «Воспоминаниях» Пяста: «Немалую роль в бесповоротности моего решения пройти военную службу <...>, не прибегая ни к оттяжкам, ни к суррогатам военных должностей, сыграло влияние не кого иного, а именно Блока. Он благословлял меня, по праву старшего друга и по добромому русскому обычаю, на службу отечеству» (с. 70). Безусловно, однако, что Пяст истолковывает позицию Блока упрощенно (как он, видимо, воспринимал ее и в 1914 г.): Блок считал «немужественным» уклоняться от военной службы, однако с самого начала войны был почти полностью лишен иллюзий относительно ее характера (см. вступ. ст.).

⁶ Стихотворение Пяста в бумагах Блока не сохранилось.

⁷ В 1912—1914 гг. Вл. Пяст перевел еще две (после «Дон Хуа, зеленые штаны») пьесы Тирсо де Молина: «Осужденный за недостаток веры» (раннее название перевода — «Осужденный за сомнение») и «Севильский озорник, или Каменный гость» (см.: Т и р о д е М о л и н а. Театр. Пер. В. А. Пяста и Т. Л. Щепкиной-Куперник. Л., «Academia», 1935). Имеется в виду последняя пьеса.

⁸ Авг. Стриндберг страдал манией преследования.

⁹ В ответном письме от 6 апреля 1915 г. читаем: «Насчет «забвения», — это Вы не так говорите, так не надо. Настолько же, насколько я это чувство понимаю, настолько знаю, что оно — ненужное» (VIII, 444).

¹⁰ По-видимому, имеется в виду «Невский альманах» жертвам войны». Писатели и художники. Вып. 1. Пг., «Общество русских писателей для помощи жертвам войны», 1915. В альманахе напечатаны произведения Ал. Блока, К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Ахматовой, З. Гиппиус, Л. Андреева, Вяч. Иванова, Ю. Верховского, Н. Гумилева, Д. Мережковского, О. Мандельштама, Ал. Ремизова, Ф. Сологуба, П. Соловьевой, Г. Чулкова и др. близких Пясту литераторов.

¹¹ Павел Елисеевич *Щеголев* (1877—1931) — историк, литературовед, редактор журнала «Былое».

¹² Ср. в ответном письме Блока от 6 апреля 1915 г.: «Щеголеву я звонил давно уже. Он обещал прислать мне рецензию <...> и, конечно, не прислал. Говорит, что уже недели три назад сказал Вашему брату, что рецензии о тех же книгах написаны Тиняковым, потому он их и не помещает» (VIII, 444).

¹³ «В. А. Щ.» — Валентина Андреевна *Щеголева* (Богуславская) (1878—1931) — драматическая артистка, жена П. Е. Щеголева. «В. А. Щ.» в сб. «Ночные часы» (1911) посвящен лирический цикл Блока «Три послания» (III, 162—163), в силу чего Пяст и считает «ватрудительным» обращение Блока к Щеголеву.

¹⁴ В ответном письме от 6 апреля Блок сообщает, что собирался сам послать рецензии Пяста в журнале «Вершины» (VIII, 444).

¹⁵ Георгий Иванович *Чулков* (1879—1939) — поэт, прозаик, драматург, критик-символист; в 1907—1908 гг. приятель Блока. В ответном письме Блок сообщает адрес Чулкова и пишет: «Я получил от него письмо и давно уже собираюсь к нему съездить» (VIII, 444). По возвращении Пяста в Петроград он и Блок ездили к Чулкову в Царское Село (см.: Вл. Пяст. Воспоминания, с. 71).

¹⁶ Приписано на полях.

40. БЛОК — ПЯСТУ

«Петроград», 10 апреля 1915

Дорогой Владимир Алексеевич.

Из «Вершин» надо уходить, Гудзац¹ повел себя неприлично. Ответа от Вас и от Верховского² ждать было бы долго, поэтому мы с Ремизовым решили взять это на себя. Не удивляйтесь, когда появится письмо в газетах, где будет и Ваша подпись, а еще — Зинаиды Николаевны³, Мережковского, Философова, П. С. Соловьевой, Ремизова, Ахматовой, Верховского, моя, и еще, должно быть, некоторых⁴. И Гордин⁵ уходит. Гудзац, по его словам, хочет поставлять «фривольную литературу для армии».

Гордину я дал Ваш адрес, он тоже напишет Вам.

Целую крепко

Ваш Ал. Блок

¹ Д. М. Гудзац — издатель журнала «Вершины». Редактор журнала «Вершины» В. Гордин заявил, что слагает с себя редактирование по принципиальным соображениям из-за разногласий с издателем («День», 1915, № 98, 11 апреля).

² Ю. Верховский в это время в Петербурге не был.

³ З. Н. Гиппиус.

⁴ Письмо группы писателей (А. Ахматовой, А. Блока, Ю. Верховского, З. Гиппиус, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, В. Пяста, Б. Садовского, П. Соловьевой (Аллегро), А. Ремизова, Н. Рериха, Г. Чулкова и др.) было опубликовано в том же номере газеты «День».

⁵ См. прим. 2.

41. БЛОК — ПЯСТУ

«Петроград», 12 апреля 1915

Дорогой Владимир Алексеевич, опять пишу по поводу «Вершин». Наше коллективное письмо об уходе появилось вчера в «Дне» и в вечерней «Биржевке» в сопровождении письма Гордина (отдельно). Гудзац в отчаянии. Звонил ко всем, к кому мог, был у Ремизова, долго рассуждал с ним и клянется, что «направление» не изменится нисколько, в чем мы все убедимся из последующих номеров. Порешили мы с Ремизовым поэтому, что можно будет через несколько номеров опять появиться в «Вершинах» (уже без писем на этот раз), если «направление», действительно, не изменится. «Прецеденты» такие бывали (например, когда Глаголев¹ уходил из «Дня», многие ушли и опять вернулись — к Щеголеву²).

Острастка-то таким, как Гудзац, полезна.

Напишите, как идет поправка здоровья?

Получили ли письма и бандероль?

Целую Вас

Ваш Ал. Блок

¹ Николай Матвеевич Глаголев (р. 1880) — журналист, сотрудник «Дня» и др. периодических изданий 1910-х годов.

² См. п. 39, прим. 11.

42. ПЯСТ — БЛОКУ

«Выборг», 21/IV 1915

Милый Александр Александрович!

Три Ваших письма, каждое через неделю после его отправки (цензура), а также и бандероль, получил¹. Благодарю Вас за них, и за то что «вышли» меня из «Вершин»². Стихи Ваши мне памятны, почти все из присланных я читал раньше³. Мейерхольду в журнал⁴ пока что давать стихотворений не хочу, этому, простите, прощельте⁵.

Евгений Васильевич⁶ прислал мне письмо из действующей армии, 13 Уланского Владимирского полка. Он в самых передовых линиях, самым простым боевым офицером, бывал (ездит туда, когда придет «очередь») в окопах, и под всяким огнем, и, между прочим, пишет: выцарапайте мне письмо от Блока, это одна из моих безнадежных любовей⁷.

По ассоциации, делаю переход к Любове Дмитриевне — где и что она⁸? Семь месяцев я ничего об ней не слыхал. Не думайте, что спрашиваю я

БЛОК НА ФРОНТЕ СРЕДИ СОСЛУЖИВЦЕВ ПО 13 ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ДРУЖИНЕ

Фотография, 1916 г., дер. Новый Двор (Белоруссия)

Собрание И. А. Фашевской, Ленинград

только по ассоциации или из любезности, я давно уже хотел услышать что-либо о деятельности Любви Дмитриевны.

Были ли у Георгия Ивановича ⁹? Как он, поправился ли? Знаете ли Вы статью С. В. Максимова в «Русской Мысли» 1885 или 1895 года (кажется, за журнал не ручаюсь) о Л. А. Мее ¹⁰? Там, сколько помнится, и об Аполл «оне» Григорьеве есть ¹¹.

Настала со вчерашнего дня вторая зима, «все пушисто, светло и бело»; озерко ходит сердитыми волнами (а когда я приехал, еще стоял снег). Посылаю письмо с оказией. О, если бы «настоящее» скорее прошло, — жизнь вступила бы в следующий период ¹²! Тогда бы я зажил совсем хорошо, впрочем и *теперь* я окреп уже очень. Бог даст, все восстановится.

Ваш В. П.

Сверху на письме — пометка Блока: «Отвечено» 26.IV».

¹ См.: VIII, 434—444, а также 40 и 41. Содержание бандероли, отправленной Блоком в госпиталь Пясту, не установлено.

² См. п. 40.

³ Стихи, присланные Блоком в госпиталь, не сохранились.

⁴ «Любовь к трем апельсинам».

⁵ Сущность расхождений Пяста и Мейерхольда неясна.

⁶ Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — литературовед, литературный критик. Об отношениях его с Блоком см. вступ. ст. В 1914 г. Аничков ушел добровольцем в Действующую армию (см.: Вл. П я с т. Воспоминания, с. 69).

⁷ В ответном письме от 26 апреля 1915 г. Блок пишет: «Кланяйтесь от меня Евгению Васильевичу, когда будете ему писать. Надо бы самому написать ему, да уж не знаю, соберусь ли». (VIII, 445).

⁸ Л. Д. Блок, кончив курсы сестер милосердия, уехала 3 сентября 1914 г. (см. ЗК, 238) в Действующую армию с госпиталем Кауфмановской общины (устроенным на средства близко знакомой Блоком семьи М. И. Терещенко). Вернулась она 16 марта 1915 г.: (см. ЗК, 258). В ответном письме Пясту Блок сообщает: «Любовь Дмитриевна вернулась еще перед Пасхой, проработав сплошь более шести месяцев в Львове» (VIII, 445).

⁹ См. п. 39, прим. 15. 26 апреля Блок писал, что «у Георгия Ивановича <...> все еще не побывал; но он был не так давно у Мережковских» (VIII, 446).

¹⁰ См.: С. В. Максимов. Лев Александрович Мей (Из личных воспоминаний) «Русская мысль», 1887, № 7, с. 60—77 (2 пагинация). В статье Максимова (с. 71) упоминается Ап. Григорьев как член «молодой редакции» «Москвитянина». Работа Максимова запомнилась Пясту и была (без точного библиографического описания) названа в позднейшей брошюре: Л. А. Мей и его поэзия. Ред и статья Вл. Пяста. К столетию рождения Мей. (1822—13 февраля — 1922). СПб., «Парфенон», 1922, с. 23.

¹¹ Блок в начале 1915 г. (14 января) завершил работу над статьей «Судьба Аполлона Григорьева» и в апреле был занят ее печатанием, о чем и сообщил Пясту 6 апреля (см. VIII, 443).

¹² Ср. в ответном письме Блока от 26 апреля 1915 г.: «„Следующего периода“ я желаю так же сильно, как и Вы, т. е., должно быть недостаточно сильно, потому что оба устали» (VIII, 445—446).

43. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 23.XII. <1>916—3.I. <1>917

Дорогой Александр Александрович ¹!

Написал Вам 23—31 декабря длиннейшее письмо о текущих событиях в «Петрограде» ². Да, чтоб не раздражить, кого дразнить не надо ³, — не послал. И хорошо сделал, события все меняются, бегут с головокружительной быстротой. . . Вы ведь получаете газеты? Из них главнейшее о новых министрах знаете, а я писал все о них, да о Рубинштейне ⁴, да о Манасевиче, Мануйлове ⁵, да о «Прусской Воле» ⁶. О последней скажу все-таки несколько слов. Я поссорился из-за нее с Княжниным ⁷, утверждавшим, что это «жидки» опорочивают это издание. Утверждение, достойное того околоточного, который явился в красивый магазин с настоятельным предложением подписаться на эту газету. Владелец магазина имел мужество отказаться: он, де, уже выписывает «Полицейский Листок» и «Петроградские ведомости» ⁸. Это факт. Хороши жидки: Пуришкевич ⁹, Милюков ¹⁰, Суворинцы ¹¹, Тиняков (в «Русском Знамени») ¹², Короленко ¹³, Бурцев ¹⁴, Горький ¹⁵, Плеханов ¹⁶. . .

Организаторы газеты ¹⁷ пойманы во лжи с поличным, многократно, документально. В ус себе не дуют, радикальничают, ррракальи! «Попка дурак», — пишут, — знай наших! И признаются в интимной близости к этому «Попке», побутыльничая в ресторанах с бывшими своими коллегами по печати. . . ¹⁸

Тучи стугнулись донельзя. Но — «чем ночь темней, тем звезды ярче». . . ¹⁹ Это именно фразу произнес некий генерал в «Контане», чествуя обедом выпущенного Манасевича, по адресу последнего. . . ²⁰ Сергея Гуцулло ²¹ (Прохожего), автора поклепа на Дубровина ²² (будто тот подговаривал его убить Милюкова) ²³, посадили в Екатеринбургскую тюрьму и будут судить за преступления, совершенные им в качестве члена с. р. нар. в Одессе, преступления, в котор<ых> он сознался прокурору, «оговаривая» Дубровина. «И преступник имеет свой оправдательный документ», — сказал отец одного моего друга. Как приложить это речение к изложенному факту, догадайтесь сами.

«Общество 1914 года» ²⁴ просило об амнистии. В Новый Год его посетили Шлиссельбуржцы ²⁵, в пику левакам современным ²⁶. . .

Читайте «Русское слово» ²⁷! Горький, кажется, будет вести газету, но не сытинскую, а издания «Копейки» ²⁸. Жалко, что у них нет размаха, будут грошовничать.

Приезжайте хоть на короткий срок, Александр Александрович. Александра Андреевна ²⁹ нездорова; неопасная болезнь, но я думаю, что Вы будете полезны. Кланяйтесь Науму Ильичу ³⁰.

Ваш В. П.

¹ Написано Блоку в действующую армию по адресу: «Порохонск. Полесских жел. дор. Его Высочордию Александру Александровичу Блоку. 13 инженерно-строит<ельная> дружина В. Г. и З.» Письмо отражает характерный для Вл. Пяста интерес к политике, бурное переживание им событий эпохи, а также хаотичность его политических взглядов, сочетающих неопределенную «левизну», отвержение официозных идей, неприятие шови-

низма — с искренними оборонческими иллюзиями. Часть письма написана языком аллюзий, иронических намеков.

² «Петроград» взято в кавычки как «чужое слово» — официально-«патриотическое» название Петербурга.

³ Т. е. военную цензуру.

⁴ Дмитрий Львович *Рубинштейн* — близкий к Распутину банкир; в 1916 г. был арестован по обвинению в спекуляции. Участвовал в финансировании «Русской воли» (см. прим. 6).

⁵ Иван Федорович *Манасевич-Мануйлов* (1869—1918). Фамилия, по-видимому, нарочито искажена Пястом — реакционный журналист, авантюрист, агент департамента полиции. Принимал активное участие в создании газеты «Русская воля» (см. прим. 6).

⁶ Ироническая перефразировка названия газ. «Русская воля» (1916—1917). Газета эта, тайно финансировавшаяся царским двором и департаментом полиции, поддерживалась также рядом крупнейших банков России и должна была выражать интересы руководителей русской тяжелой промышленности. Провокационный момент в организации и работе газеты состоял в том, что издание стремилось иметь вид либерального: к участию в нем предполагалось привлечь крупнейших прогрессивных писателей (А. М. Горького, В. Г. Короленко, Ал. Блока и мн. др.); газета была хорошо информирована во внешне и внутривнутриполитических вопросах, а ее связь с «немецкой партией» двора и крупных промышленников (через инициатора «Русской воли» А. Д. Протопопова) маскировалась под антишовинистические настроения (см.: Ю. О к с м а н. «Русская воля», банки и буржуазная литература. ЛН, т. 2).

Осенью 1916 г. Блок получил через Л. Андреева приглашение сотрудничать в «Русской воле» и отказался от него. Блок писал Андрееву (из Петрограда, где он был в отпуске с конца сентября по 2 ноября): «Все мои близкие горячо убеждают меня не участвовать в газете, приводят факты и аргументы, которым я не могу не верить. Сам я совершенно не в курсе дела, газет на фронте почти не видел и о газетной полемике, связанной с новым делом, не знал» (VIII, 475). Из всех близких Блоку людей разговоры о политике чаще всего вел Пяст, и не исключено, что именно беседы с Пястом осенью 1916 г. сыграли роль в блоковском отказе от сотрудничества в «Русской воле». В любом случае очевидно, что письмо Пяста от 3 января 1917 г. не начинается, а продолжает их разговор об этой газете.

⁷ Владимир Николаевич *Княжнин* (Ивойлов, 1833—1942) — поэт, литературовед, приятель и будущий биограф Блока.

⁸ Официальные органы департамента полиции, сопоставляемые с «Русской волей».

⁹ Владимир Митрофанович *Пуришкевич* (1870—1920) — член Государственной думы, монархист, черносотенец. С крайне правых, черносотенных позиций разоблачал прогрессивную позицию «Русской воли» и А. Д. Протопопова (см.: «Речь», 1916, 21 июля, а также: «Стенографические отчеты заседаний Гос. думы от 19/XI 1916 г.», с. 281—282).

¹⁰ Павел Николаевич *Милоков* (1859—1943) — лидер кадетской партии, также резко критиковавший «Русскую волю».

¹¹ Т. е. сотрудники газеты «Новое время», позиция которых была близка к Пуришкевичу. Вопрос осложнился и тем, что именно «Новое время» первоначально мыслилось как орган, превращаемый в негласный рупор идей департамента полиции, банков и промышленников, однако эта кандидатура была отвергнута из-за широкой известности одиозно-реакционного облика газеты (см.: Ю. О к с м а н. Указ. соч., с. 166—168).

¹² Александр Иванович *Тиняков* (1886—1922, псевд. *Одинокий*) — поэт, журналист. «Русское знамя» — орган Союза русского народа (1905—1916). О причинах критики этим органом «Русской воли» см. прим. 9 и 11.

¹³ См.: В. Г. Короленко. Старые традиции и новый орган. — «Русские записки», 1916, № 8, с. 249—267. Короленко, приглашенный в число сотрудников «Русской воли», отказался от участия в этой газете, мотивируя свой отказ соображениями личной и профессиональной этики прогрессивного русского писателя, требованиями независимости прессы от правительства. Он также возмущался сделанным А. Д. Протопоповым (см. прим. 17) заявлением о якобы полученном им согласии на сотрудничество Горького, Л. Андреева и Короленко («Речь», 1916, 21 июля). Протопопов отвечал Короленко («К истории новой газеты (письма в редакцию)» — «День», 1916, № 214, 6 августа, с. 2), утверждая «естественность» для «европейской» прессы зависимости от крупных акционерных обществ.

¹⁴ Владимир Львович *Бурцев* (1862—1942) — редактор журн. «Былое».

¹⁵ Горький сразу же возмущенно откликнулся на слухи о его предполагавшемся сотрудничестве в «Русской воле»: «Слухи о сотрудничестве моем в газете, организуемой г. А. Д. Протопоповым, не верны» (М. Г о р ь к и й. Письмо в редакцию газ. «День». — «День», 1916, 6 августа, № 214, с. 2). В письмах он безоговорочно называет газету «Русская воля» реакционной (см. письмо к Е. П. Пешковой от 30 ноября 1916 г. — «Летопись жизни и творчества А. М. Горького». Вып. 12. 1908—1916. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 582).

¹⁶ Газета «Русская воля» активно распространяла слухи о согласии на сотрудничество в ней сначала Горького, потом Короленко, затем — Г. В. Плеханова (см. прим. 13). Плеханов, как и Короленко, и Горький, публично опроверг это сообщение.

¹⁷ Александр Дмитриевич *Протопопов* (1866—1918) — председатель совета съездов металлообрабатывающей промышленности, крупный землевладелец, с сентября 1916 г. —

министр внутренних дел, главноначальствующий отдельным корпусом жандармов, ставленник Распутина. Инициатор создания «Русской воли».

¹⁶ Намек на связь Протопопова с Распутным.

¹⁹ Из цикла А. Н. Майкова «Из Аполлиодора Гностика» (стих. «Не говори, что нет спасенья. . .»).

²⁰ См. прим. 5.

²¹ С. И. Гуцулло (псевд. Сергей Прохожий) — журналист, сотрудник «Русского знамени» (см. прим. 12).

²² Александр Иванович Дубровин (1885—?) — основатель черносотенного «Союза русского народа».

²³ См. прим. 10. Вся история «поклепа» на Дубровина изложена иронически и «эзоповым языком», с учетом военной цензуры.

²⁴ «Общество 1914 года» — организация, созданная в 1914 г. и ставившая своей целью помощь России и союзникам в мировой войне. Во главе общества стоял кн. С. П. Мансурев (депутат Гос. думы, кадет, позже — прогрессист).

²⁵ Объединение бывших узников Шлиссельбургской крепости возникло в период Первой русской революции. Контакт с членами «Общества 1914 года» — жест, демонстрирующий оборонческую позицию.

²⁶ Пораженцы, к которым Пяст отнесился резко отрицательно (см. вступ. ст. и прим. 123 к ней).

²⁷ «Русское слово» — газета либерально-буржуазного направления (1894—1917). Представителем ее в Петербурге был А. В. Руманов.

²⁸ М. Горький в конце 1916 г. организует газету «Луч».

²⁹ В конце 1916 г. здоровье матери Блока ухудшилось. В начале 1917 г. она уехала в санаторий Крюково.

³⁰ Наум Ильич Идельсон (см. вступ. ст.).

44. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 3.II. <1>917 ¹

Дорогой Александр Александрович.

В понедельник (30 января) №-е «Дня» приведен очень большой кусок (целый фельетон) из Вашей автобиографии Венгеровского издания ². Сказали мне об этом на службе, я «Дня» теперь не читаю сам, ничего общего с ним не имею ³, там упомянут Август и я, через которого Вы впервые познакомились с его творениями ⁴. Очень меня это тронуло, порадовало, польстило мне и обратило мои мысли лишний раз к Вам и нашим интерпсихическим странам, в которых мы блуждали, и за время «первого», и за время «второго» знакомства ⁵, и за то время, когда в наших отношениях «завелась неправда» ⁶, и продолжаем блуждать, конечно, теперь, несмотря на разделенность пространством.

Между прочим, я читал однажды у Бородаевского ⁷, второй раз издателям («Фелана») Лисенкову и Ляндау ⁸ первую часть своего романа, иначе «первый роман», которому (или которой) я дал название «Круглый год» ⁹. Вы слышали года три-четыре назад из нее места, Вам не понравилось. . . Но все-таки, она хороша, эта часть: все-таки в ней отразился Парк ¹⁰ и жизнь в нем, — не так, как бы хотелось, не полно, — а все-таки. Полно отразится он лишь во всем моем творчестве первой половины жизни, и даже не в одном моем, но и у кого-то еще, чьи «Незнакомка» ¹¹ и «Озеро-красавица» ¹² так близки к нему, — без них ведь, без мест Вольной песни ¹³ и Незнакомки, [нельзя] и даже другой Вольной песни, с «цыплячьей желтизной» ¹⁴, нельзя добраться до «Монмартра» и «Усолья», мест моего «Круглого года» (название-то Ваше, связанное с моим покойным мальчиком, кому, утомленный, после обеда, в многострадальный и многонадежный сезон 1913—14 годов, я читал оттуда, из Вашей сытинской книжки, стихи ¹⁵), — и других моих вещей, как-то: рассказа «Три сна» ¹⁶, «Ограды» ¹⁷ и цикла «Еще в Ограде» в новой книжке стихов «Львиная пасть», которую готовит «Фелана» ¹⁸, и — второй части романа «Агнесса Кроль» ¹⁹, которая много лет не увидит тиснения. Теперь я закончил и третью часть романа (которой доволен) «Тайные силы» ²⁰, и «Эпилог» ²¹; которому не хватает только протокола, об одном имевшем место в действительности событии; протокол этот находится во владении Финляндской железной дороги, и я озабочен изысканием путей к его добытию. Четвертая же часть, известная Вам «Ру-

копись «Хлябина»²², теперь довольно близка к реализации, — может быть, будет напечатана сразу отдельным изданием. «Круглый год» я хотел бы сначала провести через журнал; но требует исправлений, потому что во время чтения, шельма Ани <чк>ов (это я ласкательно) сразу узнал в «Нератове» Стасова²³. Вторую же и третью части читатели узнают много позднее, если заинтересуются первой и четвертой, и если позволит стыдливость.

Сегодня Александра Андреевна с Францем Феликсовичем уехали в Крюково²⁴. Говорю по телефону с Марьей Андреевной²⁵.

Посылаю Вам, по просьбе автора, посвященный Вам акrostих²⁶ — на мотив «Выходи, о друг мой нежный, бил свиданья час»²⁷.

В. П я с т

Княжнин²⁸, кажется, отправляется в Пензу. Вы не получили моего первого письма²⁹?

Напишите что-нибудь о себе.

¹ Отправлено по иному, чем письмо 43, адресу (полученному скорее всего от матери Блока): «Лукинец, Подольских жел. дор. Е. В. Александру Александровичу Блоку. 13 Инженерно-строительная дружина В. З. и Г. С.».

² См. VII, 7—16. Впервые опубликовано в кн.: «Русская литература XX века», под ред. С. А. Венгерова, т. 2. М., 1915.

³ «День» — петроградская газета, ставшая после Февральской революции органом меньшевиков. Позиция Пяста ко времени Февральской революции — кадетская. Раньше Пяст был сотрудником «Дня» (см., напр.: П я с т. О. Мандельштам. Камень (реп.). — «День», 1916, № 20, 21 января, с. 5).

⁴ Август Стриндберг. Ср.: «Из событий, явлений и веяний, особенно сильно повлиявших на меня <...> я должен упомянуть <...> знакомство с творениями покойного Августа Стриндберга (первоначально — через поэта Вл. Пяста)» (VII, 15—16).

⁵ См. вступ. ст. Вся фраза построена на цитатах из дружеского языка Блока и Пяста, а также на оккультной терминологии, связанной для обоих с именем Авг. Стриндберга.

⁶ См. VIII, 443, а также вступ. ст.

⁷ Валерий Валерианович *Бородаевский* — поэт из круга Вяч. Иванова, автор об. «Уединенный дол».

⁸ С петроградским издательством «Фелана» и его издателями Пяст был связан в 1910-х годах довольно тесно. Так, в «Альманахе муз» (Пб., «Фелана», 1916) опубликованы 3 отрывка из поэмы «Грозю дышащий июль» (1915), полностью не увидевшей света (Вл. Пяст. Автобиография, л. 127 об.).

⁹ Роман Пяста не был опубликован («Автобиография», л. 127 об.).

¹⁰ Шуваловский парк, поблизости которого жил Вл. Пяст с семьей и в котором они Блоком часто гуляли.

¹¹ Стихотворение «Незнакомка» (24 апреля 1906 г.) написано Блоком в Озерках.

¹² Имеется в виду стихотворение «Над озером» из цикла «Вольные мысли» (1907), написано Блоком в Шувалово.

¹³ Т. е. цикла «Вольные мысли».

¹⁴ Из стихотворения Блока «О смерти» (цикл «Вольные мысли» — см. II, 296).

¹⁵ Ал. Б л о к. Круглый год. Изд. И. Д. Сытина, 1913.

¹⁶ Не опубликовано (см. прим. 9).

¹⁷ См.: Вл. П я с т. Ограда. Книга стихов. СПб., тов-во М. О. Вольф, 1909.

¹⁸ Сборник вышел не в изд-ве «Фелана», а после Октября в Берлине (Вл. П я с т. Львиная пасть. Вторая книга лирики. Берлин — Пб., изд. З. И. Гржебина, 1922).

¹⁹ Не опубликовано (см. прим. 9).

²⁰ Не опубликовано (см. прим. 9).

²¹ Не опубликовано (см. прим. 9).

²² Не опубликовано. Рукопись этой части романа была в 1917—1918 гг. у Блока (см. п. 48, прим. 3).

²³ С Владимиром Васильевичем *Стасовым* (1824—1906) Пяст был знаком во времена своей юности (см. Вл. П я с т. Встречи, с. 44).

²⁴ См. п. 43, прим. 28.

²⁵ С Марией Андреевной *Бекетовой* (1862—1938) — теткой (впоследствии — биографом) Ал. Блока.

²⁶ Акrostих в письме Пяста не сохранился.

²⁷ Т. е. арии Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст».

²⁸ См. п. 43, прим. 7.

²⁹ На п. 43 (как и на все последующие) Блок не ответил.

45. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 11 мая 1917

Милый друг — пусть и настало время, когда любовь наша разъединяет нас: потому что нас разделяет любовь — у Вас к одному — у меня к другому — или вернее к *другим* ¹. (Сегодня я шел с бельгийцами и временами плакал от горя и радости. . .) Все же будем помнить, что то, что нас отделяет, — есть не ненависть, а у обоих любовь. Две любви — две правды.

Потом я был у Гейштора в Гатчине. Полуфранцузская семья. Хороший стал известный Вам Влад<имир> Михайлович ² Михайлов ³ (говорил про Вас). Как это ни странно, и он нашел выход, — т. е. *исправился*: подобно Вам, занимается физическим трудом (Вы занимались им — время тут не играет роли) ³ и сознательно *сердцем* расстался со своей литературой.

Из Гатчины приехал я (впервые) в литературную комиссию Союза деятелей искусства ⁴ в Академии > Художеств. . . Пробыл лишь полчаса, нашел свое присутствие излишним — и к Вам. От Вас еще в одно, «оккультное», общество ⁵. «Орловскую быль» ⁶ я попрошу Кудрявцева ⁷ Вам прислать. А сам еду 16-го — на Тверь — Нижний — Пермь — на лесные работы ⁸. До свиданья! — Встретимся сильными.

В. П.

¹ Речь идет о любви Блока к России и о «западничестве» Вл. Пяста (см. вступ. ст.).

² Владимир Михайлович *Гейштор* — журналист, приятель Пяста с середины 1900-х годов. В 1910-х годах сотрудник правых газет.

³ Речь идет скорее всего о том особом значении, которое Блок придавал занятиям по перестройке дома и садовым работам в Шахматово. В 1908 г. Блок думал временами и о серьезном (профессиональном) обращении к физическому труду в духе толстовского «попущения», намереваясь использовать полученные еще в отрочестве навыки переплетного дела (ср. запись от 21 сентября 1908 г. — ЗК, 114); однако, в это время Блок и Пяст были довольно далеки, и неизвестно, знал ли Пяст об этих порывах Блока «в народ».

⁴ Союз деятелей искусства — массовая организация деятелей искусства, созданная после Февральской революции (решение о создании Союза было принято на митинге в Михайловском театре 12 марта 1917 г.). В организации Союза активную роль играли Горький, Вл. Маяковский, А. Бенуа и др.

⁵ Вл. Пяст (как и А. Белый, В. Брюсов, М. Волошин и многие другие символисты) интересовался «оккультными науками». Если для Блока интерес этот (шедший в основном через Авг. Стриндберга) был всегда периферийным, то Пяст посещал тайные «оккультные» общества и был пропитан оккультной мистикой.

⁶ О чем идет речь установить не удалось.

⁷ По-видимому, Александр Евгеньевич *Кудрявцев* (1880—1941) — историк и историограф марксистской ориентации, сотрудник горьковской «Летописи». Позже — профессор Ленинградского Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, автор монографии и статей по истории средневековой Испании.

⁸ Служебная командировка Вл. Пяста (см. п. 46).

46. ПЯСТ — БЛОКУ

«Кунгур, 2 июня 1917 г.»

Благословляю час, когда решил эту поездку. Сейчас, проехав по маршруту: Гатчино — Тосно — Тверь (самолет) — Рыбинск (самолет) — Нижний («Каменские») — Пермь (лошади) — Кунгур, по отрогам Урала, еду на Ключи (Кумыс, курорт, Богородское) — Алмазское — на «нарезку делянок». Адрес мой будет: Богородское почт. отд., Красноуфимского уезда, Пермской губ., Канцелярия Алмазского лесничего для В. А. Пестовского». Россия велика, богата, умна необычайно, деятельна и не унывает, а вретяся в бой с ее врагом ¹. Напишите от меня приветствие с глуб<оким> поклоном Вашей маме.

Открытка, датируется по почтовому штемпелю «2.6.1917». Послана Блоку в Петроград (адрес: «Петроград. Александру Александровичу Блоку. Офицерская, 57. Следовать за адресатом») из Кунгура, где Пяст был в служебной командировке. На открытке сверху слева помета Блока красным карандашом: «Не отвечено».

¹ Характерное проявление «оборончества» Пяста. Блок ценил эти настроения за искренность, однако сам он в это время стоял на совершенно иных позициях (см. ЗК, 283—284, а также вступ. ст.).

БЛОК НА ЗАСЕДАНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ
В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Сидят (слева направо): секретарь редакции, Е. В. Тарле, С. Ф. Ольденбург, Блок,
М. П. Миклашевский

Фотография, 1917 г., Петроград

Литературный музей, Москва

47. ПЯСТ — БЛОКУ

«Петроград», 30 июня 1918 г.

Милостивый государь Александр Александрович¹.

Пользуюсь возможностью вернуть Вам пятьдесят рублей, занятые мною у Вас еще летом 1916 года, в Екатерининском Саду²; извиняюсь, что не сделал этого раньше, и таким образом, вследствие падения курса, возвращаю гораздо, во много, может быть, раз, меньше, чем взял, — но ввиду трудности учета не считаю возможным предложить Вам какую-нибудь другую сумму; предоставляю Вам, если желательно, указать место, куда бы я мог внести добавочную сумму, которую, я считаю, я Вам должен.

В. Пестовский

30 июня 1918 г.

Адрес: Вас. остр. II линия, д. 18

¹ Письмо написано в период, когда Вл. Пяст, не принявший Октябрьскую революцию, порвал отношения с Блоком из-за поэмы «Двенадцать». Возможно, письмо Пяста было неосознанной реакцией на происшедшую накануне случайную встречу Пяста с Блоком (ср. запись Блока от 29 июня 1918 г.: «Встреча с Пястом, который «не подал руки» — ЗК, 414). Остро нуждающийся, голодающий (см.: Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке, с. 477), Пяст возвращает долг — это один из знаков полного разрыва дружеских отношений с Блоком (ср. стиль письма).

² Возможно, во время встречи с Блоком и поездки в Екатеринингоф 8 июля 1916 г. (ср. ЗК, 313).

48. ПЯСТ — БЛОКУ

⟨Петроград, 10 июля 1919 г.⟩

«Покорнейше просил бы Александра Александровича выдать подателю сего хранящийся у него экземпляр «Рукописи Хлябина»¹. Доктор, заведующий лазаретом, в котором я нахожусь, интересуется этим. Если можно, было бы желательно получить и тот (2-й) сборник «Сирин», где напечатана «Поэма в тонах»² — на несколько дней³.

В. П я с т

10.VII.1919

¹ См. п. 44, а также прим. 22 к этому письму.

² П я с т. Поэма в тонах. — Альм. «Сирин», сб. 2. СПб., 1913.

³ Ср. записи Блока от 27 июля 1919 г. («Без меня приходили с письмом Пяста, который просит у меня свою рукопись и II сборник «Сирин» для доктора того лазарета, где он находится» — ЗК, 468) и от 29 августа («Пяст бедный занес то, что я ему давал, — рукопись и книжку» — ЗК, 473).

ПИСЬМО БЛОКА К Р. С. ЕЛЬЦИНОЙ О Н. А. КЛЮЕВЕ

Публикация Н. В. Ельциной и А. И. Клибанова

24 февраля 1909 г. Галерная 41, кв. 4

Многоуважаемая Розалия Семеновна.

Позвольте предложить Вам еще одно мое стихотворение. Кстати, я задолжал «Бодрому слову» — 1 р.

Прилагаемые 3 стих. (одно — собственноручное, а другие два — переписаны) принадлежат крестьянину Николаю Ключеву, которого, если Вы помните, начал печатать Виктор Сергеевич. Теперь Ключев постоянно переписывается со мной и через меня — с Виктором Сергеевичем, а стихи свои посылает мне с просьбой печатать. Выберите из этого, что найдете подходящим, и вышлите ему, какой назначите гонорар, по адресу: Олонецкая губ., Вытегорский у., ст. Мариинская, деревня Желвачева, Н. Ключеву.

Если переведете и мне гонорар за прилагаемое стих. (за вычетом 1 р.), буду очень благодарен Вам.

Журнал получаю — спасибо.

С искренним уважением Александр Блок

Печатается по оригиналу, сохранившемуся в семье Н. В. Ельциной — дочери адресата.

В 1909 г. Блок опубликовал три своих стихотворения в журнале «Бодрое слово»: в № 1 — «Я знаю день моих проклятий», «В день холодной, в день осенний» и в № 7 — стихотворение «Встреча». Расчеты Блока с редакцией «Бодрое слово» (я задолжал «Бодрому слову» — 1 р.) относятся к стихотворениям, опубликованным в первом номере журнала, а «прилагаемое» — и есть «Встреча». Это стихотворение в т. III напечатано без названия и датируется 1 марта 1909 г., что ошибочно, поскольку приложено оно было к письму от 24 февраля 1909 г. Текст стихотворения по публикации в журнале и в восьмитомном собрании сочинений Блока разночтений не имеет. Но два первые из названных стихотворений, публикуемые в восьмитомном собрании со ссылкой на «Бодрое слово», содержат разночтения, во втором стихотворении — значительные, восходящие к другой редакции.

Стихотворение «Я знаю день моих проклятий. . .», строфа первая: (разночтения выделены курсивом):

«Бодрое слово»

III, 188

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой *обветшалый* скит,
Я вырываюсь из объятий —
Но он распутье сторожит.

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой *дovereмный* скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он — распутье сторожит.

То же стихотворение, строфа последняя:

«Бодрое слово»

III, 188

И весь измучен, в иступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На *безысходные* мученья,
На безысходную любовь.

И, весь измучен, в иступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На *безысходное* мученье,
На безысходную любовь.

В журнальной публикации стихотворения «В день холодный, в день осенний. . .» отсутствует строфа третья:

Злые времена законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, бывшие стоны
Не услышишь — я потух.

Строфа вторая:

«Бодрое слово»

Я приду и не заплачу,
Вспоминая, не сгрюю.
Встречу песней — наудачу
Поздней осени зарю.

III, 86

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгрюю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Строфа последняя:

«Бодрое слово»

Твой огонь — слепые очи
Не прожжет слезой былой:
Ясный день — темнее ночи
Усыпленному душой.

III, 86

Самый огонь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

Сотрудничество Блока в журнале «Бодрое слово» имеет отношение к общественной биографии поэта. Как видно из его письма к Р. С. Ельциной, адресат и корреспондент связаны каждый с Виктором Сергеевичем Миролюбовым. После цензурных преследований, оборвавших издание «Ежемесячного журнала», В. С. Миролюбов продолжал свое издание под разными названиями. Среди изданий, наследовавших «Ежемесячный журнал», наиболее устойчивым оказался «Трудовой путь», в котором сотрудничала Р. С. Ельцина, где она несла примерно те же функции, что и позднее в «Бодром слове», в частности, ведала деловыми отношениями с авторами. Сохранилось маленькое письмо (на бланке денежного отправления) Р. С. Ельциной — Н. А. Рубакину, написанное от редакции «Трудового пути» и датированное 9 ноября 1907 г. (ГБЛ, ф. 358, карт. 226, ед. хр. 48, л. 1).

Когда Миролюбов под угрозой судебного преследования вынужден был весной 1908 г. уехать за границу, эстафету его изданий приняло «Бодрое слово», начавшее выходить с октября 1908 г. Возглавлял журнал И. М. Бикерман. Однако в издание его большую долю участия вносила Р. С. Ельцина, стремившаяся актуализировать содержание журнала и привлечь к сотрудничеству в нем талантливых авторов. В журнале публиковались статьи о текущем стачечном движении (например, «Трамвайная забастовка и городские заправилы» в № 12 за 1909 г.). Под рубрикой «Очерки русской жизни» была помещена, в частности, статья «Отщепенцы в квадрате», направленная против Г. П. Струве и Н. А. Бердяева (№ 8 за 1909 г.). Направление журнала красноречиво характеризуют преследования, которым он подвергался со стороны цензуры, а потом и петербургского градоначальника. Когда в № 1 журнала за 1910 г. появился перевод статьи Аргура Дрекса о Христе, цензор усмотрел в этом «глумление над Христом-Спасителем, а с другой стороны — полное отрицание его, как сына божия» и потребовал «привлечь виновных к судебной ответственности». (ЦИГА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 1930, л. 8—8 об.). В данном случае инициатива цензуры не возымела успеха и была немедленно возобновлена ею в связи со статьей о А. И. Герцене, опубликованной в № 2 журнала за 1910 г. На вопрос, «чем славны имена наших выдающихся борцов», автор статьи о Герцене отвечал: «претерпенными мучами — Шиллсальбургом, Алексеевским равелином, „мертвым домом“ — словами, вызвавшими приступ ярости у цензора, обратившегося к петербургскому градоначальнику с очередным доносом на журнал. Цензор писал: «На что могут они (авторы статей в «Бодром слове») вдохновлять наше юношество? На мрачные тяготы, на тягостные жертвы и т. д.» (там же, л. 15—15 об.).

Свое дело цензура сделала. Апрельский (восьмой) номер журнала «Бодрое слово» оказался его последним номером.

Блок ценил прогрессивное издание: «Журнал получаю — спасибо». И, как видим, перенес свои литературно-журнальные связи и на «Бодрое слово», когда миролюбовские журналы, в которых он участвовал, были закрыты.

Конечно, содержание журналов определяется общественными позициями их редакторов, издателей, авторов. Левонародничество Миролюбова не предохранило его издания от досадных срывов и распылчатого объективизма. Так было, например, с опубликованием статьи в защиту «христианского социализма» на страницах «Журнала для всех». Она вызвала прочт передовых писателей, в том числе В. В. Вересаева и А. С. Серафимовича, предупредивших Миролюбова, что в случае дальнейшего опубликования статей, «развращающих и одурманивающих народ», они перестанут сотрудничать в его журнале.

Общественное направление «Бодрого слова», в свою очередь, не обошлось без левонароднических мотивов. «Бодрое слово», как и журналы Миролюбова, ориентировалось главным образом на читателя из интеллигенции и все же отличалось гражданственностью, бескомпромиссностью не только по отношению к самодержавию, но и к перебежчикам из лагеря марксизма в лагерь реакции. Достижения журнала не в последней степени связаны с именем Розалии Семеновны Ельциной (урожденной Комаровской, 1879—1933), активной участницы революционного движения. С 1900 года Р. С. Комаровская связала свою жизнь с Владимиром Михайловичем Ельциным, юристом по образованию и профессиональным революционером, членом социал-демократической организации с 1899 г. Она делала опы-

тания, выпавшие на долю мужа — привлечение его по делу Казанской демонстрации 1901 г. в Петербурге, через год — за революционную деятельность в Екатеринославле, а еще год спустя — по делу Петроградского комитета РСДРП(б) (ГБЛ, ф. 648 (А. И. Клибанова). Справка Государственного Музея Революции № 810 от 5 марта 1930 г.).

Политическая «неблагонадежность» послужила причиной тому, что Р. С. Ельцина не могла получить высшее образование в России. Она поступила на факультет естественных наук университета в Монпелье, но, вернувшись на родину, нашла применение своим силам не в специальности, а в передовой журнальной периодике, где и проявила незаурядные энергию, увлеченность и организационные способности.

Знаком ли был лично Блок с Р. С. Ельциной? Как-то получилось, что об этом мы ее не спросили, а она, если не изменяет память, о встречах с Блоком не рассказывала. Из публикуемого письма следует, что знакомство было относительно давним и едва ли только заочным. Блоку могли импонировать не только прогрессивное направление журнала, но и его соиздательница, принадлежавшая к одному с поэтом поколению, — прямая, деятельная, идейная, уже успевшая вкусить и радость борьбы, и горечь преследований.

Главное в письме Блока Ельциной — забота о напечатании в «Бодром слове» стихов Николая Клюева, из которых три («одно — собственноручное, а другие два переписаны») приложены были к письму. Стихи нашли место на страницах «Бодрого слова».

ПИСЬМА БЛОКА К К. И. ЧУКОВСКОМУ И ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА К. И. ЧУКОВСКОГО

Вступительная статья, публикация и комментарии Е. Ц. Чуковской

1

Блок и Чуковский принадлежали к одному поколению — Блок всего на полтора года старше Чуковского. Но Чуковский пережил Блока почти на столетия и поэтому его имя в сознании многих читателей связано с другим временем, с другой эпохой.

Поначалу личные отношения поэта Александра Блока и критика-фельетониста Корней Чуковского сложились неблагоприятно. Знакомство их относится, вероятно, к 1906—1907 годам, когда Чуковский переехал в Петербург и начал печатать свои критические статьи в «Весах», «Ниве», «Речи», «Русской мысли» и других изданиях. Он, по собственным словам, «перезнакомился чуть ли не со всеми литераторами», часто выступал с чтением лекций, вызывавших шумные споры и полемику в печати. Среди первых же работ молодого критика (Чуковскому тогда было двадцать пять лет) можно назвать такие, в которых он писал о Блоке. Это — статьи: «О современной русской поэзии»¹, «Об Александре Блоке»², «О хихикающих»³ и др.

Уже в это время Чуковскому случалось выступать перед публикой вместе с Блоком. Так, например, 13 июля 1907 г. и Блок и Чуковский приняли участие в литературном отделении «Вечера нового искусства», устроенного Мейерхольдом в театре-казино финляндского курорта Териоки⁴.

В то время Блок относился с неприязнью к литературной деятельности Чуковского. В статье «О современной критике», опубликованной в конце 1907 г., Блок писал: «Вот уже год, как занимает видное место среди петербургских критиков Корней Чуковский. Его чуткости и талантливости, едкости его пера — отрицать, я думаю, нельзя. Правда, стиль его грешит порой газетной легкостью. . .» (V, 203). Полемизируя далее со статьями Чуковского о бальмонтских переводах Уитмена и главным образом со статьями о Леониде Андрееве, Блок утверждает: «Чуковский — пример беспочвенной критики». Еще более резко высказывается он о Чуковском в своих «Записных книжках» того времени.

Через 46 лет в письме к исследователю биографии и творчества Блока — Д. Е. Максимова Чуковский вспоминал: «Что же касается нападков Блока на меня, то они были вполне закономерны: часто я писал откровенно, вульгарно, безвкусно. И Блок, естественно, возмущался моими писаниями»⁵.

В воспоминаниях о Блоке Чуковский так характеризует этот период их отношений: «Все эти годы мы встречались с ним часто (речь идет о десятых годах. — Е. Ч.) — у Ремизова, у Мережковских, у Комиссаржевской, у Федора Сологуба, у < . . . > Руманова, и в разных Петербургских редакциях, и на выставках картин, и на театральных премьерах, но ни о какой близости между нами не могло быть и речи. Я был газетный писатель, литературный поденщик, плебей, и он явно меня не любил. Письма его ко мне, относящиеся к тому времени, — деловые и сдержанные, без всякой душевной тональности»⁶.

Эти далекие отношения переменились лишь в конце жизни Блока, в 1919—1921 гг. Впрочем, есть основания полагать, что Блок несколько изменил свои взгляды на литературную деятельность Чуковского уже и раньше. Так, известно, что именно Блок предложил Луначарскому поручить редактуру первого послереволюционного издания стихотворений Некрасова Чуковскому и Евгеньеву-Максимову⁷. Книга эта вышла в 1920 г. под редакцией Чуковского и с биографическим очерком Евгеньева-Максимова⁸.

В сентябре 1918 г. Горький организовал в Петрограде издательство «Всемирная литература». В редакционную коллегию экспертов вошли Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, Ф. А. Браун, А. Л. Вольтский, Е. И. Замятин, М. Горький, Н. С. Гумилев, А. Я. Левинсон, Г. Л. Лозинский, А. Н. Тихонов (Серебров) и К. И. Чуковский⁹. Совместная работа в «Всемирной литературе», в секции исторических картин и в Доме искусств привела к тому, что Блок и Чуковский выделялись чуть ли не ежедневно.

«В то трехлетие (1919—1921), — пишет Чуковский, — мы встречались с ним очень часто — и почти всегда на заседаниях: в Союзе деятелей художественной литературы, в Правлении Союза писателей, в редакционной коллегии издательства Гржебина, в коллегии «Всемирной литературы», в Высшем совете Дома искусств, в секции исторических картин и др.

Через несколько месяцев нашей совместной работы у него мало-помалу сложилась привычка садиться со мною рядом и изредка (всегда неожиданно) обращаться ко мне с односложными фразами. . . »¹⁰.

В «Записных книжках» Блока тех лет отмечены многие литературные разговоры с Чуковским, лекции Чуковского, на которых побывал Блок, совместные заседания во «Всемирной литературе», стихи для «Чукоккалы»¹¹.

В 1920 г. Чуковский начал работать над книгой о Блоке.

Книга Чуковского была почти закончена при жизни Блока. Блок был безусловно знаком с ее содержанием, слышал отрывки из нее на лекциях Чуковского. Их совместные выступления в апреле—мае 1921 г. показывают, что Блок, очевидно, благожелательно отнесся к высказанным в книге суждениям Чуковского.

Так, 25 мая 1921 г. Блок пометил в своем дневнике: «Чуковский написал обо мне книгу и читал ряд лекций. Отсюда — наше сближение, вечер в театре 25 апреля, снимались Наппельбаумом» (VII, 421).

«Книга об Александре Блоке» была опубликована Чуковским через несколько месяцев после кончины Блока и посвящена исследованию его поэзии. В предисловии Чуковский писал:

«В начале 1920 года, во время яростных нападок заграничной печати на поэму Блока «Двенадцать», мне захотелось осветить эту поэму по-своему. . . Мне было ясно, что эта поэма неразрывно связана со всем предшествующим Блока и что понять ее может только тот, кто близко знаком с этим творчеством. . . Поэтому, прежде чем говорить о «Двенадцати», я решил сделать беглый обзор предшествующих произведений поэта. . . Я писал страницу за страницей и с огорчением видел, что предисловие разрастается в большую статью, а до «Двенадцати» еще далеко»¹².

На страницах книги Чуковского мы читаем: «В „Двенадцати“ высший расцвет его творчества, которое — с начала до конца — было как бы приготовлением к этой поэме. . . Я назвал его поэму „Двенадцать“ гениальной. Блок для моего поколения — величайший из ныне живущих поэтов. Вскоре это будет понято всеми»¹³. (Написано еще при жизни Блока.)

В архиве Чуковского сохранилось письмо М. М. Шкапской, которая была дружна с матерью Блока. 26 января 1922 г. Шкапская пишет: «Александра Андреевна. . . просила меня передать Вам, что книга ей очень понравилась. Она выразилась так: «на многое я могла бы возразить, но в целом написано необычайно талантливо и сказаны об Александре Александровиче поистине драгоценные вещи»¹⁴.

В своей «Книге об Александре Блоке» Чуковский занимался исключительно анализом его поэтического творчества, а в статье «Последние годы Блока» он поставил перед собой уже другие задачи. Он написал портрет Блока—человека, того человека, которого он узнал и полюбил в «последние годы жизни», которому он сострадал и сочувствовал, которого восхищался. Это — воспоминания о Блоке, написанные в первые же месяцы после его кончины. Статья опубликована в «Записках мечтателей», № 6. Весь этот номер, выпущенный издательством «Алконост» весной 1922 г., посвящен памяти Блока. Там же опубликованы «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» Андрея Белого. В октябре 1921 г., когда этот сборник еще готовился к печати, Белый прочел статью Чуковского и написал в «Чукоккале»:

«Корнею Ивановичу Чуковскому с чувством двойной симпатии: к нему лично; и к нему — за Блока, который для нас обоих так много значит.

Блок есть тот, кого понесут поколения русских к золотому бездорожью вселенского света; он будет жив, пока жива Россия. . . »¹⁵.

Продолжая вспоминать Блока, его судьбу, его стихи, Чуковский несколько дополнил свои работы о нем. В 1924 г. «Последние годы Блока» и «Книга об Александре Блоке» в переработанном виде были объединены в книгу «Александр Блок как человек и поэт»¹⁶.

Через сорок лет, в 60-е годы, Чуковский вновь вернулся к воспоминаниям о Блоке. Эти воспоминания вошли в его книгу «Современники». В 1965 г. он написал еще одну работу. Речь идет о комментарии к многочисленным блоковским автографам в «Чукоккале»¹⁷. В разное время Блок записал в рукописном альманахе Чуковского не только свои стихи (отрывок из «Скифов», «Чуковскому», «Продолжение Стихов о Предметах Первой Необходимости», «Сцена из Исторической картины «Всемирная литература», «Как всегда были смутны чувства. . .»), но и прозаические отрывки — шуточные протоколы открытия (и закрытия) «Дома искусств», юбилейные поздравления Горькому и М. Кузмину и многое другое. С именем Блока связаны десятки наиболее значительных и важных страниц альманаха. Большинство этих блоковских записей теперь опубликовано¹⁸. Есть в «Чукоккале» и стихотворение «Пушкинскому Дому», написанное рукою матери Блока, билеты на его выступления и другие записи и документы.

Тогда же, в 60-х годах, Чуковский подготовил сборник стихотворений Александра Блока. Сборник вышел с его предисловием в издательстве «Детская литература» в 1968 г. Об этом небольшом сборнике хочется вспомнить потому, что Чуковский отобрал для него свои любимые стихи. В этом сборнике напечатаны те стихи Блока, которые сопровождали Чуковского всю жизнь, которые он знал наизусть. Он не то чтобы «цитировал Блока», а обо многом думал и говорил строками блоковских стихов, не подыскивая своих слов, считая эти стихи лучшим воплощением собственных мыслей и чувств. Стихи расположены не по хронологическому принципу, но в последовательности, установленной составителем.

Завершается сборник стихотворением, которое оказалось нерасторжимо связанным с последними днями Чуковского. Именно эти стихи повторял Корней Иванович в больнице, чувствуя приближение конца, в последние дни своей смертельной болезни:

Боль проходит понемногу,
 Не навек она дана.
 Есть конец мятежным стонам.
 Злую муку и тревогу
 Побеждает тишина.

В архиве Чуковского сохранилось 7 писем и открыток от Александра Блока¹⁹. Они охватывают период с марта 1907 г. по май 1921-го. Из них только два письма были опубликованы раньше²⁰, остальные впервые печатаются на страницах этого тома. В примечаниях к письмам Блока также впервые помещены пространные выдержки из писем к нему Чуковского. Эти письма (их всего 11) хранятся в ЦГАЛИ²¹.

4 письма Блока (1907—1919) носят чисто деловой характер. 3 письма (1919—1921) отличаются, как верно заметил Чуковский, «совсем другою тоналностью». Писем этих немного: в то время Блок и Чуковский часто виделись. За короткими и немногочисленными письмами встает трудная жизнь тех лет. «Сейчас я высиживаю Гейне <. . .> и еще один возможный паек», — пишет Блок. И в другом письме: «Увы, продовольствия «Горох» не шлет». Чуковский, приглашая Блока выступить с чтением стихов, называет среди аргументов «угощение» (хотя и «скудное»). Однако, разумеется, в переписке речь идет не только о пайках. Блок спрашивает Чуковского о французской пьесе, которую в 1842 г. перевел Некрасов, просит передать З. Н. Гиппиус, что она делает неверные выводы из его стихов.

Особое место в переписке занимает последнее письмо Блока к Чуковскому. Письмо это — глубокое и трагическое: оно написано человеком, который сознает, что стоит на пороге смерти. Он прощается не только с адресатом, но и с самой жизнью.

Не только письма Блока и его записи в «Чукоккале», но и Дневник Чуковского тех лет предоставляет новые факты для биографии Блока. Свой Дневник Чуковский вел начиная с 1900 г. и до последних дней жизни. Записи касаются, главным образом, литературных событий, всегда стоявших в центре его интересов²². Прав был Зоценко, написавший в 1934 г. в «Чукоккале»: «Наибольшее всего завидую, Корней Иванович, тем Вашим читателям, которые лет через 50 будут читать Ваши дневники и весь этот Ваш замечательный материал»²³. Действительно, Дневник Чуковского богат описаниями событий и лиц, оставивших след в нашей литературе.

Для этого тома отобраны выдержки из Дневника Чуковского, касающиеся Блока. Главное, что характеризует записи Чуковского о Блоке, — это неизменное сочувствие поэту, стремление сохранить, сблечь, запомнить каждое его слово.

Чуковский, человек иронический, насмешливый, острый, едкий — даже в записях, сделанных для себя одного; на страницах своего личного Дневника сразу меняет тон, чуть заговаривает о Блоке. Вот он описывает наружность Блока: «Я смотрел, его лицо и потное было величественно: Гете и Данте», или: «Он был прекрасен, словно гравюра какого-то германского поэта», и в другом месте: «измученное прекрасное лицо Блока». Вот — звук его речи: «Он читал уповательно: густым, страдающим, певучим, медленным голосом». А вот Чуковский слушает рецензии Блока: «Рецензии глубокие, с большими перспективами, меткие, чудесно написанные. Как жаль, что Блок так редко пишет об искусстве»; вот обсуждается программа издания ста лучших русских книг: «Блок < . . . > составил программу идеальную: она и свежа, и будоражит, в ней нет пошлости — и научна». В самом тоне этих записей чувствуется, что их автор всегда на стороне Блока, всегда, говоря словами Пушкина, «заодно с гением».

Но Чуковский не только очевидец, не только сосед по заседанию, который придя домой записывает слова любимого поэта. Чуковский в это время работает над книгой о нем. Поэтому он задает Блоку множество вопросов о его стихотворениях, о том или ином их толковании: «Я задавал ему столько вопросов о его стихах, что он сказал: «Вы удивительно похожи на следователя в Ч. К.», но отвечал на вопросы с удовольствием. . . Ему очень понравилось, когда я сказал, что в своих гласных он не виноват» и т. д.

Время предоставило возможность сопоставить записи Чуковского с Дневником самого Блока, с воспоминаниями и дневниками других очевидцев. Сопоставление это показывает, что Чуковский неизменно точен в передаче фактов, слов, интонаций. Он, например, заносит в Дневник устный рассказ З. Н. Гиппиус о ее случайной встрече с Блоком в трамвае, а потом Гиппиус печатает собственные воспоминания об этой же встрече. Запись Чуковского точно передает рассказ Гиппиус. Подробно записывает Чуковский, что говорил Блок на одном из заседаний (26 марта 1919 г.) о кризисе гуманизма, что говорил об этом же Горький, с чем спорил Вольнский. Блок тоже записывает в своем Дневнике, что говорилось в этот день. Обе записи, дополняя друг друга, во многих местах совпадают почти дословно. Так же дословно совпадает рассказ Блока о вечере у Браза, записанный в Дневнике Чуковского, и запись Блока об этом вечере в собственном Дневнике.

Чуковский описывает один из последних вечеров Блока в Москве, на котором был Маяковский. Он пишет: «Все наше действо казалось ему <Маяковскому> скукой и смертью». Сам Маяковский в своей статье 1921 г. об этом же вечере Блока вспоминает: «Я слушал его < . . . > в полупустом зале, молчавшем кладбищем. < . . . > дальше дороги не было. Дальше смерть».

Можно указать и множество других подобных дословных совпадений записей в Дневнике Чуковского со статьями, дневниками, воспоминаниями других участников тех же событий. Таков, например, записанный Чуковским рассказ Горького о том, что Толстому не нравилось выражение «стеженое одеяло». Этот рассказ впоследствии вошел в воспоминания Горького о Толстом. Записанные Чуковским слова Сологуба о Блоке повторены в воспоминаниях Э. Голербаха о Сологубе.

Несомненный интерес в Дневнике Чуковского представляют и его собственные суждения и оценки. В высокой степени ему было свойственно чувство истории, понимание, что он — участник и очевидец важных событий. Услышав 13 февраля 1921 г. речь Блока «О назначении поэта», Чуковский записывает: «Только что вернулся с Пушкинского празднества в Доме литераторов. Собрание историческое».

Страницы Дневника, посвященные смерти Блока, исполнены пронзительной болью: «. . . всю эту непередаваемую словами атмосферу Блока я вспомнил — и мне стало страшно, что этого нет. В могиле его голос, его почерк, его изумительная чистоплотность, его *цветущие* волосы, его знание латыни, немецкого языка, его маленькие изящные уши, его привычки, любви, «его декадентство», «его реализм», его морщины — все это под землей, в земле, земля».

Несколько записей сделаны в Дневнике уже после смерти Блока и дают новые штрихи для понимания отношения к поэту таких его современников, как Ахматова, Гумилев, Сологуб, Маяковский, Ольга Форш, Замiatин.

Необходимо указать также на ту связь, которая существует между Дневником Чуковского, написанным для себя одного, и тем, что он писал и печатал о Блоке для читающей публики. Теперь, когда явилась возможность ознакомиться со страницами его Днев-

ника, стало очевидным, что связь эта теснее, чем можно было предполагать. Удивительным образом в статье «Последние годы Блока», написанной осенью 1921 г. «по живому следу», не оказалось ни одного факта, ни одного эпизода, ни одной реликвии Блока, которые не были бы в свое время записаны в Дневнике. В этой статье Чуковский рассказывает читателю не о том, что сохранилось в его памяти, но о том, что сохранилось в его архиве. Это обстоятельство на первый взгляд может показаться неожиданным. Принято считать Чуковского «громогласным собеседником», помнившим десятки литературных историй, занимательным рассказчиком, обладателем неистощимой памяти. Такими утверждениями изобилуют воспоминания о нем²⁴. На самом деле — это только внешняя сторона его личности, так сказать, ее парадный фасад, отчасти даже маска.

Сам он любил называть себя «чернорабочим в литературе». И он не полагался ни на свои способности, ни на свою действительно великолепную память. Он знал цену литературному факту, историческому свидетельству и, восстанавливая в памяти дорогие для него черты облика Александра Блока, не позволял себе «сочинять воспоминания».

Этим Чуковский вновь подтвердил высокое уважение к своему великому современнику.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Ежемес. лит. и попул. научн. прил. к журн. «Нива», 1907, № 3, стб. 391—420.
- ² «Свободные мысли», 1907, 5 (18) ноября.
- ³ «Речь», 1908, 20 декабря (2 января) 1909 г.
- ⁴ ЛН, т. 89, с. 214.
- ⁵ К. Чуковский. Письмо к Д. Е. Максиму <1963?>, архив Д. Е. Максимова.
- ⁶ Цит. по машинописной копии.
- ⁷ Корней Чуковский. Современники. М., «Мол. гвардия», 1967, с. 258.
- ⁸ См. «Протокол № 3 заседания Комиссии по изданию русских классиков при Комиссариате по народному просвещению 31-го января 1918 г.», с. 7:
«... А. В. Луначарский обращается к А. А. Блоку с предложением взять на себя редактирование Некрасова.
А. А. Блок, ссылаясь на то, что он «не так знает, любит, понимает Некрасова, чтобы браться за его редактирование, указывает на Чуковского и Максимова (Евгеньева), как на наиболее соответствующих этому» (ГБЛ, ф. 620).
- ⁹ «Стихотворения Н. А. Некрасова. Издание исправленное и дополненное под редакцией К. И. Чуковского. С биографическим очерком В. Е. Евгеньева-Максимова». Пб., 1920.
- ¹⁰ М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» — «Ист. архив», 1958, № 2, с. 67.
- ¹¹ К. Чуковский. Современники, с. 288.
- ¹² ЗК, с. 446, 451, 452, 455—457, 459, 460, 463, 465, 468, 473, 474, 477, 479, 482, 486, 491, 498, 502, 503.
- ¹³ К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. Берлин, «Эпоха», 1922. Предисловие.
- ¹⁴ Там же, с. 129.
- ¹⁵ Письмо М. М. Шкапской к Чуковскому 26.I.22 г. ГБЛ, ф. 620.
- ¹⁶ «Чукоккала». М., «Искусство», 1979, с. 294.
- ¹⁷ К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. Пг., изд-во А. Ф. Маркс, 1924.
- ¹⁸ «Чукоккала», с. 199, 204—227, 247—250, 284, 286, 294—300.
- ¹⁹ См. также: К. Чуковский. А. Блок в «Чукоккале». — В кн.: «Блоковский сборник», 2, с. 424.
- ²⁰ ГБЛ, ф. 620.
- ²¹ Открытка от 20 октября 1907 г., см.: К. Чуковский. Современники, с. 258. Письмо от 26 мая 1921 г. впервые опубликовано в книге «Александр Блок как человек и поэт», с. 144; см. также VIII, 537.
- ²² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 454, л. 1—15.
- ²³ Дневник Чуковского охватывает почти 70 лет XX в. и насчитывает около 100 печатных листов. Уже на протяжении десяти лет, совместно с секретарем Чуковского К. И. Лозовской, мы готовим Дневник к изданию. За эти годы он перепечатан, сверен с оригиналом, снабжен подробными указателями. Один только аннотированный указатель лиц, упомянутых в Дневнике, занимает 300 машинописных страниц. Эта предварительная работа, уже близкая к завершению, очень помогла при составлении примечаний и при выборе записей, касающихся Блока. Дневник, так же как «Чукоккала», находится в моем личном архиве.
- ²⁴ «Чукоккала», с. 372.
- ²⁵ «Воспоминания о Корнее Чуковском». Сост. К. И. Лозовская, З. С. Паперный, Е. Ц. Чуковская. М., «Сов. писатель», 1977.

ПИСЬМА БЛОКА К ЧУКОВСКОМУ

1

<17 марта 1907 г.>

Многоуважаемый Корней Иванович.

Обращаюсь к Вам с просьбой: нельзя ли опровергнуть в «Понедельниках» известие о том, что Веригина¹, актриса театра Коммиссаржевской, служит у Ходотова²? Веригина прислала мне письмо с такой просьбой и приложила еще вот это, которое посылаю Вам; целиком его печатать нет надобности, да и она не имела в виду, а хорошо бы поместить коротенькое опровержение, хотя бы в «Календаре писателя».

Искренно Ваш Александр Б л о к

17 марта 1907 Пет. Ст. Лахтинская, 3, кв. 44

¹ Валентина Петровна *Веригина* (1882—1974), актриса. Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской в первый же свой сезон поставил пьесу Блока «Балаганчик». Зимой 1906—1907 гг. Блок постоянно бывал на спектаклях в театре Коммиссаржевской, выступал там на «литературных субботниках» с чтением своих стихов. К этому времени относится его увлечение Н. Н. Волоховой, которая, как и Веригина, играла в «Балаганчике». И Волохова, и Веригина написали воспоминания об этом периоде жизни Блока (см. «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 104, 1961, с. 106, а также: В. П. В е р и г и н а. Воспоминания. М., «Искусство», 1974).

В марте 1907 г. первый театральный сезон в театре Коммиссаржевской закончился, и Веригина, погостив недолго в Куоккале у Мейерхольдов, уехала в Москву. Оттуда она писала Блоку: «Спросите Бога ради Чулкова, дал ли он заметку в Товарищ, что я у Ходотова не служу. <...> Ходотов, очевидно, не получил моего письма с окончательным отказом, потому что мне передавали, что он ждет меня на репетицию, и это он, вероятно, дает известия о том, что я служу у него. Везде печатают меня и это мне страшно неприятно.

Между тем, я теперь даже не понимаю, как я могла намереваться служить у них! Если Чулков не сделал, о чем я его просила, будьте добры, пошлите это письмо в какую-нибудь газету, где есть театральный отдел. <...>.

Мне пришло сейчас в голову, что письмо к Чулкову, как и к Ходотову, не дошло. Письма в маленьких конвертах не доходят сплошь и рядом. Попросите его тогда напечатать опровержение» (ЦГАЛИ; ф. 55, оп. 1, ед. хр. 190).

Очевидно, Чулков не сдержал своего обещания. Исполняя просьбу Веригиной в этом случае послать ее опровержение в какую-нибудь газету, Блок и написал Чуковскому. Чуковский в те годы сотрудничал во множестве петербургских изданий.

² Николай Николаевич *Ходотов* (1878—1932) — в то время артист императорских театров в Александринском театре.

2

<20 октября 1907 г.>

Многоуважаемый Корней Иванович.

Я почти до 6-ти Вас ждал, но к 6-ти должен был непременно уехать. Если зайдете около 4 час. дня, почти всегда буду дома. Могу Вам дать неск<олько> отзывов о себе и неск<олько> томов Соловьева — не надолго. В Выборг сейчас никак не могу¹ — завален делом — перевожу мистерию для Стар<инного> театра².

Ваш Ал. Б л о к

20.X.07

¹ В это время Чуковский писал статью о Блоке (см. «Об Александре Блоке». — «Свободные мысли», 1907, 5 (18) ноября). В письме от 17.10.07 он просил Блока прислать ему «Стихи о Прекрасной Даме» и «Снежную Маску». Ответа Блока не сохранилось, но, по-видимому, он обещал Чуковскому книги. Зайдя за ними, Чуковский не застал Блока и оставил записку, которая кончалась словами: «В Финляндии много эмигрантов — голодают. В Выборге устраивается вечер. Я уполномочен Вас пригласить в участвующие. Будет в числе других Репин. Это к началу ноября. Проезд и гостиница на счет устроителей. Умоляю согласиться. Финны — Ваши почитатели».

² Старинный театр был организован в 1907 г. Н. В. Дризенем и начал свои представления 7 декабря 1907 г. пьесой Рютбефа «Действо о Теофиле» в переводе Блока (IV, 267).

БЛОК И К. И. ЧУКОВСКИЙ

Фотография М. С. Напцельбаума, 1921 г., Петроград

Собрание С. М. Алянского, Москва

В тот же день, что и Чуковскому, 20 октября 1907 г., Блок писал Брюсову: «... к 1-му <ноября> должен перевести для старинного театра целый миракль XIV века в 600 стихов («Miracle de Theophile»)» (VIII, 216).

3

«12 мая 1911 г.»

Многоуважаемый Корней Иванович. В моем реферате (1908 г.) только одна фраза касается Некрасова; а именно: Любовь Горького к России — «конкретная любовь — не к международному, но к национальному, не к пролетарскому стягу, но к родным лохмотьям, к тому, чего «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный». Любовь, которую знали Лермонтов, Тютчев, Хомяков, Некрасов, Успенский, Полонский, Чехов»¹. — Жму Вашу руку.

Ал. Блок

12.V.1911.

¹ Письмо Чуковского, на которое отвечает Блок, не сохранилось. Фраза о Некрасове — из статьи «Народ и интеллигенция» (V, 321).

«Не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный» — цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...».

<Около 16 мая 1919 г.>¹

Корней Иванович, нельзя ли получить от Вас сведения о «Материнском Благословении» (или «Бедность и честь») Дюмануара и Деннери в перев. Н. А. Перепельского? 1) Где рукопись? 2) Было ли напечатано, хотя бы в отрывках? 3) Где были напечатаны куплеты? 4) Есть ли это действительно перевод, или переделка, или сокращено? 5) Где справиться?²

¹ Письмо Блока датируется на основании ответных писем Чуковского (пометы Блока о датах получения этих писем).

² Выступая 19 мая 1919 г. перед актерами Большого драматического театра, Блок сказал, что на ближайший сезон намечено семь новых постановок, в том числе «Материнское благословение». «Происхождение «Материнского благословения» связано с эпохой Великой французской революции, а сама мелодрама, в вольном переводе Некрасова, напомнит нам лучшие времена русского театра — сороковые годы. . .» (VI, 354). Пьесу написали французские драматурги Филипп Франсуа Дюмануар (1806—1865) и Адольф Филипп Деннери (1811—1899). Н. А. Перепельский — псевдоним Н. А. Некрасова, которым он подписывал свою прозу и водевил. Премьера пьесы «Материнское благословение» (или «Бедность и честь») состоялась в Александринском театре 19 октября 1842 г. (см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и театр. Л.—М., «Искусство», 1948).

Готовясь к своему выступлению, Блок обратился к Чуковскому как к знатоку Некрасова. Чуковский ответил двумя письмами (письма не датированы, но есть пометы Блока, «16 V 1919» и «Получ. 17.V.1919»): «Материнское Благословение Перепельского у меня в Куоккале есть в литографированном виде. Другой экземпляр имеется у Евгеньева-Максимова. Я позволю ему сегодня же. Это перевод — по старинным обычаям, — т. е. вольное переложение. В афишах не было указано, что это перевод, и рецензенты писали об этой вещи как об оригинальной». И второе письмо: «Дорогой Александр Александрович, «Материнское благословение» никогда напечатано не было. Рукопись этой пьесы имеется в Библиотеке Императорских Театров (1842 г.). Перепельскому принадлежат лишь куплеты, остальное — вольный перевод. Куплеты такие:

Как соловей	Бегу гулять
Поет на воле,	Так шибко, шибко,
В тени ветвей	Глаза глядят
И в чистом поле. . .	На все с улыбкой.
Едва встаю	А грудь моя
Чуть день начнется —	Так сладко бьется
Так я пою,	И рада я,
Пока поется.	Что мне поется.

В четвертом действии есть песня, в которой предчувствуется будущий некрасовский дактиль:

В хижину бедную, богом хранимую,	Сколько, я думаю, к горю привычная,
Скоро ль опять возвращусь?	Мать моя слез пролила! . .
Скоро ли мать расцелую любимую	Если б отсюда она горемычная
С добрым отцом обнимусь!	Речь мою слышать могла,
Бледная, страшная, в грезах является	Я б закричала ей: пусть не пугается,
Мать моя часто ко мне	Жизнь для меня не страшна;
И горячо я с мечтой обнималася	Матушка! дочь твоя с горем не знается,
Будто с родимой во сне!	Замуж выходит она!

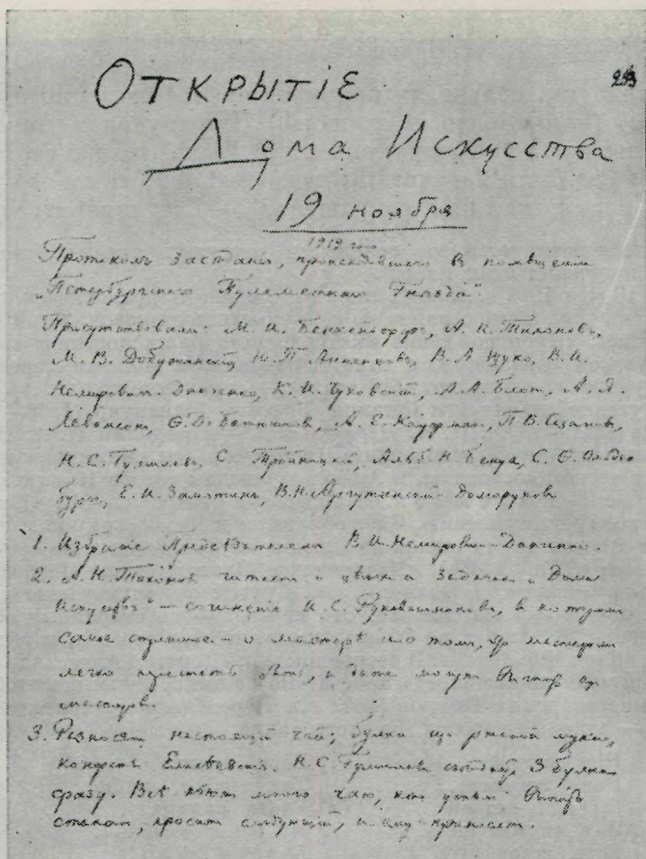
Остальное — труха.

Вот и все. Ваш Ч у к о в с к и й

Дорогой Корней Иванович.

Боюсь, что у меня возобновится жар, который только что прошел, и будет до бесконечности возобновляться инфлюэнца, если я еще не высижу. Поэтому, завтра не приду и в субботу — едва ли; Вы знаете, что теперь заболеть несколько раз подряд нельзя. С Каплуном познакомиться впоследствии, конечно, очень не прочь¹.

Сейчас я высиживаю Гейне² (Вы еще не получали от меня заказа через Евдокию Петровну?)³ и еще один возможный паек. К Гржебину пойду получить, как только поправлюсь. Иванова-Разумника не видал очень давно, так что не знаю, получил ли он⁴. У него скончался отец.

«ОТКРЫТИЕ ДОМА ИСКУССТВ»

Шуточный протокол, написанный Блоком 19 ноября 1919 г.

Автограф, листы «Чукокнулы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Между нами говоря, Сазонов ⁵ поступил бестактно, вынося свои сведения и подозрения на общее собрание. Следовало вовсе не поднимать вопроса о Волынской Философской Ассоциации, если уж так ⁶. Не знаю, как теперь быть мне лично; с Сюннербергом я говорил, но и он — отвлеченный человек ⁷.

До возвращения Горького с Гржебиным я и Лермонтова решил приостановить ⁸.

Мы переписываемся, как в деревне. Телефон мой так и не действует. До свидания, надеюсь, что во вторник — наверное ⁹, а может быть, и раньше.

Ваш Ал. Блок

P. S. Если пойдет речь, скажите З. Н., что я не думаю, чтобы она сделала верные выводы из моих этих стихов ¹⁰, что я ее люблю и что по-прежнему, а иногда и больше прежнего, и очень хочу «редактировать» (у Гржебина), если она позволит ¹¹.

¹ В письме Блоку от 18 декабря 1919 г. Чуковский писал: «Дорогой Александр Александрович. Знаете ли Вы Каплуна? Кажется, нет. Это очень молодой и приятный сановник — не смеется, не кричит, не кокетничает. Он стоит во главе Управления Петроградского Совета (Дворцовая площадь, 6) и, по непонятной причине, покровительствует Мерек-ковскому, Сологубу и другим именитым писателям. Я познакомился с ним на прошлой неделе. Думаю, что это знакомство чревато пайками. Каплун, по моему совету, устраивает в эту субботу, т. е. послезавтра, Литературный Вечер <...>. Ваше участие неизбежно.

4. Сестра А. Э. Каплун и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых; 2. Хотел только уехать в
холодную литературу.
 5. А. К. Толстой и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 6. К. П. Анисимов и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 7. Т. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 8. А. Е. Кудряков и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 9. К. М. Чуковский и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 10. А. С. Кудряков и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 11. К. М. Чуковский и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 12. С. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 13. А. К. Толстой и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 14. А. В. Добужинский и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 15. Е. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 16. З. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 17. В. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 18. Т. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 19. Т. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
 20. Е. В. Сорокин и т. д. 1. Не хотел быть признаным
одним из Чукочаевых.
- Эти статьи свободны. Обращаюсь к вам
преданно и т. д. В. Сорокин

«ОТКРЫТИЕ ДОМА ИСКУССТВ»

Шуточный протокол, написанный Блоком 19 ноября 1919 г.

Автограф, листы «Чукоккалы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Каплун готов послать за Вами «машину». Начало вечера в 7 часов. Телефон Каплуна 19-01. Умоляю Вас покориться, ибо повторяю, возможен паек.

Надеюсь, также, что Вы не погубите Дома Искусств и явитесь завтра к 7 часам вместе с Любовью Дмитриевной на Мойку 59.

Получили ли Вы 10.000 у Гржебина. Я получил. Выдан ли какой нб. гонорар Ив.-Разумнику? <...>

Черкните, пожалуйста, можно ли надеяться на Ваше участие в двух вышеупомянутых литературных вечерах? Ваш Чуковский.

² Блок в это время редактировал шестой том собрания сочинений Гейне («Путевые картины»).

³ Евдокия Петровна Струкова — секретарь издательства «Всемирная литература». Блок попросил Чуковского написать для шестого тома Гейне заметку о Гейне в Англии. Судьба этого «заказа» описана в шуточной пьесе Блока («Чукоккала», с. 205—210). Факсимиле первых страниц пьесы см. с. 342.

⁴ Зиновий Исаевич Гржебин (1869—1929) — художник, издатель. Одно время З. И. Гржебин заведовал издательской частью «Всемирной литературы», потом основал свою фирму «Издательство З. И. Гржебина», которым руководил Горький. Иванов-Разумник (1878—1946) — псевдоним Разумника Васильевича Иванова, литературовед, автор многих статей о Блоке. О нем см. наст. кн., с. 458—506.

⁵ Петр Владимирович Сазонов заведовал хозяйством в «Доме Искусств» и в Главархиве.

⁶ Вольная философская ассоциация (Вольфила) открылась за месяц до этого письма (16 ноября 1919 г.) докладом Блока «Крушение гуманизма». Блок — один из членов-учредителей Вольфила и ее председатель (см.: Н. И. Гаген-Торн. Воспоминания об Александре Блоке. В кн.: «Блоковский сб.», 2). По-видимому, речь идет о хозяйственных делах, так как именно они находились тогда в ведении Сазонова.

⁷ Константин Александрович Сюннерберг (Эрберг) (1871—1942) — искусствовед, поэт, давний знакомый Блока. Сюннерберг примыкал к организационному ядру «Вольной философской ассоциации».

⁸ Горький предложил Блоку проредактировать для «Издательства З. И. Гржебина» стихотворения Лермонтова (ЗК, 479). Об этой работе Блока см. ниже в Дневнике Чуковского.

⁹ По вторникам происходили заседания коллегии «Всемирной литературы» и Секции исторических картин.

¹⁰ Стихи, которые имеет в виду Блок — поэма «Двенадцать».

¹¹ Предполагалось издать серию книг «Русская литература XX века». Были намечены к изданию книги А. Блока, З. Гиппиус, А. Грина, Н. Гумилева, Е. Замятина, Д. Мережковского, В. Муйжеля, А. Чапыгина, К. Чуковского, В. Шипкова (см. «Записку издательства «Всемирная литература» в Народный Комиссариат просвещения о деятельности издательства» от 16 июня 1919 г. — «Ист. архив», 1958, № 2, с. 78). Об отношениях Блока и З. Н. Гиппиус в 1918—1919 гг. см. Дневник Чуковского, прим. 4.

6

7.II.1920

Дорогой Корней Иванович,

спасибо, что зовете, думаю, что приду. Скажу Вам, что прочту, при свидании ¹. Я сбился совсем с ног с болезнью матери, и к Горькому, по-видимому, завтра не попаду ². Очень радуюсь, что Л «любовь» Д «митриевна» читала хорошо, сама она была собой недовольна.

Ваш Ал. Блок

Увы, продовольствия «Горохр» не шлет!³

¹ Блок отвечает на письмо Чуковского, полученное 7 февраля 1920 г.: «Дорогой Александр Александрович. Вы знаете, что по четвергам в «Доме Искусства» бывают вечеринки. Студисты страстно желают видеть Вас у себя. Не пожалуйте ли Вы к 8 1/4 час. в «Дом Искусства»? Гонорар 1500 р. и посильное угощение (весьма скудное). Было бы очень хорошо, если бы Вы прочитали, напр., «Возмездие» или «Египет», — или — что хотите. В воскресенье у Горького — в три! Ваш Чуковский»

Чтение Любовь Дмитриевны произвело большое (трагическое) впечатление. <...>

Чуковский руководил Литературной студией при «Доме Искусств». На семинарах студисты писали рефераты о Блоке. Некоторые такие работы сохранились в архиве Чуковского (А. Рашковская. «Театр Блока»; Надежда Павлович. «Блок и мещанство», ГБЛ, ф. 620). Тогдашний студиец М. Зоценко в статье «Конец рыцаря печального образа» писал: «...новое слово в литературе сказали не пролеткультовцы, столь много кричавшие о пролетарской поэзии и пролетарском искусстве, а автор стихов о Прекрасной Даме, одним из первых услышавший «музыку революции». Ал. Блок написал поэму «Двенадцать» о новом Петербурге после Октября 17 года. И в этой героической поэме казалось все новым от идеи до слов» (личный архив В. В. Зоценко. Цит. по ст.: А. Д. З а й д м а н. Литературные студии. — «Русская литература», 1973, № 1, с. 145). Кроме семинаров, Чуковский часто устраивал для студистов лекции и литературные вечера. На один из таких вечеров он и приглашает Блока.

² 8 февраля на квартире у Горького было собрание «по Гржебинскому изданию классиков. На собрании были Замятин, Гржебин, Горький, Лернер, Гумилев и я» (Дневник Чуковского).

³ Л. Д. Блок читала «Двенадцать» на открытии Клуба городской охраны (Горохр) в зале Павловой 5 февраля 1920 г.

7

26.V.21

Дорогой Корней Иванович.

На Ваше необыкновенно милое и доброе письмо я хотел ответить, как следует ¹. Но сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается и все всегда болит. Я думал о русской санатории около Москвы ², но, кажется, выздороветь можно только в настоящей, то же думает и доктор ³. Итак, «здравствуем и по сейчас» ⁴ сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гугнивая, родимая матушка Россия, как чушка — своего поросенка.

В Вас еще очень много сил, но есть и в голосе, и в манере, и в отношении к внешнему миру, и даже в последнем письме — надорванная струна.

«Объективно» говоря, может быть еще поправимся.

Ваш Ал. Блок

245

Чуковский.

Авиз, мурлы, добрый Роза
 Истоучила коммеса!
 Впр, безумный, она — не проза,
 Свине Танька как ласка!
 Без перо мурлы и Роза
 Проступила да шёл. Висок.
 Велю прозой сама Роза,
 Совынька еда поблес,
 Проманяю угроза —
 Чыл пестелька авиз дрови,
 Дави (видимые проза?)
 Прекрасна муравьиный пох,
 Влоза, влоза, подваса —
 На ка юго, на ка восток,
 На свайку вескаво каваза
 Претрамиле гордоки, —
 Тот не таме Собараса
 Боудоб аскаль увток? —

Во зное мурт, об, мам русно,
 Тшь ичи ел, кавад,
 И, кавад, зоба какуста,
 Евидельво во чи кавад,
 Не втучо, это чу не учок —
 Будума зинке варада,
 Не ролик, кода в прокуста
 Претрамиле — мато след
 (Како чубо не била во икачу смат)
 Сказиме Бросви, повода,
 И, кода претаме Локуста,
 Ка кой во обемво урда.
 Какви увток не зрокки,
 Рельзпроко — как росс,
 Но колстучу котокки
 И какуста — акакаса,
 Как се прекрасна кезнакина,
 Оки со кел не ствиль зина,
 А далские пономки

И за по похвалямо кай, зур
 Это не зурки шь, не локки,
 Зравствено а посейсес
 (Да-сэ)
 Мб стики моя не зрокки?
 Мн мико рвено пострани
 Романтикесей Теадер,
 Заврэмекны в марактасо?

А. Б.

Ты, 28 января
 1919

It is my Via Dolomina
 I understand it word by word.
 Dec. 18, 1919.
 Peter Dulock.

СТИХОТВОРЕНИЕ БЛОКА «ЧУКОВСКОМУ», 1919 г.

Автограф, листы «Чукоккаль»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

¹ В мае 1921 г. в Москве было организовано несколько выступлений Блока. Чуковский говорил всгупительное слово. Подробнее о поездке Блока и Чуковского в Москву см. Дневник Чуковского 1—8 мая 1921 г.

После возвращения из Москвы Блок сразу заболел и слег. 24 мая Чуковский обратился к нему с письмом, которое начиналось так: «Дорогой Александр Александрович. Мне казалось, что Вам хочется немного: от меня отдохнуть, что в Вашей жизни вдруг стало «слишком много меня» и что мне вообще лучше на время не быть. Не знаю, прошел ли срок, но дольше не могу: хочется узнать, как Вы, как Ваша нога, лежите ли, отдыхаете ли, вспрыскиваете ли мышьяк, что говорит доктор, пишете ли, — и прошло ли у Вас то новое чувство ко мне, которое возникло в Московские дни. Боюсь, что не прошло, и по заслугам! Таких нелепостей и неудач не прощают. Я как бы держал перед Вами экзамен, и провалился — по *всем* предметам.

Ни о каких переэкзаменовках я не мечтаю, но хочу, чтобы Вы знали, что эти мои неудачи — впервые. До сих пор во всех *этих* делах я был счастлив, и всегда всем своим попутчикам приносил удачу. У меня была легкая рука. . . » Дальше Чуковский пишет, что недоволен собой, своими лекциями, огорчен тем, что вечера Блока были плохо организованы и не принесли тех материальных результатов, которые ожидались.

Поездка оказалась мучительно трудна для Блока из-за резкого ухудшения здоровья. ² Хлопоты «о русской санатории» велись Правлением Союза писателей, как это видно из последнего письма Чуковского Блоку (ок. 10—15 июня): «Дорогой Александр Александрович. Хотя я и не сомневаюсь в Вашем ответе, но, по долгу службы, обязан задать Вам вопрос:

— Не желаете ли Вы лечиться на ст. Левашово, в советской санатории для самых ответственных советских работников?

Эта санатория к Вашим услугам, о чем оповестил нас Волковский на последнем заседании Правления Союза Писателей. < . . . »

Знаю, что письма Вам в тягость. Поэтому — не отвечайте письмом. Пусть мне позвонят по телефону (243—58) и скажут о Вашем решении. . . »

Никаких сведений относительно ответа Блока на это письмо в архиве Чуковского нет. ³ Через четыре дня, 29 мая М. Горький писал А. В. Луначарскому: «Анатолий Васильевич! У Александра Александровича Блока — цинга, кроме того, за последние дни он в таком нервном состоянии, что его близкие, а также и врачи опасаются возникновения серьезной психической болезни. И участились припадки астмы, которой он страдает давно уже.

Не можете ли Вы выхлопотать — в спешном порядке — для Блока выезд в Финляндию, где я мог бы помочь ему устроиться в одной из лучших санаторий?

Сделайте возможное, очень прошу Вас!»

11 июля Луначарский обратился с письмом в ЦК РКП(б) и к В. И. Ленину. 23 июля Блоку было разрешено ехать лечиться. Однако за это время его состояние резко ухудшилось. 29 июля Горький телеграфировал: «Срочно. Москва. Кремль. Луначарскому.

У Александра Блока острый эндокардит. Положение крайне опасно. Необходимо спешный выезд Финляндию. Решительно необходим провожатый. Прошу Вас хлопотать о разрешении выезда жены Блока. Спешите, иначе погибнет».

1 августа Луначарский снова обратился в ЦК и затем ответил Горькому телеграммой: «К выезду жены Блока стороны высшего органа возражения не встречаются» (См. ЛН, т. 80, с. 292—294, а также «Архив М. Горького». т. XIV. Неизданная переписка. М., «Наука», 1976, с. 99).

7 августа Блок скончался.

⁴ Строчка из стихотворного послания Блока «Чуковскому».

ИЗ ДНЕВНИКА К. И. ЧУКОВСКОГО

[1907 год]

25 октября. . . К отцу Петрову ¹. Не застал < . . . » От Петрова к Блоку: он в белом шиллеровском воротнике, порядок в квартире образцовейший. Я ²ему, видимо, не нравлюсь, но он дружелюбен. О Владимире Соловьеве. Пильском, Полонском, Андрееве.

1914 год

28 июня. . . . Потом мы в театр, где Гибшман — о папе и султане, футбол в публике и частушка, спетая хором, с припевом:

Я лимон рвала,
Лимонад пила,
В лимонадке я жила.

Певцы загримированы фабричными, очень хорошо. Жена Блока, дочь Менделеева, не пела, а кричала, по-бабьи, выходило очень хорошо, до ужаса.

Вообще было что-то из Достоевского в этой ужасной лимонадке, похоже на мухоедство, — и какой лимон рвать она могла в России, где лимоны? Но неукоснительно, безжалостно, с голосом отчаяния и покорности Року эти бледные мастеровые и девки фабричные выкрикивали: Я лимон рвала³.

1918 год

Воскресение. 27 октября. Был у Эйхвальд — покупать английские книги. Живут на Сергиевской, в богатой квартире — вдова и дочь знаменитого хирурга или вообще врача — но бедность непокрытая. Даже картошки нету. Таковы, кажется, все обитатели Кирочной, Шпалерной, Сергиевской и всего этого района.

Оттуда к Мережковским.

Зинаида Николаевна раскрашенная, в парике, оглохшая от болезни, но милая. Сидит за самоваром — и в течение года ругает с утра до ночи большевиков, ничего, кроме самовара, не видя и не слыша. < . . . > Рассказывала о встрече с Блоком: «Я встретила с ним в трамвае: он вялый, сконфуженный.

— Вы подадите мне руку, Зинаида Николаевна?»

— Как знакомому подам, но как Блоку нет.

Весь трамвай слышал. Думали, уж не возлюбленный ли он мой!⁴

1919 год

5 марта 1919. Вчера у меня было небывалое собрание знаменитых писателей: М. Горький, А. Куприн, Д. С. Мережковский, В. Муйжель, А. Блок, Слезкин, Гумилев и Эйзен⁵. Это нужно описать подробно. У меня болит нога. Поэтому решено устроить заседание у меня — заседание Дейтелей Художественного Слова. < . . . > Интересна была встреча Блока с Мережковским. Мережковские объявили Блоку бойкот, у них всю зиму только и было разговоров, что «долой Блока», он звонил мне: как же я встречу с Блоком! — и вот встретились и оказались даже рядом. Блок молчалив, медлителен, а Мережковский. . . С утра он тормозил меня по телефону:

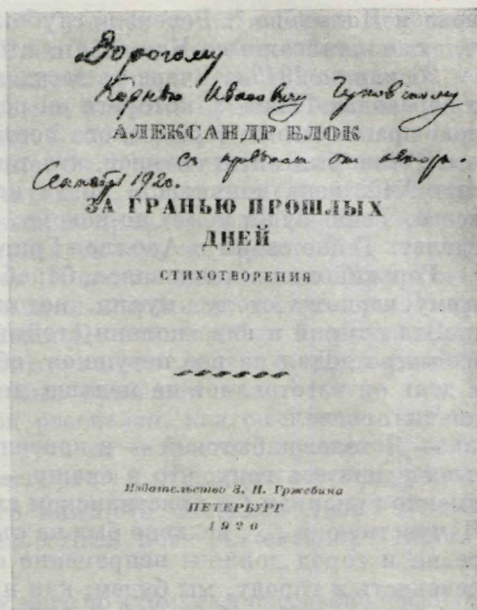
— Корней Иванович, вы не знаете, что делать, если у телянка собачий хвост? — А что? — Купили мы телятину, а кухарка говорит, что это собачина. Мы отказались, а Гржебин⁶ купил. И т. д.

Он ведет себя демонстративно-обывательски. Уходя, взволновался, что у него украли калоши, и даже присел от волнения. — Что будет? Что будет? У меня 20 000 рублей ушло в этом месяце, а у вас? Ах, ах. . .

< . . . > Гумилев с Блоком < . . . > ведают у нас стихи⁷. Блок Гумилеву любви, Гумилев Блоку: *Вкусы у нас одинаковые, но темпераменты разные.*

12 марта. Вчера во Всемирной Литературе заседание. Впервые присутствовал Блок, не произнесший ни единого слова.

14 марта. . . . Вчера во Всемирной литературе (Невск. 64) было заседание нашего Союза⁸. Собрались: Мережковский, Блок, Куприн, Гумилев и др. < . . . > Блок прочел свои три рецензии о поэзии Цензора, Георгия Ива-

БЛОК. «ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ». П., ИЗД. З. И. ГРЖЕБИНА, 1920

С дарственной надписью К. И. Чуковскому от сентября 1920 г.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

нова и Долинова⁹. Рецензии глубокие, с большими перспективами, меткие, чудесно написанные. Как жаль, что Блок так редко пишет об искусстве.

26 марта 1919 г. Вчера на заседании «Всемирной Литературы» Блок читал о переводах Гейне¹⁰, которого он редактирует. Он был прекрасен — словно гравюра какого-то германского поэта. Лицо спокойно-мудрое. Читал о том, что Гейне был антигуманист, что теперь, когда гуманистическая цивилизация XIX века кончилась, когда колокол антигуманизма слышен звучнее всего, Гейне будет понят по-новому. Читал о том, что либерализм пытался сделать Гейне своим и Аполлон Григорьев, замученный либерализмом и т. д.

Горький очень волновался, барабанил своими большими пальцами по нашему черному столу, курил, недокуривал одну папиросу, брал другую, ставил окурки в виде колонн стоймя на столе, отрывал от бумаги ленту — и быстро делал из нее петушков (обычное его занятие во время волнения: в день он изготавливает не меньше десятка таких петушков), и чуть Блок кончил, сказал:

— Я человек бытовой — и конечно мы с вами (с Блоком) люди разные — и вы удивитесь тому, что я скажу — но мне тоже кажется, что гуманизм — именно гуманизм (в христианском смысле) должен полететь ко всем чертям. Я чувствую, я . . . недавно был на съезде деревенской бедноты — < . . . > деревня и город должны непременно столкнуться, деревня питает животную ненависть к городу, мы будем, как на острове, люди науки будут осажены, здесь даже не борьба — дело глубже. . . здесь как бы две расы. . . гуманистическим идеям надо заостриться до последней крайности — гуманистам надо стать мучениками, стать христоподобными — и это будет, будет. . . Я чувствую в словах Ал<ександра> Ал<ександровича> (Блока) много прочесского. . . Нужно только слово гуманизм заменить словом: нигилизм. < . . . >

Странно, что Горький не почувствовал, что Блок *против гуманизма*¹¹. < . . . >

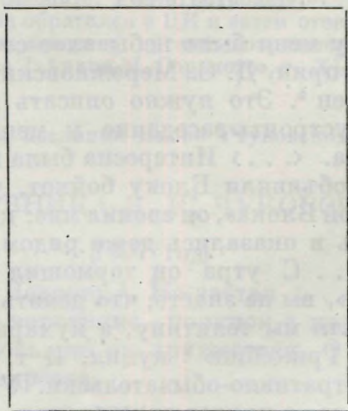
Волынский на заседании, как Степан Троф<имович> Верховенский, защищал принсипы и Венеру Милосскую. . . Говорил молниеносно. < . . . >

— Это близорукость, а не пророчество! — кричал он Горькому. — Гуманизм есть явление космическое и иссякнуть не может. Есть вечный запас неизрасходованных гуманистических идей. . .¹²

Вот схема нашего заседания:

Левинсон. Тихонов .

Горький. Я. Гумилев. Лернер

Блок. Гр. Лозинский. Волынский

Батюшков. Браун¹³

Май. . . . Теперь всюду у ворот введены дежурства. Особенно часто дежурит Блок. Он рассказывает, что вчера, когда отправлялся на дежурство, какой-то господин произнес ему вслед:

И каждый вечер в час назначенный
Иль это только снится мне. . .

(Незнакомка)

5 июля. Вчера в Институте Зубова ¹⁴ Гумилев читал о Блоке лекцию — четвертую. Я уговорил Блока пойти. Блок думал, что будет бездна народу, за спинами к *«ото»*рого можно спрятаться, и пошел. Оказались девицы, сидящие полукругом. Нас угостили супом и хлебом. Гумилев читал о «Двенадцати» — вздор — девицы записывали. Блок слушал, как каменный. Было очень жарко. Я смотрел: его лицо и полное было величественно: Гете и Данте. Когда кончилось, он сказал очень значительно, с паузами: «Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Но он цельный, не приклеенный. Он с поэмой одно целое. Помню, когда я кончил, я задумался: почему же Христос? И тогда же записал у себя: «К сожалению, Христос. К сожалению, именно Христос» ¹⁵.

Любопытно: когда мы ели суп, Блок взял мою ложку и стал есть. Я спросил: не противно? Он сказал: «Нисколько. До войны я был брезглив. После войны — ничего». В моем представлении это как-то слилось с «Двенадцатью». Не написал бы Двенадцати, если бы был брезглив.

4 сентября. . . . Третьего дня Блок рассказал, как он с кем-то в Алконосте запьянствовал, засиделся, и их чуть не заарестовали: почему сидите в чужой квартире после 12 час. Ваши паспорта? . . . Я должен вас задержать. . .

К счастью, председателем домового комитета оказался Азов ¹⁶. Он заявил арестовывающему: да ведь это известный поэт Ал<ександр> Блок. — И отпустили ¹⁷.

Блок аккуратен до болезненности. У него по карманам рассовано несколько записных книжечек, и он все, что ему нужно, аккуратненько записывает во все книжечки; он читает все декреты, те, которые хотя бы косвенно относятся к нему, вырезывает — сортирует, носит в пиджаке. Нельзя себе представить, чтобы возле него *«был»* мусор, кавардак — на столе или на диване. Все линии отчетливы и чисты.

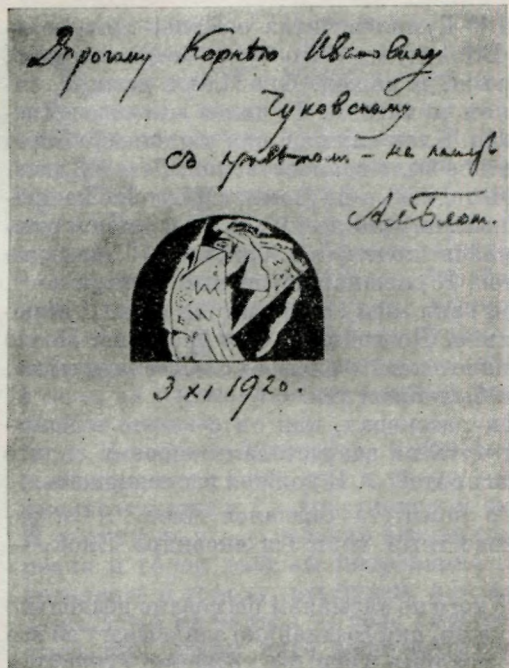
28 октября. . . . На заседании Всемирной литературы произошел смешной эпизод. Гумилев приготовил для народного издания Соути ¹⁸ — и вдруг Горький заявил, что оттуда надо изъять. . . все переводы Жуковского, к *«ото»*рым рядом с переводами Гумилева страшно теряют! Блок пришел в священный ужас, я визжал — я говорил, что мои дети читают Варвика и Гаттона с восторгом ¹⁹. Горький стоял на своем.

1 ноября. Сегодня Волынский выразил желание протестовать против горьковского выступления (насч<ет> Жуковского).

Возле нашего переулкa — палая лошадь. Лежит вторую неделю. Кто-то вырезал у нее из крупа фунтов десять — надеюсь, на продажу, а не для себя. Вчера я был в Доме литераторов: у всех одежда мятая, обвислая, видно, что люди спят не раздеваясь, укрываясь пальто. Женщины — как жеваные. Будто кто их жевал — и выплюнул. Горький на днях очень хорошо показывал Блоку, как какой-то подмигивающий обыватель постукивал по дереву на Петербургской стороне, у трамвая. «Ночью он его срубит», — таинственно шептал Горький! Юрий Анненков — начал писать мой портрет ²⁰. Но как у него холодно! Он топит дверьми: снимает дверь, рубит на куски — и вместе с ручками в плиту!

9 ноября. . . . Блок как-то на днях обратился ко мне: не знаю ли я богатого и глупого человека, к *«ото»*рый купил бы у него библиотеку: «Мир искусства», «Весы» и т. д. Деньги очень нужны ²¹.

13 ноября. . . . Сегодня должно было состояться заседание по поводу продовольствия. Но — Горький забыл о нем и не пришел! Был Сазонов — проф. Алексеев, Батюшков, Гумилев, Блок, Лернер. . . ²² И Тихонов запоздал. Мы ждали 1 1/2 часа. Наконец, выяснилось, что Горький прямо проехал к Гржебину. Я поговорил по телефону с Горьким — и мы начали заседание без него. Потом — пошли к Гржебину. По дороге Сазонов спрашивал, что Гумилев — хороший поэт? Стоит ему прислать дров, или нет. Я сказал, что Гумилев — отличный поэт. А Батюшков — хороший профессор? О да! Батюшков отличный профессор.

БЛОК. «СЕДОЕ УТРО». П., «АЛКОНОСТ», 1920

С дарственной надписью К. И. Чуковскому
от 3 ноября 1920 г.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Горький принял нас нежно и любяще (как будто он видит нас впервые и слышал о нас одно хорошее). Усадил и взволнованно стал говорить о серии книг: Избранные произведения русских писателей XIX в., затеваемых Гржебиным. Предложил образовать коллегия по изданию этой серии. В коллегия входим: Н. Лернер, А. Блок, Горький, Гржебин, Замятин, Гумилев и я. Потом Горького вызвали спешно в Асторию — и он уехал: прибыл Воровский²³.

Блок жаловался: как ужасно, что тушат электричество на 4 часа — вчера он хотел писать три статьи — и темно.

14 ноября. . . Блок дал мне проредактированный им том Гейне²⁴. Я нашел там немало ошибок. Некоторые меня удивили: например слово *подмастерье* Блок склоняет так: род <ительный> п <адеж> подмастерьи, дат <ельный> пад <еж> подмастерье — как будто [это Дарья

16 ноября. Блок патологически аккуратный человек. Это! совершенно не вяжется с той поэзией безумия и гибели, которая [ему так удается. Любит каждую вещь обернуть бумажечкой, перевязать веревочкой; страшно ему нравятся футлярчики, коробочки. Самая растрепанная книга, побывавшая в его руках, становится чище, приглаженнее. Я ему это сказал, и теперь мы знающе переглядываемся, когда он проявляет свою *манию опрятности*. Все, что он слышит, он норовит зафиксировать в записной книжке — вынимает ее раз двадцать во время заседания, записывает (что? что?) — и аккуратно сложив и чуть не дунув на нее — неторопливо кладет в специально предназначенный карман.

17 ноября. Воскресенье. . . . С Мережковским мы ходили в «Колос» — там читал Блок — свой доклад о музыкальности и цивилизации, который я уже слышал²⁵. Впечатление жалкое. Носы у всех красные, в комнате холод, Блок — в фуфайке, при всяком слове у него изо рта — пар. Несчастные, обглоданные люди — слушают о том, что у нас было слишком много цивилизации, что мы погибли от цивилизации. Видел я Сюннерберга, Ив. Разумника²⁶ — все какие-то бывшие люди.

19 ноября. Среда. Вчера три заседания подряд: первое — секция исторических картин²⁷, второе — Всемирная литература, третье — у Гржебина, «Сто лучших русских книг»²⁸. Так как я очень забывчив на обстановку и подробности быта — запишу раз навсегда, как это происходит у нас. Теперь мы собираемся уже не на Невском, а на Моховой, против Тенишевского училища. Нам предоставлены два этажа барского особняка генеральши Хириной²⁹. Поднимаешься по мраморной лестнице — усадый меланхоличный Антон и седовласый Михаил Яковлевич, бывший лакей Пуни, потом лакей Репина — «Панин папа» — как называют его у нас. Сейчас же налево — зал заседаний, длинная большая комната, соединенная лестницей с кабинетом Тихонова — наверху. В зале множество безвкусных картин — пейзажей — третьего

сорта, мебель рыночная, но с претензиями. Там за круглым длинным столом мы заседаем в таком порядке:

Гумилев / Замятин / Лозинский / Браудо / Левинсон

Вольнский	Батюшков	Секретарша
Ольденбург	Браун	Евдокия
Тихонов		Петровна
Горький		

Блок / я / Сильверсван / Лернер³⁰

Я прихожу на заседания рано. Иду в зал заседаний — против окон видны силуэты: Горький беседует с Ольденбургом. Тот, как воробей, прыгает вверх (Ольденбург всегда форсированный, демонстрирующий энергию). Там же сидит одиноко Блок — с обычным видом грустного и покорного недоумения: «И зачем я здесь? И что со мной сделали? И почему здесь Чуковский?» Здравствуй, Корней Иванович!»

20 ноября 1919. Итак, вчера мы открывали «Дом искусства»³¹. Огромная холодная квартира, в которой каким-то чудом натопили две комнаты — стол с дивными письменными принадлежностями, все — как по маслу: прислуга, в уборной графин и стакан, гости. Горького не было, он болен. Все были так изумлены, когда им подали карамельки, стаканы горячего чая и булочки, — что немедленно избрали Сазонова товарищем председателя!

Заседания не описываю, ибо Блок описал его для меня в Чукоккале³². Кое-что подсказывал ему я (об Анненкове). Немирович³³ председательствовал — беспомощно: ему приходилось суфлировать каждое слово. — Холодно у вас? — спросил я его. — Да, три градуса, но я пишу об Африке, об Испании, — и согреваюсь! — отвечал бравый старикан. Мы ходили осматривать елисейскую квартиру (нанятую нами для Дома искусств). Безвкусница оглушительная. Уборная m-me Елисейской вся расписана: морские волны, кораблекрушение. Множество каких-то гимнастических приборов, напоминающих орудия пытки. Блок ходил и с недоумением спрашивал: — А это для чего?

Блок очень впечатлителен и переимчив. Я недавно читал в коллегии доклад о том, что в 40-х г.г. писали: аплодисманы, мебели (мн <ожественное> ч <исло>) и т. д. Теперь в его статейке об Андрееве встретилось слово мебели (мн <ожественное> ч <исло>)³⁴ и в отчете о заседании — «аплодисманы».

23 ноября. . . Блок читал сценарий своей египетской пьесы (по Масперо)³⁵. Мне понравилось — другим не очень. Тихон <ов> возражал: не пьеса, нет драматичности. Блок в объяснение говорил непонятное: у меня там выведен царь, который растет вот так, и он начертил руками такую фигуру: V; а потом цари стали расти вот так: Λ.

< . . . > Очень забавен эпизод со стихами < . . . > служащему нашей конторы, Давиду Самойловичу Левину. Когда-то он снабдил Блока дровами, всех остальных обманул. Но и Блок и обманутые чувствуют какую-то надежду — авось придет еще дров. Теперь Левин завел альбом, и ему наперебой сочиняют стишки о дровах — Блок, Гумилев, Лернер³⁶.

27 ноября. Третьего дня заседание во «Всемирной». < . . . > После заседания «Всемирной» лит <ературы> — Горький с Ольденбургом уезжают в Асторию — в экипажке Горького. Потом я, Блок, Гумилев, Замятин и Лернер отправляемся в «комнату, где умывальник» — к машинисткам — и начинаем обсуждать программу ста лучших писателей. Гумилев представил импрессионистскую: включен Денис Давыдов (потому что гусар) и нет Никитина. Замятин примкнул к Гумилеву. Блок стоит на исторической точке зрения — и составил программу идеальную: она и свежа, и будоражит, в ней нет пошлости — и научна. Мы спорили долго. Гумилев говорит по поводу моей: это провинциальный музей, где есть папироса, которую курил Толстой, а самого Толстого нет.

Блок — со своей любовью к системе — изготовил несколько табличек: сколько поэтов, сколько прозаиков, какой процент юмористов и т. д. Я включил в свою программу модернистов: «К чему вы этих молодых людей включили?», «я в этих молодых людях ничего не понимаю», — твердил Блок. Я наметил для Сологуба 2 тома. Блок: «Неужели Сологуб есть 1/50 всей русской литературы». На следующий день (вчера) мы встретились на заседании «Дома искусств». Блок продолжал: «Гумилев хочет дать только хорошее, абсолютное. Тогда нужно дать Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского». Я говорю: а Тютчева? — Ну что такое Тютчев? Коротко, мало, все отрывочки. К тому же он немец, отвлеченный.

29 ноября 1919 г. . . . Блок написал пьесу о фараонах — Горький очень хвалил: «Только говорят они у вас слишком по-русски, надо немного вот так» (и он вытянул руки вбок — как древний египтянин — стилизовал свою нижегородскую физиономию под Анубиса) — нужно каждую фразу поставить в профиль. Было у нас заседание по программе для Гржебина. Горький говорил, что все нужно расширить — не сто книг, а двести пятьдесят. Впервые на заседании присутствовал Иванов-Разумник < . . . > молчаливый, чужой. Блок очень хлопотал привлечь его на наши заседания. Я научил Блока — как это сделать: послать Горькому письмо. Он так и поступил. Теперь они явились на заседание вдвоем, — я отодвинулся и дал им возможность сесть рядом.

30 ноября. Воскресение. . . . Блок, когда ему сказали, что его египтяне в Рамсесе говорят слишком развязно, слишком по-русски — сказал: «Я боюсь книжности своих писаний. Я боюсь своей книжности». Как странно — его вещи производят впечатление дневника — раздавленных кишок. А он — книжность!

3 декабря 1919 г. . . . Вчера день сплошного заседания. Начало ровно в час — о программе для Гржебина. Опять присутствует Иванов-Разумник. Я пришел, Горький уже был на месте. Когда мы заговорили о Слепцове, Горький рассказал, как Толстой читал один рассказ Слепцова — и сказал: это (сцена на печи) похоже на моего Поликушку, только у меня лучше будет. «Одно только Толстому не нравилось: «стеженное одеяло», Толстой страшно ругался³⁷. Когда мы заговорили о Загоскине и Лажечникове — Горький сказал: «Не люблю. Плохие Вальтер-Скотты». Когда зашла речь о Вельтмане, он сказал: а вы читали Софью Вельтман, жену романиста? Замечательный роман в «Отечественных» Записках» — с огромным знанием эпохи — в 50-х г. г. издан³⁸. Блок представил список, очень подробный, по годам рождения — и не спорил, когда, напр., Дельвига из второй очереди перевели в первую. Во время чтения программы Иванова-Разумника — произошел инцидент. Иванов-Разумник сказал: «Одну книжку — бывшим акмеистам: Гумилев» попросил слова по личному поводу и спросил надменно: кого именно Иванов-Разумник считает бывшими акмеистами. Разумник ответил: вас, С. Городецкого и друг. — Нет, мы не бывшие, мы . . . Я потушил эту схватку. В начале заседания по Картинам (Ольденбург не пришел) Горький с просветленным и сконфуженным лицом сказал Блоку:

Александр Александрович! Сын рассказывает — послушайте — приехал в Москву офицер — сунулся на квартиру к одной даме — откровенно: я офицер, был с Деникиным, не дадите ли приюта? — Пожалуйста! — Живет он у нее десять дней, вступил в близкие с ней отношения, все как следует, а потом та предложила ему: не собрать ли еще других деникинцев? Пожалуй, собери, потолкуем. Соплошь человек двадцать, он сделал им доклад о положении дел у Деникина, а потом вынул револьвер — руки вверх — и всех арестовал и доставил начальству. Оказывается, он и вправду бывший деникинец, теперь давно перешел на сторону Советской власти и вот теперь занимается спортом. Недурно, а? Неглупо, не правда ли?

7 декабря. . . . Третьего дня — Блок и Гумилев — в зале заседаний — сидя друг против друга — внезапно заспорили о символизме и акмеизме.

Очень умно и глубоко. Я любовался обоими. Гумилев: символисты в большинстве аферисты. Специалисты по прозрениям в нездешнее. Взяли гирию, написали 10 пудов, но выдолбили всю середину. И вот швыряют гирию и так и сяк. А она пустая.

Блок осторожно, словно к чему-то в себе прислушиваясь, однотонно: «Но ведь это делают все последователи и подражатели — во всех течениях. Но вообще — вы как-то не так: то, что вы говорите, — для меня не русское. Это можно очень хорошо сказать по-французски. Вы как-то слишком литератор. Я — на все смотрю сквозь политику, общественность» . . .

Чем больше я наблюдаю Блока, тем яснее мне становится, что к 50 годам он бросит стихи и будет писать что-то публицистико-художественно-про-роческое (в духе «Дневника писателя»). Иванова-Разумника на нашем гржебинском заседании не было: его, кажется, взяли в солдаты. Мы составили большой и гармонический список. *Блок настоял на том, чтобы выкинули Кольцова и включили Аполлона Григорьева.* Я говорил Блоку о том, что если бы в 16—20 лет меня спросили: кто выше — Шекспир или Чехов, я ответил бы: Чехов. Он сказал: для меня было то же самое с Фетом. Ах, какой Фет! И Полонский! И стал читать наизусть Полонского.

9 декабря. Сейчас было десять заседаний подряд. Вчера я получил преле-стные стихи от Блока о розе, капусте и Брюсове — очень меня обрадовавшие³⁹. < . . . > Сегодня я впервые заметил, что Блок ко мне благоволит. Когда на заседа-нии о Картинах я сказал, что пятистопный ямб не годится для трагедии из еврей-ской жизни — что пятистопн <ый> ямб это эсперанто, — он сказал: «Мудрое замечание». Сообщил мне, что в его шуточном послании ко мне строчку о Брюсове сочинила его жена — «лучшую в сущности строчку»⁴⁰. В «Двенадцати» у нее тоже есть строка: «Шоколад Миньон жрала». Я спросил, а как же было прежде? — А прежде было худо: Юбкой улицу мела.

А у них ведь юбки короткие⁴¹.

11 декабря. . . . Вчера было третье заседание Дома искусств. Блок принес мне в подарок для Чукоккалы новое стихотворение: пародию на Брюсова — отличное⁴². < . . . > На заседании Нерадовский⁴³ нарисовал в Чукоккалу — Александра Бенуа, а Яремич⁴⁴ — Немировича. Когда мы обсуждали, какую устроить вечеринку, Блок сказал: «Нужно — цыганские песни».

1920 год

3 января. . . . Вчера Блок сказал: «Прежде матросы б <ыли> в стиле Мая-ковского. Теперь их стиль — Игорь Северянин». Это глубоко верно.

20 марта. . . . Вчера заседание у Гржебина — в среду. Я, Блок, Гу-милев, Замятин, Лернер и Варвара Васильевна⁴⁵. < . . . > Разговор с Блоком. Блок взялся проредактировать Лермонтова — и конечно его работа пре-красна. Очень хорошо подобраны стихи, но статья написана не в популярно-вульгарном тоне, как нужно Горькому, а в обычном блоковском, с напрас-ными усилиями принизиться до уровня малокультурных читателей. Для Блока Лермонтов — маг, тайновидец, сновидец, богорец; для Горького это «культурная сила», «двигатель прогресса», здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока — трагическое. Чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: «Дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал «На смерть П <у>шк <ина>», тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное прекрасное лицо Блока.⁴⁶

Замятин еще не закончил Чехова. Я — после звериных трудов — сдал наконец Некрасова. Когда мы с Горьким случайно оказались в другой ком-нате — он очень огорченно и веско сказал:

— Вот наши писатели. Ничего не могут! Ничего. Нет, Корней Иванович, ученые лучше. Вот мы вчера заседали здесь — это люди! Ферсман, Ольден-бург и Пинкевич!⁴⁷ Как работают. А из писателей вы один. Я вами лю-буюсь. . . Да, люблюсь. . .

Судя из ироничной гримасы
 Валеры, "попытки"
 (Экзотика в Бухе)
 «Мне Ивану! Бухе! Бухе!»

Валера

... Но как же можно так? Бухе, Ивану.
 Это Бухе, Ивану, Ивану, Ивану.
 Ивану, Ивану, Ивану, Ивану.
 Ивану, Ивану, Ивану, Ивану.
 Ивану, Ивану, Ивану, Ивану.

Ивану

Кому же можно вернуть счастье?

Валера

Кому же можно вернуть счастье?
 Кому же можно вернуть счастье?
 Кому же можно вернуть счастье?
 Кому же можно вернуть счастье?
 Кому же можно вернуть счастье?
 Кому же можно вернуть счастье?
 Кому же можно вернуть счастье?
 Кому же можно вернуть счастье?

--- 2 ---

Ладный - только и тогда говорят;
 Валера - о мой Ивану, Ивану!
 Ивану, Ивану, Ивану, Ивану!
 Ивану, Ивану, Ивану, Ивану!

Чуковский (Валера)

Короче! Я так же провозгласил,
 и в Бухе, и в Ивану, Ивану, Ивану,
 и в Бухе, и в Ивану, Ивану, Ивану!

Валера

Короче Ивану! Бухе Ивану
 Не Ивану, Ивану, Ивану, Ивану,
 Ивану, Ивану, Ивану, Ивану,
 Ивану, Ивану, Ивану, Ивану!

Чуковский (сидит)

Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану

Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану

253

Чуковский (с Валерой)

Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану

Валера

Короче Ивану!
 Не Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану
 Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану

Чуковский

Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану

Валера

Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану

Чуковский

Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану

Валера

Ивану Ивану Ивану Ивану Ивану

БЛОК. «СЦЕНА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА».

Автограф, листы «Чуковский»
 Собрание К. И. Чуковского, Москва

Он только что получил от Уэльса письмо — и книжки, написанные Уэльсом, — популяризация естественных наук ⁴⁸. Это Горькому очень дорого: популяризация. Он никак не хочет понять, что Блок создан не для популяризации знаний, а для свободного творчества, что народу будет больше добра от одного лирического стихотворения Блока, чем от десяти его же популярных брошюр, которые мог бы написать всякий грамотный полугалант, вроде меня.

30 марта. <...> На днях Гржебин звонил Блоку: «Я купил Ахматову». Это значит: приобрел ее стихи. <...> Мы встретили ее и Шилейку ⁴⁹, когда шли с Блоком и Замятиним из «Всемирной». Первый раз вижу их обоих вместе. . . Замечательно — у Блока лицо непроницаемое — и только движется, все время зыблется, «реагирует» что-то неуловимое вокруг рта. Не рот, а кожа возле носа и рта. И у Ахматовой то же. Встретившись, они ни глазами, ни улыбками ничего не выразили, но там было высказано много ⁵⁰.

1 апреля 1920 г. . . . Я спросил как-то у Блока, почему он посвятил свое стихотворение «Шар раскаленный золотой» Борису Садовскому ⁵¹, которому он так чужд. Он помолчал и ответил: Садовской попросил, чтобы я посвятил ему, нельзя было отказать.

Обычный пассивизм Блока. «Что быть должно, то быть должно». «И приходилось их ставить на стол» ⁵².

26 июня. . . . «Вечер Блока» ⁵³. Блок учил свои стихи 2 дня наизусть — ему очень трудно помнить свои стихи. Успех грандиозный — но Блок печален и говорит:

— Все же *этого* не было! — показывая на грудь.

25 ноября. Вчера Блок на заседании у Тихонова (Всемирная литература) подошел ко мне и словоохотливо рассказал, что он б^{ыл} у художника Бразы и что там б^{ыл} немецкий писатель Голичер, который приехал изучать советский быт. Голичер говорил: не желайте лучшего, теперь всякий другой строй будет хуже большевистского. (Очевидно для Блока эти слова очень значительны.) И вы согласились с ним? — «Не с ним, а с тоном его голоса. Он говорил газетные затасканные вещи, но тон был очень глубоким» ⁵⁴. Заговорили о Горьком. «Горький притворяется, что он решил все вопросы и что он не верит в бога. . . Есть в нем что-то поэтическое, затаенное» ⁵⁵.

8 декабря. Маяковский забавно рассказывал, что он б^{ыл} когда-то давно у Блока. Лили ⁵⁶ была именинница, приготовила блины — велела не запаздывать. Он пошел к Блоку, решив вернуться к такому-то часу. Она же велела ему достать у Блока его книги — с автографом. — Я пошел. Сижу. Блок говорит, говорит. Я смотрю на часы и рассчитываю: десять минут на разговор, десять минут на просьбу о книгах и автографах и минуты три на изготовление автографа. Все шло хорошо — Блок сам предложил свои книги и сказал, что хочет сделать надпись. Сел за стол, взял перо — сидит пять минут, десять, пятнадцать. Я в ужасе — хочу крикнуть: скорее! — он сидит и думает. Я говорю вежливо: вы не старайтесь, напишите первое, что придет в голову, — он сидит с пером в руке и думает. Пропали блины! Я мечусь по комнате, как бешеный. Боюсь посмотреть на часы. Наконец Блок кончил. Я захлопнул книгу — немного размазал, благодарю, бегу, читаю: Вл. Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю.

18 декабря 1920. . . . Говорили на заседании «Всемирной литературы» о том, что очень нуждается Буренин. Волинский, которого Буренин травил всю жизнь, пошел к нему и снес ему 10 000 рублей, от Лит. фонда (который тоже был травим Бурениным). Блок сказал: если бы устроили подписку в пользу Буренина, я с удовольствием внес бы свою лепту. Я всегда любил его ⁵⁷.

1921 год

12 января. . . . Был я третьего дня у Блока. Тесно: жена, мать, сестра жены, <...> Книпович ⁵⁸. О стихах Блока: «Незнакомку» писал, когда был у него Белый, — целый день. Белый взвизгивал, говорил — «а я послушаю и опять

попишу». Показывал мне парижские издания «Двенадцати». Я заговорил о европейской славе. < . . . > — «Почему вы пишете *ужь*, а не *ужъ*?»⁵⁹ — «Буренин высмеял стихотворение, где *ужь*, приняв за живого ужа». Что такое у вас в стихах за «Звездная месь»? «Звездная месь» — чепуха, придуманная чорт знает зачем, а у меня было раньше: «ах, как хочется пить и есть»⁶⁰.

«Мой Христос в конце «Двенадцати», конечно, наполовину литературный, — но в нем есть и правда. Я вдруг увидал, что с ними Христос — это было мне очень неприятно — и я нехотя, скрепя сердце — *должен был поставить Христа*»⁶¹.

Он показал мне черновик «Двенадцати» — удивительно мало вариантов отвергнутых. Первую часть — больше половины — он написал сразу, а потом, начиная с «Невской башни» «пошли литературные фокусы». Я задавал ему столько вопросов о его стихах, что он сказал: «Вы удивительно похожи на следователя в Ч. К.», но отвечал на вопросы с удовольствием. «Я все ваши советы помню, — сказал он мне. — Вы советовали выкинуть куски в стих «отворении» «России», я их выкину. Даты поставлю». — Ему очень понравилось, когда я сказал, что «в своих гласных он не виноват»; «да, да, я их не замечаю, я думаю только про согласные, отношусь к ним сознательно, в них я виноват. Мои «Двенадцать» и начались с согласной *ж*»:

*Уж я ножичком
Полосну, полосну».*

13 февраля 1921 г. Только что в 1 час ночи вернулся с Пушкинского праздника в Доме литераторов. Собрание историческое. Стол — за столом Кузьмин, Ахматова, Ходасевич, Кристи, Кони, Александр Блок, Котляревский, Щеголев и Илья Садофьев⁶² (из пролеткульта). Должен был быть Кузьмин из Наробраза, но его не было. Жаль, за столом не сидел Ал. Ремизов. Пригласили и меня, но я отказался. Впрочем, меня пригласили в задний ряд, где сидели: Волынский, Губер, Волкововский⁶³ и др. Речь Кони (в к<ото>ром я почему-то разочаровался) — внутренне равнодушна и внешня. За дешевыми ораторскими фразами чувствовалась пустота. Стишки М. Кузьмина прошепеленные не без ужимки — стихи на случай — очень обыкновенные. После Кузьмина — Блок. Он в белой фуфайке и в пиджаке. Сидел за столом неподвижно. (Еще до начала спрашивал: будет ли Ионов?⁶⁴ И вообще из официальных кругов?). Подошел к кафедре, развернул бумагу и матовым голосом стал читать⁶⁵. < . . . > Блок несуетливо и медленно разговаривал потом с Гумилевым. Потом концерт. Пела Бриан⁶⁶ «письмо Татьяны» — никакого на меня впечатления. Когда я сказал, что Бриан — акушорка, Волынский> отозвался: «Ну вот, вы не достаточно чутки. . .» Блок вдруг оживился: да, да, акушорка, верно! — и даже благодарно посмотрел на меня. Волынский>: «Значит, вы очень чутки».

4 марта 1921. . . . Вчера в Лавке писателей при Доме искусств был Блок, Добужинский, Ф. Ф. Нотгафт⁶⁷. Блок, оказывается, ничего не знал о крошадских событиях, — узнал все сразу, и захотел спать. «Я всегда хочу спать, когда события. Клонит в сон. И вообще становлюсь вялым. Так во всю революцию». И я вспомнил, что то же бывало и с Репиным. Чуть тревога — спать!

9 марта. . . . Вчера б<ыло> заседание Профессионального союза писателей о пайках. Блок сидел рядом со мною и перелистывал Гржебинское издание «Лермонтова», изд<анного> под его, Блока, редакцией⁶⁸. «Не правда ли *такой* Лермонтов, только *такой*?» — спросил он, указывая портрет, приложенный к изданию. Другие портреты — вздор, только *этом*. . .»

25 апреля. Сегодня вечер Блока⁶⁹. Я в судороге. 3 ночи не спал. Есть почти нечего. Сегодня на каждого пришлось по крошечному кусочку хлеба. < . . . > Беда в том, что я лекцией своей совсем недоволен. Я написал о Блоке книгу, и вот теперь, выбирая для лекции из этой книги отрывки, замечаю, что хорошее читать нельзя в театре (а мы сняли *театр* большой драматический, быв<ший> Суворинский, на Фонтанке), нужно читать общие места, *то, что*

похуже. Это закон театральных лекций. Мои многие статьи потому и фальшивы и неприятны для чтения, что я писал их как лекции, которые имеют свои законы — почти те же, что и драма. Здесь должно быть действие, движение, борьба, азарт — никаких тонкостей, все площадное.

Уже половина седьмого. Я совершил туалет осужденного к казни: нагутал ботинки, надел одну манжету, дал выгладить брюки и иду. Сердце болит до мёрзости. Через 1/2 часа начало. Что-то я напишу сюда, когда вернусь вечером? Помогите мне бог. Сегодня мне вообще везло. Я добыл чашки для чаепития, стаканы, восстановил апрельский мурманский паек, — и вот иду!

А вечером ужас — неуспех. Блок был ласков ко мне, как к больному. Актеры все окружили меня и стали говорить: «наша публика не понимает» и пр. Блок говорил: «Маме понравилось», но я знал, что я провалился. Блок настоял, чтобы мы снялись у Напельбаума ⁷⁰, дал мне цветок из поднесенных ему и шел со мной домой — но я провалился ⁷¹.

1-ое мая. Поездка в Москву. Блок подъехал на бричке ко мне, я снес вниз чемодан, и мы поехали. Извозчику дали 3 т <тысячи> рублей и 2 фунта <хлеба>. Сидели на вокзале час. У Блока подагра. За два часа до отбытия, сегодня утром, он категорически отказался ехать, но я уговорил его. Дело в том, что дома у него плохо: он знает об измене жены, и я хотел его вытащить из этой атмосферы. Мы сидели с ним на моем чемодане, а на площади шло торжество — 1 Мая. Ораторы. Уланы. Он встал и пошел посмотреть — вернулся: нога болит. В вагоне мы говорили про его стихи. «Где та, которой посвящены ваши стихи «Через 12 лет»? — Я надеюсь, что она уже умерла. Сколько ей было бы лет теперь? Девяносто? Я был тогда гимназист, а она — увядающая женщина» ⁷². <...> Говорил о маме: «Мама уезжает в Лугу к сестре. Там они поссорятся. Не сейчас. Через месяц».

— Вы ощущаете как-нибудь свою славу?

— Ну, какая же слава. Большинство населения даже фамилии не знает.

Так мы ехали благодушно и весело. У него болела нога, но не очень. С нами б <ыли> Алянский ⁷³ и еще одна женщина, которая любила слово «бесительно». Ночью было бесительно холодно. Я читал в вагоне О. Ненгу.

2 мая. В 2 часа мы приехали. На вокзале никакой Облонской. Вдруг идет к нам в шелковом пребезобразном шарфе беременная и экзальтированная г-жа Коган. «У меня машина. Идем». Машина — чудо, бывшая Николая Второго, колеса двойные, ревет, как белуга. <...> Довезли в несколько минут на Арбат к Коганам ⁷⁴. У Коганов бедно и напыщенно, но люди они приятные. Чай, скисшая сырная пасха, кулич. Входит с букетом Долидзе ⁷⁵.

В Комитет Дома Искусств

Заявления

Мн., читательница, просим
предоставить как милость, без
возмездия, экземпляр за устройство книги
под названием «Дом Искусств» Вера
Александровна Гуса в помещении Гос.
Бюро. Драм. Театра, так как раскраски
по устройству Мн. Энциклопедия, а
помещение Энциклопедии А. Блоку
переслано. Литературное Бюро «Дом
Искусств» со своей стороны вынесло
к этой книге просьбу соучастия

25 апреля 1921 года

Авдеев

К. Чуковский

ЗАЯВЛЕНИЕ БЛОКА И К. И. ЧУКОВСКОГО
(ПО ПОВОДУ ГОНОРАРА) В КОМИТЕТ ДОМА
ИСКУССТВ, 1921 г.

Автограф, лист «Чукоккаль»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

Ругают Облонскую, устроительницу лекций. Я иду к Облонской. Веду ее на расправу к Коганам. Совещаются. Все устраивается.

3 мая. Спал чуть-чуть, часа 3. Непривычное чувство: сытость. Мудрю над лекцией о Блоке — все плохо. <...> Сбор неполный. Это так ошеломило Блока, что он не хотел читать. Наконец согласился — и механически, спустя рукава, прочитал 4 стихотворения. Публика встретила его не теми аплодисментами, к каким он привык. Он ушел в комнату — и ни за что, несмотря на мольбы мои и Когана. Наконец вышел и прочел стихи Фра Филиппо Липпи по-латыни, без перевода, с упрямым, но не вызывающим лицом ⁷⁶.

5 мая. Лекция о Блоке прошла оживленно. Слушали хорошо, задавали вопросы. <...> Блок читал, читал без конца, совсем иначе — и имел огромный успех ⁷⁷. <...> На лекции был Маяковский, в длинном пиджаке до колен, просторном, художническом; все наше действие казалось ему скукой и смертью ⁷⁸. Он зевал, подсказывал вперед рифмы и ушел домой спать. Ночью он идет в Пушкино, на дачу.

6—7—8 мая. Все дни перепутались. <...> В Доме печати против Блока открылся поход. Блока очень приглашали в Дом печати. Он пришел туда и прочитал неск(олько) стихотворений. Тогда вышел какой-то черный тов. Струве и сказал: «Товарищи! Я вас спрашиваю, где здесь динамика? Где здесь ритмы? Все это мертвечина и сам тов. Блок — мертвец» ⁷⁹.

— Верно, верно! — сказал мне Блок, сидевший за занавеской. — Я действительно мертвец.

Потом вышел П. С. Коган, и очень пошло, ссылаясь на Маркса, доказывал, что Блок не мертвец.

— Надо уходить, — сказал я Блоку. Мы пошли в Итальянское общество. Увидев, что Блок уходит, часть публики тоже ушла. Блок шел в стороне, — вспоминая стихи. Погода южная, ночь восхитительная. По переулкам молча и задумчиво шагает поэт и за ним, тоже тихо и торжественно, шествуют его верные. Но в Итальянском обществе шел доклад Осоргина ⁸⁰ об Италии. Пришлось ждать в прихожей. Блок сел рядом со мною на скамейку — и барышни окружили его. Две мои знакомые робко угощали его монпасье. Он даже шутил — но негромко и сдержанно. Потом, когда Осоргин кончил, мы вошли в зал. Публика не та, что в Доме печати, а набобная, образованная. Муратов ⁸¹ (председатель) приветствовал Блока краткой речью: «Не знаю, как люди другого поколения, но для нас, родившихся между 1880 и 1890 годом, Александр Блок — самое дорогое имя».

Публика слушала Блока влюбленно ⁸². Он читал уповательно: густым, страдающим, певучим, медленным голосом.

На следующий день то же произошло в Союзе писателей ⁸³. Из Союза мы с Маринкой пошли к Коганам. Блок долго считал деньги, говорил по телефону со Станиславским, а потом сел и сказал:

— До чего у меня все перепуталось. Я сейчас хотел писать письмо в Союз писателей — с извинениями, что не мог быть там.

Он получил от мамы письмо. Мама уже уехала в Лугу.

11 августа. Только что вошел Добужинский и сказал, что Блок скончался. ⁸⁴ Реву — и что де-оторван кусок страницы. — Е. Ч. >.

12 августа. Никогда в жизни мне не было так грустно, как когда я ехал из Порхова ⁸⁵. <...> — на линейке мельничихи — грустно до самоубийства. Мне казалось, что вот в Порхов я поехал молодым и веселым, а обратно еду — старик, выпитый, выжатый — такой же скучный, как то проклятое дерево, которое торчит за версту от Порхова. Серое, сухое — воплощение здешней тоски. Каждый дом в проклятой Слободе, казалось, был сделан из скуки — и все это превратилось в длинную тоску по Александру Блоку. Я даже не думал о нем, но я чувствовал боль о нем — и просил Лиду учить вслух английские слова, чтобы хоть немного не плакать. Каждый дом кривой, серый, говорил: «А Блока нету. И не надо Блока. Мне и без Блока отлично. Я и знать не хочу, что за Блок». И чувствовалось, что все эти сволочные дома

и в самом деле сожрали его — т. е. не как фраза чувствовалось, а *на самом деле*: я увидел светлого, загорелого, прекрасного, а его давят домишки, где вши, клопы, огурцы, самогонка и — порховская, самогонная скука. Когда я выехал в поле, я не плакал о Блоке, но просто — все вокруг плакало о нем. И даже не о нем, а обо мне. «Вот едет старик, мертвый, задушенный — без ничего». Я думал о детях — и они показались мне скукой. Думал о литературе — и понял, что в литературе я ничто, фальшивый фигляр — не умеющий *по-настоящему* и слово сказать. Как будто с Блоком ушло какое-то очарование, какая-то подслащающая ложь — и все скелеты наружу. — Я вспомнил, как он загорал — благодатно, как загорают очень спокойные и прочные люди, какое у него было — при кажущейся окаменелости — восприимчивое и подвижное лицо — вечно было в еле заметном движении, зыбилось, втягивало в себя впечатления. < . . . > Если вдруг в толпе и толчее «Всемирной литературы» появляется дорогой ему человек — ну хоть Зоргенфрей⁸⁶, хоть Книпович⁸⁷ — лицо, почти не меняясь, всеми порами втягивало то, что ему < было > радостно. За три или четыре шага прежде чем подать руку он делал приветливые глаза, прежде чем поздороваться и вместо приветов просто констатировал: ваше имя и отчество: «Корней Ив <анович>», «Николай Степанович», произнося это имя, как «здравствуйте». И по телефону 6 12 00 бывало позвонишь, и раздается, как из могилы, печальный и густой голос: «Я вас слушаю» (никогда не иначе. Всегда так). И потом: Корней Иванович (опять констатирует). Странно, что я вспоминаю не события, а вот такую физиологию. Как он во время чтения своих стихов (читал он всегда стоя, всегда без бумажки, ровно и печально) чуть-чуть переступит с ноги на ногу и шагнет полшага назад; как он однажды, когда Любовь Дм <итриевна> прочитала Двенадцать и сидела в гостиной Дома искусств, вышел к ней из зала с любящим и восхищенным лицом⁸⁸. Как лет 15 назад я видел его в игорном доме (был Иорданский и Ценский). Он сидел с женою О. Норвежского⁸⁹ Поленькой Сас, играл с нею в лото, был пьян и возбужден, как на Вас <ильевском> Острове он был на представлении пьесы Дымова «Слушай Израиль»⁹⁰ и ушел с Чулковым, как у Вяч. Ив <анова> на Таврической на крыше он читал свою «Незнакомку», как он у Сологуба читал «Снежную маску», как у Острогорского в «Образовании» читал «Над слякотью дорог». И эту обреченную походку — и всегдашнюю невольную величавость — даже когда забегал в Дом лит <ераторов> перехватить стакан чаю или бутерброд — всю эту непередаваемую словами атмосферу Блока, я вспомнил — и мне стало страшно, что этого нет. В могиле его голос, его почерк, его изумительная чистоплотность, его *цветущие* волосы, его знание латыни, немецкого языка, его маленькие изящные уши, его привычки, любви, «его декадентство», «его реализм», его морщины — все это под землей, в земле, земля.

Самое страшное было то, что с Блоком кончилась литература русская. Литература это работа поколений — ни на минуту не прекращающаяся — сложнейшее взаимоотношение всего печатного с неумирающей в течение столетий массой. В его жизни не было событий. Ездил в Bad Nauheim. Он ничего не делал — только пел. Через него непрерывной струей шла какая-то бесконечная песня. Двадцать лет с 98 по 1918. И потом он остановился — и тотчас же стал умирать. Его песня была его жизнью. Кончилась песня и кончился он.

24 декабря. Сейчас от Анны Ахматовой: она на Фонтанке 18, в квартире Ольги Афанасьевны Судейкиной⁹¹. «Олечки нет в Петербурге, я покуда у нее, а вернется она, надо будет уезжать». Комната маленькая, большая кровать не застлана. На шкафу — на левой дверке — прибита икона Божьей Матери в серебряной ризе. Возле кровати столик, на столике маслo, черный хлеб. Дверь открывает служанка-старуха: «дверь у нас карактерная». У Ахм <атовой> на ногах плед: «Я простудилась, кашляю». < . . . > Потом старуха затопила у нее в комнате буржуйку и сказала, что

Большая Аудитория **ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**
 Всероссийский Союз Писателей. * Петроград. Дом Искусства.

3, 5, 9 и 14-го Мая ВЕЧЕРА Александра БЛОКА.
 К. Чуковский прочтет лекцию: **ОБ А. БЛОКЕ.** В заключение **А. БЛОК**
 прочтет свои стихи.

4 и 7-го Мая Н. ЧУКОВСКИЙ прочтет лекцию: „Поэт и палач“.
 (Некрасов и Муравьев-вешатель). Некрасов и его оды Муравьеву. Негодование террористов.
 Отзывы Герцена, Глебо Успенского, Фета. Муравьев и царь. Выстрел Гаракозова. „Патри-
 тический сифидис“. Комиссаров — спаситель царя. Суд над Некрасовым.

6 и 8-го Мая Лекции академика Анатолия Федоровича КОНИ.
 На жизненной пути. Воспоминания и встречи.

15-го Мая ВЕЧЕР памяти Леонида **АНДРЕЕВА.**
 К. Чуковский Жизнь и творчество Л. Андреева. Б. Зайцев и Ал.
 Вознесенский: Воспоминания о Л. Андрееве.

16-го Мая ВЕЧЕР ФЕТА. О творчестве Фета.
 Ю. А. Айхенвальд, К. И. Чуковский, Г. И. Чулков. Стихи Фета
 прочтут артисты I Студии Художественного театра. Романы на слова Фета исп. певец
 Начало в 7 час. вечера. Билеты продаются в Политехническом музее.

АФИША ВЕЧЕРОВ БЛОКА В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Май 1921 г.

Собрание К. И. Чуковского, Москва

дров к завтраму нет. — Ничего, — сказала Ахматова. — Я завтра принесу пилу, и мы вместе с вами напилим. (Сегодня я посылаю к ней Колю⁹².) Она лежала на кровати в пальто — сунула руку под плед и вытащила оттуда свернутые в трубочку большие листы бумаги. — Это балет «Снежная Маска» по Блоку. Слушайте и придирайтесь к стилю. Я не умею писать прозой. И она стала читать сочиненное ею либретто, которое было дорого мне как дивный тонкий комментарий к «Снежной Маске». Не знаю, хороший ли это балет, но разбор «Снежной Маски» отличный⁹³. — Я еще не придумала сцену гибели в третьей картине. Этот балет я пишу для Артура Сергеевича⁹⁴. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже».

Потом она стала читать мне свои стихи, и, когда прочтала о Блоке, я разревелся и выбежал⁹⁵.

1922 год

17 марта. Мороз. Книжных магазинов открывается все больше и больше, а покупателей нет. Вчера открылся новый — на углу Семеновского и Литейного, где была аптека.

Если просидеть час в книжном магазине — непременно раза два или три увидишь покупателей, которые входят и спрашивают:

— Есть Блок?

— Нет.

— И «Двенадцати» нет?

— И «Двенадцати» нет.

Пауза.

— Ну так дайте Анну Ахматову.

Только что вспомнил (не знаю, записано ли у меня), что Маяковский в прошлом году в мае страшно бранил «Двенадцать» Блока. Фу, какие немощные ритмы.

24 марта. . . . Однажды он <Гумилев> доказывал мне, что стихи Блока плохи; в них сказано:

В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача ⁹⁶.

«Блок, очевидно, думает, что лихач это лошадь. А между тем лихач — это человек».

26 марта. Очень неудачный день. <...> к Алянскому — не застал. Сидит его служащая, рядом с буржуйкой, кругом кипы книг и ни одного покупателя. Даже Блока 1-й том не идет. Алянский назначил за томик Блока цену 400 000 р., когда еще не получил счета из типографии. Получив этот счет, он увидел, что 400 000, — это явный убыток, и принужден был повысить цену до 500 000. А за 500 000 никто не покупает. Мой «Слононок» лежит камнем ⁹⁷. Ни один книгопродавец не мог продать и пяти экземпляров. На книжки о Некрасове и смотреть не хотят ⁹⁸. Наш разговор происходил на Невском — в доме № 57, в конторе издательства «Алконост» и «Эпоха». (В окно я видел желтый дом № 86 и вспомнил вдруг, что в оны годы там был Музей восковых фигур, где находилась и Клеопатра, описанная Блоком в известных стихах:

Она лежит в гробу стеклянном ⁹⁹.

Помню, я встретился там с Александром Александровичем, и мы любовались змеею, которая с постоянством часового механизма жалила — систематично и аккуратно — восковую грудь царицы).

25 апреля 1922 г. . . В субботу встретил Сологуба. Очень он поправился, пополнел. Глазок у него чистый, отчетливый, и вообще он весь, как гравюра. Он сказал мне у Тенишевского училища: слушайте, какую ехидную книжку вы написали о Блоке. Книжка, конечно, отличная, написана изящно, мастерски ¹⁰⁰. Хоть сейчас в Париж, но сколько там злоehидства. Блок был не русский — вы сами это очень хорошо показали ¹⁰¹. Он был немец, и его «Двенадцать» — немецкая вещь. Я только теперь познакомился с этой вещью — ужасная. Вы считаете его великим национальным поэтом ¹⁰². А по-моему весь свой национализм он просто построил по Достоевскому. Здесь нет ничего своего. России он не знал, русского народа не знал, он был студент-белоподкладочник ¹⁰³.

Так мы долго стояли у входа в Тенишевское училище — против Всемирной литературы.

1923 год

20 янв<аря>. . . Вчера был в ложе у Конухесов ¹⁰⁴ на первом выступлении Н. Ф. Монахова ¹⁰⁵ в «Слуге двух господ» ¹⁰⁶ — первом после его выздоровления. Эту пьесу я уже видел — раз — сидел в той же самой ложе у Блока: тогда Блок привел нас и в тех местах, где ему казалось, что мы должны смеяться, оглядывался, смеемся ли мы, и очень радовался, если мы смеялись.

10 мая. . . Был вчера у Блока, потянуло на его квартиру, прошел пешком с Невы, по Пряжке; мальчишки барахтались на берегу. Вот его грязно-желтый дом — грязно-зеленый подъезд, облупленный черный ход. Звоню. Кухарка открыла. Слева в прихожей телефон, где сохранился почерком Блока перечень телефонных номеров — «Всемирная Литература», «Горький» и т. д. Вышла ко мне навстречу тетка Бекетова Марья Андреевна — поправилась, стала солиднее, видно, внутренне она в гармонии с собой — «Вот живу в комнате покойной сестры!» — сказала она ¹⁰⁷. Это белая узкая комната, где за тонкой перегородкой матросы. На стене большой портрет Блока работы Т. Н. Гиппиус ¹⁰⁸, множество карточек, и вот тетка сидит среди этих реликвий и пишет новую книгу о Блоке — текст к фотокарточкам, которые хочет издать к годовщине смерти Блока Алянский ¹⁰⁹. Я сел за столиком у окна и стал перелистывать журнал «Вестник», издававшийся Блоком в детстве. О, как гениально все это скле-

Карточка Шолохову Чуковский
 ему ее передала Валентина Самойлова
 к нему лично; и к нему — за
 бачка, второй был нал об-
 их там много знают.
 Блок есть тот, но не писатель
 помыслил русский к догматизму
 вразумил бесценная статья;
 был будет наш, пока жива Россия
 потому что, в России, а не
 русские, потому что она есть
 Жена Франца Ковалева его.
 Андрей Рублев
 9 октября 21 года Петроград

ЗАПИСЬ А. БЕЛОГО О БЛОКЕ 9 ОКТЯБРЯ
1921 г.

Автограф, лист «Чукоккалы»

Собрание К. И. Чуковского, Москва

ено, переплетено, сшито, сколько
 тут бабушек, тетушек, нянюшек.
 Почерк совсем другой — и весело,
 весело. А карточки трагичны. Осо-
 бенно та, где Блок отвернулся от
 стола — от всех — Лермонтовым, и
 глядит со страхом вперед; и даже по
 детским карточкам видно, что бун-
 тарь. Руки очень самостоятельно —
 в детстве. Марья Андреевна стала
 читать мне свою рукопись, там,
 конечно, нет и догадки, кто такой
 Блок, там мирный и банальный Са-
 ша, любимец, баловень, а не «Ноч-
 ные часы»¹¹⁰. Интересно только, как
 он посдирали платя с гвоздей, чуть
 его заперли в чулан — да и то анек-
 дот. О, какое страшное лицо у него
 на балконе, на Пряжке! Тетка об
 этом не знает ничего. И все чувст-
 вуются какое-то замалчивание — за-
 малчивается роль Любовь Дмит-
 риевны, замалчивается та тягость,
 которую наложила на Блока семья,
 замалчивается сам Блок. Про Лю-
 бовь Дмитриевну она сказала: «Люба
 сюда своего портрета не дает (в аль-
 бом). Она хочет остаться в тени.
 (Помолчал) Такая скромность!» <...>

Я к Ольге Форш. Она одна — усадила — и начала говорить о Блоке. Говорила очень хорошо, мудро и взволнованно, о матери Блока:

— Да она ж его и загубила. Когда Блок умер, я пришла к ней, а она говорит: «Мы обе с Любой его убили — Люба половину и я половину».

Много говорила о стихах Блока — я стал успокаиваться. . .

14 мая. . . Был у Ахматовой. Она показывала мне карточки Блока и одно письмо от него, очень помятое, даже исцарапано булавкой. Письмо — о поэме «У самого моря». Хвалит и бранит, но какая правда перед самим собой. . .¹¹¹

30 мая. . . Замятин напомнил мне, как я вовлек Блока в воровство. Во Всемирной литер<атуре> на столе у Тихонова были пачки конвертов. Я взял два конверта — и положил в карман. Конверты — казенные, а лавок тогда не было. Блок застыдился, улыбнулся. Я ему: «берите и вы». Он оглянулся — и больше из деликатности по отношению ко мне — взял два конверта и, конфузясь, положил в карман.

21 <ноября>, среда. Видел вчера Сологуба. Он возвратил мне взятые у меня деньги. Справился у себя в книжечке: в прошлый вторник курс червонца б<ыл> столько-то, за эту неделю — вырос на столько-то, вы дали мне столько-то, возвращаю столько-то. <...> Отчетливо мыслит старик — почти как Блок. Тот был еще отчетливее. Нужно было заплатить мне столько-то миллиардов плюс 15 миллионов — 15 миллионов сейчас — одна копейка с третью. Я говорил ему: «не надо, не надо», он долго искал в кармане — взял у меня сто рублей и дал мне 85 мил. сдачи.

25 ноября. . . Я <...> по дороге зашел к Ахматовой. Она лежит, — подле нее Стендаль «De l'amour». Впервые приняла меня вполне по душе. «Я, говорит, вас ужасно боялась. Когда Анненков мне сказал, что вы пи- шете обо мне, я так и задрожала: пронеси, господи»¹¹². Много говорила о Блоке. «В Москве многие думают, что я посвящала свои стихи Блоку.

Это неверно. Любить его как мужчину я не могла бы. При том ему не нравились мои ранние стихи. Это я знала — он не скрывал этого. Как-то мы с ним выступали на Бестужевских курсах — я, он и, кажется, Николай Морозов ¹¹³. Или Игорь Северянин? Не помню. (Потому что мы два раза выступали с Блоком на Бестужевских: раз — вместе с Морозовым, раз — вместе с Игорем. Морозова тогда только что выпустили из тюрьмы. . .) И вот, в артистической — Блок захотел поговорить со мной о моих стихах и начал: «Я недавно с одной барышней переписывался о ваших стихах». А я дерзкая была и говорю ему: «Ваше мнение я знаю, а скажите мне мнение барышни. . .» Потом подали автомобиль. Блок опять хотел заговорить о стихах, но с нами сел какой-то юноша-студент. Блок хотел от него отвязаться: «Вы можете простудиться», — сказал он ему (это в автомобиле простудиться!) — «Нет! — сказал студент, — я каждый день обливаюсь холодной водой. . . Да если бы и простудился — я не могу не проводить таких дорогих гостей!» Но, конечно, не знал, кто я. «Вы давно на сцене?» — спросил он меня по дороге.

9 декабря 1923. Был вчера у Клячко ¹¹⁴. < . . . > От него к Монахову. Монахов ласков, красив, одет джентльменски. < . . . > Предлагает мне принять участие в их сборнике «Блок и Большой театр». . . ¹¹⁵. К пятилетию театра. Я согласен, но хочу опросить актеров, какие имеются у них матерьялы.

11 декабря, вторник. Был в Большом театре — разговаривал с актерами о Блоке ¹¹⁶. Они обожали покойного, но, оказывается, не читали его. Комаровская ¹¹⁷ вспоминает, что Блок любил слушать цыганский романс «Утро седое», страстно слушал это «Утро» в Москве у Качалова, но когда я сказал, что у Блока у самого были стихи «Седое утро», было видно, что она слышит об этом в первый раз.

1931 год

8. XII. Много нового в Ленинграде: московские газеты стали получаться в день своего появления, на Невском перекрашены почти все официальные здания: каланча стала красной, среднее здание Аничковского дворца темнозеленым (прежде оно было бурое и окружено забором — так что его и не замечали, а теперь забор снят, и оно явилось во всей красоте), дом № 86, тот самый, где был некогда «паноптикум печальный», описанный Блоком ¹¹⁸, стал из желтого бирюзовым (что тоже послужило к его украшению) < . . . > у всех домов оторваны крылечки, навесы над дверьми и т. д. В числе прочих пропало то крылечко в доме Мурузи, где в 1919 году сидел Блок перед тем, как читать в нашей «Студии» свое «Возмездие».

1956 год

25 декабря. . . . Пишу о Блоке. Отношения наши долго не налаживались. Я не любил многих, с кем он так охотно водился: расхлябанного, бесплодного и ложно многозначительного Евгения Иванова, бесцветного, моветонного Георгия Чулкова, бесталанного Александра Гишпиуса, суховатого педанта Сюннерберга, милого, но творчески скудного Пяста и т. д. На Георгия Чулкова я напал в «Весах» как на воплощение бездарной «символочи», компрометирующей символизм. Статья эта в 1904—5 гг. возмутила Блока ¹¹⁹, а в 1919 году он говорил мне, что вполне с ней согласен. И хотя мы очень часто встречались в Териоках, где был Стар<прзб.> Теомир, у Мгеброва и Чекал ¹²⁰, у Руманова (в «Русском Слове») на Морской, у Ремизова в «Вене», у «Лейнера», у Вяч. Иванова, у Аничковых ¹²¹, мы встречались, как чужие: я — от робости, он от пренебрежения ко мне. В театре нам случилось сидеть рядом в партере — как раз в тот день, когда был

напечатан мой фелъетон. Он не разговаривал со мной, когда же я спросил его о фелъетоне, он укоризненно и гадливо сказал:

— Талантливо, — словно это было величайшее ругательство, какое только известно ему.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Григорий Спиридонович *Петров* (1868—1925) — священник, автор книг «Евангелье как основа жизни». «Русское дело», «Школа и жизнь»; печатал либеральные статьи в газете «Русское слово», его портрет написал И. Е. Репин. В свое время им очень увлекался М. Горький.

² Константин Эдуардович *Гибшман* (1884—1943), актер; вместе с Л. Д. Блок выступал в театре-казино курорта Териоки. К. Чуковский жил тогда неподалеку от Териок, в Куоккале (ныне—Ренино) и часто бывал в териокском театре.

³ 1 октября 1917 г. Блок писал жене: «Сегодня, покупая у Вольфа книги, я встретил Евреинова, который мне рассказал, что ты имела большой успех, когда пела частушки, а потом их распевали в Куоккале. А ты мне этого и не рассказала» (ЛН, т. 89, с. 333).

⁴ В 1918 г. за свою поэму «Двенадцать» Блок подвергся бойкоту со стороны Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, которые чернили его в печати и прервали с ним личные отношения. Впоследствии З. Н. Гиппиус очень сходными словами описала ту же встречу с Блоком, о которой она говорила Чуковскому: «Как-то в трамвае. Кто-то встал в проходе и говорит: «Здравствуйте». Этот голос ни с чьим не смешаешь. Поднимаю глаза: Блок. Лицо под фуражкой какое-то длинное, сухое, желтое, темное. «Подадите мне руку?» медленные слова, так же с усилием произносимые, такие же тяжелые. Я протягиваю ему руку и говорю: «Лично да, только лично — не общественно». Он целует руку и, помолчав: «Благодарю вас». Еще помолчав: «Вы, говорят, уезжаете?» На что я отвечаю: «Что же, — тут или умирать или уезжать. Если, конечно, не быть в вашем положении. . .» Он молчит долго, потом произносит особенно мрачно и отчетливо: «Умереть во всяком положении можно». Прибавляет вдруг: «Я ведь вас очень люблю». На что я: «Вы знаете — что и я вас люблю».

Вагон давно прислушивается к странной сцене. Мы не стесняемся, говорим громко, при общем молчании. Не знаю, что думают слушающие. . .» (цит. по кн.: «Судьба Блока». По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам составили О. Немировская и Ц. Вольбе. Изд-во писателей в Ленинграде, 1930, с. 224).

⁵ Из этого «собрания знаменитых писателей» в наши дни не очень знамениты писатели Виктор Васильевич *Муйжель* (1880—1924) и Юрий Львович *Слезкин* (1895—1947). Журналист Илья Моисеевич *Эйзен* — бывший редактор «Нивы».

⁶ См. п. 5, прим. 4.

⁷ «В сентябре 1918 г. Горький основал в Петрограде издательство «Всемирная литература». Руководить этим издательством должна была «ученая коллегия экспертов». (. . .) Блок вместе с двумя профессорами-германистами ведал германскую словесность» (К. Чуковский. Современники, с. 126).

⁸ Речь идет о союзе деятелей художественного слова. Союз был организован в Петрограде в начале 1919 г. Его первым председателем был В. В. Муйжель.

⁹ См. «Отрывы о поэтах» (VI, 333).

¹⁰ См. «Гейне в России» (VI, 116).

¹¹ Запись К. Чуковского интересно сопоставить с записью, сделанной тогда же и о том же в Дневнике Блока:

26 марта.

Вчера — большой день. Я прочел доклад о Гейне (положение дела с переводами его), затронув в нем тему о крушении гуманизма и либерализма (во «Всемирной литературе»). Горький предлагает заменить слово «либералы» словом «нигилисты». Он делает это предложение со своей милой сконфуженной улыбкой (присутствие профессоров).

Ожесточенно нападает Вольский, который указывает, между прочим, на путаницу в терминологии (исконное, знакомое мне).

Левинсон ехидно спрашивает, не виноват ли Тургенев. Я утверждаю, что первый виноват Тургенев. «И Герцен?» — спрашивает Горький. — И Герцен.

Горький говорит большую речь о том, что действительно приходит новое, перед чем гуманизму, в смысле «христианского отношения» и т. д., придется временно ступешаться. «Или надо доходить до святости» или уступать. Он переводит вопрос на излюбленную свою тему этих дней (еще на-днях он сказал: «Все равно — придет мужик и всем головы отвинтит») — о борьбе деревни с городом. Ссылается на съезды бедноты. Говорит, что предстоит отчаянная борьба деревни с городом, в которой не поздоровится не только капиталистам, но и писателям и артистам. В заключение говорит мне с той же милой улыбкой: «Между нами — дистанция огромного размера, я — бытовик такой, но мне это понятно, что вы говорите, я нахожу доклад пророческим, извинаясь, что говорю так при вас».

«Но ведь вы говорите, Алексей Максимович, что гуманизм должен ступешаться временно», — с удовлетворением и в один голос спрашивают профессора.

Горький на это ничего не отвечает.

Вольнский говорит, что он находит доклад не только не пророческим, но близоруким. Батюшков, мрачно молчавший, говорит, что он, конечно, не согласен, но что он надеется, что разногласия — только в терминах.

Тихонов молчит.

Браун находит интересным мое сближение Гейне с Вагнером. Упоминает о доле правды в докладе.

Гумилев говорит, что имеет много сказать, и после закрытия заседания развивает мне свою теорию о гуннах, которые осели в России и след которых историки потеряли. Совдепы — гунны.

Чуковский сочувствует мне с маленьким выжиданием.

Горький предлагает посвятить этому вопросу отдельное заседание.

Я высказываю опасение, что это — превратится в религиозно-философское собрание, в интеллигентский спор об «интеллигенции и народе».

Горький полагает, что интеллигенция сильно изменилась и что доклад произведет новое действие.

Левинсон осторожно ехидствует, что сопоставление имен ему пока ничего не сказало и потому он воздерживается от суждения.

Доклад назначен на 2 апреля» (VII, 355).

М. Горький в своих воспоминаниях о Блоке, опубликованных впервые в 1923 г., так пишет об этом споре по поводу «крушения гуманизма»: «... Я вышел вместе с ним «Блоком» из «Всемирной литературы», он спросил меня: что я думаю по поводу его «Крушения гуманизма»?

Несколько дней тому назад он читал на эту тему нечто вроде доклада, маленькую статью. Статья оказалась мне неясной, но полной трагических предчувствий. Блок, читая, напоминал ребенка сказки, заблудившегося в лесу: он чувствует приближение чудовищ из тьмы и лепечет навстречу им какие-то заклинания, ожидая, что это испугает их. Когда он перелистывал рукопись, пальцы его дрожали. Я не понял: печалит его факт падения гуманизма или радуется? В прозе он не так гибок и талантлив, как в стихах, но — это человек, чувствующий очень глубоко и разрушительно. В общем: человек «декаданса». Верования Блока кажутся мне неясными и для него самого; слова не проникают в глубину мысли, разрушающей этого человека вместе со всем тем, что он называет «разрушением гуманизма».

Некоторые мысли доклада показались мне недостаточно продуманными, например: «Цивилизовать массу невозможно и не нужно». «Открытия уступают место изобретениям».

XIX и XX века именно потому так чудовищно богаты изобретениями, что это эпоха обильнейших и величайших открытий науки. Говорить же о невозможности и ненужности цивилизации для русского народа — это, очевидно, «скифство», — и это я понимаю как уступку органической антигосударственности русской массы. И зачем Блоку «скифство»?

Как только мог осторожно, я сказал ему об этом. Говорить с ним — трудно: мне кажется, что он презирает всех, кому чужд и непонятен его мир, а мне этот мир — непонятен» (М. Горький. Литературные портреты. М., «Мол. гвардия», 1963, с. 369).

Позже, в 1926 г., Горький, возвращаясь мысленно к докладу Блока, писал Федину: «Гуманизм в той форме, как он усвоен нами от Евангелия и священного писания художников наших о русском народе, о жизни, этот гуманизм — плохая вещь, и А. А. Блок, кажется, единственный, кто чуть-чуть не понял это» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах. М., ГИХЛ, 1955, т. 29, с. 456).

¹² Аким Львович *Вольнский* (1863—1926) — критик, философ, за книгу о Леонардо да Винчи был избран почетным гражданином города Милана. В коллегии «Всемирной литературы» А. Л. Вольнский ведал итальянской словесностью. Вспоминая Вольнского, К. А. Федин писал: «В прошлом он мог бы быть пророком, в наше время он был философом. <...> Человек огромных знаний, Вольнский в любом понятии отыскивал противоречие, легко вскрывал его и с энтузиазмом выступал в защиту своей мысли. <...> Каждое выступление Вольнского — в печати, в обществе, в кругу знакомых было спорно. Но он — Вольнский — был всегда прав, потому что он всегда верил в свою правоту» (К. Федин. Аким Львович Вольнский. — В сб.: «Памяти А. Л. Вольнского». Л., 1928, с. 30). А. Гизетти пишет: «Помню, например» контр-доклад Вольнского, прочитанный непосредственно за знаменитым «Крушением гуманизма» А. А. Блока, на частном собрании сотрудников «Всемирной литературы» в квартире А. Н. Тихонова. Это была стройная и систематическая защита гуманистической культуры против страстного натиска «музыкальной» стихии. Представители двух крайних поколений русского эстетического новаторства столкнулись тут в непримиримой противоположности. Холодный и острый ум идеалиста-догматика блестяще, но тщетно пытался заковать в свои формулы неуловимый поток прозрений страстного поэта-визионера. Чувствовалось, что каждый из этих двух людей знает что-то такое, чего другой не предчувствует и даже не хочет знать. Несмотря на это, между ними была и глубокая общность — дух скитальчества, дух вечно отрекающейся и бунтующей русской интеллигенции одинаково коснулся обоих» (там же, с. 79).

¹³ Среди участников этого заседания, кроме М. Горького, А. Блока, Н. Гумилева, А. Н. Тихонова (Серебрява), — профессор Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) — историк литературы и критик; Федор Дмитриевич *Браун* (1862—1942) — филолог-германист; Андрей Яковлевич *Левинсон* (1887—1933) — художественный и театральный критик, занимавшийся во «Всемирной литературе» французской словесностью; Николай Осипович *Лернер* (1877—1934) — историк литературы, пушкинист и Григорий Леонидович *Лозинский* (1889—1942) — переводчик, специалист по португальской литературе, ведавший в коллегии «Всемирной литературы» испанской словесностью.

¹⁴ Институт истории искусств был основан графом Валентином Плагоничем Зубовым (1885—1969) и до 1920 г. носил его имя.

¹⁵ Сохранились дневниковые записи Блока, сделанные в феврале 1918 г.: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «не достойны» Иисуса, который идет с ними сейчас, а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» (VII, 326). И еще: «Христос с красногвардейцами». Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем» (VII, 330).

¹⁶ *Вл. Азов* — псевдоним Владимира Александровича *Ашкинази* (р. 1873), фельетониста, театрального критика, переводчика. Среди его статей были и статьи о Блоке.

¹⁷ Этот случай подробно описывает в своей книге С. М. Алянский (1891—1974), организатор издательства «Алконост», человек близкий к Блоку в последние годы его жизни. Об С. М. Алянском см. статью С. В. Белова в настоящем томе. Праздновался юбилей «Алконоста» — девять месяцев со дня основания издательства. Петербург был тогда на осадном положении и ходить по улицам позже установленного часа не разрешалось. Ночные патрули заглядывали иногда и в квартиры. Блок, Белый, Анненков и Соловьев засиделись на юбилее и, так как возвращаться домой было поздно, прикорнули у стола. Неожиданно в квартиру постучался патруль. По рассказу Алянского, с патрулем приходил комендант Петрограда. Узнав, что среди гостей — автор «Двенадцати», Александр Блок, комендант с досадой спросил Алянского: «А Александра Блока неужели вы не смогли уложить куда-нибудь?» (С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., «Детская литература», 1969, с. 97).

¹⁸ Роберт *Саути* (Southey) (1774—1843) — английский поэт. Издательство «Всемирная литература» намеревалось издать две серии произведений мировой литературы — основную и народную.

¹⁹ Речь идет о балладах Саути «Варвик» и «Суд божий над епископом», переведенных В. А. Жуковским. Епископ Гаттон — персонаж второй баллады. В библиотеке Корнея Чуковского сохранился первый том «Полного собрания сочинений В. А. Жуковского» (Пг., 1918), в котором напечатаны переводы обеих баллад Саути.

²⁰ Художник Юрий Павлович *Анненков* (1889—1974) — первый иллюстратор «Двенадцати» Блока. Ю. П. Анненкову принадлежит также марка издательства «Алконост» и рисунки к «Мойдодуру». В 1922 г. в издательстве «Петрополис» вышла книга Ю. Анненкова «Портреты», где на с. 57 воспроизведен портрет Чуковского. В библиотеке Чуковского хранится именная экземпляры «Портретов», а в архиве обнаружено предисловие Ю. Анненкова к «Портретам»; все оно написано рукой Корнея Ивановича. Ю. Анненков деятельно сотрудничал в «Чукоккале», на страницах которой сохранилось множество его рисунков. Подготавливая свой рукописный альманах к печати, Чуковский написал об Ю. Анненкове небольшое эссе («Чукоккала», с. 31—33) и включил в издание изображения некоторых участников «Чукоккалы» из книги Ю. Анненкова «Портреты».

²¹ По свидетельству П. С. Сухотина, Блок осуществил свое намерение: «Я... попал в уютную квартиру Блока, за маленький стол с самоваром, черным хлебом, маслом и большой грудой папирос, которыми особенно старательно угощал меня Александр Александрович, говоря:

— Курите, курите, у меня их очень много, теперь я продаю книги, и вот, видите, и масло, и папиросы. Я утешаюсь тем, что многое в наших библиотеках было лишнее и заводилось так себе — по традиции.

И сказал он это без всякого раздражения или злобы, а тоже почти весело» (Павел С у х о т и н. Памяти А. А. Блока. — «Красная нива», 1924, № 32).

О том, что Блок нуждался и ему приходилось продавать книги из своей библиотеки пишет и С. Алянский («Встречи с Александром Блоком», с. 126).

²² Академик Василий Михайлович *Алексеев* (1881—1951), Китаист, член коллегии «Всемирной литературы». О Батюшкове и Лернере см. прим. 13, о Сазонове — п. 5, прим. 5.

²³ Вацлав Вацлавович *Воровский* (1871—1923), революционный деятель, дипломат, литературный критик, первый руководитель Госиздата, созданного в мае 1919 г.

Переписка Горького с Воровским по поводу издательства «Всемирная литература» теперь опубликована (см.: «Ист. архив», 1958, № 2, с. 67, а также: «Архив М. Горького». т. X, кн. 1. М., «Наука», 1964, с. 7—21).

В своем письме от 26 апреля 1919 г. Горький утверждает, что «Всемирная литература» — «это самое крупное и действительно культурное предприятие, которое она [власть] может осуществить». И в следующем письме (21 мая 1919 г.): «Нам нужно создавать новую интеллигенцию. Орудием ее создания может быть только книга».

²⁴ «Всемирная литература» выпустила в 1920-м году пятый том «Избранных сочинений Г. Гейне» под редакцией и с предисловием Блока. В этот том вошли «Путевые картины»

(часть первая и вторая) и мемуары. Шестой том Гейне под редакцией Блока вышел в 1922 г.

²⁵ См. «Крушение гуманизма» (VI, 93). Блок прочел этот доклад на открытии Вольной философской ассоциации, а до этого — 9 апреля 1919 года — в коллегии «Всемирной литературы», где Чуковский и слышал его впервые.

²⁶ См. п. 5, прим. 4 и 7.

²⁷ «Секция исторических картин ставила своей целью побудить русских драматургов писать пьесы по определенному плану для просвещения широких читательских масс. Пьесы заимствовались по большей части из всемирной истории», — вспоминал Чуковский («Чукоккала», с. 204). Описывая одно из заседаний Секции, на котором Александр Валентинович Амфитеатров прочитал свою пьесу «Васька Буслаев», Чуковский рассказывает о пародии Блока на «Исторические картины». Эта пародия сохранилась в «Чукоккале» (с. 206—210). Воспроизводим ее начало на с. 342.

²⁸ Членам коллегии «Всемирной литературы» поручено было выработать список ста лучших русских книг, которые предполагалось выпустить в «Издательстве З. И. Гржебина» в первую очередь. Обсуждение этого списка см. в Дневнике Чуковского (запись 27 ноября 1919 г.).

²⁹ К этому времени издательство «Всемирная литература» переехало с Невского, 64, на Моховую, 36.

³⁰ Об участниках заседаний коллегии «Всемирной литературы» Батюшкове, Брауне, Волыском, Левинсоне, Лернере, Лозинском см. прим. 13. Академик Сергей Федорович *Ольденбург* (1863—1934) ведал в издательстве индийской литературой, профессор Евгений Максимович *Браудо* (1882—1939) — критик и музыковед. Борис Павлович *Сильверсан* (1883—1934) — литературовед, специалист по скандинавским литературам. О Е. П. Струковой см. п. 5, прим. 3.

³¹ 19 ноября 1919 года на Невском, в бывшем дворце петербургского богача Елисея состоялось заседание по открытию «Дома искусств» («Чукоккала», с. 247).

³² Шуточный протокол этого заседания вел Александр Блок. Текст Блока воспроизведен на с. 330, 331.

³³ Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1844—1936) — писатель. Чуковский и Немирович были знакомы издавна. В 1916 г. оба они ездили в Англию в составе делегации русских журналистов.

³⁴ Статья называется «Памяти Леонида Андреева». По-видимому, Чуковский имеет в виду такую фразу в этой статье: «Но была в нем «в Леониде Андрееве» эта драгоценная, непечатаемая, хаотическая, мутная глубь, из которой кто-то, в нем сидящий, спрашивал: «Зачем? Зачем? Зачем?» и бился головой о стену большой, модно обставленной, постылой комнаты, в которой жил известный писатель Леонид Андреев, среди мебели нового стиля» (VI, 133).

³⁵ Речь идет о пьесе Блока «Рамзес» (Сцены из жизни древнего Египта) (IV, 247).

³⁶ После выхода книги «Из воспоминаний» (1959) К. Чуковский получил письмо от сына Д. С. Левина — Юрия Давидовича, кандидата филологических наук. Ю. Д. Левин сообщил: «Давид Самойлович Левин (1891—1928) был заведующим хозяйственным отделом издательства «Всемирная литература» <...> Обеспечение сотрудников «Всемирной литературы» дровами, равно как и удовлетворение их прочих бытовых нужд, являлось *служебной обязанностью* Д. С. Левина. В этом отношении он помогал А. М. Горькому <...> После смерти Александра Александровича мой отец с огромными трудностями достал гипс, благодаря чему только и удалось снять маску с лица умершего поэта». К письму Ю. Д. Левина, в котором указаны и размеры альбома отца (21 × 14 см, толщина 3 см), приложена его статья «Поэты о дровах». Статья вместе с письмом хранится в архиве Чуковского (ГБЛ, ф. 620). В сокращенном виде она опубликована: «Прометей», т. 4, «Мол. гвардия». М., 1967. Приводим стихи Блока:

E n j a m b e m e n t s

Давид Самуилыч! Едва
Альбом завели, — голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».

21 XI 1919

Ал. Блок

³⁷ Как раз в это время Горький опубликовал воспоминания о Льве Толстом (Пб., изд-во Гржебина, 1919). Однако там не говорилось ни о Слепцове, ни о «стежанном одеяле». Переиздавая эти воспоминания в 1921 и 1922 гг., Горький дополнил их таким отрывком: «... Увлечательно рассказывая о стоицизме, он «Толстой» вдруг нахмурился, почмокал губами и строго сказал:

— Стеганое, а не стежаное; есть глаголы стегать и стяжать, а глагола стезжать нет. . .

Эта фраза явно не имела никакого отношения к философии стоиков. Заметив, что я недоумеваю, он торопливо произнес, кивнув головой на дверь соседней комнаты:

— Они там говорят: стежаное одеяло!» (цит. по кн.: М. Горький. Собр. соч. в 25 томах, т. 16. М., «Наука», 1973, с. 271 (гл. XXI); то же издание. Варпаны, т. 4. М., 1976, с. 390).

В одной из своих статей о Слепцове Чуковский, описывая это заседание «Всемирной литературы», называет тот рассказ Слепцова, который хвалил Лев Толстой. Чуковский приводит слова Горького: «— А его (В. Слепцова. — Е. Ч.) «Ночлег!» Отличная вещь, очень густо написанная. Сколько раз перечитывал ее Лев Николаевич. И всегда с восхищением. А про сцену на печи он сказал: «Похоже на моего «Поликушку», только у меня хуже». (К. Чуковский. Литературная судьба Василия Слепцова, в кн.: ЛН, т. 71, с. 7).

³⁸ Елена Ивановна *Вельтман* (урожд. Кубе, ум. 1868) — писательница. Горький, очевидно, имеет в виду исторический роман Ел. Вельтман «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой». Роман был опубликован в 1867 г. в «Отечественных записках» (см. т. CLXX, с. 1—76; 215—297; 413—493; 605—705, т. CLXXI, с. 1—81).

³⁹ Стихи Блока «О розе, капусте и Брюсове» были ответом на шуточное стихотворение Чуковского в «Чукоккале»:

За жалкие корявые поленья,
За глупые сосновые дрова —
Вы отдали восторги вдохновенья
И вещи бессмертные слова.

Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьиный сад,
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят.

Поверят ли влюбленные потомки,
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятья Незнакомки
На дровяной паек. < . . . >

22 ноября 1919

К. Ч.

Ответное стихотворение Блока, о котором идет речь в Дневнике, называется «Чуковскому». В первой строке Блок подменяет романтическую розу, помянутую Чуковским, другой Розой, вполне реальной — Розой Васильевной, продававшей папиросы и хлебные лепешки на лестнице издательства «Всемирная литература». В собрании сочинений Александра Блока стихотворение «Чуковскому» названо «Стихи о Предметах Первой Необходимости» (III, 426). Факсимиле стихотворения «Чуковскому» (из «Чукоккалы») см. с. 333.

⁴⁰ Строчка о Брюсове: «Книг чтоб не было в шкапу ста! // Скажет Брюсов, погоди».

⁴¹ Слова Блока, записанные Чуковским, совпадают с тем, что пишет Блок 17 февраля 1918 г.: «Люба сочинила строчку: «Шоколад Миньон жрала», вместо ею же уничтоженной «Юбкой улицу мела» (ЗК, 388).

⁴² Автограф стихотворения Блока, подаренного Чуковскому, см. кн. 1, с. 524. Эти шуточные стихи Блока опубликованы без второй строфы и без блоковского примечания к ней (III, 427). Более полный вариант стихотворения см. «Русский современник», 1924, № 3, с. 145.

⁴³ Петр Иванович *Нерадовский* (1875—1962) — художник, хранитель художественного отдела Русского музея (1909—1932), председатель комитета Общества поощрения художеств (1921—1928).

⁴⁴ Степан Петрович *Яремич* (1869—1939) — художник, историк искусства, автор книги о М. А. Врубеле (1911), научный сотрудник Эрмитажа (1918—1939).

⁴⁵ Варвара Васильевна *Шайкевич* — жена А. Н. Тихонова.

⁴⁶ В октябре 1922 г. Г. П. Блок (двоюродный брат Александра Александровича) писал Б. С. Садовскому: «С В. Л. «Комаровичем» посылаю Вам Лермонтова гржебинского под редакцией А. «Александра» А. «Александровича». Горький, любя «просвещение», потребовал подстрочных примечаний, объясняющих иностранные слова. А. А-ч выписывал их добросовестно, а потом видно разгорелся и катанул:

Лорнет — вроде очков, только с ручкой
Платоническая любовь — без взаимности
Sophie — Соня».

(Текст письма Г. П. Блока сообщил мне Р. Д. Тименчик. — Е. Ч.)

⁴⁷ Александр Евгеньевич *Ферман* (1833—1945) — академик, геохимик и минералог, ученик В. И. Вернадского, в 1919—1930 гг. — директор Минералогического музея Академии наук. Сергей Федорович *Ольденбург* — академик, в те годы — непреременный секретарь Российской Академии наук. См. о нем прим. 30. Альберт Петрович *Пинкевич* (1883—1933) — профессор, педагог. 21 мая 1919 г. в письме к Воровскому Горький сообщает, что среди других пригласил и А. П. Пинкевича для организации отдела естественнонаучных книг («Исторический архив», 1958, № 2, с. 77).

⁴⁸ Герберт Джордж *Уэллс* (1866—1946) — английский писатель. Уэллс переписывался с Горьким и 11 февраля 1920 г. написал ему, что посылает начало своей «Истории куль-

туры» — несколько печатных выпусков. Уэллс спрашивал, можно ли опубликовать перевод этой его книги в России. Впоследствии книга действительно вышла по-русски под названием «Краткая история человечества» (М. — Л., 1924).

⁴⁹ Владимир Казимирович *Шшайко* (1891—1930) — филолог-востоковед, ассиролог, в то время — муж Анны Ахматовой.

⁵⁰ См.: Анна Ахматова. Воспоминания об Александре Блоке. — «Звезда», 1967, № 12, с. 186; Д. Максимов. Ахматова о Блоке. — Там же; В. И. Жирмунский и й. Анна Ахматова и Александр Блок. — «Русская литература», 1970, № 3, с. 57.

⁵¹ Борис Александрович *Садовской* (1881—1952) — поэт, «автор рассказов и очерков из жизни старинных писателей» («Чукоккала», с. 71). «Шар раскаленный золотой» — III, 200. В настоящем томе см. переписку Блока с Б. А. Садовским.

⁵² Строки из стихотворений Блока «Зачатый в ночь, я в ночь рожден. . .» и «Жизнь моего приятеля», 6 (II, 130; III, 51).

⁵³ Вечер Блока в Доме искусств состоялся 21 июня (ЗК, 495).

⁵⁴ Разговор с Голдшером на вечере у Бразы подробно записан в Дневнике Блока. В частности, Блок пишет: «Вечер состоял в том, что мы «жаловались», а он спорил против всех нас. «Не желайте падения этой власти, без нее будет еще гораздо хуже» (VII, 381).

⁵⁵ В своих воспоминаниях о Блоке Горький рассказывает об их разговоре в Летнем саду, по дороге с какого-то заседания. Блок сказал ему: «Вы прятетесь. Прятете Ваши мысли о духе, об истине. Зачем?» И еще: «Что думаете вы о бессмертии, о возможности бессмертия?» Горький пишет о том, как он ответил Блоку на его вопросы (М. Горький. Литературные портреты, с. 370). В словах Блока, которые записал Чуковский, явно слышны отзвуки этого разговора.

⁵⁶ Речь идет о Лиле Юрьевне Брик (1891—1978).

⁵⁷ Виктор Петрович *Буренин* (1841—1926) — поэт, публицист. Характеризуя Буренина, Чуковский писал о нем: «Буренин в молодости был радикалом. Сотрудничал в «Колоколе» Герцена, в «Искре» Курочкина и в «Свистке» Добролюбова. В семидесятых годах он стал ренегатом, перешел в реакционный лагерь и в качестве литературного критика сделал своей специальностью нападки на Михайловского, Чехова, Горького, Блока, Леонида Андреева и других писателей враждебного ему направления.

. . . Нападки были грубы и резки» («Чукоккала», с. 180). О стиле этих нападок можно судить по одной из пародийных пьес Буренина «Калоши на головах», где Блок упомянут как «Дуралей Клок», а те журналы, в которых он сотрудничал, именуются «модерн-бедям-декаданс-лубок-кабак». Буренин высмеивал стихи Блока и в своих «Критических очерках», регулярно печатавшихся в газете «Новое время».

⁵⁸ Евгения Федоровна *Книпович* (р. 1898), литературный критик, в те годы близкий человек в семье Блока.

⁵⁹ В первом издании поэмы «Двенадцать» (Пг., «Алконост», 1918), выпущенном тиражом 300 экземпляров, слово «ужь» напечатано с мягким знаком (см., напр., с. 63). В архиве Чуковского хранится нумерованный (62-й) экземпляр этого издания с дарственными надписями Александра Блока и Юрия Анненкова.

⁶⁰ Речь идет о стихотворении «Там, в ночной завывающей стуже. . .» (II, 81). 10-стих — «Разверзающий звездную месть» Блок заменил в 1915 г. словами: «А, что значит — не пить и не есть!». Строка о «звездной мести» осталась без изменения в статье «Безвременные» (V, 66). См. также Мемуарный очерк Е. Ф. Книпович в кн. 1 наст. тома.

⁶¹ Слова Блока, записанные Чуковским, по смыслу близки к тому, что пишет Блок в своем Дневнике. См. прим. 15.

⁶² Кроме поэтов, за столом «пушкинского праздника» сидели академики Анатолий Федорович *Кони* (1844—1927) и Нестор Александрович *Котляревский* (1863—1925) — первый директор Пушкинского Дома (1910—25); пушкинист Павел Елисеевич *Щеголев* (1877—1931) — автор книги «Дуэль и смерть Пушкина» (1917); Михаил Петрович *Кристи* (1875—1956) — художник, искусствовед, член Коммунистической партии с 1898 г., уполномоченный Наркомпроса в Петрограде (1918—1926); Илья Иванович *Садовьев* (1889—1965), поэт.

⁶³ Петр Константинович *Губер* (1886—1941) — литературовед, автор книги «Дон-Жуанский список Пушкина» (1923); Николай Моисеевич *Волковисский* (1881—?) — литератор.

⁶⁴ Илья Иванович *Ионов* (1887—1942), в те годы — заведующий Петроградским отделением Госиздата. У Блока было несколько столкновений с Ионовым по поводу издания сборника «Седое утро», поэмы «Двенадцать» и III-го тома стихов. Об отношениях Блока с Ионовым и об их переписке см. статью: И. Чернов. Блок и книгоиздательство «Алконост». — В кн.: «Блоковский сб.», 4, с. 530.

⁶⁵ См.: «О назначении поэта» (VI, 160). Чуковский описывает второе выступление Блока в Доме литераторов. Первый раз Блок выступил там же с этой же речью 11 февраля.

⁶⁶ Мария Исаковна *Бриан* (1886—1965) — певица, лирическое сопрано. В 1912 г. Бриан окончила Петербургскую консерваторию по классу А. Жеребцовой-Евреиновой. В этом же году она впервые выступила на оперной сцене, исполнив партию Татьяны в «Евгении Онегине». В 1920 г. Бриан стала профессором Петроградской консерватории.

⁶⁷ Мстислав Валерианович *Добужинский* (1875—1957) — живописец, график, театральный художник, член объединения «Мир искусства». В 20-е годы издавал вместе с Чуковским, Эфросом и Замятинским журнал «Дом искусств», выходивший под редакцией

Горького. Кроме того, Добужинский участвовал в организации выставок художников в «Доме искусств». Федор Федорович *Нотгафт* (1886—1942) — коллекционер картин художников, принадлежавших к кругу «Мира искусства». В 20-х годах — хранитель в Эрмитаже и один из руководителей издательства «Аквилон».

О посещениях в эти дни Лавки писателей упоминает Блок в последних своих чукоккальских стихах: «Как всегда были смутны чувства // Таял снег и Кройштадт палил // Мы из лавки Дома искусства // На Дворцовую площадь шли. . .» («Чукоккала», с. 224).

⁶⁸ М. Ю. Л е р м о н т о в. Избр. соч. в 1 т. Редакция, вступ. статья и прим. Александр Блока. Изд-во З. И. Гржебина. Берлин—Петербург, 1921.

⁶⁹ Вечер Блока был устроен в зале Государственного Большого драматического театра под эгидой «Дома искусств». В «Чукоккале» (с. 284) сохранилось написанное рукою Блока заявление о гонораре.

⁷⁰ Моисей Соломонович *Наппельбаум* (1869—1958) — знаменитый фотограф. После вечера в Большом драматическом театре Наппельбаум там же сфотографировал Блока — и одного и вместе с Чуковским. Эти фотографии оказались в числе последних снимков Блока. Фотографию Блока вместе с Чуковским см. на с. 328.

⁷¹ Этому вечеру посвятил интересную главу в книге «Встречи с Александром Блоком» С. Алянский (с. 128).

В книге Ольги Форш «Сумасшедший корабль» дана гротескная зарисовка выступлений Чуковского и Блока на вечере. Автор не называет фамилий, именуя Чуковского — критиком, а Блока — Гаэтаном. Мы читаем: «На сцене извивался, выкручиваясь вокруг себя самого, как веревка на столбе гигантских шагов, высоченный человек. Он то прядал на публику, весь изламываясь в позвоночнике, подобно червяк-землемеру, то выбрасывал в своеобразном ритме одни длинные руки вперед, или вдруг он сжимался и весь делался меньше.

Этот памятный человек, талантливый критик и невыраженный поэт, с особым даром прошагивать в людей, факты и вещи, чтобы — мастерски кивнув оценку, как дегустатор, тонкий отведчик вина, уйти ужом.

Трагедия его дара была в невозможности того созерцательного оцепенения, необходимого, чтобы зачатое лирически дало свой рост. Как нетерпеливый мальчик, освобождающий раньше срока закутанный зеленью гиацинт, он спешил назвать, острить, сверкать, шуметь и спугивал птицу вдохновения, которая к нему, несомненно, прилетала. Потом, с тайной болью и внешней легкостью, он размашисто писал о ней — улетевшей.

Нет, это было не случайно и не раздражающе, как сетовали иные «корабельцы», что человек этот вышел дядькой при Гаэтане на похоронах романтизма. Был бессознательный вкус в том, как он путался, смущался и нес так явно не то, что предполагалось. Именно от этого косноязычия получилось живое — не «вступительное» слово на сорок пять минут, а волнующая по чувству и не находящая формы защита. Это было безнадежное и любовное разведение рук. Длинные простертые руки вслед уходящему романтизму.

А Гаэтан вышел не так < . . . > Его упирающегося выгнали из-за кулис театра, и говорить ему так не хотелось. Он необычно долго для выступающего молчал, поглядывая вбок. Казалось, он соображает, возможно ли ему, даже не начиная, — уйти. < . . . >

Ему повелительно крикнули сверху и снизу:

— Скифы! . . . Двенадцать! . . .

Он перебирал на месте ногами и молчал. Потом вздохнул и сказал:

— Стихи о России.

Но читать их не стал.

Требования из публики усилились. Он поднял голову. Притихли. Он сказал не то, что просили, не то, что выбрал сам, а из самого первого тома, о том, как пела девушка в церковном хоре, как корабли ушли в море, как никто не вернулся назад.

Голос был тверд и беззвучен. Таким говорят очередную речь над не слишком дорогим покойником. . .

Так он ходил на заседания, так он читал последнее время лекции, так носил за крепкой прямой спиной большой паек из Дома ученых. Так сейчас, будто бывший поэт, он отбывал перед людьми стихотворную повинность» (Ольга Ф о р ш. Сумасшедший корабль. Изд-во писателя в Ленинграде, 1931, с. 102—105).

Евгений Замятин тоже подробно описывает вечер Блока в Большом драматическом театре: «Усталый голос Чуковского — речь о Блоке — и потом, освещенный снизу, из рампы, Блок — с бледным, усталым лицом. Одну минуту колеблется, ищет глазами, где встать, — и становится где-то сбоку столика. И в тишине — стихи о России. Голос какой-то матовый, как будто откуда-то уже издали — на одной ноте. И только под конец, после оваций — на одну минуту выше и тверже — последний валет.

Какая-то траурная, печальная, нежная торжественность была в этом последнем вечере Блока. Помню, сзади голос из публики:

— Это поминки какие-то!

Это и были поминки Петербурга о Блоке. Для Петербурга — прямо с эстрады Драматического театра Блок ушел за ту стену, по синим зубцам которой часовым ходит смерть: в ту белую апрельскую ночь Петербург видел Блока в последний раз»

(Евг. З а м я т и н. Из воспоминаний об А. Блоке. — «Русский современник», 1924, № 3).

⁷² Цикл стихотворений «Через двенадцать лет» посвящен Ксении Михайловне Садовской (1862—1925).

⁷³ По воспоминаниям С. Алянского: «В дороге Александр Александрович жаловался на боли в ноге. Железя отвлеч Блока, Корней Иванович занимал поэта веселыми рассказами, забавными историями и литературными анекдотами. Он знал их без конца. Блок много смеялся и, казалось, порой совсем забывал о болях.

Когда Блок вернулся в Питер, то первое, о чем он рассказал Любове Дмитриевне на вокзале, было — как мы ехали в Москву и как всю дорогу Чуковский заговаривал ему больную ногу веселыми рассказами и удивительными историями.

— И знаешь, — добавил он, — заговорил: я совсем забыл о ноге.

Вся дорога, по выражению Блока, прошла в «чуковском ключе» (С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком, с. 134).

⁷⁴ О П. С. Когане и жене его Н. А. Коган-Нолле см. статью в настоящей книге.

⁷⁵ Федор Евсеевич *Долidae* (р. 1883) — устроитель театральных вечеров и лекций.

⁷⁶ В статье «Последние годы Блока» («Записки мечтателей», № 6, Пг., «Алконост», 1922, с. 162) Чуковский подробно описывает это выступление и цитирует те латинские стихи, которые Блок тогда прочитал. Это — эпитафия Полициана, вырезанная на могильной плите художника Фра Филиппо Липпи (ок. 1406—1469). Художник похоронен в Сполетском соборе. Перевод эпитафии Полициана входит в цикл «Итальянские стихи» (III, 121).

⁷⁷ С. Алянский вспоминает: «3 мая состоялся первый вечер Блока в Москве, в Политехническом музее, а 5 мая — там же второй. Я был на этих вечерах и видел, как Блок нервничал и волновался. Несмотря на громадный успех, сопровождавший оба вечера, поэт не чувствовал ни радости, ни удовлетворения, он жаловался на недомогание и крайнюю усталость» (С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком, с. 135).

После возвращения в Петроград Блок записывает в своем Дневнике: «Три вечера в Политехникуме (мой с Чуковским), устроенные Облоской с полным неуменьем, проходили с возрастающим успехом, но получил я гроши, кроме цветов, записок и писем» (VII, 418). В архиве Чуковского сохранилась афиша вечеров Александра Блока в Политехническом музее. Эта афиша воспроизведена на с. 343.

⁷⁸ В статье «Умер Александр Блок», написанной на смерть Блока и опубликованной 10 августа 1921 г., Маяковский вспоминал: «Я слушал его в мае этого года в Москве: в полупустом зале, молчавшем кладбищем, он тихо и грустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о прекрасной даме, — дальше дороги не было. Дальше смерть». (В. М. А я к о в с к и й. Собр. соч. в 12 томах. М., «Художественная литература», т. 2, 1939, с. 474).

⁷⁹ Александр Филиппович *Струве* (1874— ?) — автор стихотворных сборников, статей, брошюр. В 1909 г. Блок так отзывался об одной из его книг: «И по содержанию и по внешности — дряхлое декадентство, возбуждающее лишь отвращение. Таких книг в России мало кто не стыдился выпускать» (V, 647). В 1920—1921 гг. — зав. литературным отделом Московского губ. Пролеткульта.

⁸⁰ Михаил Андреевич *Осоргин* (1878—1942) — писатель, автор «Очерков современной Италии» (1913), в те годы — председатель Московского союза писателей.

⁸¹ Павел Павлович *Муратов* (1881—1951), искусствовед, писатель. Наиболее значительный труд — «Образы Италии» (т. 1—2, 1911—1912).

⁸² В. Л. Пастернак в своей автобиографии «Люди и положения» («Новый мир», 1967, № 1, с. 214) пишет о московских выступлениях Блока. Его рассказ не во всем совпадает с записями Чуковского. Пастернак вспоминает: «Блоку я впервые представился в его последний наезд в Москву, в коридоре или на лестнице Политехнического музея, в вечер его выступления в аудитории музея. Блок был приветлив со мной, сказал, что слышал обо мне с лучшей стороны, жаловался на самочувствие, просил отложить встречу с ним до улучшения его здоровья.

В этот вечер он выступал с чтением своих стихов в трех местах: в Политехническом, в Доме печати и в Обществе Данте Алигьери, где собрались самые ревностные его поклонники и где он читал свои «Итальянские стихи».

На вечере в Политехническом был Маяковский. В середине вечера он сказал мне, что в Доме печати Блоку под видом критической неподкупности готовят «бенефис», разнос и кошачий концерт. Он предложил вдвоем отправиться туда, чтобы предотвратить задуманную пиздоту.

Мы ушли с блоковского чтения, но пошли пешком, а Блока повезли на второе выступление в машине, и пока мы добрались до Никитского бульвара, где помещался Дом печати, вечер кончился, и Блок уехал в Общество любителей итальянской словесности. Скандал, которого опасались, успел тем временем произойти. Блоку после чтения в Доме печати наговорили кучу чудовищностей, не постеснявшись в лицо упрекнуть его в том, что он отжил и внутренне мертв, с чем он спокойно соглашался. Это говорилось за несколько месяцев до его действительной кончины».

⁸³ «Блок выступал 3 и 5 мая в Политехническом музее, 7 мая в Доме печати и Итальянской студии, 9 мая в Политехническом музее и Союзе писателей (в Доме Герцена)» (В. К а т а н я н. Маяковский. Литературная хроника. М., ГИХЛ, 1961, с. 149).

⁸⁴ О смерти Блока Чуковский узнал вдали от Петрограда, в «Холомках». Летом 1921 г. Чуковский вместе с художником Мстиславом Валериановичем Добужинским организовали (под эгидой Дома искусств) в Псковской губернии близ города Порхова, в имении князей Гагариных «Холомки» и в соседнем имении «Вельское устье» колонию для петро-

градских писателей и художников. Чуковский со всей семьей жил в Холомках и заканчивал свою «Книгу об Александре Блоке». Перед отъездом в Холомки, в середине июня, Чуковский писал Блоку: «Спасибо Вам за ласковое письмо. Я в деревне возьмусь по-новому за ту же свою древнюю тему — о Блоке. Теперь, когда у меня есть хронология Книпович, дело пойдет по-другому. Позвольте мне до осени сохранить у себя Ваши вырезки о Двенадцати и другие материалы, которые (как Вы знаете) у меня берегаются свято».

⁸⁵ В Порхове Чуковский получил письма из Петрограда с известиями о последних днях Блока и о его кончине. Из этих писем два — опубликованы (К. Ч у к о в с к и й. Современники, с. 296; «Чукоккала», с. 295). В архиве Чуковского (ГБЛ, ф. 620) хранится письмо от Е. И. Замятина, написанное 8 августа, на следующий день после смерти Блока: «Вчера в половине одиннадцатого утра — умер Блок. < . . . > 7 августа 1921 года такой же невероятный день, как тот — 1837 года, когда узнали: убит Пушкин».

Я человек металлический и мало, редко кого люблю. Но Блока — любил, и вот — знать, что он умер — ну да что говорить.

Вас нет — и приютская наша жизнь! — удастся ли вызвать Вас, дойдет ли телеграмма? Похороны в среду, конец недели — вечер памяти Блока — как же без Вас?

Думал в понедельник (сегодня) начать хождения по выезду в Холомки, — теперь не до того: нет Горького, нет Чуковского — и мне пришлось устраивать разрешение переговоров о Блоке по прямому проводу с Москвой, и скульптора для маски, и проч..

⁸⁶ Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882—1938) — поэт, переводчик.

⁸⁷ См. прим. 58.

⁸⁸ В конце 50-х годов в письме к Д. Е. Максимова Чуковский вспоминал: «Любовь Дмитриевна читала «12» отчаянно, с какой-то «погибельной» удалью, словно она причастна их страстям и безумиям. В ней (когда она выступала с чтением этих стихов) было что-то от Катюхи — и это привлекало Ал. Ал-ча. Однажды, когда она — в Доме искусств — закончила чтение и ушла в артистическую — Блок (не заметив, что в артистической нахожусь я) вошел туда и направился к «Любе» с такими влюбленными, восторженными глазами, каких я никогда у него не видел. Сам он не читал «Двенадцати» — «у меня не выходит», — но «котчающее» чтение Люб. Дм. считал превосходным» (оригинал письма — в архиве Д. Е. Максимова, цит. по копии).

⁸⁹ Николай Иванович *Иорданский* (1876—1928) — публицист, с 1909 по 1917 г. редактор журнала «Современный мир»; Сергей Николаевич *Сергеев-Ценский* (1876—1958) — писатель; О. *Норвежский* (псевдоним Оскара Моисеевича Картожинского (р. 1882) — журналист, автор книги «Литературные силуэты» (Пб., 1909), где он пишет и о Блоке.

⁹⁰ Осип Дымов (псевдоним Осипа Исидоровича Перельмана, 1878—1959), писатель, журналист, драматург. Пьеса «Слушай Израиль» написана в 1907 г.

⁹¹ Ольга Афанасьевна *Гавлова-Судейкина* (1885—1945) — актриса, жена художника С. Ю. Судейкина. Чуковский вспоминает: «У Ольги Афанасьевны был непогрешимый эстетический вкус. Помню те великопленные куклы, которые она, никогда не учась мастерству, так талантливо лепила из глины и шила из цветных лоскутков. Она была близка к литературным кругам. Я встречал ее у Сологуба; у Вячеслава Иванова — иногда вместе с Блоком, иногда — с Максимилианом Волошиным. Нарядная, обаятельно женственная, всегда окруженная роем поклонников, она была живым воплощением своей отчаянной и эротически-пряной эпохи» («Чукоккала», 136). Ахматова была издавна дружна с Судейкиной и жила у нее некоторое время после своего разрыва с В. К. Шилейко в 1921 г.

⁹² Коля (р. 1904) — сын К. Чуковского.

⁹³ Это либретто не дошло до нас. В статье «Анна Ахматова и Александр Блок» академик В. М. Жирмунский пишет: «В списке утраченных произведений, сохранившихся в библиографических записях Ахматовой, под № 1 упоминается либретто балета «Снежная Маска». По Блоку, 1921». («Русская литература», 1970, № 3, с. 74). Д. Максимов записал слова Ахматовой: «К сожалению, рукопись либретто не сохранилась, осталась только обложка» (1959). Цит. по ст.: Д. М а к с и м о в. Ахматова о Блоке. — «Звезда», 1967, № 12, с. 190.

⁹⁴ Артур Сергеевич *Лурье* (1892—1966) — композитор, близкий друг Ахматовой и Судейкиной. А. С. Лурье положил на музыку некоторые стихотворения из первых ахматовских сборников. Многие стихи Ахматовой обращены к А. Лурье.

⁹⁵ Вероятно, речь идет о стихотворении «А Смоленская пылче именинница». Стихотворение написано Ахматовой в 1921 г. на смерть Блока.

⁹⁶ Строки из стихотворения «Своими горькими слезами. . .» (II, 293).

⁹⁷ Речь идет о сказке Р. Кипплинга «Слононок», которую перевел Чуковский. Сказка вышла в издательстве «Эпоха» в 1922 г.

⁹⁸ Книжки о Некрасове К. Чуковского: «Жена поэта. (Авдотья Яковлевна Панаева); «Некрасов как художник» и «Поэт и палач. (Некрасов и Муравьев)». Издательство «Эпоха» выпустило их в 1922 г. в серии «Некрасовская библиотека».

⁹⁹ Строка из стихотворения «Клеопатра» (II, 207).

¹⁰⁰ В отличие от Сологуба, самому Чуковскому книжка временами казалась неудачной. Незадолго до ее выхода он писал М. М. Шкапской: «На днях я поднесу Вам прескверную книгу о Блоке. Она выходит, наконец, и я заранее ненавижу ее» (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 525).

¹⁰¹ Сологуб неверно истолковывает мысль Чуковского, который пишет: «... можно легко доказать, что чуть не в каждом своем стихотворении (речь идет о первой книге стихов. — Е. Ч.) Блок был продолжателем и как бы двойник тех немецких не слишком даровитых писателей, которые в 1798 и 1799 годах жили на берегу реки Заале, можно проследить все их влияния, отражения, веяния и написать весьма наукообразную книгу, в которой будет много эрудиции, но не будет одного: Блока. Ибо Блок, как и всякий поэт, есть явление единственное, с душой непохожей ни на чью, и если мы хотим понять его душу, мы должны следить не за тем, что он случайно похож на других, а лишь за тем, чем он ни на кого не похож. *Лишь мне течений, направлений, влияний, отражений, традиций, школ вскрывается нам творчество поэта*» (К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. «Эпоха», 1922, с. 44).

В одной из следующих фраз Сологуб сам опровергает свое неверное утверждение. ¹⁰² Сологуб, очевидно, имеет в виду ту часть книги, в которой Чуковский пишет о стихах Блока, посвященных России и о поэме «Двенадцать»: «Странно, что никто до сих пор не воспринял „Двенадцати“ как национальную поэму о России, как естественное завершение того цикла патристических „Стихов о России“, который ныне в его третьем томе носит название „Родина“ и некогда был издан патристическим журналом „Отечество“». Развивая свою мысль, Чуковский доказывает, что «звуковая основа» поэмы — это и русская, древняя, простонародная песня, и русский старинный романс, и русская солдатская частушка. Указав на многие национальные черты героев «Двенадцати», Чуковский продолжает: «... чем дальше мы всматриваемся, тем яснее для нас тот многозначительный факт, что в нынешней интернациональной России великий национальный поэт воспел революцию национальную» (К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. «Эпоха», 1922, с. 118, 124).

¹⁰³ Такое мнение о Блоке Сологуб, видимо, высказывал не только Чуковскому. Так, Э. Ф. Голлербах в своих воспоминаниях о Сологубе пишет: «Снова повторил Федор Ксудымич свою излюбленную мысль, что Блок ничего в России не понимал, что она была для него „запечатанной дверью“. — „Это была немецкая душа, германский гений, у которого с незапамятных времен постоянный Drang nach Osten“» (ГБЛ, ф. 453, карт. 1, ед. хр. 14).

¹⁰⁴ Григорий Борисович *Конусес* — детский врач, лечивший детей Чуковского.

¹⁰⁵ Николай Федорович *Монахов* (1875—1936) — драматический актер, с которым Блок соприкасался, работая в Большом драматическом театре. Чуковский вспоминает: «Особенно любил он <Блок> Монахова. «Это великий художник, — сказал он мне во время поездки в Москву (в устах Блока то была величайшая похвала, которую может воздать человек человеку). — Монахов — железная воля. Монахов — это — вот» (и он показывал мне крепко сжатый кулак)» (К. Чуковский. Современники, с. 291). В январе 1921 г., когда праздновалось двадцатипятилетие театральной деятельности Монахова, Блок обратился к нему с приветствием от лица Управления Большого драматического театра (VI, 420).

¹⁰⁶ В комедии итальянского драматурга К. Гольдони (1707—1793) Н. Ф. Монахов исполнял роль Труфальдино. Монахов говорил Чуковскому: «Люблю эту роль. Весело ее играть. И всегда играя, я переживаю ее. И знаете, там я на сцене жуку хлеб, мне всегда в карман кладут кусочек хлеба, и я — за кулисами доедаю его с большим аппетитом. Ничего вкуснее я в жизни не ел, как этот кусочек хлеба». Чуковский описывает, как Монахов гримировался для этой роли: «Раньше всего он взял пластырь, приклеил его к кончику носа — и другим концом к переносице. Нос задрался кверху, изменив все выражение лица. <...>

Потом он надел курчавый парик и стал грунтовать лицо. Потом пришел «художник» и стал кистями расписывать это лицо, доставляя тем Монахову удовольствие. Я с любопытством смотрел, как один мой знакомый — у меня на глазах — превращается в другого моего знакомого, т. е. Труфальдино для меня — живое лицо, столь же реальное, как и Монахов» (К. Чуковский. Дневник, 9 декабря 1923 г.).

¹⁰⁷ Мария Андреевна *Бекетова* (1862—1938), переводчица, сестра матери Блока Александры Андреевны Кублицкой-Плюттух (урожд. Бекетовой; 1860—1923).

¹⁰⁸ Татьяна Николаевна *Гиппиус* (1877—1957), художница, сестра З. Н. Гиппиус, автор карандашного портрета Блока (1906).

¹⁰⁹ В 1922 г. в издательстве «Алконост» вышла книга М. А. Бекетовой: «А. Блок. Биографический очерк». Новая книга Бекетовой «Александр Блок и его мать» была опубликована в 1925 г.

¹¹⁰ «Ночные часы» — название четвертого сборника стихотворений Блока. Книга вышла в октябре 1911 г. в издательстве «Мусaget». Среди отделов сборника были: «Страшный мир» и «Возмездие». В свое время Блок послал эту книгу Чуковскому (ЗК, 205).

¹¹¹ Это письмо опубликовано (VIII, 458). Блок пишет о поэме Ахматовой: «Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они — не пустяк, и много такого — отрадного, *свежее*, как сама поэма. Все это — несмотря на то, что я никогда не перейду через Ваши *«вогесе* не знала», *«у самого моря»*, *«самый нежный, самый кроткий»* (в «Четках»), постоянные *«вогесе»* (это вообще не Ваше, общеженское, всем женщинам этого не прощу). Тоже и «сюжет»: не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо

«экзотики», не надо уравнений с десятью неизвестными; надо еще жестче, неприглядней, больнее. — Но все это — пустяки, поэма настоящая, и Вы — настоящая».

¹¹² Речь идет о статье К. Чуковского «Ахматова и Маяковский. (Две России)». Статья написана в 1920 г. и опубликована в 1921-м в журнале «Дом искусств», № 1.

¹¹³ Николай Александрович *Морозов* (1854—1946) — революционер-народоволец, «шлессельбуржец» (он провел 25 лет — с 1881-го по 1905 г. — в шлессельбуржской крепости), ученый, поэт.

¹¹⁴ Лев Моисеевич *Клячко* (1873—1934) — журналист, основатель и владелец издательства «Радуга». Именно Клячко был первым издателем таких сказок Чуковского, как «Тараканище», «Мойдодыр» (1923), «Бармалей» (1925), «Федорино горе», «Телефон», «Путаница» (1926) и др.

¹¹⁵ Такой сборник в конце концов не был издан.

¹¹⁶ С 26 апреля 1919 г. до июля 1921 г. Блок был председателем режиссерского управления Большого драматического театра. Он не раз выступал перед актерами, зрителями, а также написал несколько статей на театральные темы (VI, 347). О работе Блока в театре Чуковский впоследствии вспоминал: «Всей душой он прилепился к театру, радостно работал для него: объяснял исполнителям их роли, истолковывал готовящиеся к постановке пьесы, произносил вступительные речи перед началом спектаклей, неизменно возвышал и облагораживал работу актеров. <...> Актеры любили своего вдохновителя. «Блок — наша совесть», — говорил мне режиссер А. Н. Лаврентьев. «Мы чтили его по третьей заповеди», — сказал знаменитый артист Н. Ф. Монахов. Блок чувствовал, что эта любовь непритворна, и предпочитал среду актеров литературной среде. <...> Успехи актеров он принимал очень близко к сердцу и так радовался, когда им аплодировали, словно аплодировали ему» (К. Чуковский. Современники, с. 291).

¹¹⁷ Надежда Ивановна *Комаровская* (1885—1967) — драматическая актриса. Блок неоднократно упоминает о ней в своих «Записных книжках».

¹¹⁸ Речь идет о стихотворении «Клеопатра», которое начинается словами: «Открыт паноптикум печальный» (II, 207). О Музее восковых фигур см. запись в Дневнике Чуковского 26 марта 1923 г.

¹¹⁹ Статья эта называлась «Третий сорт» и была напечатана в «Весах» не в 1904—1905 гг., а в первом номере за 1908 г. Эта же статья (в переработанном виде) вошла во 2-е и 3-е издание книги Чуковского «От Чехова до наших дней» (1908). Книга вызвала негодование Блока.

¹²⁰ Александр Авелевич *Мгебров* (1884—1966) и Виктория Владимировна *Чекан* (1888—1974), драматические актеры. Об А. А. Мгеброве и его отношениях с Блоком см. ЛН, т. 89, с. 305.

В 1912 г. Мгебров и Чекан вместе с Л. Д. Блок участвовали в гастролях, устроенных под руководством В. С. Мейерхольда в театре-казино в Терноках (там же, с. 279).

¹²¹ *Аничковы* — Евгений Васильевич (1866—1937), критик, историк литературы, и его жена Алла Митрофановна (1868—1935), писательница. В своих воспоминаниях Чуковский рассказывает об одном из вечеров у Аничковых, где он видел Блока среди гостей (К. Чуковский. Современники, с. 260).

ПИСЬМА ЭЛЛИСА К БЛОКУ

(1907)

Вступительная статья, публикация и комментарии

А. В. Лаврова

«Из моих друзей он не любил Эллиса <...>», — писал Андрей Белый о Блоке несколько дней спустя после его кончины¹. Отношение Блока к Эллису (псевдоним Льва Львовича Кобылинского, 1879—1947) — поэту, переводчику и критику из среды московских символистов² — не всегда было столь однозначным, но непонимание, отчужденность и подчас даже вражда, действительно, характеризовали общение двух писателей, возникавшее эпизодически и постоянно прерывавшееся, на протяжении почти десяти лет.

Уже самое знакомство Блока и Эллиса было чревато конфликтом. В январе 1904 г. Блок приехал в Москву, где впервые увиделся с Андреем Белым и группировавшимся вокруг него кружком мистически настроенных молодых людей — «аргонавтов». К тому времени еще не вышли в свет «Стихи о Прекрасной Даме», но «аргонавты» уже были восторженными поклонниками стихотворений Блока, известных им по первой публикации в журнале «Новый путь», а также, главным образом, по рукописным копиям, которые были в распоряжении Андрея Белого. Полные ощущения нового века как новой эры, предчувствий грандиозных перемен во всем мироустройстве и неопределенных религиозно-мистических упований, «аргонавты» распознавали в ранних стихах Блока родственные им настроения.

Эллис был одним из деятельных «аргонавтов», но в отношении к творческим опытам Блока проявлял определенную настороженность. Так, осенью 1903 г. он писал Андрею Белому: «Стихотворения Блока — бездарны и, *хотя и искренни*, но все насквозь условны, и их символы не наводят на мысли и настроения, тем более, что все его образы, как и перомтовские, суть... слепки с реальных явлений»³. Категоричность этих слов объясняется резким тоном всего письма, в котором Эллис с раздражением оценивает содержание «Нового пути». Однако подмеченная уже в ранних стихах Блока явная связь его поэтических образов с реальным миром представляла собой, в системе взглядов Эллиса, принципиальный и серьезный недостаток: подлинная поэзия, с его точки зрения, не может ограничиваться самоценным изображением «реальных явлений», оно оправдывается только как трагический контраст по отношению к области высших сущностей. «Я люблю мир, ибо он отблеск *вечного*. Я не люблю его, ибо он *отблеск* вечного», — признавался Эллис⁴. То же самое и в восприятии искусства: все, символизирующее «вечное» начало, вызывает у него восторг; самодовлеющие же «отблески» — негодование. Под таким углом зрения даже ранние стихи Блока, исполненные несомненного мистического пафоса, кажутся Эллису далекими от подлинного, в его понимании, идеала поэзии.

Первая встреча Эллиса и Блока 11 января 1904 г. на «воскресенье» у Андрея Белого и последующие разговоры обозначили зримый контраст между мироощущением Блока и символизмом Эллиса, трактованным с фанатической нетерпимостью; сразу же, конечно, обозначилось и полное несоответствие их темпераментов: Эллис, неистово и шумно пропагандирующий свои идеи, был совершенно неприемлем для Блока с его замкнутостью, внутренней сосредоточенностью, погруженностью в интимный мир переживаний. Андрей Белый красочно живописал в мемуарах одну из первых бесед Эллиса и Блока — на квартире у В. С. Поповой: «Эллис, исступленный и бледный, с лицом, налезавшим на А. А., с кровавыми губами и нестерпимо блестящими зеленоватыми глазами, одной рукой схватывал его за шюргук, а другой размахивал и крутил свои усики и бородку, обдавая А. А. потоком своих мыслей об «Арго», о Брюсове, Бодлере и, кажется, Данте <...> все это было А. А. одинаково чуждо; и взвинченная манифестация символа, и скрытая под ним бескровная черствость, схоластика католического монаха»⁵; «<...> я видел — А. А. зеленеет в словесных потоках; несносна ему эта взвинченность Эллиса, на пружинах схоластики <...> так помнится: лысое, мертвенное лицо, зелень глаз и кровавые влажные

губы; за ними опрокинутый, изнемогающий Блок, под потоками парадоксов, давно каменеющий < . . . > После Блок говорил: «Нет, вы знаете, нет: я Льва Львовича, все-таки, выносить не могу, нет уж, нет!»⁶.

К стихам и переводам Эллиса Блок также остался невосприимчив. В письме к С. М. Соловьеву от 8 марта 1904 г., говоря с раздражением о произведениях различных писателей-«декадентов», напечатанных в альманахе «Гриф», он твердо заключал: «Эллис (извини, пожалуйста) никогда поэтом не был и не будет, Бодлера *совсем* не понимает < . . . >» (VIII, 96).

Следующая встреча Блока и Эллиса, происшедшая в августе 1906 г., была сопряжена с гораздо более драматическими обстоятельствами: Эллис в качестве секунданта повел Блоку от Андрея Белого вызов на дуэль. Поступок Белого, находившегося тогда в крайне взвешенном, иступленном состоянии, был безрассудной попыткой разорвать неразрешимые отношения, сложившиеся у него с Блоком и Л. Д. Блок, за ответное чувство которой он боролся. На этот отчаянный жест он рискнул после долгих и мучительных разбирательств⁷. По словам Белого, Эллис, всецело стоявший на его стороне, был инициатором вызова: «< . . . > он — взывает мое настроение; высказывается решение: вызвать А. А. на дуэль; твердо знаю: убить — не убью; стало быть: это — формула самоубийства; от Эллиса прячу намерение это, но посылаю его секундантом к А. А.; он < . . . > отправляется тотчас же — в ливень и в бурю»⁸.

Приезд Эллиса в Шахматово 10 августа 1906 г. описала в своих мемуарах Л. Д. Блок: «< . . . > я решила взять дело в свои руки и повернуть все по-своему, не успели мы еще подняться на балкон. Встречаю Кобылинского непринужденно и весело, радушной хозяйкой. На его попытку сохранить официальный тон и попросить немедленного разговора с Сашей наедине, шутя, но настолько властно, что он тут же сбивается с тона, спрашиваю, что же это за секреты? У нас друг от друга секретов нет, прошу говорить при мне. И настолько в этом был силен мой внутренний напор, что он начинает говорить при мне, секундант-то! Ну, все испорчено. Я сейчас же пристыдила его, что он взялся за такое бессмысленное дело. Но говорить надо долго, и он устал, а мы, давайте сначала пообедаем. Быстро мы с Сашей меняем наши промокшие платья. Ну, а за обедом уж было пустяшным делом пустить в ход улыбки и «очей немые разговоры» — к этому времени я хорошо научилась ими владеть и знала их действие. К концу обеда мой Лев Львович сидел уже совсем прирученный, и весь вопрос о дуэли был решен. . . за чаем. Расстались мы все большими друзьями»⁹.

Как вспоминает Белый, по возвращении в Москву Эллис, передавая ему недоумение Блока по поводу вызова, уверял его, что тот составил себе о Блоке «превратное представление», что Блок на самом деле «хороший»: «< . . . > рассказывал долго, как тихо бродили они по желтеющим, ярко осенним лесам, как А. А. приютил его на ночь, а ночью пришел к нему в комнату, сел на постель и беседовал. С ним — о себе, обо мне и о жизни; потом, разумеется, Эллис читал переводы Бодлера; и проповедовал пересечения планов («там», «здесь») в символизме < . . . >»¹⁰. Весь этот эпизод в двух словах описала и тетка Блока М. А. Бекетова: «Секунданта Кобылинского сначала Люба отчитала, потом с ним оба страшно подружились < . . . >»¹¹.

Столь резкая перемена в отношении к Блоку не удивительна для Эллиса; его общения с людьми постоянно строились на резких переходах от восхищения к разочарованию, от неприятия к апологетизации. Брюсов, испытывший на себе поочередно ненависть и любовь Эллиса, отобразил эту особенность в эпиграмме на него (1916 г.):

Им руган я немилосердно,
Потом хвалим усердно им,
А после — руган был усердно
И милосердно был хвалим. . .¹²

К Эллису он обращал и сходные по содержанию ксении «Рыцарю святого Грааля»:

Искренность что — порок или доблесть, — если меняет
Искренно дважды на дню он убежденья свои?¹³

И в описанном случае Эллису хватило одного разговора, чтобы Блок из врага превратился в интимного собеседника. Чувства Эллиса не знали полутонов, не терпели двойственности; приятие всегда оказывалось безусловным, неприятие — тоже безусловным.

Но и Блоку Эллис раскрылся, вероятно, с выгодной стороны; он мог ему импонировать своим устремлением к духовно насыщенному искусству, требованием тесной связи литературного труда с задачами «жизнестроительства». Сам Блок подчеркивал (в предисловии к своей книге «Лирические драмы»; август 1907 г.), что «всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указаний жизненного пути» (IV, 433), а нравственно-этический императив, представление о литературе как жизненной миссии были неизменным критерием Эллиса в его отношении к писательской деятельности. В конечном счете, несмотря на всю несхожесть индивидуальностей, размеров дарования и творческих судеб, и Эллис и Блок были щедро наделены чертами, столь характерными для того поколения символистов, к которому принадлежали они оба. Не случайно близко знавший обоих Андрей Белый, размышляя о самой сути духовного пафоса, объединявшего «младших» символистов, поставил Блока и Эллиса в один ряд: «Мы, декаденты, или гибнем, как гибнет Блок, или путаемся в смещениях, как Иванов, или безумствуем, как Эллис, или бросаемся странствовать, взыскав о Граде, как Александр Добролюбов; но мы ищем, все еще ищем: ищем реального Хлеба Жизни. И когда видим этот хлеб, то бросаем все и идем за ним»¹⁴.

Доброжелательные и даже доверительные отношения, которые установились между Блоком и Эллисом после этого шахматовского эпизода, не продлились и года. Весь корпус их переписки, которым мы располагаем, относится к этой поре. Несколько ответных писем Блока, по всей вероятности, не сохранилось, но их содержание отчасти поддается реконструкции благодаря письмам Эллиса. Эллис зовет Блока в задуманное им издание — альманах «Vox Coelestis» («Глас небесный»), который он предполагает подготовить в полном согласии со своими идеальными эстетическими представлениями, проецированными на католическое средневековье и «готику», и Блок присылает ему свои стихотворения (выпустить альманах в свет Эллису не удалось¹⁵). В свою очередь Блок принимает усилия к тому, чтобы пристроить в Петербурге задуманный Эллисом перевод из Жоржа Роденбаха. Два известных нам письма Блока к Эллису свидетельствуют о том, что он стремился в общении с московским литератором к неформальному контакту; размышления, которыми Блок делится с Эллисом, внутренне значительны и, безусловно, представляют собой не одну лишь попытку ответа неистовому в своих эмоциональных излияниях корреспонденту, но включают и подлинно исповедальные интонации. Примечательно, что это эпистолярное общение происходит на фоне продолжающихся конфликтных объяснений Блока и Белого, в которых нерасторжимо перемешаны личные проблемы с творческими и литературно-тактическими.

Разрыв между Эллисом и Блоком наступил внезапно и, казалось бы, по вздорной причине: Блок попытался в письме, мягко и ненастойчиво, защитить Г. И. Чулкова от нападок Эллиса, в ответ Эллис объявил, что не желает более иметь с ним ничего общего (п. 5).

Но вдруг — безудержно и сразу! —
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом, —¹⁶

этим строками поэмы М. И. Цветаевой «Чародей» (1914), в которой изображен Эллис, вполне можно охарактеризовать его реакцию на слова Блока.

Инцидент этот был одним из частных следствий идейного размежевания внутри символизма, происшедшего в 1906—1907 гг. и разделившего символистские «Москву» и «Петербург» на два враждующих стана. Побудительной причиной этого раскола явилось возникновение «мистического анархизма» — философско-эстетической теории, выдвинутой Чулковым и поддержанной Вячеславом Ивановым. Основной пафос «мистического анархизма», явившегося своеобразным откликом на общественный подъем в революцию 1905 г., сводился к преодолению индивидуалистических заветов раннего символизма и к поиску гармонического синтеза личности и общества, к стремлению «из уединения к соборности»¹⁷. Пути к желаемой гармонии, по Чулкову, лежат в соединении индивидуального мистического опыта с идеями философского анархизма; соединение мистических начал как сферы выражения индивидуального с анархическими идеями как областью общественного указывает на возможность преодоления реального разобщенного мира во имя грядущего соборного. Собственно мистический анархизм как строгая и продуманная система взглядов не

выдерживал критики; прокламированные Чулковым идеи отличались эклектизмом, незрелостью и претенциозностью, разсплывчатостью теоретических установок. Основанием для широкой полемической кампании, развернувшейся вокруг него, оказалась чрезвычайная симптоматичность этого теоретического построения, ибо к тому времени уже была достаточно осознана идейная бесперспективность «декадентства» и открывались широкие пути исканий. Брюсов — тогда признанный глава московских символистов и руководитель журнала «Весы» — не принял новой теории в силу ее позитивной идейной несостоятельности и направил усилия на защиту идейных положений символизма от «мистико-анархической» ревизии. Ближайшими его союзниками стали Андрей Белый и Эллис¹⁸. Напротив, Блок, как многие другие петербургские литераторы символистского круга, отнесся к философским опытам Чулкова сочувственно и, хотя и протестовал против включения себя в число «мистических анархистов», видел в новой теории определенные аналогии со своими духовными и творческими исканиями. Полемика вокруг «мистического анархизма» и вызванного им идейного брожения, дополнительно раздувавшаяся из литературно-тактических соображений, а также не без привнесения личных мотивов, стала к 1907 г. основным содержанием критических отделов символистских изданий.

Неприятие Эллисом «мистического анархизма» — факт чрезвычайно показательный для характеристики его мироощущения и литературной позиции. Примечательно, что он в целом не приемлет и новейшие стремления к «синтезу» в религиозном мышлении — то, что он называет «пантеизмом», т. е., в основном, искания Мережковского, Розанова, Вяч. Иванова, стремившихся к сочетанию христианской религии с определенными «языческими» началами. Эллис изначально воспринимает мир в его трагической разорванности; скрытый мир вечных сущностей и явленный мир косной реальности враждебно противопоставлены один другому. Участь поэта, заброшенного в реальный мир, но видящего свою подлинную родину в запредельном, — гордое, трагическое одиночество и непонятость. Когда Эллис пишет Блоку о Жане Рембрандте, герое романа Роденбаха «Искусство в изгнании» (п. 4), то, безусловно, видит в нем отголосок собственной судьбы и собственной позиции в мире. «Небесное» и «земное» начала непримиримы, поэтому идея «синтеза», лежащая в основе «мистико-анархических» построений, Эллису совершенно чужда. «Декадентство», в его понимании, было вполне оправданным творческим методом, ибо в нем находил свое выражение «демонизм», неотъемлемо присущий реальному миру. Защищая «классический», «брюсовский», индивидуалистический символизм от попыток его «преодоления» и от всевозможных «синтетических» проектов, Эллис тем самым отстаивал и собственное мирозерцание.

Наступательная кампания против «профанации» символизма предполагала и противостояние модным эстетическим новшествам, попыткам соединения реалистических и символистских приемов творчества, подспудной основой которых в трактовке Эллиса и других «весовских» критиков обычно оказывался «мистический анархизм». Настаивая на «дифференциации и аристократической обособленности» символизма, Эллис утверждал, что в этом «путь спасения» для всех тех художников, «кто еще не сделался окончательным жрецом сразу всех храмов, вроде Вяч. Иванова и А. Блока»¹⁹. В полемической борьбе Эллис участвовал со всей силой своего неумеренного, запальчивого темперамента, постоянно выходя за рамки литературного такта и переполняя свои критические статьи резкими, зачастую оскорбительными нападениями на своих литературных оппонентов. В ходе полемики Брюсов и Эллис задумали теоретико-полемический сборник, который Эллис хотел назвать «В защиту индивидуализма», вопреки «сборности» и «общественности» мистических анархистов (замысел этот не был реализован). Стремясь привлечь к этому начинанию Андрея Белого, Эллис написал ему (летом 1907 г.) выразительное письмо, служащее яркой иллюстрацией того положения, которое занял Эллис в «Весях», и наглядно демонстрирующее характер его полемического пафоса:

«Бесконечно дорогой Боря!

Мы с Валерием Яковлевичем замыслием специальный сборник статей против мистического анархизма и в защиту индивидуализма.

В него войдут некоторые статьи, печатавшиеся в «Весях». Писал ли он тебе об этом? Необходимо, решительно необходимо, чтобы ты выбрал из прошлых твоих статей подходящие и написал бы обстоятельную отповедь хулиганам.

Я знаю, что ты засел за симфонию²⁰ и отшеллся. . . но дело слишком серьезное!

Ты бросил перчатку, дело чести бросить и копьё!

Я сам пишу обширную статью о петербургской сволочи, к которой появится в ближайшей книжке «Весов»²¹.

О, если бы ты перепечатал в начале будущего сборника свою старую статью о теургии²², снабдив ее примечаниями и смело указав источники, откуда черпает сволочь. Было бы это хорошо и своевременно!

Напиши все, выясни все, сбрось свое прошлое, казни твоих палачей, чтобы начать «новую жизнь», дышать холодным, свежим воздухом!

Порви слабые, искусственные нити с окаянным Петербургом. Я читал в «Весах» твои статьи об «Орах», «Тайге»²³ и чувствую, что для тебя стал вопрос — «все или ничего». Я целую тебя за твои замечания о Брюсове, который начинает принимать для меня фатальное значение. Я делю свою жизнь на 2 части, до Брюсова и с Брюсовым. Ты должен понять, как глубоко заходят наши с ним отношения. Бог с тобой.

Твой Эллис. < . . . »²⁴.

В борьбе за «чистоту» символизма Эллис видел свою основную задачу. Главные инвективы он обращал в адрес альманахов издательства «Шиповник», непосредственно касаясь творчества Л. Н. Андреева, Б. К. Зайцева, О. Дымова и других писателей, стремившихся к искусству, «синтезирующему» реалистическую и символистскую поэтику. И здесь благодарным объектом для нападок оказались новейшие творческие искания Блока, ознаменовавшие отход от художественной системы «Стихов о Прекрасной Даме» и привнесение новых, диссоциирующих элементов. «Ужас момента < . . . », — писал Эллис в 1907 г. Брюсову, — только в том, что смешиваются воедино разные стили. Хорош и сахар, хороша и соль, но ужасен воздушный пирог с солью, а «Жар-Птица», Перун, Ремизов, Блок (в драмах), Дионисий Иванович, — сахар с солью»²⁵. В статьях Блока «О реалистах» и «О лирике» Эллис увидел теоретическое обоснование этой капитуляции «строгого», «чистого» символизма перед искателями «синтезов» и теми, кого он презрительно именовал «эпигонами», — писателями реалистической школы. Позитивную оценку, которую Блок дал писателям «Знания» в статье «О реалистах», Эллис назвал «совершенно неосновательной и бездоказательно-ложной»²⁶. «Да, воистину надо родиться А. Блоком, чтобы восхититься писаниями Горького < . . . », — восклицал он по поводу этой статьи, иронически именуя Блока «сей бессмертный критик»²⁷. В частных же письмах он определял критические обзоры Блока не иначе как словом «идиотизм» в самых различных сочетаниях и вариациях²⁸.

При этом стоит отметить, что, нападая на Блока-драматурга и Блока-критика, Эллис все-таки не оставался совершенно глух к его новым стихам, появившимся в журналах и альманахах; характеризует их, он выходил за пределы кружковой ограниченности и полемической пристрастности. Цикл Блока «Н. Н. Волоховой», опубликованный во «враждебном» альманахе «Шиповник» (кн. 2) — цитадели «мистического реализма», он называет «романтически-музыкальными строфами»: «Приятное исключение составляют стихи А. Блока, искренние, изящные, очень интересные»²⁹. Стихотворение Блока «Клеопатра», помещенное в четвертой книге того же альманаха, Эллис отмечает как «искреннее, глубоко художественное и поразительно-цельное» (хотя и оговаривается здесь же, что это «теперь редкое свойство у Блока») ³⁰; вспоминает он и о «преемственности самых лучших молитвенно-лирических мест» у Блока, «сокровенной, мистической лирике» Вл. Соловьева³¹. Впрочем, Эллис при случае не упускает возможности укорить стихи Блока за «неясность» и «растянутость», за сходство с поэтической продукцией эпигонов декадентства³². В целом же Блок-поэт для Эллиса, на фоне таких безусловных для него в это время дарований, как Брюсов и Андрей Белый, — художническая индивидуальность, не сумевшая выявить себя до конца и сохранить духовную чистоту, своего рода «падший ангел» от символизма, соблазненный «петербургским» литературным окружением с его тягой к «синтезам», «преодолениям» и «переоценкам». Краткие оценки творчества Блока, даваемые Эллисом в книге «Русские символисты», над которой он работал в 1908—1909 гг., сводятся в основном к тому, что поэт не оправдал возлагавшихся на него надежд; восприняв от Вл. Соловьева «мистические созерцания» и «романтические мотивы», он смог в «Стихах о Прекрасной Даме» заключить их в «уточенные формы нежно-символической лирики», но в последующих произведениях изменил этим заветам и «в своем «Балаганчике» грубо и цинично стал глумиться над < . . . » культом Вечной Жепственности», «по-

мрачив» тем самым романтический идеал и скомпрометировав былые прозрения и вдохновения»³³.

В своей реакции на содержание и стиль критических выступлений Эллиса Блок отказался от прямой отповеди или полемических возражений, решив иронически «подтвердить» справедливость всех, достаточно фантастических, представлений Эллиса о современной литературе. Построение заключительного раздела своих «Писем о поэзии»³⁴ — заметки «Два Аякса» — он объяснил тем, что руководствовался «более всего страстным желанием подразнить г. Эллиса»: «В заключение — некоторая дань провокации, хулиганству, легкомыслию и другим явлениям литературной жизни, приводящим в ужас почтенного критика «Весов», г. Эллиса <...> Скорей, скорей, г. Эллис, поведайте миру о том, что я погиб окончательно и стал отныне «мистическим хулиганом!» (V, 298). Действительно, заметка высмеивает полемические установки «Весов», и Эллиса прежде всего, в их наиболее, вероятно, уязвимом моменте — делении на «своих» и «чужих», «весовцев» и «петербуржцев». У Блока уравнины, представлены «двумя Аяксами» «весовец» С. Соловьев и «петербуржец» П. Потемкин, один — убежденный борец против «мистико-анархической» идеологии, другой — так называемый «огарочник», рядовой представитель ниспровергаемого «Весами» движения.

Столь же уничтожающую оценку Блок вызвала деятельность Эллиса в области переводческого искусства. Это выступление имело явный полемический прицел: Блок рецензировал издание пьесы Э. Верхарна «Монастырь» в переводе Эллиса, сопровождаемое кратким предисловием Андрея Белого, рекомендовавшим «художественный перевод Эллиса» как «ценный материал для театра»³⁵. Блок же признавался, что «был взбешен Эллисовским переводом»³⁶. Показав на целом ряде убедительных примеров ошибки, неточности и общую слабость перевода, он обратил свои критические стрелы и против Белого как исполнителя взятой на себя роли «защитника литературных ценностей», и против Эллиса, которому вынес решительный приговор: «Г-на Эллиса мы знаем только одного: это — посредственный поэт и плохой переводчик, попавший почему-то в последний год в присяжные критики «Весов»; здесь превратился он в развязного и яростного брезгливца, мечущего грома и молнии на современную литературу; современная литература не нравится г-ну Эллису, что делать? Но ведь и г. Эллис не нравится ей, а потому — беда не велика; и разойтись бы в разные стороны этой неладной паре!» (V, 644)³⁷.

Статья Блока об Эллисе, так же как и наиболее резкие отзывы Эллиса о Блоке, относятся к 1908 г. Следующий год принес с собой ощутимые сдвиги в расстановке сил внутри символизма. Полемика вокруг «мистического анархизма» к этому времени исчерпала себя, основные ее участники разошлись по разным путям; «Весы» — трибуна Эллиса-критика — прекратились в конце 1909 г. Тогда же, в 1909 г., в Москве было основано издательство «Мусагет», ставившее своей задачей религиозно-философское и культурно-историческое обоснование символизма. Руководитель и организатор «Мусагета» Э. К. Метнер привлек к участию в этом начинании не только Андрея Белого, Эллиса, А. С. Петровского и других прежних «аргонавтов», но и представителей недавнего «враждебного» стана — Вяч. Иванова и Блока³⁸.

Сближение Блока с кругом «Мусагета» было не формальным и не случайным. 1910 год явился во многом переломным для его литературной позиции. Блок вновь, как в эпоху своего творческого становления, оказывается перед задачей обоснования символизма как религиозно-жизнетворческого служения, видит перед собой новые пути, отличные от тех, которыми он шел в пору «Балаганчика» и «Снежной Маски». Говоря в этапном для себя докладе «О современном состоянии русского символизма» о «тезе» и «антитезе» как двух фазах развития этого литературного течения, Блок фактически исповедуется о пройденном им пути; стадия «антитезы» позади, «лиловый сумрак» рассеялся, и Блок встает перед новыми рубежами: «Мой вывод таков: путь к подвигу, которого требует наше служение, есть — прежде всего — ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета» (V, 436).

Доклад Блока, напечатанный в 8-м номере «Аполлона» за 1910 г., привел Эллиса в восторг. Он послал ему в знак примирения книгу Бодлера в своем переводе (Шарль Бодлер. Стихотворения в прозе. Перевод Эллиса. М., «Мусагет», 1910), причем к дарительной надписи приписал заключительную фразу блоковского доклада: «Глубоковажаемому Александру Александровичу Блоку эта моя запоздалая книга с чувством примирения

ни симпатии. Эллис. «Нам должно быть памятно и дорого паломничество Синьорелли, ж «ото»рый, придя на склоне лет в чужое скалистое Орвьето, смиренно попросил у граждан позволить ему расписать новую капеллу!» А. Блок»³⁹. Блок послал Эллису в ответ письмо, которое, по всей вероятности, не сохранилось; о нем он упомянул в письме к Андрею Белому от 29 сентября 1910 г.: «Примирение со мной Эллиса я оценил по-новому еще после того, как ответил ему, припомнив разное (дрянное и важное). Мы с ним на редкость чужие во всем внешнем (. . .), но во мне есть по отношению к нему еще нечто, кроме искренней веры в его ноуменальное благородство»⁴⁰. В начале ноября 1910 г. Блок приезжал в Москву, где общался с «мусажетцами». 10 ноября он сообщал матери: «В Москве все близкие люди (т. е. Мусажет) производят трогательное и сильное впечатление»; перечисляя близких, он назвал Эллиса следом за Андреем Белым (VIII, 320). Вероятно, к этой поре относится стихотворение Эллиса «Resignation», посвященное Блоку⁴¹.

Бликие отношения, однако, установиться между ними не могли даже при самых благоприятных внешних обстоятельствах и при взаимной расположенности друг к другу. Уже 6 июня 1911 г. Блок писал Белому в ответ на его слова о «Мусажете»: «(. . .) у меня с ним связано всегда некоторое беспокойство, которого я не умею преодолеть: я боюсь Эллиса, что-то в нем чужое — ужасное, когда не милое, и только милое, когда я его увижу и он повернет ко мне одно из своих многих лиц» (VIII, 345). В этих словах содержится, конечно, не только откровенное признание в неистребимом личном предубеждении. Ровесники, имевшие во многом общие духовные истоки, Блок и Эллис были антагонистами не только по темпераменту и конкретным симпатиям и антипатиям, но и по самым основам мироотношения. Характерная особенность индивидуальности Эллиса — отсутствие движения, развития; идея пути, под знаком которой протекала вся духовная жизнь Блока⁴², была ему совершенно чужда. Эллис постоянно менял объекты своего преклонения, в своих идейных исканиях делал головокружительные зигзаги, но смена кумиров и лозунгов была только фикцией-эволюции, по содержанию все они оказывались внутренне схожи. «В сущности в центре я прочен, верен себе и даже схематичен», — признавался сам Эллис⁴³. Иногда Блок и Эллис встречались чуть ли не как единомышленники; но, при всем совпадении их идеальных представлений, то, что у Блока, в плане его жизненного пути, оказывалось наполненным живым духовным и творческим содержанием, у Эллиса могло обернуться только догматическим установлением, фанатическим призывом. То, что было для Блока одним из необходимых факторов сложного единства его «трилогии вочеловечения», для Эллиса предстало конечной, замкнутой и неопровержимой истиной.

«Признав» Блока после примирения 1910 г., Эллис все же остался способен воспринимать в нем только родственное самому себе. В 1913 г., уже после выхода в «Мусажете» первого трехтомного собрания стихотворений, в котором в полную величину предстал зрелый Блок, Эллис писал: «Чуждая всему современному, слишком непосредственно-женственная лирика Александра Блока легко выдает в нем душу позднего средневековья, менестреля Пресвятой Девы, являющейся «Дамой в золотом венце» Прекрасной Дамой, соблазняющей Раем, обрекающею своих служителей на гибель и искупление»⁴⁴. Блок в этих словах — фактически ипостась самого Эллиса, после недолговременного преклонения перед антропософией Рудольфа Штейнера удалившегося от русской литературной жизни и безраздельно погружившегося в католицизм и культ средневековья. С осени 1911 г. Эллис постоянно живет за границей, и с этих пор его общение с Блоком не возобновляется.

Письма Эллиса к А. А. Блоку печатаются по автографам, хранящимся в архиве Блока в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 40). Два письма Блока к Эллису, сохранившиеся в архиве В. Я. Брюсова (ГБЛ, ф. 386, карт. 77, ед. хр. 40), опубликованы М. И. Дикман (VIII, 181—182, 185).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Андрей Б е л ы й. К материалам о Блоке. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 3, ед. хр. 42.

² Общие сведения о биографии и творчестве Эллиса см.: С. С. Г р е ч и ш к и н, А. В. Л а в р о в. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик. — «XCV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов». Л., 1972, с. 59—62.

³ ГБЛ, ф. 25, карт. 35, ед. хр. 46.

⁴ Э л л и с. Дневник. 1905 г., лето. — ГБЛ, ф. 167, карт. 10, ед. хр. 16, л. 8 об.

⁵ Андрей Б е л ы й. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — «Записки мечтателей», № 6. Пб., «Алконост», 1922, с. 62.

- ⁶ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 1. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 222, 223.
- ⁷ См.: Вл. Орлов. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 692—698.
- ⁸ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 3. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 188.
- ⁹ Л. Д. Блок. Были и небылицы. Времен, 1977, с. 59.
- ¹⁰ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 3, с. 189—190; ср.: Андрей Белый. Между двух революций. Л., 1934, с. 92.
- ¹¹ Дневниковая запись М. А. Бекетовой от 24 августа 1906 г. — ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 3, л. 135.
- ¹² Валерий Брюсов. Неизданные стихотворения. М., 1935, с. 460.
- ¹³ ГБЛ, ф. 386, карт. 15, ед. хр. 1, л. 29—30. Ср. опубликованный вариант: «30 дней», 1927, № 10, с. 32.
- ¹⁴ Письмо к М. К. Морозовой (1912 г.) — ГБЛ, ф. 171, карт. 24, ед. хр. 1 в.
- ¹⁵ В середине октября 1907 г. Андрей Белый писал Блоку: «*Vox Coelestis*» не будет: Эллис возвращает стихи» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка». с. 221).
- ¹⁶ Марина Цветаева. Неизданное. Стихи, театр, проза. Paris, 1976, с. 32.
- ¹⁷ Вячеслав Иванов. О «факельщиках» и других именах собирательных. — «Весы», 1906, № 6, с. 55.
- ¹⁸ Подробнее см.: «Брюсов и «Весы». — ЛН, т. 85, с. 294—295; А. В. Лавров. Брюсов и Эллис. — «Брюсовские чтения 1973 года». Ереван, 1976, с. 217—236.
- ¹⁹ Эллис. Еще одна корона. — «Весы», 1908, № 6, с. 63.
- ²⁰ Летом 1907 г. Андрей Белый дописывал «четвертую симфонию» «Кубок метелей» (М., 1908).
- ²¹ Возможно, имеется в виду статья Эллиса «Поворот» («Весы», 1907, № 8, с. 65—68).
- ²² Андрей Белый. О теургии. — «Новый путь», 1903, № 9, с. 100—123.
- ²³ Рецензии Андрея Белого на альманах «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907) и на драму Г. И. Чулкова «Тайга» (СПб., 1907) («Весы», 1907, № 6, с. 66—70).
- ²⁴ ГБЛ, ф. 25, карт. 25, ед. хр. 31. 12 июня 1907 г. Эллис соответственно писал Брюсову: «Спишите, возможно скорее, с Бугаевым по поводу сборника. Кроме калаш, он смог бы дать нам и панталоны, и пальто, и шляпу. Он дьявольски зол на Петербург, а из злобы рождаются лучшие страницы» (ГБЛ, ф. 386, карт. 109, ед. хр. 44; в цитате намеки на полемическую статью Андрея Белого «Штемцелеванная калаша» — «Весы», 1907, № 5). Не менее красноречиво Эллис писал Брюсову в сопроводительном письме к рукописи рецензии С. Я. Рубановича на издание «Цветов Зла» Бодлера в переводе Арсения Альвина (СПб., «Гелиос», 1908), напечатанной в «Вессах» (1908, № 6, с. 69—71): «Нужно оборвать хулиганов и необходимо привлечь к «Весам» армии из простых солдат. А то в Петербурге армия без вождя, а у нас в Москве вожди без армии. Исправляйте и сокращайте эту рецензию, как угодно. Если не прикормить к «Весам» подобной армии (из к(ото)рой 99% могут оказаться = 0), то откуда же, как не путем естественного отбора, явятся 1% будущих творцов и труженников, тем более что многие и из «отцов символизма» становятся гнилыми мухоморами, или проститутами, негодьями и изменниками. Нужно вспомнить о методах иезуитов» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 2, ед. хр. 51).
- ²⁵ ГБЛ, ф. 386, карт. 109, ед. хр. 44. «Жар-Птица» — книга К. Д. Бальмонта, «Перун» — сборник стихов С. М. Городецкого, «Дионисий Иванович» — Вяч. И. Иванов. Ср. пренебрежительный отзыв Эллиса (в статье «Кризис современного театра») о драме Блока «Балаганчик» («Весы», 1908, № 9, с. 64).
- ²⁶ Эллис. Наши эпитоны. — «Весы», 1908, № 1, с. 65—66.
- ²⁷ Эллис. Еще о соколах и ужах. — «Весы», 1908, № 7, с. 57.
- ²⁸ См., например, письма Эллиса к Брюсову 1908 г. (ГБЛ, ф. 386, карт. 109, ед. хр. 44) и к М. И. Сизовой (январь 1909 г.; ЦГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 20). Ср. письмо Эллиса к Брюсову, опубликованное Д. Е. Максимовым в его кн. «Поэзия Валерия Брюсова» (Л., 1940, с. 208—209).
- ²⁹ Эллис. Поворот. — «Весы», 1907, № 8, с. 65, 67.
- ³⁰ Эллис. Литературный невод. — «Весы», 1908, № 10, с. 81.
- ³¹ Эллис. О современном символизме, о «черте» и о «действе». — «Весы», 1909, № 1, с. 78.
- ³² См.: Эллис. Корабли. Сборник стихов и прозы. — «Весы», 1907, № 5, с. 75; Эллис. Об альманахах. — «Весы», 1909, № 5, с. 71—72.
- ³³ См.: Эллис. Русские символисты. М., «Мусагет», 1910, с. 178—179, 252, 264—265, 271, 322, 324.
- ³⁴ Опубликованы в журнале «Золотое руно» (1908, № 7-8-9, 10).
- ³⁵ Эмиль Верхарн. Монастырь. Перевод с французского Эллиса. С предисловием Андрея Белого. М., «Полюза» (В. Антик и К^о), (1908) («Универсальная библиотека», № 60), с. 4.
- ³⁶ Письмо к матери от 11 июня 1910 г. — «Письма к родным», т. II, с. 86.
- ³⁷ Рецензия была помещена в журнале «Образование» (1908, № 7).
- ³⁸ См.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман, А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру). — «Блоковский сб.», 2, с. 385—397.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2; ед. хр. 40. Сохранилась и надпись Эллиса Блоку на книге «Русские символисты»: «Глубокоуважаемому и дорогому во имя неизбежного и несомненного будущего Александру Александровичу Блоку от Эллиса» (там же).

⁴⁰ «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 236.

⁴¹ Э л л и с. Арго. Две книги стихов и поэма. М., «Мусагет», 1914, с. 50—51.

⁴² См. работу Д. Е. Максимова «Идея пути в поэтическом сознании Блока». — В кн.: Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 6—143.

⁴³ Письмо к Э. К. Метнеру от 13 января 1913 г. — ГБЛ, ф. 167, карт. 8, ед. хр. 1.

⁴⁴ Э л л и с. Vigilemus! Трактат. М., «Мусагет», 1914, с. 8.

1

«Январь 1907 г., Москва»

Дорогой Александр Александрович!

Обращаюсь к Вам с просьбой; я уверен, что Вы отзоветесь на мою просьбу, и чувствую прочность этой внутренней связи, к которой образовалась между нами во время моего краткого пребывания в Шахматове¹.

Дело в том, что я достал 1000 руб. на издание сборника под моей личной и единственной редакцией.

Сегодня первый раз с меня спадает бремя Астровской опеки, к которой заставляла соединять несоединимое, искать синтеза Бухарева и Данте, Вл. Соловьева и Батюшкова².

Теперь, наконец, возможно создать нечто исключительно эстетическое. Всякий намек на синтез или реализм — должен быть отвергнут. Вы, конечно, меня поймете до конца.

Я хочу собрать материал чисто романтического, даже готического стиля и озаглавить свой будущей сборник «Vox coelesta».

Конечно, для Вас здесь очень много интимно-родственного. Я прошу Вас прислать для этого сборника материал, лучше стихи, но, конечно, возможно и прозу, вообще *все*, что Вы сами сочтете нужным.

Кроме того, прошу Вас переговорить с кем возможно из петербургских литераторов, поскольку их произведения подойдут к девизу-заглавию, — *vox coelesta*...

Переводный материал также желателен!..

Сборник будет включать и стихи, и рассказы, и статьи, и пьесы!..

Адрес для посылки следующий: Москва, Спасо-Песковский пер., дом Малевича, Н. П. Киселеву³ для Эллиса.

Шлю Вам свой горячий привет и прошу передать мой глубокий поклон Любови Дмитриевне.

Преданный Вам Э л л и с

Р. С. Скоро вышлю Вам «Молодую Бельгию». Быть может, улучите время прорецензировать ее⁴.

¹ См. вступительную статью, с. 364.

² Имеются в виду литературно-философские сборники «Свободная совесть» (кн. 1 и 2. М., 1906), в комплектовании и издании которых Эллис принимал деятельное участие; сборники выходили при финансовой поддержке Павла Ивановича Астрова, близкого в 1905—1906 гг. к московскому кружку «аргонавтов» (см.: Андрей Б е л ы й. Начало века. М.—Л., 1933, с. 357—363). Александр Матвеевич Бухарев (в монашестве Феодор; 1824—1871) — духовный писатель, преподаватель Московской духовной академии. В первой книге «Свободной совести» напечатана работа А. С. Бухаревой «Александр Матвеевич Бухарев (Архимандрит Феодор)». Из материалов для биографии, также — статья Эллиса «Венец Данте» и перевод с французского третьей части книги Вл. Соловьева «Россия и вселенская церковь» («La Russie et l'Eglise universelle»), выполненный Г. А. Рачинским; во второй книге «Свободной совести» было помещено неизданное стихотворение Соловьева «Когда в свою сухую ниву...». Павел Николаевич Батюшков (1864—ок. 1930) — теософ, член кружка «аргонавтов» (см.: Андрей Б е л ы й. Начало века, с. 53—59). В первой книге «Свободной совести» был напечатан его перевод индийского оккультного трактата «Свет на Пути», во второй книге — его статья «О религиозном мистицизме». Блок опубликовал рецензии на первую («Весы», 1906, № 2) и вторую («Золотое руно», 1906, № 7-8-9) книги «Свободной совести». Один из основных упреков Блока в адрес первой книги — эклектический состав и «обезличивающий» «сорт мистицизма», отличающий произведения многих ее авторов (см.: V, 606—611). В отклике на вторую книгу Блок констатировал,

что эти недостатки усугубились: «Теперь уже совсем невозможно объединить это пестрое содержание даже такими общими положениями о свободной связи «истины, жизни и красоты», которую, в предисловии к первой книге, редакция полагала возможной — «вместе с Вл. Соловьевым» (V, 629).

³ Николай Петрович *Киселев* (1884—1965) — друг Эллиса, литератор, впоследствии — сотрудник издательства «Мусагет», книговед.

⁴ «Молодая Бельгия». Сб. изд. под ред. Марии Веселовской. Т. I. Поэты. М., <1906>. Книга вышла в свет в декабре 1906 г. В ней напечатаны статья Эллиса «Лебедь «Молодой Бельгии». Жорж Роденбах (Основные мотивы его личности и творчества)» (с. 48—87) и его многочисленные стихотворные переводы из Ж. Роденбаха, И. Жилькена, А. Жиро, Ш. ван Лерберга, А. Фонтэна, М. Метерлинка, Э. Верхарна и других бельгийских поэтов. Рецензию на сборник Блок не написал; в статье «Литературные итоги 1907 года» (ноябрь—декабрь 1907 г.) он отметил: «Выделяем и переводные сборники, как «Молодая Бельгия» (переводы в стихах г. Эллиса) <...>» (V, 221).

2

«Конец января 1907 г., Москва»

Дорогой и милый Александр Александрович!

С удовольствием прочел Ваше письмо! ¹ С гораздо бóльшим, чем Вашу рецензию обо мне в «Зол<отом> руне»! . . ² После наших бесед в Шахматове я чувствую *всегда* неразрывность связи между мной, как Львом Львовичем, между мной, как Эллисом и Вами! . . Чувствую эту связь, основанную на общности по отношению к чему-то третьему, Высшему, и на бесконечности страданий от жизни и непонимания всех вообще 3-ьих лиц! . . Не сомневаюсь в прочности нашей связи, несмотря на то, что каждую минуту на моих глазах рвутся самые прочные связи, рвутся сами собой и часто навсегда, несмотря на то, что в моей личной жизни было очень много горьких разочарований, и не только в людях, но и в кое-чем б<олее> значительном! . . Наши отношения — продолжение и развитие некоего узла, завязанного много раньше. . . быть может А. Добролюбовым ³, быть может Достоевским! . . Вы, конечно, понимаете меня! . . Но есть нечто *специально* сближающее нас двоих! Для меня особенно ценно в Вас то, что, вывариваясь во *всех* котлах русской современной хаотической жизни, и в мистике без поэзии, и в поэзии без мистики, и в политике без религии, и в общественности без божественности, и в божественности без общественности, и в анархизме+мистицизме, Вы остались *чистым художником*, даже более, Вы не стали «писателем» (газетное слово, происходящее из взгляда на творчество с механической т<очки> зр<ения>), а остались *поэтом*, т. е. тем существом, к<ото>рое является единственной отрадой среди зверинца «средних людей»!

Более того, Вы остались «*романтиком*» (в шир<оком> смысле), певцом «красоты, *едва* воплощенной», и в каждой Вашей строке чувствуется *презрение к реальному*! Даже в Вашем «Балаганчике», к<ото>рый я вообще не люблю, как вещь кружковско-условную ⁴, много беспощадно-спокойного и горько-холодного сознания того, что полагается по вечным, божественным законам за сведение неба на землю, чем так усиленно занялись наши «молодые»! . .

Ни мистический анархизм Чулкова, ни мистические корреспонденции Б. Зайцева ⁵, ни газетно-мистический стиль фарсов-трагедий Дымова ⁶, ни последние академически-детальные ухищрения В. Брюсова (к<ото>рый в общем велик не всегда) ⁷, ни славяно-русство Бальмонта ⁸, ни семинаристы А. Белого ⁹ (уже наказанного небом за смешение *мистерии* с *хулиганством* ¹⁰), ни теократизм Свентицкого, сочетавшего в неслыханный аккорд слова «вечность» и «приход» ¹¹, ни политические прибауточки не верующего ни в какую реальность, ни в какую общественность Ф. Сологуба ¹² — ничто не пошатнет моей стальной решимости до конца служить невоплощенной Красоте, готической, болезненно-изогнутой арке, тому лику *Беатриче*, к<ото>рый является лишь среди звезд, когда земля вовсе невидима, когда смертные очи слепнут и все мгновенно, как *сновидение*! . . ¹³

Борьба с реализмом в поэзии¹⁴, борьба с пантеизмом в религии — вот, по-моему, важнейшие задачи момента!.. Ваша «Прекрасная Дама» для меня, если и не Beata Beatrix, то Матильда из «Чистилища» Данте, к «то»-рая погружает его в Лету, заставляя забыть все земное, и уготовляет его душу и тело для видения Беатриче!¹⁵ В Ваших стихах о Прекрасной Даме — есть нечто истинно *средневековое*. . . Вы абсолютно поняли меня, предлагая вещи из того же цикла. Это — сущность «Vox coelestis» (а не «coelesta», конечно)! Буду очень рад именно таким вещам! Конечно, выбор предоставляется Вам! Может ли современная душа молиться образам средневековья?.. Да! Стоит для этого пересмотреть картины Габриэля Росетти!¹⁶ Вчера я получил их в подарок и как раз сейчас пересматриваю один, ночью. . . и, хотя 3 дня тому назад умерла моя мать¹⁷, я чувствую полный подъем сил, внутреннюю дрожь восторга и желание поделиться с Вами этим переживанием!..

Вы правы, необходим гонимый! Но подробно обо всех условиях я напишу позднее. . . Пока еще дело только начинается и не от меня одного зависят все детали!.. О новых петербургских поэтах предоставляю судить Вам и выбирать у них «годное» и нужное, но глубоко сомневаюсь в способности русских поэтов глубоко постигать *бестелесную красоту*!.. Что касается В. Иванова, то я (при всем моем уважении его учености) не могу его считать «поэтом» и вообще не понимаю из него ни буквы, хотя удачно пишу на него пародии¹⁸. Лучше бы его поменьше!.. Впрочем, как знаете! Прощайте!.. Ждите второго моего письма! Любовь Дмитриевна — мой «hommage respectueux»!..*

Мой адрес — Москва, Смоленский бульвар, №№ «Дон», № 16¹⁹. Кобылинско-му.

Преданный Вам Эллис

¹ Письмо Блока, по всей вероятности, не сохранилось. Судя по письмам Эллиса, в нем выражалось принципиальное согласие участвовать в задуманном сборнике, намерение поместить в нем некоторые из ранних стихотворений, не вошедших в первое издание «Стихов о Прекрасной Даме», а также предложение привлечь к участию в сборнике Вяч. Иванова. Блок, видимо, указывал и на ошибку Эллиса в латинском заглавии сборника.

² Рецензия на вторую книгу «Свободной совести» (см. п. 1, прим. 2). Касаясь напечатанных в ней стихов, Блок писал: «На втором месте стоят стихи Эллиса, сильно растянутые, но в общем, сколько я знаю, лучшие из всего, что писал этот поэт. В «Фаэтоне», «Анатомическом театре» и «Золотом городе» есть дух истинной и живой поэзии» (V, 632). Эта оценка — наиболее высокая из всех, которые давал Блок произведениям Эллиса в своих статьях и рецензиях.

³ Александр Михайлович Добролюбов (1876—1944?) — поэт, один из крайних выразителей «декадентства» 1890-х годов; на рубеже веков пережил идейно-нравственный переворот, ушел «в народ» и стал религиозным проповедником, странником, впоследствии — основателем секты «добролюбовцев». Эллис расценивал Добролюбова чрезвычайно высоко. Ср. письмо Н. Г. Сутковского к И. Г. Книжнику (1911 или 1912 г.) — о фанатическом приобщении Эллиса к антропософии Р. Штейнера: «Он думает, что истинно ищущий Высшего может идти только одним путем — или Добролюбова, или Штейнера — промежуточным может идти только посредственность» (ГПБ, ф. 352, ед. хр. 175).

⁴ Пьеса Блока «Балаганчик» была опубликована в альманахе «Факель» (кн. 1. СПб., 1906), вышедшем в апреле 1906 г. Отношение Эллиса к «Балаганчику» отражает общую оценку пьесы московскими символистами религиозно-мистического склада и прежде всего Андреем Белым, увидевшими в ней отречение от духовных идеалов юности.

⁵ Первая книга Бориса Константиновича Зайцева (1881—1972) «Рассказы» вышла в свет в издательстве «Шиповник» в ноябре 1906 г. Она включала короткие лирико-импрессионистические этюды и новеллы «чистого» настроения. Книга вызвала широкий интерес, Зайцев был признан характерным представителем так называемого «нового реализма» (или «мистического реализма»).

⁶ Вероятно, подразумевается пьеса прозаика и драматурга Осипа Дымова (псевдоним Осипа Исидоровича Перельмана; 1878—1959) «Долг», поставленная в Москве в театре Корша (премьера 12 января 1907 г.); опубликована в журнале «Библиотека «Театра и

искусства», 1907, № 6, отд. II, с. 1—26. Более ранние пьесы Дымова — «Голос крови» (1903) и «Каин» (1905).

⁷ Вероятно, имеются в виду стихотворения Брюсова, экспериментальные либо по характеру рифмовки, либо по сочетанию различных стихотворных размеров: «Холод, тело тайно сковывающий. . .», «Из тихих бездн — к тебе последний крик. . .» (опубликованы под общим заглавием «Две песни о погибшей любви» — «Золотое руно», 1906, № 11-12, с. 43) и «Обряд ночи» («Весы», 1907, № 1, с. 13—15); вошли в книгу Брюсова «Всепапевы» (1909). См.: Валерий Брюсов. Собр. соч. в 7 томах, т. 1. М., 1973, с. 482—485, 492—494.

⁸ Подразумеваются стихотворения К. Д. Бальмонта, в основном вошедшие затем в книгу «Жар-птица. Свирель славянина», выпущенную в свет в издательстве «Скорпион» в июле 1907 г., и известные Эллису по предварительным журнальным публикациям: цикл «Ожерелье» («Золотое руно», 1906, № 1, с. 38—41; № 2, с. 40—42; № 4, с. 37—49), «Камень-алатырь» (там же, № 5, с. 23—24), «Одолень-трава» и «Близ синего моря» (там же, № 6, с. 23—25), «К Перуну» («Журнал для всех», 1906, № 3, с. 130), «Микула Селянинович» (там же, № 9, с. 514), «Гусли-самогуды» («Перевал», № 1, 1906, с. 10), «Вольга» («Юная Россия», 1906, № 11, с. 1363—1366) и др.

⁹ Имеется в виду стихотворение Андрея Белого «Поповна и семинарист» («Золотое руно», 1906, № 4, с. 33); в расширенном варианте и под названием «Поповна» вошло в книгу Андрея Белого «Пепел» (СПб., 1909, с. 191—195).

¹⁰ Эллис подразумевает мучительные переживания, связанные с любовью Андрея Белого к Л. Д. Блок, в образе которой Белый ранее видел только земное воплощение Вечной Женственности.

¹¹ Валентин Павлович *Свенцицкий* (1879—1931) — писатель, религиозный публицист, выступавший в годы первой русской революции за коренную реформу и демократизацию православной церкви (См.: Вал. Свенцицкий. Что нужно крестьянину. М., 1906, с. 4, а также его статью «К вопросу о церковной реформе» («Вопросы жизни», 1905, № 4—5, с. 267—274).

¹² Книга Ф. Сологуба «Политические сказочки», вышедшая в издательстве «Шиповник» в ноябре 1906 г.

¹³ О дантовской Беатриче Эллис писал в дневнике (лето 1905 г.): «Беатриче, как высший символ, есть нечто такое, о чем *никогда* не должно говорить, но всегда размышлять и чувствовать этот символ *непрестанно*» (ГБЛ, ф. 167, карт. 10, ед. хр. 16, л. 22). Мысли о готическом искусстве и о «Божественной Комедии» как высшем воплощении своего духовно-эстетического идеала Эллис высказал с наибольшей, к этому времени, полнотой в статье «Венец Данте», включающей фрагменты переводов из «Божественной Комедии» («Свободная совесть», кн. 1, с. 110—138).

¹⁴ В понимании Эллиса реализм в искусстве предполагает отсутствие высшего духовного начала, натуралистическую ограниченность. В статье «Лебедь «Молодой Бельгии»» (1906) Эллис истолковывает реализм как «простое ретуширование действительности» («Молодая Бельгия», с. 62).

¹⁵ См.: Данте. Божественная Комедия. Чистилище, XXVIII, 37—148.

¹⁶ Данте Габриэль *Росsetти* (1828—1882) — английский живописец, поэт, основатель «Братства прерафаэлитов».

¹⁷ Варвара Петровна *Кобылинская*. О ее смерти С. М. Соловьев писал Андрею Белому 31 января 1907 г. (ГБЛ, ф. 25, карт. 26, ед. хр. 13).

¹⁸ Тексты пародий Эллиса на стихи Вяч. Иванова неизвестны.

¹⁹ Меблированные комнаты «Дон» — место жительства Эллиса в Москве.

3

«Вторая половина февраля 1907 г., Москва»

Дорогой Александр Александрович!

Спасибо за письмо. . .¹ Спасибо за стихи, которые, конечно, будут помещены все в том порядке, в каком Вы их сочетали. Ввиду забастовки почти всех московских типографий и позднего времени я полагаю пустить в печать «Vox coelestis» не раньше августа. Удобно ли Вам последнее? ²

Конечно, до этого времени Ваши стихи будут сохранены в абсолютно надежном месте. Что касается гонорара, то размер его мы определили не < 25 коп. за строку при выходе сборника из печати. В сборнике, кроме Вас и меня, принимают участие Белый, Соловьев, Гофман, Эртель, Киселев, Метнер и нек<оторые> др<ругие> ³.

Что касается петербургских литераторов, то лучше с ними подождать до осени. Тогда мы с Вами поговорим. «Эрос» В. Иванова ⁴ я прочел, но кроме отдельных строф и строк его не принимаю. Вообще для меня В. Иванов — просто вульгаризатор Ницшевско<го> дионисизма ⁵, перед к<ото>рым я преклоняюсь, как перед *осязаемым бессмертием*. Дионисизм Фр. Ницше

и единственно он дает нам чувство вечного *без* мучительного вопроса о том, личное ли это бессмертие или безличное (растворение в мировом). Сущность его — я так страдал, что не могу исчезнуть бесследно! Каждое дуновение этого героического дионисизма — заставляет дрожать от восторга мою душу. . . 30, 40 лет жизни мне нужно для того, чтобы разобраться в самых даже существенных чертах этого культа мировой боли и радости. И вдруг. . . самая обыкновенная размеренно-кропотливо-сучная и *абстрактно-извращенная* литература, все методы и приемы к «ото»рой мне хорошо ведомы и. . . не интересны. Превратить «распятого Диониса» в «полуальфонса, полу-шулера» Кузмина, при одном виде к «отор»ого я краснею от стыда и отвращения, или в явного дуралея Волошина, к «отор»ого я знаю с студенческой скамьи, человека *не* интеллигентного, добродушно-нахального и до смешного покладистого — это возмутительно-пошло! ⁶ Я не знаю В. Иванова как человека, думаю, что он скорее симпатичный человек, но того ли нам нужно, чтобы загадали загадки Фридриха Ницше! Впрочем, в России никогда не интересовались ни Данте, ни Гете, ни Фетом, ни Лермонтовым, ни Бодлэром, ни Ф. Ницше. . . Это — знаменательно! . . Мы постигли лишь Шекспира да Пушкина и потом сразу Метерлинка. . . ⁷ Скоро пришлю вам «Мол«одую» Бельгию» и Дневник Бодлэра ⁸, к «ото»рый выйдет, лишь кончится забастовка. Обратите внимание на последний!

Бодлэр погиб в исканиях достойного его подвига! Не губит ли и нас то, что не за кого и не за что погибнуть, отдать себя в жертву. Все полусмешно, полу-грустно, а чаще грязно и не аристократично!

Весь Ваш Эллис

Небольшая просьба. Не возьмете ли на себя труд переговорить с каким-либо из петербургских новых издательств о том, не возьмется ли оно издать непереведенный роман Роденбаха «L'art en exil» * с оплатой 45—50 руб. за лист. Буду Вам бесконечно благодарен за хлопоты ⁹.

Эллис

¹ Текст этого письма Блока к Эллису неизвестен.

² Забастовка рабочих многих московских типографий проходила во второй половине февраля — первой половине марта 1907 г. (см.: «Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции. 1906—1907 годы. Январь—июль 1907 года». Кн. 1. М., 1963, с. 217—220). Под «поздним временем» подразумевается скорое наступление летнего сезона. Блок отвечал Эллису 5 марта 1907 г.: «Спасибо за письмо и за принятие стихов, очень рад этому, а также, признаюсь, гонорару осенью, — наверное, деньги очень понадобятся. Конечно, «Vox Coelestis» лучше выпустить к началу сезона, а не к концу» (VIII, 184).

³ Виктор Викторович *Гофман* (1884—1911) — поэт-символист. Михаил Александрович *Эртель* — историк, теософ, член кружка «аргонавтов». Эмилий Карлович *Метнер* (псевдоним Вольфинг; 1872—1936) — философ и критик, основатель и редактор издательства «Мусагет» и журнала «Труды и дни», близкий друг Андрея Белого и Эллиса.

⁴ Сборник стихов Вяч. Иванова «Эрос» (СПб., «Оры», 1907) вышел в свет в январе 1907 г..

⁵ Вяч. Иванов развивает идеи книги Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» («Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik», 1871) в исследовании «Эллинская религия страдающего бога» («Новый путь», 1904, № 1—4, 8, 9; окончание — под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» — «Вопросы жизни», 1905, № 6, 7), статье «Ницше и Дионис» («Весы», 1904, № 5), а также в стихотворных произведениях, в том числе в сборнике «Эрос».

⁶ Михаил Алексеевич *Кузмин* (1872—1936) и Максимилиан Александрович *Волошин* (1877—1932) были в это время близкими друзьями Вяч. Иванова, завсегдадатами «ивановских сред», жили в Петербурге в одном доме с Ивановым (см. об этом: О. Дешарт. Введение. — В кн.: Вячеслав Иванов. Собр. соч., т. I. Брюссель, 1971, с. 103—106; John E. Malmstad. Mixail Kuzmin: a chronicle of his life and times. — В кн.: М. А. Кузмин. Собрание стихов, т. III. München, 1977, с. 119—128). Отзыв Эллиса о Кузмине является прежде всего реакцией на выход в свет его повести «Крылья» («Весы», 1906, № 11). С Волошиным Эллис учился вместе в конце 1890-х годов в гимназии Л. И. Поливанова и затем на юридическом факультете Московского университета, тогда между ними были приятельские отношения. Свое отношение к «дионисийству» Вяч. Ива-

* «Искусство в изгнании» (франц.).

Дорогой Лев Лбович.

Спасибо за письмо и за красоту стихов, очень рад Эросу
а также, прелесть, шарму очень — и верно. Делать
очень понравился. Конечно, Vox Caestis лучше Винуфур и
Клеву сезон, а не и кому.

Ваши слова о Вяч. Иванове и Кузmine ужасно глубоки.
Как Ваши, я принимаю их, слыша, что за ними
стоит истинный рыцарь. О Кузmine, опять там
и Ваши, я не хочу даже спорить, потому что я и сам
самым себе ит. что, откровенно. Вашему взгляду на
Кузмина. Но знаете ли Вы, что Вячеслав Иванов
«растворил свою жемчужину любви» («Эрос»), как
Лир? Эрос — советом ут. и мне, и не фиде, потому что,
это — лиризм лирика, который всегда — болтовня и прощание
Мечта — слово, но, когда за словом сфанифис музья
какое слово, — мечта тонкая. Потому что Эрос
и Вяч. Иванов (это необходимо и не отрицаю)
нужно не романтизмом, не лирикой и не мажоре-
форме А. Б. Иванова. Его чувственную музыку можно
заглушить ^{только} льдом — но прав ли будет его
противник, не понесет ли он иного проклятия за это
я не знаю. Я не боюсь Вяч. Иванова, как от сфинкса
ко. Друзья и его не обидеть. Может быть, прав ли

ПИСЬМО БЛОКА ЭЛЛИСУ ОТ 5 МАРТА 1907 г.

Автограф

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

нова Эллис высказывает еще более резко в письме к Э. К. Метнеру (январь — начало фев-
раля 1907 г.): «Если Дионис уже приобрел у нас в России ослиные уши и бороду цвета
бороды Вячеслава Иванова, если он даже дошел до всеобщей извращенности, то Аполлон,
стоявший в стороне, должен сделать шаг вперед и снова натянуть спущенный
лук...» (ГБЛ, ф. 167, карт. 7, ед. хр. 1).

⁷ В ответном письме от 5 марта Блок продолжил начатый Эллисом разговор о твор-
честве Вяч. Иванова и откликнулся на его слова о «постижении» Шекспира в России:
«Ваши слова о Вяч. Иванове и Кузmine ужасно глубоки. Как Ваши, я принимаю их,
слыша, что за ними стоит истинный рыцарь. О Кузmine опять-таки с Вами я не хочу
даже спорить, потому что во мне самое есть нечто, отвечающее Вашему взгляду на Куз-
мина. Но знаете ли Вы, что Вячеслав Иванов «растворил свою жемчужину любви» («Эрос»),
как Лир? <...> Его чувственную музыку можно заглушить теперь только льдом — но
прав ли будет его противник, не понесет ли он иного проклятия за это — я не знаю. Я не
боюсь Вяч. Иванова, хотя он стоит на дороге и его не объедешь. Может быть, пройти
сквозь него надо жизнью («жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою...»). Замечаю, что цити-
рую все Шекспира. Люблю его глубоко; и, может быть, глубже всего — во всей мировой

Октябрь или надо зимнюю («зимнюю мою, зиму мою, зиму мою...»).

Занятая, что читаю все Шекспира люблю его люблю, и, может быть, лучше всего — во всей мировой литературе — Макбета.

О романе Роденбаха поговору непременно, как только увижу, например, Шиповников, (их несколько, и в сортировочном отделе приписки Зайцева — вот и пишу надо поговорить). Если не удастся у них — попытаюсь еще и кто-нибудь, спросю.

За «Молодую Бельгию» и «Бодлера» заранее большое спасибо. Нишу Вашу пишу лучше.

Ваш Александр Блок.

5. III. 1907.
Саб.

ПИСЬМО БЛОКА ЭЛЛИСУ ОТ 5 МАРТА 1907 Г.

Автограф (окончание)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

литературе — «Макбета» (VIII, 182; комментарий М. И. Дикман — VIII, 582). Об отношениях Блока с Кузминым и Ивановым см.: Г. Г. Шамаков. Блок и Кузмин. (Новые материалы). — «Блоковский сб.», 2, с. 341—364; Е. Л. Белькинд. Блок и Вячеслав Иванов. — Там же, с. 365—384.

⁸ Имеется в виду издание: Шарль Бодлер. Мое обнаженное сердце. Перевод Эллиса. М., «Дилетант», 1907. Книга включает предисловие Эллиса, 80 фрагментов дневника Бодлера («Мое обнаженное сердце») в переводе Эллиса, стихотворение Эллиса «Эпилог» и перевод А. Киселевой под редакцией Эллиса — «Бодлер в Бельгии. (Из биографии Крепе)».

⁹ 5 марта 1907 г. Блок писал Эллису: «О романе Роденбаха поговору непременно, как только увижу, например, «Шиповников» <...> Если не удастся у них — попытаюсь еще с кем-нибудь, спрошу» (VIII, 182). «Шиповники» — З. И. Гржебин и С. Ю. Копельман, основатели петербургского издательства «Шиповник». В 16-й записной книжке Блока — недатированная запись, относящаяся к февралю—марту 1907 г.: «Роденбах — «Шиповник»» (ЗК, 93).

«Середина марта 1907 г. Москва»

Дорогой Александр Александрович!

Заглавие книги «L'art en exil»¹. Это роман, написан Роденбахом в конце 80 гг. до «Мертвого Брюгге»; до «Прялки туманов» и задолго до «Carillonneur»².

Не знаю, как оценивать его с точки зрения «синтеза искусства и социализма», ибо, по-моему, это совершенно непонятная точка зрения³, уступающая по своей странности одному лишь «мистическому анархизму», к которому есть скорее «анархический мистицизм». Я вообще далек от синтезов через тире. . . *

Оценивая роман «L'art en exil» с чисто и только художественной точки зрения (к чему, конечно, и Вы присоединитесь), я считаю его ниже «Carillonneur'a», выше «Прялки» и приблизительно равным по художественному достоинству «Мертвому Брюгге». Сюжеты их также сходны. Все творения Роденбаха проникнуты одной идеей служения *идеальной Красоте*, т. е. отрешению от реального мира, ибо соединение себя с землей в результате дает безумие или. . . пошлость. Все прозаические вещи Роденбаха можно рассматривать как предварительные картоны, эскизы к «Carillonneur'у», но как бессмертны и ценны эти эскизы! Считаю Роденбаха первоклассным, оригинальным и утонченным художником, я считаю, что перевод романа «L'art en exil» (как это заглавие применимо к современной России!) заполнит мучительный пробел в переводах Роденбаха, ибо почти все его прозаические вещи переведены на русский язык, все, кроме этого. Спрос на Роденбаха, по-видимому, обеспечен; это явствует из прекрасного сбыта других его романов, что я знаю хорошо, ибо весьма дружен с его переводчицей, Марией Веселовской⁴; «Молодая Бельгия» также идет очень хорошо. Последнее пишу не для Вас, а для «Шиповника».

Содержание данного романа заключается в том, что некий молодой поэт, Рембрандт, услышав в готическом соборе пение одной из бегиннок, влюбился в ее голос, а потом и в нее; он женится на ней, сгорая от желания перелить в нее свою любовь к поэзии, но. . . его жена, запуганная монастырским режимом, слишком хрупкая и слабая, мучимая мистическим ужасом и совестью за уход из бегинажа, скоро умирает. . . Это — первая драма поэта!

Поэт стремится найти исход в творчестве, но его родной город отвергает и осмеивает его так же, как невежды вроде Чулкова глумятся над строками «Смерть, внемли славословью! . . .»⁵ Поэт — замыкается, испытывая нечеловеческие муки, он горд, как лебедь, глубок, как море. . . он не может унизиться до того, чтобы художественные ценности приспособлять к вкусам толпы под формой разных синтезов, ибо поэзия не нуждается в подобных *низостях*. . . Это — вторая драма поэта.

Поэт переживает гибель своего лучшего друга художника, тоже оскорбленного толпой!

Это — третья драма его!

Тогда поэт впадает в меланхолический экстаз, бесконечно, утонченно прекрасный; в этом — выход для «готической души». Таков сюжет и смысл романа! Вам ли не понять *всей святости его?* Шиповники могут думать иначе. Если имя Роденбаха ничего не говорит им, если они не способны понять бездонной красоты и трагической силы подобного сюжета, то мне остается лишь поступить с ними так же, как герой этого романа!

* Зачем Вам «*мистический анархизм*», раз Вы можете творить художественные ценности. Измы нужны лишь таким бездарным невеждам, как автор «Действительно-кремнистого пути»⁴, к которому после рецензии на «Земную ось» может быть поставлен в число первых литературных хулиганов. . .⁵ Вы лучше меня знаете цену гениальной драмы Брюсова «Земля»⁶ и едва ли можете без отвращения читать выходки гг. Чулковых и проч.

В романе около 250 стр. разгонистого шрифта. За границей *все* произведения Роденбаха теперь признаны первоклассными, кроме самых ранних, изъятых им из продажи.

Вообще говорить в защиту Роденбаха и притом с Вами — мне очень трудно. Я могу сказать лишь то, что считаю его головой выше Метерлинка, Гауптмана, немного выше Гамсуна и, пожалуй, даже самого Ибсена, в котором мораль поглотила красоту.

Успех романа — по-моему обеспечен!¹⁰

О себе скажу, что помимо горячего желания работать над произведением *«ми»* поэта мне близкого, родного и дорогого, я имею и иные цели. Я призываюсь к воинской повинности и лишаюсь заработка¹¹. Поэтому мне деньги нужны до зареза.

Если «Шиповник» все же не согласится издавать «L'art. . .», то похлопочите, дорогой Александр Александрович, о том, нельзя ли мне получить от него какую-либо другую работу. Перевод с французского — всего лучше для меня!

По возможности — меньше *реального* и *социального*!

Больше готики и печали!

Наш «Vox coelestis» постепенно полнеет, и я доволен общим составом материала.

С августа приступим к печатанию.

Крепко жму Вам руку!

Tout à vous *

Эллис

¹ По всей вероятности, это письмо является ответом не на письмо Блока от 5 марта 1907 г. (VIII, 181—182), а на последующее, неизвестное нам, письмо, в котором Блок мог предложить, после предварительных переговоров с издателями «Шиповника», детальнее охарактеризовать роман Роденбаха, а также высказать некоторые соображения (например, о «синтезе искусства и социализма» или о Г. И. Чулкове — ср. п. 5), которые развивает Эллис в своем письме. Ср. п. 3, прим. 9.

² Произведения Жоржа Роденбаха (1855—1898) выходили в свет в следующей последовательности: «Искусство в изгнании» («L'art en exil», 1889), «Мертвый Брюгге» («Bruges-la-morte», 1892), «Звонарь» («Le carillonneur», 1897), «Прялка туманов» («Le rouet des brumes», 1901).

³ Возможно, в этих словах скрыта полемика не только с предполагаемым неизвестным письмом Блока к Эллису, но и с идеями статьи Блока «Михаил Александрович Бакунин (1814—1876)», напечатанной в журнале «Перевал» (№ 4, 1907, февраль). В ней была подчеркнута «синтетичность» личности Бакунина: «. . .» эта «синтетичность» все-таки как-то дразнит наши половинчатые, расколотые души . . . Он над гегелевской тезой и антитезой возвел скоропалительный, но великолепный синтез . . . Перед нами — новое море «тез» и «антитез». Зайдем огня у Бакунина!» (V, 34).

⁴ Г. И. Чулков; первый сборник его стихов — «Кремнистый путь» (М., изд. В. М. Саблина, 1904).

⁵ Рецензия Чулкова на книгу В. Я. Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены» (М., «Скорпион», 1907) появилась в журнале «Перевал» (№ 4, 1907, февраль, с. 64—65); редакция при этом сопроводила текст примечанием о своем несогласии с некоторыми из суждений г. Чулкова. Чулков, рассматривая книгу со своих «мистико-анархических» позиций, писал, что «Земная ось» «художественной ценности не представляет никакой» и что «художественное бессилие» книги является доказательством банкротства «удивленной души», антиобщественного индивидуализма и «религиозно-философской слепоты», которыми отмечено творчество Брюсова. Рецензия Чулкова была воспринята многими, и Эллисом в том числе, как меть Брюсову за его статьи, подвергавшие «мистический анархизм» резкой критике («Вехи. IV. Факелы». — «Весы», 1906, № 5; «Вехи. V. Мистические анархисты». — Там же, № 8; подпись: Аврелий). Ее появление повлекло за собой официальный уход Чулкова из «Весов», отказ Брюсова от сотрудничества в альманахах «Факелы», издававшихся под руководством Чулкова, и прекращение их личных взаимоотношений. Оценка Эллисом писателей «знаньевцев» достаточно типична для того отношения к ним, которое культивировалось в московской символистской среде вокруг журнала «Весы».

⁶ Подробную восторженную характеристику драмы «Земля» (вошедшей в «Земную ось») Эллис дал впоследствии в своей книге «Русские символисты» (М., 1910).

* Весь ваш (франц.).

Характеристика творчества Роденбаха чрезвычайно показательна для представления об эстетических идеалах Эллиса этого времени. В статье «Лебедь «Молодой Бельгии»» он называет бельгийского писателя «величайшим из современных поэтов-символистов»: «Голос его музы на сложной клавиатуре современного искусства всегда звучал, как «voix coelestia!..» («Молодая Бельгия», с. 50, 87). В «Молодой Бельгии» Эллис опубликовал в своем переводе 22 стихотворения Роденбаха и стихотворение Поля Мюша «Поэту Жоржу Роденбаху». В стихотворном переводе Эллиса вышла драма Роденбаха «Покрывало», в предисловии Эллис подчеркивал, как и в «Лебедь «Молодой Бельгии»», непримиримость идеала и реальности в творчестве Роденбаха: «Безжалостная жизнь неизбежно должна разбить мечту, тайна всегда кончается печальной разгадкой (. . .)» (Жорж Роденбах. Покрывало. Драма. Перевод Эллиса. М., «Заратустра», 1907, с. 7). О Роденбахе Эллис говорит и в книге «Русские символисты» — о его «католической эстетике», о «полуритуальной благоговейности» и «совершенной чистоте» его образов (с. 86, 264, 331); в трактате «Vigilemus!» он подмечает в лирике и романах Роденбаха «тишину полного самозабвения и чисто готической кротости» (Эллис с. Vigilemus! Трактат. М., «Мусоргет», 1914, с. 7). Один из неосуществленных замыслов Эллиса — книга «Европейские символисты», которая должна была образовывать вместе с «Русскими символистами» двухтомную «Историю символической школы»; в книге предпологались, согласно сохранившимся планам, главы о Ш. Бодлере, П. Верлене, Ст. Малларме, Ж. Роденбахе и Э. Верхарне. В главе о Роденбахе должны были быть рассмотрены личность писателя («Биография. Характеристика. Связь с Бодлером и Малларме. Роденбах и Метерлинк. Роденбах и Э. Верхарне»), творчество (лирика, проза и критические статьи), а также влияние Роденбаха на современников («Ученики Роденбаха. Самэн. Соверэн») (ЦГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 12).

⁸ Мария Васильевна Веселовская (1877—1937) — критик и переводчица, жена переводчика и литературоведа Ю. А. Веселовского.

⁹ «Смерть, внемли славословью!..» — «гимн» из пьесы Брюсова «Земля» (Валерий Брюсов. Земная ось, с. 129—130). В рецензии на «Земную ось» Чулков писал: «(. . .) если свет религии гаснет в искусстве, то и само искусство умирает, увядает, как засохший стебель: остается только механика и нет даже подлинного мастерства, как, напр., в безрелигиозной «Земле» Брюсова. Здесь один только Мастер — Смерть. Но это не та Незнакомка, что чаровала и чарует поэтов всех времен, а просто бутафорский мертвец» («Перевал», № 4, 1907, с. 64).

¹⁰ К переводу «Искусства в изгнании» Эллис, вероятно, не приступил, так как переговоры Блока с издательством «Шиповник» не увенчались успехом. «Шиповники» упорно отказываются и, во всяком случае, откладывают все в долгий ящик, — писал Блок Эллису 1 апреля 1907 г. — Они теперь сосредоточились на переводах северных писателей, а с французского — не хотят» (VIII, 185). Впоследствии перевод романа выполнила М. В. Веселовская, выпустившая его отдельным изданием: Жорж Роденбах. Искусство в изгнании. Перевод Марии Веселовской. М., изд-во В. М. Саблина, 1909. Эллис опубликовал на него рецензию, в которой, так же как и в письме к Блоку, развил тему трагически-неразрешимого конфликта художника и действительности: «Все изменяет поэту, отрешенному от реальной почвы быденности, пошлости и житейской суеты, все предаёт его: родина, близкие и родные люди (мать, жена), друзья, сограждане, даже самые вещи; ему неоткуда и негде ждать спасения, даже самой легкой тени сочувствия и понимания (. . .) Но ужаснее всех личных мук то унижение, осквернение и поругание, святого, великого, божественного *l'art*, которое составляет самую сущность жизни вообще, которое неизбежно всегда и всюду, как смерть (. . .) Самое заглавие этого романа звучит, как горький упрек, направленный против жизни вообще, как гордый лозунг немногих избранных *Мечты*, как призыв к отрешению и готическому уединению души». Эллис отметил, что перевод Веселовской выполнен «верно и тщательно», но тяготеет к чрезмерной подчиненности оригиналу («Весы», 1909, № 3, с. 95—97).

¹¹ К воинской службе Эллис привлечен не был. Ср. его недатированное письмо к В. Я. Брюсову: «(. . .) влияние на меня казармы убийственно. Если испытательная комиссия не освободит меня, то я буду считать, что слишком рано нашел свой Рэдинг» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 91; Рэдинг — тюрьма, в которой отбывал заключение О. Уайльд).

Многоуважаемый Александр Александрович!

Прочитав Ваше письмо, написанное в стиле петербургского чиновника, я могу сказать Вам только следующее и раз навсегда. Формально вы абсолютно правы, я абсолютно виноват. Соизвольте снизойти к моему тону и простите мою резкость!

По существу я считаю, что заметка Чулкова о «Земной оси» противоречит всем элементарным условиям чести, логики, приличия и честности!

Если Вы можете защищать ее, то я считаю наши внутренние отношения порванными. Понимаю теперь и Сережу и Борю² в их отношении к Вам! Добавлю, что я на их месте поступил бы еще б <олее> резко. Но как объяснить мне Ваш отзыв о Чулкове в предыдущем письме, к <ото>рый абсолютно противоречит последнему письму³.

Прощайте навсегда и бесповоротно.

Э л л и с

¹ Ответ на письмо от 1 апреля 1907 г., в котором Блок защищает Чулкова от нападок Эллиса (п. 4): «Относительно Чулкова не хочу соглашаться с Вами. В нем есть правда, давно уже важная для меня, отчасти, может быть, враждебная мне, но — тем важнее. *И его отношение к Брюсову — полуправда, полухулиганство* (подчеркнуто Эллисом, на полях вопросительный знак. — А. Л.). Но в ком нет последнего — может быть, есть и во мне? Много двойников развелось, постоянно душа тянет руку другой душе — полуподобной себе, полувраждебной» (VIII, 185). Эллис подчеркнул слова «есть и во мне» и написал рядом на полях: «Сколько угодно!» (письмо Блока к Эллису сохранилось в архиве Брюсова. — ГБЛ, ф. 386, карт. 77, ед. хр. 40).

² Т. е. С. М. Соловьева и Андрея Белого, находившихся в это время с Блоком в сложных конфликтных отношениях.

³ Имеется в виду, вероятно, критический отзыв о Чулкове в предполагаемом неизвестном письме Блока к Эллису (см. п. 4, прим. 1). На таковой намекает сам Блок в письме к Андрею Белому от 15—17 августа 1907 г.: «...» неужели Вы думаете, что я «предаю друзей врагам», когда пишу Вам или Эллису насмешливо о Чулкове, а потом — «противоречу себе» («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 204). Блок парирует здесь упреки Андрея Белого в его письме от 10—11 августа 1907 г., затрагивающем среди многих обстоятельств литературно-критической борьбы и конфликт Блока с Эллисом (при этом Белый обнаруживает знакомство со всеми его деталями, в том числе с содержанием письма Блока к Эллису от 1 апреля 1907 г.): «Вам Эллис пишет «Чулков хулиган». Это резко, но я понимаю Эллиса. < . . . > Вы в ответ полу-соглашаетесь с ним. Это приводит его в виаще негодование. Он спрашивает себя, почему же Вы ногами и руками не отрещиваетесь. Он пишет Вам (правда) резкое письмо, но идущее от действительного знания и переживания: Вы в ответ становитесь на формальную точку зрения» (там же, с. 196—197).

ПИСЬМА Н. В. НЕДОБРОВО К БЛОКУ

Предисловие, публикация и комментарии М. М. Крайна

Николай Владимирович Недоброво (1882—1919) — поэт, драматург, критик, филолог — одна из примечательных и не до конца еще оцененных фигур в литературной жизни предреволюционного Петербурга¹. «Тонкой цепью любви и уважения к Н. В. Недоброву были связаны многие деятели современности»², среди которых можно назвать Андрея Белого, Вяч. Иванова, М. А. Волошина, Анну Ахматову, О. Мандельштама.

В памяти современников Недоброво остался не столько благодаря своим произведениям (он печатался сравнительно редко), сколько как личность, «законодатель вкусов», «известный ревнитель словесности», как он сам себя назвал в письме к Блоку. Блестящая характеристика Н. В. Недоброво дана в книге О. Мандельштама «Шум времени»: «Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символистских салонов, непроницаемый, как молодой чиновник, хранящий государственную тайну, Недоброво появлялся всюду читать Тютчева, как бы представлятельствовав за него»³. Об «ощущении несовременности», исходившем от Недоброво, пишет и Ю. Л. Сазонова-Слонимская в «опыте портрета» Недоброво, но она же добавляет: «Он казался не связанным со своей эпохой, хоть и был в мысли своей, в духовной сути своей самым современным из современников, <...> он был человеком своей эпохи, быть может, наиболее полно и наиболее самоотверженно ее воплотившим»⁴.

Н. В. Недоброво, по возрасту близкий к «среднему» поколению русских символистов, не принадлежал к какому-нибудь одному литературному направлению, представляя в глазах современников фигуру несколько загадочную. Это была «душа в маске», если воспользоваться названием его повести, печатавшейся на страницах «Русской мысли»⁵, человек, весь обращенный в XIX в. «Поэзию он считал возглавляемой единым богом, Пушкиным, хотя и любил других. В Петербурге он мечтал создать журнал, в котором сотрудиники должны были бы следовать пушкинской сдержанности и строгости прозы, избегая того расплывчатого и неточного, что было потом внесено в русскую прозу»⁶. Весь склад личности Недоброво, настроенной на волну «иного века» («Внешность Н. В. носила очаровательные следы «дандиизма» — всегда элегантно одет, блистал какой-то тончайшей манерой ухода за собой. . .» — вспоминала близко знавшая его В. А. Знаменская⁷), вызывал сопротивление у некоторой части литературных кругов, особенно принадлежавших к лагерю футуризма⁸. Ближайший друг Недоброво, художник и поэт Б. В. Анреп, свидетельствовал, что «многие поэты считали его крайним снобом и определенно не любили его»⁹. Но другая часть литературной молодежи, та, которой дороги были идеалы Пушкина, Тютчева, Фета, считала Недоброво учителем. «На суд Недоброво доверчиво несли свои произведения молодые поэты, а его приговоры и мнения быстро воспринимались и усваивались многочисленными слушателями», — писал много лет спустя поэт А. Кондратьев¹⁰.

Наиболее сильное влияние оказал Недоброво на молодую Анну Ахматову, которая, подводя итоги своего пути, считала себя как поэта «на $\frac{3}{4}$ сделанной» Недоброво¹¹, а его статью в «Русской мысли» о ее творчестве «лучшим, что написано о молодой Ахматовой»¹².

Свидетельством благожелательного внимания Недоброво к молодым являются и первые три из публикуемых ниже писем его к Блоку, в которых Недоброво хлопочет за своего младшего друга по Харьковскому университету (где он вначале учился) — начинающего поэта А. Белецкого. Хлопоты эти не пропали даром, — А. И. Белецкий, известный впоследствии советский ученый, академик, по свидетельству А. А. Гозенпуда, всегда с глубочайшим уважением вспоминал о Н. В. Недоброво, считая его своим учителем. В посмертно опубликованных воспоминаниях А. И. Белецкого, которые могут служить прекрасным комментарием к публикуемым ниже письмам, автор рассказывает о его совместном с Недоброво визите к Блоку¹³. Кстати, письмо Недоброво позволяет уточнить дату

визита: он состоялся не в конце 1907 г., как утверждает в воспоминаниях А. И. Беленко и в дополняющей их публикации М. Бронного¹⁴, а 2 января 1908 г. Видимо, Недоброво, не надеясь на рекомендательное письмо г-жи Менделеевой, сам взялся сопровождать молодого поэта.

С Блоком Недоброво был знаком с университетской скамьи. Он приехал в Петербург 30 августа 1903 г.¹⁵, будучи «переведен в число студентов Санктпетербургского университета»¹⁶. К этому времени относится позднейшая дневниковая запись А. А. Ахматовой: «. . . еще вспомнила, что Блок на экзамене в Университете ответил на вопрос профессора: «Что такое «Chansons de Geste?» — «Песни, сопровождаемые телодвижениями» (слышала от Н. В. Недоброво), кот <орый> вместе с Блоком готовился и держал экзамен»¹⁷.

Первое упоминание имени Недоброво у Блока — в его записной книжке от 29 декабря 1906 г.: «Проекты Недоброво (на vernissag'e) и мысли о здешнем большом журнале» (ЗК, 87). Недоброво, будучи организатором по природе, любил разного рода «проекты»: об одном из них, связанном с именем Блока, он упоминает в своем дневнике:

«1.X.05. Суббота. Петербург.

Несколько раз дружески беседовал в Университете с Блоком. Все это делается для того, чтобы устроить академию — собрания талантливых мужчин и приятных женщин, которые должны привести к организации новой литературной и, даже шире, вообще художественной партии с главенством Бори и моим, на основании наших мыслей и на том, что Анреп и Недоброво величайшие поэты всех времен и народов»¹⁸.

В 1905 г. Недоброво предпринимал первые попытки войти в литературный мир, и его «проекты» носят несколько наивный, дилетантский характер (в число членов предполагаемой «академии» загодя включены как начинающие поэты — Блок, Анреп, Белецкий, так и просто окололитературные дамы Е. П. Магденко, Т. М. Девель). Однако через несколько лет Недоброво становится одним из активных членов настоящей «Академии» (так называли в дружеском кругу «Общество ревнителей художественного слова», учрежденное при редакции «Аполлона»). Членом Совета «Общества» был Блок. Дальнейшие их встречи происходили преимущественно на заседаниях этого общества, о чем свидетельствуют записи в дневниках и записных книжках Блока.

3 декабря 1911 г. Блок председательствовал на очередном заседании «Общества», мучительно ощущая свое одиночество среди «умного до глупости народу» (VII, 100). Среди всей публики Блок особо (курсивом) выделяет Недоброво: «Хороший Недоброво — и жена его» (там же).

Незадолго до этого Блок посылает Недоброво свой новый сборник стихов «Ночные часы», и в ответном письме тот приветствует обращение поэта к «простой жизни», преобразованной «иномирным обаянием» блоковского творчества.

Весной 1913 г. Недоброво основал в Петербурге «Общество поэтов». На первом заседании «Общества» 4 апреля 1913 г. Блок читал свою драму «Роза и Крест» (Недоброво на этом же заседании делал доклад «О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием»). В письме к Л. Д. Блок поэт так описывал впечатление от этого чтения: «Вчера я читал «Розу и Крест» среди врагов, светских людей, холодных «нововременцев». Внутренне очень боролся и, кажется, победил. < . . . > Мне было тяжело эти дни, но сегодня я чувствую возбуждение от борьбы и думаю, что был вчера живым среди мертвых. Да, путь еще верный пока» (VIII, 414). «Живой среди мертвых» — так определил свою позицию сам поэт. Налет салонности на «раутах», устраиваемых на квартире Недоброво, где собирались члены «Общества», отталкивал Блока, видевшего в разговорах о литературе ради литературы только светскую болтовню. «Говорун» Недоброво становился посредником между ним и литературными «мертвецами». В начале 1914 г. в блоковской записной книжке появляется запись: «Недоброво зовет к себе на Вячеслава (Иванова. — М. К.) и других друзей. Я опять не пойду» (ЗК, 203). С этого времени пути Блока и Недоброво окончательно расходятся. В 1915 г. Н. В. Недоброво заболевает туберкулезом и отходит от активной литературной жизни. Последние годы жизни он проводит на юге, в Крыму, где находится на лечении. Умер Н. В. Недоброво 3 декабря 1919 г. в Ялте.

Публикуемые 3 письма и 1 записка Н. В. Недоброво к Блоку находятся в архиве А. А. Блока (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 348). Ответные письма Блока неизвестны. Возможно, они погибли на квартире Н. В. Недоброво в Царском Селе, где находилась большая часть его архива.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Личность и судьба Н. В. Недоброво наиболее подробно описаны в двух статьях Ю. Л. Сазоновой-Слонимской: «Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета)». — «Русская мысль», 1923, № 7—8, и «Николай Владимирович Недоброво». — «Новое русское слово». Нью-Йорк, 26 мая 1954 г., № 153. Из новейших работ см.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Творчество Анны Ахматовой. Л., «Наука», 1973, с. 42—43; Р. Д. Т и м е н ч и к. Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. — «Пушкинский сборник», вып. 2, Рига, 1974, с. 32—55.

² Ю. Л. Сазонова-Слонимская. Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета), с. 290.

³ О. Э. М а н д е л ь ш т а м. Шум времени. Л., 1929, с. 80.

⁴ Ю. Л. Сазонова-Слонимская. Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета), с. 291.

⁵ Н. В. Недоброво. Душа в маске. — «Русская мысль», 1914, № 1.

⁶ Ю. Л. Сазонова-Слонимская. Николай Владимирович Недоброво.

⁷ ГПБ, ф. 1088, оп. 791а, ед. хр. 80, архив В. А. Знаменской.

⁸ См., напр.: Б. Л и в ш и ц. Полутораглазый стрелец. Л., 1933, с. 267.

⁹ ГПБ, ф. 1088, оп. 791а, ед. хр. 90, архив В. А. Знаменской.

¹⁰ А. А. К о н д р а т ь е в. «Юдифь» Недоброво. — «Вольнское слово», Ровно, 28 марта 1924 г., № 683.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 104, л. 22 об.—23.

¹² На экземпляре статьи Недоброво, подаренной Вере Алексеевне Знаменской (1892—1968) А. А. Ахматова написала: «Милой Вере — лучшее, что написано о молодой Ахматовой. 21 ноября 1964». — ГПБ, ф. 1088, оп. 791а, ед. хр. 295, архив В. А. Знаменской.

¹³ Воспоминания А. И. Белецкого со вступительной статьей И. Я. Айзенштока опубл. в сб.: «Искусство слова». М., «Наука», 1973, с. 401—402.

¹⁴ Об одном эпизоде биографии Блока (публикация М. Бронного). — «Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 177—178.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 37. Архив Н. В. Недоброво.

¹⁶ ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 41674. Дело студента Н. В. Недоброво.

¹⁷ ГПБ, ф. 1073, оп. 1, ед. хр. 162. Архив А. А. Ахматовой.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 201, ед. хр. 37. Архив Н. В. Недоброво.

1

1.1.08. Гагаринская 36

Многоуважаемый Александр Александрович!

Я уже писал Вам на днях — в рассеянности по прошлогоднему адресу — о моем друге и примечательном поэте Александре Ивановиче Белецком¹. Обычно он живет в Харькове, где состоит при Университете, а теперь приехал в Петербург, желая, чтобы с его творчеством случилось по Писанию: «и слово плоть бысть»². Он будет у Вас завтра (2-го) с письмом от г-жи Менделеевой³.

Мне бы хотелось, чтобы психологическим основанием Вашей встречи с ним был интерес к нему, а не досадливость. Поэтому я и предупреждаю Вас, что он заслуживает внимания.

Он чудный наблюдатель и тонкий обличитель жизни, с весьма ловкими приемами. Вы непременно заставьте его прочесть Вам рассказ «Богоборец» и обрывки поэмы «Чистилище», которую он теперь сочиняет.

Я бы очень хотел, чтобы Ваша оценка его совпала с моею. И, может быть, Вы меня известите об этом.

За одно: как дело с Мейерхольдом?

Вам душевно преданный Недоброво

¹ Александр Иванович Белецкий (1884—1961) — известный советский литературовед, академик. Белецкий был всего на два года моложе Недоброво, но всю жизнь относился к нему как к своему учителю.

В 1902 г. Недоброво учился на историко-филологическом факультете Харьковского университета. К этому времени относится его знакомство с А. И. Белецким.

² Евангелие от Иоанна, гл. 1, с. 1.

³ Имеется в виду Анна Ивановна Менделеева (1860—1942), вторая жена Д. И. Менделеева, теща Блока. Письмо ее к Блоку с рекомендацией А. И. Белецкого (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 330) частично опубликовано в кн.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979, с. 322.

2

Многоуважаемый Александр Александрович!

Сам пошлю завтра в «Золотое Руно» заказной бандеролью рассказ Белецкого «Богоборец» и три указанные Вами стихотворения: «Сатану», «Тюремного попа» и «Под звуки граммофона», ибо путешествовать им в Харьков, а оттуда в Москву вряд ли нужно. Но затем я напишу Белецкому, чтобы он послал еще что-нибудь и т. д., как Вами сказано.

Не откажите поэтому написать в «Руно» и завтра же, если можно¹.

Вам душевно преданный Недоброво

¹ Произведения А. И. Белецкого в «Золотом руно» не печатались.

3

8.III.10. Кавалергардская 20, тел. 115—57

Многоуважаемый Александр Александрович!

Мой друг Александр Иванович Белецкий, который год тому назад был у Вас, по рекомендации г-жи Менделеевой, вместе со мною, желал бы вступить в «Общество ревнителей художественного слова». Так как он человек приезжий, знакомых у него здесь нет, для вступления же в общество нужна рекомендация двух членов, а Вы, между тем, немного знакомы с его литературным творчеством и занимаете в Обществе высокий пост члена Совета, то я и прошу Вас рекомендовать его. Если Вы согласны исполнить эту мою просьбу, то, в зависимости от того, что Вам покажется проще, напишите об этом либо мне — и я покажу письмо Кузмину — либо непосредственно к Кузмину, сославшись, что вторым рекомендуемым являюсь я¹.

Простите меня за беспокойство.

Вам душевно преданный Недоброво

¹ Письмо Блока к М. А. Кузмину, в котором он присоединяется к рекомендации Недоброво, опубл. в статье Г. Г. Шмакова «Блок и Кузмин (новые материалы)». — «Блоковский сб.», 2, с. 362.

4

22.XI.11. Кавалергардская 20

Дорогой Александр Александрович!

Позвольте мне от души благодарить Вас за присылку «Ночных часов», получение которых тем более меня тронуло, что оказалось для меня неожиданным.

Книга Ваша произвела на меня самое глубокое впечатление: многое, должно быть, надо оставить за спиной, чтобы так непосредственно притронуться к простой жизни, ничего не потеряв из того особенного, иномирного обаяния, которое может быть близко названо только прилагательным от Вашего имени. Оттого и велика разоблачающая сила «Ночных часов».

Если я перечислю несколько заглавий: «Под шум и звон», «Весенний день прошел», «Грустя и плача», «Мой жестокий», Вы увидите, какие стороны Вашего творчества особенно на меня воздействуют.

Стихотворения о России — тем, в чем они ее касаются — затронули меня меньше, и, верно, потому, что Россия представляется мне гораздо менее пестрой, чем Вам, но более архитектурной. Поистине, наши годы — не время завершения, и, кажется, Вы поторопились, укорив ее стихом: «Но до Царьградских святынь не дошла»¹.

Известный ревнитель словесности, я, конечно, нашел в книге несколько внешних погрешностей — против русского языка; но я же упивался естественной напевностью стихов, при которой Вам можно, как в «Мае жесток», три раза поставить в рифму один и тот же глагол и, вопреки правилам, существующим для тех, кому они должны заменять уши, сделать стихи чарующими именно этим.

Я бы уже давно написал это письмо, да только вчера узнал Ваш адрес у В. И. Иванова.

Еще раз сердечно благодарю Вас. Вам душевно преданный

Недобр о в о

¹ Об отношении Недоброво к России см. в ст. Ю. Л. Сазоновой-Слонимской «Николай Владимирович Недоброво (опыт портрета)», с. 293—294. Интересно сопоставить слова «и, кажется, Вы поторопились, укорив ее стихом: «Но до Царьградских святынь не дошла» с тем, что пишет Сазонова: «Духовное содержание России было важнее всего для него, и то, что называли его «империализмом» — мечта о влиянии на Востоке — было желанием озарить венцом России древнюю Византию».

ПИСЬМА БЛОКА К Е. В. СПЕКТОРСКОМУ

Вступительная статья, публикация и комментарии

С. Б. Шоломовой

Евгений Васильевич Спекторский был одним из преданнейших учеников отца поэта. По окончании юридического факультета Варшавского университета, в 1900 г. он был оставлен при кафедре для написания магистерской диссертации под руководством профессора государственного права Варшавского университета Александра Львовича Блока.

За тридцатилетнюю педагогическую деятельность в стенах университета не одно поколение правоведа и юриста было подготовлено профессором Блоком, но, как правило, большинство воспитанников оставались чуждыми его научным и философским исканиям. И только трое впоследствии, как и он, занимались научной и педагогической деятельностью в различных университетах России — это проф. М. А. Рейснер (1868—1928), Ф. В. Тарановский (1875—1936) и Е. В. Спекторский (1875—1951).

С двумя из них — Михаилом Андреевичем Рейснером и Евгением Васильевичем Спекторским — поэт Александр Блок был лично знаком, а с последним состоял и в переписке.

Согласно хронике «Варшавских университетских известий» в первом полугодии 1901—1902 учебного года практические занятия со студентами по государственному праву вел «бывший кандидат-стипендиат Спекторский». Он объяснял студентам Свод законов и учения выдающихся мыслителей, деятельно участвовал в оценке студенческих письменных научных работ. По сути дела он оказался единственным непосредственным помощником профессора Блока, еще не будучи официально сотрудником кафедры. В конце 1901 г. Спекторский уехал на стажировку в Германию, а затем во Францию, изредка сообщая обо всем своему учителю.

Считая некоторые из этих писем весьма значительными, профессор Блок пересылал их сыну в Петербург, полагая, что Блоку-студенту они могут быть не только интересны, но в чем-то и полезны. (См. наст. том, кн. 1, письмо А. Л. Блока от 28 июня 1902 г.).

В августе того же года по поводу присланных писем сын отвечал отцу: «< . . . > Очень благодарю Вас за письма Спекторского, очень характерные для Западной Европы и интересные для меня «как апокалиптика», иногда «чающего воскресения мертвых и жизни будущего века» (VIII, 41). В последней фразе цитируется христианская молитва, что своеобразно отражает общую настроенность поэта на раннем этапе его творческих исканий.

Впервые Александр Блок задумывался и открывал для себя основные философские категории Искусства и Красоты, Добра и Истины. Его письма к отцу в этот период естественно дополняют дневниковые записи. Так, 28 июня 1902 г. Блок, размышляя, записал в дневнике: «В основном существе своем эстетика и этика не разнятся; первое — искусство красоты, второе — искусство добра. Искусство же есть *подражание великому*: в нем земля подражает небу (оттого-то два указанные дела и суть наилучшие на земле). Но Красота и Добро еще неумело («мифологически», следуя нашей терминологии), подражают Истине» (VII, 50).

Постигая законы взаимосвязанности этики и эстетики, религии и мифологии, науки и искусства, он не мог не испытывать известного влияния со стороны Блока-старшего.

13 июля того же года, быть может, не без связи с письмом отца от 28 июня и письмами Спекторского, в «Записной книжке» появилась новая беглая запись поэта: «Красота (искусство) и Добро подражают Истине, но исчерпывают лишь малые ее элементы, которые в синтезе (не логическом) дают новое «*нечто*», чего нет ни в Красоте, ни в Добре. Наука же есть только необходимый метод — чернорабочий» (ЗК, 31). А спустя несколько дней, 5 августа, Александр Блок признавался отцу: «< . . . > обжигаясь на философии, я устремляюсь в классическую филологию, которая пострастнее и попросторнее. Иногда можно даже «обдумывать тайные стихи», не ссорясь с ней» (VIII, 40).

Было бы правомерно предположить, что письма Спекторского, о которых шла речь выше, сохранились в архиве Блоков (ИРЛИ АН СССР, Пушкинский Дом). Однако ни единого письма ученика профессора Блока ни в фонде Александра Блока, ни в фонде А. Л. Блока нет. Примечательно, что и в архиве Е. В. Спекторского (РО ЦНБ АН УССР, ф. 43) сохранилось немного: только одно письмо профессора Блока и три письма поэта.

По ряду косвенных данных можно предположить, что переписка Спекторского со своим учителем в период его заграничных командировок если и не была интенсивна, то отличалась известной регулярностью.

Начальные строки единственного сохранившегося письма Блока-старшего Спекторскому звучат как продолжение некогда начатого разговора, или, вернее, спора, скорей всего письменного, связанного с напряженными идейными исканиями молодого правоведа. Профессор Блок писал: «Многоуважаемый Евгений Васильевич! Мне кажется, что Ваши «социологии» страдают от ограничения французскими пределами и терминами. Отчего бы Вам теперь не погрузиться еще в немцев, русских и иных арийцев, а равно семитов — не пренебрегая «социалистами» или «культ. историками» <...> хотя бы с целью проследить (сравнительно) их интернациональные, (пожалуй, и христианские по существу) тенденции на почве м<ожет> б<ыть> пока ветхозаветной или отчасти византийской (т. е. греко-римской)? Эта почва и текущей нашей современности и не одной привислинской...»¹ Это письмо датировано апрелем 1902 г. Спустя несколько месяцев Федор Тарановский с укоризной сообщил своему однокласснику в Гейдельберг: «...вчера вечером Ал. Льв. является к нам. Встреча самая сердечная, мы в первый раз в жизни облобызались. Важнейшая новость: Введение² сдано в типографию, на днях ожидается первая корректура. Ал. Льв. весьма огорчен, что с мая месяца не получил ни одного письма от Вас...» Неожиданной и качественно новой деталью к портрету отца поэта можно считать следующие строки того же письма: «Ал. Льв. сам летом переживал некоторый кризис, передумывая учение марксистов. Ему неприятно думать, что Вы можете считать его нетерпимым к Вашему переходу в либерализм. Во всяком случае, Вы непременно напишите ему; он просит Вас, не стесняясь обратиться к нему, если Вы нуждаетесь в деньгах»³. Строки письма Тарановского свидетельствуют также об отеческой привязанности профессора к своим ученикам, о желании бескорыстно помогать им.

Сообщение о духовном кризисе Блока-старшего свидетельствует о сложности и трудности идейных исканий ученого-философа. Документы из архива Спекторского находятся в резком противоречии с устоявшимися определениями, касающимися личности отца поэта. Многогранность и противоречивость облика профессора Блока не укладывались в привычные рамки точных определений и характеристик (см. об этом также в предисловии Т. Н. Конопацкой к письмам отца Блоку).

Стараясь понять психологические мотивы отдельных поступков своего наставника в науке, Спекторский позже писал: «Логика истины беспощадно разбивала логику добра и логику красоты и на каждом шагу заявляла свои печальные права. Ближайшим результатом такой внутренней диалектики Ал. Льв. была его глубокая, нередко беспощадная ирония, объяснявшая и подтверждавшая слова Белинского: «Смех часто бывает великим посредником в деле отличения истины от лжи». Обобщая, автор заключал: «Ирония властно толкала его мысль на путь критики всякого рода иллюзий и притом критики, дающей отрицательные более или менее безотрадные плоды, рассеивающие воздушные замки, и ничего не оставляющей, кроме действительности во всей ее печальной нагоде. Но вместе с тем она сопровождалась какой-то грустью, какой-то тоской по иллюзии, каким-то желанием все-таки не расстаться окончательно с мечтой и верить в нее. Благодаря этому Ал. Льв. был одновременно и реалистом и идеалистом»⁴. Из этой глубокой характеристики в известной степени многое можно было бы отнести и к самому поэту. Недаром же тетка Александра Блока указывала, что «сын унаследовал от отца сильный темперамент, глубину чувств, некоторые стороны ума».

Личное знакомство поэта и Евгения Спекторского произошло только весной 1905 г. Будущий биограф профессора Блока был старше поэта всего на пять лет. К тому времени, когда Александр Блок поступил в университет, Спекторский едва начал свою педагогическую деятельность. К 1905 г. он уже был доцентом Варшавского университета и одним из ближайших коллег отца поэта. О том, что Александру Львовичу было крайне важно

познакомить сына со своим любимым учеником, свидетельствуют строки его письма от 23 марта 1905 г. (см. наст. том, кн. 1).

Вскоре после этой встречи поэт сообщил в Варшаву: «Я познакомился с Е. В. Спекторским и А. Н. Александровым; Е. В. мне понравился, мы хорошо разговаривали. Он — милый»⁵. По-видимому, в нравственных исканиях поэта и философских устремлениях едва начавшего свою научную и педагогическую деятельность правоведа обнаружилось немало общего.

Насколько Спекторский пользовался доверием у обоих Блоков, можно судить по другим строчкам поэта, обращенным к отцу в конце того же года. Он писал: «Вопрос об отъезде в деревню мог бы быть решен в скором времени, если бы остальные вопросы, касающиеся общей политики, были решены. Об этом я бы и хотел писать, но вполне не доверяю «почте и телеграфу». Думаю, что зайдет об этом разговор с Евг. Вас. Спекторским, которому *буду писать* сейчас и которого рад увидеть, так как он сообщит мне сведения о Вас». (Курсив мой. — С. III. — VIII, 144—145). Однако письмо Блока, датированное 1905 годом, в архиве Спекторского не сохранилось.

Несмотря на приятные впечатления от первых личных бесед со Спекторским, в последующие несколько лет поэт с ним не встречался. Только в 1908 г. они увиделись вновь, когда Спекторский сопровождал стареющего профессора в его поездке в Петербург для свидания с сыном.

Но наибольшее сближение произошло между поэтом и учеником отца в скорбные декабрьские дни 1909 г. Блок приехал на похороны отца. Этим печальным событиям предшествовали коротенькие и тревожные письма Спекторского.

17 ноября 1908 г. Спекторский писал в Петербург: «Многоуважаемый Александр Александрович, в качестве ученика Александра Львовича и наиболее близкого к нему человека в Варшаве я считаю своим долгом сообщить Вам о его болезни. . .»⁶

Поэт тотчас ответил в Варшаву. Это первое из трех публикуемых писем, сохранившихся в архиве Спекторского. Позднее, 19 декабря Блок писал матери: «Мама, и вчера, и сегодня, я получаю все время известия об отце. Он безнадежно болен и, вероятно, умрет через несколько недель. У него чахотка и сердечная болезнь с отеком ног, так что ему трудно дышать. Лежит он в больнице в Варшаве. Об этом написал мне Спекторский»⁷.

Спустя два дня было получено новое сообщение об Александре Львовиче. «С величайшим прискорбием должен сообщить Вам, — писал Спекторский, — что на выздоровление Ал. Льв. уже нет никакой надежды»⁸.

Узнав о смертельной угрозе, нависшей над отцом, поэт мысленно вновь и вновь возвращался к впечатлениям от их последнего свидания. Этими впечатлениями он мог поделиться только с матерью, которой писал: «На Пасхе Ал. Льв. понравился нам с Любой совершенно особенно. Очевидно, именно потому, что в нем уже была смерть и он понимал многое, чего живые не понимают. Я думаю, он находится уже давно на той ступени духовного развития, на которой доступно отдалять и приближать смерть. Вероятно, он и не хочет особенно жить по существу, хотя внешне «мнителен» и сопротивляется»⁹.

После очередного письма Спекторского Блок сообщает в Ревель: «На выздоровление отца уже нет никакой надежды, и доктор считает свою помощь совершенно бесполезной. Свой отъезд в Варшаву я как-то еще внутренне не решил и склонен откладывать. М *«ожет»* б *«ыть»*, ведь это и вовсе неприятно ему? С другой стороны, если я приеду, он несомненно поймет, что умирает, а это, по-видимому, (по письму Спекторского) от него скрывают из-за мнительности. . .»¹⁰

И лишь после мучительнейших раздумий и сомнений 30 ноября он выехал в Варшаву. 1 декабря 1909 г. в пять часов вечера профессор Блок, не дождавшись сына, скончался.

Все последующие дни Александр Блок и Евгений Васильевич Спекторский были неразлучны.

Первый некролог появился в официальном органе царской администрации, газете «Варшавский дневник». По справедливому предположению польского исследователя А. Галиса его автором был сам Спекторский¹¹. В некрологе говорилось: «Умер один из старейших членов Варшавского университета, заслуженный профессор А. Л. Блок. Любимый ученик знаменитого Градовского, выдающийся ученый и мыслитель, он был прекрасным преподавателем права. Он оставил после себя то, что для ученого дороже всего — собственную «школу» в лице своих учеников < . . . > Как человек, он пользовался

всеобщим уважением своих коллег и всех поколений слушателей»¹². В более прогрессивной газете «Варшавское утро» профессора Блока относили к числу своих идейных противников, но в то же самое время отдавали дань уважения значительности его натуры. По-видимому все эти впечатления были далеко небезытересны сыну.

О том, что Блоку довелось пережить в эти дни, лучше всего свидетельствуют скупые в своей лаконичности и выразительности строки его письма к матери, написанные им 4 декабря, о благородстве, высоте духа и незаурядности натуры Александра Львовича (VIII, 298). Далее Блок писал: «Чувствую нежность к Спекторскому, который тоже впервые является как-то по-новому. Смерть, как всегда, многое объяснила, многое улучшила и многое лишнее вычеркнула» (там же). Сближению поэта со Спекторским способствовало и то, что обоим пришлось разбирать бумаги Александра Львовича. (Не исключено, что именно тогда и были отданы Спекторскому его письма.) По-видимому, не один раз Блоку довелось беседовать со Спекторским о взглядах и поступках Александра Львовича. Именно от ученика отца Блок, вероятно, узнал, что Александр Львович в своей незавершенной классификации наук отождествлял науку о красоте с наукою вообще. Эстетике он уделял много внимания и в своих лекциях для студентов.

Среди тех, кому довелось слушать его лекции в последний период жизни, был Иван Иванович Коломийцев, позже вспоминаявший, что курс профессора Блока лишь формально мог считаться курсом по правоведению, а на самом деле «лектор говорил обо всем — этике, философии и искусстве». «Его лекции были очень оригинальны, подчас неожиданны. Они казались очень глубокими, интересными и ценными, — вспоминал Коломийцев, заключая: — это были лекции не только ученого, но и художника. Их надолго запомнили благодарные слушатели»¹³. И по мнению Спекторского, профессор Блок «в душе был поэтом не менее, чем ученым, а, может, более того»¹⁴.

Сколь регулярными оставались письма поэта к Спекторскому после его отъезда из Варшавы, можно судить лишь по некоторым сохранившимся ответным открыткам Спекторского. Так, 30 декабря 1909 г. он сообщал Блоку: «Многоуважаемый Александр Александрович, письмо Ваше я получил уже в Варшаве, куда вернулся 27 декабря. Сердечно благодарю за дружеские строки. . .»¹⁵. Однако это письмо Блока в архиве Спекторского не сохранилось.

Прошло немногим больше года, в течение которого, быть может, были и личные краткие свидания в Петербурге, куда часто приезжал Спекторский.

Осенью 1911 г. Блок получил лаконичную открытку из Варшавы следующего содержания: «Очень Вам благодарен, многоуважаемый Александр Александрович, за память и стихи. Мою брошюру об Ал. Льв. набирают неизмеримо медленно. Я все-таки надеюсь, что к концу ноября она будет готова»¹⁶.

Представляло немалый интерес выяснить, какие именно стихи подарил Спекторскому Александр Блок. Однако, к сожалению, ни письма, датированного осенью 1911 г., ни стихотворений поэта в архиве Спекторского не обнаружено. Не исключено, что Спекторский мог часть писем и другие материалы, касающиеся поэта, в том числе и его стихи, увезти с собой в эмиграцию. Возможно, что Александр Блок посылал ему не только отдельные свои стихотворения, но и поэтические сборники. Ведь подарил же Блок свою книгу «Земля в снегу» одному из коллег отца по Варшавскому университету — профессору уголовного права В. В. Есипову, с которым познакомился в декабре 1909 г. (см. наст. том, кн. 3).

В свою очередь и для Спекторского было далеко немаловажным знакомить поэта со своими научными работами. Не удивительно, что еще до выхода в свет книги «А. Л. Блок, государствовед и философ» он подарил Блоку одну из ранних своих работ, вышедшую еще в 1907 г. Книга эта с его надписью хранится в собрании И. С. Зильберштейна (см. с. 306).

Примечательно и то, что в 1912 г., когда переписка практически оборвалась, Александру Блоку была подарена новая работа Спекторского — «Белинский и западничество», о чем свидетельствует описание библиотеки поэта в Шахматове. Спекторский, рассматривая проблемы взаимосвязей славянофилов и западников на примерах лучшей русской публицистики, как бы продолжал традиции своего наставника, некогда написавшего «Политическую литературу в России и о России».

Дневниковые записи поэта от 7 и 9 декабря 1911 г. свидетельствуют о том, что он, получив книгу об отце, старался сделать ее известной широкому кругу своих друзей.

12 декабря того же года Блок написал Спекторскому исповедальное письмо, значение которого трудно переоценить. Это был начальный период работы Блока над поэмой «Возмездие».

Мотив *небесплодности* посева поколения 70-х годов прошлого столетия, олицетворением которого во многом представлялась личность Блока-старшего, звучит и в поэме Блока и, по-своему, — в книге Спекторского.

Судя по дневниковой записи Блока 7 декабря 1911 г. в этот день было получено 25 экземпляров книги Спекторского. В библиотеке поэта на одном из сохранившихся экземпляров вверху на титульном листе черной тушью помечено: «получ. 7.XII. 1911», а сверху того же листа подпись — «Александр Блок». Именно этот экземпляр сохранил приметы внимательнейшего чтения поэтом книги об отце.

Почти перед самым получением книги Спекторского Александр Блок продумывал первый план поэмы, убедившись в том, что то, что он уже написал, «совершенно слабо». Именно в такой момент началось знакомство поэта с «героем» книги Спекторского. В данном случае пометы и отчеркивания, словесные замечания Блока приобретают особый интерес.

Книга Спекторского состоит из четырнадцати небольших главок, каждая из которых имеет свою тему и название. Пометы Блока есть на страницах большинства глав. Характерно, что заглавие раздела «Личность А. Л.» подчеркнуто особо, однако никаких отчеркиваний в тексте здесь нет. По-видимому, он интересовал Блока не отдельными мыслями и фактами, а весь, как целое.

В самом начале книги отчеркивания сделаны преимущественно простым карандашом, но затем «палитра» становится многоцветной: на полях появляются отметки «NB» и «sic». Словесные пометы предельно лаконичны и сделаны только простым карандашом. Некоторые слова при этом сокращены. Они подобны зашифрованным фразам, за которыми скрывается нечто большее и важное для Блока.

Определяя профессора Блока как ученого-исследователя, Спекторский писал: «Есть ученые, для которых знание служит источником все новых и новых сомнений, для которых всякий ответ на вопрос является, в свою очередь, новым вопросом, которые неизменно живут в мире неразрешенных и неразрешимых проблем»¹⁷. Именно эта мысль послужила поводом для первого вертикального отчеркивания.

Приведем несколько маргиналий Блока на тексте книги Спекторского (слова, подчеркнутые Блоком, выделены нами курсивом).

В разделе, рассматривающем истоки многих духовных исканий Блока-старшего, поэт наряду с вертикальным и горизонтальным отчеркиванием впервые делает сокращенные словесные пометы на полях, одновременно при этом отчеркивая отдельные слова красным карандашом, словно усиливая свое внимание к тексту. В общем на этой странице маргиналии столь значительны, что их стоит привести полностью. Спекторский, характеризуя время, когда происходило формирование молодого правоведа Блока, писал: «... в эту эпоху окончательно ликвидировались гегельянство и вообще спекулятивный идеализм немецкого происхождения. Вытеснял его позитивизм и реализм с более или менее резко выраженным материалистическим оттенком. Исчезла вера в то, что мысль и бытие равны друг другу и даже тождественны. Вместо умопостигаемого мира понятий и идей, стройно согласованных друг с другом и не допускающих иного столкновения, иной борьбы, кроме «диалектической», происходящей в сфере абсолютного духа, стали видеть и признавать только мир действительности, во всем его будто бы *«наивном»* — так и донныне учит *«холодная спекулятивная академическая философия»*, — но в сущности полном глубокого драматизма реализме». Сноска относится к словесной пометке Блока: «И между проч. „мистич. анарх“».

Далее в тексте следует мысль, настолько привлекавшая внимание поэта, что для отчеркивания им впервые был использован красный карандаш. Так, Спекторский продолжал «Вера в дух, вера в идею более или менее быстро вытеснялась верою в материю. А промежуточные состояния сомнения и иронии надолго сохранялись только у немногих натур, настолько тонко организованных, чтобы не принимать за настоящую умственную эманацию того, что в действительности было только переходом от одного вида духовного раб-

ства к другому». Далее на полях следует карандашная приписка: «sic». Дважды отчеркнуты слова «сомнения» и «ирония», существенные для характеристики философского мышления не только отца поэта, но и его самого.

Поэт обратил внимание и на вывод Спекторского: «А. Л. Блок был семидесятником, но не торжествующим и самоуверенным, а меланхолическим и сомневающимся, не нашедшим, а все ищущим. . .» Эта фраза отчеркнута вертикально красным карандашом.

В одном из разделов особое внимание Александра Блока привлекает мысль биографа о том, что ученый «задышался в холодной, разреженной атмосфере чисто правовых понятий». Он отчеркивает красным карандашом и то место в тексте, где идет речь о глубокой искренности и безнадежном пессимизме профессора.

При чтении главы, посвященной подробному изложению книги профессора Блока «Политическая литература в России и о России», очень часто встречаются красные отчеркивания, как вертикальные, так и горизонтальные. Мимо внимания поэта не прошло сообщение, что профессор Блок любил «пронизировать над склонностью панславистов «объясняться преимущественно в стихах». Не могло оставить его равнодушным и то, что Александр Львович ставил своей задачей «примирить славянофилов и западников в разрешении той великой мировой загадки, которой имя — Россия». Быть может, именно по прочтении этого раздела и было им написано письмо Спекторскому с пронзительными в своем откровении словами о том, что он сам далеко не чужд идеям и стилю книги, *кровно* связан с наследием отца (см. с. 396).

Там, где шла речь и о главном недостатке славянофилов, идеализирующих русскую старину и не видящих «грядущего величия» России, Александром Блоком сделано косое отчеркивание красным карандашом целой страницы, при этом на полях — приписка следующего содержания: «Все большие места и тупики». Несмотря на лаконичность, эта помета достаточно знаменательна — за ней скрыто глубинное единомыслие двух поколений в вопросе о России и ее грядущей судьбе.

В разделе «Политика в кругу наук» наиболее часты красные отчеркивания Блока. Нередко можно встретить на полях и знак «NB». Первый раз он сделан поэтом против следующей мысли автора книги: «Специальный и любимый прием А. Л. Блока состоял в том, чтобы отыскивать подтверждение схемы не столько у ее очевидных союзников, сколько у ее несомненных противников: он торжествовал, когда ему удавалось подтвердить объективную правильность своей схемы при посредстве подлинных слов и обмолвок».

И далее, излагая взгляды профессора Блока на роль политики в жизни людей, Спекторский утверждал: «Оздоровляющее влияние политической среды состоит в том, что благодаря своему нередко беспощадному и грубому реализму, она излечивает сознание от идеалистических иллюзий, от метафизики и мечтательности и сосредотачивает их на конкретной реальной действительности». Эта мысль ученого в пересказе его биографа — также была не только отчеркнута поэтом, но и помечена значком «NB».

Особенно много помет в разделах, посвященных классификации наук. Именно здесь поэт применяет многоцветное отчеркивание, именно здесь наиболее часто встречаются на полях знаки: «NB» и «sic». Все это свидетельствует не только о чтении, но об изучении книги Спекторского.

Философские определения отдельных наук и их скрытые и явные взаимосвязи, парадоксальность выводов, цитаты из Фета и Герцена, Белинского и Пушкина в книге об Александре Львовиче — все вызывает живую и непосредственную реакцию Блока. После прочтения заметно обогатились прежние его представления о богатой духовной жизни отца, вызывая новые ассоциации, размышления. Знакомство с пометами Блока на книге об отце позволяет глубже понять истоки его дневниковой записи от 26 декабря 1911 г., где дается емкая характеристика Блока-старшего как своеобразный итог осмысления прочитанного: «Отец мой — наследник (Лермонтова), Грибоедова, Чаадаева, конечно. Он демонски изобразил это в своей незаурядной «классификации наук»: есть сияющие вершины (истина, красота и добро), но вы, люди, — свиньи, и для вас все это слишком высокое, и вы гораздо правильнее поступаете, руководясь в своей *политической по преимуществу* (верх жестокости и иронии) жизни отдаленными идеалами. . . юридическими (!!!) Это ли не *демонизм*? Вы слепы, вы несчастны, копайтесь в политике (ласкающая печаль демона) и не поднимайте рыла к сияющим вершинам (надмирная улыбка презрения — *демон сам залег в горах, «людям» туда пути нет*). Все это — в несчастной оболочке А. Л. Блока,

«весьма грешной, похотливой... Пестрая, пестрая жизнь, острая «полоса дамасской стали», жестокая, пронзающая все сердца» (VII, 112).

Эта страница дневника написана уже после того как было отправлено письмо к Спекторскому с первыми впечатлениями о прочитанном, и тем не менее оба эти документа тесно связаны.

Подробный анализ всех помет Блока на книге Спекторского — предмет самостоятельного исследования.

К марту 1912 г. относится последнее из сохранившихся ответных писем Спекторского к поэту. В нем сообщается о том, что профессор Тарановский обещал написать рецензию на книгу о профессоре Блоке, но отзыв этот в печати не появился. Изучение писем Тарановского в архиве Спекторского обнаружило разногласия между рецензентом и автором. Словно продолжая начатый в личной беседе спор, Тарановский писал: «... Вы делаете натяжку, умягчая о том, как Блок был гегельянцем и последователем утопического социализма»¹⁸. По лаконичным замечаниям Тарановского видно, что он считал личность профессора Блока значительно более сложной, противоречивой и яркой, чем тот «слепок» с подлинника, какой удалось сделать Спекторскому в биографическом очерке об учителе. Но в публичную полемику Тарановский, видимо, не считал необходимым вступить и рецензию не опубликовал.

После марта 1912 г. переписка Блока и Спекторского обрывается. Никаких, даже косвенных данных об их личных встречах после декабря 1909 г. нет. Правомерно предположить, что в действительности переписка поэта с учеником отца была значительно и полнее, чем то, что позволило обнаружить архив Спекторского. Быть может, этот фонд является только частью полного архива ученого, местонахождение которого пока неизвестно. Ниже приводятся тексты дошедших до нас писем Блока Спекторскому (ЦНБ АН УССР, ф. 43, № 1—3).

В архиве Спекторского нами обнаружен также ряд материалов, которые касаются личности бывшего ученика А. Л. Блока — профессора государственного права Михаила Андреевича Рейснера, с которым поэт Блок был лично знаком.

В 1893 г. М. А. Рейснер успешно завершил первую научную работу под руководством Александра Львовича Блока. Спустя годы, характеризуя личность учителя, Рейснер в автобиографии напишет: «Проф. Блок совмещал в себе причудливым образом громадную эрудицию, материалистический скепсис и славянофильство: социолог-позитивист по исходной точке и романтик в практических выводах»¹⁹.

К 1900 г. серьезные идейные разногласия привели к отчужденности между учеником и учителем. Не сразу М. А. Рейснер пришел к марксизму. Этому непосредственно способствовало личное знакомство с Карлом Либкнехтом, участие в качестве эксперта по русскому праву на Кенигсбергском процессе и долгие часы раздумий и сомнений. Тем не менее в своей монографии по истории политических учений Запада Рейснер считал необходимым особо отметить, что в качестве основного метода им использован социологический метод индивидуализма профессора Блока. Несмотря на годы разобщения, Рейснер никогда не забывал своего первого научного руководителя. Недаром Спекторский, будучи студентом уже другого поколения, в своей монографии подчеркивал, что «при всем различии путей, избранных каждым из них для своих научных работ, все они более или менее сознательно продолжают оставаться в *духовном родстве* с А. Л. Блоком, не прекращающемся даже и тогда, когда они принципиально с ним расходятся»²⁰.

В 1908 г. Рейснер возвратился из эмиграции. Он читал лекции в Петербургском университете по истории политических учений, часто выступал на страницах печати как публицист по вопросам вероисповедания в России. В это же время он бывал на заседаниях Религиозно-философского общества, где осенью 1908 г. познакомился с Блоком.

Выступление Блока в обществе с чтением реферата «Народ и интеллигенция» сразу же привлекло к себе внимание общественности. Poleмика была неизбежна и естественна. Одним из первых в прениях выступил профессор Рейснер. С запальчивостью и резкостью он бросил поэту ряд обвинений, с которыми Блок не мог согласиться. Запись от 22 декабря 1908 г. лишь в малой степени приоткрывает путь возникших разногласий и последовавших за ними переживаний поэта (ЗК, 125—126).

В архиве видного русского историка и публициста — Николая Ивановича Кареева (1850—1931) нами обнаружено письмо профессора Блока, написанное осенью 1886 г.

(ГБЛ, ф. 119, п. 9, № 28). Этот документ дополняет новыми штрихами портрет, созданный в книге Спекторского.

А. Л. Блок и Н. И. Кареев начали свою педагогическую и научную карьеру в стенах одного и того же Варшавского университета. 5 сентября 1879 г. Кареевым была прочитана пробная лекция на тему «Формула прогресса в изучении истории». Он был допущен ученым советом к чтению лекций по всеобщей истории на юридическом и историко-филологическом факультетах. Одновременно с ним молодой доцент Блок приступил к ведению занятий по государственному праву. Годы совместной работы заметно сблизили их.

Примечательно, что весной 1885 г. оба покидали Варшаву: Кареев спешно собирался в Петербург, куда был приглашен как профессор всеобщей истории, Блок — в многомесячную научную командировку по городам Западной Европы. Возвратившись только к осени 1886 г., А. Л. Блок остро переживал разлуку и решил написать о своих впечатлениях бывшему коллеге по университету. Судя по начальным строчкам, их переписка в это время была достаточно регулярной.

Сохранившееся письмо приоткрывает мир духовных исканий отца поэта. В частности, он пишет об увлеченности, с которой работает над какой-то рукописью. «Пишу больше для «потомства» и потому боюсь спешить». Весь тон письма отличается редкой для характера Блока-старшего доверительностью и откровенностью. Он писал: «Я далек от всякого разбачарования в своей «Грядущей политике», что ли, далек и от самодовольного «очарования», но разные «современники» до того мне опротивели своею узостью, межкотой и пошлостью. . .»

Письмо относится к тому периоду, когда едва утихли отклики в печати на книгу «Политическая литература в России и о России». К слову сказать, одним из первых, кто написал отзыв на нее, был Кареев. В своей статье «Мечта и правда о русской науке» на страницах журнала «Русская мысль» он отмечал: «По чисто русской оригинальности многих взглядов г. Блока на нашу историю, на нашу современность, на наше всемирно-историческое призвание «Политическая литература в России и о России» заслуживает внимательного отношения со стороны критики, хотя бы последняя в частности и не всегда была согласна с г. Блоком. Мы осмеливаемся утверждать, что в этой книжке проявляются черты именно *русской науки*»²¹.

В архиве историка сохранились воспоминания Кареева, где, касаясь прожитых лет в Варшаве, он вспоминает и молодого тогда доцента Блока. Кареев писал: «С Блоком в варшавские годы я был довольно близок, но потом потерял его из виду. . . Блок был очень интересный собеседник, любивший серьезные научные разговоры, очень часто приходивший ко мне пофилософствовать»²². Под непосредственным впечатлением таких бесед и родилась сначала лекция Кареева «О духе русской науки», а потом статья на страницах «Русской мысли». Историк считал необходимым особо отметить: «В книге А. Л. Блока мы имеем так сказать своего рода *философию русской истории* — от призвания варягов до современности, до *настоящего* и *возможного* в *будущем* величия России»²³.

В письме А. Л. Блока к Карееву обращают внимание его слова, касающиеся поисков выразительных средств при изложении научных концепций. Об «оркестровке главы» мог сказать скорее *художник*, нежели ученый-аналитик. Его стремление «найти себя в себе» еще раз доказывает подлинную артистичность натуры, на которую единодушно указывали его современники и которую в полной мере унаследовал сын.

Недаром Спекторский позже писал: «Связь содержания и формы была для него не случайной, искусственной, внешнею унией, а живым органическим целым, язык его, как в этом могут убедиться читатели его книг, особенно второй, поражал как богатством и неожиданностью ассоциаций и сближений, так и необыкновенной сжатостью. Он принадлежал к числу авторов, готовых проводить бессонные ночи над литературною отделкой своих фраз»²⁴. Кроме того, Спекторский вспоминал, что «*« . . . » гармония стиха или мелодии нередко совершенно отвлекала»* Александра Львовича от суровой прозаической действительности, «а также связанных с нею практических дел и увлекала его в мир грез»²⁵. Во фразе Спекторского о второй книге профессора Блока «прежде всего интересен ее стиль», — последнее слово подчеркнуто поэтом Блоком красным карандашом²⁶.

О литературном стиле отца поэт писал в автобиографии: «Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, — отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного

труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которые искал» (VII, 12).

Публикуемые ниже письма Блока Е. В. Спекторскому дают дополнительный материал для исследования творческой истории поэмы «Воозездие».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦНБ АН УССР, ф. 43, № 192, л. 1.
- ² ЦНБ АН УССР, ф. 43, III, 56745, л. 1.
- ³ Имеется в виду литографированное издание «Русское государственное право». Записки по лекциям проф. Блока. Варшава, 1902.
- ⁴ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911, с. 12.
- ⁵ «Письма к родным», I, с. 135.
- ⁶ ГЛМ, ф. 8, № оф. 4557/1.
- ⁷ «Письма к родным», I, с. 285.
- ⁸ ГЛМ, ф. 8, № оф. 4557/2.
- ⁹ «Письма к родным», I, с. 296.
- ¹⁰ Там же, с. 287.
- ¹¹ Adam Galis. Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie. Warszawa, 1976.
- ¹² «Варшавский дневник», 1909, № 333, с. 2.
- ¹³ Русская литература, 1977, № 3, с. 188—191.
- ¹⁴ А. Галис. Указ. соч.
- ¹⁵ ГЛМ, ф. 8, № оф. 4557/3.
- ¹⁶ Там же, 4557/4.
- ¹⁷ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ, с. 6.
- ¹⁸ ЦНБ АН УССР, ф. 43, III, 56745—56801, л. 62.
- ¹⁹ Энциклопедический словарь Русского библиотечного общества «Гранат», т. 41, ч. 2, с. 198.
- ²⁰ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ, с. 5.
- ²¹ «Русская мысль», 1884, № 12, с. 100—135.
- ²² ГЛМ, ф. 119, п. 44, № 5, л. 209.
- ²³ «Русская мысль», 1884, № 12, указ. статья.
- ²⁴ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ, с. 13.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.

1

19 ноября, 1909. Петербург

Многоуважаемый Евгений Васильевич, приношу Вам мою глубокую признательность за Ваше письмо. О болезни отца я узнал еще вчера от М. Т. Блок¹ и сегодня сочту своим долгом сообщить ей содержание Вашего письма. Разумеется, предупредив ее, чтобы она не говорила о нем отцу. Сообщить же я ей должен о Вашем письме не только по внутренним, но и по внешним причинам, т. к. сегодня вечером она едет в Варшаву и не знает точно, где отец.

Позвольте мне просить Вас еще сообщить мне хотя бы кратко в случае какого-либо резкого поворота болезни. В декабре буду искать свидания с Вами. Буду рад, если Вы заедете ко мне и с одинаковой готовностью приеду к Вам в Царское² в удобный для Вас день. Спасибо еще раз за общение очень важное для меня.

Искренне Вас уважающий Александр Блок

¹ Мария Тимофеевна Блок (урожд. Беляева) — (1876—1922), вторая жена А. Л. Блока.

² В Царском Селе жили родные Е. В. Спекторского, и он там часто бывал.

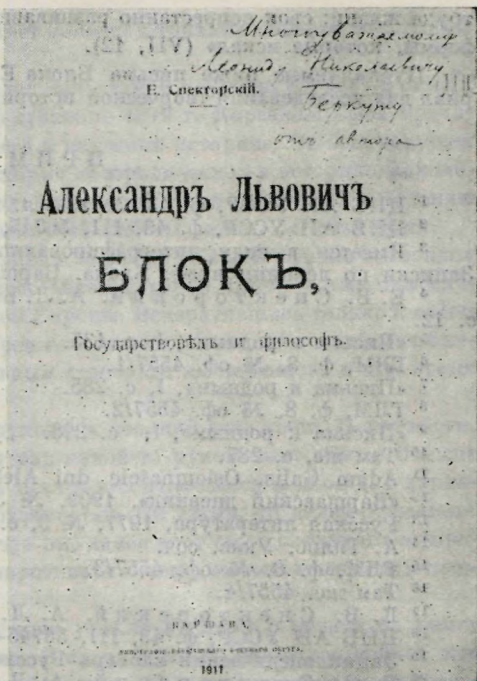
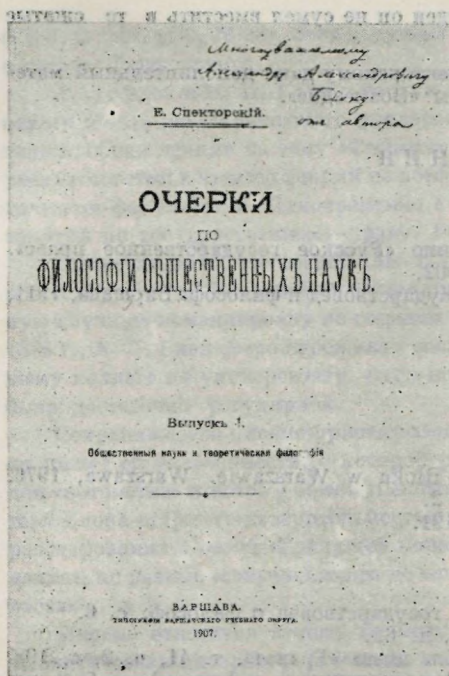
2

«9 декабря 1909, Варшава»¹

Многоуважаемый Евгений Васильевич.

Я заходил к Вам просить извинения за то, что не приду вечером. Чувствую себя совсем скверно и вяло сегодня, не пошел даже на кладбище. Извините меня.

Преданный Вам А. Блок

Е. СПЕКТОРСКИЙ. ОЧЕРКИ ПО
ФИЛОСОФИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК.
ВЫП. I. ВАРШАВА, 1907

С дарственной надписью: «Многоуважаемому
Александру Александровичу Блоку от а
в т о р а»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Е. СПЕКТОРСКИЙ. АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ
БЛОК, ГОСУДАРСТВОВЕД И ФИЛОСОФ,
ВАРШАВА, 1911

С дарственной надписью: «Многоуважаемому
Леониду Николаевичу Беркуту от автора».

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

¹ В этот день Блок написал еще два письма: одно в Ревель матери, другое — в Петербург жене.

Матери он писал: «. . .» Я приеду к тебе в Ревель на Рождество и буду рассказывать много интересных вещей, а также привезу тебе грудку твоих писем, карточек, часть платья и несколько вещей. Писем я, разумеется, не читал, думаю, что тебе это будет неприятно. Все это пока не разобрано и лежит в моем чемодане. Я все время узнаю очень много об отце и нахожу его очень интересным, цельным и даже сильным человеком» («Письма к родным», I, с. 293).

В письме к Л. Д. Менделеевой Блок признавался: «. . .» Я живу как-то по-новому, вижу много «обыкновенных» людей и — к удивлению — очень интересуюсь ими. Чувствую себя больш^кей частью молодым. . .» (ЛН, т. 89, с. 252).

Многоуважаемый Евгений Васильевич. Читаю Вашу прекрасную книгу об отце ¹ и имею потребность горячо пожать Вам руку и в качестве просто читателя, далеко не чуждого идеям и стилю книги, и в качестве сына А. Л., кровно связанного с его наследием, более, пожалуй, чем Вы это можете предполагать. Не чувствуя себя вправе рецензировать книгу (это было бы с моей стороны поступком дилетантским), я предпочитаю познакомить Вас с моими мыслями о том же предмете при помощи своих литературных работ. Надеюсь, что мне удастся представить на Ваш суд и мою «тень отца» и другую ее «апологию», которая, увы, покажется кому-нибудь осуждением (без этого не обойтись), но будет для меня апологией, хотя и другого типа, чем Ваша, — «музыкальной» и, так сказать, «от противного» ². Сообщая Вам это, прошу Вас лучше не говорить об этом посторонним: лучше, чтобы

иные не предполагали ничего биографического, если им и попадетя когда-нибудь в руки моя будущая книжка³.

Пока что я уже роздал 12 экз «эмпляров» Вашей книги. Между прочим, послал для отзыва в те места, куда предполагал, что Вы не пошлете (а между прочим, оттуда можно услышать что-нибудь важное): в «Логос»⁴ (с прибавлением книг отца), в «Русскую мысль»⁵ и С. А. Венгеру⁶ (для руководства при составлении статьи в «Нов. Энциклопед. Словаре»)⁷, которая, очевидно, войдет в 6-ой том, имеющий выйти месяца через два. Еще кое-кому надеюсь я дать Вашу книгу; если у меня не хватит экземпляров, надеюсь позаимствовать у М. Т.⁸, которая едва ли может распространить их с особенной пользой, имея мало интеллигентского знакомства.

Преданный Вам Ал. Блок⁹

¹ Имеется в виду книга Е. В. Спекторского «А. Л. Блок, государствовед и философ». Варшава, 1911.

В предисловии автор, объясняя мотивы, побудившие его писать, отмечал: «Настоящий очерк вызван побуждениями отчасти личного, отчасти общего порядка. Личное побуждение — желание автора, бывшего много лет учеником покойного А. Л. Блока, отдать должную дань уважения памяти своего учителя; этим если не оправдывается, то по крайней мере, объясняется то обстоятельство, что предлагаемый очерк представляет историю одной ученой жизни, но также до известной степени ее *апологию*. Соображения более общего характера состоят во-первых в том, что А. Л. Блок не опубликовал всего того, о чем он думал и писал. Во-вторых, проблемы, занимавшие А. Л., и те даже неудачи, которые он при этом испытывал, весьма характерны для истории нашей сравнительно юной научно-политической мысли».

Пытаюсь вскрыть причины неприятия личности профессора Блока большинством окружающих, Спекторский писал: «Являясь во многих случаях личной и публичной жизни живым примером строгой принципиальности, он предпочитал вызывать нарекания со стороны других и причинять страдания самому себе, чем уклоняться от осознанного долга и его осуществления. Такие люди малопопулярны. Их часто избегают. И хотя для них добро — нечто весьма важное, их не считают добрыми. Но их нельзя не уважать. Они являются живым укором, воплощенною совестью для всех тех, кто мало задумывался над серьезностью своего жизненного назначения, как общечеловеческого, так и профессионального».

Данная характеристика своеобразно перекликается с записью Блока в период его работы над «Возмездием». Он писал, обдумывая образ «отца»: «Вот суть: зависимость личной жизни от общества». В тетради, где поэт работал над поэмой, встречается и прозаический набросок, который словно продолжает размышления, высказанные в письме к Спекторскому, по поводу первого видения своего героя. Текст наброска весьма показателен. Он написан весной 1911 г., когда первоначально Блок предполагал назвать будущую поэму коротким словом: «Отец». Вот фрагмент этого наброска: «...» На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на гибель, они беспокоят и губят своих, но они — *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они — последние. В них все замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа — ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей. Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они — любимцы, если не судьбы, то семьи. Они всегда «демоничны». Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они — едкая соль земли. И они — *предвестники лучшего*. — Цит. по кн.: А. Блок. Возмездие. Пг., 1922, изд-во «Алконост», с. 104.

² Осенью 1911 г. Александр Блок мучительно и напряженно работал над поэмой, которая далеко не сразу получила название «Возмездие». В черновых набросках этого времени немало строк, от которых он впоследствии отказался и не включил в беловой текст. В целом анализ черновиков «Возмездия» при рассмотрении эволюции главного героя — образа «отца» представляет отдельную тему исследования. И тем не менее некоторые моменты важны в связи с письмом поэта биографу и ученику отца. Обращают внимание следующие сбивчивые строки Блока:

«Что было в этой смерти сыну?
и от чего он тосковал?
Стоял он голову склоняя,
Как будто сердце хоронил
[душу закопал]
В чужую пористую глину
и впрямь состарилась душа
И чувствовал, как стынет кровь».

³ Поэма «Возмездие» вышла отдельным изданием после смерти поэта в 1922 г. в издательстве «Алконост». В издание были включены наброски поэмы в форме дневниковых записей, относящиеся к 1911 и 1913 гг.

⁴ «Логос» — международный ежегодник по философии культуры. Издавался на русском и немецком языках. Русское издание: М.—СПб., 1910—1914. Издатели: «Мусагет» и т-во «М. О. Вольф». В № 2-3 за 1911/1912 год было напечатано сообщение о том, что книга Спекторского «А. Л. Блок, государствовед и философ» прислана в редакцию для отзыва. Просмотр последующих выпусков показал, что рецензия напечатана не была.

⁵ «Русская мысль» — ежемесячный литературно-художественный журнал, М.—СПб., 1901—1916. Первый год издания — 1880-й; с 1911 г. редактором и издателем был П. Б. Струве. В некрологе по поводу смерти Александра Блока П. Б. Струве впоследствии написал об отце поэта: «Я никогда лично не знал отца Блока, но читал почти все, что написал этот малоизвестный, неудавшийся профессор-государственик. Он был тоже мечтатель, искавший в государственной науке исхода своим политическим страстям. . . Он был беспорядочным и тяжелым в общении человеком и плохим семьянином. На его произведениях, забытых и не оказавших почти никакого влияния на русскую науку, но любопытных и индивидуальных, лежит печать тех же черт, которыми отмечена личность Блока: мечтательности и страстности, неспособной к действиям. И даже по идейному содержанию А. А. Блок взял кое-что от отца». (Цит. по кн.: А. Горелов. Гроза над соловьиным садом. Л., 1973, с. 328).

В 1912 г. в № 3 на страницах «Русской мысли» появилась рецензия И. Ильина на книгу Спекторского об отце поэта. В ней отмечалось: «Очерк, посвященный научному жизнеописанию русского ученого и профессора, мало известного широким кругам интеллигенции, но сыгравшего видную роль в университетском преподавании Царства Польского, заслуживает живого внимания со стороны читателя». В частности, рецензент считал, что автору монографии вполне удалось вызвать у читателя живой и неподдельный интерес к «яркой апологии столь интересной индивидуальности» и что эту работу следует понимать как попытку показать те этапы, через которые прошла вся государственная наука в конце XIX в. Примечательны последние строки рецензии: «А. Л. Блок, согласно характеристике г. Спекторского, был одним из тех людей, которые в силу своей разносторонней одаренности и душевной подвижности не укладываются в рамки одной определенной профессии и объективные проявления которой не адекватны скрытой за ними внутренней жизни. Такие люди, если им приходится жить в эпохи безвременья < . . . > оказываются предоставленными исключительно самим себе и найти то научное и жизненное творческое место, которое дало бы им возможность развернуть все их духовное содержание, становится для них почти невозможным».

⁶ Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) — историк литературы, критик, библиограф. Был одним из редакторов Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Сохранились письма С. А. Венгерова Блоку. В одном из них, от 21 декабря 1909 г., есть такие строки: «Пользуясь случаем выразить Вам свое соболезнование по случаю кончины отца Вашего, с которым на заре туманной юности встречался у профессора Градовского» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 186, л. 11).

⁷ В «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. 6, с. 901, были помещены краткие биографические сведения об А. Л. Блоке. Автор заметки не указан.

⁸ Имеется в виду вторая жена А. Л. Блока — М. Т. Беляева.

⁹ Все сокращения и разрядка в письме принадлежат А. Блоку. Характерно, что обилие скобок, кавычек и других знаков препинания было в такой же степени присуще и письмам, написанным А. Л. Блоком. Построение отдельных фраз, общее стилевое направление — все отражает единый склад мышления, в целом унаследованный от Блока-старшего. Даже сокращения в подписи было у них одно и то же: «Ал. Блок».

ПЕРЕПИСКА БЛОКА С Б. А. САДОВСКИМ

Предисловие, публикация и комментарии В. П. Коршуновой

Борис Александрович Садовской (настоящая фамилия Садовский) (1881—1952) — поэт, беллетрист, историк литературы, критик. Сын известного нижегородского краеведа, историка, археографа. Закончил Нижегородский дворянский институт и нижегородскую гимназию. В 1903—1910 гг. (с перерывами) был студентом историко-филологического факультета Московского университета, курса не окончил. Печататься начал еще будучи гимназистом (первое стихотворение «Иоанн Грозный» было напечатано в январе 1901 г. в нижегородской газете «Волгарь»).

Б. А. Садовской — автор 15 книг, среди которых сборники стихотворений, рассказов, издания критических статей, историко-литературные работы.

До революции Садовской активно сотрудничал в журналах «Весы», «Русская мысль», «Северные записки», «Современник», газетах «Речь», «Русская молва» и др.

В неопубликованных воспоминаниях Садовской писал о себе: «Я по совести никак не могу считать себя символистом: я классик пушкинской школы, затесавшийся случайно в декадентскую компанию. . .» (ЦГАЛИ; ф. 464, оп. 1, ед. хр. 3, с. 32).

В 1918—1921 гг. Садовской жил в Нижнем Новгороде. Тяжело больной, он читал лекции у себя дома по истории русской литературы для студентов Нижегородского университета и Педагогического и Археологического институтов.

После революции в печати появились две книги Садовского: «Морозные узоры. Рассказы и стихи в прозе» (Пг., «Время», 1922) и роман «Приключения Карла Вебера» (М., «Федерация» и «Круг», 1928). Отдельные рассказы его печатались в журналах «Красная новь», «Новый мир» и др.

Тяжелый недуг (паралич) лишил его возможности более активно заниматься литературным трудом.

С Блоком Садовской познакомился в декабре 1906 г. в доме В. Я. Брюсова на Цветном бульваре. Более близкое знакомство и сближение с Блоком относится к началу 1910-х годов.

Садовской — автор воспоминаний о Блоке (см. Борис Садовской. Встречи. — «Звезда», 1968, № 3, 182—186).

Блок относился к Садовскому доброжелательно, сочувственно, с одобрением отзывался о критических статьях Садовского (преимущественно статьях о русских поэтах), его прозе и стихотворениях.

Письма Блока к Садовскому хранятся в ЦГАЛИ; ф. 464, оп. 1, ед. хр. 28 (16 писем, 1910—1921).

Здесь публикуются 15 писем, одно — от 6 декабря 1910 г. — было опубликовано ранее, (VIII 321—323). Все публикуемые письма — автографы.

В ЦГАЛИ же хранятся и все письма Садовского к Блоку, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 391 (13 писем, 1910—1921).

1

Петербург. 19 XI 1910

Многоуважаемый Борис Александрович.

Досадное происшествие: в Москве, вероятно в трамвае, я потерял сверток, в котором была и Ваша книга. Не успел прочитать даже надпись, которую Вы сделали. Позвольте просить Вас восстановить ее на экземпляре, который посылаю Вам вместе с этим письмом¹. Читаю «Позднее утро»², многое полюбил, особенно — деревенское.

Искренно уважающий Вас Александр Блок

Спб. Петербургская Сторона, Малая Монетная 9, кв. 27

¹ Речь идет о книге статей Садовского «Русская камена» (М., «Мусагет», 1910). Исполняя просьбу Блока, Садовской писал: «Очень хотел бы получить от Вас несколько строк с отзывом о «Камене» (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 391, л. 1). Подробный отзыв Блока об этой книге см. в его письме к Садовскому от 6 декабря 1910 г. (VIII, 321—322).

² «Позднее утро. Стихотворения. 1904—1908». (М., 1909) — первый печатный сборник стихотворений Садовского.

2

«Петербург». 23 января (1912 г.)

Дорогой Борис Александрович, к сожалению, я болен, лежу в постели и не могу видеть никого. Если поправлюсь, извещу Вас сейчас же. Крепко жму Вашу руку.

23 янв<аря>.

Ваш Ал. Блок

Открытка. На об. почт. шт.: Петербург. 23.I.1912.

3

«Петербург». 22 IV 1912

Дорогой Борис Александрович.

Давно бы Вам написал, но Вы все то уезжали, то приезжали, и я не знал адреса. Приходите, пожалуйста, лучше всего к обеду (6 час<ов>) в любой день (кроме понедельника завтра), тогда наверно застанете ¹.

Сердечно Ваш Ал. Блок

¹ «Обедал и весь вечер провел у меня Б. А. Садовской», — записал Блок в дневнике 25 апреля 1912 г. (VII, 141).

4

«Петербург». 3/V 1912

Дорогой Борис Александрович,

постараюсь все исполнить и прийти в редакцию в среду. Стихи, во всяком случае, принесу. Заметка о Стриндберге, если удастся, будет небольшая ¹.

Ваш Ал. Блок

¹ Блок отвечает на письмо Садовского, в то время заведующего литературным отделом журнала «Современник», от 2 мая 1912 г. «У меня к Вам большая просьба, — пишет Садовской. — Не напишете ли для майской книжки «Современника» заметку о Стриндберге? Сроку неделя, т. е. к 10-му мая <...> Было бы еще лучше, если бы в среду, 9-го, от 4-х до 5-ти пожаловали бы Вы в редакцию и сами принесли заметку. Не отказывайтесь же, Александр Александрович. Дайте мне и стихов; вот «Мертвеца» дайте, если не жалко. Во всяком случае, надеюсь в среду видеть Вас в редакции. . .» (там же, л. 9—10). Блок исполнил просьбу Садовского. Редакцию журнала он посетил в четверг, 10 мая 1912 г. (см. об этом запись в дневниках — VII, 143). В майском номере журнала «Современник» (№ 5) была напечатана статья Блока «Памяти Августа Стриндберга». Стихотворение Блока «Как тяжело мертвецу среди людей. . .» было напечатано в № 11 журнала за 1912 г.

5

«Петербург». 15 июня (1912 г.)

Дорогой Борис Александрович.

Сейчас звонил в «Современник» в надежде с Вами поговорить. Хотите зайти в понедельник около 6-ти, — мы пообедаем вместе и поговорим. Только предупредите с утра по телефону через швейцара, просто «да» или «нет».

Ваш Ал. Блок

6

«Петербург». 17 июня (1912 г.)

Дорогой Борис Александрович,

очень я измучился за эти дни и куда-нибудь уеду завтра, так что свидание наше не состоится. Простите, но так устал, что рта разжать не в силах.

Не думайте, что я на Вас сержусь, просто, кажется, компания наша в той поездке была какая-то неслаженная, и все мы были дикие и злые¹. А. М. Кожебаткин² мне говорил про Вас, очень Вам сочувствую и очень желаю, чтобы это оказалось мнительностью, а если нет, то чтобы скорей прошло³.

Ну, всего доброго, поправляйтесь.

Ваш Ал. Блок

¹ Речь идет о поездке в Териоки 9 июня 1912 г., где в летнем театре давала спектакли труппа актеров под руководством В. Э. Мейерхольда. В состав труппы входила и Л. Д. Блок. На следующий день в письме к матери Блок писал: «Ехали вместе с Пястом, Сапуновым, Садовским и еще одним, которого ты не знаешь, знакомый Ремизова. Самого Ремизова, к несчастью, не было <...> Театр, хотя и небольшой, был почти полный, и хлопал много. Мне ничего не понравилось <...> Впечатление у меня было неприятное...» (VIII, 392).

² Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942) — литератор, в 1912 г. — секретарь редакции издательства «Мусагет».

³ В. А. Садовской страдал припадками неврастения, кроме того, уже в это время стали ощущаться те признаки заболевания центральной нервной системы, которые впоследствии развились в паралич.

7

«Петербург». 5 VIII 1912

Дорогой Борис Александрович:

Поздно уж отвечать на Ваше письмо, которое меня заволновало и тронуло¹. Я не знал, куда писать, а кроме того, жары и переезд на новую квартиру совсем опустошили меня. Еду в деревню, до свиданья, до зимы — не так ли? Поправляйтесь, милый!

Ваш Ал. Блок

Вот новый адрес мой: Офицерская 57, кв. 21.

¹ Имеется в виду письмо Садовского от 19 июня 1912 г., о котором Блок записал в дневнике: «... нежное, нежное письмо бедного В. А. Садовского, уезжающего лечиться на Кавказ» (VII, 152). В своем письме Садовский писал: «Мне все-таки не хочется уезжать, не сказав Вам несколько слов на бумаге. В моей жизни наступает некий перелом; в нем Ваша поэзия, а также статья 1910 г. в «Аполлоне» имели большое значение <...>... признаюсь Вам откровенно: за мое короткое пребывание в высоколиберальном «Современнике», в самой гуще «борцов и стражей» свободы, я не мог не поправить в самом определенном смысле <...> В общем же чувствую себя занесшим ногу на какой-то невидимый и неизвестный берег. И в эти трудные и мужественные минуты меня неудержимо тянуло к Вам» (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 391, л. 11—12).

8

«Петербург». 12 ноября (1912 г.)

Дорогой Борис Александрович.

Не придете ли ко мне завтра 13-ого часа в 4? В 6 часов дам Вам обедать, а вечером надо будет уйти. Приходите, пожалуйста¹.

Ваш Ал. Блок

Сейчас (утром) звонил, но было занято.

¹ Блок записал в дневнике 13 ноября 1912 г.: «С 4-х часов обедает, до 10-го — Борис Александрович Садовской, значительный, четкий, странный и несчастный...» (VII, 178—179).

9

«Петербург». 18 XI 1912

Дорогой Борис Александрович,

о книге и заметке еще подумаю, не довольно вникнул¹. А главное, уж очень занят сейчас. — Приезжайте Вы опять сюда, может быть, дел наделаем! Горячо присоединяюсь к зову Алексея Михайловича².

Ваш Ал. Блок

Б. А. САДОВСКОЙ

Фотография, 1915 г.

Литературный музей, Москва

¹ Перед отъездом в Москву в письме от 15 ноября 1912 г. Садовской просил Блока написать заметку о его новом сборнике стихотворений «Пятьдесят лебедей» для журнала «Северный ежемесечник». Заметка эта не была написана.

² Ремизова, который писал Садовскому в этот же день: «Послушайте меня, приезжайте в Петербург на этой неделе и берите заведывание литературным отделом газеты» (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 113, л. 6).

10

«Петербург». 27 XII. 1912 г.)

Дорогой Борис Александрович.

Простите, не могу написать, если бы даже был дома, не мог бы ¹.

Сегодня пробовал звонить в редакцию, никто не ответил. Хотел спросить о сегодняшнем собрании у Вас или у Преснякова ².

Ваш Ал. Блок

¹ Ответ на просьбу Садовского — заведующего литературным отделом редакции новой газеты «Русская молва» (куда Садовской был рекомендован Блоком и Ремизовым) — «написать что-нибудь о Некрасове» в связи с 35-летней годовщиной со дня смерти поэта (письмо Садовского Блоку от 27 декабря 1912 г. — ф. 55, оп. 1, ед. хр. 391, л. 15).

² Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929) — историк, приват-доцент Петербургского университета, сотрудничал в газете «Русская молва».

11

«Петербург». 29 янв (аря) 1913

Дорогой Борис Александрович.

Вот Вам для «Галатей» стихи, на которые Вяч. Иванов ответил мне посвящением «Нежной Тайны»¹. Мне кажется, раз он напечатал свой ответ, я могу напечатать и свое послание.

Надеюсь увидится с Вами до Вашего отъезда, жму Вашу руку.

Ваш Ал. Блок

¹ Речь идет о стихотворении «Вячеславу Иванову» («Был скрипок вой в разгаре бала. . .»). Подробнее о стихотворении и о посвящении Блоку сборника В. И. Иванова «Нежная тайна» (СПб., 1912) см. III, 549—550.

«Галатея» — литературный журнал, издание которого предполагалось осуществить в Петербурге весной 1913 г. Инициатором создания этого журнала и его редактором был Садовской. Журнал не вышел в свет из-за недоразумений между Садовским и другими членами редакции (А. А. Конге и др.).

12

«Петербург». 30 января 1914

Дорогой Борис Александрович,

спасибо, портрет хороший; только на нем Вы печальный и больной; смотря на него, я почувствовал к Вам нежность.

Жду сборника стихов, а вторую книгу «Сирина» устрою Вам при свидании ¹.

Ваш Ал. Блок

¹ В письме от 27 января 1914 г. Садовской писал Блоку: «Скоро пошлю Вам сборник моих стихов и очень буду ждать Вашего мнения на его счет. Нельзя ли мне получить gratis * 2-ю кн. «Сирина»? 1-ю мне дал А. М. Ремизов» (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 391, л. 20—21). По поводу этого письма Блок пометил в записных книжках: «Письмо от Садовского с его хорошим портретом» (ЗК, 204).

13

«Петроград». 14 марта 1915

Спасибо Вам, дорогой Борис Александрович. Я проглядываю «Озимь» ¹. Может быть, еще многое придется сызнова переоценивать Вам самому. Вероятно, для окончательных оценок еще не настало время; но то, что Вы пишете о деревне русской, останется незабытым.

Жму руку Вашу. Ал. Блок

¹ Сборник статей Б. А. Садовского (Борис Садовской. Озимь. Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы. Пг., 1915).

14

«Петроград». 22 ноября 1915

Дорогой Борис Александрович.

Спасибо Вам за подарок. Предчувствую, как приятно будет читать «Полдень». И разрезать уже приятно — красивая книга ¹.

Княжнин говорил, что Вы хотите писать о «Стихотворениях Аполлона Григорьева» ². Я Вам пришлю книгу, когда получу. Грузы из Ярославля идут кружным путем — через Вологду, и книги до сих пор нет здесь в продаже, а у меня — единственный экземпляр, с которым не могу расстаться.

Жму Вашу руку. Ваш душевно Ал. Блок

¹ Новый сборник стихов Садовского «Полдень. Собрание стихов. 1905—1914». Пг., «Лукоморье», 1915. Обложка оформлена художником Д. И. Митрохиным.

² Сб. «Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок». Изд-во К. Ф. Некрасова. М., 1916.

15

«Петроград». 9 IV 1921

Дорогой Борис Александрович.

Постараюсь сделать все, что могу; думаю, что может быть действительно моего личного письма к Луначарскому будет обращение к нему от Союза писателей, о котором я на днях поговорю в союзе. Если это не выйдет, напишу и лично ¹.

* даром (лат.).

Только, по моему впечатлению, из этого не выйдет толку: во-первых, двух или трех человек могут не выпустить (вероятно, не в Луначарском деле, который едва ли будет против < . . . >). Во-вторых, лечат ли сухотку за границей? В-третьих, как Вы проживете там? Русским там плохо.

Во всяком случае, я только лично возражаю, а думать и делать, что могу, буду. Но Вы наведите справки о здешних докторах — в России, говорят, еще сохранились талантливые операторы. Есть также сохранившийся санаторий около Москвы.

Ну, всего Вам лучшего, жить теперь всюду трудно, и мне тоже не сладко, просто задыхаюсь иногда.

Ваш Ал. Блок

¹ Тяжелобольной Садовской обратился к Блоку с просьбой просить Луначарского о командировке его и сопровождающих его лиц за границу, главным образом для лечения (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 391, л. 22). На конверте от письма Садовского Блок пометил: «Так я и не написал Луначарскому. Убедил написать от Союза писателей» (там же, л. 23). Поездка Садовского за границу не состоялась.

ПИСЬМА ВАЛЕНТИНА КРИВИЧА К БЛОКУ

Предисловие, публикация и комментарии Р. Д. Тименчика

Валентин Иннокентьевич Анненский-Кривич (1880—1936) — сын И. Ф. Анненского — вошел в историю русской литературы не столько как поэт¹, сколько как автор воспоминаний о своем отце². Мемуары эти остались недописанными, и хотя имя Блока фигурировало в проспекте задуманной книги³, соответствующий раздел в архиве Кривича не обнаружен. Блок был знаком с Кривичем с середины 1900-х годов. Они встречались на вечерах у А. А. Кондратьева⁴, а в 1909—1911 гг. — на заседаниях Общества ревнителей художественного слова⁵. Близкого общения между ними не было, и судя по отсутствию автографа Блока в «Литературной тетради» Кривича, где представлены многие поэты начала века⁶, в сравнительно интимной обстановке им не приходилось сталкиваться (Кривич почти не был вхож в символистские кружки, предпочитая им «Ветера Случевского», которые, в свою очередь, игнорировались Блоком). Одной из последних встреч Блока и Кривича было совместное выступление на вечере Союза деятелей художественной литературы в театре «Гротеск» 24 марта 1919 г. (ЗК, 453)⁷. Стихи Кривича и его критические заметки (иногда подписанные «Вич») Блок знал еще по «Литературным приложениям к газете «Слово»», в которых в первой половине 1906 г. Блок и Кривич сотрудничали одновременно⁸.

Как поэт Кривич испытал несомненное влияние Блока — см., например, его стихотворение «Веселье»⁹. Поэт Борис Олидорт в письме к Кривичу писал: «Примите же мое горячее пожелание: преодолеть все влияния, пройти мимо А. Блока, Ф. Сологуба и др. и сделаться — Кривичем. . .»¹⁰.

Кривичу принадлежит выпуклая характеристика блоковской манеры чтения стихов как нового этапа декламационной традиции:

«Традиция старо-актерской декламации — всегда по строгим линейкам непогрешимого декламаторского транспаранта, с наигранным пафосом, замираниями и частыми «световыми эффектами» давно уже, конечно, отжила свой век; отжила его честно, и — почтим ее вставанием.

Прямой противоположностью ей явилась «белая» читка Блока. Да, именно — «белая». По-особенному прекрасная, по-особенному завораживающая, и только ему, исключительно ему одному, присущая. Я никогда не слышал, чтобы покойный поэт утверждал эту манеру как принцип, как особую школу. Он произносил свои стихи так, как говорил и вообще в жизни: бесстрастно, медленно, — я бы сказал, не совсем свободно, роняя слова. Когда я слушал Блока, мне всегда казалось, что поэт просто раскрывает перед нами одну из прекрасных страниц своих, предоставляя слушателям уже самим — буде им то угодно — творить здесь «декламацию». И вместе с этим каждое мало-мальски чуткое ухо не могло не чувствовать, что в этой как бы намеренной безстрастности глуховатого голоса, не освещавшего и не оттенявшего ни одного слова стихов, таится тончайшие модуляции.

Но — читка Блока и могла быть, повторяю, только у Блока. И была она частью одного прекрасного и гармоничного целого, которое составляла и наружность поэта, и самые стихи, и его незабываемый голос.

Читка же «под Блока» будет, конечно, явной нелепостью»¹¹.

Эта характеристика тем более любопытна, что Кривич с детства привык к другому, противоположному типу произнесения стиха — к манере И. Ф. Анненского, о которой рассказывал М. А. Волошин: «Чтение Иннокентия Федоровича приближалось к типу актерского чтения. Манера чтения была старинная и очень субъективная (говорил Иннокентий Федорович всегда как бы от своего имени); вместе с тем его чтение воспринималось в порядке *игры*, но не в порядке отрешенного чтения, как у Блока. Чтение сохраняло бытовой характер. . .»¹². Описание Кривича интересно и тем, что оно явно сложилось под впечат-

лением высказываний его отца, и в какой-то степени, по-видимому, эти высказывания цитирует. Сам И. Ф. Анненский в статье «О современном лиризме» писал о Блоке: «...голось кокетливо, намеренно бесстрастный, белый, таит, конечно, самые нежные и самые чуткие модуляции»¹³.

Первое письмо Кривича к Блоку — документ, характерный для исполнявшейся Блоком в течение пятнадцати лет роли поэтического арбитра. Эпизодические обращения к Блоку с просьбой дать авторитетную оценку тех или иных стихов прослеживаются уже в 1906 г. — так, Е. Я. Архипов в письме от 26 октября 1906 г. спрашивал о посланной вместе с письмом книге Андрея Звенигородского «Delirium tremens»: «Как смотрите Вы? Каков укажете место? Под какое влияние поставите эти стихи?»¹⁴ С весны 1907 г. Блок, по ощущению современников, стал «модным»¹⁵, и с этого времени к нему все чаще обращаются как к «эксперту» — так, по просьбе Т. Н. Гиппиус, он разбирает «записки» Дмитриева (VIII, 182—183). 28 сентября 1907 г. он пишет матери: «Ходят ко мне поэты за советами. . .» (VIII, 210). 27 ноября того же года: «. . .ко мне приходят, помимо приглашателей на концерты, от которых я стал отказываться, — начинающие писатели. Я им даю советы, чувствую, что здоровые и полезные, они рассказывают о публике, о провинции: люди иногда простые, всегда — бездарные» (VIII, 218)¹⁶. Судя по письмам к Блоку в его архиве, число подобных обращений особенно возросло в 1909 г.¹⁷, — к этому в ремени в России вообще увеличилось количество стихотворцев, и Блок писал в конце 1908 г.: «Стихи можно отныне мерить фунтами и пудами» (V, 646). Отчасти этот приток писем начинающих поэтов объясняется и тем, что Блок стал выступать со статьями на литературные темы в такой распространенной газете, как «Речь»¹⁸. Проблемы, стоявшие перед большинством молодых поэтов в тот период, наиболее отчетливо сформулированы в письме одного из них — А. А. Масаинова¹⁹. «Можно быть и тем, и другим, — говорят мне, — и на досуге заниматься поэзией, я же этого признать и совместить никак не могу. Тут я держусь брандовского девиза — или все, или ничего, и хочу «вытравить» из души все призвания и «галакты», кроме одного, чтобы в конце концов не сделаться жалким дилетантом»²⁰. Вынося суждение, Блок соотносил его с биографией начинающего автора. 30 марта 1909 г. рижанин Н. Т. Власов, человек из демократической среды, писал Блоку: «Ко многим литераторам я обратился за советом, но мне все отказывали, всем некогда, и только Вы один не отказали мне и дали оценку моим стихам. Но оценка эта нерешительная, как Вы и сами говорите, т. к. Вам ничего неизвестно из моей жизни»²¹. Но известны и вполне решительные оценки Блока. 4 марта 1909 г. М. Муравская-Уманская из Одессы прислала Блоку на отзыв семь стихотворений. Из второго ее письма от 8 апреля 1909 г. явствует, что Блок посоветовал воздержаться от публикаций (стихи М. Муравской-Уманской печатались в одесских газетах)²². 18 марта 1909 г. Блок, по-видимому, ответил Л. И. Семилуцкой на просьбу дать отзыв о стихах, — на ее письме в этот день он пометил: «Не относятся к искусству»²³. В 1909 г. посылали свои стихи на отзыв Блоку Б. В. Нейман (впоследствии видный советский литературовед)²⁴, Николай Агнiewicz²⁵, ставший впоследствии профессиональным поэтом, и другие²⁶.

Блок разбирал и оценивал сочинения начинающих, «как и все, что он делал, вдумчиво, честно и поэтично»²⁷. Кривичу он ответил 2 апреля 1910 г.: «Конечно, Вы правы. Не в том беда, что она не владеет размерами, рифмами, цезурой, а иногда и русским языком, а в том, — что ее чистая, девическая душа похожа на десятки других. Ее роль в жизни, а не в поэзии, пусть вдохновляет нас, нам слишком нужна чистота» (VIII, 305—306). То, что Блок перевел разговор с «поэзии» на «жизнь», — очень характерно для его настроений весны 1910 г. Через десять дней после письма Кривичу он писал А. Д. Скалдину по поводу присланных последним стихотворений: «Не требуйте от меня критики, сопровождаемой оценками и видами на будущее, в этом я сейчас просто не судья»²⁸. Однако такое уклонение от «словесности» при оценке молодых авторов встречается у Блока и в другие периоды его жизни. Например, 3 ноября 1913 г. он писал В. Н. Княжину о стихах Савицкого: «Вы пропустили еще несколько плохих рифм и ударение («рв́алась»). Вообще же, по-моему, обратили слишком много внимания. Все, что можно сказать, — что душа чистая, но, должно быть, лет ей немного, что-нибудь вроде 17-ти; говорит о своих годах об утрате надежды. Лучше бы писал, да и писал, не показывая никому, кроме своей матери, если есть она»²⁹. Сравн. отзыв, написанный Блоком в бытность его членом приемной комиссии Союза поэтов в 1920 г.: «Стихи Ш-р. — для домашнего обихода, совсем дилетантские,

неумелые, слов много, а настоящего — ни одного. Такие же и переводы. Все это мило и чисто, но страшно безвкусно; ей надо быть хорошей девушкой, а поэта из нее не выйдет»³⁰. Суровая доброта этих отзывов заставляет вспомнить слова М. М. Пришвина о Блоке: «Вот кто единственный отвечал всем без лукавства и, по правде, вот был истинный рыцарь»³¹.

Второе из публикуемых писем Кривича связано с предысторией взаимоотношений Анненского и Блока — в частности с тем, что Блок когда-то рецензировал первую книгу стихов Анненского «Тихие песни», не зная еще, кто скрывается за псевдонимом «Ник. Т-о».

Рецензия Блока на «Тихие песни» была напечатана в «Понедельнике газеты «Слово» 6 марта 1906 г., но написана значительно ранее — для журнала «Вопросы жизни». В редакцию этого журнала книга была прислана для отзыва, и, видимо, заведовавший критическим отделом Г. Чулков, которого книга поразила «глубокой меланхолией и благородной сдержанностью стиля и тона»³², предложил Блоку ее рецензировать. 19 июля 1905 г. Блок писал Чулкову: «Ужасно мне понравились «Тихие песни» Ник. Т-о. В рецензии старался быть как можно суше; но, мне кажется, это настоящий поэт, и новизна многого меня поразила» (VIII, 132). Но в «Вопросах жизни» рецензия не была напечатана³³. После прекращения издания журнала, вместе с рядом других рецензий отзыв о книге Анненского был возвращен Блоку, который передал его П. П. Перцову в литературное приложение к газете «Слово». Для «Слова» Блок также собирался писать рецензию и на «Книгу ограждений» Анненского³⁴.

Отзыв на «Тихие песни» Блок впоследствии ставил себе в заслугу, когда С. Городецкий обвинил символистов в том, что не они увенчали Анненского³⁵. Еще более близок стал Анненский Блоку после «Кипарисового ларца», о чем и писал Блок Кривичу в ответном письме 13 апреля 1910 г. (VIII, 309). Рецензию в газету Блок писать отказался, стараясь вообще в эту весну «отойти от статей, хотя бы временно»³⁶, но «невероятная близость переживаний» с поэзией Анненского впоследствии давала себя знать в прямых цитатах из его стихов³⁷. Подробный анализ взаимоотношений поэтических систем Анненского и Блока проделан П. П. Грозовым³⁸.

Письма Блока к Анненскому (VIII, 151—152, 163), как отмечает М. Дикман, проникнуты «чувством большой душевной близости и глубоким уважением» (VIII, 547); однако, конечно, литературные взаимоотношения двух великих поэтов не были безоблачными. «Капризная» по стилистическому заданию статья Анненского «О современном лиризме», где сравнительно много места было уделено анализу поэзии Блока (эта часть статьи напечатана в ноябрьском номере «Аполлона» за 1909 г.), вызвала раздражение последнего. 23 ноября 1909 г., за неделю до смерти Анненского, Блок писал матери: «Анненский на этот раз действительно «ельно» до противности вульгарен» («Письма к родным», I, с. 289). Как видим, первоначально отрицательная оценка статьи исходила от А. А. Кублицкой-Пиоттук; еще ранее, после публикации первой части статьи, Блок в письме к матери от 28 октября 1909 г. разъяснял: «Анненский — царскосельский» («Письма к родным», I, с. 279).

Анненский в этой статье писал о Блоке уважительно и сочувственно, называл его «первым свободным лириком», но вообще к поэзии Блока он предьявлял и упреки, которые можно было усмотреть и сквозь «размытую», «импрессионистическую» форму его критической прозы и которые четче были выражены в его четверостишии к портрету Блока:

Стихи его горят — на солнце георгина,

Горят, но холодом невыстраданных слез³⁹.

В черновиках статьи Анненского была еще более рискованно-двусмысленная формула: «Эмблема блоковской поэзии — прекрасный павлин, когда он распустил свой великолепный павлиний хвост»⁴⁰. Современный исследователь пишет об этой статье: «Только об одном поэте — о Блоке — Анненский высказался с безоговорочным восхищением, взяв под защиту от обывательской критики некоторые остро непривычные, эксцентрические по своему времени образы «Незнакомки»⁴¹. Снятие фразы о «прекрасном павлине» в окончательной редакции текста подтверждает бережное отношение Анненского к Блоку, но о «безоговорочном восхищении» говорить не приходится — критик не случайно назвал Блока «лукавым»⁴², и соответственно «лукавством» окрашена и его характеристика. Отсюда и неприязненная реакция Блока. Что же касается полемики с обывательской критикой, то для Анненского эта проблема стояла особенно остро — его царскосельское окру-

жение относилось с равной враждебностью и к стихам Блока, и к его собственной лирике. А. Ахматова свидетельствовала в одной из заметок 1960-х годов: «О таком огромном, сложном и важном явлении конца 19 и начала 20 века, как символизм, царскоцарские знали только «О закрой свои бледные ноги и «Будем, как солнце». При мне почтенные царскоцарские издавались над стихами Блока:

Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Их рупором был нововременный Буренин»⁴³.

Впервые Анненский и Блок встретились, по-видимому, у А. А. Кондратьева 30 сентября 1906 г., но еще ранее, по выходе рецензии Блока на «Тихие песни», Анненский в тот же день, 6 марта 1906 г. послал Блоку две свои трагедии — «Царь Иксион» с надписью: «А. А. Блоку в знак уважения и преданности автор (Ник. Т-о)», и «Меланиппа-философ» с надписью: «А. А. Блоку с искренним уважением автор этой книги и «Тихих песен» (VIII, 577). Блок отвечал письмом от 12 марта 1906 г., в котором, процитировав несколько стихотворений Анненского, заключал: «Это» навсегда в памяти. Часть души осталась в этом» (VIII, 152). Весной 1906 г. Блок имел возможность прочесть несколько новых стихотворений Анненского в приложениях к газете «Слово», в которых он сам активно сотрудничал⁴⁴. Вероятно, в какой-то связи со встречей у А. А. Кондратьева Анненский послал 6 октября 1906 г. оттиск своей трагедии «Лаодамия» с надписью «Александру Александровичу Блоку его поклонник» (VIII, 579). Блок поблагодарил письмом от 9 октября (VIII, 163). Из письма Анненского Блоку явствует, что он присутствовал при чтении Блоком «Снежной маски» ранней весной 1907 г.:

18. IV. 1907

Дорогой Александр Александрович,

«Снежную маску» прочитал и еще раз прочитал⁴⁵. Есть чудные строки, строфы и пьесы. Иных еще не разгадал и разгадаю ли, т. е. смогу ли понять возможность пережить? Некоторые ритмичности от меня ускользают. Пробую читать, вспоминая Ваше чтение, — и опускаю книгу на колени. . .

«Влюбленность»⁴⁶ — адски трудна, а
зеленый зайчик

В догоревшем хрустале⁴⁷ —

чудный символ рассветного утомления.

Благодарю Вас, дорогой поэт.

Ващ. И. Анненский

Посылаю письмо это поздно, затерял Ваш адрес.

И. Анненский⁴⁸

В последующие два года Анненский, избегавший общения с литературной средой, по-видимому, не встречался с Блоком. Вероятно, впрочем, что он присутствовал на докладах Блока в Литературном обществе и Религиозно-философском обществе в конце 1908 г. — отрицательная оценка этих выступлений Блока зафиксирована в письме Анненского к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 г.⁴⁹

Весной 1909 г. в жизни Анненского наступил перелом, связанный с его ближайшим участием в издании журнала «Аполлон», и он завязал знакомство с рядом поэтов-современников и стал участвовать в литературных мероприятиях. К осени 1909 г. относятся и несколько его встреч с Блоком. Помимо заседаний Общества ревнителей художественного слова⁵⁰, сеанса позирования А. Головину для группового портрета сотрудников «Аполлона»⁵¹, они встретились на обеде в честь С. Маковского, издателя «Аполлона» (первый номер которого вышел накануне), где Анненский произнес речь о «новой интеллигенции», собравшейся под сенью «Аполлона», соединяющей в себе культурный традиционализм с прогрессивностью⁵². Об этом собрании Блок писал матери 28 октября 1909 г.: «говорили хорошие речи и хорошие стихи» («Письма к родным», I, с. 278). В этот же день сделана надпись на «Второй книге отражений»: «А. А. Блоку несравненному И. Анненский. 25 окт. ября» 1909. Царское Село» (ИРЛИ). С. В. фон Штейн вспоминал еще об одной, и по-видимому, самой значительной встрече:

«Ранняя осень 1909 года⁵⁴. Мы сидим у моего близкого родственника И. Ф. Анненского на балконе его царскосельской дачи, в одной из уединенных улиц тихой Софии⁵⁴ < . . . > Сажу в углу дивана, слушаю оживленную беседу Анненского с Блоком и не предчувствую, что через три месяца, всего через три коротких месяца, жилищем вдохновенного Иннокентия Федоровича станет поэтическое царскосельское кладбище. В эти минуты внимание мое приковано к Блоку — и он открывается мне с новой стороны. Здесь, в присутствии яркой индивидуальности и мощной, неизбытой творческой силы Анненского, Блок не ступевывается, остается по-прежнему самим собой. Он внимателен к творческим замыслам своего собеседника, с интересом расспрашивает о его лекциях по античной литературе, читаемых на Высших женских курсах, но какой-то ледок замкнутости окружает его. Что это? Боязнь чужого влияния или стремление сохранить чувство собственного литературного достоинства перед восходящим литературным светилом? Кажется, ни то, ни другое, а третье: «самость», глубокая духовная законченность, но исполненная в эту минуту особенно четкой, мертвенной холодности, выступающей на ярком фоне другого, столь отличного внутреннего мира. Почувствовал это, видимо, и сам Анненский. Проводив Блока, он, вернувшись к нам, сказал: «Знаете, некоторые называют его — «красивый мертвец». А потом прибавил: «Может быть, это и правда». И глубоко задумался»⁵⁵. В день смерти Анненского Блок выехал в Варшаву, откуда 9 декабря писал жене: «Смерть Анненского, о которой я узнал только из твоего письма, очень поразила меня. На нем она не была написана — или я не узнал ее. Только что у Дризена он произнес большую и, как всегда, блестящую речь о театре, бодро и громко, как всегда⁵⁶. У него была готова публичная лекция⁵⁷ и две книги стихов⁵⁸» (VIII, 299).

В 1910-е годы Блоку по разным поводам приходилось сталкиваться с образом Анненского. Часто это было связано со стихами и письмами молодых, среди которых начало появляться все больше продолжателей и поклонников покойного поэта. Один из них, киевский поэт и филолог В. М. Отроковский, участник семинария акад. В. Н. Перетца, в котором сформировался как бы кружок поклонников Анненского (назовем Б. А. Ларина и С. А. Бугославского), посетил Блока 4 марта 1913 г. (VII, 227), и, весьма вероятно, вел с ним речь и об Анненском. В апреле того же года он прислал Блоку несколько стихотворений (в бумагах Блока сохранилось только одно из них), о которых Блок писал: «Вижу в Ваших стихах немало от Анненского, кое-что от А. Белого и от меня, пожалуй» (VIII, 417). Поэтическую программу молодого поэта Блок раскрыл точно, — в ответном письме Отроковский писал: «Вы в главном правы и справедливы; *може*т < б*ы*ть>, ошибаетесь относительно впечатлений от А. Белого»⁵⁹. И в предисловии к посмертной подборке стихов Отроковского говорилось (возможно, с его слов) о его ориентации именно на Анненского и Блока⁶⁰. Имена Блока и Анненского часто соединяли и другие поэты этого поколения. Так, Э. Геллербах писал Блоку 15 сентября 1920 г.: «Осенью со мной только стихи Блока и Анненского:

Со мною только томик Блока
И «Кипарисовый ларец».
Все остальное так далеко,
Так безразлично, наконец. . .»⁶¹

Тему личности Анненского затронул в письме к Блоку от 21 ноября 1912 г. его многолетний собеседник В. Н. Княжнин (в дневнике Блок отметил по поводу этого письма: «Очень он честный» — VII, 182). Княжнин отвечал на письмо Блока от 9 ноября 1912 г., где говорилось, что «надо умяляться» и что надо бороться с «шестидесятнической» кровью» в себе (VIII, 406). Разъясняя свою позицию, Княжнин писал: «. . . я пойму человека, который «умалится», войдет в сношения с врагами, будет работать у них (не для предательства), будет дружен даже с ними, он все же будет *большим* человеком. < . . . > Примером первого, настоящего, человека служит для меня образ (не сам он, самого его я мало слишком знал, хотя чувствую — это была прекрасная душа) Иннокентия Федоровича Анненского. Его непоколебимость, его ученость, его любовь и к родине и к литературе. Он не брезговал служить инспектором округа и директором гимназии и писать рецензии на разные дурацкие учебные книжки, и в то же время быть декадентом»⁶². Можно предположить, что именно этими чертами облик Анненского мог быть близок Блоку в ту пору, когда ему самому пришлось решать проблему совмещения служебной деятельности с «бесприютным делом» художника.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. Кривич печатался с 1902 г. Его стихи 1900-х годов составили сборник «Цветотравы» (М., 1912). И. Анненский писал о них в статье «О современном лиризме». Стихи Кривича 1910-х годов, рассеянные в периодике, должны были образовать книгу «Старые стены, в свет не вышедшую. В 1920-е годы он изредка выступал в печати с новыми стихами, например, в «Записках Передвижного театра» (1923, № 55, 58, 63).

² Валентин Кривич. Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам. — «Лит. мысль», № 3. Л., 1925, с. 208—255.

³ См. например, письмо В. Кривича Е. Я. Архиппову от 23 октября 1929 г. (ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 55).

⁴ См. в наст. кн. дневник М. А. Кузмина за 2 апреля 1907 г.

⁵ См. повестки на эти заседания, присылавшиеся Кривичу (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 6).

⁶ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 111.

⁷ На вечере, кроме Блока и Кривича, выступали Г. Иванов, Д. Цензор, Вс. Рождественский, Гумилев и др. См. отчет о вечере — «Жизнь искусства», 1919, № 105, 27 марта.

⁸ Их публикации соседствовали в № 3, 6, 7, 9, 18 (20 февраля, 13 и 20 марта, 2 апреля, 26 июня 1906 г.). Ранее их стихи публиковались рядом еще в «Литературно-художественном сборнике» (СПб., 1903).

⁹ В. Кривич. Цветотравы. М., 1912, с. 73—74. Ср. эпиграф из Блока «О, исторгни ржавую душу. . .» к стихотворению «Мне даны слова и правила. . .» (там же, с. 75).

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 90, л. 3.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 47, л. 7.

¹² Рассказ М. А. Волошина об И. Ф. Анненском, записанный 27 марта 1924 г. Д. С. Усовым и Л. В. Горнунгом (сообщено Л. В. Горнунгом).

¹³ Иннокентий Анненский. Книги отражений. М., 1979, с. 361.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 24, л. 2 об. Ответ Блока Е. Я. Архиппову. — «Знамя», 1964, № 1, с. 196—197.

¹⁵ В. Пяст. Встречи. М., 1929, с. 126.

¹⁶ Иногда стихи были только поводом для беседы с Блоком. «Я, бедный, неведомый поэт, поклонник Ваших творений, Вашей Снежной Маски, такой же паук, склонившийся перед своей Прекрасной Дамой, — я очень прошу не отказать мне познакомиться с Вами. Мне только хочется увидеть, поговорить с Вами, многоважаемый Александр Александрович! < . . . » Если хотите, могу принести стихи, — но я их не ценю — разве они нужны для того, чтоб Вы скорей узнали, с кем имеете дело, — писал Блоку К. Э. Гриневич (впоследствии — искусствовед) (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 229, л. 1—1 об.).

¹⁷ В июле 1908 г. Блок по просьбе знакомой ему Надежды Бернштейн (Брио) дал отзыв о ее пьесе «Цветы города» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 156). Об обращении А. И. Белецкого к Блоку см. наст. кн., с. 385.

¹⁸ Ср. в письме А. А. Масаинова, относящемся, по-видимому, к 1910 г. и сопровождающем присылку альманаха «Ручьи» (СПб., 1910): «Очень были бы благодарны, если бы упомянули о дарованиях моих других товарищей по сборнику, т. к. не надеемся, что дадите отзыв в печати, что, конечно, было бы верхом нашего блаженства» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 324, лл. 2—2 об.).

¹⁹ Впоследствии А. А. Масаинов выступал со стихами в эгофутуристских альманахах, объединившись с И. Северяниным, и сотрудничал как журналист в «Речи» и других изданиях. Издал ряд книг в эмиграции в 1920-х годах.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 324, л. 1.

²¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 198, л. 1.

²² Одесская корреспондентка сообщила о себе, что ранее она писала «одному из наших известных поэтов», но тот не ответил, что ей 19 лет, стихи пишет с 15-ти, что два года назад узнала о существовании символической поэзии и стала читать Брюсова, Бальмонта, Блока. Стихи, посланные ею, однако, ориентированы на досимволистскую литературную продукцию — ср. характерные заглавия и зачины: «Ослепленные грезы» («Челнок моих грез был печальным и утлым. . .»), «Набежали // Беспощадные волны желаний страстных. . .» и т. п. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 343).

²³ Письмо Л. И. Семилуцкой Блоку — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 398; «День поэзии 1972», М., 1972, с. 273.

²⁴ Письмо Б. В. Неймана Блоку совпадало с его дебютом в печати как поэта — в киевском альманахе «Голубые дали». К Блоку он обращался как к «дорогому учителю» и признавался: «Я только плохое зеркало, отражающее Вас». Блок ответил ему 24 июня 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 51, л. 1). Блок писал в связи с обращением Б. В. Неймана матери: «Здесь — груды книг и писем — все, как полагается: и две барышни, объясняющиеся в любви, и начинающий поэт, и прочее» (22 июня 1909 г. — «Письма к родным», I, с. 273).

²⁵ Письмо Диодора Смирнова Блоку от 14 января 1909 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 64).

²⁶ К 1909 г. относится записка К. Козловского, пославшего Блоку свою рукопись и испрашивавшего мнения Блока «в самых общих чертах» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 156). В 1909 г. Блок также писал Бенедикту Лившицу (письмо не разыскано — Александр

Блок. Переписка». Аннотированный каталог, вып. 1. М., 1975, с. 478). Обращение Б. К. Лившица к Блоку было, по-видимому, связано с его первым выступлением в печати (цикл стихов в «Антологии современной поэзии», вышедшей в Киеве в 1909 г.). В автобиографии 1931 г. Б. К. Лившиц вспоминал: «За исключением двух-трех стихотворений Блока, вошедших впоследствии в «Нечаянную радость», мне ничего не нравилось из того, что писали тогда о современности наши поэты» (ЦГАЛИ, ф. 341, оп. 2, ед. хр. 3, л. 3). Критика часто отмечала влияние Блока на поэзию Б. Лившица (см., например: Ан. Ч е б о т а р е в с к а я. Зеленый бум. «Небокопы», СПб., 1913, с. 8).

²⁷ М. Кузмин. Театр актера. «Театр», 1924, № 7, с. 1.

²⁸ «Письма Александра Блока», с. 184.

²⁹ Там же, с. 203. Речь, по-видимому, шла о рукописи, изданной позднее: Дмитрий Савицкий. Песни любви и страданий. Пг., 1915.

³⁰ «Памяти Блока». Изд. 2-е, Пб., 1923, с. 68.

³¹ Михаил Пришвин. Записки о творчестве. — «Контекст-1974». М., 1975, с. 326.

³² Георгий Чулков. Годы страстивий. М., 1930, с. 189. За год до того «Тихие песни» были присланы в «Новый путь» (№ 4, 1904, с. 224), но удостоены отзыва не были.

³³ Ср. письмо Блока к матери от 29 августа 1905 г. («Письма к родным», I, с. 138).

³⁴ П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922, с. 47—49.

³⁵ «И удивительно ли, что символы одного из благороднейших своих деятелей проглядели: Иннокентий Анненский был увенчан не ими» (С. Городецкий. Некоторые течения в современной русской поэзии. «Аполлон», 1913, № 1, с. 47). Блок пометил на полях: «Анненский, еще никому не известный и писавший под псевдонимом «Никто», был отмечен Брюсовым в «Весах» и мной в газете «Слово» в 1906 году» (V, 781).

³⁶ Письмо Блока к одному из редакторов «Речи», М. И. Ганфману, от 9 апреля 1910 г. (ЦГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, ед. хр. 106).

³⁷ Например, в стихотворении «Пусть я и жил, не любя. . .» (III, 224, 576). Вопрос о «цитатах» из Анненского у Блока подробно еще не рассматривался. Здесь укажем только на возможную связь «Конца осенней сказки» Анненского:

Там и сям сочатся грозди
И краснеют. . . точно гвозди
После снятого Христа.

и «Осенней любви» Блока:

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладошь последний гвоздь (II, 263).

³⁸ П. Громов. А. Блок, его предшественники и современники. М.—Л., 1966, с. 218—235.

³⁹ Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Л., 1959, с. 219.

⁴⁰ ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 135, л. 125.

⁴¹ А. В. Федоров. Стиль и композиция критической прозы Иннокентия Анненского. — Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 565.

⁴² Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 348.

⁴³ ГПБ, ф. 1073.

⁴⁴ Их публикации совпали в № 2, 4, 6, 8, 9, 10, 13. Отметим, что к стихам Анненского даже после раскрытия псевдонима сохранилось отношение как к стихам начинающего. Так, 5 апреля 1906 г. Брюсов писал редактору приложений «Слова» П. Перцову: «Ваш Никто и однообразен, да и точностью рифм очень уж брезгает» («Печать и революция», 1926, № 7, с. 115). На этом фоне позиция Блока значительно ближе к оценке стихов Анненского по достоинству.

⁴⁵ См. дарственную надпись Блока Анненскому — наст. том, кн. 3.

⁴⁶ II, 223.

⁴⁷ Из стихотворения «Под масками» (II, 236). Эта символика была близка Анненскому. Ср. в его стихотворении «Тринадцать строк»:

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они. . .

(Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии, с. 162).

⁴⁸ Это письмо публиковалось дважды с неверной датой и неправильным прочтением третьего и последнего предложений («Труды по русской и славянской филологии», вып. 4. Тарту, 1961, с. 306; Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 476). Автограф — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 131.

⁴⁹ Иннокентий Анненский. Книги отражений, с. 485.

⁵⁰ См. воспоминания В. Н. Княжнина в кн.: «Судьба Блока». Л., 1930, с. 139.

⁵¹ 19 ноября 1909 г. См. письмо Блока к матери от этого дня («Письма к родным», I, с. 286).

⁵² С. Маковский. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962, с. 144. На этом обеде присутствовали также Чулков, Сюннерберг, Бакст, Ауслендер, А. Н. Толстой, Вяч. Иванов, Мейерхольд, Кузмин, Н. Евреинов, Л. Велихов, О. Дымов, А. Оссовский, Г. Лукомский, А. Трубников, В. П. Белкин, К. Евсеев, С. Маковский, Е. Зноско-Боровский, Гумилев, И. фон Гюнтер (см. автографы на обороте печатного меню этого обеда — ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 6, л. 63 об.). Двое последних также выступали с речами (Johannes von Guenther. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. München, 1969, S. 283).

⁵³ Блок приехал из Шахматова в Петербург 30 сентября 1909 г. — см. письмо Блока Д. В. Философову от 2 октября 1909 г. (ГПБ, ф. 814, ед. хр. 37, л. 1). Это подвергает датировку С. В. фон Штейна некоторому сомнению.

⁵⁴ София — район Царского Села.

⁵⁵ Сергей Штейн. Воспоминания об Ал. Блоке. — «Последние известия», Ревель, 1921, № 203, 21 августа.

⁵⁶ Об этом выступлении Анненского на первой «среде» 25 ноября 1909 г. у барона Н. В. Дризена вспоминала Л. Гуревич: «Он был оживлен, внимательно слушал и, в качестве председателя, быстро записывал суть того, что говорили ораторы, — потом, рассыпая изысканные комплименты, резюмировал прения» (Л. Г. Памяти И. Ф. Анненского. — «Русская мысль», 1910, № 1, 2 отд., с. 166). Темой этого собрания было — «Литература и театр», с докладами выступали Л. Я. Гуревич и Н. Н. Евреинов (см. приглашительное письмо Н. В. Дризена Блоку от 20 ноября 1909 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 30, л. 4). Судя по беглому конспекту прений, несомненно относящемуся к этому заседанию и сохранившемуся в бумагах Анненского, Блок в обсуждении докладов участия не принял. Выступали: М. Волошин, Е. М. Беспятов, С. Маковский, А. И. Гидони, Ю. Э. Озаровский, В. В. Сладкопеев, К. И. Арабакин (ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 273).

⁵⁷ Лекция «Об эстетическом критерии» должна была состояться 11 декабря 1909 г. в Литературном обществе.

⁵⁸ Перед самой смертью Анненский готовился сдать в печать сборник «Кипарисовый лапидар». О проектах другой стихотворной книги свидетельств не сохранилось.

⁵⁹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 355, л. 3.

⁶⁰ «Голос жизни», Киев, 1918, № 9—10.

⁶¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 220. О любви к Блоку и Анненскому писал Блоку в 1918 г. и художник-передвижник А. Н. Выевжев (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 205).

⁶² ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 274, л. 8.

1

28 марта 1910. Царское Село

Многоуважаемый Александр Александрович,

несколько дней тому назад один знакомый принес мне тетрадь стихов какого-то родственного ему подростка с просьбой сказать свое мнение и, главное, узнать Ваше мнение об этих стихах. Просмотрев тетрадь — я откровенно посоветовал знакомому рекомендовать поэтическому подростку заняться выпиливанием, выжиганием, фотографией — или каким-нибудь спортом — и плотно закрыть чернильницу, сказав при этом, что, может быть, в данном случае достаточно и моей маленькой компетенции и не стоит беспокоить Вас. Но знакомый и подросток во что бы то ни стало хотят знать Ваше мнение о стихах. Мне очень совестно — но покоряюсь и очень прошу Вас пробежать тетрадь, которую одновременно с этим посылаю заказной бандеролью, и черкните (нисколько не стесняясь) мне 2 слова Вашего «беспристрастного» мнения, чтобы я мог сказать его просителю¹.

Тетрадь верните.

Очень и очень буду Вам благодарен.

На днях рассчитываю получить из «Грифа» экземпляры «Кипарисового Ларца» и, конечно, тотчас же направлю Вам экземпляр.

Искренно Ваш Анненский

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 30.

¹ В материалах личного фонда В. Кривича в ЦГАЛИ не сохранилось указаний на имена «знакомых» и «подростка».

2

12 апреля 1910 Царск(ое) Село, Захаржевская 6

Многоуважаемый Александр Александрович.

Заезжал сегодня к Вам — получил от Митюрникова экземпляры «Кипарисового Ларца» и хотел вручить Вам книгу лично¹.

Так жалел, что не застал Вас. Хотелось поговорить и лично передать Вам мою большую просьбу: может быть, дадите о «Ларце» отзыв в «Речи»?² Вы, именно Вы.

Стихи свои отец любил особенной, какой-то болезненной и ревниво-чуткой любовью — «так любит мать и лишь больных детей». . .³ — хотелось бы видеть об этой выношенной, так долгожданной им книге⁴ отзывы писателей, мнения которых его интересовали, над творчеством которых он думал и творчество которых он любил.

«Кипарисовый Ларец» (я смотрю совершенно объективно) со своим прощеским заключением — «Моя тоска»⁵ — книга несомненно интересная, вся «своя» и как-то вся проникнутая трагической судьбой этого яркого, гордого, одинокого и неразгаданного, — сгоревшего в своем огне человека.

Книгу высылаю одновременно с письмом — и, конечно, совершенно независимо от просьбы об отзыве!

«Тихие» песни пришлю непременно, в самом скором времени: не могу найти сейчас тех нескольких чистых книжечек, которые у меня есть⁶.

Крепко жму Вам руку. Искренно Ваш В. Анненский

ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 30. Частично процитировано в примечаниях М. И. Дикман к письму Блока В. Кривичу от 13 апреля 1910 г. (VIII, 602).

¹ Митюрников — владелец книжного магазина в Петербурге. «Кипарисовый ларец» вышел в свет в Москве в издательстве «Гриф» 6 апреля 1910 г. Экземпляр сохранился в библиотеке Блока (ИРЛИ). Дарственная надпись: «Александр Александровичу Блоку от Валентина Кривича на память о его ушедшем отце. IV. 910. СПб.». Заглавие стихотворения «Дальние руки» (с. 74) подчеркнуто в этом экземпляре синим карандашом.

² Рецензию на «Кипарисовый ларец» для «Речи» написал Г. Чулков. — «Речь», 1910, № 126, 10 мая.

³ Неточная цитата из стихотворения И. Анненского «Третий мучительный сонет».

⁴ О пятилетней работе над составлением сборника и попытках его напечатать см.: Р. Тименчик. О составе сборника Иннокентия Анненского «Кипарисовый ларец». — «Вопр. лит.», 1978, № 8, с. 307—308.

⁵ «Моя тоска» — последнее стихотворение Анненского, написанное за 18 дней до его смерти.

⁶ В письме от 2 апреля 1910 г. Блок просил прислать ему экземпляр «Тихих песен» («У меня кто-то стянул» — VIII, 306).

ПИСЬМА БЛОКА К Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН И ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН О БЛОКЕ (1913—1921)

Вступительная статья, публикация и комментарии
Л. К. Кувановой

Адресат писем Блока — Надежда Александровна Нолле-Коган (1888—1966) — переводчица с немецкого и французского языков. Родилась в Москве, в семье врача Александра Николаевича Нолле. Оставив частную практику, А. Н. Нолле служил директором московского воспитательного дома. Надежда Александровна рано потеряла мать. Отец женился вторично, и десятилетнюю девочку поместили на полный пансион в московскую частную гимназию Е. Е. Констан, которую Н. А. Нолле окончила в 1907 г. В гимназии Н. А. Нолле познакомилась с преподавателем русской литературы Петром Семеновичем Коганом, за которого в 1909 г. вышла замуж. Н. А. Нолле слушала лекции в Сорбонне, потом в Петербурге, где П. С. Коган был доцентом романо-германского отделения Петербургского университета. Н. А. Нолле-Коган окончила Бестужевские курсы, тоже по романо-германскому отделению. Она стала помогать мужу, делая переводы для Хрестоматии по западной литературе; ею переведены отрывки из художественной прозы Дидро. В 1910 г. она перевела книгу Фр. Куммора «О смене литературных поколений и литературных кумиров».

В 1913 г. Н. А. Нолле-Коган совершила заграничную поездку по Германии, посетив Берлин, Фрейбург и Марбург, куда приехал и П. С. Коган для работы над диссертацией о Гейне у проф. Эльстера. Потом Н. А. Нолле-Коган путешествовала по Италии, посетив Рим, Милан, Пизу, Флоренцию, Венецию, Неаполь, Капри, Сорренто. Н. А. Нолле-Коган была постоянной сотрудницей журнала «Женское дело».

Впервые Н. А. Нолле-Коган встретила Блока в 1912 г. Весной следующего года она обратилась к нему с письмом, в котором писала о своем чувстве к поэту.

Личное знакомство ее с Блоком произошло 28 ноября 1913 г., после чего их встречи и переписка не прекращались до конца жизни поэта.

Письма Блока Н. А. Нолле-Коган хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 41—46) — 31 письмо и в ЦГАЛИ (ф. 237, оп. 2, ед. хр. 237) — 9 писем и 7 конвертов (без писем).

Все 40 писем Блока, переданные на архивное хранение самой адресаткой, относятся к 1913—1921 гг. Наибольшее число писем Блока к Нолле-Коган падает на последние четыре года: за период с 1918 по 1921 г. сохранилось 36 писем Блока. Переписка не дошла до нас полностью: не сохранилось 7 писем Блока за 1920—1921 гг., о чем свидетельствуют оставшиеся конверты (с почтовыми штемпелями этих лет и лишние почтовых штемпелей). Не достает и писем Н. А. Нолле-Коган Блоку, что видно из содержания его писем.

Период наиболее интенсивной переписки Блока с Н. А. Нолле (1918—1921 гг.) был особенно сложным и напряженным в его жизни. Как известно, благодаря высокому авторитету Блока среди петроградских литераторов и в связи с отказом части интеллигенции от сотрудничества с Советской властью, Блок оказался загруженным сверх меры многочисленными служебными и общественными обязанностями.

В дневнике Блока от 1 марта 1918 г. запись: «Главное не терять крыльев (присутствия духа). Страшно хочу мирного труда; но — окрыленного, не проклятого. . .

Красная армия? Рытье окопов? «Литература?»

Все новые и новые планы. Да, у меня есть сокровища, которыми я могу «поделиться» с народом». И дальше: «Революция — это я — не один, а мы» (VII, 328).

Дневниковая запись передает горячее стремление Блока отдать всего себя на службу революции и народу.

Со свойственными Блоку пунктуальностью и аккуратностью он старался выполнять все порученные ему обязанности. Но его, как творческую личность, не могли не тяготить бесконечные многочасовые заседания, писания протоколов, разнообразные организационные дела, требовавшие от него многих сил, энергии и времени.

«Я продолжаю «влячить тягостный ярем» дел, председательствовать и пр. т. п.», — жалуется в письме от 17 октября 1918 г. Блок.

Тяжелые бытовые условия, неизбежные лишения, тревоги и волнения не могли не наложить своего отпечатка на содержание блоковских писем. В них временами звучат мрачные ноты утомления, раздражения и болезненности. Усиливавшееся заболевание сердца, далеко не сразу распознанное врачами, все более властно заявляло о себе, что тоже отразилось в письмах поэта; он жалуется на плохое самочувствие, переутомление, слабость.

Но страницы писем Блока запечатлели также и огромное желание отдать все силы служению молодому государству, строительству советской культуры. В письме от 13 июня 1918 г. он сообщает: «А я все время работаю над самыми разнообразными вещами, никогда столько не работал». Он уделяет много времени творческим занятиям, пишет большое количество статей, рецензирует пьесы, присланные ему на отзыв, пишет «объяснения» к ряду произведений зарубежной классической драматургии, работает над созданием «исторических картин», привлеченный А. М. Горьким, для издательства «Всемирной литературы», занимается также редактированием переводов Г. Гейне — поэта близкого ему и любимого им. Блок и раньше (1909 г.), и в это время сам переводил стихотворения Гейне. Работа давала ему огромное духовное удовлетворение, о чем он писал Н. А. Нолле-Коган.

Роль, которую сыграла в последние годы жизни Блока Н. А. Нолле-Коган, трудно переоценить. Нельзя не сказать о том положительном значении, какое имело ее участие в жизни поэта, когда ее дружеская помощь и поддержка были ему необходимы. Она поддерживала Блока, как только могла: и материально, и морально в труднейшие годы его жизни.

Н. А. Нолле-Коган систематически посылала Блоку продуктовые посылки в голодный и холодный Петроград, устраивала творческие вечера в Москве, когда он останавливался в квартире Коганов, где и сама Надежда Александровна, и ее муж, Петр Семенович, «доброту и мудрую мягкость» которого мог почувствовать Блок, окружали его вниманием и заботой.

Н. А. Нолле-Коган вела бесконечные переговоры с руководителями Художественного театра и других театров о постановке блоковской пьесы «Роза и Крест». Стараясь облегчить материальное положение Блока, она содействовала продаже книг из его личной библиотеки, устраивала его в «Артель деятелей искусства», в издательстве которой «Первина» были позже напечатаны его «Отроческие стихи». Наконец, когда болезнь поэта приняла угрожающий характер, были предприняты энергичные хлопоты по отправке его в один из санаториев Финляндии.

Блок с благодарностью принимал дружескую помощь Н. А. Нолле-Коган. В предпоследнем письме к ней от 20 мая 1921 г. он писал: «Поверьте, что я глубоко благодарю и ценю Вашу удивительную заботливость и чуткость».

Публикуемые в приложении воспоминания были переданы автором в редакцию «Литературного наследства». Рукопись состоит из 49 листов машинописного текста с правкой и вставками рукой Нолле-Коган.

В воспоминаниях обильно цитируются письма Блока к автору. Чтобы избежать повторений, поскольку эти письма печатаются в настоящем томе, даты соответствующих писем приводятся в угловых скобках. Воспоминания представляют несомненный интерес для изучения последнего периода жизни Блока; в них содержатся штрихи к его портрету, передаются настроения и переживания поэта в трудные годы после революции.

Н. А. Нолле-Коган в своих воспоминаниях сообщает о встречах с ближайшими родными Блока — матерью и женой. Приводятся их письма к автору воспоминаний.

Все это, вместе взятое, может дать новый ценный материал исследователям жизни и творчества Блока.

1

23 марта 1913 «Петербург»

Да, если хотите.

Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма.

Александр Блок

Ответ на письмо Н. А. Нолле-Коган, в котором она писала о своем чувстве к Блоку и просила у него разрешения посылать ему розы. На письме — помета Блока: «Получено 22 марта 1913 г.»

Текст приведен полностью в книге: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 328.

В дневнике Блока запись от 22 марта 1913 г.: «... я получил прекрасное письмо от какой-то дамы». Совпадения дат получения письма и дневниковой записи дают основания думать, что письмо принадлежало Н. А. Нолле-Коган (VII, 232).

В дневниковой записи Блока от 27 марта 1913 г. Блок пишет: «На столе у меня стоят те красивые розы, которые сулила мне неизвестная дама» (VII, 234).

На одном из последующих писем Н. А. Нолле-Коган А. А. Блоку его помета: «7 роз после лекции Пяста. 8 декабря 1913 г.».

2

«Июнь, 1914 г.», Петербург¹

Все всегда разное, как почти во всем, иногда нет, иногда да, чаще — да. А не правда ли, нам было негде встретиться с Вами эти дни, потому что я не был там, где Вы были?

Значит, не надо встречаться?

А. Б.

¹ Датируется на основании письма адресатки, в котором она пишет: «Нужны ли Вам мои письма? Два года назад на этот вопрос Вы в письме ответили: «Иногда — да, иногда — нет, чаще — да». На этом письме — помета Блока: «Получено 6 июня 1916 г.»

Слова «нет» и «да» — подчеркнуты Блоком. Текст письма приведен полностью в указанном выше издании.

3

СПб. 17 января 1916 г.

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Очень благодарю Вас за присылку книги «Пролог»¹. Напрасно Вы думаете, что «мое мировоззрение диаметрально противоположно написанному в ней»; напротив, я встретил на ее страницах много близкого и знакомого мне. Главное, что я имею сейчас возразить против этой книги, — это то, что мысли, в ней выраженные, кажутся мне не творческими, не окрыленными; это скажется наглядно на приводимых примерах; по крайней мере, я твердо уверен в одном, — что примеры, взятые из моих книг, не иллюстрируют, а опровергают «программу», которую автор хочет подтвердить: на стр. 48 цитированы мои слова, которые я говорил, ограничивая себя и внутренне осуждая «лирику», которую я любил тогда (да и всегда) любовью ненавистнической.

Стихи, цитированные на стр. 51, писались отнюдь не во имя свое, а во Имя и перед Лицом Высшего (или того, что мне казалось тогда Высшим, все равно, это покажет будущее, а я и до сей поры думаю так). В этом и есть для меня единственный смысл «Стихов о Прекрасной Даме»², которые, в противном случае, я бы считал «стишками», т. е. делом, о котором лучше молчать.

Александр Блок

¹ Речь идет о книге П. С. Когана «Пролог» (1-е изд., 1915 г.), в которой он в противоположность критикам-идеалистам (Ю. И. Айхенвальду, М. О. Гершензону, Д. С. Мережковскому и др.), утверждавшим свободу творческой индивидуальности, писал о зависимости личности писателя от общественной среды. Автор «Пролога» характеризует «программу действия» модернистов, состоящую, по его мнению, из трех пунктов: 1. Себялюбие и признание ценности лишь собственных переживаний. 2. Взгляд на людей, как на средство внутреннего обогащения. 3. Враждебность для творческой личности всякого рода

человеческих соглашений. По первым двум приводятся три цитаты из произведений Блока; две из «Предисловия к «Лирическим драмам»:

1. «Всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указания жизненного пути».

2. «Самое большое, что может сделать лирика, — это обогатить душу и усложнить переживания. . . Никаких идейных, моральных или иных выводов я здесь не делаю».

3.

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят.
Кругом о злате и о хлебе
Народы шумные кричат. . .
Она молчит и внемлет крикам
И зрит далекие миры. . .

(«Стихи о Прекрасной Даме»)

² «Стихи о Прекрасной Даме» — первый стихотворный сборник А. Блока (М., изд-во «Гриф», 1905).

4

26 октября 1916. «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Если хотите и надеетесь на успех, отчего же не устроить вечер¹. Мне трудно об этом судить. Я бы послушал и посмотрел (хоть и трудно «слушать себя и о себе», но на днях уезжаю на фронт.

Пожалуйста, передайте мой искренний привет Петру Семеновичу².

Преданный Вам Александр Б л о к

¹ Вечер, по-видимому, организован не был. Блок 2 ноября 1916 г., по окончании отпуска, должен был вернуться в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза земств и городов, куда он был призван и числился табельщиком (ст. Лунинец Полесских жел. дор. в районе Пинских болот).

² Петр Семенович Коган (1872—1932) — литературовед и критик, профессор, президент Государственной академии художественных наук (ГАХН); муж Н. А. Нолле-Коган, с которым она вступила в брак в 1909 г. См. ее воспоминания.

5

«1918, октябрь»

Это последняя и случайная карточка, больше у меня нет ничего.

Александр Б л о к

В ответ на просьбу Н. А. Нолле-Коган о присылке ей фотографии Блока, он прислал ей свою карточку в военной форме, со следующей дарственной надписью: «Надежде Александровне Коган, хотя надеюсь, что карточка не похожа, костюм — позорный (милитаризм!)» (ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, № 300).

Фотография репродуцирована в изд.: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока, с. 490. Аннотация: «А. А. Блок. Фотография. 1916 г. ЦГАЛИ».

6

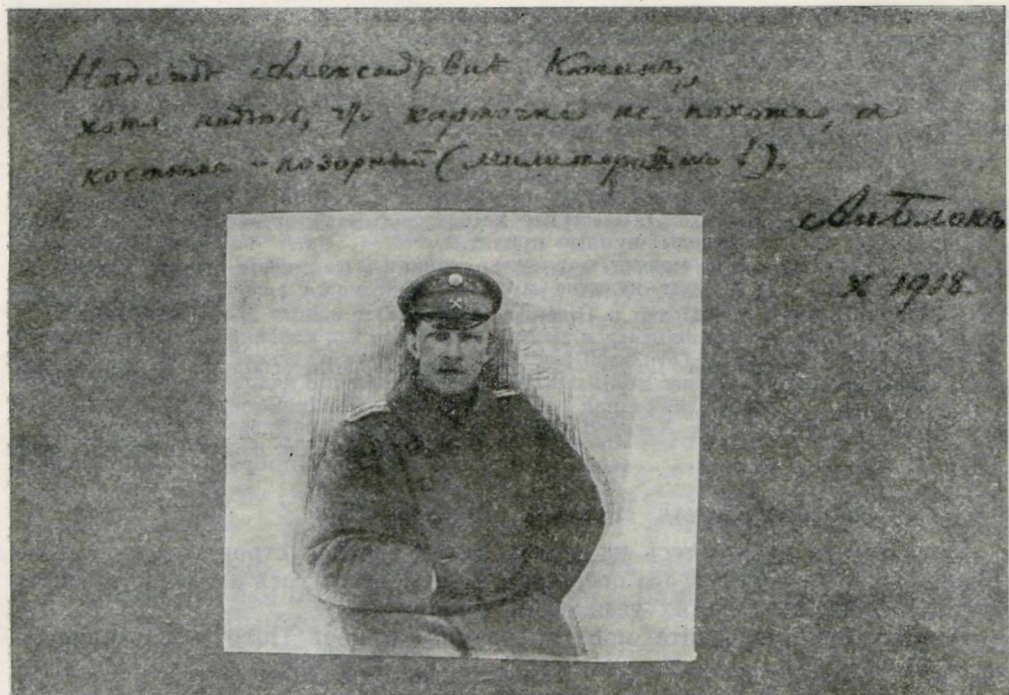
16 мая 1918 «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Сейчас получил Ваше письмо, как Вы добры!

С продовольствием дело обстоит действительно плохо, так что это иногда мешает писать, а так как писать приходится для того же продовольствия, то и получается заколдованный круг.

Поэтому, если у Вас есть средство прислать что-нибудь, то я буду очень Вам благодарен. Не знаю только, как устроить с деньгами; я очень не хотел бы затруднять Вас. Если случится оказия, то я мог бы отдавать деньги сейчас же тому, кто привезет. Особенно не хватает муки и сахару.

БЛОК

Фотография, 1916 г.

С дарственной надписью Н. А. Нолле-Коган [от октября 1918 г.]

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Спасибо Вам за давно полученный мной фельетон Петра Семеновича¹. Петра Семеновича я не видел, потому что сижу дома простуженный. Почему я не мог приехать на вечер², Вы, я думаю, знаете. Тогда было не до вечеров, комиссары переезжали в Москву³.

Ал. Блок

¹ Речь идет о статье П. С. Когана «Голос поэта» («Вперед», М., 1918, № 24, 15 февраля) — по поводу статьи Блока «Россия и интеллигенция».

² Вечер Блока в Москве, назначенный на 13 марта 1918 г., не состоялся.

³ Имеется в виду переезд Советского правительства в Москву, который произошел 10 марта 1918 г. Слухи об этом распространились раньше — Блок в записной книжке 21 февраля 1918 г. помечает с вопросом: «Комиссары выехали в Москву?» (ЗК, 388).

7

13 июня 1918. Петроград

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Ваша посылка пришла неожиданно в полной исправности¹, только картофель пророс! Все это очень нужно, и я не знаю, как благодарить Вас за все это. Нехорошо, что Вы не берете с меня денег за драгоценности, находившиеся в ящике; взяли бы . . ., а то совестно. Если будет еще оказия, посылайте еще, пожалуйста, очень буду благодарен Вам. Главное, говорят, мука и сахар, картофель не надо посылать. Деньги в письме (63 рубля) я передал Вашей прислуге при получении посылки с оказией. Получили ли Вы их?

Очень интересно то, что Вы пишете о докладе Дермана².

Я чувствую временами глухую травлю; чувствую, что есть люди, которые никогда не простят мне «Двенадцати»³, но с другой стороны, есть люди, которые (совершенно неожиданно для меня) отнеслись сочувственно и поняли, что я ничему не изменил.

Я могу послать Вам, если хотите, все фельетоны из «Знамени труда»⁴, а «Жизни» могу только указать №№: «Дневник женщины, которую никто не любил» напечатан в №№ 26, 28 и 30.

Если Вы собираетесь в редакцию, то не спросите ли Вы там, где были напечатаны два небольших стихотворения «Весна» и маленький фельетон «Письмо о театре»?⁵ Это могло быть в первых номерах до 17 включительно. Не могу никак добиться, а мне страшно нужно знать. Если вложите в посылку «Гаврилиаду», тоже буду очень благодарен Вам: конечно, здесь ее нет, как и многих других книг. Здесь стало пустынно, безлюдно, как никогда не бывало. А я все время работаю над самыми разнообразными вещами, никогда столько не работал.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В ответ на письмо Н. А. Нолле-Коган от 25 мая (6 июня) 1918 г., в котором она сообщает, что 11 (24) мая она послала «небольшую посылку: муки белой и черной, немного сахара и картофелю. . . Сегодня в Петербург едет один мой знакомый. С ним я послала Вам 10 ф. муки и 1 ф. слив. масла. Больше, к сожалению, он взять не может, т. к. у него своих масса пакетов. . . Есть ли у Вас и интересуется ли Вас «Гаврилиада», говорят, что в Питер она не поступала в продажу» (А. С. Пушкин и Гаврилиада. Под ред. В. Я. Брюсова. М., 1918).

² Н. А. Нолле-Коган писала Блоку: «В Обществе «Среда» было заседание, на котором Дерман читал доклад Вас. Доклад озаглавлен был «Творчество А. Блока». Доклад убийственно бездарный, он хвалил Вас за творчество дореволюционное и разносил за революционное, хотя поэму «Двенадцать» назвал талантливой. Тут все на стену полезли, особенно негодовал Ив. Бунин, а т. к. он «генерал», то слушали с почтительным молчанием и сочувствием. Петра Семеновича не было, он уехал на Волгу, так что выступать не мог, я так жалела, уж, наконец, не вытерпела и сказала, что очарования А. Блока, я уверена, я знаю, и половина здесь присутствующих не знает, но если, читая, переживать всем сердцем, всей кровью, что читаешь, то из-под власти его гения нам не уйти, и я хочу доказать это и, если собрание разрешит, прочту несколько его стихотворений, и я верю, что-то неуловимо-враждебное, что сейчас витает в воздухе к поэту, пройдет и сменится восторгом и большой к нему нежностью. Читала я «К Музе», «Пляски смерти», «О доблестях. . .», «Ты в комнате», «Успение», «Грешить бесстыдно», «Опять как в годы золотые. . .», «Приближается звук. . .», «Скифы» и много еще, несколько раз я кончала, но просили еще. Я так была рада, потому что заранее верила в Вашу победу. Ив. Бунин подошел со словами: «Вы победили, Надежда Александровна, а когда я радостно отвечала ему: «Да, гений поэта победили, он усмехаясь, с поклоном подал мне ветку белой сирени. . .» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 276).

Абрам Борисович Дерман (1880—1952) — русский советский литературовед.

³ Речь идет о травле Блока со стороны интеллигенции, враждебно настроенной к Советской власти; особенно отличались Мережковский, Гишгурис и др.

⁴ В записных книжках Блок отмечал свои статьи, печатавшиеся в «Знамени труда», так в записи от 17 января 1918 г.: «Знамя труда» анонсирует начало печатания моих статей». Были напечатаны: «Интеллигенция и революция», «Религиозные искания интеллигенции», «Народ и интеллигенция» и др.

⁵ «Письмо о театре» впервые опубликовано в газете «Жизнь», 1918, 3 мая (VI, 273—275). Публикацию стихотворений «Весна» установить не удалось.

5 июля 1918. «Петроград»

Спасибо Вам, многоуважаемая Надежда Александровна, за все посылки и приложения. Посланный меня не застал, так что я и не мог отдать ему ни письма, ни денег; посылать по почте боюсь. Напишите, сколько стоила «Гаврилиада»¹ сверх номинальной цены? У меня лежат для Вас все фельетоны из «Знамени труда»² и «Белая стая» Ахматовой³ (она давно распродана, потому пошлю Вам свой экземпляр, разрезанный).

«Гаврилиаду» я прочел, она мне совершенно не нравится, и мне все равно, кто ее писал. Должно быть, Пушкин. Спор об авторе будет продолжаться

до тех пор, пока будет стоять старый мир, а сама «Гаврилиада» едва ли займет серьезное место в жизни. Только несколько стихов, которые с ней вовсе не связаны.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ См. п. 7, прим. 1.

² См. п. 7, прим. 4.

³ Сб. стихотворений А. Ахматовой «Белая стая», 1-е изд. — «Гиперборей», Пг., 1917.

9

13 августа 1918. «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Спасибо Вам за все, привезенное Алексинским ¹, только я не знаю, сколько это стоит, напишите мне, пожалуйста. 3 рубля Вы тоже напрасно с него не взяли.

«Белая стая» ² не была вовсе библиографической редкостью еще осенью, а, кроме того, я собирался ее Вам подарить. При следующей оказии пришлю Вам все деньги.

Эти дни здесь — трудные.

Преданный Вам Ал. Блок

P. S. Если Вы случайно встречаетесь с кем-нибудь из закрывшейся газеты «Жизнь» (например, с редактором ее А. Боровым), если не трудно, попросите его распорядиться, чтобы дослали мне оставшийся гонорар (много — рублей больше 600), который я давно и тщето прошу ³.

¹ Григорий Алексеевич Алексинский (1879—?) — вначале социал-демократ, впоследствии — сотрудник монархической газеты «Русская воля» и газеты «Живое слово».

² См. п. 8, прим. 3.

³ В газ. «Жизнь» Блок напечатал: «Письмо о театре» (1918, 3, 26, 29 и 31 мая), «Дневник женщины, которую никто не любил» и «Сограждане» (1918, 13 июня), «Русские денди» (1918, 21 июня).

10

3 сентября 1918. «Петроград»

Надежда Александровна.

Очень боюсь, что Вы уедете ¹, а я не успею передать Вам деньги, потому прилагаю их (300 р.). Мне так тяжело, что я все не решаюсь к Вам зайти. Очень, очень благодарю Вас за хлеб.

Целую Вашу руку.

Ал. Блок

¹ Н. А. Нолле-Коган приезжала из Москвы в Петроград для ликвидации петроградской квартиры и переезда библиотеки.

См. ее воспоминания.

11

4 сентября 1918 г. «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

По Вашему письму вижу, что Вы сердитесь на меня. Но право, мне трудно сейчас не по капризу — есть много причин для этого. Очень плохо чувствую себя и нравственно, и физически, хочу писать, а при этом — много внешних хлопот, от которых всегда теряюсь в таких случаях. Я думаю, мы успеем созвониться с Вами до воскресенья ¹.

Еще раз благодарю Вас за все.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В это время Н. А. Нолле была в Петрограде (см. предыдущее письмо).

17 октября 1918. «Петроград»

Спасибо Вам, Надежда Александровна, и за письмо ¹, и за вести, и за посылки, полученные и предлагаемые. Если поедет в Москву Алянский ², попрошу его зайти к Вам, а других стесняюсь просить.

Читая статью Ю. И. Айхенвальда ³, я почувствовал ту злобу против меня, которая есть в некоторых литературных кругах Москвы, как раз среди тех, кого Вы часто видите, и с кем я лично или мало знаком, или совсем не знаком. Мне стало даже на минуту больно, потому что эта злоба исходит от людей, которых я уважаю и ценю. Вы как-то сказали мне, что я «всегда в миленьких», но из Ваших же рассказов я узнал, что это не так. Не знаю, где источник этой злобы. Вы лучше знаете, я думаю, потому что лично знакомы с Буниным ⁴, например.

В статье Айхенвальда ее не так много, но есть и там, и потому, читая ее, я вспомнил о другом. Я сказал бы, что эта статья неприятна не столько для меня, сколько для автора. Как можно *критику, серьезному*, быть столь импрессионистичным, столь порхающим с предмета на предмет, столь не считающимся с простейшими историко-литературными приемами?

Зачем так безбожно путать хронологию, например?

Я бы, если бы собрался писать статью, заинтересовался бы узнать точнее подробности внешние, но в корне меняющие дело.

О «глубоком» не говорю, его в статье нет, мне кажется, все — около глубокого. Так ведь ни слова и не сказано в целом печатном листе. Для кого это писано? Это — довольно вычурная канитель, даже не für weinige*. Одно слово *не* литератор часто глубже этих тысяч литературных слов. И все это — *декадентство*, вот, что я прибавлю напоследок!

Я продолжаю «влачить тягостный ярем» ⁵ дел (председательствовать и пр. т. п.). — Простите мои грубости.

Ал. Блок

Р. С. Если бы Петр Семенович ⁶ был здесь, он был бы драгоценен для нашей «Репертуарной Секции» ⁷. В частности, я постоянно читаю его словарные статьи и часто нуждаюсь в его трудах по истории западных литератур (и в очерках и в хрестоматии).

Если бы у Вас нашлись лишние экземпляры тех работ, где есть сведения, относящиеся к театру (в самом широком смысле), я был бы Вам очень признателен за их присылку. Но только, если есть авторские экземпляры, лишние, а покупать не надо.

А. Б.

¹ В ответ на письмо Н. А. Нолле-Коган от 6 сентября 1918 г., в котором она пишет: «Дорогой Александр Александрович. Посылаю Вам статью Ю. Айхенвальда о Вас. Мне принес ее вчера сам Айхенвальд, просил прочесть и сказать, как я ее нахожу. Я прочла и осталась недовольна, о чем расскажу Юлию Исаевичу, а Вам нравится?»

² Самуил Миронович Алянский (1891—1974) — организатор и редактор издательства «Алконост» (1918—1923), в котором вышли почти все послереволюционные произведения Блока. Автор книги воспоминаний — «Встречи с Александром Блоком». Изд. 1, М., 1969; изд. 2, М., 1972. См. о нем наст. том, кн. 4.

³ Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928) — русский критик-импрессионист; отрицающий историю литературы как науку, писал эстетские субъективистские статьи. В 1920 г. Айхенвальд был выслан за границу. Имеется в виду статья «Лирик нашего времени» («Театральный курьер», 1918, № 11, 29 сентября).

⁴ Об инциденте с Буниным — см. п. 7, прим. 2.

⁵ Цитата из стихотворения Пушкина «Деревня».

⁶ В конце марта Блок стал работать в Репертуарной секции Петроградского театрального отдела Наркомпроса, а председательствовать он начал с октября 1918 г. Кроме этого,

Собственность
 Надежды Александровны Нолле.

Нарисовано Е. С. Кругликовой 6 (19)
 ноября 1918 года в „Триумф Кондиде
 янтова“, в присутствии Мейерхольда,
 Шапурини и других лиц, в пять
 минут, после чтения Луна-арского
 перевода из Конрада Фердинанда
 Мейера. — По моему, неплохо, а если
 похуже, то очень неплохо.

Александр Блок.

БЛОК

Силует работы Е. С. Кругликовой. На обороте — дарственная надпись Блока Нолле-Коган
 Частное собрание, Москва

Блок с 22 сентября 1918 г. участвовал в работе изд-ва «Всемирная литература», учрежден-
 ного А. М. Горьким.

? У Бюро Репертуарной секции было намерение привлечь к участию в работе секции
 П. С. Когана; намерение это не осуществилось.

13

14 ноября 1918 (Петроград)

Надежда Александровна, что отвечать сейчас? В мире нет больше лич-
 ного. Жизнь открывает неслыханные возможности какого-то нового качества.
 Только этим я живу, думаю, что больше жить и нечем.

Если углубиться в личное, можно погибнуть, сойти с ума, оторваться.

Ал. Блок

Р. С. Позвольте просить Вас передать прилагаемую записку Петру Се-
 меновичу¹. Спасибо за книги, давно получены.

¹ Речь идет о привлечении к работе Репертуарной секции Театрального отдела
 Наркомпроса П. С. Когана (см. записку Блока П. С. Когану в воспомина-
 ниях Н. А. Нолле-Коган в наст. томе).

14

16 декабря 1918. (Петроград)

Надежда Александровна, я все получил, спасибо Вам за все. Деньги
 пришли при первой okazji. Я не отвечаю долго потому, что мне очень тя-
 жело и чувствую какую-то гнетущую усталость, почти до болезни. В связи
 с этим также, я бы очень Вас просил еще отложить вечер. Я как-то привык
 думать о нем в связи с постановкой «Розы и Креста»¹, которая, надо думать,
 состоится в этом сезоне. Сейчас чувствую себя опустошенным, измученным
 событиями до того, что хотел бы заболеть.

Передайте, пожалуйста, Петру Семеновичу, что я чувствую себя виноватым перед ним за Театральный Отдел; но дело в том, что я, отчаявшись в удовлетворении его просьбы, написал целый доклад в Отдел², где подробно изложил сущность наших переговоров и всего дела. Судьба этого доклада мне до сих пор неизвестна, потому что вот уже две недели, как «начальство»³ занято политикой в Москве; насущные же дела стоят тоже две недели, вежливо уступая дорогу haute politique*. Впрочем, по слухам, П<етр> С<еме-нович> сам теперь работает в Московском отделе, может быть, ему удалось самому выяснить положение.

Портрет, по-моему, мало похож. В нем есть «поза»!

Преданный Вам Ал. Блок

Вот какое дело: я редактирую Гейне в изд-ве «Всемирная литература» (Горького и Тихонова)⁴. Если Вы знаете молодых поэтов, переводивших или желающих переводить Гейне, укажите мне на них, а им на меня. Все переводы, которые мне пришлют, я рассмотрю с благодарностью. Считаю, что русского Гейне почти не существует.

¹ Драма Блока «Роза и Крест» вышла в свет в издательстве «Мусaget» в 1916 г., куда вошли также и другие пьесы Блока. В августе 1918 г. вышло 3-е изд. «Театра» Блока в изд-ве «Земля». Блоку очень хотелось видеть на сцене пьесу «Роза и Крест», но длительные переговоры с руководителями Художественного театра ни к чему не привели, и пьеса не была поставлена.

² В записной книжке Блока имеется запись от 25 ноября 1918 г.: «Подаяю заявление о Когане в Театральный отдел (письмо от него). 28 ноября того же года Блок сделал доклад «Очередная работа репертуарной секции», пункт 3 этого доклада гласит: «Разработка общего плана мирового репертуара. Пока отдельные части той большой работы выполняются следующими лицами: П. С. Коганом (немецкий театр XIX в.). . .» В день доклада Блок пометил в записной книжке: «Коллегия 13-ти (не приехала Каменева). Доклады мой. . .» (ЗК, 437).

³ Ольга Давыдовна Каменева (Розенфельд; 1883—1941) была заведующей Театрального отдела (ТГО НКП).

⁴ Издательство при Наркомпросе «Всемирная литература» (1918—1924), организованное по инициативе и при ближайшем участии А. М. Горького (заведующий Н. А. Тихонов (Серебров; 1880—1956) ставило целью выпуск наиболее значительных произведений мировой художественной литературы XVIII—XX вв. Обширная программа издательства не была выполнена из-за трудных условий послереволюционной действительности. Начиная с 24 ноября 1918 г. по 1921 г. Блок выполнял порученное ему редактирование Избранных произведений Г. Гейне, о чем в записной книжке Блок пометил: «Вечерние занятия Гейне». Из предполагавшегося издания в 5, потом в 7 томах, вышли два тома: Г. Гейне. Собр. соч., т. V, VI. Под ред. А. Блока. Пг., «Всемирная литература», 1920—1922. Издание прекратилось со смертью Блока. Стихи, отредактированные Блоком, использованы В. А. Зоргенфреем в кн.: Г. Гейне. Стихотворения. «Academia», М.—Л., 1931.

15

3 января 1919. «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Вы все пишете мне о «вечере» моем, как будто само собой разумеется, что это хорошо и необходимо, и вопрос только в дне. Я знаю, что так думает Долидзе¹, который Вас загнипотизировал просто. Для меня — это мучительный вопрос: почти год, как я не принадлежу себе, я разучился писать стихи и думать о стихах. Я не выхожу из мелких забот, устаю почти до сумашествия, приходится думать о еде², протоколах, дровах, гонорарах и пр. Физически мне было бы трудно в таком надорванном и «прозаическом» виде выступать на каком-то триумфальном вечере, читать всякое старье, — для чего и для кого? Кроме того, я боюсь ехать в Москву, потому что там придется быть на новых заседаниях, доставать новые удостоверения и билеты; все это вместе заставляет меня просить Вас еще раз отказаться от этой мысли. Долг, который я имел несчастье взять у Ф. Е. Долидзе, я верну ему и могу

* высокая политика (франц.).

сделать это скоро. Поверьте мне, что я не хочу Вас обидеть, но что эти мысли стоили мне в эти дни часов мучительных.

Пускай человека отрывают от его любимого дела, для которого он существует (в данном случае, меня — от писания того, что я, может быть, мог бы написать); но жестоко при этом напоминать человеку, чем он был, и говорить ему «ты — поэт», когда он превращен в протоколиста, вовлечен в политику и т. д.

О Гейне³ (до которого я тоже недели три, в заботах о протоколах, не мог коснуться); хорошо сделать так, как Вы пишете, если Вам это интересно.

Мне начинает казаться, впрочем, что передача стихов Гейне — просто невозможна. Может быть, я откажусь и от Гейне, потому что это пока не совмещается со «службой», и не знаю, как совместить. Случай с Петром Семеновичем — не единственный; спасибо Петру Семеновичу, что он не настаивает на выполнении поставленных им условий, потому что я был бы бессилею их выполнить; но ежедневно происходит то, что я, с которого требуют «инициативы», придумаю что-нибудь (может быть, и купое), все согласятся (потому что всем — все равно), а, когда дойдет до дела (т. е. надо платить человеку, например), то оказывается, что все в первый раз об этом слышат, и я не могу вымолить у начальства денег для человека, иногда почти умирающего с голоду. Так вот и идет время, и на душу ложатся камнем какие-то все новые вины, в которых и виновен и не виновен, и часами нельзя думать ни о чем, кроме того, заплатят или нет такому-то человеку столько-то денег, тогда-то.

Гейне — по Эльстровскому изданию⁴. Больше половины Гейне едва ли можно будет дать. Писем, думаю, не будет. Ближайшим образом, не пробовали ли молодые московские поэты (на условиях не заказа, а свободного конкурса, как Вы и пишете) свои силы на *Zeitgedichte*^{*5}: к примыкающему к ним, т. е., на трехстепенном, теряющем зубы Гейне (кроме одной *Dogtrina* пожалуй)? Можно бы составить небольшую книжку из политических стихотворений, столь искалеченных П. И. Вейнбергом⁶ и его присными.

О продовольствии: едва ли оно будет, а, если и будет, привезти не окажется возможным. Прилагаю такое прошение, как Вы пишете, на тот случай, что Вам самой удастся им воспользоваться. Деньги пришлю при первой возможности.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Федор Евсеевич *Долидаг* (1883—?) театральный антрепренер; организатор литературных вечеров и лекций.

² 1 января 1919 г. Блок записал в записной книжке: «Небывалое отсутствие еды и небывалые цены» (ЗК, 444).

³ О работе Блока над Гейне см. п. 14, прим. 4.

⁴ Эрнст *Эльстер* — немецкий исследователь творчества Гейне, выпустивший 7 томов его сочинений (1887—1914). Эльстеровское издание Гейне считается лучшим; оно снабжено введением, биографией поэта и комментариями к его произведениям; содержит ряд ценных биографических и филологических изысканий.

⁵ «Современные стихотворения» Гейне (1844), вместе со сборниками «Новая весна» (1831) и «Разные» (1834), составили сборник «Новые стихотворения». «Доктрина» — стихотворение из цикла «Современные стихотворения».

⁶ Петр Исаевич *Вейнберг* (1830—1908) — поэт, переводчик и литературовед; наиболее известен как переводчик европейских классиков, в том числе — Гейне. Полное собрание сочинений Гейне вышло под редакцией П. И. Вейнберга и Чуйко (1864—1882).

Спасибо Вам, Надежда Александровна, за все, что пишете, и за то, что не сердитесь, и за всякие заботы обо мне, незаслуженные. Все-таки, я не приеду теперь, слишком много забот. Вы правы, все мои мечты сводятся

* современные стихотворения (нем.).

ИСКУСАЮ.

КАПУТ

ВСЕМ

№13579468100000.

Сто сорок.

РЕВ.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

ПРЕД!!! ЯВИТЕЛЬ СЕ
ГО Т. НАДЕЖДА АЛЕ-
КСАНДРОВНА ЕЗДИТ
КУДА ХОЧЕТ, КОГДА
ХОЧЕТ И НА ЗЕМ ХОЧЕТ.

Автогуж *Али*
секретарь Иванов

ШУТОЧНОЕ «УДОСТОВЕРЕНИЕ», ВЫДАННОЕ БЛОКОМ Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН
Автограф, 1918 г.

Институт мировой литературы АН СССР, Москва

к тому, чтобы остаться «членом бюро»¹, но меня трижды не пускали; не знаю, как разделаться, как приняться за то, что любишь и умеешь делать, вместо того, чтобы делать «дела», сознавая все время, что «бездарен» и что с окружающим бюрократизмом не сладить. Положение с каждым днем становится все более ложным и трудным.

Надеюсь, что Алянский² на этот раз увидит Вас и передаст Вам деньги за профессиональный союз.

Письма Ваши пришли, вскрытые военной цензурой. То письмо я прочитал. Вы знаете, я думаю, что я не разорвал его, а ответить не могу. Это для Вас письмо.

Если встретитесь со Станиславским³, передайте ему, пожалуйста, что я о нем часто думаю и люблю его, и почему я не еду. Петру Семеновичу передайте, пожалуйста, мой искренний привет.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Блок хотел освободиться от обязанностей председателя Репертуарной секции Театрального отдела. В дневнике Блока 1919 г. в записи от 6 января: «А мне: уйти наконец с моего водевильного председательского поста; остаться, в крайнем случае, редактором. . . Делая все дела, которые, даже, если меня отпустят из «председателей», останутся пока слишком разнообразными и наполовину — бессмысленными (т. е. потому, что «в пределах государственных заданий»), надо все-таки временами окидывать взглядом этого Гейне, стихи которого так прекрасны. . .» (VII, 354—355).

² С. М. Алянский — см. п. 12, прим. 2.

³ О встрече с К. С. Станиславским Н. А. Нолле-Коган — см. ее воспоминания, наст. кн. ниже.

Надежда Александровна, я долго не отвечаю Вам и не благодарю Вас за все то приятное, что Вы доставили мне. Причина — все те же беспокойные хлопоты, теперь к ним прибавилась еще какая-то регистрация для воинской повинности¹.

Все время приходится жить внешним, что постепенно притупляет и делает нечувствительным к величию эпохи и недостойным ее.

Письмо от Сабашникова ² давно получил и ответил ему.

Долги мои Вам остаются, очевидно, до следующей поездки Самуила Миновича ³.

Хорошо бы все-таки, чтобы Вы брали с него сразу вперед, а то неизвестно еще, когда он поедет.

Жду, когда наконец отпустят и позволят спокойно писать что-нибудь, кроме докладных записок.

Кажется, не дожидаться, а может быть, и довольно.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В 56-й записной книжке Блока — запись 24 декабря 1918 г.: «Заседание коллегии ответственных работников — гонорары и воинская повинность. Я уже «призван» в «тыловое ополчение» (ЗК, 441).

² Об издательстве Сабашниковых см. в сообщении С. В. Белова «Блок и первые послереволюционные издательства».

³ С. М. Алянский.

28.II.1919. «Петроград»

Надежда Александровна, спасибо Вам за все, за папиросы — особенно, потому что это лишение — одно из самых тяжелых. Эльстеровский Гейне такой точно — мне подарен моей матерью 10 лет назад ¹.

Теперь будут два — 1909 и 1919 года. Не знаю, подвинется ли от этого русский Гейне, до сих пор надеждами на этот счет я мало избалован, большую часть переводов приходится браковать.

О какой-нибудь книге для «Центропечати» ² подумаю, большое Вам спасибо за указание на нее. С Долидзе ³ я еще не говорил. Последнее время думаю, что от Театрального отдела ⁴ избавит меня отчасти просто какая-то глубокая усталость, доходящая до апатии временами. < . . . > Чувствуя все время (каждый день) мундштук во рту (воинская повинность, обыски, Гороховая ⁵, регистрации, категории, удостоверения, дрова, папиросы, «культурно-просветительная» деятельность), я не мог бы, если бы и хотел, не устать. Относительно шоколада приму меры ⁶.

Преданный Вам Ал. Блок

*С. М. Алянский передаст Вам шоколад, на вид хороший, стоит так дорого, что мы с Вами пока — в расчете.

¹ Впервые Блок начал заниматься переводами стихотворений Г. Гейне в январе 1909 г., имея намерение перевести всю его «Книгу песен» для проектировавшегося тогда издания переводов Гейне в изд-ве «Пантеон». Работа ограничилась переводом 13 стихотворений из раздела «Опять на родине»; 12 из них были опубликованы при жизни Блока в разных изданиях, а 13-е посмертно (III, 378—389).

Для этой работы ему и был подарен «Эльстеровский Гейне», в 1909 г. — матерью; в 1919 г. — Н. А. Нолле-Коган (см. ниже ее воспоминания).

² Н. А. Нолле-Коган предлагала Блоку написать что-нибудь для издания «Центропечати» (см. ее воспоминания).

³ Ф. Е. Долидзе — см. п. 15, прим. 1.

⁴ Блок был освобожден от работы председателя репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса 1 марта 1919 г., о чем есть запись в его записной книжке от 1 марта 1919 г. — «Моя отставка принята! Председатель Репертуарной секции — Соловьев!» (ЗК, 451).

⁵ Блок был арестован в числе других литераторов, сотрудничавших в левоэсеровских изданиях, после раскрытия заговора руководителей партии левых эсеров. Арест Блока продолжался с вечера 15 до утра 17 февраля, когда он был освобожден после установления непричастности его к заговору.

Блок в записной книжке 15 февраля писал об этом: «Вечером после прогулки застаю у себя комиссара Булацеля и конвойного. Обыск и арест, ночь в компании и ожидании допроса на Гороховой». Следующая запись 16 февраля: «Допрос у следователя Лемешева около 11 ч. утра. Около 12-ти перевели в верхнюю камеру. День в камере. Ночь на одной койке с Штейнбергом. В 2 часа ночи к следователю Байковскому (второй допрос). Он возвратил мне документы».

17 февраля. Освобождение около 11 ч. утра. Дом и ванна. Оказывается, хлопотали М. Ф. Андреева и Луначарский» (ЗК, 449—450).

* Н. А. Нолле-Коган в письме к Блоку от 20 февраля 1919 г. просила купить ей шоколад «на углу Литейного и Невского (в Москве нет) и отдать Долойде, который в Пет. пробудет 10 дней» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 276).

19

30 марта 1919. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна, безбожно с Вашей стороны не брать с меня денег за те драгоценности ¹, которые Вы прислали. Чтобы Вы взяли их с меня, пишу Вам честно, что шоколад (за качество которого я боюсь, я его не пробовал, а потом мне говорили, что он не сладкий) стоит всего 150 рублей, а Вы мне послали очень много прекрасных вещей, за которые ничего не брали с меня, а кроме того — прошлая Ваша посылка стоила почти столько же; так что не то что мы в расчете, а я Вам все еще был должен до этой посылки. Имейте в виду в добавление ко всему, что я теперь много получаю денег.

Спасибо Вам, что записали Любовь Дмитриевну и маму в союз. Маму зовут Александра Андреевна Кублицкая-Пиотгух.

Я не председательствую ², что меня очень радует, но работы очень много, потому что я состою в редакционных коллегиях «Всемирной литературы» и здешнего профессионального союза ³. Очень много людей, что приятно, но много и заседаний, и стихов долго не предвидится. Великолепная бумага еще не начата. Правда, она от Московского профессионального союза? «Катилину» ⁴, конечно, пришлю.

Сегодня мы чествовали Горького во «Всемирной литературе». Были *минуты трогательные и музыкальные*.

Спасибо за все, что посылаете, обещаете и сообщаете, жду «счета». Самуил Мионович еще в Москве, но мне не удалось увидеться с ним перед отъездом.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В письме от 20 февраля 1919 г. Н. А. Нолле-Коган писала Блоку: «Дорогой Александр Александрович, я очень извиняюсь за те пустяки, которые Вам посылаю, но Долойде так неожиданно собрался, что я ничего не успела сделать, посылаю то, что было дома. Сейчас счет, это прежде всего, я ведь знаю, как Вы не любите быть у меня в долгу. За хлеб и лепешки я ничего не могу взять, потому что делала это для себя и не считала сколько стоит, и из какой муки, а за курицу 50 р. Папиросы, я не знаю, будете ли Вы курить, я не понимаю, что это за сорт, но за них я тоже не могу взять денег, т. к. это нам досталось даром (Петру Семеновичу дали как паек в Н.-Новгороде, когда он там читал, а он не курит). Если Вы таких не курите, отдайте Любви Дмитриевне, ей за них могут выменять продукты на рынке. . .» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

² Речь идет о председательстве Блока в репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса, от которого он освободился 1 марта 1919 г.

³ 8 марта 1919 г. Блок был утвержден членом коллегии издательства «Всемирная литература», главным редактором отдела немецкой литературы. 25 марта 1919 г. он выступил с докладом о русских переводах Гейне. Блок принимал участие также в Союзе деятелей художественной литературы. В его записной книжке — запись от 19 марта 1919 г. — «Заседание редакционной коллегии профессионального союза» (ЗК, 539).

⁴ Очерк «Катилина» начат был Блоком 22 апреля и закончен 17 мая 1918 г. Вышел из печати в Петрограде, в изд-ве «Алконост», в феврале 1919 г. (VI, 60—91).

20

24 апреля 1919. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Всё получено, и все необыкновенно вкусно, не знаю, как благодарить Вас. Нехорошо одно, что Вы совсем не берете с меня денег. То, что Вы пишете, вместе со стоимостью посылки, надеюсь вернуть Вам с С. М. Алянским, но остается еще многое, о чем Вы умалчиваете, — и в этой посылке и в предыдущей.

В марте Вы мне послали: табак, папиросы, спички, конфеты, муку и хлеб. За хлеб, за муку и за крупу Вы берете с меня гораздо меньше, чем это стоит, а за остальное — ничего. Я так не согласен, тем более, что в Москве сейчас ведь все несколько не дешевле, чем здесь.

Я так озабочен делами ¹, что никак себя не чувствую. Весна мало похожа на себя, здесь еще мороз.

От сыпного тифа так нельзя заразиться. Я жил около фронта среди трех тифов и двух осп (в буквальном смысле — среди), и то не заразился. Зараза должна пройти через кровь.

Впрочем, все такое — всегда судьба.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Блок в это время занимался составлением сборника юношеской лирики «За гранью прошлых лет» для издательства Гржебина. Кроме того, по заказу этого же издательства он приступил к сбору материалов для книги о Горьком (книга не была написана). Помимо этих чисто литературных работ — Блоку приходилось участвовать в заседаниях, встречах и переговорах с авторами и др.

21

14 июля 1919. «Петроград»¹

Простите, дорогая Надежда Александровна, что не пишу Вам так давно.

Посылка получена, спасибо. Мне нечего писать о себе, потому что ничего нового вообще не происходит, и я честно и сцепив зубы занимаюсь литературой, получением удостоверений и пр. Внимание мое сосредоточено на Всемирной литературе ² и на театре ³ с тех пор, как меня устранили из Театрального отдела ⁴.

Знаете, теперь лето, очень жарко, я стараюсь купаться в море и загорать. При этом следует пить чай. Говорят, что в Москве можно найти чай, хотя бы и дорого. Здесь это очень трудно. После всех этих намеков Вам станет ясно, что я умоляю Вас, если это окажется возможным, со временем прислать чаю. В том, выражаясь мягко, «тушике», в который мы пришли, остается только постоянно твердить и повторять ежедневно: «Чаю». Но — не «чаю воскресения из мертвых», и не «чаю пришествия белогвардейцев», а просто: «чаю». Это гораздо короче и убедительнее. Нет человека, который был бы к этому глух.

Из этого отрывка Вам также должно стать очевидным, что я усиленно занимаюсь редактированием «Reisebilder» ⁵.

Если Вы еще собираетесь съездить в нашу деревню ⁶, не делайте этого. Совершенно бесполезно: там не осталось, по достоверным сведениям, ничего, кроме «Духа божьего, носящегося над бездной» ⁷.

Преданный Вам Ал. Блок

P. S. Не известен ли Вам дровяной источник в Петербурге?

Я спрашиваю об этом потому, что твердо уверен в единственном: что лето сменится зимой, и что зимой так же холодно, как летом жарко.

¹ Блок в записной книжке от 14 июля 1919 г. отметил: «Преостроумное письмо к Нолле написал я». (ЗК, 466).

² См. п. 19, прим. 5.

³ 24 апреля 1919 г. Блок был назначен председателем Управления Большого драматического театра. В записной книжке от этого числа запись Блока: «Свидание с М. Ф. Андреевой, которая определила меня на должность председателя Директории Большого драматического театра» (ЗК, 457).

⁴ См. п. 18, прим. 4.

⁵ «Reisebilder» — «Путевые картины» Г. Гейне (1826—1831), в которых он дает обзор современной Германии и Европы того времени, беспощадно критикуя общественный строй. Блок в письме пародирует стиль «Путевых картин» Гейне.

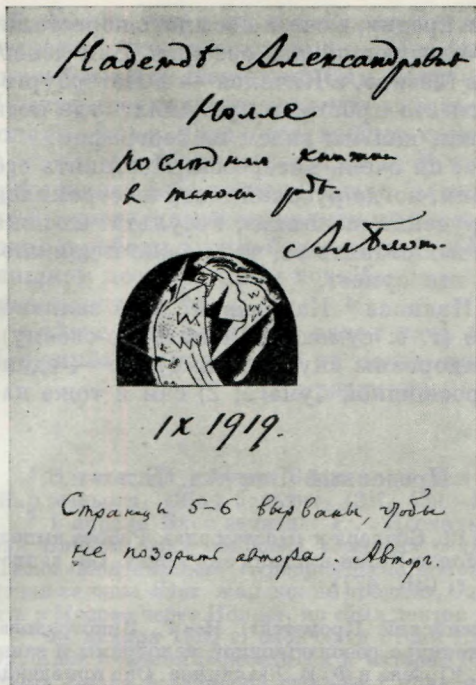
⁶ Дом Блока в имении Шахматово был разрушен и сожжен.

⁷ Стих из Библии: «И дух божий носился над бездной» (кн. «Бытие», I.1).

22

6 августа 1919. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна, спасибо Вам, я получил и посылку и оба письма в полной сохранности; посылку принесли от артели, с Вас за нее взяли 35 рублей и просили посылать не в бумаге, потому что рассыпа-

АЛЕКСАНДР БЛОК.

ЯМБЫ

(Современные стихи)

(1907—1914).

«АЛКОНОСТ».
ПЕТЕРБУРГ.
1919.

БЛОК. «ЯМБЫ» П. «АЛКОНОСТ», 1919

С дарственной надписью Н. А. Нолле-Коган от сентября 1919 г.
Центральный архив литературы и искусства, Москва

ется (крупа). Однако, если это сопряжено с такими трудностями и даже «расстрелами», — я думаю, не стоит посылать так, а лучше ждать okazji. За заботы о чае¹ заранее благодарю Вас очень. С дровами, конечно, тоже скверно пока. Вообще ужас, — что будет зимой!

В Шахматове², по одним сведениям, остался какой-то один шкаф, от которого я и дал ключи Алянскому С. М.³ Я думаю, все-таки, что там нет ничего.

Что дружба? — Легкий
пыл похмелья,
Обиды вольный
разговор,
Обмен тщеславия,
безделья,
Иль покровительства
позор⁴.

«Позор покровительства» это — чай, крупа, дрова, мука (все, кроме чая, в ямбах).

Ваш Ал. Блок

¹ См. п. 21.² См. п. 21, прим. 6.³ См. п. 12, прим 2.⁴ В письме приведен текст стихотворения Пушкина «Дружба» (1826).

Дорогая Надежда Александровна.

Все работа мешает Вам ответить. Спасибо за два письма и за посылку с Бодлером¹. Другая (посланная Вами через Николаевскую дорогу) пропала.

Так как Вы, очевидно, кормите меня уже в кредит, а счета посылать перестали, то я попрошу Самуила Мироновича² в следующий раз оставить Вам денег.

Мы и здесь рассказывали, что я был в Москве, а Качалов — в Петербурге. Ничего подобного не было, а объясняется это просто: в пустынях, где нога человеческая не ступала, бывают миражи, как мы знаем из географии.

«Российского Прометея»³ я знаю, да, он очень интересен. Поставить его нельзя, но я не помню времени моей жизни, когда русский театр не стремился бы поставить то, что нельзя. Таковы уж русские «искания». Результат их пока заключается в том, что театр русский отвык ставить то, что можно и должно, и поставить сейчас Островского редко кто сумеет.

Нет ли у Вас стихотворения Вяч. Иванова⁴ Каменевоу? Мне занятно, я о нем слышал и, вероятно, пойму его (т. е. сумею объяснить по-своему).

Простите, что «Ямбы»⁵ немножко надорваны внутри, но: 1) это — единственный у меня сейчас экземпляр на роскошной бумаге; 2) сам я тоже надорвался и, вероятно, давно.

Как же дальше-то жить будем?

Преданный Вам Ал. Блок.

¹ Блок собирался переводить предисловие Ш. Бодлера к «Цветам зла». Работа выполнена не была. Вероятно, для этой цели Н. А. Нолле-Коган выслала ему книгу. См. запись Блока в записной книжке от 12 августа 1919 г. (ЗК, 471).

² Самуил Миронович Алянский.

³ Трагедия «Царь Петр Великий» («Российский Прометей») Н. Г. Виноградова-Мамонта (май 1919 г.) была представлена на конкурс революционной мелодрамы и заинтересовала членов жюри А. М. Горького, Ю. М. Юрьева и Ф. И. Шалапина. Она привлекла и внимание Блока. См. об этом подробно в сообщении А. Е. Парниса в наст. томе, кн. 4.

⁴ В. И. Иванов посвятил О. Д. Каменевоу стихотворение «Во дни вражды междуусобной...» 4 августа 1919 г. (ИМЛИ, ф. 55, оп. 1, № 5).

⁵ В письме к Н. А. Нолле-Коган Блок вложил книжку стихов «Ямбы. Современные стихотворения. 1907—1914». П., «Алконост», 1919.

Дарственная надпись Блока: «Надежде Александровне Нолле — последняя книжка в таком роде.

Ал. Блок
IX. 1919

Страницы 5—6 вырваны, чтобы не позорить автора.

А в т о р

(ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, № 226).

Вырванные страницы содержат эпитафию на латинском языке: «Fecit indignatio verum», что в переводе означает: «Негодование рождает стих». Автором эпитафии поставлен Гораций, тогда как на самом деле эти слова принадлежат Ювеналу.

Дорогая Надежда Александровна.

Вот, наконец, пишу Вам и прежде всего — благодарю Вас за пасхальные подарки — роскошные. Уже вторую неделю у меня не прекращается легкий жар¹, поэтому я никуда не выхожу, не хожу на службы, и у меня начинают зарождаться, хотя и слабо пока, давно оставленные планы — вновь стать самим собой, освободиться от насилия над душой, где только возможно, и попытаться писать².

Пока еще рано говорить об этом, впоследствии, когда выяснится, я Вам расскажу, если захотите, в какую петлю я попал, как одно повлекло за собой другое, прибавились домашние беды³, и в результате — с конца января я не могу выправиться физически уже, чего со мной никогда не бывало прежде.

Когда поправлюсь, думаю съездить в Москву. Самуил Миронович⁴ называет с Ваших слов какие-то баснословные суммы, которые, увы, соблазняют меня, ибо я стал корыстен, алчен и черств, как все.

Теперь о книжном деле⁵; вот список около 1400—1500 книг и брошюр, которые загромождают сейчас единственную комнату, оставшуюся свобод-

ной. Боюсь, что список ужаснет Вас; есть и хорошее, но очень много разрозненного, а есть и вовсе дрянь. Мне было бы очень дорого, если бы Вы взяли их по бумажке Каменева (Сам. Мир. думает, пудов 50, а по-моему 70—100). Наднях предполагается запаковывать их в тюки. Мне хотелось бы: 1) чтобы они попали, кому надо (что выйдет само собой, если они пойдут через Вас); 2) чтобы освободилось место и 3) чтобы получились деньги — сколько, я представить себе не могу. Было бы очень естественно, просто и хорошо, если бы Вы согласились отчислить мне только установленный процент, потому что возни и работы с ними будет не мало и Вам, как было мне, а по содержанию они слишком пестры, чтобы хотя бы большую часть их взяла сразу какая-нибудь организация.

Сейчас был доктор и велел лечь в постель, чтобы сбавить температуру. Пожалуйста, передайте от меня поклон Петру Семеновичу.

С праздником, Христос воскрес.

Преданный Вам Ал. Б л о к.

¹ В записной книжке Блока — записи от 29, 30 и 31 марта 1920 г.: «Вдруг жар», «Жар меньше», «Жар больше». (ЗК, 489—490).

² 1 апреля Блок записал: «... Несколько своих мыслей (спасибо болезни)». В этот день Блоком была написана «Записка о «Двенадцати» (ЗК, 490; III.474). 3 апреля: «Писал «Монте Люка» («Призрак Рима и Монте Люка»). (ЗК, 490. V, 399). 6 апреля Блок сделал запись: «Нет, жар еще не прошел». Однако 8 апреля: «Собрал все книги, чтобы продать в Москве через Нолле», но «был доктор и опять велел лечь в постель» (ЗК, 490).

³ 23 января 1920 г. скончался отчим Блока — Франц Феликсович Кублицкий-Пиотух. Блок с женой переселился к матери. Начался разлад между женой и матерью, о чем помета Блока в записной книжке 1 апреля 1920 г.: «Вечером — ужас (я, мама, Люба)» (ЗК, 499).

⁴ Алянский упомянут Блоком в записи от 7 апреля 1920 г.: «Днем был Алянский, рассказывал интересное о Москве и пр.» (ЗК, 489—490).

⁵ Блок решил продать часть своей библиотеки, чтобы поддержать материальное положение семьи; ему приходилось содержать мать и помогать больной тетке.

25

«19 мая 1920 г., Москва»¹

Не обольщай меня угрозой
Безумства, муки и труда.
Навек останься легкой грезой
Не воплощайся никогда.

Храни безмерные надежды,
Звездой далекою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвилились.

¹ Текст — на листке из блокнота, графическим карандашом; на обложке — помета Н. А. Подле-Коган: «Записка из окна вагона». В записке — стихотворение Ф. К. Сологуба, поэзию которого высоко ценил Блок, «Не ужасай меня угрозой» (7 марта 1897 г.). У Блока — «Не обольщай меня угрозой...»

26

9 июня 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Вот и все, что у меня оказалось: плохая фотография и та, которая лучше, — но в виде *carte postale*¹. Только что я собрался заказать фотографии, как следует, оказалось, что наш фотограф давно уже уехал куда-то в провинцию кормиться, и фотография при театре закрыта.

Едва начал писать Вам, как пришло Ваше письмо. Всегда так бывает. Да, мне уютно и отрадно вспоминать о Москве², о Вашем гостеприимстве, о многих днях и часах, проведенных у Вас; хочу сказать Вам, что обо *всех*, потому что Вы такая чуткая и «умная»...

С зачислением в «артель»³ Вы делаете для меня еще одно большое дружеское дело; спасибо, хоть мне и совестно, как всегда приходится повторять, что я ничего не могу делать. Ну, может быть, что-нибудь и смогу, хотя разговоры о переезде в Москву⁴ у нас были и прошли без результата. Рано еще ехать в Москву, надо перезимовать здесь, слишком много и трудно перестраивать, а я уже въехал в обыкновенную колею.

Вот Вам доверенность⁵, а вступительный взнос лучше бы — вычитать сразу из дивиденда, если это возможно, потому что московских денег уже нет, а здешних — тоже мало. Но, если это неудобно почему-либо, напишите мне, ради бога, *откровенно*, и я достану деньги *без особого труда*.

Передайте Петру Семеновичу мой низкий поклон, привет от сердца и благодарность от души.

Кате⁶ кланяйтесь — она у Вас хорошая. Кланяйтесь также Пьерро⁷, хотя мы лично мало с ним знакомы, и я подозреваю, что душевное содержание его беднее, чем атласная внешность.

До свидания, целую Вашу руку.

Ал. Блок.

¹ Письмо А. Блока от 9 июня 1920 г. и фотография, посланная им Н. А. Нолле-Коган были первыми после его возвращения из Москвы, о чем она пишет в своих воспоминаниях. См. наст. том.

² В записной книжке № 61 Блока — краткие записи, относящиеся к его московской поездке: «8 мая. Приезд в Москву. 9 мая. Мой вечер в Политехническом зале на Лубянской площади. Вечером у Балтрушайтиса.

10 мая. Репетиция «Мадам Анго».

11 мая. Обед у Станиславского.

12 мая. У Вл. Ив. Немдровича-Даченко в Художественном театре.

13 мая. Собрание у Коганов (Вяч. Иванов, Чулков, Поляков С. А. и др.).

14 мая. Мой вечер в московском Дворце искусств.

15 мая. В художественном театре и у Кублицких.

16 мая. Мой вечер в Политехническом зале на Лубянке.

18 мая. Выезд из Москвы.

19 мая. Возвращение из Москвы» (ЗК, 492—493).

³ Речь идет об Артели деятелей искусств, членами которой состояли Ю. К. Балтрушайтис, А. А. Блок, П. С. Коган и др. В фонде П. С. Когана, хранящемся в отделе рукописей ИМЛИ (ф. 125), имеется его заявление от 25 мая 1920 г. в Правление Всероссийского союза писателей о приеме в Артель деятелей искусства А. А. Блока: «Настоящим доводим до Вашего сведения, что с 25 мая 1920 г. в состав Артели деятелей искусства входит поэт Блок.

П. Коган»

Заявление — на бланке со штампом: «Книжная лавка Бюро артели деятелей искусства. Ул. Герцена (Б. Никитская), д. 22. Москва». Об этом же писала А. Блоку Н. А. Нолле-Коган в письме с пометой адресата «Получено в конце июня 1920 г.»: «Зачислены Вы в артель на следующих условиях. Вступительный взнос 50 тыс., по 10 тыс. будут у Вас вычитать каждый раз при выдаче пая. Выдача происходит очень неравномерно, иногда в месяц 2 раза, иногда по 2 месяца — ничего. Сумма тоже неопределенная. Например, на прошлой неделе выдали по 25 тысяч, у Вас вычли 10 тыс., значит Ваших 15 тысяч у меня. . . Оказии у меня не было. Просьба назначить наследников на случай смерти для формы» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

⁴ Н. А. Нолле-Коган уговаривала Блока переехать в Москву — см. ее воспоминания — в наст. томе.

⁵ Вместе с письмом от 9 июня 1920 г. Блок послал доверенность: «Выдана настоящая доверенность Н. А. Коган (Нолле) в том, что она с момента вступления моего в состав членом артели «Деятели искусства» является моей представительницей во всех делах артели. Доверяю ей получать мой пай и передаю ей права решающего голоса на общих собраниях членов артели.

А. Блок»

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

⁶ Катя — домработница Коганов.

⁷ Кто имеется в виду — установить не удалось.

27

3 июля 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Надеюсь послать Вам это письмо с оказией, есть едущие в Москву. Ваше получил только на этих днях. Вы едете на дачу ¹, это очень хорошо, я стараюсь заниматься такими же делами, не уезжая. Службой занимаюсь как можно меньше и отдыхаю: для денег устраиваются вечера в Доме Искусства ², 2-й будет 5 июля. Для дров начал ломать барку ³ (вместе с жителями дома), но полиция вмешалась и остановила это дело. Для души я уезжаю, когда только могу, в Стрельну ⁴, где купаюсь в море и загораю. Вот все мои дела, и, благодаря морю, я начинаю опять оживать и надеяться на что-то, чего не было очень давно. Очень хотел бы, чтобы сбылось пожелание П^{етра} С^{еменовича} в Вашем письме.

Передайте ему мой сердечный привет.

О делах ⁵ вот что: во-первых, вступительный взнос назначен, очевидно, минимальный, рекомендую вам увеличить его до 75000, как Вы писали. Во-вторых, очень прошу вычесть все сразу из первых же паев, тем более, что деньги у меня сейчас есть. В-третьих, у Ремизова ⁶ еще не действует телефон (он порван), но я просил двух людей передать ему Ваше предложение. В-четвертых, не могу ли я, и в какой форме можно проявить свою деятельность на пользу «Артели Деятелей Искусства»? В-пятых, прошу Вас приобрести пирожных из моего пая на любую сумму. В-шестых, я тоже не хочу еще сейчас умереть, но, если нужно будет, думаю, что наследовать мне должны Вы, или П^{етр} С^{еменович}, кто из Вас хочет.

Ну как можно ехать в Москву и даже за Москву ⁷, человеку, который только что там был? Республика такого расстреляет.

Новую Вашу фотографию хочу иметь.

Целую Вашу руку. Преданный Вам Ал. Б л о к.

¹ В письме Н. А. Нолле-Коган с пометой Блока: «Получено в конце июня» она ему сообщила: «Петр Семенович уезжает завтра в Ярославль, а я ездила и размыскивала дачу, наконец, сняла дачу в 5 комнат в Тарасовке, буду жить там с 1 июля до глубокой осени, там чудесно, приезжайте» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

² Первый вечер Блока состоялся в Доме искусств 24 июня 1920 г., второй — 5 июля; в записной книжке Блока № 61 пометы: «21 июня. Повторение стихов. Мой вечер, устроенный «Домом искусств».

5 июля. Второй мой вечер в «Доме искусств» (мы с Любой) (ЗК, 495—496).

Л. Д. Блок читала «Двенадцать».

³ В записи Блока в 61-й записной книжке от 29 июня: «Вечером — ломал барку» (ЗК, 495).

⁴ Блок, начиная с 24 мая 1920 г. начал ездить для отдыха в Стрельну, о чем говорят записи в записной книжке № 61 за лето 1920 г., первая из них: «24 мая. В Стрельне — в первый раз в это лето» и последняя поездка 27 сентября «Стрельна: золотое, красное, синее, зеленое» (ЗК, 493, 503).

⁵ Речь идет «о делах» в Артели деятелей искусств — см. п. 27, прим. 3.

⁶ В том же письме конца июня 1920 г. Н. А. Нолле-Коган просила Блока обратиться к А. М. Ремизову с предложением продать его книгу «Что есть табак» с рисунками Сомова и в случае его согласия выслать книгу на ее имя.

⁷ Имеется в виду приглашение Н. А. Нолле-Коган на снятую ею дачу в Тарасовке.

28

10 сентября 1920 г. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Ваше молчание меня несколько тревожит.

Пишу Вам сейчас, тороплюсь, только деловое: письмо передаст вам г-н Naveillan Monsalve ¹, муж нашей старой и доброй знакомой. Мы у нее взяли займы 50 тысяч; если есть в артели мои деньги, отдайте, пожалуйста, столько же, а, если возможно, — вдвое (100 тысяч); впоследствии, если Вам удобно, можно будет передачу устроить через него, так как он — в Москве,

а жена его живет всегда здесь. Дайте ему совет, если можете, куда ему толкнуться, чтобы устроиться на службе.

Вчера я пошел на телеграф послать вам приветственную телеграмму. Мне сообщили, что ни поздравительные, ни приветственные телеграммы не принимаются. Поэтому, позвольте мне хоть в письме послать всем поклон и привет по поводу годовщины 12 сентября².

«Сезоны» наши начинаются, и я уже в «деле» — по уши. С Ларисой Михайловной³ виделся с Вашего отъезда только раз — мельком.

Петру Семеновичу — сердечный привет.

Преданный Вам Ал. Б л о к.

Будьте благополучны!

¹ Naveillan Monsalve — муж m-me Marie, гувернантки двоюродных братьев Блока. О нем и мать Блока писала Н. А. Нолле-Коган: «... это письмо нишу Вам с корыстной целью, прося Вас помочь тому, кто Вам его принесет, мужу нашего старого друга, долго жившей в доме покойной сестры Naveillan Monsalve. Его злоключения не стану Вам описывать. Он сам расскажет. Ему надо помочь советом и Вашим влиянием в московских сферах. Жена этого господина — большой друг нашей семьи, редкий человек, золотое сердце. И для нее хочется нам всем трем, Саше, Любе, мне, уладить его дела. Помогите ему, дружок, ради Вашей дружбы, Вашего отношения ко всем нам.

Целую Вас крепко, прошу писать и не забывать своего друга, старую Сашину маму.

А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х

Р. С. Завтра Сашины именины. Поздравляю Вас, моя Душенька, с этим важным для меня днем.

А. К.»

Л. Д. Блок тоже обратилась к Н. А. Нолле-Коган с аналогичной просьбой.

² Имеется в виду годовщина организации Артели деятелей искусства 12 сентября 1919 г. В записной книжке Блока запись от 8 сентября 1920 г.: «Телеграмма в Артель деятелей искусств к 12 сентября (годовщина) — по адресу: Н. А. Нолле, — не принята» (ЗК, 501).

³ Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926) — русская советская писательница и журналистка. Блок с ней часто встречался в 1920 г. После отъезда Н. А. Нолле-Коган (24 августа 1920 г.) Блок встречался с Л. М. Рейснер 27 августа, о чем есть запись в записной книжке: «27 августа заезжала Л. Рейснер с Е. Ф. Книпович по дороге на концерт» (ЗК, 500).

29

23 сентября 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Хорошо, что все кончилось благополучно на этот раз; но не думаете ли Вы, что эта игра (для женщины — все такое — игра) может быть опасной не только для тела, но и для души? Я хочу сказать это Вам только так, чтобы Вы об этом подумали про себя. Я сам, ведь, Вы знаете, очень свободно думаю. Но мне кажется, что я немного отвечаю за Вас — потому что верю, что занимаю в Вашей душе отчетливое место.

По этой же причине — еще вот что: в Вашем письме, которое я прочитал на ночь, и в том, как мы разговаривали однажды на Знаменской улице, было не совсем то, что надо. Об этом никому нельзя говорить. Впрочем, это тоже — «женское» в Вас: «игра».

Ну, теперь, спасибо за все, особенно за чай и папиросы! «Дела»¹ заключаются в том, что я эту неделю совершенно лезу из кожи вон: открытие сезонов, вечер поэтов, заседания, и вот еще Лито², о котором мы будем говорить с Борисом Семеновичем³, к которому я завтра иду. Это надо обсудить всесторонне, я думаю, — что потребность в Лито в Пб. назрела, но не знаю, как отнесется Горький и мн. др.

Представьте себе, что я внезапно получил литературный (соответствующий «ученому», хотя и меньше Вашего академического) паек! Он — из числа тех 25-ти, которые были давно для Петербурга, 8 — пролетарские, осталь-

ные — «буржуазные». От Лито (если оно будет, и я в нем буду) остается желать воинской повинности и охранных грамот.

О вечерах в Москве⁴ в октябре-ноябре я сейчас думаю, что «не выйдет». Слишком рано, во-первых; во-вторых — не весна, а зима. Москва — суровая, сугробы высокие, нельзя же читать, имея облик ветерана наполеоновской армии: уж никто не влюбится, а главное, те-то, которые было весной влюбились, навсегда отвернутся от такого человека. В эти месяцы все мы, при нашей жизни, обыкновенно усиленно заседаем с поднятыми воротниками, в валенках, у кого имеются, и исключительно в мужском обществе; а если женщины и попадают, так их ни на улице, ни в комнате никого не отличить от мужчин. То ли дело — весенняя Москва!

Вчера, когда я уходил читать на вечере, мне позвонила Серафима Павловна Ремизова⁵, говорила, что Вы им помогли в последние дни, а им было плохо.

Петру Семеновичу — сердечный привет. До свидания, целую Вашу руку.

Преданный Вам Ал. Блок.

¹ Записи в записной книжке Блока (№ 61) показывают загруженность его; в это время у него корректура «Седого утра», открытие Клуба поэтов, Блок пишет отзывы о прозведениях четырех поэтов, желающих вступить в Союз поэтов (Блок — председатель). Кроме того, Блок занят редактированием «Германии» и «Зимней сказки» Гейне, работает по подготовке к постановке спектакля «Король Лир», 1-е представление которого состоялось 21 сентября (открытие сезона). После представления Блок записал: «Очень устал», а на следующий день 22 сентября: «1-й вечер Союза поэтов в Доме искусств» (ЗК, 500—502).

² Литературный отдел Наркомпроса в Петрограде (по примеру Москвы). Председателем его намечался А. М. Горький, заместителем председателя — А. А. Блок. Лито в Петрограде не был открыт.

³ Борис Семенович Шихман — знакомый Коганов, организатор вечеров.

⁴ Б. С. Шихман предлагал Блоку организовать четыре вечера в Москве.

⁵ Серафима Павловна Ремизова (рожд. Довгелло; 1876—1943) — жена писателя А. М. Ремизова.

Дорогая Надежда Александровна.

Сейчас я ходил в почтамт, где узнал, что прием «частных» телеграмм воспрещается. Нет совсем времени идти на Николаевский вокзал, трамваи почти недоступны, и на это уйдет не менее целого дня. Поэтому я лишен возможности ответить Вам иначе, чем письмом, надеюсь, что Б. С. Шихман¹ поймет мое молчание, нет звонка отказа, тем более, что никакого определенного ответа я ему не дал, и все это изобретение принадлежит ему.

Приехать я не могу. Наступает трудное зимнее время. Затруднять Вас, живя у Вас, я не хотел бы. Дни вечеров совпадают с каким-то «съездом»² писателей <...> Сумма, которую предлагает Б. С. Шихман, не такова, чтобы стоило так часто надоедать публике с тем, чтобы опротиветь ей окончательно (что случится как раз тогда, когда останешься совсем нищим). Надо экономить с выступлениями; ведь в них *выматывается душа*, а вымотавшаяся душа эта очень страдает, если она покажется в таком виде перед любопытным зверем — перед публикой. Кроме того: решаясь на выступление, надо быть на диете, как я это мог позволить себе весной, живя у Вас. Зимняя Москва и «съезд» этого не позволят, придется быть несколько часов в день *чиновником*.

Б. С. Шихман смотрит, по-видимому, на эти дела проще; но ведь он, насколько мне известно, стихов не пишет; он находит, что все это прекрасно совместно и (прошу Вас — пусть это останется между нами) испытывает суммами: при первом свидании говорит: около 80, — я молчу; при втором — около 60, я опять молчу; но даже некто из связанных с ним в деле устройства вечеров говорит мне: около 100; я опять молчу. Теперь уже он сообщает через Вас: 150. Это — способы коммерческие, но я не могу руководствоваться исключительно этими способами.

Прошу Вас, не сердитесь на меня за все это; Б. С. Шихмана я совсем не хочу обижать, он Ваш хороший знакомый; но он большой практик, в этом я убедился при разговоре с ним, а практиков я вообще боюсь немного.

Я подумал, что «вечер» понадобится, когда будет приходиться еще туже, чем сейчас. Здесь я заработаю меньше, но буду меньше трепаться и буду тянуть прежнюю служебную лямку; вот теперь предстоит три дня регистрации по воинской повинности; потом буду пробовать освободиться от того, чтобы меня не послали на неделю под Ямбург для дровяной повинности (верное воспаление легких). Много работы в театре и литературной, «всеобуч», и т. п.

На вечере Кузмина я стихов не читал, а читал ему приветствие в прозе³. «Былое»⁴ и «Седое утро»⁵ (последнего еще нет) пришло Вам с оказией. Кто это — Сокольский? Слышу в первый раз. Известного Сокольского уже убили, а другого я не знаю.

Простите за злое письмо, очень нервы расстроены. Получили ли Вы письмо Любви Дмитриевны? Я пробовал уйти из союза поэтов, но меня упростили остаться. Здесь очень много скандалов и сплетен, напишите про каких-нибудь московских. Как скандалят Мейерхольд и Брюсов?

Неделового сегодня ничего не могу написать.

Преданный Вам А. Б.

P. S. 10000 от Самуила Мироновича получил. Спасибо.

¹ Б. С. Шихман — см. прим. 3 к письму № 30.

² С 18 по 21 октября 1920 г. в помещении Дома печати в Москве состоялся I Всероссийский съезд пролетарских писателей.

³ Приветствие М. А. Кузмину было зачитано Блоком от имени Всероссийского союза поэтов 29 сентября 1920 г. в Доме искусств на вечере, посвященном 15-летию литературной деятельности М. А. Кузмина (VI, 439—440).

⁴ В журнале «Былое» в 1919 г. (№ 15) была напечатана работа Блока «Последние дни старого режима». В 1921 г. она вышла отдельной книгой под названием «Последние дни императорской власти».

⁵ В Записной книжке Блока (№ 61) — запись от 8 октября: «Около 5-ти Щеголев принес «Былое» (№ 14 и 15) и говорар. . .» (ЗК, 594).

⁶ Сборник лирики А. Блока «Седое утро» вышел из печати 23 октября 1920 г. в изд-ве «Алконост».

23 октября 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

С письмами произошло недоразумение. Господин, с которым Вы прислали папиросы (большое спасибо!) принес Ваше письмо только на этих днях, когда я уже послал Вам ответ на письмо, посланное Вами с артелью. По-видимому, этому Вашему письму уже минуло недели две, и ответ был бы у Вас давно. Посланный говорит, что он лежал в госпитале.

Потому же писала Вам и Любовь Дмитриевна, она спрашивала о судьбе m-r Naveillan¹ после того, как Вы уже написали о нем все, что нужно. Тоже — и об артели. Спасибо Вам за все эти сведения и за Ваши хлопоты.

Напрасно Вы сердитесь на меня за то, что я действительно стесняюсь затруднять Вас частыми остановками у Вас. Это естественное чувство, особенно — в наше время, когда все так дорого и трудно. Если бы я был лишен его совершенно, это было бы хамством, по-моему. Пожалуйста, не сердитесь. Передайте от меня сердечный привет Петру Семеновичу, а мама и Любовь Дмитриевна просят Вас крепко поцеловать.

Преданный Вам Ал. Блок.

Не успел я послать Вам письмо, как позвонили, что Ел «ена» Андр «еевна» Кнорре² привезла деньги от артели. Сегодня я их получу.

¹ Навеллан (Naveillan) — см. п. 29, прим. 1.

² Е. А. Кнорре — жена писателя Г. Ф. Кнорре (псевдоним А. Кириллов).

32

28 ноября 1920 г. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Почему Вам так плохо? Я не то что удивляюсь этому, потому что всем нам очень плохо. Но может быть есть конкретные причины. Очень желаю, чтобы их не было. Эти годы были так трудны и тяжелы, что теперь, по-моему, малейшая конкретная неприятность ложится на измученные нервы, как большая.

Я довольно много работаю, это только и спасает. Иногда помогает театральная атмосфера, за мишурой прячется на час, на два та «щель истории», в которую мы попали. Впрочем, стоит выйти на улицу — и вновь охватывает мрак, скука и серость, которым нет конца. Они и в партере и нет им исхода.

Вчера у нас была премьера Шейлока¹, сошла хорошо. Ставил Бенуа². Был успех.

Если будет Ваша милость продолжить разговор с Владимиром Ивановичем³, за который благодарю Вас от всей души, — то не сказать ли «миллион»? Так думают мама и Любовь Дмитриевна, полагаая, что тогда они могут дать половину. Все дело, конечно, в страшном названии, а цена ему ведь 10 рублей. Мне еще приходит в голову, не может ли Художественный театр платить в рассрочку; но это, может быть, непрактично. Если найдете возможным, произнесите вышеуказанную сумму, если нет, — 500 тысяч, как указываете Вы.

Если еще не послали деньги, можно передать Самуилу Мироновичу, едущему в Москву.

Представьте, что я все еще очень хочу, чтобы Художественный театр поставил пьесу, хотя все причины отчаяться и разочароваться, казалось бы, налицо.

У меня в них большая и старая вера.

Слухов про Москву столько, что я им уж вовсе не верю. Если будете писать с Самуилом Мироновичем⁴, не сообщите ли что верного?

Ремизову⁵ звонил, он Ваше письмо получил. Спасибо Вам за заботы о Навельяне⁶, мы знаем от его жены, что он, бедный, очень их ценит.

Будьте крепкой волей, как почти всегда.

Воля Вас спасает.

Преданный Вам Ал. Блок.

¹ Постановка трагедии Шекспира «Венецианский купец» в Большом драматическом театре в Петрограде. Блок отметил в записи от 27 ноября 1920 г.: «Первое представление Шейлока. Все, как полагается. Мама была» (ЗК, 508). Мать Блока писала об этом Н. А. Нолле-Коган: «Сейчас он (Блок. — Л. К.) невеселый. Но лучше чувствует себя в театре, где только поставили «Венецианский купец». Я была на первом представлении. Что за блеск, как хорош Бенуа — режиссер и декоратор. В общем хорошо играют. Для меня, при моих классических вкусах и романтическом воспитании, такие зрелища ненаглядны. А Сашенька ведь неисправимый романтик. И ему тоже хорошо в этой атмосфере» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2).

² Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) — художник, историк искусства, художественный критик и мемуарист.

³ Владимир Иванович Немирович-Данченко. Речь идет о постановке «Розы и Креста» в Художественном театре — см. ниже воспоминания Н. А. Нолле-Коган, а также сообщение М. Ф. Полкановой (кн. 3).

⁴ Алянский.

⁵ А. М. Ремизов — см. п. 28, прим. 6.

⁶ Навельян — см. п. 28, прим. 1.

33

30 ноября (1920). «Петроград»

Сейчас пришла в полной сохранности вся Ваша драгоценная посылка¹. Сколько Вы делаете для меня, друг мой Надежда Александровна, я не знаю, как Вас благодарить. Цело все — продовольствие, табак, деньги, книги.

Письмо Вам передадут или С. М. Алянский или Н. А. Павлович², едущие в Москву. Вы совершенно правы, что ответили К. С. Станиславскому утвердительно³. Если встретите его, передайте ему, что я всегда его нежно люблю и радуюсь его решению. Вам скажу, что думаю, что дело его, вероятно, очень затянется, но ничего — пусть, потому что, когда на одном пути застопорилось, надо переходить на другой. Денег просить теперь, очевидно, надо меньше, чем я писал.

Посылаю Вам, наконец, свое «исследование» о разных «наштаверхах»⁴. Если попадется в магазине I том Сабашниковского эпоса (русского)⁵, отложите мне, чего бы он ни стоил (но не дарите таких драгоценностей, ей богу, совестно, а иметь его целиком жажду).

Петру Семеновичу — низкий поклон и благодарность за поздравление⁶ от всей души, но поздравлять-то не с чем, старость — не радость.

Еще раз за все Вам спасибо.

Ваш Ал. Блок.

Любовь Дмитриевна просит Вам очень кланяться.

¹ Посылка была послана Блоку в качестве подарка ко дню рождения — 16/29 ноября Блоку исполнилось 40 лет. Мать Блока писала Н. А. Нолле-Коган в письме от 30 ноября 1920 г.: «Вчера был день рождения моего Душеньки. Да, для меня это самый большой праздник в году» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2).

² Надежда Александровна Павлович (1895—1980) — русская поэтесса и переводчица, автор воспоминаний о Блоке и стихов, посвященных ему.

³ Утвердительный ответ К. С. Станиславскому о постановке пьесы Блока «Роза и Крест» в Художественном театре.

⁴ Наштаверх — начальник штаба верховного главнокомандующего; сокращение употреблялось в военных кругах в годы I мировой войны. Наштаверхи менялись в последнее время царствования Николая II. Блок посылал свою работу «Последние дни старого режима». («Былое», 1919, № 15). См. п. 31, прим. 4.

⁵ В серии «Памятники мировой литературы» (издательство М. и С. Сабашниковых) были изданы два тома «Былины», под редакцией М. Н. Сперанского; I т., М., 1916; II т., М., 1918.

⁶ П. С. Коган поздравил Блока с 40-летием со дня рождения.

Дорогая Надежда Александровна.

То, что Вы мне написали, очень важно, потому что Вы хотите, чтобы это было важно. Все на свете так — зависит от отношения. Даже то, о чем Вы пишете, может пройти и проходит почти у всех кое-как, так себе, как все; но Вы говорите этому «да». Говоря так, Вы берете на себя страшную ответственность. Вы хотите, чтобы я нашел в душе «хорошие слова» и написал Вам. Я нахожу слова, но не знаю, хорошие ли они; во всяком случае, они — горькие, но иными сейчас не могут быть настоящие слова.

Вы связываете будущего ребенка² с мыслью обо мне. Я принимаю это, насколько умею, а умею очень плохо. Вообще, я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте о 99/100 меня, о всем слабом, грешном и ничтожном, что во мне. Но во мне еще, правда, 1/100 того, чтобы надо было передать кому-то; вот эту лучшую мою часть я бы мог выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком *мира*, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть и бунтовать и разрушать, она во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего *совесть*, пусть она хоть обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, будет богато и ближайшее будущее.

Поймите, хотя я говорю это, говорю с болью и с отчаянием в душе; но пойти в церковь все еще не могу, хотя она зовет. Жалейте и лелейте своего бу-

дущего ребенка; если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней.

Вот Вам слова лучшие, какие только могу найти сейчас, самое большое, что я могу увидеть и обобщить моими слепнувшими от ужаса глазами — в будущем.

Теперь о другом. Я получил в целости все — в два приема: и деньги (по 70 т. в два приема), и I том «Былин», и все вкусные вещи, которые, право, украсили жизнь в эти дни. За все это великое Вам спасибо. Каково происхождение I тома «Былин». Если это подарок, то не надо делать таких роскошных подарков. Часть экземпляров этой книги была скуплена здесь Митюрниковым, а много сгорело на складе у Сабашникова. Я могу ее купить. А вы дарите. Ведь Вы мне много дарите и без того, а мне будет стыдно поэтому просить у Вас еще некоторые книги, которые можно было бы купить, пользуясь услугами «артели деятелей искусства».

2) Нового года я еще не чувствовал, поздравляю Вас с тем, который наступает. Он наступает вообще всегда *после* Рождества. Тот новый год я никак не встретил. У меня было что-то вроде простуды, у меня повысилась температура, я отказался идти в одно место, где обещали, что будет очень пьяно. В таком месте я был недавно только раз, не откажусь пойти и теперь, когда представится случай; все-таки — встряхивает. А зима, перевалившая за половину, уже дает себя чувствовать, лежит тяжестью на плечах. Все, что я слышу от приезжающих из Москвы, не весело, хуже, чем то, что видел я. И у Вас уже жизнь умирает, как здесь.

Меня поддерживает, главным образом, работа. Я окончил редакцию Гете «Торквато Тассо»³, проведя с Гете много часов и набравшись от него силы, насколько сумел. Можно было бы соединить приятное и с полезным, если бы литературный труд, хоть сколько-нибудь оплачивался сейчас. Но положение писателей (не говорю о себе, потому что у меня есть разные выходы) хуже, чем когда-нибудь. Мы заседаем, пишем всякие воззвания, не знаю, будет ли от них прок. Заседать мне уже вовсе не трудно, хоть удалось сохранить здоровое чувство карикатурности при взгляде на самого себя (на других, которые окончив болтать о литературе, садятся за тот же стол болтать о театре, а потом — о пайках, а потом — о «мерах», и т. д.). Посмеяться иногда помогает, все-таки.

Ну, до свиданья, берегите себя, будьте здоровы. Петру Семеновичу передайте от меня искренние пожелания на Новый год. Любовь Дмитриевна кланяется Вам и поздравляет Вас. Она очень увлечена работой в театре «Народной Комедии», где сейчас много и с успехом играет⁴.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Письмо было опубликовано в сильно сокращенном виде — VIII, 532.

² Н. А. Полле-Коган в декабре 1920 — январе 1921 г. писала Блоку: «Друг мой, яжду ребенка и отец его мой муж» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276). Она просила Блока быть крестным отцом будущего ребенка.

³ В 61-й записной книжке Блок записал 9 декабря 1920 г.: «Редакция I-го явления «Тассо» Гете (перевод Зоргенфрея). Союз поэтов в доме Мурузи — говорят о Гете. Не пойду. Дни большой и хорошей работы». 16 декабря — помета Блока: «Редакция Тассо» (ЗК, 509). В дневнике Блока — записи 7 и 8 января 1921 г.: «Последнее чтение «Тассо» Гете» и «Окончено последнее чтение «Тассо» Гете, дальше следуют: «Гете. «Торквато Тассо» (Перевод Зоргенфрея) — образцы стихотворного перевода и заметки Блока (VII, 392—395).

⁴ 25 декабря 1920 г. Блок отметил в 61-й записной книжке: «Любин спектакль. Люба играла хорошо («Проделки Смеральдины» Соловьева и Дельвари)» (ЗК, 510).

¹ Приписка под текстом письма Л. Д. Блок — Н. А. Нолле-Коган. Письмо Л. Д. Блок — без даты; по содержанию может быть датировано февралем 1921 г. В этом письме Л. Д. Блок пишет:

«Дорогая Надежда Александровна.

Благодарю Вас и целую за посланное! Написал ли Вам Александр Александрович, что он получает два новых пайка — большое подспорье — настолько, что придется покупать только более тонкие вещи. Потому прошу Вас, дорогая Надежда Александровна, — покупайте *только* чай и ничего не присылайте своего — ради бога!» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. № 6).

Текст приписки Блока воспроизведен полностью в изд.: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма А. Блока. с. 334.

36

2 марта 1921. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

В Вашем письме действительно есть признаки большой внутренней усталости. Эту третью зиму нам кончать трудно, и всем, по-видимому, одинаково трудно, как почти все стало бедно и одинаково.

Очень понимаю Вас, сочувствую Вам и бедному Петру Семеновичу, которому от души желаю отдохнуть ¹, если это и несколько возможно в этих условиях.

И мы все очень устали. Я еле волочу ноги иногда, бывают дни полные какой-то апатии, сонные, так что работать невозможно ². Работа же только и помогает.

Вот дела:

Во-первых, посылаю Вам книжечку с самооправдывающим заглавием «Отроческие стихи» ³. Они действительно отроческие, но так как это будет 500 экземпляров для любителей, то я не расскажусь. Ни одно стихотворение нигде напечатано не было, и я их все по-своему люблю.

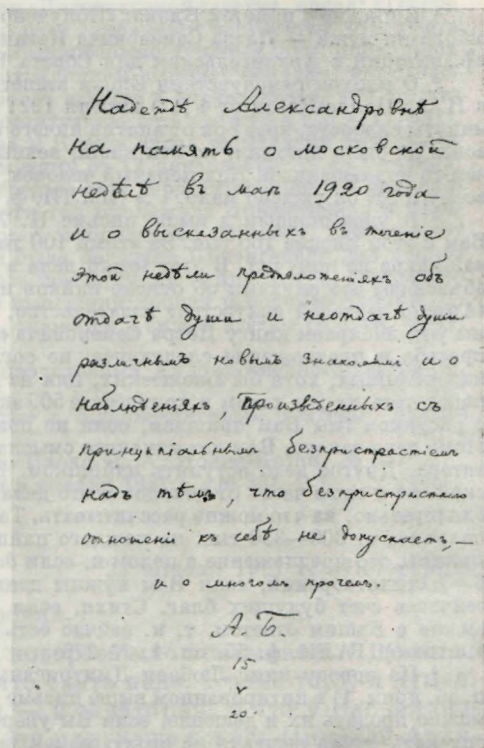
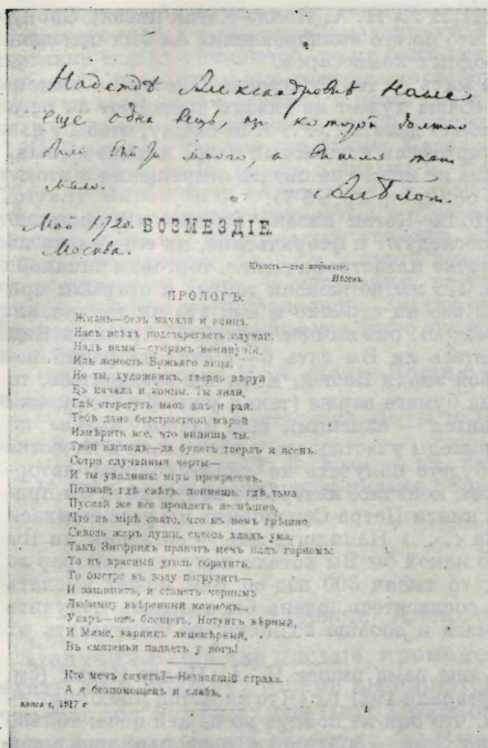
Если Вы сама продержите корректуру, соблюдая в многоточиях *четыре* точки, вместо обычных трех и Т большое и малое, буду очень Вам благодарен. Хорошо бы, если можно, по старой орфографии. Обложку надо как можно проще, особенно — *без признака футуризма*: острые буквы и цветочек какой-нибудь. Прилагаю собственный рисунок! Мне дайте экземпляров 10—15. Гонорар Вам виднее: номинал будет меняться еженедельно, а мне дайте процентов 10—15.

Вступить пайщиком в артель *хочу*. «Получить тысяч 300 в счет будущих благ» сейчас *хочу*. Вот кажется все, касающееся артели. Январские 100 тысяч получил. Спасибо. Кстати, верно, книги Любовь Дмитриевны ⁴, которые Вы, помните, взяли тогда, не продаются?

Мои дела: я продал много книг ⁵ в магазин Дома Искусства, открывшийся недавно. Выходит журнал Дома искусств. Я отказался от предложения г. Ионов ⁶ издать мой III том в «государственном издательстве». Будет выходить журнал нашего профессионального союза (писателей). «Записки мечтателей» ⁷ (№ 2) тоже выйдут. И мой «Рамзес» ⁸. Я трижды читал речь о Пушкине ⁹ для Дома Литераторов — будет в их Пушкинском сборнике и, может быть, в «Вестнике литературы».

«Всемирная литература» ¹⁰, несмотря на все, жива. В театре сегодня генеральная Гольдони ¹¹ («Слуга двух господ»). «Двенадцать» ¹² вышли еще в Берлине (несколько), Италии, Чите, Парижское и Миланское у меня есть. Спасибо за русскую книгу, она хорошая, и показывает, что там становятся объективнее, и не все хотят распускать про нас гнусные клеветы, вроде m-me Даманской ¹³.

«Роза и Крест» ¹⁴ пойдет в Берлине и в Вене. Скажите Вы Леонидову или Немировичу ¹⁵, не специально, а если увидите, что все-таки я обижаюсь на них. Прошло *5 лет* ¹⁶, пьеса не идет и, очевидно, не пойдет. Сам я не заключил с ними никакого договора, веря в них, и ничего не предпринимал, напротив,

БЛОК. «ВОЗМЕЗДИЕ». «РУССКАЯ МЫСЛЬ»,
 1917, № 1
 С дарственной надписью Н. А. Нолле-Коган от
 мая 1920 г.
 Центральный архив литературы и искусства,
 Москва

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА БЛОКА
 Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН ОТ 15 МАЯ 1920 г.
 Автограф
 Центральный архив литературы и искусства,
 Москва

охранял их первенство, когда мне предлагали условия Сибиряков, или Александринка.

Деньги же за эти пять лет получены самые незаметные, мелкие «на чай». Зачем же так потеряны эти пять лет, да еще в то время, когда все время приходится думать о пропитании? И не могут ли они привести вопрос к полной ясности хоть *теперь*: освободить меня совершенно от моральных обязательств и вознаградить материально, хотя бы тогда, когда их дела поправятся? При этом, как-нибудь зафиксировать это в письменном договоре? Что за охота целому всемирно-известному учреждению, как Художественный театр, быть столь неотчетливым в деле с одним автором, который живет тут же, под боком, а не в другой стране? Я умоляю их перестать давать уклончивые ответы и привести все дело в полную ясность.

Больно, когда обижают свои, когда довольно обид и от посторонних. Вот, кажется, пока все дела.

Мама просит передать Вам привет и ждет от Вас письма. Любовь Дмитриевна много играет и очень увлечена своим театром¹⁷. Она Вас приветствует.

Будьте здоровы, Вы и Петр Семенович.

Думаю, усталость заметна и в том, что я пишу, голова всегда почти тяжелая, а на душе, в лучшем случае, грустно.

Преданный Вам Ал. Блок

Получили ли Вы мое длинное и еще более тоскливое письмо¹⁸? В ответ на рождественское письмо. <...>

¹ В письме с пометой Блока: «Получено 28.II.21 г.» Н. А. Нолле-Коган писала Блоку о болезни мужа — Петра Семеновича Когана и что по его выздоровлении он был помещен в санаторий в Архангельском для Совета Народных комиссаров.

² О плохом самочувствии Блока пишет его мать А. А. Кублицкая-Пиоттух в письме к Н. А. Нолле-Коган от 4 (17) апреля 1921 г.: «Сама худеет на глазах, нападают на него минуты слабости, когда он от апатии ничего не может делать <...> Я не скажу, чтобы у нас вовсе не было питания, но эти каши, вечный картофель и ужасный хлеб, невыпеченный, чем-то подмешанный! Как первый человек, Сапа не может не питаться отвращения к этому всему и ест он ужасно мало...» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. № 7).

³ В упоминавшемся выше письме Н. А. Нолле-Коган писала Блоку: «Я посылаю Вам в этом письме 100 тыс. За этими 100 тыс. последуют и февральские, их еще никто из пайщиков не получал. В этот месяц дела в лавочке катастрофические, торгавли никакой, объясняют это слухами об отмене пайков и пр. Но мы не желаем тонуть и открыли при «Артели деятелей искусства» издательство. Как это ни странно и как это ни трудно, но мы уже набираем книгу Петра Семеновича «О театре», она выйдет первой. У Артели к Вам просьба и предложение следующее: не согласитесь ли Вы дать 6—7 стихотворений не напечатанных, хотя бы юношеских, или из любой эпохи Вашей. Если Вы согласитесь, то напечатать их мы хотим в количестве 500 экз. на бумаге верже (такая уже есть), обложка с рисунком (мы Вам пришлем, если не понравится — изменим). Мое личное мнение по этому делу таково. Вам нет никакого смысла и выгоды участвовать у нас только в качестве автора. Другое дело вступить пайщиком. Вы будете получать не только гонорар авторский, но и свою часть от доходов всего дела. Вам, конечно, интересно знать, хотя бы приблизительно, на что можно рассчитывать. Так с книги Петра Семеновича мы рассчитываем получить от 300—350 тыс. на каждого пайщика <...> Напишите мне — согласны ли Вы принять это предложение в целом и, если да, то какой бы Вы хотели получить гонорар за 6—7 стихотворений, если Вам нужны деньги, то тысяч 300 изд-во Вам может выслать сейчас в счет будущих благ. Стихи, если Вы согласитесь, очень бы хотелось получить вместе с Вашим ответом, т. к. сейчас есть бумага и вообще возможность напечатать их быстро» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

⁴ По поводу книг Любови Дмитриевны — она сама пишет Н. А. Нолле-Коган (см. п. 36, прим. 1) в цитированном выше письме от февраля 1921 г.: «Что касается моих книг — можно продать их и дешево, если Вы уверены, что они не пойдут по нашей цене: только спускать их по дешевке не стоит; какая именно цена — в этом уж позвольте мне полагаться на Вас, раз Вы такая милая, что согласились заняться этими книгами».

⁵ В цитированном уже выше письме матери Блока она сообщает, что Блок «все время измышляет разные способы продавать вещи, книги. В Петербурге, говорят, ни у кого нет денег. Плохо покупают...» Блок записал в дневнике: «Много сил ушло на продажу и переправку книг в лавку Дома искусств» (VII, 421).

⁶ Илья Иванович Ионов (*Бернштейн*) (1887—1942) — поэт и издательский работник. После Октября заведовал Изд-вом Петрогр. совета рабочих и крестьянских депутатов и Ленинградским отделением ГИЗа. У Блока с ним были столкновения из-за изданий его книг. Третья книга стихотворений Блока вышла, как он и хотел, в изд-ве «Алконост» в Петрограде, в 1921 г.

⁷ «Записки мечтателей» — лит.-худож. журнал, изд. группой символистов в Петрограде (изд-во «Алконост») в 1919—1922 г.; всего вышло 6 номеров. Блок напечатал там циклы стихов (1919 г.), 3-ю главу поэмы «Возмездие»: с предисловием автора, черновые наброски к этой поэме и др.

⁸ «Рамзес. Сцены из жизни древнего Египта». Пьеса написана Блоком в конце 1919 г., когда он работал в «Комиссии по составлению исторических картин», организованной по инициативе и при участии А. М. Горького. Напечатана отдельным изданием, «Алконост», 1921. Это последняя книга, выпущенная при жизни Блока. На сцене не ставилась.

⁹ Речь Блока «О назначении поэта» была написана к 84-й годовщине смерти Пушкина. Читалась Блоком 13 февраля 1921 г. на вечере в Доме литераторов в Петрограде; там же была повторена 26 февраля и в 3-й раз — в Петроградском университете. Впервые опубликована — «Вестник литературы», 1921, № 3; 2-я публикация — сб. «Пушкин. Достоевский», 1921. (VI, 160—168).

¹⁰ «Всемирная литература» — см. п. 14, прим. 3.

¹¹ Карло Гольдони (1707—1793) — итальянский драматург, реформатор итальянского театра, создатель национальной комедии.

¹² Поэма Блока «Двенадцать» вышла в Германии — перевод Е. Грегера (E. Groeger von. «Die Zwölf». Berlin, Neva-Verlag, 1921); перевод Р. Вальтера — «Двенадцать» и «Скифы» (R. Walter. «Skythen», «Die Zwölf». Berlin, Verlag «Skythen», 1921). Некоторые переводы были напечатаны ранее в журналах «Hiperion», «Morgen». Во Франции — перевод С. Ромова (S. Romov. «Les douze». Paris. «La Cible», 1920. «Двенадцать». Париж. «Мишень». 1920. В Италии — B. lo k A. Canti bolscevichi. Dvjenadzat. Prima tradur. Italiana der russo. Milano. Soc. R. Quintier. 1920).

Блок записал 16 декабря 1920 г. (Записная книжка № 61) — «Е. Ф. Книпович принесла парижские бездарности — «Двенадцать» во всех видах» (ЗК, 509).

¹³ А. Ф. Даманская — сотрудница изд-ва «Всемирная литература», выступала с речью на юбилее А. М. Горького 30 марта 1919 г. Блок в статье о белоэмигрантской це-

чати, написанной для неосуществившегося издания «Литературной газеты», писал: «Теперь голоса этих господ и господж «Даманских» всякого рода замолкают: разумеется, отдельные сплетники еще не унимаются, но их болтовня — обыкновенный уличный шум; появляется все больше настоящих литературных органов, сотрудникам которых понятно, что с Россией и со всем миром случилось нечто гораздо более важное и значительное, чем то, что г-жам Даманским прихотилось читать лекции проституткам, есть капуста и т. п.» (VI, 491).

¹⁴ По поводу постановки драмы Блока «Роза и Крест» писал переводчик этой пьесы на немецкий язык Е. Грегер в письме Е. И. Замятину от 17 января 1924 г. из Берлина: «Самуилу Мироновичу <Алянскому> я прошу передать мой сердечный привет и еще следующее: переведенная мною «Роза и Крест» почти год пролежала отпечатанная в издательстве, т. к. все не удавалось устроить вопрос с авторизацией перевода. Осенью этот вопрос был, наконец, улажен, и книга вышла и была передана Кипенгайеру для хлопот по постановке на сцене. К сожалению, не удалось по-видимому найти театра, согласного принять драму к постановке пока. Значит сезон нынешний пропал неиспользованным. . . Неужели рок, преследующий как будто эту вещь, окажется в силе и здесь!» (ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. № 65).

¹⁵ О переговорах Н. А. Нолле-Коган с руководителями Художественного театра см. ее воспоминания.

¹⁶ Переговоры о постановке «Розы и Креста» с Художественным театром начали вестись еще в 1916 г.

¹⁷ О деятельности Л. Д. Блок — см. письмо Блока Н. А. Нолле-Коган, № 35.

¹⁸ Речь идет о предыдущем письме Блока от 8 января 1921 г. (№ 35).

37

23 апреля 1921 г. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Получил Ваши два письма, кроме того, которое было с посылкой. Я не знал, ехать ли в Москву, теперь выясняется, что ехать надо. Кроме того, я думал, что Вы оба больны, что Петр Семенович — в санатории, и что у Вас остановиться теперь очень стеснило бы Вас. Меня приглашал жить Николай Архипов¹ — есть такой беллетрист и издатель. Но, раз Вы так ласково и мило пишете оба², если это не стеснительно для Вас, думаю — приехать к Вам.

Спасибо за все, скоро увидимся. Мы с К. И. Чуковским³ выезжаем 1-го (в день Пасхи), — значит, 2-го утром будем в Москве.

Чуковский написал большую и интересную книгу обо мне⁴, из которой и будет читать лекцию, а потом я буду подчитывать старые стихи. Жалею только, что в этом году у меня на душе еще тяжелее, чем в прошлом, может быть, от того, что чувствую себя физически страшно слабым, всегда измученным. Обстоятельства наши домашние очень тяжелы⁵.

Ну, до свиданья, до Москвы.

Сердечный привет Петру Семеновичу, благодарю обоих Вас за милые письма.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Николай Архипович Архипов (псевд. Бенштейна) (р. 1881); автор повести «Ее тайна» (М., 1918), романов «Темные воды» (М., 1923), «Так было» (М., 1926) и др.

² Н. А. Нолле-Коган в письме Блоку (без даты, но относящемся к началу апреля 1921 г.) пишет: «Дорогой Александр Александрович, из афиш и от того приехавшего из Петербурга человека я узнала, что Вы приезжаете в конце страстной недели в Москву. Почему Вы ничего сами не пишете мне? Конечно, Вы остановитесь у нас, я иначе не могу и не могу даже мыслить Вашего приезда. Вы в Москве и не у нас — это такая смертельная обида, что вообще не только говорить, но думать об этом не могу. В год раз я вижу Вас и это такой праздник, что Вы не найдете в себе жестокости лишить его меня. Петр Семенович уверяет, что я волнуюсь зря и неверно представляю себе Ваше дружеское отношение к нам. Что в Ваше дружеское отношение он верит и знает, что ни его, ни меня Вы не захотите огорчать и обижать, останавливаясь где-нибудь еще. Итак, мы ждем Вас всем домом очень. Петр Семенович здоров теперь совсем. Я ни о чем ни думать, ни писать не могу, как только что Вы снова в нашем доме. Все-таки бог хранит моего будущего ребенка, раз в эти дни, перед таким испытанием еще раз даст возможность видеть Вас, как хорошо от одной мысли. Ну разве не чудо для меня все это. Целую Александру Андреевну и Любовь Дмитриевну крепко. Если успеете, то напишите мне, чтобы я Вас встретила» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

Следующее письмо Н. А. Нолле-Коган Блоку — 19 апреля 1921 г., в котором она повторяет свое приглашение, на этом письме — приписка П. С. Когана: «Дорогой Александр Александрович, приезжайте к нам прямо. Если остановитесь в другом месте, это будет большим ударом для Надежды Александровны и великим огорчением для меня.

Если бы думал, что на Вас можно повлиять доводами эгоистического порядка, то добавил бы, что нигде Вы себя не будете чувствовать так хорошо и уютно, потому что нигде Вас так не любят, как в нашем доме.

Ждем Вас. Если предупредите о дне приезда! (только заранее, письма запаздывают) Надежда Александровна встретит Вас и привезет.

Искренне Ваш П. К о г а н.

19 апреля 1921 г.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

³ По поводу поездки Блока с Чуковским в Москву мать Блока пишет Н. А. Полле-Коган в письме от 4 (17) апреля 1921 г.: «Вот он (Блок. — Л. К.) собрался теперь в Москву с Чуковским получить денег за вечера. Тут инициатива Чуковского, который кажется очень интересный и совершенно с новых точек вевет доклад о Блоке. Это человек чуткий к художественному на редкость. Буду сама судить о его докладе на днях, когда он будет читать его здесь. Собрались они с Чуковским на пасхальной неделе к Вам в Москву <...> я бы желала, чтобы Саша поехал. Это его подбодрит. Другая жизнь, другие впечатления. В прошлом году он хорошо съездил, но тогда ведь как Вы о нем заботились, и как ему было у Вас хорошо! Я бы желала, чтобы эта поездка состоялась скорее. У Вас в Москве и жизнь другая» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, № 7).

⁴ Речь идет о «Книге о Блоке» К. И. Чуковского (Пг., изд-во «Эпоха», 1922).

⁵ Имеются в виду постоянные ссоры между женой и матерью Блока, который записал в дневнике 21 января 1921 г.: «В результате страшного дня между мамой и Любой произошел разговор, что надо разъезжаться»; 18 апреля 1921 г. — «Опять разговоры о том, что нужно жить врозь, т. е. маме отдельно...» (VII, 398, 415).

20.V.1921. «Петроград»¹

Дорогая Надежда Александровна.

Чувствую себя вправе писать Вам карандашом, в постели и самое домашнее письмо; потому что мне кажутся уже после нынешней Москвы наше знакомство и наша дружба — старыми, укрепившимися.

Больше недели прошло с тех пор, как я приехал. Это время я провел дома, сначала — на разных креслах и наконец уже в постели, с жаром, что и до сих пор продолжается. Доктор², не опровергающий ничего, что сказала Александра Юлиановна³, считает, что без санатории не поправить ни душевного, ни физического состояния. Я чувствую, что он прав, хотя думать об этом, как обо всем, мне, конечно, лень. Тем не менее, мож(ет) быть, следовало бы сделать последнюю в жизни попытку «поправиться» (не знаю зачем). От кого зависит попасть, например, к Габаю⁴ на июль и август? Как этого достичь?

Ваши дела гораздо серьезнее моих⁵. Напишите мне, как Вы чувствуете себя, как дела Вашего отца⁶, уехала ли Любовь Ивановна? ⁷ У Вас мне было хорошо, насколько только можно в таком состоянии, в каком я сейчас нахожусь. Поверьте, что я глубоко благодарю и ценю Вашу удивительную заботливость и чуткость, доброту и мудрую мягкость Петра Семеновича. Вся атмосфера Вашего дома — в Москве — хуже, чем была в прошлом году; или я не мог воспринимать ничего от болезни; все эти публичные чтения, несмотря на многое приятное, что даже до меня доходило, — были, как тяжелый, трудный сон, как кошмар.

Выгоды моего положения заключаются в том, что я так никого и не видал и никуда не ходил — ни в театры, ни в заседания; вследствие этого у меня появились в голове некоторые мысли, и я даже пробую писать. Любовь Дмитриевна очень заботится обо мне. Мама живет в Луге, пока благополучно. Мой телефон давно и, вероятно, надолго сломан.

Я вспоминал «Розу и Крест», еще раз проверил ее правду, сейчас верю в пьесу, при встрече с Оск. Блумом⁸ мог бы рассказать ему много. Не давал ли знать о себе Шлуглейт⁹, не выяснилось ли чудо с Браиловским?¹⁰

Книжки скоро вышлю. Сердечно приветствую обоих Вас, Любовь Дмитриевна просит кланяться. Ездите ли Вы на дачу? В своем ли уме еще серый кот?

Ваш Ал. Б л о к

¹ Опубл. — VIII, 534—535, с купюрой и неверным прочтением одного слова — «ровых» вместо «равных». Текст — графическим карандашом. На обложке — ошибочная

надпись Н. А. Нолле-Коган: «Последнее письмо, полученное от А. Блока». Последнее письмо Блока к ней — 2 июля 1921 г.

² Александр Григорьевич *Пекелис* — врач-терапевт, лечивший Блока в 1920—1921 гг. В записной книжке 31 декабря 1920 г. — помета Блока: «У меня — доктор Пекелис».

³ Александра Юлиановна *Канель* — врач Кремлевской больницы, лечившая Блока во время его пребывания в Москве у Коганов. Блок писал матери 12 мая 1921 г. «У меня была кремлевская докторша, которая сказала, что дело вовсе не в одной подагре, а в том, что у меня, как результат однообразной пищи, сильное истощение и малокровие, глубокая неврастения, на ногах цынготные опухоли и расширение вен. . . Я буду стараться вылечиться» (VIII, 533—534).

⁴ *Габай* — врач, применявший методы тибетской медицины.

⁵ Н. А. Нолле-Коган писала Блоку о своем состоянии: «Положение ребенка у меня неправильное, роды будут производить операционным путем. Операция будет тяжелая. Врач предупредил меня».

⁶ Отец Н. А. Нолле-Коган, А. Н. Нолле, был болен.

⁷ Родственница Коганов.

⁸ Оскар Вениаминович *Блюм* (1887—?) — литератор и театральный деятель. Был режиссером театра Незлобина. В 1923 г. эмигрировал. Блок возлагал на него надежды как на режиссера при постановке «Розы и Креста».

⁹ Мориц Мионович *Шлуглейт* — театральный деятель.

¹⁰ Семен Осипович *Браиловский* (1876—1959) — член правления театра МОНО (быв. Незлобина), режиссер, переводчик, театральный деятель. Потерпев неудачу с постановкой «Розы и Креста» в Художественном театре, Блок передал драму в театр Незлобина и записал в дневнике от 11 мая 1921 г.: «Стали думать, кому продать. Остановились на Незлобине, к театру которого близок П. С. Коган. Управляющий делами Браиловский вычислил, что до генеральной репетиции (в сентябре), если приравнять меня к Шекспиру и дать четверной оклад лучшего режиссера РСФСР, нельзя мне получить больше 1½ миллиона < . . . >. Узнав об этом Браиловского, Станиславский позвонил Шлуглейту (театр Корша), который наговорил ему, по его словам, что я — Пушкин, что он не остановится перед 2—3 миллионами и дает сейчас 500 тысяч, чтобы я приостановил переговоры с Незлобиным. Узнав об этом от П. С. Когана, Браиловский мгновенно приехал на мой вечер в Политехникум и на слова Н. А. Нолле, что меня устроит 5 миллионов, сказал, минуту подумав, что готов на это, а на следующий день привез мне 1 миллион и договор, который мы и подписали. Все это бесконечно утомляло меня, но, будем надеяться, сильно поможет в течение лета, когда надо вылечиться» (VII, 419). Текст договора опубликован — «Блоковский сборник», 2, Тарту, 1972, с. 411. Об этом Блок писал и матери 12 мая 1921 г.: «Выгода, довольно большую, я получил от продажи «Розы и Креста» Театру Незлобина, где она пойдет в сентябре» (VIII, 533). Однако постановка «Розы и Креста» и в этом театре не состоялась, так как и Блюм и Браиловский покинули театр в конце мая 1921 г.

39

2 июля <1921>. <Петроград>

Дорогая Надежда Александровна, ну, поздравляю Вас ¹.

Письмо с этой серьезной вестью было *первым* от Вас, предвещающего я не получил.

Едва ли Вы сможете теперь устраивать дела. Поэтому я изложил С. М. Алянскому, который и передаст Вам это письмо, все свои мысли о Художественном театре (кстати, согласные с Вашими), он и переговорит с ними, и получит деньги от Незлобина ².

Мне очень трудно писать, потому что я не выхожу из постели, где лежать не могу никогда, а только сижу.

Вся главная моя болезнь — сердечная ³. Температура не падает. Постоянно задыхаюсь, не вижу почти никого. Исхода из этого острого состояния не вижу тоже.

Мама продолжает жить в *Луге* ⁴ (у переезда, дача Васильевой) и, наверное, будет рада получить от Вас письмо.

До свиданья, поправляйтесь и укрепляйтесь, напишите мне побольше ⁵.

Преданный Вам Ал. Блок.

¹ Блок поздравляет Н. А. Нолле-Коган с рождением у нее сына Александра, о чем она сообщала ему в письме, относящемся к середине июня 1921 г.: «Дорогой друг мой. 9 июня я родила мальчика Сашеньку. Роды были очень тяжелые, 4 часа я была под наркозом. Родился мой сыночек в 1 час. 30 м. дня, в самое Вознесение. Он очень мало весил, всего 6 с половиной фунтов. Я так долго Вам не писала, очень слаба и сейчас лежу в по-

стели и встану не раньше, как дней через 10. Почему Вы ничего не пишете в ответ на мое письмо, посланное с Николаевской артелью, где я пишу Вам о предложении Художественного театра и просьбе оставить им пьесу, причем все условия Незлобина они возьмут на себя. Я очень советую согласиться и прошу об этом. Судьба пьесы волнует меня очень. Незлобина боюсь. Ограничить только Художественный театр сроком постановки 1922 г., после этого, если не поставят, считать себя свободным. В таком роде я говорила с ними, и ждут только Вашего ответа через меня. Друг мой, я у Незлобина не брала еще денег Ваших. Срок — каждое 10-е. Если деньги нужны, пишите доверенность на имя Петра Семеновича, он получит, я выходить не смогу раньше двух недель. Кому бы пьеса ни была отдана окончательно, деньги будут платить. Это дело театров между собой. О Вашей санатории я все устрою тоже, как встану, досадно только, что Вы может быть из-за этого попадете несколько позднее, числа 10—12 июля. Я очень жду от Вас письма. Где Александра Андреевна? Я хочу написать ей и не знаю куда. Как Вы, Ваше здоровье? Мысль, что Вы больны, не перестает тревожить меня, иначе не знаю, почему не отвечаете. Будьте здоровы, друг мой милый. Мой Сашенька целует Вас.

Ваша Нолле

Р. С. Книжки Ваши все получила, сдала в магазин, но все та же причина мешает мне справиться о них. Привет Любове Дмитриевне» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

² «Мысли о Художественном театре» — о несуществившейся постановке «Розы и Креста»; с театром Незлобина был заключен договор на постановку драмы и деньги должны были выдать в счет постановки. См. п. 39, прим. 11.

³ Блок был болен воспалением сердечных клапанов.

⁴ О матери Блок записал в дневнике 11 мая и 25 мая 1921 г.: «Мама в Луге, Е. Я. Билицкий помог ей доехать бумагами, письмами, провизией и лошастью». «Мама после моего отъезда в Москву, при большой помощи Билицкого, уехала в Лугу и живет у тети» (VII, 420—421).

⁵ Ответ Н. А. Нолле-Коган на последнее письмо к ней Блока частично воспроизводится в ее воспоминаниях (см. наст. том).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ

Мне хочется начать мои воспоминания о Блоке с описания его внешности. Мне невозможно представить себе Блока и обрисовать его, не связывая образа поэта с определенной атмосферой, местом, природой, освещением, переживанием. В его внешности все зависело от состояния духа, все, даже колорит кожи, цвет глаз, цвет волос.

Каков был Блок? Красив? И да, и нет. Были ли глаза его светлыми или темными? Вились или гладкими были его волосы? На все отвечаю: и да, и нет.

Когда Блок бывал весел духом, спокоен, здоров, то кожа лица, даже зимой отливала золотисто-красноватым загаром, мерцали голубовато-серые глаза, волосы орехового оттенка (иного определения не подберу), легкие и пушистые, венчали высокое чело. Очерк рта выразительный и, когда он плотно сжимал губы, то лицо приобретало суровое замкнутое выражение, когда же улыбался, то оно сразу светлело и молодело. Походка упругая, легкая, фигура статная, ладная, весь он какой-то подобранный, все сидит на нем элегантно, ничего кричащего, вульгарного, все было тем, что французы определяют метким словом «comme il faut».

В дни душевного смятения, упадка духа, физического недомогания лицо серело, глаза тускнели, волосы темнели и переставали виться. Он весь словно сникал, и даже поступь тяжелеала. Есть снимок: Блок в гробу: на подушке покоится голова поэта с темными, совершенно гладкими волосами. Вот потому-то к внешности Александра Блока я буду возвращаться несколько раз и всегда в связи с теми моментами, о которых буду говорить.

Мое знакомство с Блоком началось не с личной встречи, а с переписки. В марте 1913 г. я написала ему первое письмо. В нем я, между прочим, просила поэта разрешить мне посылать ему иногда красивые розы.

Ответ я получила на данный мною адрес: Николаевская набережная, 13, до востребования: «Да, если хотите. Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма. Александр Блок. 13 марта 1913 г.»

С этого момента возникла наша переписка и вплоть до 28-го ноября мы переписываемся, не будучи знакомы.

28 ноября 1913 года я посетила Блока в первый раз и, хотя это положило начало нашим встречам, но переписки мы не прекращаем. Темой ее иногда служит беседа; которую мы ведем при встрече, порой впечатления от прогулки, порой прочитанная книга.

Например, в январе 1916 года я послала Блоку книгу П. С. Когана «Пролог», на что он ответил мне <письмо от 17 января 1916 г.>.

После февральской революции мы переезжаем в Москву, и переписка с Блоком принимает более интенсивный характер.

Настроение в ту пору у Александра Александровича было очень неровное, то кипучая деятельность, то полная апатия. Меня крайне огорчало, что Блок совершенно перестал писать стихи.

Кроме причин душевного, личного характера, изменить которые было не в моей власти, тут были причины чисто бытового характера, отягощавшие его жизнь и, мне казалось, что если их хоть немного облегчить, то этим хоть несколько поможешь ему. И вот в мае 1918 года я предлагаю посылать ему продовольственные посылки, так как вопрос снабжения в Москве был значительно лучше, чем в Петербурге <В письме от 16 мая 1918 г. Блок с благодарностью принимает это предложение>.

И вот я делаю первый опыт, отправляю продовольственную посылку и письмо. Получив посылку и письмо, Блок отвечает <13 июня 1918 г.>. Вслед за этим письмом я посылаю «Гавриладиу».

Так протекал 1918 год.

В августе 1918 года я еду в Петербург, чтобы окончательно ликвидировать квартиру и перевести в Москву библиотеку.

В этот мой приезд я познакомилась с женой поэта, Любовью Дмитриевной Блок. Скажу несколько слов о ней, ибо, вспоминая Блока, нельзя обойти молчанием двух столь тесно сплетенных с его жизнью и судьбой женщин, мать и жену.

В 1918 году, когда я с ней познакомилась, Любви Дмитриевне было 33 года. Ей эти годы можно было дать, и внешность ее на меня не произвела сильного впечатления, хотя те, кто знавали ее раньше, говорили, что она была очень хороша, чему легко можно было поверить. Крупная, высокая, статная, понравился мне тембр ее голоса, ее спокойная повадка держать себя, плавная поступь. При ближайшем духовном контакте вы сразу ощущали человека незаурядного, большого душевного диапазона, сильной воли, своеобразного ума. Мне не пришлось общаться с ней много, но когда нам приходилось говорить не на бытовые темы, а на отвлеченные, то мысли, взгляды, мироощущение, подход к людям, их характеристика — все было не банально, с ней никогда не бывало скучно, в ней неустанно жил жадный интерес к жизни. Но человеком она была замкнутым. Уже после смерти Александра Александровича в одном из писем ко мне она пишет: «Вы были другом настоящим — такие друзья не забываются. Если я мало общительна, мало буду искать Вас, писать Вам — Вы это поймете — не нужно объяснять, правда?»¹

Итак, я приехала в Петербург.

Несмотря на суматоху, связанную с переездом, Блока я видела почти ежедневно. Он приходил в мою уже разоренную квартиру, молча садился на какой-нибудь заколоченный ящик, иногда брал и перелистывал какую-нибудь книгу, еще не уложенную, или же вдруг хватал молоток и ловкими, сильными движениями принимался вгонять гвозди в ящики, а то вдруг машинально начинал в порядке расставлять вещи; то что-то где-то выравнивал. Затем вдруг дня на три он исчез. Я послала ему письмо, на которое он отвечает следующим письмом <от 4 сентября>.

Как-то осенью, в начале октября, ко мне зашел Ю. И. Айхенвальд и принес статью о Блоке, напечатанную в газете «Театральный курьер» № 11, 29 сентября — «Лирик нашего времени». Он просил меня прочесть статью и

сказать свое мнение о ней, что я и сделала. Блоку я послала и статью и письмо. Привожу отрывок из него: «Дорогой Александр Александрович, посылаю Вам статью Айхенвальда о Вас. Мне принес ее сам Айхенвальд, попросил прочесть и сказать свое мнение. Я прочла ее и о моем впечатлении скажу Юлию Исавичу, а Вы напишите свое». 6.X.1918 г.

Больше всего в этот период Блоку приходилось работать в Театральном отделе. Он ведет переговоры и переписку с множеством лиц, привлекая их к работе ТЕО. С подобным предложением он обратился и к Петру Семеновичу (Когану. — Л. К.).

14.XI.1918

«Многоуважаемый Петр Семенович.

Спасибо Вам за обстоятельный ответ, который я вчера получил, а сегодня доложил на заседании Секции. Предложение Ваше принято, конечно, единогласно (с указанной Вами суммой никто не спорил; обо всем этом официально известили Вас. Оформить получение денег проще через Москву, где есть свое отделение Т. (Отдел). Первая выплата, очевидно, запаздает, как везде теперь, кажется, но мы уже говорили сегодня со всеми, с кем следует. Мне остается просить Вас приниматься на необходимую нам работу, которой позволите располагать, как собственностью Секции, или отдела вообще (она может понадобиться историкам театра), т. е. в случае нужды печатать целиком или в выдержках, и т. д. Искренно Вас уважающий Ал. Б л о к».

Р. С. Если можно присылать по частям, будем Вам очень признательны. Адрес: Офицерская, 57, кв. 21 (мне), или Театральный отдел Народного Комиссариата по Просвещению, Репертуарная секция, председателю, — СПб., Дворцовая набережная, 30»².

Я встретила со Станиславским в театре, передала ему слова из письма Блока (18 января 1919 г.): «Если встретитесь со Станиславским, передайте ему, пожалуйста, что я о нем часто думаю и люблю его. . .». Мы заговорили о «Розе и Кресте», и я пишу Александру Александровичу: «Станиславского я видела, он сказал мне: «Актеры до тех пор не могут взяться ни за что новое, пока не разрешатся от «Розы и Креста». Все уже готово, кроме декораций». Это его буквальные слова» (20 февраля 1919 г.).

Зная, что он работает над Гейне, я посылаю ему в феврале 1919 года «Книгу песен» Гейне в Эльстеровском издании. Получив подарок, Блок пишет в письме от 28 февраля 1919 г.: Эльстеровский Гейне — такой точно — мне подарен моей матерью 10 лет назад. Теперь будут два, 1908 и 1919 года».

Он очень много в это время работает.

Уже в 1919 году у меня зарождается мысль уговорить Александра Александровича приехать в Москву читать стихи. Настроение у него в ту пору было мрачное, подавленное, тяжелая обстановка быта угнетала его. Он стал сомневаться в себе как в поэте. Я надеялась, что перемена обстановки благотворно повлияет как на его настроение, так и на здоровье. Я пишу ему об этом. Затем последовал обмен телеграммами, телефонные разговоры, и в мае 1920 года Блок приезжает в Москву и останавливается у нас.

Скажу лишь, что был приезд поэта истинным радостным и праздничным событием для нашего дома и для всей литературной Москвы. Он чувствовал атмосферу этой любви, поклонения и восхищения, выражавшиеся во множестве писем, подарков, цветов, которые ему присылали на наш адрес. Каждое выступление его было триумфом, и об этой поездке он писал и вспоминал всегда светло. Вскоре после его отъезда я получаю от него фотографическую карточку и письмо (от 9 июня 1920 г.).

Одновременно с письмом Блока я получаю письмо и от его матери:

«Спасибо Вам, дорогая и многоуважаемая Надежда Александровна, от всей моей материнской души шлю Вам горячую благодарность за Вашу ласку и внимание, за тот прекрасный прием, который Вы оказали моему сыну. Когда он вернулся к нам успокоенный, удовлетворенный и после его рассказа о московском пребывании, я почувствовала, как много обязана Вам,

как Вы прекрасно сделали, что вызвали его в Москву и устроили все так, что ему не пришлось думать о несносных околичностях обихода; если б Вы знали, как это для него важно. Для него вся поездка оказалась такой благодарной. У меня прямо потребность написать Вам, выразить Вам свою благодарность, послать Вам горячий привет, хотя Вы меня не знаете, но я так много о Вас слышала от моего сына, что как будто немножко Вас и знаю.

И вот решилась написать Вам. Крепко, горячо жму руку Вашу.
Искренне глубоко Ваша доброжелательница

А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х ³

О каждом пролетевшем мгновении храню тяжкое или легкое, радостное или горькое, но пуще всего в жизни остерегаюсь дней пустых! (из моего письма к Блоку) ⁴.

В конце августа 1920 года я еду в Петербург, где живу до начала сентября, и в этот проезд и познакомилась с матерью поэта Александрой Андреевной Кублицкой-Пиоттух.

Приехав утром и остановившись у моей приятельницы на Знаменской, я позвонила Блокам по телефону. Подошла Любовь Дмитриевна и сказала, что Александр Александрович уехал купаться в Стрельню, а Александра Андреевна дома и просит меня приехать, не дожидаясь Блока. Я так и сделала. Мы познакомились и подружились.

Позволю себе сказать несколько слов об отношениях между его матерью и женой, так как эти отношения сыграли большую роль в его жизни. Трудными они были и сложными. Зависело это, по-моему, главным образом, от следующих причин: обе женщины были натурами незаурядными. По складу характера, по мироощущению, по темпераменту, по внешности они были совершенно противоположны друг другу. Мать была романтик, с некоторой долей сентиментальности, но в высоком старинном значении этого слова, на малейшую бытовую, житейскую неувязку и на всякую душевную, даже не грубость, а просто царапину, она реагировала болезненно, и чувствительность ее была предельна. Была она небольшого роста, хрупкая и, когда я с ней познакомилась, то уже седой.

В глазах — усталость и печаль, лицо болезненное, но одухотворенное, нежное, женственное. Такой предстала мне мать поэта на склоне своих дней.

Любовь Дмитриевна была здоровая, сильная, полнокровная как внешне, так и в своих отношениях к людям, к событиям, в своем мировосприятии, что очень хорошо действовало на Блока, но это резкое различие между Александрой Андреевной и Любовью Дмитриевной создавало множество поводов для сложных и тяжелых разговоров, создавало напряженную атмосферу, в которой порой задыхался такой чувствительный и нежный человек, как Блок. Жена и мать прекрасно понимали это, но не могли преодолеть себя, не могли ничего изменить в своих отношениях.

После его смерти, через неделю, я получила от Александры Андреевны письмо, где есть такая фраза: «Вы знаете, что его погубило. А мы с Любой не сумели сберечь. . . не сберегли».

Когда в конце августа я приехала в Петербург и познакомилась с матерью поэта, то именно такая сгущенная атмосфера царил в доме. Ощувив ее, я горестно переживала это за всех троих.

«И не забыть мне лип старинных».

(Фет)

Однажды, после обеда, в прохладный осенний вечер вышли мы с Александром Александровичем из его дома и направились к Летнему саду. Он шел угрюмый, молча, не отвечая мне, а может быть, вовсе не слушая меня. Дошли до Летнего сада и в аллее сели на скамью. Уже гасла вечерняя заря и сквозь ветви деревьев ее багряный отсвет ложился на все, и на бурюю землю, устлан-

ную прелым листом, на белые статуи, на дальние дорожки. Располагаясь на ночлег, в старинных липах каркало воронье, за решеткой сада звенел и шумел город, а здесь было тихо, почти безлюдно, воздух был осенний, терпкий, шелестя от легкого ветра; кружась и танцуя в воздухе нас поливал золотисто-лиственный дождь. И вспомнила я другой вечер, светлый, весенний и розовый закат, благоухание сирени, цветущих яблонь, Храм Христа Спасителя, Москву! «. . . Впоследствии, когда выяснится, я Вам расскажу, если захотите, в какую петлю я попал, как одно повлекло за собой другое. . . » Так 8-го июля 1920 года писал мне Блок.

И вот, в этот осенний вечер он поведал мне о том, что тяжким бременем долгие годы лежало на душе его, темной тенью легло на самые светлые дни, что

И сама та душа, что пылая ждала
Треволнениям отдаться спеша, —
И враждой и любовью она изошла,
И сторела она, та душа ^б.

На другой день, когда к обеду я пришла к Блокам, то он подарил мне сборник своих стихов «За гранью прошлых дней», со следующим автографом: «Надежде Александровне Нолле на память о Петербургском августе, не таком, как московский май. Май был лучше. Но надо, чтобы было еще лучше, чем май и август».

Ал. Блок ^б

Прожив в Петербурге до начала сентября, я уезжаю в Москву. Переписка с ним возобновляется. Получаю я также письма и от его матери и несколько писем от его жены.

Чувствовал себя Блок в это время физически плохо: «Сашеньки сейчас дома нет. Ушел в свою Стрельню. Он усталый, голова болит. . .», — так вскоре, после моего отъезда, пишет мне Александра Андреевна ⁷.

Помня, как благотворно подействовала на Блока его поездка в Москву в мае 1920 года, я зову его приехать вновь.

«Дорогая Надежда Александровна.

Приехать не могу. Наступает зимнее время. Затруднять Вас, живя у Вас, я не хотел бы. . .»

Его слова «Затруднять Вас. . .» огорчили меня, о чем я пишу ему. Он отвечает: «Неужели Вы сердитесь на меня за то, что я действительно стесняюсь затруднять Вас частыми остановками у Вас. Это — естественное чувство, особенно — в наше время. . .»

В это время возобновились переговоры с Художественным театром о постановке «Розы и Креста». Блоку нужны были деньги, и я, по его просьбе, обратилась к В. И. Немирович-Данченко, чтобы урегулировать этот вопрос. <Ниже приводится письмо А. А. Кублицкой-Пиотух 30 ноября 1920 г.>

«Моя дорогая Надежда Александровна.

Целую Вас и не знаю, как выразить Вам, насколько мне дорого Ваше теплое внимание ко мне. От жизни я устала, и Ваша ласка мне дорога, Вы и не знаете как. Сегодня 17-ое ноября по старому стилю. Вчера был день рождения моего душевника. Да, для меня это самый большой праздник в году. — Я получила Ваше письмо, где Вы пишете о «Розе и Кресте», и только что собиралась Вам отвечать, как принесли Вашу посылку и второе письмо. Спасибо за все, что узнали о Художественном театре. Саша сам пишет Вам об этом. . .

Милый мой дружок, как жалею, что не живем мы в одном городе. Мы бы виделись с Вами часто. Я бы говорила с Вами о Саше, рассказывала бы о нем много, много. Для меня это было <бы> отрадой, и грустно, что Господь устроил так, что мы с Вами далеки друг от друга. Сейчас он невеселый. Но

лучше всего чувствует себя в театре, где только что поставлен «Венецианский купец». Я была на первом представлении. Что за блеск, как хорош Бенуа — режиссер и декоратор. В общем, хорошо играют. Для меня, при моих классических вкусах и романтическом воспитании, такие зрелища неизгладимы. А Сашенька ведь неисправимый романтик. Ему тоже хорошо в этой атмосфере. . . Он исхудал и побледнел с лета. Глаза стали большие и смотрят печально. Никуда не ходит, ни у кого не бывает, сидит много за своим Гейне. . .

Крепко Вас обнимаю и да хранит Вас бог.

Ваша К у б л и ц к а я - П и о т т у х.

Хочется подписаться *Сашина мама* ⁸.

Кроме переговоров с Немировичем-Данченко, я говорю о пьесе и со Станиславским. Он высказал предположение, что Блок охладел к их театру, я горячо опровергла это, и Константин Сергеевич спросил меня — уверена ли я в том, что Блок предпочитает видеть пьесу на сцене их театра, а не на сцене какого-либо иного. Я передала ему слова Блока в письме ко мне от 28-го ноября 1920 года. Тогда Станиславский решительно сказал мне: «Пьеса должна быть и будет поставлена, ручаюсь Вам. Напишите об этом Блоку».

Я написала, Блок ответил (письмом от 30 ноября 1920 г.).

Я продолжаю переговоры с Художественным театром, но дело продвигается медленно. Блок нервничает, он очень сильно рассчитывал материально на постановку пьесы.

Блок состоял пайщиком нашей артели, которых было такое множество в ту пору в Москве. Членами этих артелей состояли писатели, так, например, членами нашей артели являлись: поэт Балтрушайтис, Блок, П. С. Коган и др. В другой артели пайщиками были: С. Есенин, Мариенгоф, Шершеневич и др.

При нашем товариществе было небольшое издательство «Первина» ⁹. Я предложила Блоку прислать нам какие-нибудь, пусть самые ранние, стихи, чтобы издать, и, таким образом, он получил бы и максимальный авторский гонорар и ту долю, которая причиталась бы ему как пайщику артели (Далее приводится письмо Блока от 2 марта 1921 г. и письмо матери поэта — Н. А. Нолле-Коган).

4/17 апреля 1921 г.

«Дорогая Надежда Александровна,

Спасибо Вам за милое письмо. Если бы знали, как тяжело живет, милая, — оттого и не пишу, редко пишу. Саша худеет на глазах, нападают на него минуты слабости, когда он от анемии ничего не может делать. Все время измышляет разные способы продавать книги, вещи. В Петербурге, говорят, ни у кого денег нет. Плохо покупают. Я не скажу, чтобы у нас вовсе не было питания, но эти каши, вечный картофель и ужасный хлеб, невыпеченный, чем-то подмешанный. Как нервный человек, Саша не может не иметь отвращения к этому всему. И ест он ужасно мало. Мое положение такое, что ничем помочь не могу, могу только молиться за него. Вот он собрался теперь в Москву с Чуковским. Надеется получить деньги за вечера. Тут инициатива Чуковского, который, кажется, интересный и совершенно с новых точек зрения везет доклад о Блоке. Это человек чуткий к художественному на редкость. Буду сама судить о докладе на днях, когда он будет читать его здесь. Собрались они с Чуковским на пасхальной неделе к Вам в Москву. . . Я бы желала, чтобы Саша поехал. Это его подбодрит. Другая жизнь и другие впечатления. В прошлом году он так же хорошо съездил, но тогда ведь как Вы о нем заботились, и как ему было у Вас хорошо. Я бы очень желала, чтобы эта поездка состоялась скорее. У Вас в Москве и жизнь другая. . . Любовь Дмитриевна страшно увлечена своим театром. Она относится к нему с неж-

постью, со страстью. Многим нравится это новое направление — смешение драматургического с клоунадой, на манер старинной комедии.

Дорогой мой дружок, будьте здоровы и благополучны. Спасибо Вам за все. Тяжко мне на моего ребенка смотреть.

Любящая Вас А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х ¹⁰.

Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города. . .¹¹

Итак, Блок приезжает.

И вновь весна и май, и теплое, весеннее, благоуханное утро! Я еду встречать поэта. На вокзал приезжаю задолго до прибытия поезда и брожу по перрону. На душе тревожно и смутно. . . Подходит поезд, я оглядываю приезжих, отыскивая среди них Александра Александровича. Вижу Чуковского. А вот и поэт! Но Блок ли это? Где легкая поступь его, где статная фигура? Где светлое прекрасное лицо?! Он идет медленно, слегка прихрамывая, тяжело опираясь на палку, фигура сутулится, потухшие глаза, землисто-серое лицо, словно обтянутое пергаментом.

От жалости, ужаса, скорби я застыла на месте. Наконец, он заметил меня, огромным усилием воли выпрямился, ускорил шаги и, наклоняясь к моей руке, сказал: «Это пустяки, подагра, не пугайтесь!».

Мы все сели в автомобиль, на котором я приехала встречать Блока, и поехали домой.

С первого часа, с первого дня, я ощутила незримое присутствие какой-то грозной, неотвратимой, где-то таящейся около нас катастрофы. Блоку отвели ту же комнату, что и в прошлом, 1920 году. Приехав, он поздоровался с Петром Семеновичем, тотчас ушел к себе и лег. На лице Петра Семеновича я прочла тревогу. Спустя некоторое время, Блок вышел из комнаты и, почувствовав общее беспокойство за него, начал уверять, что он всего лишь устал с дороги, отдохнет, выспится и завтра будет совсем другим.

Но на другой день и во все последующие дни состояние его здоровья не улучшалось. Он плохо ел, плохо спал, жаловался на боли в ноге, то в груди, то в голове.

Помню, однажды на рассвете я услышала из моей комнаты, что он не спит, ходит, кашляет, иногда даже стонет. Я не выдержала. Накинув халат, вышла и, постучав в дверь, вошла.

Блок сидел спиной, перед письменным столом, возле окна, сквозь которое брезжил «холодный и скупой рассвет». Все в этот предутренний час было серо-сумрачно в комнате: и стол, и смутно белевшая на нем бумага, которую я обычно вечером клала на него, и сирень в хрустальном стакане, в кресле в утомленной позе сидел поэт. Услыхав, что кто-то отворил дверь, он обернулся, и я ужаснулась выражению его глаз, передать которое не умею. В них была скорбь, усталость. . . В руке Блок держал карандаш и, подойдя ближе, я заметила, что белый лист бумаги весь исчерчен какими-то крестиками, палочками. Увидав меня, он встал, бросил карандаш на стол. — «Больше писать стихов никогда наверное не буду», — сказал он жестко и отошел в глубь комнаты. Тогда я почувствовала — следует тотчас же переключить его внимание на что-то иное, вырвать из круга этих переживаний и, сказав, что не хочу больше спать, предложила пройтись, подышать свежим воздухом раннего утра, ведь «упоительно встать в ранний час. . .» Он согласился; я быстро оделась, мы вышли и отправились по безлюдным прохладным переулкам Арбата к Храму Христа Спасителя. Шли медленно, молча и, дойдя до скамьи, сели.

Великое спокойствие царило вокруг, с реки тянуло запахом влаги, в утренней матовой росе лежал цветущий сквер, и в бледном небе постепенно гасли звезды. День занимался. Как благоуханен был воздух, как мирно все вокруг. Какая тишина.

Мало-помалу поэт успокаивался, светлел, прочь отлетали мрачные призраки, рассеивались ночные кошмары, безнадежные думы покидали его. И надо было, чтоб в этой тишине прозвучал какой-то музыкальный аккорд, родственный сердцу поэта, зазвенели, запели бы живые струны в душе его. Вдруг в памяти моей всплыли строфы Фета:

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь:
Я знаю край, где все, что может сниться
Трепещет въявь.

Но дальше я вспомнить не могла. Блок улыбнулся и продолжил:

Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет¹³.

Так прочел он все стихотворение до конца, успокоился и обратно шел уже иным.

В этот приезд Блок выступал всякий раз очень неохотно, его раздражали публика, шум, ему трудно было читать стихи, ходить, болела нога, но успех выступлений был такой же огромный, как в 1920 году, та же буря оаций, то же море цветов, то же множество писем, стихов, звонков по телефону, но он оставался ко всему почти равнодушен. Здоровье поэта все ухудшалось, и он согласился, наконец, после долгих настояний с нашей стороны, показаться врачу, которого мы пригласили на дом.

Врач нашел его состояние серьезным и настаивал, главным образом, на полном покое, находя, что лучше всего был бы сейчас постельный режим. Уговорить Блока лечь в постель не удавалось, он каждое утро вставал через силу и был так же подтянут, как обычно, но это давалось ему нелегко, он чувствовал себя все хуже и хуже, худел и буквально таял на наших глазах. Наконец, решил уехать, ранее намеченного срока. Мы не удерживали его, зная, что это бесполезно. Я написала письмо матери его в Лугу, куда она уехала к своей сестре и откуда присылала сыну письма, которые очень волновали его.

В этот же свой приезд Александр Александрович решил взять обратно у Художественного театра свою пьесу «Роза и Крест» и передать ее в Правление Театра МОНО (быв. Незлобина). Начались переговоры, в процессе которых был, наконец, выработан договор, черновик которого находится у меня¹³.

Блок уезжал. С жестокой тяжестью в сердце собирала я и помогала ему укладывать вещи. На вокзал мы приехали рано, пришлось сидеть в шумном прокуренном, душном зале. Он сидел, словно окаменев.

Подробности последних минут стерлись в моей памяти, но одно мгновение помню отчетливо. Блок вошел уже в вагон и стоял у окна, я подле, ждала отхода. И вот, поезд задрезбежал, скрипнул и медленно тронулся. Я шла рядом. Вдруг Блок, склонившись из окна вагона, твердо проговорил: «Прощайте, да, теперь уже прощайте!» Я обомлела. Какое лицо! Какие мученические глаза, о Боже! Я хотела что-то крикнуть, остановить, удержать, а поезд все ускорял и ускорял ход, все дальше и дальше уплывали вагон, окно и в раме окна незабвенное, дорогое лицо поэта Александра Блока.

Могла ли я представить себе, что больше уже никогда не увижу его, что это было в последний раз!

Спустя несколько дней я получаю от него письмо, написанное в постели, неровным слабым почерком <от 20 мая 1921 г.>

После этого письма я долгое время ничего от него не получаю и пишу ему:
«... Почему Вы ничего не пишете в ответ на мое письмо, посланное с Ни-

колаевской артелью, где я пишу Вам о предложении Художественного театра и прошу оставить пьесу за ними. Все условия Незлобина они возьмут на себя. Я очень советую Вам согласиться и прошу Вас об этом. Судьба пьесы очень волнует меня. Незлобина — боюсь. Пусть будет Художественный театр, но ограничьте их сроком — *май 1922 г.* Если пьеса к этому сроку не будет, то тогда считайте себя свободным. В таком смысле я говорила с ним. Жду только Вашего согласия. Денег Ваших у Незлобина для Вас еще не брала.

Мысль, что Вы больны, не перестает тревожить меня. . . »

На это письмо я получаю ответ < от 2 июля >.

Фраза «Напишите мне побольше» устыдила меня, так как мои последние письма были действительно очень краткими. Я тотчас же отправляю ему большое подробное письмо, отрывок которого привожу ниже.

«. . . Сегодня Петр Семенович, не зная, что Ваш телефон испорчен, звонил Вам по телефону из квартиры Луначарского, сообщив ему о Вашей болезни. Луначарский дал ему телефон Горького. Горький сказал Петру Семеновичу, что Вы очень больны, что он делал доклад Ленину, прося выпустить Вас за границу. Ленин согласился, и Горький подал заявление Менжинскому. Если бы только все это вышло! Я не знаю, куда Вы хотите ехать и кто поедет с Вами, но уехать Вы должны, друг мой, хоть не на долго. . .

. . . Ваши дела меня никогда затруднить не могут, Вы знаете это, и сейчас я все могу делать»¹⁴.

Его письмо, отправленное мне 2-го июля, было последним. Оно было написано за месяц до смерти. Состояние его здоровья резко ухудшается с каждым днем. Он уже никого не узнавал, жестоко страдал. Из Луги в Петербург возвращается его мать.

Мы говорим себе: «Не может быть! Не должно быть, слишком страшно, слишком несправедливо, слишком противоестественно мыслить себе Блока и Смерть!

И все же это свершилось. 7 августа раздался телефонный звонок, подошел Петр Семенович: «Блок сегодня скончался» — сказали ему.

Спустя восемь дней я получила письма и от его матери и от его жены.

15 августа 1921 г.

«Дорогая Надежда Александровна,

Целую Вас за ласку, за хорошие теплые слова. Но у меня душа до того черства и суха сейчас, плакать я не могу. Вы знаете, что его погубило. А мы с Любой не сумели сберечь. . .

А на бога я не рошщу. Это он нас покарал. Самое трудное понять, зачем были эти страдания невероятные. Три месяца неслыханных мук. Да и вся зима эта была сплошным кошмаром для него.

Вы мне близки, потому что любите его. Обнимаю Вас, родная, и пожелайте мне не задерживаться на этом свете. Храни бог Вас и ребенка.

Ваша А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х¹⁵

Дорогая Надежда Александровна,

Чужой Вы никогда не станете нам; я знаю, что Вы были другом настоящим — такие друзья не забываются. Если я мало общительна, мало буду искать Вас — писать Вам — Вы это поймете — не нужно объяснять, правда? У Вас теперь великая опора, великий смысл в жизни — Ваш сын. Сохраняйте все силы для него — сколько их будет нужно, чтобы оградить его детство, его юность. Это не прописная мораль; это я думаю за Вас со страхом, но с надеждой — у Вас хватит сердца.

Целую крепко. Л. Б л о к¹⁶

27 сентября 1921 г.

Дорогая Надежда Александровна,

Спасибо Вам за присланные деньги (200 тыс). 50 на цветы. Относительно Ваших писем к Саше: Саша перед своей кончиной приказал Любе их сжечь так же, как все мои письма и Любины. . . Люба исполнила его приказание. . .

Я постаралась купить на Ваши деньги георгины. Да, он очень их любил, и вокруг его головы в гробу мы положили целый венчик из огненных георгинов, присланных Большим драматическим театром. Но, если бы Вы знали, какая бедность цветов в нашем мертвом Петербурге!

Дорогая моя Надежда Александровна, Вы можете плакать, а я ношу тяжкий камень в сердце. И ничто этот камень не растопит. А жизнь предстоит, боюсь длинная. . . Здоровье крепкое — наказывает меня бог!

Здесь, в Петербурге, устраивали кое-какие вечера памяти. . . Все это как-то не соответствует и не удовлетворяет. До нас дошли слухи о каком-то вечере, который устраивали Вы с Петром Семеновичем. Был ли, правда, такой вечер, и в чем он заключался? . . .

На утра в Вольной философской ассоциации сказано было много хорошего о Саше. И тон был высокий.

Теперь я сижу часами и переписываю Шашины статьи, переводы из Гейне под его редакцией. Так мне всего спокойнее.

Крепко Вас целую А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х ¹⁷

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 6.

² ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 35.

³ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 221.

⁵ Строфа из стих. Блока «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух. . .» 9 июня 1916 г., III, 156—157.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 237.

⁷ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

⁸ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

⁹ Присланные Блоком «Отроческие стихи» для издательства «Первина» не увидели света при жизни поэта, они были опубликованы в 1923 г. Сохранился черновой набросок предисловия Н. А. Нолле-Коган к этому сборнику Блока, в котором она пишет: «Я оттого хочу предпослать несколько слов изданию «Отроческих стихов», что чувствую себя как бы ответственной за их появление. Поэт писал мне (оставлено место для цитаты из письма Блока от 2 марта 1921 г. См. с. 441—442). А мне кажется, что не нужно было ему никаких оговорок, ибо все, что он создал, *прекрасно*, и все мы, его современники, «избранные», отмеченные судьбой, ибо жили в одно «время», когда он жил.

Он — утешение, он — чудо, он — молитва.

Благослови Вас господь за то, что Вы живете, — говорила я, когда он жил. Господи, со святыми его упокой, говорю я теперь. . .

Со святыми его упокой.

Н. Н о л л е

(ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 221).

¹⁰ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

¹¹ Строки из 5-й строфы стих. Блока «Последнее напутствие». 14 мая 1914 г. (III, 272).

¹² Стих. Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок. . .» (изд. 1850 г.)

¹³ Опувл. — «Блоковский сб.», 2, с. 411.

¹⁴ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

¹⁵ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

¹⁶ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 6.

¹⁷ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

ПЕРЕПИСКА С Р. В. ИВАНОВЫМ-РАЗУМНИКОМ

Вступительная статья, публикация и комментарии

А. В. Л а в р о в а

Отношения с Ивановым-Разумником принадлежат к числу наиболее творчески плодотворных связей Блока последнего десятилетия его жизни. Иванов-Разумник — подлинный спутник Блока в первые месяцы после Октябрьской революции и своего рода «крестный отец» вершинных творений поэта: при его участии впервые увидели свет «Двадцать» и «Скифы», он же был первым критиком, по достоинству оценившим эти произведения во всем их значении и безоговорочно разделившим их идейный пафос. Путь к этому единству во взглядах, общественных позициях и духовных устремлениях был длительным и непростым, и начался он не в 1912 г., когда встретились Блок и Иванов-Разумник, представители еще во многом противоположных литературных лагерей, а задолго до этого момента.

Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова, 1878—1946) — выдающийся критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли, инициатор целого ряда литературных начинаний — был самым характерным выразителем «неонародничества» в критике и эстетике начала века. Истоки его внутреннего самоопределения были совершенно отличными от духовных корней Блока, выросшего в дворянской либерально-профессорской семье и в первые годы поэтической деятельности далекого от общественных интересов. С молодости Иванов-Разумник осознавал себя наследником демократических, радикальных традиции русской интеллигенции, носителем рационалистического, социально активного сознания, сторонником реалистического метода в искусстве.

Родился Иванов-Разумник 12 декабря 1878 г. в Тифлисе. Родители его происходили из дворян, но по жизненному укладу принадлежали к разночинной интеллигенции; отец, Василий Александрович Иванов, был железнодорожным служащим (кассиром), мать, Александра Осиповна, урожденная Окулич, закончила Петербургскую консерваторию и преподавала музыку. Первоначальное образование Иванов-Разумник получил в петербургской I гимназии (1888—1897)¹. Уже в гимназические годы он обнаружил задатки системного мышления, потребность в нравственно-философской аргументации предстоящего жизненного пути. К этому времени относится его обстоятельное сочинение под названием «Мое мировоззрение» (1895—1896), в котором был поставлен вопрос о цели жизни как основании мировоззрения; таковая заключалась для Иванова-Разумника в служении науке и, непосредственно, астрономии, считавшейся им самой важной из всех естественных наук и наиболее значимой для дальнейшего совершенствования человеческого общества: *«Астрономия сделает то, что люди, сделавшись гражданами неба и узнав все законы природы, — найдут ту истинную цель жизни всякого разумного существа, которая ныне покрыта мраком неизвестности. Люди будут знать, к чему надо стремиться, что есть цель жизни всякого человека, люди тогда сделаются братьями, согласно учению Христа, и всем этим они будут обязаны исключительно великой астрономии»*². Вероятно, эти наивно-утопические упования на всемирную миссию астрономии сыграли свою роль при выборе Ивановым-Разумником дальнейшего пути: в 1897 г. он поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет.

В «Моем мировоззрении» Иванов-Разумник коснулся в особых главах и основных философских вопросов — о существовании бога, которого, отмежевываясь от церковного учения, он понимает как «вечное стремление всего к истине», и о бессмертии души. «По этой и следующей главе, — приписал впоследствии Иванов-Разумник на полях рукописи, — очень интересно проследить, как я, будучи 15-летним мальчиком, колебался между верой и неверием; утверждая, что *верю* в бога и бессмертие души, я в сущности только старался убедить себя в этом и увиливать от вопроса»³. Рационалистическая,

«просветительская» позиция выявляется у Иванова-Разумника и в подходе к философии исторического развития человечества, которое он понимает как «борьбу рассудка с воображением» (при этом «воображение» вбирает в себя и религию), и постепенное вытеснение воображения рассудком: «Когда человек достигнет апогея развития, всевластным царем будет один разум, без малейшей примеси воображения»⁴. Этим взглядом, достаточно типичным в среде радикального студенчества конца века, соответствовала общественная позиция Иванова-Разумника. Активное участие в студенческом движении не дало ему возможности закончить университет. 4 марта 1901 г. он «на демонстрации <...> избит на площади Казанского собора казачьими нагайками, арестован, посажен в тюрьму, а потом и выслан из Петербурга. Впрочем, скоро вернулся». «Но вот ровно через год, — вспоминает Иванов-Разумник, — 1 марта 1902 года, после ночного обыска, мне, старосте четвертого курса математического факультета <...>, за участие в организации студенческих беспорядков предложено выехать в трехдневный срок из Петербурга, выбрав себе местожительство. Этим заканчиваются мои студенческие годы (1897—1902)»⁵. В промежутке между этими репрессиями произошла первая встреча (еще не личное знакомство) Блока с Ивановым-Разумником.

Отроческое увлечение астрономией сменяется у Иванова-Разумника в студенческие годы все нарастающим интересом к философско-общественной мысли и современной литературе. Пробует он и собственные силы в художественном творчестве, но скоро оставляет эти неудачные опыты⁶. С 1900 г. Иванов-Разумник посещает историко-филологический факультет, где слушает курс проф. А. С. Лаппо-Данилевского и участвует в его рефератных вечерах. 7 ноября 1900 г. Иванов-Разумник выступил с рефератом «Значение М. Горького в современной русской литературе»⁷. Крупнейшим из современных писателей, наряду с Горьким, он считает Чехова и пишет работу о его драмах. Литературные штудии восполняются у Иванова-Разумника историческими и философскими: 31 октября 1901 г. он выступает с рефератом «Фейербахизм на русской почве 40—60 годов». В это время он уже предпринимает пока безуспешные попытки напечатать свои критические опыты. Естественно, что мимо его внимания не могла пройти одна из наиболее оживленно и остро обсуждавшихся тем — появление в России декадентства.

Одно из писем к своему другу юности А. Н. Римскому-Корсакову (от 31 октября 1901 г.) Иванов-Разумник написал на печатном бланке: «30 октября 1901 г. Беседа студентов Историко-филологического факультета. О «декадентстве» в современном русском искусстве. Доклад г. Иванова-Разумника»; на этом же бланке были воспроизведены тезисы доклада. «Вчера народу было много <...>, — сообщил Иванов-Разумник Римскому-Корсакову о ходе своего выступления. — Возражали — Вульфус, который заявил, что он ничего не понял, и Забугин, возражавший ровно 1 1/2 часа о декадентстве в музыке <...> Ввиду этого другие не успели сделать более дельных возражений, и за поздним временем прения отложены на будущий вторник. — Впрочем, еще один коллега возражал, что декадентство существует теперь везде — в философии, политической экономии и т. д.»⁸ Среди слушателей доклада был и Александр Блок, с осени 1901 г. приступивший к обучению на славяно-русском отделении историко-филологического факультета. В записной книжке Блок подробно законспектировал выступление Иванова-Разумника.

Работа «О «декадентстве» в современном русском искусстве» осталась ненапечатанной⁹, но беловая рукопись ее сохранилась в архиве Иванова-Разумника. Начинаящий критик исходил в ней из убеждения, что все отличительные признаки декадентства, шокирующие широкую публику (мистицизм, обостренное чувство смерти, эротизм, патологические мотивы и т. д.), не представляют собой ничего принципиально нового в искусстве. Основная примета декадентства как такового, по Иванову-Разумнику, заключается в невозможности понять содержание произведения, замкнутости его в сфере субъективно-индивидуальных ощущений. В этом смысле «декадентскими» могут быть названы сочинения душевнобольных (такая параллель, впрочем, была общим местом в тогдашней критике декадентства) и лишь немногие творения современной литературы — в их числе прежде всего поэзия А. Добролюбова: «А. Добролюбов — единственный известный нам «декадент», по заслугам носящий это звание; его произведения настолько субъективно-индивидуальны, что подлежат скорее психиатрической, чем литературной оценке; в этом смысле они стоят вне всякой литературы, а не выше или ниже других произведений»¹⁰. В определенных чертах к Добролюбову приближаются И. Ковевской, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, В. Брю-

сов — в той мере, насколько они склоняются к чистому субъективизму. В полном смысле декадентскими, в трактовке Иванова-Разумника, оказываются только такие произведения, смысл которых разгадать невозможно, которые остаются недоступными восприятию читателя или зрителя. «Если же считать декадентами — как делают некоторые — таких писателей, как Ибсен, Гауптман, Киплинг, Кнут Гамсун, Тетмайер и др., — то такое «декадентство» — единственно ценное, что есть в западноевропейской литературе в настоящее время, — утверждает критик. — Но индивидуализм всех этих писателей не есть декадентство, так же как и в русской литературе неверно было бы счесть декадентством индивидуализм М. Горького»¹¹. «Декадентскими» зачастую определяли импрессионистические тенденции в литературе и живописи, но их, согласно Иванову-Разумнику, отличает лишь общее стремление приблизиться к музыкальным формам, и в этом нет ничего «незаконного». Общій вывод критика: «Так называемое «декадентство» есть только «новаторство», и приговор о его талантливости или гениальности может произнести только время; это современное нам течение может разлиться в широкий поток, может и заглохнуть, подавленное другим, более мощным течением (которого пока мы еще не видим); настоящее же декадентство — группа субъективно-индивидуального — несомненно обречено на гибель, на вымирание в области искусства < . . . > мы видим ряд несомненных талантов, как Бальмонт, Сологуб, отчасти Брюсов; — не причисляем уже к числу новаторов М. Горького, хотя и он отчасти этого заслуживает». Закончил свою работу Иванов-Разумник пожеланием, «чтобы злорадно хихикающее над «декадентством» большинство, наконец, поняло, с каким интересным, живым, своеобразным и сильным течением оно имеет дело; чтобы течение это, наконец, заняло принадлежащее ему по праву одно из первых мест в современном русском искусстве»¹².

Конспект Блока довольно детально фиксирует, хотя и в отрывочной форме, не всегда отчетливо отражая логику развития мысли Иванова-Разумника, все основные положения и идеи доклада (ЗК, 22—24). Поднятые Ивановым-Разумником темы и их вдумчивая трактовка, далекая от традиционного насмешливо-нигилистического отношения к новейшим веяниям в искусстве, привлекли внимание молодого поэта, еще не вступившего в литературу, но уже осознавшего свою внутреннюю связь с «новым» искусством и «декадентскими» тенденциями. Весь ход рассуждений Иванова-Разумника был, безусловно, чрезвычайно интересен для Блока, ибо он сам, хотя и с принципиально иных позиций, задавался в это время теми же вопросами. «Отделить новую поэзию вообще от частностей декадентства», — написал он осенью 1901 г., еще до выступления Иванова-Разумника (ЗК, 22). Проблемы генезиса и определяющих черт «нового» искусства затрагиваются в набросках к ненаписанному очерку о русской поэзии, заносившихся Блоком в дневник в декабре 1901—январе 1902 г. Стремясь к обоснованию «молитвенной», мистико-теургической поэзии и солидаризируясь с эстетическими воззрениями Вл. Соловьева, Блок в своих размышлениях о сути «нового» искусства был внутренне бесконечно далек от рационалистических выкладок Иванова-Разумника. Видя во вчерашнем дне эстетической мысли лишь «нечеловеческие вопли грубого либерализма» и приветствуя «великую философскую борьбу», в результате которой «осыпались пустые цветы позитивизма, и старое древо вечно рошущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой» (VII, 23), Блок, конечно, должен был снискать себе в лице Иванова-Разумника, опиравшегося на шестидесятнические и народнические традиции, решительного оппонента, если бы довел тогда до печати эти заметки. Но в отрицательном моменте своих рассуждений — противопоставлении подлинных задач «новой» поэзии и ее достижений («цветы символизма») «частностям декадентства» — Блок мог опираться на выводы, сделанные Ивановым-Разумником в его студенческом докладе. Не исключено, что предложенная Ивановым-Разумником «суженная» трактовка «декадентства» как способа выражения субъективно-индивидуальных ощущений, переклечение им проблемы с содержания произведения на его восприятие, утверждение «непознаваемости» подлинно «декадентских» произведений и в силу этого выведение их за пределы искусства, — все эти умозаключения сказались на блоковской интерпретации этого термина в заметках зимы 1901—1902 гг. «Декадентство — «décadence» — упадок, — пишет Блок. — Упадок (у нас?) состоит в том, что *име*, или намеренно, или просто по отсутствию соответствующих талантов, затемняют смысл своих произведений, причем некоторые сами в них ничего не понимают, а некоторые имеют самый ограниченный круг понимающих, т. е. только себя самих; от этого произведение теряет характер произведения

искусства и в лучшем случае становится темной формулой, составленной из непонятных терминов — как отдельных слов, так и целых конструкций» (VII, 26). Стремление к отмежеванию от «декадентства» в умонастроениях и в творческой практике — важная черта молодого Блока, сближающая его с другими «младшими» символистами и обозначающая новые тенденции в символистской эстетике, и примечательно, что в этом стремлении у него и у Иванова-Разумника, выразителя иных литературных взглядов, были общие аргументы.

Последующие десять лет, которые отделяют описанный эпизод от личного знакомства Блока и Иванова-Разумника, составили целую эпоху в литературе, в том числе и в творческом развитии Блока. Здесь нет необходимости характеризовать проделанный поэтом за это время путь от «Стихов о Прекрасной Даме» к трагической лирике III тома, но о деятельности Иванова-Разумника, еще не получившей достаточно подробного истолкования¹³, стоит сделать несколько самых общих замечаний.

Литературным дебютом Иванова-Разумника была статья «Н. К. Михайловский», напечатанная в 1904 г. в журнале «Русская мысль» (№ 3). В этой и в последовавшей за ней статье «А. И. Герцен и Н. К. Михайловский» («Вопросы жизни», 1905, № 8) начинающий критик обнаружил себя приверженцем народнического мировоззрения. Сознвая иллюзорность и историческую неподтвержденность многих идей и верований «классического» народничества, он, тем не менее, считал наиболее перспективным следование в новой исторической ситуации основополагающим заветам «русского социализма» — началам индивидуализма и антимещанства, двумединому критерию «блага реальной личности и блага народа»¹⁴. Понятия индивидуализма и мещанства были поставлены во главу угла и в главном труде Иванова-Разумника этих лет — двухтомной «Истории русской общественной мысли», принесшей критику широкую известность и выдержавшей шесть изданий. Над этой книгой Иванов-Разумник начал работать еще в 1902 г. в Симферополе, где отбывал ссылку за участие в студенческом движении¹⁵, продолжал трудиться в предреволюционное время и в 1905 г., живя в деревне и ведя пропаганду среди крестьян, и в 1906 г., поселившись в Петербурге и затем в Царском Селе (ставшем с осени 1907 г. его местом жительства вплоть до 1933 г.) и включившись в активную журналистскую деятельность (статья в газетах «Известия крестьянских депутатов», «Трудовая Россия», «Крестьянин-депутат» под псевдонимами Р. Новосельский и Р. Н.). Издание книги взял на себя историк М. К. Лемке, в ведении которого находилась типография М. М. Стасюлевича¹⁶. «История русской общественной мысли» вышла в свет в октябре 1906 г.

В этой книге Иванов-Разумник поставил перед собой задачу дать не столько историю, сколько философию истории русской интеллигенции; материалом для такого исследования закономерно явилась прежде всего история русской литературы. Интеллигенция определяется Ивановым-Разумником как «этически — антимещанская, социологически — внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности»¹⁷. История интеллигенции схематизируется им как борьба двух противоположных философско-этических начал — индивидуализма, главного содержания истории русской интеллигенции, понимаемого как «примат личности», как «признание, что благо реальной человеческой личности должно служить критерием наших поступков, нашего мировоззрения», и мещанства — предельно общего понятия, которым Иванов-Разумник объединяет «узость формы, плоскость содержания и безличность духа», всяческую посредственность и трафаретность¹⁸. Эта борьба прослеживается во всей истории русской общественной мысли, литературы и критики, подробно рассматриваемой Ивановым-Разумником от XVIII в. вплоть до современности.

«История русской общественной мысли» вызвала большую критическую литературу — явный результат того, что Иванову-Разумнику удалось осветить неразработанную и чрезвычайно актуальную тему. С хвалебными рецензиями выступили М. К. Лемке¹⁹ и Е. А. Ляцкий²⁰. Разноречивые оценки вызвали введенные Ивановым-Разумником основные определяющие понятия: А. Г. Фомин счел определения индивидуализма и мещанства удачными, строго сформулированными²¹; А. С. Глинка (Волжский) в обстоятельной статье отметил, что схематизм Иванова-Разумника, сообщая книге «цельность и внутреннее единство», порождает в то же время абстрактность, некоторую безжизненность и пустоту характеристик, в ущерб живому и индивидуальному²². Философ-идеалист С. Л. Франк

увидел в книге Иванова-Разумника характерный симптом перелома в миросозерцании русской интеллигенции: борющиеся идейные направления понимаются автором «не в социально-политическом, а в этическом или культурно-философском смысле»²³. Именно это обстоятельство, а также опора Иванова-Разумника на народническую «субъективную социологию» вызвали неприятие его книги марксистской критикой. С отрицательным отзывом о ней выступил известный критик-меньшевик В. П. Кранихфельд²⁴. Г. В. Плеханов в большой статье об «Истории русской общественной мысли» («Идеология мещанина нашего времени») протестовал против идеалистической трактовки Ивановым-Разумником понятий интеллигенции и мещанства, как внесловных и внеклассовых, против превращения социологических представлений в этические, отвлеченные от «конкретной почвы классовых отношений»²⁵.

В заключительной главе «Истории русской общественной мысли» Иванов-Разумник бегло касается новейшего течения в литературе, обычно идентифицировавшегося с декадентством. Развивая идеи своего юношеского доклада о двух содержаниях этого термина, он видит в лучших представителях «декадентского» направления (Бальмонте, Мережковском, Сологубе, Розанове) романтиков по типу мировосприятия, выразителей эстетического и религиозного романтизма²⁶. В первом издании своего труда Иванов-Разумник еще не упоминает в этом ряду имени Блока, оно возникает (правда, только мимоходом) во второй его большой книге — «О смысле жизни» (1908): говоря о «преломлении идей имманентного субъективизма об объективной бессмысленности жизни человека и человечества», он ссылается на пьесу Блока «Балаганчик»²⁷. «Имманентный субъективизм» — проецированная на Герцена система мировоззрения Иванова-Разумника, противопоставленная им позитивной и мистической теориям прогресса. Отрицая объективную осмысленность и целесообразность бытия, Иванов-Разумник признает субъективную целесообразность: цель — в настоящем, в стремлении к полноте переживаний, к широте, глубине, интенсивности человеческой жизни. Такое мировоззрение необходимо включает в себя и «чувство социальнойности»: «<. . .> именно во имя этой полноты бытия мы и будем бороться за будущее, за осуществление в этом будущем наших идеалов правды-справедливости <. . .> борьба эта в громадной степени увеличивает полноту бытия, она безгранично расширяет кругозор моей жизни»²⁸. Характерно, что опорой для своих выводов Иванов-Разумник находит в творчестве писателей, задававшихся «карамазовскими вопросами» и в той или иной степени связанных с символизмом: книга включает обстоятельные очерки о миросозерцании Ф. Сологуба, характернейшего представителя символизма, Л. Андреева, тяготевшего во многих своих произведениях 1900-х годов к символистской поэтике, и Л. Шестова — философа, деятельность которого развивалась в кругу тем, обсуждавшихся символистскими идеологами.

Движение навстречу «новому» искусству характеризует эволюцию Иванова-Разумника как литературного критика. Его «неонародническая» позиция была далека от консервативности и дидактизма «Русского богатства» — «ортодоксального» народнического журнала. «Надо только одного желать: чтобы <. . .> общественное учительство не подавляло собою отдельных индивидуальных стремлений, — формулировал Иванов-Разумник («Вечные ценности», 1909), — чтобы литература, уйдя корнями в социальную почву, достигала бы вершиною высших нравственных, эстетических, философских и, в широком смысле, религиозных запросов человеческого духа; чтобы проповедь и учительство не исключали собою творчества и исканий»²⁹. Эти критерии были порождены основополагающим для Иванова-Разумника требованием «органического соединения идеалов личных и общественных»: «борьба за благо народа соединима с величайшим расцветом внутренней жизни личности»³⁰. Вместе с тем во взглядах Иванова-Разумника существовало определенное противоречие между предельно-индивидуалистической концепцией личности и пафосом социального деяния.

Широту взгляда и «терпимость» в литературно-критических оценках в значительной степени обуславливал исторический подход Иванова-Разумника к общественным явлениям. Исследователь русской литературы и общественной мысли, издававший и комментировавший сочинения Пушкина и Белинского, он мог дать объективную оценку и современным литературным явлениям, независимо от личных или «партийных» пристрастий, чутко улавливая историческую закономерность и определяющие приметы в неизбежной смене литературных форм. Примечательно, что Иванов-Разумник не перерабатывал ранее

написанные статьи, когда по прошествии некоторого количества лет включал их в свои книги. Даже в тех случаях, когда его взгляды на тот или иной предмет существенно менялись или обрисовывались с большей отчетливостью, он не позволял себе вносить принципиальные коррективы в свои критические оценки, стремясь донести их в том виде, в каком они были сформулированы в свое время, в каком уже стали достоянием истории русской литературы. Объективный подход сказывался у Иванова-Разумника и в стремлении с вниманием разобраться в явлениях, чужеродных или даже просто враждебных ему, сопроводить критику своим истолкованием закономерности их возникновения³¹. Такой, в сущности, попыткой осмыслить далекое от его идеалов явление было все усиливавшееся тяготение Иванова-Разумника к деятельности символистов, в том числе к творчеству Блока.

В обзорной статье «Русская литература в 1908 году», касаясь литераторов из «созвездия *Весов* и *Скорпиона*» и неодобрительно расценивая «четвертую симфонию» Андрея Белого «Кубок метелей», Иванов-Разумник замечает: «Значительно выше, проще и искреннее Андрея Белого А. Блок, недавно выпустивший новую книгу стихов («Земля в снегу»); этот поэт находится еще в периоде исканий и движется вперед с каждой новой своей книгой»³². Четыре года спустя в аналогичном обзоре «Русская литература в 1912 году» он замечает по поводу первого собрания стихотворений Блока, выпущенного в свет издательством «Мусагет»: «Мне нужны многие и многие стихотворения современных поэтов — и Блока, и Бальмонта, и З. Гиппиус; а раз мне они нужны, то, стало быть, нужны и не одному мне < . . . » Ибо надо смело сказать: мы живем в эпоху расцвета русской поэзии, и не плакаться мы должны, а радоваться той живой художественной струе, которая оправдывает себя самим своим существованием»³³. Разумеется, эти оценки были не только свидетельством вдумчивого приобщения критика к символистской поэзии, становившейся год от года все более крупным явлением, они могли быть высказаны Ивановым-Разумником лишь в ходе наблюдения за характерными сдвигами в этой поэтической школе, обозначившими тяготение к широким жизненным проблемам, попытки передать драматизм эпохи.

Сближение с модернистами характеризует и журнально-издательские предприятия Иванова-Разумника начала 1910-х годов. «В конце 1911-го и начале 1912 года, — отмечает Иванов-Разумник, комментируя в 1940 г. письма М. Горького к нему, — шли переговоры между издательством «Шиповник», с одной стороны, и Ивановым-Разумником и Ал. Н. Бенуа, с другой — об издании в Петербурге ежемесячного художественного, литературного и критического журнала. Ближайшее участие в литературном отделе должны были принимать Леонид Андреев, А. А. Блок, А. М. Ремизов, в отделе художественном — К. С. Петров-Водкин и группа «левых мир-искусственников», имея «теоретиком» Конст. Эрберга»³⁴. Замысел этого издания не реализовался, но возникший в апреле 1912 г. журнал «Заветы» (эсеровский по политической программе), в руководящее ядро которого Иванов-Разумник вошел в сентябре того же года, привлек Блока как одного из основных авторов (стихи его появились в первых двух номерах журнала). Иванов-Разумник, взявший на себя фактическое руководство литературным отделом «Заветов», стремился к объединению лучших писательских сил — в том числе писателей реалистической школы с символистами и «новыми реалистами». Ориентация на символистов в еще большей мере проявилась при учреждении издательства «Сирин» (основной результат его деятельности — собрания сочинений Ремизова, Сологуба, Брюсова; все они не были завершены). В этом начинании Иванов-Разумник и Блок приняли самое близкое участие. Тогда и началось их постоянное общение.

Основателями «Сирина» были капиталист-сахарозаводчик М. И. Терещенко, служивший чиновником особых поручений при директоре императорских театров, и две его сестры. Знакомство Блока с Терещенко состоялось в марте 1912 г. через посредство А. М. Ремизова (VII, 138) и переросло вскоре в тесное дружеское общение. «< . . . » Часто вижу с Терещенкой и все больше его люблю», — писал Блок жене 20 февраля 1913 г.³⁵ Ремизов же ввел в новое издательство и Иванова-Разумника, с которым был дружен с конца 1900-х годов. «Основание издательству «Сирин» положено было 10-го октября в среду 1912 г. в день св. Иакова Постника, — записал Ремизов. — К вечеру того дня было мне извещение по телефону от Михаила Ивановича, а вечером приехали сестры его Пелагея Ивановна да Елизавета Ивановна и сказали: «Мы решили. Согласны». Эти слова мне очень памяты, понял тогда я и сообразил, что дело начинается, и только направить

надо по-хорошему». На следующий день Терещенки познакомились с Ивановым-Разумником, который взял инициативу в свои руки: «Разумник Васильевич рассказывает, куда и как надо идти и что первым делом предпринять надо, чтобы издательство основать. Пьем чай, курим да слушаем»³⁶. Договоренность с Блоком об участии в издательстве была достигнута 17 октября. Ремизов зафиксировал: «Ездили с Михаилом Ивановичем к Блоку, катались с ним на островах. Блок согласен»³⁷. Сам Блок записал в этот день: «Секрет пока ото всех: издательство, которое устраивают сестры Терещенко. Нанята уже квартира на Пушкинской, деньги будут платить как лучшие издательства, издавать книги дешево, на английской бумаге» (VII, 166). Запись Ремизова от 20 октября свидетельствует, что к идее создания «Сириня» Блок отнесся чрезвычайно заинтересованно, надеясь обрести в новом издательстве внутренние близкий себе литературный центр: «С Блоком разговаривал по телефону: он 2 дня не пишет, так взбудоражен «Сиринком». Он думает, что новое издательство (во) будет иметь огромное значение для рус (ской) литературы и жизни литературной»³⁸.

Торжественное открытие «Сириня» совпало с днем рождения Блока: «16 XI в пятницу в день рожд (ения) Блока освятили редакцию»³⁹. Встречи ближайших сотрудников «Сириня» в редакционной квартире на Пушкинской улице (д. 10) стали регулярными, и Блок был их завсегдатаем (в его дневниках и записных книжках зафиксированы частые, иногда по несколько раз в неделю, посещения редакции). «Здесь он встречался, — пишет биограф Блока М. А. Бекетова, — между прочим с Разумником Васильевичем Ивановым (Иванов-Разумник) и проводил целые часы в разговорах с ним. Так возникла та дружеская связь, которая соединяла их до конца жизни поэта»⁴⁰.

Отношения Блока с Ивановым-Разумником поначалу приобрели характер длительного, многомесячного спора по основным идеологическим и эстетическим вопросам. Встреча их, выходящая из противоположных литературных станов, была чрезвычайно плодотворной и для поэта, и для критика. Иванову-Разумнику, относившемуся к символистскому мироощущению достаточно «внешне» и настороженно, но без догматического предубеждения, было интересно вступить в диалог с одним из самых значительных и талантливых выразителей этого направления. С другой стороны, и для Блока, который тяготился замкнутостью своего окружения и мучительно искал выхода в иной, более широкий мир идей и представлений, простирающийся за пределами символистской шкалы ценностей, общение с Ивановым-Разумником давало ключ к «чужой» системе взглядов, возможность постигнуть их изнутри, отделить подлинное от иллюзорного, отстоять правоту своих воззрений и своих творческих исканий. Их «сиринские» споры затрагивали самые разнообразные темы. Иванов-Разумник вспоминает «долгие беседы о мировой империи, о Наполеоне, о власти — в связи с мировой войной 1914 года», о «плодах наук» («много и часто говорил тогда А. А. об авиации и ее судьбах»), «о гнозисе времен перхристианства, в связи с идеей символизма», о процессе Бейлиса. «Боюсь, — признается Иванов-Разумник в этой позднейшей мемуарной статье о Блоке («Надписи на книгах», 1922), — что я тогда слишком часто играл роль «легкомысленного Евгения» и, слушая стихи А. А. (например, он прочел тогда, среди многого другого, конец третьей главы «Возмездия»), — слишком часто заслуживал применения пушкинских ядовитых строк:

. . Евгений,

Хоть их не много понимал —

Прилежно Ленскому внимал. . .»⁴¹

Как на подтверждение этих слов Иванов-Разумник ссылался на свою статью «Роза и Крест» (Поэзия Александра Блока)» (1913)⁴². Логика рассуждений в ней та же, что и в главе о Ф. Сологубе в книге «О смысле жизни»: различные этапы творчества Блока Иванов-Разумник трактует как безуспешный поиск всякий раз новой панацеи для выхода из «стеклянной пустыни» декадентства, для преодоления «отграниченности от мира и человека». Определяя суть поэзии Блока как «влюбленность», он утверждает, что это «не тот путь, на котором можно спастись от одиночества, от безумия, от погребения заживо; преодолеть свое «декадентство» влюбленностью — безнадежная попытка поэзии А. Блока», внутренняя «отграниченность» побеждается только на путях «действенной любви к человеку». В новой драме Блока Иванов-Разумник обнаруживает такие же «безнадежные попытки розой и крестом разорвать заколдованный круг» («Вершины», с. 22—23, 26). Не при-

емля художественного метода и идейных основ поэзии Блока, какими они ему тогда представлялись, Иванов-Разумник ценит Блока как «поэта влюбленности и поэта страдания», «поэта розы и креста», и в этом видит смысл, историческое значение и безусловную ценность его творчества.

Сформулированная Ивановым-Разумником в этой статье концепция творчества Блока была порождена его общим пониманием символистской поэзии, неоспоримые достижения и значительность которой он признавал, неизменно указывая на ее идейную ущербность и бесперспективность. Более жестко, чем в статье о «Розе и Кресте», Иванов-Разумник выразил свою позицию в статье о поэзии В. Пяста — «В заколдованном кругу»⁴³. В названии книги стихов Пяста «Ограда» Иванов-Разумник видит воплощение сущности декадентства, для которого мир — пустыня, а подлинное существование протекает в «оазисе внутри «ограды» своего я»; поэты пытаются выйти из этого добровольного плена, разбить ограду, преодолеть «заколдованный круг души» (такова отличительная черта «символистов» по отношению к правоверным «декадентам»), но результаты этих усилий пока только впереди. Общение с Блоком и длительные беседы с ним заставили Иванова-Разумника пересмотреть свои воззрения и по-новому взглянуть на те произведения, которым, казалось бы, он дал достаточно определенную оценку. «< . . . > Совсем не понимал я тогда, — напишет впоследствии Иванов-Разумник о своих «сириных» встречах с Блоком, — с какого размера явлением стою лицом к лицу; понял я это лишь постепенно, и только в начале 1918 года — окончательно, когда «Двенадцать» и «Скифы» открыли мне свою связь и с «Куликовым полем», и со «Стихами о Прекрасной Даме» < . . . > я не видел тогда, что в эпоху «Стихов о Прекрасной Даме» А. А. Блок имел все «права на символизм» (в моем его понимании), что по его же позднейшему слову поистине тогда «был он пророком», был он «конкретным максималистом» (по слову Андрея Белого) < . . . >» («Вершины», с. 236)⁴⁴.

Эта эволюция Иванова-Разумника «навстречу Блоку», к пониманию глубокого общечеловеческого и исторического смысла его творчества, отразилась в надписях поэта на книгах. В ноябре 1913 г., на книге «Снежная ночь»: «Разумнику Васильевичу Иванову — дорогому врагу — с крепким рукопожатием. Александр Блок», — и в июне 1916 г., на первой книге собрания стихотворений: «Разумнику Васильевичу Иванову — не «врагу», а дорогому критику — с крепким рукопожатием. А. Б.» («Вершины», с. 237—238). Аргументируя первую из этих надписей, Блок записал 8 ноября 1913 г. в дневнике: «Другом называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. Врагом — тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркивает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было. . . дурного (или — что ему кажется дурным)» (VII, 250). Иными словами, Иванов-Разумник казался Блоку «врагом», поскольку он не умел воспринять изнутри его внутреннего мира и пытался сформулировать преждевременные категорические выводы о смысле его творчества. «Друг» в понимании Блока должен не только констатировать достигнутое, но и ощущать импульсы к последующему развитию, угадывать за реальными очертаниями перспективу всего пути.

Блок воспринимал Иванова-Разумника еще в ипостаси «врага», когда появилась статья последнего «Вечные пути». «Пришли «Заветы» (№ 3) с вражеской статьей о символизме Иванова-Разумника, — записал он 10 марта 1914 г. — Однако ж, как мы недаром с ним встретились, и сколько он значит для меня!» (ЗК, 215)⁴⁵. В этих словах — оценка той роли, которую играли для Блока постоянные мировоззренческие споры с Ивановым-Разумником. Соглашаясь со многими доводами критика, с зоркостью и аргументированностью его оценок, Блок, тем не менее, не мог примириться с его «рационалистическим подходом» к символизму и, в конечном счете, «считал путь этот принципиально верным и в области познания, и в области художественного творчества, признавая все его срывы и пропасти» («Вершины», с. 237). Репликой в этом споре явилась и статья «Вечные пути». Определяя в ней реализм и романтизм как два противоположных полюса, два способа мировосприятия и уравнивая символизм с романтизмом как психологической категорией, Иванов-Разумник утверждал, что подлинный символизм, отрицающий конечное во имя бесконечного, — мистичен, «и от этого мистицизма бесконечно далек А. Блок» — типичный псевдосимволист (в смысле мировоззрения). Предсказывая в ближайшем будущем вновь поворот от символизма к реализму, Иванов-Разумник подчеркивал свою приверженность этому второму «вечному пути»: «Мы — люди нового реалистического сознания, ибо

вечное свойство наше — жадное стремление к земной, реальной действительности < . . . > Романтизм, символизм чужд нам, нашему психологическому типу и миропознанию»⁴⁶. Блок обсуждал с Ивановым-Разумником статью «Вечные пути», видимо, 12 марта 1914 г. (ЗК, 216). «Многое внешнее в этой статье было ему враждебно, — признавал Иванов-Разумник. — < . . . > С резкими и часто несправедливыми моими словами — он соглашался: «все, что вы говорите обо мне — правда, да ведь дело-то не во мне». . . < . . . > он — имел право так судить о себе, я о нем — нет» («Вершины», с. 236).

Встречи и объяснения с Блоком, безусловно, помогли Иванову-Разумнику не только глубже войти в мир его творчества, но и более широко и объективно оценить значение для истории русской литературы той поэтической школы, к которой примыкал Блок. В подробном плане задуманной Ивановым-Разумником «Критической истории современной литературы» (1916) символизму уделено весомое место, и он укрупняется в своем историко-литературном значении⁴⁷. Развивая концепцию двух «вечных путей», Иванов-Разумник разделил материал книги на две части, внутренне симметричные одна другой: «Победа реализма и разложение его (1840-е—1890-е гг.)» и «Победа символизма и разложение его (1890-е—1914 гг.)». Первая глава второй части — «Декадентство»; отличительные черты «декадентства» — «эпатирование» литературного мещанина и «начало расцвета поэзии» (три больших поэта — Бальмонт, Брюсов, Сологуб). Вторая глава — «От «декадентства» к «символизму» — должна была осветить религиозные запросы «младших» символистов, их преемственность по отношению к Вл. Соловьеву, а также «победу «нового искусства» к 1905 году». Третья глава — «Стан реализма и поиски новых путей в нем». «Единственную силу» реализма Иванов-Разумник видит в М. Горьком⁴⁸, а «поиски новых путей» — в Л. Андрееве. Выделяя Бунина как представителя «школы Чехова», он определяет остальных писателей-реалистов как «литературное безлюдье». Традиционному реализму Иванов-Разумник противопоставляет как плодотворное течение так называемый «новый реализм», обозначенный для него именами Ремизова, Сергеева-Ценского, Пришвина, Б. Зайцева, А. Н. Толстого, Замятина: на творчество этих писателей он опирался в своей критической деятельности в журнале «Заветы» и способствовал печатанию в нем их произведений. Четвертая глава второй части должна была называться «Вершины символизма и нового реализма». В ней предполагалось коснуться «трех больших поэтов, мыслителей, художников» — Блока, Вяч. Иванова, Андрея Белого. В архитектонике замысла Иванова-Разумника это чрезвычайно почетное место: в первой части книги — о реализме — в соответствующей главе о «вершинах реализма» он собирался говорить только о Л. Толстом и Достоевском. Главы пятая и шестая («Победа и поражение») и «На развалинах символизма» должны были охарактеризовать спад «нового искусства»: волну эпигонства, вульгаризацию символизма, эстетство, школу акмеизма. Будущее литературное развитие Иванов-Разумник видит все в той же «вечной смене двух вечных путей».

Если к поэзии и философско-критической прозе Вяч. Иванова Иванов-Разумник все же остался в целом равнодушен, то в кратковременную «сиринскую» эпоху (1912—1915) его пристрастия к творчеству Блока и Андрея Белого определились окончательно. Подчеркивая идейную чуждость себе обоих символистских авторов, Иванов-Разумник, тем не менее, видел в их произведениях самые замечательные достижения современной литературы. В обзоре «Русская литература в 1913 году» он выделил их «определяющие» произведения, только что увидевшие свет, — «Петербург» и «Розу и Крест»: «Давно уже придет Александр Блок, в наступившем году он мог бы отраздновать, если бы захотел, десятилетний юбилей < . . . >, — и все не было у него «определяющего» его творчества произведения. Драма «Роза и Крест» явилась таким произведением, вплоть до своего заглавия. Ибо < . . . > все творчество Александра Блока является соединением черной розы влюбленности с светлым крестом страдания: и в том, и в другом ищет он спасения от безнадежного мирового одиночества. Драма эта как бы подвела итоги всему его предыдущему творчеству»⁴⁹. Ключом к Блоку и Белому для Иванова-Разумника была прежде всего подмеченная в них вечная неуспокоенность, стремление к переоценке ценностей, пафос исканий. Именно эти качества были особенно дороги Иванову-Разумнику в Белинском (столь чуждом Блоку⁵⁰), деятельностью которого он углубленно занимался в эти годы (издав, в частности, в 1911 г. его трехтомное собрание сочинений). «Достигнутая, постоянная, «статическая» истина не была его уделом; истина в процессе выработки, «динамическая» истина только и была ему свойственна», — отмечал Иванов-Разумник в своей книге о Бе-

линском⁵¹. Те же особенности имели для него свою притягательную силу и в творческих обликах Блока и Белого; они, с его точки зрения, помогли двум писателям-символистам стать крупнейшими выразителями своей эпохи. Тезисы о творчестве Белого и Блока как о высшем достижении символизма в России Иванов-Разумник развивает и в очерке «Русская литература XX века», вошедшем в 5-е издание «Истории русской общественной мысли» и также выпущенном в свет отдельной брошюрой⁵²; в нем в конспективной форме были высказаны идеи ненаписанной «Критической истории современной литературы».

«Роза и Крест» была опубликована в первом альманахе «Сирин» (1913), «Петербург» Андрея Белого был начат печатанием в нем же и завершен во втором и третьем альманахах (1913—1914). Выход в свет «Петербурга» — плод совместных усилий Иванова-Разумника, редактора «Сирин», и Блока, с которым Терещенко советовался при выборе материала; автор романа жил в 1912—1916 гг. за границей. Хотя в «Сирине» и «выдерживалась строгая символистическая линия»⁵³, тем не менее пришлось преодолевать сопротивление владельца издательства, остерегавшегося печатать столь сложное и непривычное произведение большого объема. В хлопотах вокруг романа Белого Блок нашел в лице Иванова-Разумника полную поддержку. «*... Когда я получил его рукопись в 1912 году и прочел, — вспоминал Иванов-Разумник, — то был крайне огорчен, что не мог напечатать его в «Заветах» (денег не хватало); зато приложил все усилия, чтобы он вышел в «Сирине», — это стоило мне (и Блоку) больших трудов*»⁵⁴. 3 ноября 1913 г. Блок писал В. Княжнину о Белом: «*... все его ругают, я только одного человека встретил сочувствующего, кроме себя*»⁵⁵; под этим сочувствующим явно подразумевался Иванов-Разумник. Печатание «Петербурга» в «сиринских» альманахах, а затем и выпуск в свет отдельного издания романа были общим делом Блока и Иванова-Разумника, способствовавшим их дружескому сближению; они вдвоем фактически заменили отсутствовавшего автора. Значительная часть переписки Блока и Иванова-Разумника посвящена этим работам. Будучи деловым и опытным литературным работником, Иванов-Разумник помогал Блоку и в разрешении некоторых иных, регулярно возникавших, организационно-издательских вопросов⁵⁶.

Деятельности «Сирин» положила конец мировая война: Терещенко ликвидировал издательство весной 1915 г. 16 декабря 1915 г. Иванов-Разумник сообщил Лемке о Терещенко: «*Весь поглощен войной и промышленными комитетами; он продал свое «сахарное дело» за семь миллионов, из них 1 милл<ион> издержал «на войну» и 3 милл<иона> — на Красный Крест <...> Я сердит на него за поверхностное наездничество в литературу с «Сиринюм»; но поверхность уживается в нем с порядочностью*»⁵⁷. Намеченные «сиринские» издания сочинений Блока и Белого остались неосуществленными. Но внутренняя связь между Блоком и Ивановым-Разумником после этого даже укрепилась. «*Случилась — война, сблизившая нас с А. А. на совершенно иных путях, чем пути прежнего расхождения, — вспоминал Иванов-Разумник, — <...> мне — стало более чем когда-либо ясно основное «максималистическое» настроение Александра Александровича в его отношении не только к войне; война открыла мне глаза вообще на тот «конкретный максимализм» Блока, который я недооценивал и в совершенно другой области — в области его поэтического творчества» («Вершины», с. 238). В неприятия шовинистических настроений, восторжествовавших в литературных и общественно-политических кругах, в отрицании войны Блок и Иванов-Разумник были едины. Блок с сочувствием отнесся к антивоенной статье Иванова-Разумника «Испытание огнем», написанной в конце 1914—начале 1915 г. и распространявшейся в гектографированных копиях. В ней доказывалось, что «для демократии мировая колониальная война есть война *постолонная*, чуждая, чужая», что за ней могут разгореться войны еще более ужасные и что «только силы демократии могут остановить эту чудовищную гекатомбу грядущего, только возрожденный социализм, в борьбе за новый мир отрешившийся от мира старого, может подкосить в корне эти кошмары будущего»⁵⁸. Начало мировой войны сразу дало Иванову-Разумнику ощущение неизбежности революционного финала. «*Война кончится через год, а новой «коммуны» раньше или позже все равно не избежать — и в Берлине и в Париже*». . . . — писал он 27 августа 1914 г. Ф. Сологубу⁵⁹. И этому предчувствию были созвучны строки Блока из стихотворения «Петроградское небо мутилось дождем. . .» (1 сентября 1914 г.):*

А с дождливых полей всё несло к нам ура,
В грозном клике звучало: *пора!*

Максимализм «романтика» Блока был поддержкой для того идейного максимализма, к обоснованию которого пришел «реалист» Иванов-Разумник в предреволюционные годы и который приобрел определение «скифства», «скифского» мироощущения. Его контуры впервые обозначились в статье Иванова-Разумника «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)» (1912), напечатанной в «Заветах» с подписью «Скиф»⁶⁰. В ней противопоставляются понятия подлинной культуры и буржуазной цивилизации, «внешней культуры» Берлина, с которой Иванов-Разумник познакомился в июне 1912 г. 7 (20) мая 1914 г. он писал Ф. Сологубу о своих уже отстоявшихся берлинских впечатлениях: «Берлин для меня — то же, что «Петербург» для Андрея Белого: кошмар; но вполне «реальный», с кровью и мясом (— с пивом и сосисками). От кошмара этого никуда не спрячешься — и он все больше и больше проявляется в нашей русской жизни. Отмахнуться от него нельзя, преодолеть его, пройти через него — надо»⁶¹. Утверждая «глубокую ненормальность» открывшегося ему стиля европейской жизни, Иванов-Разумник обнаруживает себя носителем своего рода «почвеннических» убеждений, но с ярко выраженным революционным уклоном. Характерно, что идейное наполнение образа «скифа» Иванов-Разумник воспринял от Герцена, сказавшего в 41-й главе «Былого и дум»: «Я, как настоящий скиф, с радостью вижу, как разваливается старый мир, и думаю, что наше призвание — возвещать ему его близкую кончину»⁶². «Русский максимализм» Иванова-Разумника оказывается опорой для отрицания усредненного мещанского существования «обреченной на муки комфорта и культуры городской толпы», он вселяет убеждение, что «строй подобной жизни неизбежно будет разрушен»⁶³. Наблюдениям и размышлениям «скифа» близка определившаяся в эти же годы историческая концепция Блока, его осознание всеобщего неблагополучия и неизбежности катастрофического разрешения трагических противоречий, его ожидание стихийных очистительных перемен.

Первый сборник «Скифы», редактировавшийся А. И. Иванчиным-Писаревым, Ивановым-Разумником и С. Д. Мстиславским, был сформирован к концу 1916 г., но вышел в свет уже после Февральской революции. Он открывался введением-манифестом «Скифы (Вместо предисловия)», подписанным коллективным псевдонимом «Скифы»; текст введения был написан С. Д. Мстиславским (1-я глава) и Ивановым-Разумником (2-я глава)⁶⁴. «Вечную революционность» «скифы» противопоставляли «реформизму» и «духу Компромисса», «святое безумие» — «благоразумию», «искания непримиренного и непримиримого духа» — умеренности, трезвости и бескрылости «всесветного Мещанина», который «губит искусство — в эстетстве, науку — в схоластике, жизнь — в прозябании, революцию — в мелком реформаторстве»⁶⁵. Безраздельная устремленность «скифов» к грядущему, к «революции духа», открывающейся за реальностью революции социальной, к «духовному преображению» глубоко импонировали Блоку, воспринимавшему революцию не столько в общественно-политическом, сколько в духовном, «музыкальном», отчасти даже эсхатологическом аспекте, увидевшему в ней прежде всего мятежную бурю, стихийный «мировой пожар»; не менее близки ему были и «отрицательные» моменты в «скифстве» — неприятие буржуазного уклада жизни, мещанства, «благоразумия» (в самом широком смысле). «Идея духовного максимализма, катастрофизма, динамизма — была для Блока тождественна со стихийностью мирового процесса; только случайным отсутствием Александра Александровича из Петербурга и спешностью печатания сборника объяснялось отсутствие имени Блока в «Скифах», — писал Иванов-Разумник («Вершины», с. 223—224).

«Скифский» максимализм сказался и в той неудовлетворенности слишком «благоразумными» итогами Февральской революции, которую ощущали Блок и Иванов-Разумник в дни возобновления их постоянного общения, два года спустя после закрытия «Сирена». В середине июля 1917 г. они случайно встретились. («...») Я шутя напомнил, говоря о современной эпохе «кереңцины», — вспоминает Иванов-Разумник, — что «всемирный запой» не излечивается никакими «конституциями» — если даже они носят имя «политической революции» (стихи Блока: «А вот у поэта — всемирный запой, и мало ему конституций. . .»). Блок улыбнулся, но тут же согнал улыбку с лица и сказал: «Да, знаете, — душно!». «Душно потому, — комментирует эти слова Иванов-Разумник, — что пытаются стиснуть, оковать стихию революции, которая ворвалась в жизнь, но еще не весь сор смела с лица земли. И мы поняли, что незачем нам говорить о партиях, о направлениях, но лишь о тоне и ощущениях подлинной революции; где она, там был и Блок. В «кереңцине» он задышался» («Вершины», с. 223). В это время Иванов-Разумник постоянно выступал

с политическими и литературно-критическими статьями на самые злободневные темы, направленными, по его словам в предисловии к объединяющей их книге «Год революции», «против двух врагов: политического либерализма и мецанского социализма»⁶⁶. Непосредственную цель борьбы он видит в прекращении мировой войны и в расширении революции политической до революции социальной и мировой. «*... Идет мировая революция, — писал Иванов-Разумник Андрею Белому 29 апреля 1917 г., — *... через год или через век, но от искры этой вспыхнет мировой пожар* *... И дух этот испепеляющий — есть дух созидающий*»⁶⁷. Стремясь дать емкую формулу своего духовного пафоса, Иванов-Разумник приводит в одной из статей 1917 г. строки из блоковских «Ямбов»: «Презренье созревает гневом, А зрелость гнева — есть мятеж»⁶⁸.*

Не один Блок был в эти дни солидарен с Ивановым-Разумником. Из других крупных поэтов «скифское» мироощущение разделяли Андрей Белый, Клюев, Есенин⁶⁹; их произведения преобладали в двух сборниках «Скифы». Во втором сборнике, вышедшем в конце 1917 г., была напечатана программная статья Иванова-Разумника «Две России», в которой обосновывалась неслучайность и глубокая симптоматичность этого писательского объединения для переживаемого переломного момента истории, открытость его «новому слову и благой вести», которые несет с собой революция⁷⁰.

Октябрьскую революцию Блок и Иванов-Разумник восприняли единодушно. «Был я у А. А. Блока; радостно было видеть в дни обывательской растерянности спокойную и бодрую веру в будущее», — писал Иванов-Разумник Андрею Белому 11 января 1918 г.⁷¹ Примыкая к партии левых эсеров, Иванов-Разумник имел непосредственное отношение к октябрьским событиям, работал вместе с большевиками. «Я с ними провел все дни Октябрьской революции — с 26 по 28 октября я был безвыходно в Смольном», — сообщал Иванов-Разумник Белому 9 ноября 1917 г.⁷² Такая позиция не нашла признания даже в близкой Иванову-Разумнику писательской среде. Вспоминая (в письме к Белому от 17 сентября 1919 г.) «трудные — но и радостные — дни и месяцы конца 1917, начала 1918 года», он подчеркивал: «Только в Вас и еще Блоке нашел я поддержку, сочувствие, единомыслие»⁷³. В первые месяцы после Октябрьской революции Иванов-Разумник оказывается едва ли не самым близким Блоку человеком из литературного мира. Записные книжки поэта за вторую половину 1917 г. не сохранились, но из записей 1918 г. видно, что Иванов-Разумник стал постоянным собеседником и конфидентом Блока, причастным к судьбе всех его литературных и общественных дел. «Много и часто говорим о Вас с Ал. Ал. Блоком, который делается мне все ближе и ближе», — признавался Иванов-Разумник Андрею Белому в письме от 5 сентября 1918 г.⁷⁴ Сам Блок заверял Белого (в письме от 9 апреля 1918 г.), что с Ивановым-Разумником ему часто бывает хорошо и «особенно» (уютно и тревожно вместе) (VIII, 512).

Интенсивно общались Блок и Иванов-Разумник и в январе 1918 г. — в дни, когда поэт работал над «Двенадцатью». 30 января 1918 г. Блок виделся с Ивановым-Разумником в редакции газеты «Знамя труда», в тот же день были закончены «Скифы», начатые накануне. Иванов-Разумник передает в связи с этим свой разговор с Блоком о первом сборнике «Скифы», в котором было напечатано одноименное стихотворение Брюсова: «*... мы говорили с Александром Александровичем, насколько эти брюсовские «Скифы» мало подходят к духу сборника (настолько мало подходят, что, печатая их, мы, редакция сборника, сами переименовали их в «Древних скифов» — так и было напечатано), говорили и о том, какие «Скифы» должны бы были быть напечатанными, чтобы скифы были скифами, не «древними», а вечными. А. А. Блок напомнил об этом разговоре, когда в начале восемнадцатого года дал мне прочесть только что написанных своих «Скифов»» («Вершины», с. 224). Знаменитое революционное стихотворение Блока, при всей широте и богатстве его актуального и историософского содержания, может рассматриваться и как своего рода манифест «вечного скифства», как самое определенное и яркое выражение этого стихийного мироощущения. Оно должно было вместе с поэмой «Двенадцать» открывать третий сборник «Скифы», но издание это осуществить не удалось.*

Важнейшие произведения Блока впервые увидели свет в газете левых эсеров «Знамя труда»: статья «Интеллигенция и Революция» — 1 февраля (н. ст.)⁷⁵, «Скифы» — 20 февраля, «Двенадцать» — 3 марта 1918 г. Печатаение их организовал Иванов-Разумник, заведовавший литературным отделом «Знамени труда». Вторично «Двенадцать» и «Скифы»

были напечатаны в апреле 1918 г. в первом номере левозэсеровского журнала «Наш путь», в котором Иванов-Разумник был редактором литературного отдела, а затем, в мае 1918 г., вышли (с приложением статьи Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре») в издательстве «Революционный социализм». М. А. Бекетова писала об отношении Блока к «Знамени труда» и «Нашему пути»: «Ал. Ал. < . . . > близко стоял к интересам редакции, находя в ее атмосфере отклик своих настроений. Он очень часто заходил в «Знамя труда» и проводил там целые часы в оживленной беседе на всевозможные темы, особенно много общего было у него с Ивановым-Разумником < . . . >»⁷⁶. Сам Блок в «Записке о «Двенадцати» (1920) подчеркнул свое отношение к этим печатным органам: «Одна из политических партий, пользовавшаяся во время революции поддержкой правительства, уделила место и культуре: сравнительно много места в большой газете, и почти целиком — ежемесячный журнал < . . . > Небольшая группа писателей, участвовавшая в этой газете и в этом журнале, была настроена революционно < . . . > Большинство других органов печати относилось к этой группе враждебно, почитая ее даже собранием прихвостней правительства. Сам я участвовал в этой группе, и травля, которую поднимали против нее, мне очень памятна»⁷⁷. Все это давало повод для причисления Блока к литераторам левозэсеровской ориентации; в частности, А. В. Луначарский, характеризуя Блока в письме к Н. П. Горбунову (для последующей передачи Ленину), написал (9 марта 1921 г.), что тот «после революции присоединился к левым эсерам»⁷⁸. На деле речь могла идти только о внешнем присоединении, ибо к политической программе и партийной тактике левых эсеров Блок, всегда остававшийся невосприимчивым к вопросам политики, не имел никакого отношения. Не только он, но Иванов-Разумник (формально не являвшийся членом этой партии), был литературным работником и не имел отношения к практической деятельности левых эсеров; и Блока, и Иванова-Разумника сближал с ними в основном дух революционного максимализма, не лишенного известной анархо-утопической окраски. Иванов-Разумник в связи с этим писал: «< . . . > левые эсеры были тогда той политической партией, которая, признавая значение культуры вне всякой политики, предоставила нам экстерриториальность в своих органах (весь «нижний этаж» газеты, весь литературный отдел журнала были в нашем распоряжении); эти «политики» поняли, перед каким мировым явлением они стоят, когда впервые читали «Двенадцать» и «Скифов» Блока» («Вершины», с. 225). Объединяющим началом в отношении Блока и Иванова-Разумника этого времени была не левозэсеровская политическая линия, а отвлеченная «скифская» идеология, подкреплявшаяся реальностью свершившегося революционного переворота.

В апреле 1918 г. Иванов-Разумник написал статью «Испытание в грозе и буре», посвященную «Двенадцати» и «Скифам». Эта работа была первым обстоятельным разбором произведений Блока с близких автору идейных позиций. Имеет все основания мнение о том, что в своем толковании Иванов-Разумник «в известной мере опирался на разъяснения самого Блока»⁷⁹: прежде чем статья появилась в печати, Иванов-Разумник беседовал с Блоком о его произведениях, читал ему фрагменты своей статьи, выслушивал его замечания. 14 апреля 1918 г., после опубликования статьи в первом номере «Нашего пути», Блок записал: «Издавать «Двенадцать» и «Скифы» вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью» (ЗК, 400). Таким образом, он расценил «Испытание в грозе и буре» как вполне соответствующий смыслу его произведений критический комментарий. На другой день Блок беседовал с Ивановым-Разумником о его статье и, согласно воспоминаниям последнего, сделал ему в заключение разговора большую и чрезвычайно лестную для него и для его труда надпись, которая погибла при разгроме редакции «Нашего пути» в июле 1918 г. («Вершины», с. 242).

В статье «Испытание в грозе и буре» Иванову-Разумнику удалось понять и по достоинству оценить масштаб произведений Блока. «Двенадцать» он сопоставляет с «Медным Всадником», а «Скифов» — с пушкинским стихотворением «Клеветникам России» и фактически утверждает конгенальность этих произведений: в первом случае и Пушкин и Блок уводят от реального Петербурга «в захват вопросов мировых, вселенских», предстают «на грани реального и над-исторических прозрений», во втором — решают «старый, вечный вопрос — о Востоке и Западе, о России и Европе». Пушкин и Блок знаменуют важнейшие этапы на пути истолкования этого вопроса, который Иванов-Разумник, уже под явным влиянием историсофии символистов и Вл. Соловьева, называет «вечным вопросом нашей истории» («Вершины», с. 183, 187, 194)⁸⁰. В этой статье исчезают все былые тезисы

критика о «стеклянной пустыне» «декадентства» и безуспешности попыток Блока выйти из нее; наоборот, Иванов-Разумник прочерчивает линию преемственности между революционными произведениями Блока и «прежним» Блоком, выступая одновременно против тех читателей, которые обвиняли поэта в отступничестве от самого себя: «Когда маленькие люди являют большого поэта, что он теперь, в грозе и буре мировых событий — не в их утином стаде, что он чему-то изменил, что он «вдруг» стал духовным, политическим и социальным «максималистом», — то это просто вздор, незнакомство утиного стада с творчеством того самого поэта, которого оно так глубокомысленно судит» («Вершины», с. 194—195). В поэме Блока Иванов-Разумник обнаруживает два неразрывно спаянных внутренних мотива, «двойную, переплетающуюся истину», которая предстает в первых же строках: «Черный вечер — кровь, грязь, преступление; белый снег — та новая правда, которая через тех же людей идет в мир». «Двенадцать» поэмы по праву связаны с двенадцатью апостолами, тоже «грешниками», ибо через них приходит в мир высшая правда, «новая благая весть о человеческом освобождении» («Вершины», с. 180, 178). В «Скифах» Иванов-Разумник подчеркивает их интернационалистское звучание, «ибо «скифы», как и «мещане» — интернациональны», трактует стихотворение как «призыв русского «скифа» к «скифам» западным», как «призыв русской революции (ибо «скифство» — есть революция) к революции мировой». «Двенадцать» и «Скифы» Блока — пророчество о пришествии нового мира, о горизонтах наступающего духовного освобождения, открывающихся за «очистительной грозой» социальной революции, и в этом смысле их значение трудно переоценить: «То, к чему мировая история придет в грядущем, мировая поэзия дает нам в настоящем» («Вершины», с. 198, 200, 203).

Отношения Блока и Иванова-Разумника достигли в 1918 г. своей кульминации. Это была пора и их самого тесного дружеского общения, и наибольшего внутреннего сближения в совместном восприятии «музыки» революции. Дружба не исключала, однако, идейных противостояний в вопросах, касавшихся самого существа мировосприятия Блока и Иванова-Разумника, остававшегося принципиально различным — иррациональным, интуитивно-поэтическим у одного, рационалистическим, логически-дискурсивным у другого. Одним из свидетельств продолжавшихся между ними споров по самым общим проблемам самоопределения личности служит письмо Иванова-Разумника Блоку от 20 сентября 1918 г., написанное в продолжение состоявшегося накануне разговора о понятиях «культура» и «цивилизация» и их трактовке в книге Е. Полетаева и Н. Пунина «Против цивилизации»: признавая, что за последние годы он ближе подошел к миропониманию Блока и увидел правоту его идеалов, «подлинные подъемы» в недоступные обычному «реалистическому» сознанию сферы, Иванов-Разумник подчеркнул, что он остается верен основам своего «имманентного субъективизма», ставящего во главу угла человека, а не надчеловеческое начало. Иванов-Разумник сообщает, что Блок написал ему тогда ответное письмо (которое, к сожалению, не сохранилось до сегодняшнего дня): «Из письма А. А. выросла вскоре тема его «Крушения гуманизма»» («Вершины», с. 245). В этой блоковской статье вопрос о культуре и цивилизации переключен в плоскость рассуждений об исчерпанности старого гуманистического мирозерцания и предвозвещения новой эры культуры, когда на смену «гуманному» человеку придет «человек-артист». «По сути дела, — справедливо заключает о «Крушении гуманизма» Д. Е. Максимов, — статья эта представляет собой попытку обоснования правды массового революционного движения, не совместимой, по Блоку, с гуманизмом прошлого, который был связан главным образом с идеей индивидуальной обособленной личности»⁸¹.

В 1919 г. и в последующие годы Блок и Иванов-Разумник встречаются по-прежнему регулярно, хотя иногда и с большими промежутками, но уже нет той интенсивности внутреннего общения, которая была в первый год революции. Сам Иванов-Разумник склонен объяснять это более общими причинами — замкнутостью, настроениями подавленности, душевной усталостью, проявившимися у Блока со все нарастающей силой в дни, когда уже была позади пора, в которую он в последний раз «отдался стихии», — зима 1917—1918 г., давшая «Двенадцать» и «Скифов». «Зиму 1918—1919 года, — свидетельствует Иванов-Разумник, — он переживал как «страшные дни» (так надписал он одну подаренную свою книгу в декабре 1918 г.). Он вспыхнул было в последний раз при известии о новой волне революции — в Германии; но скоро погас. «Страшные дни» обступили его. Он видел их в прошлом, он провидел их в грядущем < . . . > И тихо, тихо, но беспощадно

втедалась в душу поэта беззвездная тоска» («Вершины», с. 226). Нужно отметить, что и настроения Иванова-Разумника, разделявшего блоковские романтические представления о революции, были сходными в те годы, когда стала зримо складываться новая государственность, многими своими чертами не удовлетворявшая его анархо-максималистским, «скифским» установкам. Справедливо отмечено, что «власть революционного государства подчас ощущалась Блоком как изжившая себя сила, объективно противостоящая душевным устремлениям, воле и совести «освобожденного человека»⁸². Идеальные представления о революции вступали и у Блока, и у Иванова-Разумника в конфликт с наблюдаемой повседневной действительностью, в которой они особенно болезненно воспринимали симптомы воскрешения ненавистного им буржуазного уклада жизни. Мрачные, болезненные настроения Блока в последние годы его жизни происходили, согласно трактовке Иванова-Разумника, «от смертельной тишины старого мира, сменившей собою пронесшийся гул» («Вершины», с. 225)⁸³.

Подобно Блоку, Иванов-Разумник в эти годы много занимался культурно-просветительской деятельностью — работал вместе с Блоком в Театральном отделе Наркомпроса, участвовал в многочисленных заседаниях по издательским вопросам, выступал с лекциями и докладами и т. д. К 50-летию со дня смерти Герцена он организовал издание юбилейного сборника («А. И. Герцен. 1870 — 21 января — 1920. Сборник под ред. Иванова-Разумника»), для которого Блок написал небольшую статью «Герцен и Гейне» (VI, 141—143)⁸⁴. Основным местом деятельности Иванова-Разумника в 1919—1924 гг. стала Вольная философская ассоциация («Вольфила»), учрежденная «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества»⁸⁵, — последнее организованное им совместно с Блоком начинание.

Идея «Вольфилы» возникла осенью 1918 г. 30 сентября 1918 г. Блок зафиксировал: «Р. В. Иванов у меня <...> О «Вольной философской академии» (ЗК, 429). Блок был одним из авторов «записки» об академии, опубликованной в ноябре 1918 г.⁸⁶, он участвовал в самых предварительных обсуждениях целей и задач будущей организации. В январе 1919 г. определился состав членов-учредителей — 12 человек: кроме Иванова-Разумника и Блока — музыковед А. М. Авраамов, Андрей Белый, литератор из футуристов Б. А. Кущнер, Е. Г. Лундберг, В. Э. Мейерхольд, С. Д. Мстиславский (один из соредкторов «Скифов»), К. С. Петров-Водкин, Л. Шестов, философ А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг⁸⁷. 26 января на квартире Иванова-Разумника в Детском Селе состоялось общее собрание учредителей с участием Блока (в этот день Блок записал: «В Царское — к Р. В. Иванову и Б. Н. Бугаеву: заседание Вольной философской академии <...> Уют в семье Р. В. Иванова» — ЗК, 447). Первоначально решено было, что первое заседание откроется в феврале 1919 г. докладом Блока «Катилина, — эпизод из истории мировой революции» (была даже отпечатана информировавшая об этом афиша), но на пути нового общества образовались препоны, и Вольная философская ассоциация смогла начать свою деятельность только в ноябре 1919 г. Председателем совета «Вольфилы» был избран Андрей Белый, товарищем председателя — Иванов-Разумник. Первоначально предполагалось, что пост председателя возьмет на себя Блок, но поэт отказался от этого⁸⁸.

Первое открытое заседание Вольной философской ассоциации состоялось 16 ноября 1919 г. На нем выступил Блок с докладом «Крушение гуманизма», которому предшествовали краткие сообщения Иванова-Разумника, Конст. Эрберга и А. З. Штейнберга об общих задачах и организационных принципах ассоциации. В направлении, намеченном докладом Блока, была ориентирована дальнейшая работа «Вольфилы». «<...> Тема эта, тема кризиса современной европейской культуры, стала основной в ряде последующих докладов и чтений», — писал Иванов-Разумник в информационной статье о «Вольфиле»⁸⁹. Среди них прежде всего нужно назвать доклады самого Иванова-Разумника «Эллип и скиф» (23 ноября 1919 г., 2-е открытое заседание), «Три искушения (Христианство и социализм)» (1 февраля 1920 г., 12-е открытое заседание), «Скиф в Европе» (восходящий к статье 1912 г.) (23 февраля 1920 г., 16-е открытое заседание) и доклад Андрея Белого «Кризис культуры» (21 декабря 1919 г., 6-е открытое заседание; читался в отсутствие автора)⁹⁰. 29 июля 1920 г. в «Вольфиле» состоялся вечер Блока: вступительное слово произнес Иванов-Разумник, Блок читал главы из поэмы «Возмездие» и стихотворения⁹¹. Под председательством Блока состоялось заседание памяти Вяч. Соловьева (15 августа 1920 г., 38-е открытое заседание), на нем выступали А. А. Гизетти, В. Е. Чехихин, А. З. Штейнберг, А. А. Мейер,

Э. Л. Радлов. Блок заключил заседание своим докладом «Владимир Соловьев и наши дни» (VI, 154—159)⁹².

Блок не стал постоянным участником заседаний «Вольфи́лы», не вел в ней занятий, не читал лекций и уклонялся, как правило, от постоянных предложений Иванова-Разумника глубже войти в жизнь ассоциации. Так, он не принял участия в «вольфильской» «беседе о пролетарской культуре» (см. п. 29), воздержался от председательствования на «платоновском» заседании 7 ноября 1920 г. («...» звонит один из стоящих на страже моей — Р. В. Иванов, и предлагает председательствовать на заседании Вольфи́лы в годовщину ее, посвященном Платону. А я-то «уклоняюсь в Аристотеля!»), — иронически записал Блок 22 октября 1920 г. — VII, 372) и т. д. В этом, безусловно, сказывались душевная усталость и надломленность, омрачившие последние годы жизни поэта, а также переключение его основных дел в область театра и редакторско-издательской деятельности. Но отношение Блока к ассоциации и другим ее руководителям неизменно было окрашено любовью и внутренней близостью. О дне открытия «Вольфи́лы» М. А. Бекетова свидетельствует: «Этот вечер был одним из лучших впечатлений Ал. Ал. в этом безрадостном году»⁹³. 29 июля 1920 г. Блок записал: «Мой вечер в Вольфи́ле (вступительное слово Иванова-Разумника). Были мама и Люба. Хорошо» (ЗК, 497). Отрадными были впечатления Блока и от собрания памяти Вл. Соловьева. Иванов-Разумник в связи с этим отмечал: «Я видел Александра Александровича вскоре после этого заседания, и помню, какими светлыми и хорошими словами говорил он (не мне одному — часто говорил он об этом многим близким ему людям) о том, что Вольфи́ла теперь для него — единственное дорогое и светлое место, что хотя на соловьевском заседании многое было неудачным, «не-вольфильским», но в общем стоит и надо продолжать работу <...> Он видел здесь продолжение работы той былой «скифской» группы, с которой он был так тесно душою связан» («Вершины», с. 227—228)⁹⁴.

После смерти Блока в «Вольфи́ле» при активном участии Иванова-Разумника был организован вечер его памяти (28 августа 1921 г., 83-е открытое заседание). На нем выступили Андрей Белый, А. З. Штейнберг и Иванов-Разумник, поделившийся воспоминаниями о встречах с Блоком и охарактеризовавший связь поэта с «Вольфи́лой». Иванов-Разумник организовал и издание стенограммы этого заседания: книга «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг» увидела свет в январе 1922 г.⁹⁵

Полтора года спустя появилась книга Иванова-Разумника «Вершины», в которой были объединены его статьи о Блоке и Андрее Белом⁹⁶. В нее вошли статьи «Роза и Крест» (1913) и «Испытание в грозе и буре» (1918)⁹⁷, мемуарные очерки «Памяти Александра Блока» и «Надписи на книгах»⁹⁸. В статье о «Петербурге» Белого (1923), помещенной в сборнике, Иванов-Разумник попутно касается поэмы Блока «Возмездие», показывая ее связь с романом Белого в теме Петербурга как символа русской истории послепетровского времени и их общую связь с историческими концепциями Пушкина и Достоевского («Вершины», с. 105—106, 157—171). В предисловии к книге Иванов-Разумник утверждает, что Блок и Белый — это новые вершины в «горной цепи», образуемой именами крупнейших классиков русской литературы («Вершины», с. 10). Андрей Белый в письме к Иванову-Разумнику от 9 марта 1924 г., направленном по случаю 20-летия его литературной деятельности, признавался, имея в виду прежде всего статьи этой книги: «<...> в свете Вашего истолкования символизма мы с покойным Александром Александровичем Блоком, себя осознавшие в Ваших работах, явились к Вам, как исполнители своих же собственных тем, Вами так изумительно оркестрированных»⁹⁹.

Представление о «вершинности» символизма в русском литературном процессе XX в. Иванов-Разумник сохранил и в последующие годы. Показательно, что к новейшим явлениям русской литературы, начиная с акмеизма и футуризма и кончая молодой советской литературой начала 20-х годов, он отнесся в целом достаточно скептически. В подготовленном им коллективном сборнике статей «Современная литература» (в котором он, в частности, опубликовал посмертно по рукописи статью Блока «Без божества, без вдохновенья»)¹⁰⁰, Иванов-Разумник поместил статью «Взгляд и нечто. Орывок. (К столетию «Горя от ума»)», подписав ее ироническим «грибоедовским» псевдонимом «Ипполит Удушьев». Ныне распространено представление о расцвете русской поэзии в начале XX столетия, как о ее «серебряном веке», в параллель «золотому», пушкинскому веку. В статье «Взгляд и нечто» Иванов-Разумник также использует эти определения.

но в ином смысле: символистская эпоха для него подлинный «золотой век», а «серебряный век» — литературная действительность начала 20-х годов, не давшая, с его точки зрения, принципиально новых открытий, лишь в самых лучших образцах развивающая и совершенствующая ранее достигнутое символистами и далекая от духовных взлетов крупнейших символистов — «ремесло в расцвете, горение духа — в загоде». В этом смысле Иванов-Разумник констатирует общее снижение уровня литературной волны 1890—1915 гг. и утверждает свою позицию: «< . . . > для меня подлинная литературная современность — не Пастернак, а Блок, не Эренбург, а Белый. С этими спутниками я не боюсь за будущее, за литературный путь; с ними я твердо знаю: пойду сегодня, приду завтра»¹⁰¹.

Деятельность Иванова-Разумника как исследователя творчества Блока началась сразу же после кончины поэта. На первых порах это была преимущественно работа по разборке архива, собиранию и изучению творческих рукописей, писем, воспоминаний, вообще всех документальных материалов, имеющих отношение к биографии и писательскому пути Блока и способствующих увековечению его памяти. В частности, в августе 1922 г., год спустя после смерти поэта, «Вольфила» при непосредственном участии Иванова-Разумника организовала цикл воскресных заседаний, посвященных памяти Блока.

В 1920-е годы Иванов-Разумник работает в основном как переводчик и литературовед¹⁰². Два основных направления в его историко-литературной деятельности — творчество Салтыкова-Щедрина (в 1926—1927 гг. он редактировал шеститомное собрание сочинений писателя, в 1929 г. выпустил книгу «Неизданный Щедрин», а в 1930 г. — первый том своей монографии «М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество») и творчество Блока. «После смерти А. А. Блока, — вспоминает Иванов-Разумник, — десять лет собирал я материалы, связанные с его поэтическим творчеством, так что когда осенью 1930 года «Издательство Писателей в Ленинграде» предложило мне составить план полного собрания сочинений Блока и редактировать его — я охотно принял это предложение. В течение двух лет вышли первые семь томов, заключающие в себе все поэтическое наследие А. А. Блока; в течение 1933 года должны были выйти остальные пять томов, соединяющие в себе всю его прозу. Большую работу эту мог я выполнить в такой сравнительно короткий срок только потому, что все эти два года деятельно помогал мне в ней приятель мой Д. М. Пинес, прекрасный и тонкий знаток Блока, а кроме того, и исключительно сведущий библиограф. Все эти два года (1931—1932) он почти каждый день самоотверженно приезжал ко мне в Детское (бывшее — Царское) Село, где мы работали над хранившимися у меня всеми рукописями А. А. Блока»¹⁰³.

Собрание сочинений Блока в двенадцати томах, выпущенное «Издательством писателей в Ленинграде» в 1932—1936 гг. (закончено оно было в издательстве «Советский писатель»), по сей день остается наиболее полным собранием собственно творческих текстов поэта в их окончательной авторской редакции (дневники, записные книжки и письма в издание не были включены). Первые семь томов его (все поэтическое наследие Блока, театр и переводы) были подготовлены Ивановым-Разумником. Однако не все результаты его работы — «полтора года работы над Блоком (с утра до ночи напролет, без отдыха и без «выходных дней»)», по его собственному признанию¹⁰⁴, — оказались в них отражены: за пределами издания остался подробный текстологический и реальный комментарий Иванова-Разумника к стихотворениям и поэмам: Предполагалось сначала, что комментарии будут печататься в конце каждого тома, но затем издательство отказалось от этого. 14 мая 1932 г. Иванов-Разумник сообщил Ф. И. Витязеву: «В течение лета должна выйти будущая «библиографическая редкость» — примечания к томам стихов Блока, собранные в один том (45 печ. листов); книга выйдет «на правах рукописи» в количестве 300-т экз.»¹⁰⁵. В более позднем письме к В. Д. Бонч-Бруевичу от 19 ноября 1932 г. Иванов-Разумник вновь сообщил: «< . . . > примечания эти < . . . >, по-видимому, выйдут в январе-феврале»¹⁰⁶. Однако и эта книга, доведенная в «Издательстве писателей в Ленинграде» до стадии верстки, не увидела света¹⁰⁷. Некоторое представление о работе Иванова-Разумника позволяет составить его текстологический комментарий к «Двенадцати», «Скифам» и «Возмездью», включенный в 5-й том собрания сочинений¹⁰⁸. В нем подробно рассмотрены черновики «Двенадцати» и «Скифов» и наброски и черновые редакции «Возмездия»; многочисленные стихотворные фрагменты были впервые напечатаны по рукописи. Ни в одном из последующих изданий Блока не было дано более полного и тщательного описания черновых автографов этих произведений (ср. III, 623).

В феврале 1933 г. работа Иванова-Разумника над собранием сочинений Блока была прервана. Последние пять томов вышли в свет под редакцией В. Н. Орлова. В последующие годы, омраченные тяжелыми жизненными лишениями, Иванов-Разумник не отказывался от мысли довести до печати плоды своего труда. В письме от 9 января 1934 г., направленном из Саратова А. Г. Горнфельду в ответ на его предложение подготовить какую-либо работу для издательской серии «Как работал. . .» (такой-то писатель), Иванов-Разумник говорил о двух возможных книгах — «Как работал Салтыков» и «Как работал Блок». «Вторая работа, — писал он, — для издательства и читателей тем интереснее, что в ней было бы несколько сот (если не тысяч — все зависит от размера книги) неизданных строк из черновиков стихотворений Блока»¹⁰⁹. Более реальные перспективы издания своих исследований по Блоку открылись для Иванова-Разумника, когда он на договорных условиях стал выполнять (с сентября 1936 по сентябрь 1937 г., живя в Кашире под Москвой, а с сентября 1939 г. — попеременно в Загорске и в Пушкине — бывшем Царском Селе) задания Государственного литературного музея — разыскивать архивы русских литераторов, договариваться с владельцами о их передаче в музей, собирать и описывать обнаруженные материалы. Директор музея В. Д. Бонч-Бруевич, принимавший большое участие в судьбе Иванова-Разумника, содействовал и продвижению его книги о Блоке.

«Если бы Музей имел возможность издать эту книгу к августу 1941 года (двадцатилетие со дня смерти А. А. Блока), то теперь, за 1 1/2 года, было бы самое время сделать первые шаги для осуществления этой работы», — писал Иванов-Разумник Бонч-Бруевичу 12 марта 1940 г.¹¹⁰ К печальному юбилею 7 августа 1941 года следовало бы всячески приветствовать появление такой подводящей итога книги, как «История стихотворений Александра Блока». Очень огорчительно для меня было бы, если бы и этой книге пришлось ждать столетнего юбилея со дня рождения Блока», — прибавлял он в письме к нему же от 7 декабря 1940 г.¹¹¹ Бонч-Бруевич по мере сил поддерживал Иванова-Разумника в его хлопотах и способствовал изданию книги в серии «Летописи Гослитмузея». 30 июня 1940 г. он написал рецензию на работу Иванова-Разумника, в которой, в частности, говорилось: «Эта «История стихотворений А. Блока», несомненно, является весьма подробным расширенным комментарием и историей текстов Блока, по преимуществу стихотворений, помещенных во всех изданиях собраний сочинений Блока. Совершенно несомненно, что, будучи издано, это исследование принесет большую пользу в деле исследования рукописей Блока и их истории и особенно важно для будущего академического издания < . . . > К изданию эту работу, если виды на бумагу подымутся, надо включить на 1941 г., когда мы предполагали, ввиду юбилея Блока, несколько томов «Летописей», посвященных творчеству этого большого поэта»¹¹². В письме к Иванову-Разумнику от 20 февраля 1941 г. Бонч-Бруевич сообщал, что задержки в продвижении книги объясняются переключением основных издательских резервов на массовые издания: «< . . . > нет никакого смысла сейчас искать другие научные учреждения, которые могут будто бы издать такие работы, как ваша. Мне особенно было бы жаль думать иначе, так как я знаю, что ваше дело в ГЛМ на 9/10 уже устроено вполне благополучно»¹¹³.

Изданию «Истории стихотворений Александра Блока» помешала начавшаяся Великая Отечественная война. Сохранился текст этого исследования, сданный Ивановым-Разумником в мае 1940 г. в Гослитмузей: как сообщает автор в сопроводительной записке, — «единственный сохранившийся экземпляр набора 1931—1932 г. < . . . > весь материал этого исследования проверен и дополнен в 1939—1940 г.»¹¹⁴. В машинописном предисловии к книге Иванов-Разумник говорит, что ставил своей задачей заполнить пробел в изучении литературного наследия поэта в двух отношениях: «дать краткую историю изданий книг стихов Александра Блока и вместе с тем — подробную историю стихотворений, каждого в отдельности (пока еще не входя в историю текста их)»¹¹⁵. «Если иметь в виду, — пишет далее Иванов-Разумник, — что в этой истории стихотворений содержится много тысяч стихотворных строк А. Блока, не вошедших в канонический текст его томов, и что из этих почти 10 000 строк более половины и доселе еще остаются неопубликованными < . . . >, — то появление на свет всех этих историко-литературных материалов не нуждается в оправдании. < . . . > Автор настоящего исследования работал над архивом поэта с года его смерти (1921), но главным образом в 1930—1932 годах, когда весь архив этот был передан ему для работы на дом вдовой поэта, ныне покойной Любовью Дмитриевной Блок. Только благодаря такому ее содействию и исключительному вниманию могло

удаться в столь сравнительно малый срок выполнить такую большую по объему работу (свыше 40 печатных листов). Особенно надо подчеркнуть, что ряд ценных сообщений и указаний, известных одной лишь Л. Д. Блок, был сделан ею словесно и закреплен в этой истории стихотворений. Неизменное дружеское отношение Л. Д. Блок к автору настоящей книги и отзывчивое ее внимание много облегчили его работу над изучением истории стихотворений поэта. Подготавливая к печати настоящую «Историю стихотворений Александра Блока» через десять лет после ее написания, автор еще раз проверил весь материал по имеющимся у него источникам и дополнил свою работу ознакомлением с частными архивами, бывшими ему ранее либо неизвестными, либо недоступными. Впрочем таких дополнений оказалось очень немного»¹¹⁶.

Основу «Истории стихотворений Александра Блока» составляет верстка комментариев Иванова-Разумника к первым пяти томам собрания сочинений. Работа начинается с озора «Автобиографии А. А. Блока»: дается свод восьми автобиографий Блока и их характеристика¹¹⁷. В следующем разделе («История изданий тома I») подробно характеризуются пять изданий I-го тома собрания стихотворений Блока от «Стихов о Прекрасной Даме» до издания 1920 г.; третий раздел — «История стихотворений тома I»: подробный текстологический и реальный комментарий к каждому стихотворению. По такому же принципу построены комментарии ко II и III томам собрания стихотворений Блока и к тому стихотворений, не включенных Блоком в основное собрание. В приложении характеризуются детские сочинения Блока и рукописный журнал «Вестник» (статья «Детское и журнал «Вестник» Александра Блока» с приложением образцов детских стихов и текстов из журнала). Верстка изобилует позднейшими рукописными вставками и исправлениями. По подробности описания рукописей Блока, общей текстологической оснащенности и богатству реального комментария работа Иванова-Разумника превосходит все последующие комментированные издания стихотворений Блока и в наибольшей степени приближается к комментарию академического типа. На сегодняшний день она несколько не утратила своего значения. Думается, что опубликование «Истории стихотворений Александра Блока» явилось бы чрезвычайно важным подспорьем в деле дальнейшего изучения творчества Блока и прежде всего в подготовке академического полного собрания сочинений поэта.

Другая работа, подготовленная Ивановым-Разумником накануне войны и также не увидевшая света, — статья «Как Ал. Блок писал «Двенадцать»». В рецензии на нее, датированной 24 декабря 1940 г., В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Небольшое, но полное фактов исследование Иванова-Разумника <...> дает совершенно новые данные, раскрывающие всю творческую историю этого одного из замечательных стихотворений Блока. Тонкий анализ, произведенный на основании бумаги, какую и после какой главу писал Блок, как он эти главы переставлял и, в конце концов, отобразил их в своей окончательной редакции, — очень любопытен, своеобразен и остроумен. Здесь точно определены также даты написания всей этой поэмы и отдельных ее глав. Так как Иванов-Разумник обладает подлинником поэмы «Двенадцать», на котором рукой Блока нанесены все его варианты и исправления и так как этот манускрипт Иванов-Разумник твердо решил передать в наш Гослитмузей, то я считаю необходимым эту рукопись принять для помещения в первом номере наших «Известий» <...>»¹¹⁸. Текст этой статьи Иванова-Разумника нами не обнаружен. В 1940 г. была опубликована статья Иванова-Разумника «Стихи А. Блока для детей»¹¹⁹. В ней анализируется зафиксированный в 9-й рукописной тетради стихотворений Блока план стихотворного раздела «Для детей», рассматриваются отношения Блока с В. А. Тернавцевым, составителем ряда детских изданий, и приводится их переписка.

Одним из незавершенных замыслов Иванова-Разумника 1920—1930 гг. были литературные воспоминания. Еще в сентябре 1926 г. он написал предисловие к будущей мемуарной книге «Четверть века», в котором поставил перед собой скромные задачи хроникера-протоколита виденного и пережитого: «И пусть сухой рассказ этот стремится лишь к чистой фактичности, пусть закрепит как можно больше интересных лиц и ценных фактов из литературных событий первой четверти XX века, с которыми так или иначе был я связан»¹²⁰. Хорошо знавший цену историко-литературного документа, Иванов-Разумник предполагал иллюстрировать изложение материалами своего архива, прежде всего письмами к нему различных писателей. Архив был им изучен и систематизирован, отдельные рукописи аннотированы, часть материалов, в том числе письма Андрея Белого, он

сдал в Гослитмузей, готовился передать туда и другие рукописи ¹²¹. Однако война нанесла архиву огромный урон.

Живший в 1941 г. в Пушкине, Иванов-Разумник оказался в зоне немецкой оккупации. С другими жителями города он был выслан в Гатчину, а затем, весной 1942 г. вместе с женой отправлен в лагерь для перемещенных лиц в Конице (под Данцигом), где провел более года ¹²². Хотя Варвара Николаевна Иванова, урожденная Оттенберг, имела немецких предков и могла рассчитывать на определенные привилегии, жили они в самых тяжелых условиях. Летом 1943 г. Ивановым удалось выйти на свободу, и последние годы их жизни прошли в скитаниях по разрушающейся Германии. 18 марта 1946 г. В. Н. Иванова умерла в Рендсбурге ¹²³; после этого Иванов-Разумник, с уже сильно надломленным здоровьем, перебрался к родственникам в Мюнхен, где и скончался 9 июня 1946 г.

Библиотека Иванова-Разумника в его квартире в Пушкине была разгромлена фашистами, архив остался без присмотра и постепенно уничтожился, рукописи использовались для отопления. После снятия блокады, в августе 1944 г., остатки архива были обнаружены Д. Е. Максимовым, который вспоминает о своем первом приезде в освобожденный Пушкин и посещении бывшего жилища Иванова-Разумника: «Оставив в стороне минные поля, мы, не без опасения, подошли к знакомому мне домику. Он был изуродован и необитаем. Стены и крыша его сохранились, но ни рам, ни дверей, ни пола не было. От скромной обжитой мебели, книжных шкафов и очень большой библиотеки Разумника Васильевича не осталось и следа. Все свидетельствовало о беспощадном и насильственном разорении. Оккупанты совершили свое черное дело < . . . > В домике Разумника Васильевича в пустой комнате, на голой земле, иначе говоря, на том месте, где должен был быть пол, лежала огромная бесформенная груда бумаг, набросанных в полном беспорядке, как на свалке, спутанных и запачканных. Я нагнулся, поднял первый попавшийся листок и увидел письмо, сразу приковавшее мое внимание, написанное стройным, упругим, свободно-любящимся, незабываемым почерком, который безошибочно предопределял подпись: Александр Блок. И эта подпись действительно на нем стояла. Я нагнулся еще раз: снова знакомый почерк, но совсем другой: нервный, неровный, со строчками, загибающимися книзу, — Андрей Белый, рукописные страницы «Петербурга». И еще взгляд, уже с колен, теперь уже полный волнения: протоколы Вольной философской ассоциации и рядом — гигантские россыпи машинописных копий писем Белого к Разумнику Васильевичу. И еще, и еще, много, много подобного» ¹²⁴.

Сразу же после этого уцелевшие рукописи архива были переправлены в Пушкинский Дом. Среди других материалов уцелели отдельные листки составленной Ивановым-Разумником описи хранившихся в архиве писем к нему; они позволяют зримо представить тот урон, который понесло его ценнейшее собрание: из 8 писем Е. И. Замятина (1913—1928) уцелело одно, из 160 писем А. М. Ремизова (1908—1919) — ни одного, из 67 писем Ф. Сологуба (1912—1927) — пять, из 10 писем А. Н. Толстого (1912—1928) — ни одного, из 49 писем О. Д. Форш (1910—1930) — два, из 107 писем Л. Шестова (1908—1917) — четыре, из 25 писем В. Я. Шишкова (1913—1932) — ни одного, и т. д. ¹²⁵ В сравнении с этими данными письма Блока сохранились в большей пропорции — 9 писем из 53-х (некоторые дошли в поврежденном виде). Листок с данными о письмах Блока в архиве не уцелел, но число их Иванов-Разумник назвал Д. Е. Максиму 28 января 1941 г. (Д. Е. Максимов записал после беседы с Ивановым-Разумником: «53 письма Блока, которые он при жизни не опубликует. Там есть неприятные») ¹²⁶.

9 писем Блока печатаются по автографам, сохранившимся в архиве Иванова-Разумника: письма от 14 февраля 1916 г. и от 19 июля 1919 г. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 234; письмо от 8 февраля 1919 г. — там же, ед. хр. 235; остальные шесть писем — там же, ед. хр. 233. Два письма Блока извлечены из журнала Комитета Литературного фонда.

Все письма Иванова-Разумника к Блоку, за исключением письма от 15 марта 1920 г., хранящегося среди писем Иванова-Разумника к Андрею Белому (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66), и письма от 5 августа 1921 г., хранящегося в архиве Блока в ИРЛИ (ф. 654, оп. 1, ед. хр. 423), печатаются по автографам, хранящимся в архиве Блока в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 2, ед. хр. 35). Два письма Иванова-Разумника к Блоку (от 5 июля 1916 г. и от 24 сентября 1919 г.) не включены в настоящую публикацию — их содержание дублируется публикуемыми письмами (пп. 14 и 28).

Все письма публикуются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сведения почерпнуты из автобиографий Иванова-Разумника 1913 г. (ИРЛИ, ф. 377, 2-е собрание автобиографий С. А. Венгерова, № 292) и 1941 г. (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 1).

² ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 77, л. 15.

³ Там же, л. 21 об.

⁴ Там же, л. 25 об.

⁵ И в а н о в - Р а з у м н и к. Юбилей (Очень удачное введение). — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 148, л. 3—4.

⁶ В архиве Иванова-Разумника сохранилось несколько этих юношеских произведений: рассказ «Новое течение (Очерк из студенческой жизни)» (на рукописи — позднейшая помета: «Грех юности моя. . .» «Лето 1900 года»; подписан рассказ уже псевдонимом: Иванов-Разумник) (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 83), несколько сказок и стихотворений в прозе (там же, ед. хр. 25, 26), два стихотворения 1902 г. (там же, ед. хр. 24).

⁷ Об этом Иванов-Разумник сообщает А. Н. Римскому-Корсакову в письме от 28 октября 1900 г., где перечисляет основные положения реферата (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212).

⁸ Там же. Писатель и литературовед А. Л. Слонимский предполагал охарактеризовать доклад Иванова-Разумника в главе «Fin de siècle» своих «Воспоминаний о литераторах конца 19—начала 20 веков» (1945); «тезисы» этой главы: «Ощущение текущего времени. «Повил время за хвост». Мистика чисел годов. < . . . » Не знаю, типично или нет — но на этой почве, как мне кажется, и возникло «декадентство». Доклад Раз <умника> Вас <ильевича> 1901 (о смешении ощущений)» (ЦГАЛИ, ф. 2281, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1; сообщено Р. Д. Тименчиком).

⁹ В том же письме к А. Н. Римскому-Корсакову от 31 октября 1901 г. Иванов-Разумник сообщал: «Я имею возможность напечатать этот реферат в марте месяце в студенческом сборнике, посвященном памяти Жданова; но до того хочу попытаться поместить его в одном из журналов; еще не знаю в котором. Только едва ли удастся: слишком уж я превозношу декадентство (особенно в пластических искусствах)».

¹⁰ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 86, л. 20.

¹¹ Там же, л. 24—25.

¹² Там же, л. 54—55, 57.

¹³ Статья М. Г. Петровой «Эстетика позднего народничества» — единственная современная литературоведческая работа, специально характеризующая деятельность Иванова-Разумника — литературного критика (см.: «Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в.». М., 1975, с. 156—170).

¹⁴ См.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Литература и общественность. СПб., «Прометей», 1912, с. 14.

¹⁵ О ходе своей работы над книгой «Индивидуализм в русской литературе XIX в.» Иванов-Разумник сообщал А. Н. Римскому-Корсакову в летних письмах 1902 г. (первоначально предполагались также главы об индивидуализме в живописи и музыке) (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 212).

Позднее Иванов-Разумник вспоминал о первых шагах своей литературной деятельности: «. . . мне посчастливилось познакомиться в Симферополе с владельцем прекрасной библиотеки по русской литературе 18-го и 19-го века. Я стал подбирать материал для давно уже задуманной книги, которую собирался озаглавить «История русской интеллигенции». Начал ее с конца этюдом «Отношение Максима Горького к современной культуре и интеллигенции». Проведя год в симферопольской ссылке, получил разрешение переехать в глухую деревню Владимирской губернии, в имение родителей моей невесты, ставшей в начале 1903 года моей женой. Там я вплотную принялся за книгу < . . . » Если бы не ссылка 1902 года, я, вероятно, не имел бы времени для такой обширной работы, продолжал бы интересоваться литературой, но вряд ли сошел бы со своего «физического» пути. . . »

¹⁶ Первоначально Иванов-Разумник предполагал назвать книгу «История русского сознания», окончательное заглавие было избрано по совету Лемке. «Крестным отцом» своей книги называл Иванов-Разумник Лемке в письме к нему от 22 ноября 1906 г. (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 469).

¹⁷ И в а н о в - Р а з у м н и к. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в., т. I. СПб., 1907, с. 10.

¹⁸ Там же, с. 15—17.

¹⁹ «Книга», 1906, № 2, с. 17—20.

²⁰ «Вестник Европы», 1907, № 3, с. 347—350. Подпись: Евг. Л.

²¹ «Исторический вестник», 1907, № 2, с. 694—696.

²² В о л ж с к и й. Новая книга о русской интеллигенции. — «Русская мысль», 1907, № 6, отд. II, с. 53.

²³ «Критическое обозрение», 1907, вып. 1, с. 41—42.

²⁴ В. К р а н и х ф е л д. Литературные отклики. Симптомы современных переживаний и настроений. — «Современный мир», 1908, № 2, отд. II, с. 36—39.

²⁵ «Современный мир», 1908, № 6, с. 112—138, № 7, с. 72—129. Вошла в кн.: Т. В. Плеханов. Сочинения, т. XIV. М., 1925, с. 259—344; Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах, т. V. М., 1958, с. 528—608. Позднее с критикой книги Иванова-Разумника выступил А. В. Луначарский в статье «Мещанство и индивидуализм» (в кн.: «Очерки философии коллективизма». СПб., 1909, с. 219—350; вошла в кн.: А. В. Луначарский. Мещанство и индивидуализм. М.—Пг., 1923, с. 5—136). В ответ на эти выступления Иванов-Разумник опубликовал полемическую статью «Марксистская критика» (1909) (в кн.: Иванов-Разумник. Литература и общественность, с. 112—194).

²⁶ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. Т. II. СПб., 1907, с. 470—477.

²⁷ Иванов-Разумник. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908, с. 279—280.

²⁸ Там же, с. 297—298.

²⁹ Иванов-Разумник. Литература и общественность, с. 3.

³⁰ Иванов-Разумник. Об интеллигенции. СПб., 1910, с. 193, 196.

³¹ Там же, с. 211, 213.

³² «Русские ведомости», 1909, № 1, 1 января.

³³ Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг. Пб., «Эпоха», 1922, с. 28. Ср. замечание Иванова-Разумника о Блоке как «бывшем ученике» Мережковского в статье о последнем «Мертвое мастерство» (1911) (Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические. 1908—1922. Пб., «Колос», 1922, с. 134).

³⁴ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6.

³⁵ ЛН, т. 89, с. 289.

³⁶ А. М. Ремизов. «Сирин». Дневниковая тетрадь. — ИРЛИ, ф. 256 (архив А. М. Ремизова), л. 5, 7. Ср.: С. С. Гречишкин. Архив А. М. Ремизова. — В кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год». Л., 1977, с. 28.

³⁷ А. М. Ремизов. «Сирин». Дневниковая тетрадь, л. 13.

³⁸ Там же, л. 18. Ср. дневниковую запись Блока от 20 октября 1912 г. (VII, 167).

³⁹ А. М. Ремизов. «Сирин». Дневниковая тетрадь, л. 32. Ср. дневниковую запись Блока в этот день (VII, 180).

⁴⁰ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 180—181.

⁴¹ Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 235. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте сокращенно («Вершины») с указанием номера страницы.

⁴² Напечатана впервые в журнале «Заветы» (1913, № 10, отд. II, с. 114—125). 3 февраля 1913 г. Иванов-Разумник присутствовал на чтении Блоком у себя дома драмы «Роза и Крест», 5 февраля он обсуждал с Блоком драму в редакции «Сирин» (VII, 214—215). В 1916 г. Иванов-Разумник предполагал издать статью о «Розе и Кресте» отдельной брошюрой (см. его письмо к М. К. Лемке от 26 июля 1916 г. — ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

⁴³ «Заветы», 1913, № 9, отд. II, с. 182—186. Статья вошла в кн.: Иванов-Разумник. Творчество и критика, с. 178—182.

⁴⁴ Убеждение в «теснейшей связи» «Стихов о Прекрасной Даме» и «Двенадцати» стало последствием одним из основополагающих представлений Иванова-Разумника о творчестве Блока. 18 июня 1941 г. он писал в связи с этим Л. Л. Слонимской: «Не пора ли жителям тихого домика (т. е. поклонникам «Стихов о Прекрасной Даме». — А. Л.) понять это хоть теперь, когда скоро минет двадцать лет со дня смерти поэта. А то скромный «тихий домик» часто обращается в гордую «башню из слоновой кости», которая ничем не лучше тюрьмы. Жить без «социальных интересов» — значит добровольно суживать круг своей жизни; это делали только великие люди второго сорта (имена же их многи суть), а все подлинно великие всегда жили всеми сторонами жизни» (ЦГАЛИ, ф. 2281, оп. 1, ед. хр. 409).

⁴⁵ В комментарии к этой записи (ЗК, 561) дана неправильная отсылка к статье Иванова-Разумника «Роза и Крест».

⁴⁶ «Заветы», 1914, № 3, отд. II, с. 105, 110.

⁴⁷ План был послан Ивановым-Разумником в письме к М. К. Лемке от 26 июля 1916 г. (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473). Более ранняя редакция этого плана сохранилась не полностью (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 70). Над книгой «Критическая история современной литературы» Иванов-Разумник вплотную работал в предреволюционные годы, но так и не довел своего замысла до конца. 16 июня 1916 г. Иванов-Разумник сообщал Лемке: «Мое наследство — «Критическая история современной литературы». Вчера бросил в печку шесть глав и сел писать с начала. Надо сделать то же еще с главами шестью. Все результаты работы срыва да сбросу». Посылая ему же 26 июля «оглавление» книги, Иванов-Разумник писал: «Насчет реализации ее осенью — все больше и больше прихожу в смятение <...> сколько мне с ней еще работы! Иной раз думаю — месяца на три, иной раз думаю — года на два!» 25 сентября 1916 г. он извещал Лемке: «<...> на окончание надо не меньше полугода, — и если их не будет, то надо все бросить в печку» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

⁴⁸ Постоянные высокие оценки, которые давал Иванов-Разумник творчеству Горького, характеризуются в статье М. Г. Петровой «Эстетика позднего народничества» («Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в.», с. 162—163). Горький, однако, критически относился к неонародническим взглядам Иванова-Разумника (см. предисловие Б. Н. Канелюк к публикации писем Ю. К. Балтрушайтиса — в кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979, с. 160—161).

⁴⁹ Иванов-Разумник. Заветное, с. 47—48.

⁵⁰ Ср. отрицательное отношение Блока к Белинскому, высказанное им в статьях «Судьба Аполлона Григорьева» (V, 488—490) и «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» (VI, 27—28). Одну из своих книг (Соч., т. 5. Пушкин и Белинский. Статьи историко-литературные. «Пг.», 1916) Иванов-Разумник подарил Блоку с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку другу Пушкина и врагу Белинского от Р. Иванова. Январь 1916 г.» (хранится в библиотеке Блока в ИРЛИ, шифр: 94 5/90).

⁵¹ Иванов-Разумник. Великие искания. СПб., «Прометей», 1912, с. 35.

⁵² Иванов-Разумник. Русская литература XX века (1890—1915 гг.). Пг., «Колос», 1920, с. 27—31.

⁵³ С. П. Постников. Андрей Белый, писатель и человек. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 6, ед. хр. 41.

⁵⁴ Письмо к А. Г. Горнфельду от 8 мая 1934 г. — ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 321. О попытках издать «Петербург» (еще в первоначальной редакции) в 1911—1912 гг. см.: Л. К. Долгополов. Андрей Белый в работе над «Петербургом» (Эпизод из истории создания романа). — «Русская литература», 1972, № 1, с. 163—166. Первоначально Иванов-Разумник отнесся к перспективе печатания романа Белого в «Сирине», судя по дневниковой записи Блока от 16 февраля 1913 г. («дурное отношение к А. Белому Иванова-Разумника» — VII, 220), по крайней мере настороженно. Предложение передать еще незаконченный тогда «Петербург» Блоку направил Белому в Германию 15 ноября 1912 г. (VIII, 406—407; ср.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман. А. А. Блок между «Мусagetом» и «Сиринном» (Письма к Э. К. Метнеру). — В кн.: «Блоковский сб.», 2, с. 388, 391—393). Получив положительный ответ Белого, Блок взял на себя в дальнейшем посредничество между ним и «Сиринном» — в частности, организовал встречу Белого и Терещенко в Берлине (см. письма Блока к Белому в 7/20 декабря и от 15/28 декабря 1912 г., опубликованные Н. Примочкиной. — «Вопросы литературы», 1978, № 10, с. 314—315). Блок установил посредничество и между Терещенко и Э. К. Метнером, главой издательства «Мусaget», в котором Белый печатал тогда все свои книги (см. неизданные письма Блока к Э. К. Метнеру от 18 ноября и от 13 декабря 1912 г. — ГБЛ, ф. 167, карт. 13, ед. хр. 17). В этих переговорах уже принял участие Иванов-Разумник (см. его письмо к Э. К. Метнеру от 1 февраля 1913 г. — ГБЛ, ф. 167, карт. 14, ед. хр. 11). 14/27 февраля 1913 г. Белый сообщил А. С. Петровскому из Берлина: «выпала <...> неделя у Терещенке <...> зависим от переговоров с «Сиринном»: либо паны, либо пропали» (ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 52, л. 24 об.). О решении Терещенко принять роман к опубликованию Блок известил Белого телеграммой от 25 февраля 1913 г. («Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 58). В своем ответе на анкету о лучших литературных произведениях 1913 года, предназначавшемся для газеты «День», Блок назвал роман Белого (V, 677). Приводим первоначальный вариант этого ответа, высланный в редакцию газеты П. Е. Щеголеву: «19 XII 1913. Самыми важными литературными явлениями этого года я считаю: роман Андрея Белого «Петербург» и роман Бернгарда Келлермана «Туннель». Первое из этих произведений говорит о судьбах России, исходя из ее ближайшего прошлого; второе — о судьбах Европы и Америки, исходя из их ближайшего будущего. Оба произведения, как бы, взаимно враждебны: у авторов, принадлежащих к разным расам, нет ни одного общего приема, ни одной общей точки зрения: и, однако, оба произведения, не лишены крупных недостатков (особенно первое), связаны друг с другом присутствием в обоих некоторого научного элемента, а главное, тем, что оба отмечены печатью исключительной значительности и рисуют нам величие нашего времени. Александр Б л о к» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 32).

⁵⁵ «Письма Александра Блока», с. 203.

⁵⁶ См., например, письма Блока к матери от 17 мая и 8 сентября 1914 г. («Письма к родным», II, с. 253—259).

⁵⁷ ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473.

⁵⁸ «Скифы», сб. 1. «Пг.», 1917, с. 299, 303.

⁵⁹ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296.

⁶⁰ «Заветы», 1912, № 6, сентябрь, отд. II, с. 46—68. Впоследствии Иванов-Разумник предполагал перепечатать ее под заглавием «Скиф в Европе» (беловая машинопись статьи — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 123). Статья должна была войти и в неосуществленный сборник избранных статей Иванова-Разумника, комплектовавшийся им в середине 1920-х годов (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 85, л. 4—4 об.).

⁶¹ ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296.

⁶² Эту цитату из Герцена Иванов-Разумник взял эпиграфом к своей статье о нем «Скиф сороковых годов» (1920) (Иванов-Разумник. А. И. Герцен. 1870—1920. Пг., «Колос», 1920, с. 5).

⁶³ «Заветы», 1912, № 6, отд. II, с. 67.

⁶⁴ Сведения об этом принадлежат Д. М. Пинесу — литературоведу и библиографу, близко общавшемуся с Ивановым-Разумником в 1920-е годы (см.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 3, М., 1958, с. 117).

⁶⁵ «Скифы», сб. 1, с. XI. 2-я глава введения к «Скифам» легла в основу предисловия Иванова-Разумника к его незаданной книге «Скифское. Статьи о духовном максимализме» (в двух частях: I. Иго войны. Статьи 1914—1917 г. II. Две России. Статьи 1917—1918 г.), написанного в июне 1917 г. (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 124). Книга готовилась к печати в 1922 г. в петроградском издательстве «Эпоха». См. также: Stefani Hoffman, Scythian Theory and Literature, 1917—1924. — Art, Society, Revolution. Russia. 1917—1921». Stockholm, 1979, p. 133—164.

⁶⁶ Иванов-Разумник. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., «Революционный социализм», 1918, с. VII. В библиотеке Блока хранится эта книга с надписью: «Александр Александрович Блоку с любовью Р. Иванов. IV/1918. СПб.» (шифр: 94 5/91).

⁶⁷ ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а.

⁶⁸ Иванов-Разумник. Год революции, с. 64.

⁶⁹ Согласно признаниям Есенина в передаче И. Н. Розанова, поэт в 1915—1917 гг. «в общем развитии более всего <...> обязан был Иванову-Разумнику» (Ив. Розанов. Есенин о себе и других. М., 1926, с. 16). Причисляя себя к «скифам» (в письме к А. В. Ширяевцу от 24 июня 1917 г.), Есенин вместе с тем дает высокую оценку Иванову-Разумнику (Сергей Есенин. Собр. соч. в 5 томах, т. 5, М., 1968, с. 75).

⁷⁰ «Скифы», сб. 2. «Пг.», 1918, с. 230—231. Ср. свидетельства Е. Г. Лундберга, относящиеся к январю 1918 г., о роли Иванова-Разумника в оформлении «скифского» объединения: «Вечерами у Иванова-Разумника литература не только подается, она творится — особенно долгими ночами, когда один из гостей остается с глазу на глаз с хозяином» (Е. Лундберг. Записки писателя. 1917—1920. Берлин, «Огоньки», 1922, с. 117).

⁷¹ ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6б.

⁷² Там же, ед. хр. 6а.

⁷³ Там же, ед. хр. 6б.

⁷⁴ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 194.

⁷⁵ Ср. запись Блока от 16 января 1918 г.: «Телефон от Разумника Иванова (моя статья, которой редакция придает исключительное значение)» (ЗК, 384; редакция — «Знамя труда»).

⁷⁶ М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 259.

⁷⁷ Опубликовано в полном объеме в кн.: «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг». Пб., 1922, с. 30—32; с сокращениями — в кн.: Александр Блок. Собр. соч., т. 5. Л., 1933, с. 132—134; III, 474—475.

⁷⁸ ЛН, т. 80, с. 260.

⁷⁹ Вл. Орлов. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Страница из истории советской литературы. М., 1962, с. 96.

⁸⁰ Эта проблема имела для Иванова-Разумника более широкое значение, чем разбор литературных источников «Скифов». В начале 1920-х годов он приступил к работе над книгой «Россия и Европа» (в 1923 г. она анонсировалась как готовящаяся к печати в издательстве «Колос»). Первоначально эту работу Иванов-Разумник называет (в письме к заведующему издательством «Колос» Ф. И. Витязеву (Седенко) от 5 января 1922 г.) «Вл. Соловьев и социализм», затем (в письме к нему же от 11 сентября 1922 г.) — «Россия, Европа и социализм». 26 сентября 1922 г. Иванов-Разумник сообщил Витязеву: ««Россию и Европу» в пятый раз переделываю (стенограммы), переписываю, сжимаю. Будет 5—6 листов <...>. 22 февраля 1923 г. он писал ему же: «Если болезнь позволит, то за это время окончательно обработаю «Россию и Европу»; оно и к лучшему, так как я до сих пор недоулен целым рядом мест, которые считаю для себя ответственными» (ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64). Книга в свет не вышла.

⁸¹ Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 457.

⁸² Примечания к дневникам Блока (VII, 455).

⁸³ Ср. статью Иванова-Разумника «Блок и революция» («Знамя», 1921, № 10).

⁸⁴ Ср. запись Блока от 25 декабря 1919 г.: «Писал о Герцене; настроил для Иванова-Разумника» (ЗК, 484). Беловая рукопись статьи «Герцен и Гейне» сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 12).

⁸⁵ Устав Вольной философской ассоциации. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 12, л. 3.

⁸⁶ См.: Александр Блок, Иванов-Разумник, А. Штейнберг, Константин Эрбергер. Объяснительная записка к проекту положения о Вольной философской академии. — «Временник Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению», 1918, вып. 1, ноябрь, с. 12.

⁸⁷ Сведения из письма Иванова-Разумника к Андрею Белому от 16 января 1919 г. — ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6б.

⁸⁸ 4 января 1919 г. Блок записал: «Разговор с Р. В. Ивановым: уйти от председательствования в Вольной философской академии, которая откроется «Катилиной»» (ЗК, 444). 22 января 1920 г. на заседании совета «Вольфилов» вновь поднимался этот вопрос: было намечено, в случае отъезда Андрея Белого за границу, пригласить на место председателя Блока (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 4).

⁸⁹ «Вольная философская ассоциация». — «Книга и революция», 1920, № 2, август, с. 91 (Без подписи).

⁹⁰ ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 8, л. 2, 10, 11, 6.

⁹¹ Афиша этого вечера воспроизводится в кн.: С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 112. О чтении Л. Д. Блок «Двенадцати» в «Вольфилье» в присутствии Блока см.: Н. И. Г а г е н - Т о р н. Воспоминания об Александре Блоке. — В кн.: «Блоковский сб.», 2, с. 445—446.

⁹² См. протокольную запись заседания, составленную Н. М. Меринг (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 26). На заседании совета «Вольфильм» 20 июня 1920 г. среди очередных был намечен доклад Блока «Молнии искусства» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 10), но он не состоялся.

⁹³ М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 274.

⁹⁴ Отметим в связи с этими и другими многочисленными свидетельствами, что совершенно не подтверждаются реальным положением вещей утверждения о том, что, якобы, Иванов-Разумник и другие «вольфильцы» злонамеренно стремились отвлечь Блока от актуальных проблем действительности, «подстерегали нарастающую усталость поэта и усиливали в нем то болезненное раздражение, которое было симптомом уже начавшейся тяжелой болезни» и т. д. (см.: Н. В е н г р о в. А. Блок и М. Горький. — В кн.: «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, с. 257—258; Н. В е н г р о в. Путь Александра Блока. М., 1963, с. 404—405).

⁹⁵ О выходе пробного экземпляра книги Иванов-Разумник извещал Ф. И. Витязева 3 января 1922 г. (ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64).

⁹⁶ Первоначальное название книги — «Вершины символизма» (его Иванов-Разумник сообщал Ф. И. Витязеву в письме от 28 апреля 1923 г. — ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64). В менее полном объеме вошедшие в нее статьи были собраны ранее в кн.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., «Алкогост», 1919. Она имеется в библиотеке Блока с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку с благодарностью и любовью. Разумник Иванов. XI/1919, СПб.» (шифр: 94 5/92).

⁹⁷ Эта работа была выпущена в свет также отдельной брошюрой: И в а н о в - Р а з у м н и к. Испытание в грозе и буре. Берлин, «Скифы», 1922.

⁹⁸ Всего у Иванова-Разумника было около двух десятков книг с дарственными надписями Блока («Вершины», с. 234). См. также кн. 3 наст. тома.

⁹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 15.

¹⁰⁰ На титульном листе книги Иванов-Разумник как редактор не обозначен. О своем редакторстве он сообщает в письме к П. Н. Сакулину от 23 апреля 1925 г., высылая только что вышедший сборник (ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 364).

¹⁰¹ «Современная литература», Л., «Мысль», 1925, с. 164, 181.

¹⁰² В переводах Иванова-Разумника вышли книги Пьера Ампя «Песнь песней» (1925), «Рельсы» (1925), книга Франсиса Карко «Банда» (1926), «Власть лжи» Иогана Бойера (1927). Под псевдонимом «Вл. Холмский» он издал переведенную им «размером подлинника» комедию Аристофана «Богатство» («Плутос») (Л., «Колос», 1924). Позднее по поводу двухтомного собрания комедий Аристофана в переводе Адр. Пиотровского он опубликовал (под псевдонимом «Р. Новосельский») статью «О переводах вообще и о переводе Аристофана в частности» («Литературный критик», 1936, № 8, с. 170—185). Под редакцией и с примечаниями Иванова-Разумника вышли в свет книги: И. И. П а н а е в. Литературные воспоминания. Л., «Academia», 1928; Николай Щ е р б и н а. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры. Л., «Прибой», 1929 (со статьей Иванова-Разумника «Н. Ф. Щербина и его «Альбом ипохондрика»); Аполлон Г р и г о р ь е в. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1930 (со статьей Иванова-Разумника «Аполлон Григорьев» — с. 591—672); Н. И. Г р е ч. Записки о моей жизни. М.—Л., «Academia», 1930 (совместно с Д. М. Писнесом; со статьей Иванова-Разумника «Н. И. Греч и его «Записки»» — с. 9—32).

¹⁰³ И в а н о в - Р а з у м н и к. Юбилей (очень удачное введение), л. 5—5 об. 22 октября 1930 г. Иванов-Разумник сообщил С. М. Алянскому: «Вчера взял у Любови Дмитриевны чемодан рукописей Блока» (ИРЛИ, ф. 519, ед. хр. 408).

¹⁰⁴ Из письма к Ф. И. Витязеву от 14 мая 1932 г. — ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64.

¹⁰⁵ Там же. В связи с отказом «Издательства писателей в Ленинграде» печатать тома собрания сочинений Блока с примечаниями Иванов-Разумник направил 25 марта 1932 г. заведующему редакцией издательства С. М. Алянскому письмо с просьбой обеспечить «закрепление постановления Издательства о напечатании Примечаний к тт. I—V отдельной книгой в 100 экз. «на правах рукописи», а также сообщил о работе над еще не сданными томами: «... над версткой IV-го и гранками V-го томов работа продолжается и заканчивается; т. VI-ой (кроме приложений) сдан издательству; тт. VII—IX готовы к сдаче в любое время; тт. X—XII обработаны более чем наполовину» (ИРЛИ, ф. 519, ед. хр. 408).

¹⁰⁶ ГБЛ, ф. 369, карт. 275, ед. хр. 9. В этом же письме он предлагал Бонч-Бруевичу для альманаха «Звенья» статью «Из черновиков стихотворений А. А. Блока». В письме от 31 января 1933 г. Иванов-Разумник обещал Бонч-Бруевичу выслать эту статью в ближайшее время (Там же). Подготовить ее он, видимо, не успел.

¹⁰⁷ В архиве Иванова-Разумника сохранились разрозненные листы машинописи, формы гранок и отдельные страницы верстки его комментариев к стихотворениям и поэмам

Блока — к томам 1—5 собрания сочинений (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 160—173). Иванов-Разумник сообщает (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 8), что десять экземпляров первого тома собрания сочинений Блока были отпечатаны «с приложением истории заключающихся в нем стихотворений».

¹⁰⁸ Александр Блок. Собрание сочинений, т. 5. Поэмы 1911—1921. Издательство Писателей в Ленинграде, 1933, с. 111—219.

¹⁰⁹ ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 321.

¹¹⁰ ГБЛ, ф. 369, карт. 275, ед. хр. 9.

¹¹¹ Там же.

¹¹² ГБЛ, ф. 369, карт. 56, ед. хр. 5.

¹¹³ ГБЛ, ф. 369, карт. 151, ед. хр. 12.

¹¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1—2.

¹¹⁵ Там же, л. 8.

¹¹⁶ Там же, л. 9—10.

¹¹⁷ Машинопись этой работы сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 28).

¹¹⁸ ГБЛ, ф. 369, карт. 56, ед. хр. 6.

¹¹⁹ «Детская литература», 1940, № 11-12, с. 78—82. Статья подписана псевдонимом: Р. Корсаков. В архиве Иванова-Разумника хранятся две рукописные редакции этой статьи (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 130).

¹²⁰ ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 145, л. 4 об.

¹²¹ В связи с намерением Иванова-Разумника работать над мемуарами В. Д. Бонч-Бруевич писал ему 29 июля 1935 г.: «Я предлагал Вам продать нам Ваш архив, с тем, что все документы, которые Вам нужны для написания Ваших записок, мы снимем Вам в копиях и тотчас же вышлем их. Это было бы некоторой подмогой при написании этого Вашего труда» (ГБЛ, ф. 369, карт. 151, ед. хр. 12).

¹²² Сообщил А. Ю. Вейс со слов своей сестры Евгении Юльевны Вейс, жившей в этом лагере в соседнем бараке с Ивановым-Разумником. В архиве Е. А. Ляпкего сохранилось письмо Иванова-Разумника, отправленное из Коница 7 мая 1942 г. (ИРЛИ, ф. 163, оп. 2, ед. хр. 211).

¹²³ В последнем из известных нам писем (Мюнхен, 8 мая 1946 г.) Иванов-Разумник сообщал Б. К. Зайцеву о смерти жены и своем полном одиночестве: «Где, как и чем жить дальше — ума не приложу <...> Много тяжелого суждено было нашему поколению <...> и до сих пор конца края невидать» (ИРЛИ, р. 1, оп. 10, ед. хр. 127).

¹²⁴ Д. Е. Максимов. О том, как был спасен архив Иванова-Разумника. — ИРЛИ, поступление 1980 г., № 7.

¹²⁵ «Опись архива. Письма к Р. В. Иванову. 1901—1939». — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 88.

¹²⁶ Сообщено Д. Е. Максимовым.

1. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

1 июня 1913 г. (Петербург)

Дорогой Александр Александрович,

пошлю Вам, по просьбе Михаила Ивановича ¹, эту тетрадку стихов. Я уже месяца полтора перечитываю многие из них. Читал их Белому и Брюсову; оба довольны, а последний охотно написал бы предисловие к этому сборнику ². Загляните как-нибудь в Сирин — скажите свое мнение.

Ваш Р. Иванов

Письмо написано на бланке издательства «Сирин»

¹ М. И. Терещенко (1886—1958; по другим данным год рождения — 1888) — капиталист, сахарозаводчик, глава издательства «Сирин».

² На письмо — помета Блока: «Это — стихи М. Моравской». Мария Людвиговна Моравская (1889—1947) — поэтесса. Была знакома с Блоком (в архиве поэта сохранилось ее письмо от 1 ноября 1914 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 47). 29 мая 1913 г. Иванов-Разумник сообщил жене, В. Н. Ивановой: «Я очень увлекся стихами Моравской, больше, чем Игорем Северяниным; прочел их Брюсову и убедил его написать к сборнику этих стихов предисловие» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 198). Ср. его письмо к Ф. Сологубу от 31 мая 1913 г.: «<...> я печатаю серию стихов одного малоизвестного поэта, — его стихами за последнее время я сильно увлекаюсь. Интересно будет знать Ваше впечатление. Стихи эти я уже читал и Белому, и Брюсову, когда они на днях были проездом в Петербурге; оба — обрадованы, а Вал (серий) Яковлевич согласился даже написать предисловие к сборнику этих стихов» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296). Сборник М. Моравской «На пристани. Стихи» (Пб., типография М. М. Стасюлевича, 1914) вышел в свет, однако, без предисловия Брюсова (в архиве Брюсова сохранился его рукописный набросок —

ГБЛ, ф. 386, карт. 37, ед. хр. 5, л. 27). Иванов-Разумник предварительно опубликовал два цикла стихотворений Моравской («Немного жалости» — «Заветы», 1913, № 6, отд. I, с. 5—12; «На пристани» — там же, 1913, № 10, отд. I, с. 5—12) и охарактеризовал ее творчество в статье «Поэзия М. Моравской». Подчеркивая в ней своеобразие и подлинность дарования поэтессы («Она нашла свой ритм, свой размер, свою форму, тесно связанную с внутренним строением своей поэзии, со своими переживаниями»; «поэзия М. Моравской имеет свое лицо, свой «запах души», свою индивидуальность»), Иванов-Разумник отметил, что «М. Моравская продолжает пути А. Блока, но, продолжая эти пути, она идет по собственной тропинке» («Заветы», 1913, № 10, отд. II, с. 170—175). Получив от Иванова-Разумника тетрадь со стихотворениями Моравской, Блок познакомил с ними свою мать, А. А. Кублицкую-Пиотух, написавшую на них в начале июня 1913 г. рукописную рецензию (опубликована в кн.: М. А. Блок и его мать. Воспоминания и заметки. Л.—М., «Петроград», 1925, с. 170—171). Подробнее см.: «Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову». — «Cahiers du Monde russe et soviétique», vol. XV, 1974, N 1—2, p. 186.

2. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

6 XII 1915. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Получили ли Вы уже письмо от Бориса Николаевича Бугаева? Я узнал, что он находится в исключительно тяжелом положении, доживает последние деньги. Не могли ли бы Вы обратиться к Литературному Фонду и указать ему на бедственное положение Андрея Белого¹. Судя по письму его, нужда так велика, что нужна порядочная сумма; если бы можно было попросить 500 рублей? Конечно, такие деньги помогли бы делу, и мы могли бы иметь время на то, чтобы помочь ему устроить его литературные дела².

Искренно Вас уважающий Александр Блок

Письмо хранится в журнале Комитета Литературного фонда, 1916, № 4, л. 42—43 (ИРЛИ, ф. 155).

¹ О тяжелом материальном положении Белого Блок мог узнать от Ф. Сологуба, которого тот извещал в письме, отправленном из Швейцарии в ноябре 1915 г.: «... материально я могу прожить лишь 1½ месяца; и далее оказаться без гроша в чужой стране и в очень трудных и сложных жизненных условиях <...> может быть, Вы замолвите слово обо мне кому-нибудь» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 98). В письме к Иванову-Разумнику, отправленном из Дорнаха (Швейцария) 20 ноября н. ст. 1915 г., Белый сообщал: «<...> прошу Вас при случае замолвить обо мне слово где угодно и как угодно, ибо действительно: *выгода никакого*; проживаю последние гроши и достать *очень* трудно, *очень* сложно: почти невозможно; когда Вы получите это письмо, положение мое будет хуже губернского: нас могут выселить из квартиры <...>» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 6).

² В протоколе заседания Комитета общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературного фонда») от 7 декабря 1915 г., состоявшегося под председательством Ф. Д. Батюшкова и при участии Иванова-Разумника (секретаря), записано: «Письмо А. А. Блока к Р. В. Иванову о крайне тяжелом материальном положении *Б. Н. Бугаева (Андрей Белый)*, дополнительное сообщение Р. В. Иванова-Разумника. — Выдать в беспроцентную ссуду 350 р.» (ИРЛИ, ф. 155, 1916, № 4, л. 2 об.). 8 декабря Блок записал: «Боре Бугаеву Литературный фонд ассигновал 350 руб. (записка от Пешехонова)» (ЗК, 280; А. В. Пешехонов участвовал в заседании). В этот же день Иванов-Разумник обедал у Блока (ЗК, 279).

3. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

26 декабря 1915. Офицерская 57, кв. 21

Дорогой Разумник Васильевич.

Я совсем было забыл о нашем разговоре за разными делами «а?» на праздниках — вспомнил?». Писали ли Вы Пелагее Ивановне¹, или раздумал «и» «?» Попробовать бы; а «то Белый?» — скоро «снова?» окажется в «т» тяжелом положении².

Искренно Вас уважающий Ал. Блок

Письмо сохранилось в дефектном состоянии. Текст реконструируется предположительно.

¹ Пелагея Ивановна *Терещенко* — одна из сестер М. И. Терещенко, участвовавшая в организации и работе издательства «Сирин».

² 26 декабря 1915 г. Блок записал: «Письмо об Андрее Белом Р. В. Иванову» (ЗК, 281). Цель ходатайства заключалась в том, чтобы получить от Терещенко разрешение на отдельное издание романа Андрея Белого «Петербург», которое Иванов-Разумник предполагал осуществить в типографии М. М. Стасюлевича (ее управляющим был историк русской общественной мысли, журналистики и цензуры Михаил Константинович *Лемке* (1872—1923), с которым Иванов-Разумник состоял в многолетних деловых и дружеских отношениях).

4. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

28 дек<абря> 1915. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой Александр Александрович,

письмо написал недавно, ответа жду; молчание будет, конечно, знаком несогласия ¹.

Поздравляю с грядущим Новым годом, к которому у всех нас, вероятно, только одно общее пожелание. Исполнится ли оно хоть к концу 1916 года? ²

Рад буду видеть Вас в Царском — в любое из воскресений.

Жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. Мне передавали, что Мережковские ведут переговоры с Ясным-Поповым об издании «Петербурга». Как бы не вышло недоразумения — и не вышло бы сразу два «Петербурга»? ³

Ответ на п. 3.

¹ 16 декабря 1915 г. Иванов-Разумник сообщал М. К. Лемке: «Сегодня пишу письмо Пелагее Ивановне <...> по поводу «Андрея Белого». Этот писатель бедствует в Швейцарии; «Сирин» мог бы ему помочь, не затратив на помощь ни обولا: стоит только дать разрешение сброшюровать из сборников «Сирин» роман «Петербург» — и пустить его отдельным томом в продажу, с отчислением гонорара автору. Не знаю, что выйдет из моего письма, но обидно будет, если такой большой писатель, как Андрей Белый, не получит в тяжелую минуту помощи — хотя бы от совершенно не понимающих его «меценатов». Ведь роман его, который — я знаю — со временем будет считаться «гениальным», — я с великим трудом провел в сборники «Сирин», настояв на этом самым решительным образом. А «меценаты» только бранились» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473). 15 января 1916 г. он писал ему же: «От Терещенко получено письмо, с разрешением взять «Петербург» из сборников и соединить воедино; собственник всех 6000 экз. — автор, Андрей Белый <...> рад я очень и очень за Бугаева, и рад, что мог устроить все это дело; рад за него и — за литературу, которая получает такой роман...» (там же). В записной книжке 1915—1916 гг. Блок скопировал распоряжение П. И. Терещенко «Книжному складу Стасюлевича» от 6 января 1916 г.: «Разрешаю вырезать из 3-х сборников Сирин, в колич<естве> 6000 экз. каждый, роман А. Белого «Петербург», выпустить его в продажу особо и считать собственником книги автора «Петербурга» А. Белого — Бориса Ник<олаевича> Бугаева» (приводится в примечаниях В. Н. Орлова в кн.: «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 331).

² По всей вероятности, надежда на окончание войны.

³ На письме — помета Блока: «З. Н. сказала, что Ясный отказался». «З. Н.» — Гиппиус; Владимир Михайлович Ясный — издатель.

5. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

11 фев<ралья> 1916. Царское Село

Дорогой Александр Александрович,

в жестокой инфлуэнце я пролежал дома две недели; теперь, побывав в типографии, с огорчением убедился, что дело с «Петербургом» стоит на мертвой точке из-за цензуры. Нет ли у Вас в этом «ведомстве» каких-либо знакомств военных? Без личных объяснений ничего не поделаешь: заглавие романа противоречит Указу... Надо объяснить, что в 1905 году Петербургу зазорно было бы именоваться «Петроградом»... ¹

Жму Вашу руку. Р. Иванов

¹ Имеется в виду высочайший указ от 18 (31) августа 1914 г. о переименовании С.-Петербурга в Петроград. Действие романа Андрея Белого разворачивается осенью 1905 г. На письме — помета Блока: «Председатель» комитета военной цензуры — г-н Левитский (Щеголев с ним говорит). Ответ 14 II».

6. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

14 февр<аля> 1916. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Сейчас Ал. Н. Чеботаревская передала о нашем деле П. Е. Щеголеву, а П. Е. звонил к председателю комитета военной цензуры г. Левитскому¹. Г. Левитский сказал, что это — пустяки и можно уладить, дав т<аким> о<бразом> принципиальное согласие на разрешение заглавия романа. Остается пойти в присутств<енные> часы в цензуру и сказать о получении согласия тому цензору, которому дело подведомственно. Вероятно, сейчас же можно будет получить и разрешение.

Боюсь делать это сам, так как не обладаю красноречием и способностью нажима, которую все-таки надо проявить. Нет ли у Вас кого, чтобы командировать для этого, уже почти механического, дела?

Вчера я звонил еще Пясту, который обещал переговорить с Румановым (корреспондент «Русского Слова») ², но пока еще ответа не имею. Да может быть, нам довольно и того, что есть от Щеголева? — Пясту я немного боюсь поручить это дело; может не суметь, как и я.

Преданный Вам Ал. Блок

Р. С. Сейчас позвонил Пяст: у Руманова есть знакомый военный цензор, с которым он может поговорить; я сказал, что при случае мы воспользуемся, но пока надобности нет³.

Ответ на п. 5.

¹ Александра Николаевна Чеботаревская (1869—1925) — переводчица и критик. Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — литературовед, историк революционного движения, редактор и издатель журнала «Былое». Николай Иванович Левитский — член Петроградского комитета по делам печати.

² Аркадий Вениаминович Руманов (1876—1960) — журналист, представитель редакции московской газеты «Русское слово» в Петербурге, часто встречавшийся с Блоком в 1910-е годы. См. комментарии в кн.: ЛН, т. 89, с. 280.

³ Цензурные осложнения с изданием «Петербурга» этим, однако, не были исчерпаны. 25 февраля 1916 г. Блок писал Ал. Н. Чеботаревской: «Сейчас от Стасюлевича мне сказали, что из типографии ходят в цензуру каждый день и все не могут добиться разрешения; он сообщал ей также для координации дальнейших хлопот адрес и телефон Иванова-Разумника («Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской». Публикация Д. Е. Максимова. — «Блоковский сб.», 1, с. 550).

7. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ¹

4 марта 1916. «Царское Село»

Дорогой Александр Александрович,

только вчера мне сообщили из типографии, что цензура вернула, после ряда нелепейших «недоразумений», «Петербург». Я дважды писал господам цензорам письма увещательные и поносительные; анекдот для истории современной цензуры.

Теперь книга сдается брошюровщику¹; недели через две могут выйти в свет первые экземпляры. Надо составить объявление для газет — это я могу взять на себя. Но меня вот что смущает (совсем другое): А. С. Петровский снова писал мне о тяжелом материальном положении Б. Н.² А роман в лучшем случае начнет «давать плоды» месяца через два, когда окупятся типографские расходы. Если Вы захотите помочь Б. Н., то напишите мне «полуофициальное письмо» о положении дела — для Литературного Фонда (ближайшее заседание — 7 марта); я думаю, что теперь можно было бы взять

срочную ссуду (рублей на 300), с обязательством вернуть хотя бы через 1/2 года. Для этого нужно только чье-либо «поручительство». А я сообщил бы в Фонде об издании романа — и ссуда была бы дана наверное.

Через неделю я читаю в одном обществе статью — о войне и нашем отношении к ней. Будут споры — с кадетами, социалистами, теософами и т. п.³ Вряд ли это Вам интересно, — но я с удовольствием прислал бы Вам повестку на этот вечер.

Искренне уважающий Р. Иванов

¹ Отдельное издание «Петербург» было реализовано путем соединения оттисков из трех альманахов «Сирин», каждого со своей пагинацией страниц. 15 января 1916 г. Иванов-Разумник писал М. К. Лемке: «Брошюровщик отказался шивать «Петербург» проволокой на коленкорный корешок: это заняло бы чертову уйму времени и обошлось бы от 30 до 40 коп. с обложки, т. е. около 2000 р. на всем издании — благодарим покорно! Решили мы — т. е. я и Блок — просто-напросто удовлетвориться клеем <...> возможно ли это, выдержит ли кирпич в 40 печатных листов?» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

² Письма ближайшего друга Андрея Белого, переводчика и впоследствии музейоведа Алексея Сергеевича Петровского (1881—1958) в архиве Иванова-Разумника не сохранились.

³ Вероятно, предполагаемое чтение должно было происходить на квартире Ф. Сологуба (см. об этом воспоминания К. Эрберга — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979). По свидетельству Иванова-Разумника, его выступление состоялось 6 марта 1916 г. под председательством П. Н. Миллюкова «в небольшом случайном собрании человек тридцати <...> в квартире одного из больших наших поэтов» (Иванов-Разумник. Год революции. Статьи 1917 года. СПб., «Революционный социализм», 1918, с. 5). Статья Иванова-Разумника — «Испытание огнем» («Скифы», сб. 1. «Пг.», 1917, с. 261—304); в ней сформулирована последовательная антинационалистическая позиция. Ср. письмо Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 27 марта 1916 г.: «На днях читаю я свою статью, известную Вам, — в обществе полусотни именитых людей, — не для поучения, ниже для вразумления, а единственно — для поругания (т. е. это они меня ругать будут, начиная от Струве и кончая Керенским)» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473)

8. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

5 марта 1916. «Петроград»

Многоуважаемый Разумник Васильевич.

Б. Н. Бугаев (Андрей Белый) опять находится в тяжелом положении¹. Нельзя ли на этот раз попросить у Литературного Фонда срочную ссуду рублей хоть в 300, на полгода? Если мы не сможем выплатить эти деньги Фонду из доходов от продажи романа «Петербург», то выплатим их мы вместе с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским, на что я сейчас получил от них согласие. Следовало бы поднять этот вопрос в ближайшем заседании Литературного Фонда, так как время не терпит².

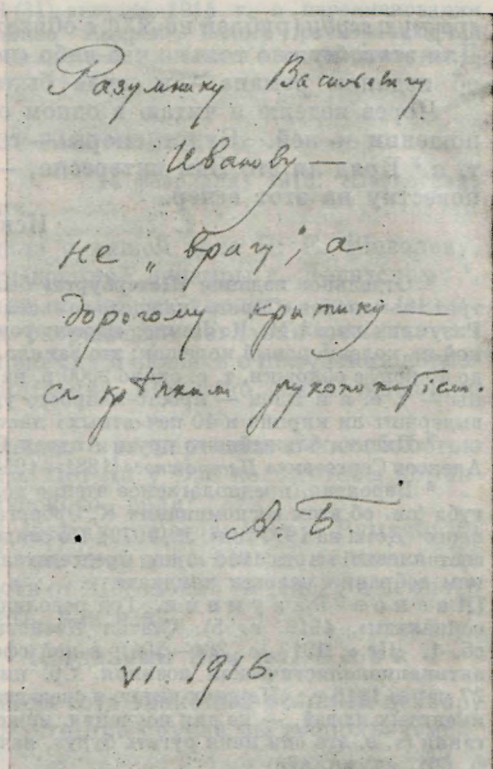
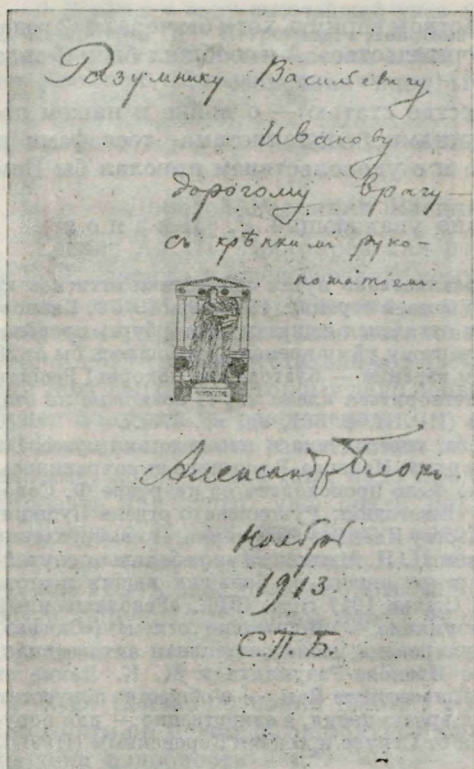
Искренно Вас уважающий Ал. Блок

Ответ на п. 7 (на нем помета Блока: «Отв.ет» 5 III).

Письмо хранится в журнале Комитета Литературного фонда, 1916, № 15, л. 76—76 об. (ИРЛИ, ф. 155).

¹ Эти слова рассчитаны не на Иванова-Разумника, а на Комитет Литературного фонда, в котором письмо Блока должно было рассматриваться как ходатайство о ссуде Андрею Белому (см. п. 7).

² В протоколе заседания Комитета Литературного фонда от 7 марта 1916 г., состоявшегося под председательством С. А. Венгерова и при участии Иванова-Разумника (члена Комитета), записано: «Письмо А. А. Блока о тяжелом положении Андрея Белого (Бор. Бугаева). Просить для него 300 руб. с обязательством представить поручительство З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и свое. — Выдать в ссуду 300 руб. для Андрея Белого и просить А. Блока представить поручительство» (ИРЛИ, ф. 155, 1916, № 15, л. 5). В записной книжке Блока занесен черновик «поручительства», датированный 8 марта 1916 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся возвратить Комитету Литературного Фонда выданные им Б. Н. Бугаеву (А. Белому) 300 рублей через шесть месяцев, в случае, если эту сумму нельзя будет покрыть путем продажи романа А. Белого «Петербург» (приводится в примечаниях В. Н. Орлова в кн.: «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 331).

БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ.
КН. III. «СНЕЖНАЯ НОЧЬ». М., «МУСАГЕТ»,
1912

С дарственной надписью Р. В. Иванову-Разум-
нику от ноября 1913 г.

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

БЛОК. СТИХОТВОРЕНИЯ. КН. 1. М.,
«МУСАГЕТ», 1916

С дарственной надписью Р. В. Иванову-Разумнику
от июня 1916 г.

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

9. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

12 апреля 1916. Царское Село. Колпинская, 20, кв. 2

Дорогой Александр Александрович,

мы можем поздравить друг друга: «Петербург» вышел в свет и уже продается в магазинах; в субботу будет объявление в «Речи»¹. Надо теперь составить список лиц, которым послать роман А. Белого². Не заедете ли Вы ко мне в воскресенье (17 апреля)? У меня никого не будет, погода чудесная, можно погулять, заодно зайти «отдать визит» Чулкову³ (он у меня был несколько раз) — и затем переговорить окончательно о романе и о будущей его судьбе. Очень буду рад Вас видеть.

Звонил я Вам как-то на Страстной Неделе, но Вы были еще в Москве⁴. Поздравляю с Светлым Праздником⁵ — воистину весна пришла.

Ваш Р. Иванов

¹ Текст объявления: «Вышла новая книга «Петербург». Роман Андрея Белого. Стр. 640. Цена 2 р. Склад издания в книжном складе М. М. Стасюлевича («Речь», 1916, № 103, 16 апреля, с. 2). 26 марта (8 апреля) 1916 г. Иванов-Разумник сообщил Белому о предстоящем выходе «Петербурга» и о хлопотах, предпринятых Блоком в этой связи (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а).

² Этот список предполагалось передать в типографию Стасюлевича. Ср. письмо Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 16 июня 1916 г.: «Прилагаю список лиц, коим надо еще разослать роман А. Белого «Петербург»» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

³ В 1916 г. Г. И. Чулков после заграничного лечения по совету врачей поселился в Царском Селе: «Мы наняли с женою квартиру на Малой улице. Я перевез сюда из Петербурга свои книги. Друзья навещали меня <...>» (Георгий Чулков. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., «Федерация», 1930, с. 308).

⁴ Блок был в Москве с 29 марта по 6 апреля 1916 г. по делам постановки драмы «Роза и Крест» в Московском Художественном театре.

⁵ Пасха — 10 апреля.

10. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

13 апреля 1916. «Петроград»

С Праздником, дорогой Разумник Васильевич!

В воскресенье надеюсь побывать у Вас, тогда переговорим обо всем ¹. Между прочим, В. В. Пашуканис («Мусагет») ² предлагал взять на себя распространение «Петербурга» в Москве.

До свидания, крепко жму Вашу руку.

Ваш Ал. Блок

Ответ на п. 9.

¹ В воскресенье 17 апреля Блок записал: «С большими трудностями достигнув Царского Села <...>, я был у Р. В. Иванова и с ним потом обедал и провел вечер у Г. И. Чулкова. Разумник более настойчивый, чем Чулков» (ЗК, 296).

² Викентий Викентьевич Пашуканис (? — 1919) был в 1915—1916 гг. делопроизводителем в издательстве «Мусагет» (владелец издательства Э. К. Метнер жил в это время в Швейцарии), имел непосредственное отношение к выпуску в свет в «Мусагете» «Стихотворений в трех книгах» Блока (1916). В 1916 г. на базе «Мусагета» Пашуканис организовал издательство собственного имени.

11. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

13—V—1916. СПб.

Дорогой Александр Александрович,

я хотел повидать Вас перед отъездом, но безуспешно пробовал звонить по телефону несколько раз вчера. Завтра уезжаю на все лето; адрес — *Сольцы (Псковск<ой> губ<ернии>), по Моск<овско>-Винд<авско>-Рыб<инской> ж<елез>ной д<ороге>; Деревня Песочки*, — черкните как-нибудь. О «Петербурге» прочел статейку Пяста — полукислую, полусладкую, как «нрзб» * шведский хлеб ¹. — Был в типографии, справлялся о книге — идет хорошо; прошло уже 600 экз.

Всего лучшего и до свидания до осени; крепко жму Вашу руку.

Ваш Р. Иванов

¹ Статья В. Пяста «Роман философа» («День», 1916, № 129, 12 мая, с. 5) — рецензия на отдельное издание «Петербурга». Расценивая роман Белого в целом чрезвычайно высоко, Пяст, в частности, писал: «Сколь многие «не выносят» этого замечательного автора, проходя мимо выпуклых и живописнейших его описаний, мимо утонченнейших провикновений в дарство почти невыразимых для пера, ускользающих переживаний, вроде опущений на грани между сном и бодрствованием или между безумием и сверх обычного углубленным сознанием <...> на каждой странице приходится изумляться напряженности и мощи таланта автора <...> в ряду произведений, посвященных эпохе девятисот пятого года, «Петербургу» принадлежит одно из первых мест». Особо подчеркнул Пяст своеобразие Белого в трактовке «петербургской» темы: «Его «Петербург» — это отвлеченная эстетическая идея этого города. Кажется, что автор строит ее почти как математик, как философ-рационалист, прежде действительности, почти не справляясь с последней».

12. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

31—V—1916. Сольцы (Псковск<ой> г<убернии>), дер. Песочки

Дорогой Александр Александрович,

пишу на авось — не зная Вашего летнего адреса и не зная, долго ли Вы еще в Петербурге. По поводу «Петербурга» в кавычках — думаю, что Вы

* Клякса на слове.

правы: у Стасюлевича к нему относятся как к нелепости дикой¹, но вряд ли из-за этого они намеренно не хлопочут о распространении. О передаче части издания на комиссию «Мусагету» — дело устроить не удалось: у них в Москве один комиссионер (Башмаков)², и по условию они не могут давать на комиссию никому другому. Кстати: только на днях я прочел в «Русск<их> Вед<омостях>» объявление о романе Андр<ея> Бел<ого>³; быть может, он еще и движется вперед? Я твердо на это надеюсь. Есть выход: все издание взять у Стасюлевича и передать Мусагету. Как Вы думаете? Не опасно ли? (Я не знаю Пашуканиса — или как его?). Только надо суметь добыть роман от брошюровщика⁴.

Я сегодня пишу в типографию — чтобы немедленно разослали они указанные им экз<емпляры> «для отзыва». Подтвердите и Вы со своей стороны: крепче будет. О Пясте и еще десятке намеченных нами лиц — моя вина: посылаю их адреса только теперь, раньше все равно не было экземпляров.

Не было ли еще где-либо отзывов? (кроме Пяста). «Речь» молчит, московские газеты — не знаю, как и что. В «Биржевке» пишет о литературе Гершензон; сегодня я пишу ему, чтобы хоть он-то не замалчивал А<ндрея> Б<елого>⁵.

Благодарю Вас за обещанный экземпляр Ваших изданий; не присылайте их мне сюда, а отложите (с надписанием) — в сторонку, до осени⁶. Очень рад и за Вас и за читателя, что они так хорошо⁷.

Были ли в Москве на новых репетициях? На генеральной надеюсь быть и я⁸, — буду дважды осенью в Москве.

Сердечный привет.

Ваш Р. Иванов

Ответ на письмо Блока от 24 мая («Пишу Р. В. Иванову <...>», — записал Блок в этот день; ЗК, 302), не сохранившееся в архиве Иванова-Разумника.

¹ Таким образом, прежде всего, мнение М. К. Лемке, судя по письмам Иванова-Разумника к нему (ответные письма Лемке в архиве Иванова-Разумника не сохранились). В письме от 15 января 1916 г. Иванов-Разумник, делаясь с Лемке своими соображениями о перспективах распространения тиража отдельного издания «Петербурга», замечал: «Когда весь этот роман разоидется — хоть в шесть лет — автору придется за него 12000 р.! Вижу, как Вы смеетесь и уверяете, что за шесть лет разоидется всего шесть экземпляров — но сохраните это письмо мое хоть шесть лет, а 15 января 1922 г. вспомните меня, бросая это письмо за ненужностью в печку... <...> Да прочтите Вы его, хоть меня ради!» В письме к Лемке от 12 июля 1916 г. Иванов-Разумник приложил газетную вырезку — несколько фраз из статьи Н. А. Бердяева о «Петербурге» (см. прим. 5), добавив: «Это только для предисловия, чтобы Вы не считали меня одиноким в моем сумасшествии!» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

² В Москве «Петербург» распространялся книжным складом братьев Башмаковых.

³ «Русские ведомости», 1916, № 119, 25 мая, с. 1.

⁴ Блок записал в связи с этим 3 июня: «Письмо от Р. В. Иванова. С «Петербургом» А. Белого дело обстоит неважно» (ЗК, 304).

⁵ Публицист, историк литературы и культуры Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) был в близких отношениях с Андреем Белым с конца 1907 г. Белый написал о нем статью-некролог («М. О. Гершензон» — «Россия», 1925, № 5 (14), с. 241—258) и посвятил ему главу в мемуарах (Андрей Б е л ы й. Между двух революций. Л., 1934, с. 279—295). См. также: Arthur L e v i n. Andrey Bely, M. O. Gershenzon, and «Vekhi»: A Rejoinder to N. Valentinov. — В кн.: «Andrey Bely. A critical review». Ed. by Gerald Janesek. The University Press of Kentucky. Lexington, 1978, p. 169—180. «Биржевые ведомости» откликнулись на выход «Петербурга» статьей Н. А. Бердяева «Астральный роман (Размышления по поводу романа А. Белого «Петербург»)» (1916, № 15651, 1 июля), в которой роман был расценен исключительно высоко. Статья вошла в кн.: Николай Б е р д я е в. Кризис искусства. М., 1918, с. 36—47.

⁶ Экземпляры книг Блока «Стихотворения, кн. 1» и «Театр», вышедших в свет в издательстве «Мусагет» в апреле 1916 г. Надпись на первой книге: «Разумнику Васильевичу Иванову — не врагу», а дорожному критику — с крепким рукопожатием. А. Б. VI. 1916»; на второй: «Дорогому Разумнику Васильевичу Иванову, которому хорошо знакома история издания этой книги. А. Б. СПб. VI. 1916» (приводятся Ивановым-Разумником в книге «Вершины», с. 238—239).

⁷ Т. е.: хорошо расходятся.

⁸ Репетиции драмы Блока «Роза и Крест» в Московском Художественном театре, принятой к постановке в феврале 1916 г. В связи с этим Блок ездил в Москву в конце марта — начале апреля 1916 г. Намерение Блока повторно съездить в Москву для участия в репети-

циях не осуществилось (см. п. 13). Репетиции «Розы и Креста» возобновились после летнего перерыва под руководством Вл. И. Немировича-Данченко, однако постановка пьесы так и не была осуществлена (см.: Ю. К. Герасимов. «Роза и Крест» в Московском Художественном театре. — В кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 522—527; О. В. Гзовская. А. А. Блок в Московском Художественном театре. — «Русская литература», 1961, № 3, с. 197—205).

13. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

8 июня 1916. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Никуда еще не уезжал я из города, здесь лучше работать. В Москву тоже не пришлось съездить. Теперь, вероятно, уеду, все-таки, в деревню (Николаевская железная дорога, ст. Подсолнечная, сельцо Шахматово)¹.

Литенин² говорит, что разослал все экземпляры «Петербурга», которые полагалось разослать по списку. Как идет книга, я уж больше не спрашиваю: дай бог, чтобы к осени обрадовали нас неожиданной цифрой. Вообще, оставим это дело до осени так, как есть. Пашуканис, при всех его достоинствах, не таков, чтобы простирать ему объятия: временами — ужасно долго отмалчивается на вопросы деловые, требующие скорого ответа.

Отзывов о «Петербурге» больше нигде не видал. В «Летописи» и «Русской мысли» в списках книг есть (в майских книжках³). Я дал экземпляр Княжнину⁴, может быть, где-нибудь помянет. С Вашими экземплярами моих книг поступлено так, как Вы писали: они надписаны, завернуты и ждут Вашего возвращения.

Сердечно Ваш Ал. Блок

Р. С. Алексей Михайлович бросает квартиру, складывает все добро к Пясту (у которого живет уже только что женившийся Евгений Павлович Иванов⁵) и уезжает с Серафимой Павловной в Черниговскую губернию, а потом — неизвестно куда⁶. Книги его печатать никто не берет, и за последнюю-то «Лукоморье» заплатило бесстыдно мало⁷. Вообще — ох, как все жметса; до чего еще доживем зимой?

Ответ на п. 12 (на нем — помета Блока: «Отв(ет) 8.VI»).

¹ В 1916 г. Блок побывал в Шахматове только с 18 по 22 июля. Это было его последнее пребывание в Шахматове.

² Иван Николаевич Литенин — служащий типографии и книжного склада М. М. Стасюлевича.

³ «Петербург» указан в списках книг, поступивших в редакцию («Летопись», 1916, № 5, с. 307; «Русская мысль», 1916, № 5, отдел «Книжные новости», с. 19).

⁴ Вл. Княжнин (псевдоним Владимира Николаевича Ивойлова; 1883—1942) — поэт, критик, историк литературы, бывший с Блоком в дружеских отношениях.

⁵ Ближайший друг Блока Е. П. Иванов (1879—1942) женился на Александре Фаддеевне Горбовой, своей сослуживице по Губстатотделу, 23 мая 1916 г. Блок и Вл. Пяст были шаферами. См.: ЗК, 301—302; письма Блока к матери от 23 и 26 мая 1916 г. («Письма к родным», II, с. 285—286, 465). О квартире Пяста на Теряевой улице Блок отметил, что она «хорошая и большая, так что жить можно довольно отдельно» (там же, с. 286).

⁶ А. М. Ремизов и его жена С. П. Ремизова-Довгелло (1876—1943).

⁷ Книга А. М. Ремизова «Укрепя. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (Пг., «Лукоморье», 1916) вышла в декабре 1915 г.).

14. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

5—VII—1916. Сольцы, Псковской губернии, дер. Песочки

Дорогой Александр Александрович,

не знаю, где Вы — в деревне ли, в Питере ли? А написать надо, поэтому разрубаю Гордиев узел и пишу Вам это письмо — в деревню, открытку шлю — в Петербург¹.

Дело все то же — о «Петербурге». Я получил на днях письмо от А. С. Петровского²; он пишет, что знаменитый Пашуканис предлагает следующее:

- 1) *Купить* немедленно весь «Петербург», если его из 6000 экз. продано еще не более 1000 экз.
- 2) Заплатить за это 50% номинальной цены (значит за 5000 экз. — 5000 р.), —

и

- 3) Выплачивать эти деньги Бугаеву *ежемесячными платежами по 200 руб. л'ей*, — т. е. рассрочить платеж на 2 с лишним года.

Петровский ждет ответа; я написал ему, что немедленно спишусь с Вами. Конечно, Бугаев — «хозяин», он может немедленно устроить дело с Пашуканисом; но мы с Вами — «литературные блюстители интересов» Борчиса Никол'аевича, и не посылая Пашуканиса от Понтия к Пилату должным скорее решить дело к пользе Бугаева. Вот и жду Вашего решения.

А пока скажу свое мнение. Оно следующее: если Пашуканис *вполне и безусловно* заслуживает доверия, то надо немедленно соглашаться. Вы ведете с ним дела; Вам виднее. Это первое. Второе: если Пашуканис и вполне заслуживает доверия, то можно ли рискнуть продлить ему доверие на два года с лишним? Через год он может оказаться в ином денежном положении, чем теперь. Должен Вам признаться, что в этом случае я предпочитаю медленную стасюлевичскую синицу быстрому пашуканискому журавлю. Как бы журавль не увяз в болоте?

Повторяю — Вам виднее. Обдумайте и черкните мне, пожалуйста. А я пока наведу справки о ходе дела в складе Стасюлевича. Я спрашивал недели две-три тому назад Лемке (он теперь постоянно в Петербурге и сам ведет дела); он мне ответил, что-де к его великому изумлению — «роман идет *отлично*», но что брошюровщик Кан чинит затруднения, доставляя книгу малыми партиями. Сегодня же пишу ему еще раз, прошу слово «отлично» выразить в цифрах³.

Скучно писать такие бухгалтерские письма, да надо доводить дело до конца. Как Вы живете? Я живу интереснейшими впечатлениями деревни, которая за последнее время растет, как царевич Гвидон в бочке⁴.

От Ал'ексея Михайловича имел только короткую весть, что уехал он в Черниговскую губернию⁵. Как-то проживет он дальше? Год тяжелый впереди.

Жму руку и шлю сердечный привет.

Ваш Р. Иванов

Р. С. О «Петербурге» читал я Бердяева в «Бирж'евых» Вед'омостях⁶ и не читал Вяч. Иванова в «Утре России»⁷.

¹ Открытка, также датированная 5 июля 1916 г., сохранилась среди писем Иванова-Разумника к Блоку. В ней вкратце излагается содержание настоящего письма. По ее получении Блок писал матери (7 июля): «Перешли мне <...> письмо Иванова-Разумника, посланное им в Шахматово» (VIII, 465).

² См. п. 7, прим. 2.

³ О предложении заведующего издательством «Мусaget» В. В. Пашуканиса Иванов-Разумник написал М. К. Лемке 12 июля 1916 г.: «Если бы Пашуканис был «солидной фирмой», то предложение было бы хорошее: получить верные 5000 р. лучше, чем неверные 7000 р. К Вам поэтому просьба, — сообщите: что такое оный Пашуканис и насколько заслуживает доверия? Вторая просьба; Вы писали, что «Петербург» идет «отлично»; нельзя ли это слово перевести в цифру? Я хочу писать автору и иметь кое-какие данные. Третья просьба, — произвести расследование: из Москвы мне пишут, что «Петербург» нигде невозможно достать. Неужели же это все из-за Кана?» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473). Ответные письма М. К. Лемке в архиве Иванова-Разумника не сохранились.

⁴ Мае — сентябрем 1916 г. датованы печатавшиеся в «Русских ведомостях» очерки Иванова-Разумника, в которых обобщены его деревенские впечатления предреволюционного лета. Очерки вошли в кн.: Иванов - Разумник. Перед грозой. 1916—1917 г. Пг., «Колос», 1923, с. 13—61.

⁵ А. М. Ремизов. 160 его писем к Иванову-Разумнику за 1908—1919 гг. (по подсчетам последнего; см.: Р. В. Иванов - Разумник. Опись архива. Письма к Р. В. Иванову. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 88, л. 6) не сохранились.

⁶ См. п. 12, прим. 5.

⁷ Вячеслав Иванов. Вдохновение ужаса (О романе Андрея Белого «Петербург»). — «Утро России», 1916, 28 мая. Статья вошла в кн.: Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М., 1918, с. 89—101.

15. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

11 июля 1916. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Оба Ваши письма получил, а отвечаю Вам наспех: я призван и в 20-х числах уезжаю на службу в действ <ующую> армию ¹.

Пашуканиса в денежных делах упрекнуть я не могу, но в различных проволочках, в невнимании, в уклончивости ответов он повинен. Трудно себе представить, какие встретятся препятствия, но канитель возникнуть может. Поэтому я, принимая во внимание непрочность положения всяких дел, предпочел бы тихую стасюлевическую синицу. Сам я сейчас пишу Пашуканису о своих делах и сокращаю их до минимума (отказываюсь от нового издания, и т. д.), потому что за ними нужно следить неусыпно ². Два с лишним года, при нынешних условиях, срок слишком большой.

Вы писали письмо до 7 июля; что будет делать теперь Б. Н., представить себе не могу ³. Многие застигнуты врасплох. Желаю Вам всего самого лучшего и крепко жму Вашу руку. До свидания.

Ал. Блок

Ответ на п. 14 (на нем — помета Блока: «Отв<ет> 11 VII (предпоч<итаю> Стасюлевича) и открытку от 5 июля 1916 г.

¹ 7 июля был обнародован высочайший указ о «призыве ратников I и II разрядов», согласно которому Блок был призван на военную службу. Он был зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского союза земств и городов. В расположении дружины (в районе Пинских болот) Блок выехал 26 июля.

² В записной книжке Блок отметил 11 июля: «Письма Иванову-Разумнику <...> и г-ну Пашуканису» (ЗК, 314). Письма Блока к Пашуканису (1915—1917), характеризующие работу над изданием в «Мусagetе» его собрания стихотворений и драм, по всей вероятности, не сохранились.

³ Андрей Белый также указом от 7 июля подлежал призыву на военную службу.

16. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

15 июля 1916. Сольцы, Псковской губернии, дер. Песочки

Дорогой Александр Александрович,

письмо Бугаева к Вам пришло на мое имя в Царское Село и оттуда, распечатанное, пришло ко мне. Пересылаю его сегодня Вам и извиняюсь за военную цензуру ¹. — Получил одновременно большое письмо его и очень обрадовался за «призыв»: из тяжелой и гнусной мути войдет он снова в живую жизнь ². Петровский писал мне, что телеграфировал Бор <ису> Ник <олаевичу> о призыве и что ждет его в Москву недели через две-три. Итак — все «деловые вопросы» о стасюлевичской синице и мусagetском журавле — отпадают; дело решит сам автор и владелец «Петербурга», вернувшись в Петербург.

Получил только что Ваше письмо и только что прочел в газетах об отсрочке до 15 августа ³; итак, еще месяц предпризывного отдыха. Рад был узнать, что Вы едете в «действующую армию» — рад потому, что противно смотреть на сотни патриотов, уютно пристраивающихся в столице ⁴. Уверен и за Бор <иса> Ник <олаевича>, что поступит он по своей совести. Когда будет мой призыв (1900 года) — поступлю по своей совести и я; поступки будут различны, но верность своей вере одинакова. Сердечный привет Вам и крепкое пожатие руки.

Искренне Ваш Р. Иванов

Р. С. Так как осенью мы уже не свидимся, то если найдется у Вас за этот месяц свободное время переправить мне в Царское Село (Колпинская 20,

кв. 2) «Ваши-мои» книги — буду очень благодарен⁵. Вообще — свидимся ли? Не потому, что Вы едете в «действующую армию», а потому, что для себя в ближайшее время я не жду ничего хорошего. Но надеюсь — до свидания.

Р. И.

Ответ на п. 15.

¹ Письмо Андрея Белого к Блоку, написанное около 23 июня 1916 г. («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 329—331). Оно было приложено к письму Белого к Иванову-Разумнику от 23 июня 1916 г. с просьбой переслать его Блоку (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 7). Как Блока, так и Иванова-Разумника Белый горячо благодарил за хлопоты в «Литературном фонде» и работу по изданию романа. Белый извещал также Иванова-Разумника о том, что высылает на его имя рукопись нового романа «Котик Ле-таев»: «Предоставляю Вам право что угодно делать с рукописью».

² Иванов-Разумник имеет в виду антропософское окружение Белого в Дорнахе. Его скептическое отношение к этой доктрине в данном случае подкреплялось отзывами Андрея Белого, с раздражением писавшего о большинстве последователей доктора Штейнера. В частности, 11 марта (н. ст.) 1916 г. Белый сообщал Иванову-Разумнику: «*...* очень много и неприятностей на почве здешней местной жизни. Отчаянные господа (верней, господа или проще «старые девы») наши антропософы; 5% порядочных людей, 1/2% людей замечательных: прочие — никуда не нужный балласт, тормозящий все дело доктора *...* столько здесь тяжелого, нудного, что Вы и представить себе не можете» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 7). В другом, недатированном письме к нему же (май 1916 г.) Белый высказывался еще резче: «2 1/2 года я живу в глухой, злой деревне среди враждебного населения и измученной кучки людей, дотерывающих свое здоровье непосильным физическим трудом среди. . . «сумасшедшего дома» старух, старых дев и «психо-патологически» дам, съезжающихся из всех стран Европы не работать, а сплетничать, завидовать работающим и опозоривать их репутации. Заметьте: в нашем «Обществе» происходит нечто тягостное. . . *...* все воображение Сологуба меркнет перед «передонощиной», которую нас уже 1 1/2 года мажут здесь. . .» (там же).

³ «Высочайшее соизволение на перенесение призыва ратников I и II разрядов» с 15 июля на 15 августа 1916 г. было обнародовано 12 июля 1916 г. Ср. письмо Иванова-Разумника к А. М. Ремизову от 12 июля 1916 г.: «Призыв 15/VII Вас не коснулся (как и меня); но «Андрей Белый», Блок — как они? С обоими я в переписке и обоим пишу сегодня» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 103).

⁴ Ср. письмо Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 25 сентября 1916 г.: «Патриоты на службе Союза Городов и социалисты в Земском Союзе, освобожденные от военщины и тепло пристроившиеся, литераторы — о победе зывающие и дома сидящие — все это омерзело мне с начала войны. В будущее народа русского крепко верю (и вера моя — от видения), но тем менее могу принимать какое бы то ни было участие в этой не народной, а купеческой войне, в одном ряду с обезумевшими социалистами-патриотами» (ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 473).

⁵ См. п. 12, прим. 6.

17. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

20—VII—1916, Сольцы, Псковской г. губернии). Песочки

Дорогой Александр Александрович,

на днях я отправил Вам письмо (заказное), и теперь вдогонку шлю открытку. Я получил от Лемке ответ: разошлось «Петербурга» уже 2000 экз., из них за наличный расчет — 1000. Дело с Пашуканисом, конечно, отпадает; в «собственности» Бугаева уже до 1 1/2 тысяч <рубл. сей> в конторе Стасюлевича.

Теперь вопрос: как с ними быть? Триста рублей необходимо (кажется в августе?) переслать Литературному Фонду в погашение долга Бугаева. Остается около тысячи. Если погасить долг Терещенкам (600 р.), то Бугаеву останется лишь рублей 400—500. Хватит ли их ему теперь? Отложить ли уплату долга Терещенкам на будущее? Все это надо решить теперь же, чтобы к приезду Бугаева (он придет, вероятно, к 15/VIII) передать все дело ему уже чистое от всяких долгов и хлопот. Тогда и мы с Вами можем сказать свое «ныне отпускаешь» автору «Петербурга»¹.

Если Вы до 15/VIII в Петербурге, то не переговорите ли с Лемке? (504—08)².

Сердечный привет. Ваш Р. Иванов

¹ Андрей Белый приехал в Петроград 3 августа и пробыл там по 6 августа 1916 г. В эти дни он посетил типографию Стасюлевича. Гонорар за «Петербург» Белый получил 11 сентября 1916 г.: «Беседа с М. К. Лемке. Получил 1000 руб. за проданные экземпляры «Петербург» (Андрей Б е л ы й. Жизнь без Аси. — ГБЛ, ф. 25, карт. 31, ед. хр. 1). 14 сентября Белый был у Иванова-Разумника в Царском Селе. На следующий день Иванов-Разумник писал А. М. Ремизову: «Вчера провел у нас день и ночь — Бугаев <...> Я впервые видел его по-настоящему и еще больше его полюбил; один из немногих людей, у которого за душой есть подлинное, кровное» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, ед. хр. 103).

² Блок ответил на это письмо 22 июля (ЗК, 315). Письмо не сохранилось.

18. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

16 декабря 1916. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой Александрович,

с полгода, как оборвалась наша переписка — и я с тех пор только мельком слышал о Вас; даже не знаю, куда писать. Но думаю, что так или иначе, а по обычному адресу письмо дойдет до Вас ¹.

Во всяком случае — отзовитесь: как живется и что делается? От Жеоргия Нулкова ² слыхал я, что Вы изредка бываете и в Питере. Если да — хорошо бы увидаться; загляните в Царское, или я загляну к Вам на Пряжку ³.

У этого письма моего есть и деловой предлог, вот какой: есть у меня цикл Ваших стихов («Ямбы»), оставшийся еще после разгрома 1914 года ⁴. Теперь печатается сборник (в нем, между прочим, роман А. Белого ⁵) со стихами Брюсова, Белого, Сологуба ⁶, Клюева и других; можно ли поместить в него Ваши «Ямбы»? А если они уже были напечатаны, то не пришлете ли возможно скорее (очень спешно!) цикл стихов специально для этого сборника «Скифы». Срок для присылки — до конца декабря ⁷.

Надеюсь — до свидания. В моей судьбе много перемен, еще не совершившихся. Но этого не упишешь.

Сердечный привет. Ваш Разумник И в а н о в

¹ Письмо послано по петроградскому адресу Блока, находившегося в декабре 1916 г. в расположении инженерно-строительной дружины. В Петроград Блок приезжал в отпуск на октябрь 1916 г.

² Имеется в виду Г. И. Чулков, выведенный Андреем Белым в пародийном образе «козловеда» Жеоргия Нулкова в четвертой «симфонии» (Андрей Б е л ы й. Кубок метелей. Четвертая симфония. М., «Скорпион», 1908, с. 20, 22, 24, 47).

³ Дом Блока на углу Офицерской улицы и набережной реки Пряжки.

⁴ Имеется в виду правительственное запрещение журнала «Заветы» в августе 1914 г., после вступления России в войну. «Ямбы», как явствует из этого письма, были предоставлены Блоком Иванову-Разумнику для публикации в «Заветах». 13 февраля 1914 г. Иванов-Разумник сообщал Вяч. Иванову, что имеет цикл стихов Блока для «Заветов» (ГБЛ, ф. 109). Автографы трех стихотворений из «Ямбов» («2. О, я хочу безумно жить...», «3. Так мне диктует вдохновенье...», «5. Земное сердце стынет вновь...») сохранились в архиве Иванова-Разумника с его пометой: «Заветы». Портфель» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 39).

⁵ «Котик Летаев».

⁶ Ф. Сологуб в первом сборнике «Скифы» не участвовал. Предполагался к опубликованию его стихотворный цикл «Европейские песни» (письмо Иванова-Разумника к А. Н. Чеботаревской от 16 декабря 1916 г. — ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 109). 8 января 1918 г. Сологуб писал Иванову-Разумнику: «Прошу Вас не печатать в «Скифах» моих парижских песен. Теперь это совершенно не своевременно» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 327).

⁷ Сборники «Скифы» были задуманы во второй половине 1916 г., после безуспешных попыток возобновить издание «Заветов». «<...> Хотя «Заветы» и прекращены, но немедленно по окончании «военного положения» они начнутся снова — под другим заглавием», — писал Иванов-Разумник Вяч. Иванову 17 октября 1914 г. (ГБЛ, ф. 109); он же писал 17 мая 1915 г. К. Эрбергу: «Поздней осенью надеемся воскреснуть» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 145). Название подготавливаемого сборника — «Скифы» — Иванов-Разумник сообщил Андрею Белому 9 ноября 1916 г. (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а). Запрашивая у Брюсова стихи для «Скифов», он отмечал (в начале декабря 1916 г.): «Первый сборник выходит в январе» (ГБЛ, ф. 386, карт. 88, ед. хр. 3). Однако выпустить книгу в этот срок не удалось, и два месяца спустя Иванов-Разумник (в письме к Ф. Сологубу от 7 февраля 1917 г.) сообщал, что «Скифы» выйдут в свет в конце февраля (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 296). На этот раз появление сборника замедлили, вероятно, события Февральской революции. Первый сборник «Скифы» вышел в свет только в августе 1917 г.

19. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

26 апреля 1917. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Не удивляйтесь, что я отвечаю Вам сейчас на письмо от 16 декабря. С фронта ответить никому не мог; в Петербурге уже больше месяца¹, но такая нервная усталость, что до сих пор не мог собраться написать.

«Ямбы» мои (если что-либо подобное еще может понадобиться) давно напечатаны в «Русском Слове»². Нового давно ничего нет. О том, что «Скифы» все-таки предполагаются, говорили <?> мне с меся<ц> <назад?> Мереж<ко>в-ские.

Несмотря на ужасную душевную слабость³. думаю дозвониться к Вам. Есть еще две книжки для Вас⁴.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ал. Блок

Ответ на п. 18 (на нем помета Блока: «От друж<ины>. Не отв<етил>. Ответил 26 апреля!»). В записной книжке Блок отметил 26 апреля: «Письма Иванову-Разумнику и Пясту» (ЗК, 319). Письмо сохранилось в дефектном состоянии.

¹ Блок вернулся в Петроград из расположения инженерно-строительной дружины 19 марта 1917 г.

² В пасхальном номере газеты «Русское слово» (1915, № 67, 22 марта) были напечатаны четыре стихотворения из «Ямбов» Блока под общим заглавием «Твердость» (1. «И страшно, и легко, и больно. . .»; 2. «О, я хочу безумно жить. . .»; 3. «Земное сердце стынет вновь. . .»; 4. «О, как смеялись вы над нами. . .»). Отдельным изданием цикл вышел в начале августа 1919 г. (Александр Блок. Ямбы. (Современные стихи). (1907—1914). Пб., «Алконост», 1919).

³ В этих словах Иванов-Разумник, не видевшийся с Блоком долгое время, усмотрел реакцию поэта на новую общественную атмосферу, вызванную революцией. «Вчера получил я от Блока письмо с жалобами на «ужасную душевную слабость», — писал он Белому 29 апреля 1917 г. — А сегодня — Ваше письмо. . . Разве же это не характерно? Я знаю — сердце бывших «декадентов», бывших «символистов» не лежит к революции» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 6а).

⁴ 2-я и 3-я книги «Стихотворений» Блока (М., «Мусaget», 1916). Надпись на 2-й книге: «Дорогому Разумнику Васильевичу Иванову — без Примечаний! А. Б.»; на 3-й: «Разумнику Васильевичу Иванову с сердечным приветом Александр Блок. Апрель 1917» («Вершины», с. 239, 241).

20. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

24 января 1918. СПб.

Дорогой Александр Александрович,

спешные редакционные дела¹ помешают мне сегодня попасть вместе с Вами на заседание; поэтому хоть письмом хочу я передать Вам те мысли об издании наших «классиков», которые я высказал бы на заседании этом. Если найдете нужным — можете огласить². Три главных вопроса, связанные с изданием классиков, — орфография, редакция текста, время издания. . . И все три вопроса, по-моему, допускают только одно бесспорное решение.

Вопрос первый — орфография.

Я — всецело стою на признании и необходимости введения нового упрощенного правописания, по этому вопросу еще весною в редактировавшейся мною газете была помещена по моему настоянию статья проф. Сакулина, одного из наиболее деятельных сторонников реформы³. Но этот же П. Н. Сакулин, в частных разговорах, решительно стоял за то, чтобы с новой орфографией «классики» переиздавались бы лишь в изданиях «массовых», предназначенных для школы, для народа, в изданиях, «завод» которых составляет иногда много десятков тысяч, даже сотен тысяч экземпляров. Такие издания — лучшие проводники и укрепители реформы правописания. Но и независимо от этой причины ясно, что издания, предназначенные для широких кругов читателей, особенно для школы и народа, должны быть напечатаны по новой орфографии — иначе создастся величайшая путаница. Молодое поколение в школах, гимназиях уже перешло к новой системе письма; для них

необходимо издание таких классиков, как Пушкин, Некрасов, Тургенев, Салтыков и т. д., по новой системе письма, и без особых редакционных тонкостей. Впрочем о редакционной части — ниже.

Все это, однако, лишь первая половина вопроса. И тот же проф. Сакулин, рьяный защитник орфографической реформы, отрекся от однобокого и, так сказать, «напроломного» ее применения. Научное, не школьное, не популярное издание классиков — конечно, должно подчиняться тому письму, каким писали сами авторы. Мы дорожим, как ароматом эпохи, малейшими изменениями в письме Пушкина, мы в научных изданиях тщательно сохраняем все особенности его правописания — и вдруг мы стали бы подновлять его к реформе 1917 года! Ни один редактор за такое дело не возьмется; всякий историк литературы понимает, что это значило бы лишить автора того драгоценного «аромата эпохи», который в научном издании надо во что бы то ни стало сохранить. Для таких изданий отливают иногда даже особый старый шрифт (напр<имер>, шрифт александровской эпохи для Пушкина); и что же, старым шрифтом мы будем печатать по новой орфографии? Народные и школьные, «массовые» издания должны ей следовать; издания историко-литературные, научные, издаваемые в ограниченном количестве, — не имеют права следовать ей. Нельзя Рембрандта «освежать» новыми красками.

Вопрос второй — редакция текста.

Этот вопрос еще менее спорен. Редакторами «классиков» должны быть приглашены люди, отдавшие иногда всю работу жизни любимому автору. Тут недопустимо было бы считаться с политическими убеждениями этих людей. Выбор — ограничен. Все мы знаем наперечет наших пушкинистов, «салтыковистов», «некрасоведов»: их раз-два — и обчелся. Необходимо привлечь их к тесной и близкой работе, ибо необходимо, чтобы научное издание классиков было подлинно научным. Точная датировка, варианты, разночтения, комментарии — все это должно быть осуществлено. Довольно с нас позорных изданий — изуродованного Суворовым Некрасова, Глазуновым — Тургенев⁴. Переиздать их в прежнем виде — совершенно недопустимо.

А этим предreshается и третий вопрос — о времени научного издания. Такую большую работу в два-три месяца не выполнишь. Необходимо приступить к ней немедленно, пригласив специалистов-редакторов (шой раз десятилетиями собирающих материалы для изданий) и дать им нужный срок для строгого и любовного выполнения задачи.

Итак, вот мои выводы:

- 1) Издание «классиков» для народа должно быть издано немедленно, с соблюдением новой орфографии.
- 2) Научное издание их должно следовать орфографии эпохи и автора, и не должно быть выполнено слишком поспешно.
- 3) Редакторами должны быть приглашены не случайные любители, а люди, специально посвятившие себя этим авторам.

«НОВЫЙ БЛОК». ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ
Бориса ЕФИМОВА
«Куранты» (Киев), 1918 г.

Только при соблюдении всех этих условий эти новые издания классиков будут отвечать своему назначению⁵.

Крепко жму Вашу руку.

Разумник И в а н о в

¹ В газете «Знамя труда».

² Ср. дневниковую запись Блока от 26 января: «Иванов-Разумник, бывший у меня, не мог идти вместе на заседание в Зимний дворец и оставил мне письмо для оглашения» (VII, 321). Речь идет об очередном заседании в Зимнем дворце созданной при Наркомпросе комиссии по изданию русских классиков, в состав которой входил Блок. Вопрос об использовании новой орфографии был поднят Блоком на первом заседании комиссии 17 января: «Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное мое возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались ятями как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией. Новые, которые будут писать по-новому, перенесут свою творческую энергию (élan) в другие приемы <...> Меня поддерживают Л. Рейснер и Альтман. Остальные — за новую орфографию, хотя понимают меня» (запись Блока от 18 января 1918 г. — VII, 319). Для обсуждения поднятого вопроса Иванов-Разумник был приглашен на следующее заседание по просьбе Блока.

³ Статья литературоведа Павла Никитича Сакулина (1868—1930) в газете «Дело народа». Свою первую статью по этой теме («Упрощение русской орфографии») Сакулин опубликовал в журнале «Вестник воспитания» еще в 1904 г. (№ 6). Он участвовал в совещании орфографической комиссии при Академии наук, принявшей 11 мая 1917 г. постановления по вопросу об упрощении русского правописания. См. брошюры П. Н. Сакулина «Новое русское правописание» (М., 1917) и «Реформа русского правописания» (Пг., 1918).

⁴ Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912), монополюльно владевший сочинениями Н. А. Некрасова с 1886 по 1917 г., под видом «полных» изданий издавал урезанный, полный ошибок и «подправок» текст (см.: А. Л. Г р и ш у н и н. Очерк истории текстологии новой русской литературы. — В кн.: «Основы текстологии». М., 1962, с. 54). Глава петербургской книготорговой и книгоиздательской фирмы Илья Иванович Глазунов (1856—1913) неоднократно переиздавал «полное собрание сочинений» И. С. Тургенева (первое издание — 1883 г.) без критической проверки текста.

⁵ Характеризуя 26 февраля ход заседания комиссии по изданию русских классиков (председательствовал А. В. Луначарский), Блок записал: «Я повторяю свое возражение (единственное), прибавляя, что я на нем не стою (считаю, что мне надо это сказать в виде предостережения — caveat...) <...> Новое правописание принимается (Луначарский определяет мой довод как невесомый)» (VII, 322—323). Следует отметить, что в декрете Совнаркома РСФСР «о введении новой орфографии» от 10 октября 1918 г. необходимость издания классиков по новой орфографии не была оговорена, в этой связи названы только «все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги» (Декреты Советской власти, т. III, М., 1964, с. 403—404).

21. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

30 января 1918. «Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Вот матерьял для первой книги «Нашего Пути»¹: 1) Романа Рони — целых две главы², при нем — записка о словах, вызывающих сомнение, и книга, которую хорошо бы вернуть как можно скорее — через два-три дня. 2) «Ямбы», из которых печатается только четвертое стихотворение (впрочем, остальные почти все — с вариантами)³. 3) Статья «Интеллигенция и Революция» с небольшими поправками⁴.

Прошлое заседание было очень стройное и дельное. Ваше письмо, в сущности, и решило вопрос об орфографии⁵. Есть дела еще, о которых надо нам с Вами поговорить.

Ваш Ал. Б л о к

Р. С. Прилагаю для сведения, на всякий случай, адрес, данный М. Л. Толмачевой⁶.

¹ «Наш путь» — «литературно-политический журнал революционного социализма», издававшийся при Центральном комитете партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) под редакцией Иванова-Разумника, Б. Д. Камкова и С. Д. Мстиславского. Вышло два номера «Нашего пути»: 1-й — в апреле, 2-й — в мае 1918 г. Ср. запись Блока от 30 января: «В редакции «Знамени труда» (матерьял для первой книжки «Нашего пути»)» (ЗК, 387).

* Роман французского писателя Жозефа Рони-старшего (1856—1940) «Красная волна» («La vague rouge», 1909) в переводе матери Блока А. А. Кублицкой-Пиотух был начат печатанием в «Нашем пути» («Красный вал. Социальный роман из революционных нравов» — 1918, № 1, с. 92—114; № 2, с. 70—100). Первые две главы первой части романа были помещены в первом номере журнала. 19 января 1918 г. Блок записал: «Люба нашла у Violet «La vague Rouge» Rosny ainé для перевода маме (для «Нашего пути»)» (ЗК, 385; Violet — книготорговец).

³ Цикл Блока «Ямбы» в «Нашем пути» опубликован не был. После прекращения журнала Блок предлагал (в письме от 5 декабря 1918 г.) напечатать его В. С. Миролюбову (см.: III, 521). Четыре стихотворения цикла впоследствии были помещены в журнале «Знамя», в редактировании которого принимал участие Иванов-Разумник (1920, № 1 (3), апрель, стлб. 43—45).

⁴ Статья Блока «Интеллигенция и революция» была помещена в первом номере «Нашего пути». Впервые она была напечатана в газете «Знамя труда» (1918, № 122, 19 января).

⁵ Характеризуя в дневнике (26 января 1918 г.) ход заседания комиссии по изданию русских классиков, Блок отметил: «Письмо Разумника, которое я огласил, в сущности, дало пересек окончательный» (VII, 323).

⁶ Мария Львовна Толмачева (1867—1942) — детская писательница. См. о ней: «Советские детские писатели. Библиографический словарь (1917—1957)». Составили А. М. Витман и Л. Г. Оськина. М., 1961, с. 361. Толмачева была дружна с матерью Блока.

22. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

20 сент. «лября» 1918. Царское Село

Дорогой Александр Александрович — додумывая сейчас, поздней ночью, наш сегодняшний дневной разговор, берусь за перо, чтобы «поставить точку над i» (хотя бы и упраздненном) ¹.

«Организация хаоса» людьми. Безднадежность попыток, если «мы только люди». Разделение людей по двум самосознаниям: «только люди» и «не только люди» (все то же, давнишнее: «реалисты» и «романтики» ²). Вы сказали, между прочим, что за последние годы я по этой линии мысли подошел к «вам» (не только Вам). Думаю над этим, и вот что чувствую: и верно это и не верно; а чтобы не ходить в чужих перьях, надо показывать себя тем, что ты в действительности.

Верно это вот в чем. Никогда не был я в вере детского позитивизма («мы — только люди»), и всегда знал — и не только «знал» — что правда на другой стороне. Знал смутно и мало, знаю тверже и больше; прежде говорил «быть может», теперь говорю — «наверное». По этому пути последних десяти—пятнадцати лет я, несомненно, подошел к «вам», отошел не только от «позитивизма», но и от шестовского нитцшеанства ³; если раньше воздушный шар я считал мыльным пузырем (лишь иллюзия подъема и — лопнул), то теперь я знаю, что есть и подлинные подъемы, хотя бы и безмерно редкие. Думаю, что и «вы» увидели, что ошиблись раньше, считая прорыв в мир «не только» — не безмерно редким. Знаю это из дневника стихов Ваших, Бориса Николаевича — наиболее искренних, наиболее самоотражающих. Сошлись ли мы *il mezzo cammin* ⁴ нашей жизни? Быть может да, быть может нет, и нет вот почему: потому что чувствую себя ни на волос не сдвинувшимся с прежнего неприятия не моей воли.

В этом все дело. И мне здесь глубоко враждебны самые разнообразные «линии поведения»: и либеральный «прогресс» с позитивным «человекобожием», и коммунистическое «человечествобожие», и всяческое «богобожие». Ибо все они, безмерно разные, сходятся в одном: «Да будет воля Твоя» (кто бы ни был для них «Он»). Я же хоть и не хочу «заявить своеволие», как Кириллов ⁵, ибо мир приемлю, ибо чувствую даже, что «Он» и есть «Я» (и я), то есть знаю чувство Сыновства, но не могу быть и раскаявшимся блудным сыном, для которого заколают тельца. И если даже сам я когда-то предопределил пути (помните: «И совещались мы, Трое». . .), то теперь, будучи человеком, — пусть и «не только» человеком, — я этой гармонии не приемлю и «почтительнейше билет возвращаю» ⁶. Принимаю мир, не принимаю бога (в себе же!) и в этом месте — «да будет воля моя».

* в половине пути (итал.).

Отсюда — признание слабого, смертного, «только» человека — за последнюю ступень моего пути: «и есть или нет дороги чрез гроба — я был, я есмь! Мне вечности не надо!»⁷ И здесь — я не сдвинулся ни на волос от книги «О смысле жизни», которую писал ровно десять лет назад. Наоборот: чем больше верю и знаю я, что мы «не только» люди, тем тверже буду я «только» человеком.

Это — «демонизм», «люциферианство»? Конечно. Если «да будет воля Твоя» — подлинное христианство, то пусть «да будет воля моя» — будет «люциферианством». Но я знаю, что это «люциферианство» так же близко Христу, как «христианство» (не говоря уже об историческом!) близко к другому полюсу.

Кончая, — тут надо писать не одну страницу. Я это и собираюсь сделать, если жизнь еще даст время.⁸ А эту страничку посылаю только как заключение к вчерашнему разговору — и сердечно обнимаю Вас.

Любящий Вас Р. И в а н о в

¹ На письме — надпись Блока: «Р. В. принес мне 30 (17) IX». Ср. запись Блока 19 сентября 1918 г.: «Р. В. Иванов. Разговор о делах и о книге «Против цивилизации», о Ключеве и его отношениях с «Землей» (ЗК, 428). Упоминается книга Евгения Полежаева и Николая Пунина «Против цивилизации» (Пб., 1918), которую, по воспоминаниям Иванова-Разумника, «Блок считал как нельзя более характерной для эпохи и которую нарочно купил и подарил мне со своей надписью (утеряна)». ««Долгие разговоры» наши, — добавляет Иванов-Разумник, — не о самой книжке, к которой Блок относился отрицательно, а по поводу ее темы <...> — закончились подводящими итогами обменом двух обширных писем» («Вершины», с. 245). Ответное письмо Блока не сохранилось. Экземпляр книги Е. Полежаева и Н. Пунина с пометами Блока и с датой «17 (4) IX.1918» сохранился в его библиотеке (шифр: 94 1/122). На экземпляре, подаренном Иванову-Разумнику, последним сделаны две надписи. Первая: «1922. Подарено мне в 1919 году А. А. Блоком: «книжка — интересный симптом». Длинная беседа на тему о подлинной (не пунино-бабуриновской культуре)» (отнесение этих событий к 1919 г. — ошибка памяти Иванова-Разумника). Вторая надпись: ««Пунина и Бабурина называют цивилизацию культурой, а культуру — цивилизацией. Они не понимают, что люди — не только люди». (Слова А. А. Блока после прочтения этой книжки. — И.-Р.). Эти надписи, а также пометы Блока на утраченном экземпляре книги сохранились в копии у Д. Е. Максимова, который на основании анализа помет заключает: «<...> наибольшее раздражение у Блока вызывало прославление ее авторами механического, регулирующего начала в обществе, подчиняющем своей централизованной власти личность человека и его индивидуальное творчество» (Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 367).

² Иванов-Разумник имеет в виду свою концепцию «реализма» и «романтизма» как двух «вечных путей», по которым развивается русская литература и общественная мысль.

³ Критический анализ философии Льва Шестова Иванов-Разумник дал в книге «О смысле жизни» (СПб., 1908, с. 162—255). Признавая в ней, что Шестов дал «своеобразную — быть может, лучшую во всей мировой литературе — интерпретацию идей Ницше», Иванов-Разумник замечал, что сам мыслитель «нитшеанцем» не был никогда, «никогда не выкраивал из них Ницше ярлыки и шаблоны на все случаи жизни, никогда не проповедывал той упрощенной морали, которой стада нитшеанцев загрязнили пострадавшие мысли Ницше» (с. 252).

⁴ Из первой строки «Божественной Комедии» Данте (Inferno, I, 1): «Nel mezzo del cammin di nostra vita» (в переводе М. Л. Лозинского: «Земную жизнь пройдя до половинны»).

⁵ Слова Кириллова («Бесы» Ф. М. Достоевского, ч. III, гл. 6) в разговоре с Петром Верховенским: «Если бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие»; «Я хочу заявить своеволие» и т. д. (см.: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 10. Л., 1974, с. 470—472).

⁶ Слова Ивана Карамазова брату Алеше («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, ч. II, кн. 5, гл. IV): «<...> слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход <...> не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почитательнейше возвращаю» (см.: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 14. Л., 1976, с. 223). О воскрешении «карамазовских вопросов» в русской литературе рубежа веков и, в частности, о цитированных словах Иванов-Разумник подробно говорит в книге «О смысле жизни» (с. 6—7, 13—17, 82, 145—146, 279 и др.).

⁷ Неточная цитата из стихотворения В. Я. Брюсова «К счастливым» («Свершатся сроки: загорится век...»), входящего в его книгу «Stephanos» (1905) (см.: Валерий Брюсов. Собр. соч. в 7 т., т. 1. М., 1973, с. 435).

⁸ Иванов-Разумник намекает здесь на свой замысел книги «Оправдан человека», вынашивавшийся им в конце 1910-х—начале 1920-х годов. Книга под этим заглавием анонсировалась в 1922—1923 гг. как готовящаяся к печати в издательстве «Колос», но

в свет не вышла; работу над ней Иванов-Разумник, по всей вероятности, не довел до конца. Книгу эту Иванов-Разумник считал для себя итоговой: «Оправдание человека» — последняя моя книга, которую я вообще напечатаю, и последний блин комом пускать не хочется, — призывался он в письме к Ф. И. Витязеву (Седенко) от 12 марта 1923 г. (ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 64). В очерке «Надписи на книгах» Иванов-Разумник сообщает, что темой этой книги он «обязан в значительной мере разговорам с А. А. Блоком» («Вершины», с. 245).

23. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

28/XI 1918. «Детское Село»

Дорогой Александр Александрович,

Вы простудились третьего дня, я — должен по той же причине сегодня и вероятно завтра просидеть дома¹. Надеюсь в субботу быть на заседании (в 12 ч. дня?), для которого я на днях и приготовил краткое сообщение, предлагаемое при этом письме². Если найдете нужным огласить — огласите; нет — отложите до субботы. Если же Вы и сегодня еще больны и не пришли, то направляю этот пакет К. А. Эрбергу³.

Сердечный привет и до скорого свидания.

Ваш Р. Иванов

¹ 28 ноября 1918 г. состоялось заседание коллегии ответственных работников Театрального отдела Наркомпроса, в состав которой входили Блок и Иванов-Разумник («коллегия тринадцати»). Блок выступил в этот день с докладом «Очередная работа Репертуарной секции» (опубликован Ю. К. Герасимовым в кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 341—343). Текст доклада заканчивался словами: «О группах работ редакционных, переводческих и архивных сообщат стоящие во главе этих групп Р. В. Иванов, Ф. Ф. Зелинский и Вл. В. Гишпиус».

² К письму приложена рукопись Иванова-Разумника, заведующего редакционной группой Репертуарной секции, датированная 25 ноября 1918 г. и адресованная: «В Репертуарную секцию Театрального отдела». А. А. Блоку». Иванов-Разумник сообщал, что «редактирование библиотеки «Репертуара» он взял на себя в конце ноября, и рассказывал о положении дел со сдачей в набор пьес русской и иностранной классики и их распределением по редакторам. «...» Надеюсь в ближайшее же время поставить на твердую почву сторону редакционно-литературную. Считаю совершенно необходимым привлечение и отыскание целого ряда молодых и свежих работников — о чем верно сказано в предполагаемом воззвании А. А. Блока; к основным положениям этого «воззвания» всецело присоединяюсь, — писал в заключение Иванов-Разумник. — «...» На следующей неделе, между 4—7 декабря» я собираюсь на неделю в Москву, где надеюсь повидать представителей Московского Отдела, «постоянный контакт» с которыми считаю и желательным, и необходимым; по возвращении подробнее сообщу намечающиеся планы и возможности».

³ Конст. Эрберг (псевдоним Константина Александровича Сюннерберга; 1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт, переводчик. С сентября 1918 г. — председатель педагогической секции Театрального отдела Наркомпроса. Подробнее о нем см.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979, с. 99—115.

24. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

8 февраля «1919 г. Петроград»

Дорогой Разумник Васильевич.

Письмо это вместе с письмом ко мне¹ принесла сегодня женщина-эстонка и говорила что-то непонятное о тов. Фрице (?). Она передала мне 1000 рублей, а в письме я с ужасом увидел, что в Москве печатают «еще тысяч пять» «Росси и Интеллигенции». Не говоря о том, что текст не вполне исправен, боюсь подвести «Алконост»².

Ваш Ал. Блок

¹ К настоящему письму приложено письмо к Иванову-Разумнику Александра Александровича Шрейдера, сотрудника московского издательства «Революционный социализм», от 31 января 1919 г., в котором содержится предложение издать книгу Иванова-Разумника «Революция мысли и совести» («так, кажется, она называется?»). В издательстве «Революционный социализм» увидела свет только одна книга Иванова-Разумника — «Год революции. Статьи 1917 г.» (1918).

О журналисте А. А. Шрейдере см.: Е. Лундберг. Записки писателя, т. II. 1920—1924. «Издательство писателей в Ленинграде», 1930, с. 7.

² Книга Блока «Россия и интеллигенция. Семь статей» вышла в издательстве «Революционный социализм» в октябре 1918 г., но дошла до Блока только в конце декабря (ЗК, 442). «1000 рублей» — видимо, причитающийся за нее гонорар. В ноябре 1918 г. Блок сдал в издательство «Алконост» текст «России и интеллигенции» с новым предисловием (ЗК, 435). По всей вероятности, неизвестное нам письмо Блока к А. А. Шрейдеру от 11 февраля 1919 г. (ЗК, 449) заключало в себе просьбу издательству «Революционный социализм» не печатать дополнительного тиража «России и интеллигенции», поскольку в ближайшее время предполагался выход нового издания книги (Александр Б л о к. Россия и интеллигенция. (1907—1918). Пб., «Алконост», 1919): 19 февраля 1919 г. Блок держал последнюю корректуру «Алконовского» издания (ЗК, 450). Под псевдонимом «С. Разин» Шрейдер опубликовал рецензию на «Россию и интеллигенцию» («Знамя», 1919, № 2, 3 февраля, с. 21). Ему принадлежит также предисловие к зарубежному переизданию книг статей Блока (см.: Александр Б л о к. Россия и интеллигенция. Берлин, «Скифы», 1920, с. 5—7).

25. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

19 июля 1919. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой Александр Александрович, —

давно-давно не видалась мы — века прошли ¹. И соскучился без Вас, и надо было видеть Вас, и неудачно как-то был у Вас. Что, если бы Вы в свободный день приехали бы ко мне в Царское, в тихий, пустынный парк, с утра и до вечера, а еще лучше — с ночевкой? Черкните и уговоримся.

Вы отказались от редакторства «Репертуара» ² — и я тогда же взял из него обратно свою «Мистерию или Буфф» ³. Читаю ее во вторник 22-го (в 3 ч. дня) в бывшем «кабинете Мейерхольда», ныне пребывающего где-то на юге ⁴. Хотел бы очень видеть Вас на чтении, — если можно, приходите. Никого неприятного не увидите, народ будет разный, «вход свободный».

Много работаю, но не для ближайшего будущего. Чувствую себя бодро, хоть и голодно. Писем не пишу, кажется, уже с год — и даже с Борисом Николаевичем не в переписке, как ни хотелось бы ⁵. А повидаться — хотелось бы еще больше, с Вами, с ним. Напишите, приходите, приезжайте. Обнимаю Вас сердечно.

Лаш Разумник И в а н о в

¹ Последнюю перед этим письмом встречу с Ивановым-Разумником Блок зафиксировал 23 апреля 1919 г.: «Р. В. Иванов ночует у меня» (ЗК, 457).

² Второй сборник «Репертуар». Первый сборник («Репертуар». Сборник материалов. Издание Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Пб.—М., 1919) вышел при участии Блока и с его статьей «О репертуаре коммунальных и государственных театров» (с. 80—87) и четырьмя рецензиями на пьесы (с. 33—34, 39—40, 44—50). Блок участвовал ближайшим образом и в подготовке других материалов сборника (см.: Е. Г. М о л д о в а н о в а. Александр Блок и репертуарная секция Наркомпроса. — «Советские архивы», 1968, № 6, с. 104—105). Над вторым сборником «Репертуар» Блок работал еще в мае 1919 г.; отказ его от редакторского поста произошел, видимо, в начале июня (Ю. К. Г е р а с и м о в. Александр Блок и советский театр первых лет революции. — В кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 340). Иванов-Разумник входил в бюро Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса, возглавлявшейся Блоком.

³ Статья Иванова-Разумника «Мистерия» или «буфф»? (О футуризме) (декабрь 1918—май 1919) впервые опубликована в полном виде в кн.: «Искусство старое и новое». Сб. под ред. Конст. Эрберга. I. Пб., «Алконост», 1921, с. 34—74; отдельные части статьи (под заглавиями «Душа футуризма» и «Футуризм» и «Вещь») напечатаны до этого в журнале «Книга и революция» (1921, № 7, январь, с. 16—20; № 8—9, февраль—март, с. 22—27); вошла в кн.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Творчество и критика. Статьи критические. 1908—1922. Пб., «Колос», 1922, с. 221—258; была напечатана также отдельным изданием: И в а н о в - Р а з у м н и к. Владимир Маяковский. («Мистерия» или «буфф?»). Берлин, «Скифы», 1922.

⁴ Летом 1919 г. В. Э. Мейерхольд (бывший заместителем заведующего ТЕО) выехал в Ялту для лечения. После захвата Ялты белой армией он переправился в Новороссийск, где попал под надзор денкинских следственных органов и затем был арестован, освобожден 7 ноября 1919 г. (см.: В. Э. М е й е р х о л ь д. Переписка. 1896—1939. М., 1976, с. 400).

⁵ Переписка Иванова-Разумника и Андрея Белого, прервавшаяся в марте 1919 г., возобновилась в августе 1919 г. В письме к Белому от 23 августа 1919 г. Иванов-Разумник, в частности, отмечал: «Блока тоже не видел века». В другом письме к Белому (от 17 сентября 1919 г.) он по-своему интерпретировал «молчание», наступившее между ним и Бло-

ком: «Все ли мы очнулись, проснулись? Не знаю. Боюсь, что Ал. Ал. еще в летаргии, — при нем мне еще надо встряхиваться, просыпаться, щипать себя за руку. За него надо теперь или бороться, или подождать, — от летаргии не будят насильственно, человек сам просыпается. Вот отчего, вероятно, так редко-редко вижу теперь я с Ал. Ал., не видал чуть ли не с полгода, живя бок о бок, чуть не рядом» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66).

26. БЛОК — ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

21 VII 1919. «Петроград»

Да, «века прошли», дорогой Разумник Васильевич. Не раз я думал о Вас и собирался съездить к Вам, или хоть зайти в отдел ¹, когда Вы там бываете. Сделаю то или другое, когда стих найдет. Завтр «а» с утра начинается работа в театре (надо говорить «вступит «ельное» слово» актерам) ², а днем, в 3 часа, — во «Всемирной» Литературе» ³, потому на Ваше чтение не придется понасть. — Я за это время и сильно падал духом, и опять укреплялся. Пока стараюсь пользоваться всем, чтобы набирать как можно больше солнца к предстоящей зиме. До свидания. Любящий Вас

Ал. Блок

Вероятно, Вы заходили, когда в квартире не было никого, что часто бывает. Жаль, что Вы не зашли двумя этажами ниже — в кв. 23. Имейте в виду в будущем, что там живет моя мать, которая всегда Вам будет рада.

Ответ на п. 25.

¹ Петроградское отделение ТЕО Наркомпроса.

² Ср. запись Блока от 21 июля 1919 г.: «Ночью пишу обращение к актерам <...>» (ЗК, 467). «Обращение» — «К постановке пьесы «Рванный плащ»» (VI, 356—358), прочитанное актерам Большого драматического театра. Блок с 26 апреля 1919 г. был председателем режиссерского управления этого театра. См. также запись Блока от 22 июля (ЗК, 467—468).

³ В издательстве «Всемирная литература» Блок состоял членом редакционной коллегии экспертов и был главным редактором отдела немецкой литературы.

27. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

5 августа 1919. «Петроград»

Дорогой Александр Александрович,

подательница этого письма, служащая в нашей Научно-Теоретической Секции ¹, просит меня, чтобы я попросил Вас — принять и выслушать ее по делу о желании ее (Ксении Генриховны Гизетти) поступить в Драматический Театр. Что и исполняю ².

Когда увидимся? Иногда чувствую очень, что надо повидаться, и все не удается. А право, очень соскучился без Вас.

Обнимаю Вас сердечно.

Ваш Раз. Иванов

¹ Научно-теоретическая секция ТЕО Наркомпроса.

² На письме — помета Блока: «Послал ее к Гришину. 12 VIII». Александр Ильич Гришин — драматический артист, управляющий труппой Большого драматического театра.

28. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

26/IX 1919. «Детское Село»

Дорогой Александр Александрович, —

получили ли мою открытку? ¹ Если нет, то в двух словах повторю, в чем дело: Николаю «Сириинскому» очень нужно получить место, и я за него очень прошу Вас о содействии. Он человек верный и деятельный, на любом месте будет полезен ².

Это — одно; Вы сговоритесь с ним сами. Второе — о Борисе Николаевиче, который в Москве находится в тисках и о котором надо бы подумать ³. Не подумаете ли до нашей встречи?

А третье — в начале октября состоится открытие «разрешенной» Вольной Философской Ассоциации⁴. Год хлопот и неудач! Посмотрим. Но во всяком случае — хорошо бы нам повидаться. Черкните мне хотя бы открыткой — когда побывать мне у Вас? Мне удобно в среду или пятницу от 10 1/2 утра до 1 ч. дня; удобно ли это Вам? Напишите. Очень хочется видеть Вас, независимо от всяких дел⁵.

Обнимаю сердечно.

Ваш Разумник И в а н о в

¹ Открытка от 24 сентября 1919 г.

² Имеется в виду Николай Алексеев, бывший служащий издательства «Сирин». В открытке от 24 сентября 1919 г. Иванов-Разумник писал Блоку: «А вот Николая Сирина я рекомендую по-настоящему. Вы его знаете: человек дельный и верный, очень нуждается в месте. Нельзя ли устроить ему таковое? — при театре, при «Всемирной литературе», где возможно». Блок и до ходатайства Иванова-Разумника принимал участие в судьбе Н. Алексеева. 8 мая 1919 г. он записал: «Николай Алексеев (сиринский) приходил просить работы» (ЗК, 459); 18 мая: «Письмо Николаю Алексееву («Сирин») и П. Крючкову о нем» (ЗК, 460; П. П. Крючков — секретарь М. Горького).

³ В письме от 26 августа 1919 г. Андрей Белый подробно рассказал Иванову-Разумнику о своих многочисленных деловых и бытовых неурядицах за последние месяцы жизни в Москве (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 10).

⁴ Вероятно, письмо написано непосредственно после получения разрешения на учреждение Вольной философской ассоциации (предварительное название — Вольная философская академия); в открытке Блоку от 24 сентября Иванов-Разумник об этом еще не упоминает. За месяц до этого, 23 августа 1919 г., Иванов-Разумник писал Андрею Белому: ««Вольная философская академия» во всяком случае не осуществится: кому-то надо было нагромоздить много пней на дороге» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66). Видимо, в октябре 1919 г. Иванов-Разумник договорился с Блоком о том, что тот начнет деятельность ассоциации своим докладом. На первом заседании совета ассоциации 7 ноября 1919 г. (присутствовали Иванов-Разумник, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, К. Эрберг, секретарь В. В. Бакрылов) постановили: считать Вольную философскую ассоциацию существующей с 1 ноября 1919 г., «назначить 16 ноября открытое заседание, где А. А. Блок прочтет доклад на тему «Гибель гуманизма» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 1).

⁵ Ближайшая после этого письма встреча Иванова-Разумника и Блока состоялась 13 октября: «Свидание с Р. В. Ивановым и Сюннербергом у Алянского» (ЗК, 478). 15 октября Иванов-Разумник писал Андрею Белому: «Вы и Ал. Ал. Блок — единственные друзья, с которыми хочется говорить, хочется видаться, хоть помолчать вместе. Его я не видел полгода — и повидал случайно вчера; все тот же он; зная, что я сегодня напишу Вам, просил обнять Вас заочно» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66).

29. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

15/III 1920. «Детское Село»

Дорогой Александр Александрович,

дела и дни так закрутили меня, что вот уже месяца два тщетно пробую побывать у Вас, — а очень хотелось. И буду — приду и засяду у Вас вплотную, часа на три-четыре. А пока — как хорошо было бы, если б мы могли увидеться *в воскресенье*: с 2-х ч часов будет большое собрание нашей общей «Вольфилы» (на тему — «Беседа о пролетарской культуре»), и Вы — среди очень ожидаемых кратких докладчиков. Среди них, — о чудо! — согласился быть и М. Горький. Попробуем же не разъединяться, а соединиться. . . Приходите!¹ А после Вольфилы — я весь вечер у Бор<иса> Ник<олаевича>, в «Доме Искусств»² — и даже ночую у него. Что, если бы и Вы остались на вечер!

Много хочу рассказать Вам о «Вольфиле», — она крепко живет, подлинное, жизненное дело и действие. Если бы и Вы крепче вошли в него!

Сердечно обнимаю — и до скорой встречи.

Ваш Раз. И в а н о в

¹ 7 марта 1920 г. на заседании совета Вольной философской ассоциации было принято решение посвятить 21 марта очередное, 19-е открытое заседание беседе о пролетарской культуре и привлечь к участию в беседе Андрея Белого, А. А. Блока, П. П. Гайдебурова, М. Горького, Иванова-Разумника, А. С. Лурье, А. А. Мейера, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 13, л. 6 об.).

Блок и М. Горький в заседании не участвовали. В письме к Горькому от 19 марта 1920 г. Андрей Белый напоминал о его «любезном согласии принять участие в прениях и беседе на тему «О пролетарской культуре». После заседания 21 марта Белый вновь писал Горькому: «... ввиду того, что Вы обещали любезно принять участие в диспуте о пролетарск<ой> культуре, уведомляю Вас, а также передаю просьбу Совета Вольн<ой> фил<ософской> ассоциации, чтобы Вы приняли участие в продолжении беседы 4 апреля: беседа продолжена ввиду неисчерпанного списка ораторов и по просьбе ораторов и по просьбе собравшихся. Воскресенье, 4 апреля беседа будет иметь место в «Паллас—Театре» (Италианская, 13) в 3 ч. дня. Мы были бы очень рады и было бы очень важно выслушать Ваше слово. Присоединяю и свою личную просьбу к просьбе Совета» (письма цитируются по копиям, снятым Р. Я. Пивес, — ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 52, л. 42). Стенограмма «Беседы о пролетарской культуре» сохранилась (в неполном виде) в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 2, 50 л.). Выступления Иванова-Разумника и Андрея Белого легли в основу их статей (первого — «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация», второго — «Прыжок в царство свободы»), напечатанных в журнале «Знамя» (1920, № 5 (7), стлб. 37—48). Подробнее см. в нашем обзоре «Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме» («Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год». Л., 1980, с. 41—43).

² Во время своего пребывания в Петрограде в феврале—августе 1920 г. Белый жил в Доме искусств (бывший дом Чичерина на углах набережной Мойки, Невского проспекта и Большой Морской улицы) — пристанище писателей и деятелей искусства первых революционных лет.

30. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

6/V 1920. «Петроград»

Дорогой Александр Александрович, —

Вы завтра едете в Москву¹; большая просьба — передать по адресу содержимое прилагаемого конверта. В нем — статьи для журнала «Знамя», только что вышедший № которого посылаю Вам (найдите его в том же конверте). Не откажите москвичам в сотрудничестве и дайте им что-нибудь, — хотя бы из старого; быть может — маленький отрывок из «Крушения гуманизма»?²

Как только вернетесь — буду у Вас; так давно мы «вплотную» не видались, что хочется повидаться не мимолетно. Теперь — до скорого свидания; сердечно обнимаю Вас.

Ваш Разумник И в а н о в

¹ Блок выехал в Москву 7 мая 1920 г., где выступал с чтением стихов в Политехническом музее и во Дворце искусств; возвратился в Петроград 19 мая.

² Блок предоставил журналу «Знамя» (орган левых социалистов-революционеров (интернационалистов), издававшийся под редакцией Иванова-Разумника, В. Е. Трутовского, О. Л. Чижикова, И. З. Штейнберга) полный текст статьи «Крушение гуманизма» (см.: «Знамя», 1921, № 7 (9), январь; № 8 (10), март).

31. ИВАНОВ-РАЗУМНИК — БЛОКУ

5—VIII—1921. Царское Село. Колпинская, 20

Дорогой и милый Александр Александрович

на днях только получил я Вашу посылку с греками и римлянами — сердечное спасибо за память и за несколько строк письма (Аристофана возвращаю сегодня Вам обратно с благодарностью)¹. За все время Вашей болезни я почти никогда не звонил к Вам по телефону, чтобы справиться о Вашем здоровье, — думаю, что и без того много беспокоят Вас телефонными звонками. — но все время спрашиваюсь об этом у «Алконоста»² и от него знаю о Вас. Думаю о Вас постоянно, жду Вашего выздоровления, люблю Вас сердечно — и знаю, что Вы это знаете. Если бы случилось, что Вы захотели меня повидать — соберусь к Вам тотчас же, сообщите лишь через тот же «Алконост».

Андрей Белый живет у меня в Царском Селе и ждет вестей об улучшении Вашего здоровья, чтобы написать Вам и побывать у Вас, когда будет можно. — Не хочу писать больше, чтобы не утомлять Вас — и кончаю еще раз благодарностью за милую память обо мне. Не забывайте искренне Вас любящего

Разумника И в а н о в а

¹ Упомянутое письмо Блока к Иванову-Разумнику (одно из последних писем поэта, если не самое последнее) не сохранилось. В записной книжке Блока за 1921 г. под рубрикой «Книги» (видимо, перечень книг, отданных и взятых на прочтение) имеется запись: «Ив (анов)-Раз (умник). — [Герценовский сборник]. Французский Аристофан. [Знамя (с № 3)]» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 366, л. 62 об.; первое и третье названия зачеркнуты Блоком, вероятно, по возвращении книг). «Французский Аристофан» сохранился в библиотеке Блока (ИРЛИ): *Aristophanes. Traduction nouvelle avec une introduction et des notes par C. Royard. 9-me éd. Paris, Nacheite et c-ie, 1892* (шифр: 94 1/95). Это издание было нужно Иванову-Разумнику, по-видимому, для работы над переводом комедии Аристофана «Плутос», изданным под псевдонимом «Вл. Холмский» (*Аристофан. Богатство (Плутос). Комедия. Перевел размером подлинника Вл. Холмский. Л., «Колос», 1924*). Упомянутая Ивановым-Разумником «посылка с греками и римлянами» — книги из библиотеки Блока, подаренные ему владельцем. В архиве Иванова-Разумника сохранились 4 таких книги: 1) *C. Sallustii Crispi. Orega. Halis Saxonum, 1824* (автограф на форзаце: «A. Block. Reval. 19 31/XII 09»; «Подарено в июле 1921 г. Р. Иванов»); 2) *Dr. Eduard Munk. Die Metrik der Griechen und Römer. Ein Handbuch für Schulen und zum Selbststudium. Glogau — Leipzig, 1834* (автограф на форзаце: «Al. Block. 31 XII 19 09. Reval»); 3) «Ausgewählte Komödien des P. Terentius Afer. Zur Einführung in die Lektüre der altlateinischen Lustspiele, erklärt von Karl Dziatzko. Zweites Bändchen: Adelphoe. Bearbeitet von Dr. Robert Kauer». Leipzig, 1903 (автограф на форзаце: «Книга Ал. Блока. Подарена в июле 1921 г. Р. Иванов»); 4) «Les auteurs latins expliqués d'après une méthode nouvelle par deux traductions françaises. <...> Phèdre». Paris, 1862 (автографы на форзаце: «Александр Блок. 1904»; «Подарено в июле 1921 г. Р. Ив (анов)»).

² Т. е. у основателя и руководителя издательства «Алконост» Самуила Мироновича Алянского (1891—1974), постоянно навещавшего Блока в последние недели его жизни (см.: С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 146—155).

СОДЕРЖАНИЕ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА БЛОКА

ПЕРЕПИСКА С А. А. И С. М. ГОРОДЕЦКИМИ	
Вступительная статья и публикация В. П. Енишерлова. Комментарии В. П. Енишерлова и Р. Д. Тимен- чика	5
ПЕРЕПИСКА С А. М. РЕМИЗОВЫМ (1905—1920)	
Вступительная статья З. Г. Минц. Публикация и комментарии А. П. Юловой	63
<i>Приложение I.</i> НАДПИСИ РЕМИЗОВА НА КНИГАХ, ПОДАРЕН- НЫХ БЛОКУ	127
<i>Приложение II.</i> ВОСПОМИНАНИЯ А. М. РЕМИЗОВА О БЛОКЕ. Публикация Н. А. Кайдаловой и Н. Н. Примоч- киной	129
ПИСЬМА М. А. КУЗМИНА К БЛОКУ И ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА М. А. КУЗМИНА	
Предисловие, публикация и комментарии К. Н. Суворовой	143
ПЕРЕПИСКА С ВЛ. ПЯСТОМ	
Вступительная статья, публикация и комментарии З. Г. Минц	175
ПИСЬМО БЛОКА К Р. С. ЕЛЬЦИНОЙ О Н. А. КЛЮЕВЕ	
Публикация Н. В. Ельциной и А. И. Клибанова	229
ПИСЬМА БЛОКА К К. И. ЧУКОВСКОМУ И ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА К. И. ЧУКОВСКОГО	
Вступительная статья, публикация и комментарии Е. Ц. Чу- ковской	232
ПИСЬМА ЭЛЛИСА К БЛОКУ (1907)	
Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Ла- рова	273
ПИСЬМА Н. В. НЕДОБРОВО К БЛОКУ	
Предисловие, публикация и комментарии М. М. Кралина	292
ПИСЬМА БЛОКА К Е. В. СПЕКТОРСКОМУ	
Вступительная статья, публикация и комментарии С. Б. Шоло- мовой	297
ПЕРЕПИСКА БЛОКА С Б. А. САДОВСКИМ	
Предисловие, публикация и комментарии В. П. Коршуновой	309
ПИСЬМА ВАЛЕНТИНА КРИВИЧА К БЛОКУ	
Предисловие, публикация и комментарии Р. Д. Тименчика	315
ПИСЬМА БЛОКА К Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН И ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН О БЛОКЕ (1913—1921)	
Вступительная статья, публикация и комментарии Л. К. Кува- новой	324
ПЕРЕПИСКА С Р. В. ИВАНОВЫМ-РАЗУМНИКОМ	
Вступительная статья, публикация и комментарии А. В. Ла- рова	366

В первой и второй книгах 145 иллюстраций.

Литературное наследство

Том 92

**АЛЕКСАНДР БЛОК.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ**

Книга вторая

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР*

Редакторы издательства
В. Ч. Воровская, Г. А. Гудимова
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *Л. И. Кириллова, Е. В. Шевченко*

ИБ № 18022

Сдано в набор 6.08.80
Подписано к печати 22.01.81
А-06709. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 36,4. Уч.-изд. л. 43.
Тираж 30 000 экз. Тип. вак. 1691
Цена 5 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

5 р. 70 к.

